

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

16+

№ 16-17

ПЕРМЬ 2015

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

ПЕРМЬ 2015

УДК 882 (059)
ББК 84(2Рос–Рус) 6я53
Л 55

**Альманах «Литературная Пермь» издаётся
Пермской краевой общественной организацией
Союза писателей России при поддержке Министерства культуры,
молодёжной политики и массовых коммуникаций
Пермского края**

**Электронная версия альманаха писателей Пермского края
«Литературная Пермь» подготовлена при поддержке
Министерства культуры, молодёжной политики и массовых
коммуникаций Пермского края (www.mk.permkrai.ru)
в рамках проекта «Пермская библиотека» (www.kulturaperm.ru)**

Редакционная коллегия:
Главный редактор — В. В. Якушев
Отдел поэзии — А. Г. Гребнев
Отдел прозы — В. А. Богомолов
Отдел публицистики — В. Ф. Гладышев
Отдел детской литературы — А. С. Зеленин

На обложке и шмуцтитule «Разночтения» — «МОЯ СВАДЬБА», 1985 г., двп, масло, 103х90 — работа члена Союза художников России, художника-фронтовика Ивана СЫКУЛЕВА.

На шмуцтитule части 1 — «КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРОСПЕКТ» из серии «Пермь — наш город», 1966 г., бумага, акварель — фрагмент работы члена Союза художников России, художника-фронтовика Николая МОЖАРСКОГО.

На шмуцтитule части 2 — «ЗЕМЛЯ СТРОГАНОВЫХ», 1989 г., холст, масло, 96х120 — работа члена Союза художников России, художника-фронтовика Анатолия ТУМБАСОВА.

На шмуцтитule части 3 — «АЗОТНО-ТУКОВЫЙ ЗАВОД, Г. БЕРЕЗНИКИ», 1973 г., бумага, акварель, 47х62 — работа члена Союза художников России, художника-фронтовика Афанасия ТРАПЕЗНИКОВА.

На шмуцтитule «Пермская Бука» — «ПЕРМСКАЯ БУКА», 2011 г., папье-маше — работа художника Марины ВИТМАНОВСКОЙ.

На шмуцтитule «Парнас без границ» — «НЕ ЗАБИВАЙТЕ СЕБЕ ГОЛОВУ», 2007 г., сталь, сварка, бумага — работа члена Союза художников России Рустама ИСМАГИЛОВА.

© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь ТЮЛЕНЕВ. ВАЛЕНТИН РАСПУТИН. Стихотворение	6
Владимир ЯКУШЕВ. СКАЗКА О ДВЕНАДЦАТИ МЕСЯЦАХ	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

ЗЕМЛЯ

Глеб БОБРОВ. СТАЛИНГРАД ПОД САНЖАРОВКОЙ. Очерк	20
Андрей ЧЕРНОВ. ЛУГАНСКОЕ ЛЕТО–2014. Дневниковые записи	24

ПРОЗА

ЗЕМЛЯ

Нина БОЙКО. Л.О.О. Рассказы	74

ЗЕМЛЯ. EX LIBRIS

Владимир КРУПИН. МОРЕ ЖИТЕЙСКОЕ. Записи малых размеров (начальный отрывок)	100
Виталий БОГОМОЛОВ. БЕСПОКОЙНОЕ. Из записных книжек провинциального писателя (отрывок)	135

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Наталия СОВА. СТРЕМЛЕНИЕ. Рассказ	149

ПОЭЗИЯ

ЗЕМЛЯ

Игорь ТЮЛЕНЕВ. ДЕТИ НОВОРОССИИ. Стихи	10
Анатолий ГРЕБНЕВ. КОГДА ЖЕ ЭТА БОЛЬ ОТХЛЫНЕТ... Стихи	66
Валентина ТЕЛЕГИНА. ИМЕНА ПТИЦ. Стихи	89
Александр ГРЕБЁНКИН. ПЛАЧЕТ В РОЩЕ СОЛОВУШКА. Стихи	142
Владимир БАЛАШОВ. СКВОЗЬ БОЛЬ. Стихи	146

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

Николай ПОЛОТНЯНКО. ОТЦЫ, ЧТО НА ВОЙНУ УШЛИ... Стихи	97
Фёдор ВОСТРИКОВ. СНАЙПЕР ШУРА. Стихи	98

НЕБО

Светлана СЫРНЕВА. ЦЕРКОВНЫЙ ХОР. Стихи	69

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОЗА

ЗЕМЛЯ

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

Андрей ЗЕЛЕНИН. НЕМКА. Рассказ	152
Николай БАШМАКОВ. ЗАПУТАВШИЙ ОРДЕН. Рассказ	161
Александр АБДУЛАЕВ. ПЕРЕВЁРНУТОЕ НЕБО. Рассказ	171
Марат БУЛАНОВ. БАЙКАЛ И ДЕЯ. Из жизни вилюйских собак. Повесть	189
Александр ЛЕБЕДИНСКИЙ. ПТИЧКА МОЯ, МАМОЧКА... Рассказ	213

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Илья ДОМНИН. ДАВЛЕНИЕ НЕВАЖНОЕ. Рассказы	231
Лев АВИЛКИН. НАШ «НЕФТЕРУДОВОЗ-9». Рассказы	235

ПОЭЗИЯ

ЗЕМЛЯ

Валентина ШАРКО. ДОРОГИ СУДЬБЫ... Стихи	168
Валерий ЗЛОБИН. РЕКА СУДЬБЫ. Стихи	170
Алексей МАЛЫЦЕВ. ЭТА ОСЕНЬ В ПЕРМИ — КАК БЛАЖЕНСТВО. Стихи	183
Елена ЗУБКОВА. ТРОПИНКА ДЕТСТВА. Стихи	210
Михаил ДАВИДОВ. УТРЕННИЙ ПОЕЗД. Стихи	221
Наталия ГУМЕРОВА. ВЕТЕР ПЕРЕМЕН. Стихи	224

ВРЕМЯ

Николай ГЛУМОВ. ИДИТЕ, ОЛИГАРХИ, ПРОЧЬ! Стихи	208

РАЗНОЧТЕНИЯ

ПРОЗА

Геннадий ВЕРШИНИН. КРАСНОПЁРЫЙ. Рассказ	249
Борис БАСАЛГИН. НЕУДАЧА ВЕДЬМЫ. Рассказ	255

ПОЭЗИЯ

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

Ольга КИРДЕЙ. ЕЩЁ РАЗ О ВОЙНЕ. Стихи	242
Владимир ПАНТЕЛЕЕВ. ЛЕГЕНДА. Отрывок из поэмы «Война!»	244
Карина ИБРАГИМОВА. ЗАКАТЫТСЯ И ВОЗВРАТЯТСЯ СОЛНЦА. Стихи	247
Сергей МИХАЙЛОВ. ОБРАГИ. Стихи	253

ПЕРМСКАЯ БУКА

ПРОЗА

Леонид КОПКО. МОЙ ДАЧНЫЙ ДРУГ. Сказка	258
Андрей ЗЕЛЕНИН. ЗАЯЧЬИ СКАЗКИ	271
Алексей и Матвей КРЮКОВЫ. КАК КОШЕЙ ДОБРЫМ БЫЛ. Сказка	275
Вера БАШКЕЕВА. ВОТ ТАКАЯ ВОТ ЛЮБОВЬ. Рассказ	276
Дарья ШИЛОВА, Андрей ЗЕЛЕНИН. ВАСЯ-СТАТУЯ. Из цикла рассказов «Родной мой Васька-2»	277
Дарья СМИРНОВА. АВТОРУЧКА. Миниатюры	288
Пётр ЛИСКОВ. ТЫ УЖ ПОТЕРПИ. Глава из рукописи «Исповедь чародея»	302

ДРАМАТУРГИЯ

Андрей ЗЕЛЕНИН. КРАСНАЯ ШАПОЧКА, или ЗАБЫТЫЙ ВАРИАНТ ИЗВЕСТНОЙ СКАЗКИ БРАТЬЕВ ГРИММ. Пьеса в одном быстром действии	289
Павел ЧЕРЕПАНОВ. ЗДРАВСТВУЙ, ЛЁХА... Отрывок из пьесы	298

ПОЭЗИЯ

Светлана ВАСИЛЬЕВА. НЕ ШУМИТЕ. Стихи	278
Наталия ШУКИНА. БАБУШКА. Стихи	280
Валерия ШАРАПОВА. Я ТОГДА БЫ... Стихи	281
Владимир ВИНИЧЕНКО. ПРИКАЗ ДОЖДЮ. Стихи	283

ПАРНАС БЕЗ ГРАНИЦ

ПОЭЗИЯ

Игорь ТЮЛЕНЕВ. МЕЖДУ «ДОЖДЁМ» И «ЭХОМ ИЗ МОСКВЫ». Стихи	316
Валентина ТЕЛЕГИНА. ГОВОРЮ ПРИ ВСЁМ НАРОДЕ. Стихи	317
Николай ГЛУМОВ. СОВЕТСКИЙ ДВОРНИК. Стихи	319
Владимир ЯКУШЕВ. ПАРЕНЬ С УРАЛА. Стихи	320

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРОЗА

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

К 80-летию Пермской краевой организации Союза писателей России

Алексей ДУБРОВИН. ЗАДУМЧИВЫЙ ПАССАЖИР. Рассказ	322

ПОЭЗИЯ

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

К 80-летию Пермской краевой организации Союза писателей России

Фёдор ВОСТРИКОВ. С ХЛЕБОДАРОМ В ЕДИНОМ СТРОЮ... Стихи	326

КРИТИКА

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

К 80-летию Пермской краевой организации Союза писателей России

Иван ГУРИН. «НЕ БОЯТЬСЯ ПРАВДЫ». Из повести-эссе «Сокровенное»	338
СЫН ЗАВОЛЖЬЯ И РОССИИ. Из повести-эссе «Сокровенное»	350

К 110-летию со дня рождения В. Ф. Пановой

Нина ЗАМОРИНА. «Я ПРОСЫПАЮСЬ ВСЁ ГЛУБЖЕ». Эссе	369

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

ЗЕМЛЯ

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

Елена РОЖДЕСТВЕНСКАЯ. ДНИ ВОЙНЫ СТОЯТ У МЕНЯ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ. Миниатюры	380
Владимир ПАНТЕЛЕЕВ. НЕЗАБЫВАЕМОЕ ПРОШЛОЕ. Воспоминания	391
Елизавета МИШАРИНА (ШУСТИКОВА). ВОСПОМИНАНИЯ ТРУЖЕНИЦЫ ТЫЛА (19 февраля 2015 года)	393

ЗЕМЛЯ. EX LIBRIS

Галина ЧУДИНОВА. ТАЙНЫ СОЛЯНЫХ ТОЛЩ, или НЕРАВНЫЙ БОЙ ЗА ОТКРЫТИЯ. Глава двенадцатая из книги «Чудиновы. Хроника обретений и утрат одного рода»	396

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Наталья КАЛИКИНА. ЗАГАДКА НАЗВАНИЯ, или КТО ТАКОЙ БЁРБАНК? Статья	410

ЗЕМЛЯ

Василий КОЛБИН. НОЧНЫЕ СТРАХИ. Рассказ	412

Валентин Григорьевич
РАСПУТИН
(15 марта 1937 г.,
село Усть-Уда, Восточно-
Сибирская область —
14 марта 2015 г.,
Москва)

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Вы написали: «Русь отчалила,
Мы на пустынном берегу...»
Нет, мы цепляемся отчаянно
Или бросаем острогу!

Чтоб зацепить, чтоб подтянуться,
Чтоб не уплыла никуда,
Чтоб никакая «революция»
Не надругалась, как тогда.

В Москве воняют псиной нелюди.
Посольства вражие шустрят.
Как листья, сзади или спереди
Опять доносы шелестят.

Никто их нынче не читает,
И не считается никто.
Стоит Россия, чуть качается.
Ржёт либерал, как «конь в пальто».

Не Братство, Равенство, Свобода
Нас окрыляли в те года —
Вы были языком народа,
Им и остались навсегда!

Игорь ТЮЛЕНЕВ

Владимир ЯКУШЕВ

СКАЗКА О ДВЕНАДЦАТИ МЕСЯЦАХ

Речь идёт, конечно же, не о двенадцати сказочных братьях, каждый из которых справлялся со своим делом на удивление хорошо и вместе у них складывался такой замечательный год, какой, наверное, бывает только в сказке. Речь идёт о нынешнем годе, на него выпало так много знаменательных дат! Смысл которых не в том, чтобы их отметить, а в том, чтобы ответить за нынешнее состояние дел перед прошлым. Тем более что этот год — Год литературы в Российской Федерации. Каким складывается он для пермских писателей? Которых, разумеется, несколько больше двенадцати, но которых тоже вполне можно назвать братьями по творческому цеху.

Вот и при подготовке нынешнего номера альманаха (упомяну в продолжение темы о датах) Алексей Александрович Дубровин, писатель, много сил отдающий общественной литературной работе, рассказал мне ещё об одном знаменательном совпадении, юбилее, оказавшемся в тени более значимых событий. И даже изложил суть дела в докладной записке, с благодарностью её привожу: «Говоря о датах 2015 года, важно отметить, что серьёзной вехой в консолидации пермских писателей явилось издание в 1940 году альманаха “Прикамье”. На его страницах печатались произведения авторов уже известных, имевших за плечами собственные сборники, и совсем молодых, только недавно вступивших на литературную стезю. В первом номере сборника, например, был опубликован отрывок из повести знакового уральского читателю публициста и поэта А. Н. Спешилова “Бурлаки”, стихи В. Занадворова. В этом же номере была напечатана повесть менее известного Г. Коновалова “Калмышский брод”. На страницах альманаха можно было ознакомиться со стихами молодых поэтов А. Бычкова, Н. Сланикова и других. Начинающие пермские и коми-пермяцкие поэты и писатели публиковались в литературном “Прикамье” едва ли не чаще маститых авторов, что вело к сплочению писательской организации и её творческому росту в целом. В годы Великой Отечественной войны страницы альманаха предоставили эвакуированным в Молотов (Пермь) литераторам из Москвы и Ленинграда. Здесь печаталась приехавшая из Украины Вера Панова. Местные писатели, что называется, снимали шляпу — гостям всё лучшее. Благородство пермяков не было забыто, и после окончания войны москвичи и ленинградцы не раз вспоминали принявшую их пермскую братию добрым словом. С 1950 года сборник прозы и поэзии “Прикамье” приобрёл статус издания Пермского отделения СП СССР и превратился в подлинную трибуну для оттачивания мастерства пермскими и коми-пермяцкими пахарями литературной нивы. Даровитое руководство организацией, отеческая чуткость наставников и возможности печатного издания способствовали дальнейшему развитию литературного творчества в Пермской области. С 1960 года альманах перестал издаваться, но за двадцать лет своего существования он сыграл важнейшую роль в становлении пермской литературы. Минули годы... И сама жизнь позвала восстановить печатное издание. В “Литературном Прикамье” восьмидесятых мы встретим произведения В. Воробьёва, Л. Давыдычева, Н. Кинёва,

В. Соколовского, Ю. Беликова, стихи Н. Домовитова, А. Решетова, В. Радкевича, В. Возженникова, А. Гребнева, Ф. Вострикова, И. Тюленева и многих других. Современный сборник прозы и поэзии «Литературная Пермь» является преемником лучших традиций альманаха «Прикамье», и сегодня можно говорить ещё об одной дате — о 75-летию прославленного литературного издания Пермского края.

Работы публичной писателям в Год литературы заметно прибавилось. В трудовых коллективах, школах, клубах, библиотеках. В сёлах, деревнях, городах... Но вызвано это не только импульсом общественного внимания. Нет, во многом современные литературные произведения оказались в эпицентре бушующих событий. Темами, содержанием, идейной направленностью, своей философией, наконец отвечающими на нынешние горе, боль и радость. Подвиги и предательство. Правду и ложь. Доброту и ненависть:

*...Чем же ты раньше свой путь размечал,
чем несущественным был озабочен,
если не помнил, не различал
скопом стоящих у грязных обочин?!
Светлана Сырнева**

Но все ли очень важные книги дойдут до читателей? Да, удалось выпустить к 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне книги «И снова про войну» Андрея Зеленина, «Звонница» Алексея Дубровина. Это всё благодаря проекту «Пермская библиотека». Также, посмотрите, издаётся наш альманах, правда, возможности проекта на этот год исчерпаны... Но остаётся неизданной книга «Жизнь такая короткая» замечательного прозаика Виталия Богомолова, а ведь эта книга также рассказывает о нашей великой народной победе. К 80-летию Пермской писательской организации подготовил повесть-эссе «Сокровенное» Иван Гурин. Книга проникнута любовью к людям, родному краю; автор рассказывает о дорогих ему встречах, знакомстве, дружбе с пермскими писателями, что случилось на протяжении десятков лет! Выйдет ли книга? Как знать... А как бы хотелось увидеть её! Дать пермякам это удивительное произведение! В этом же ряду можно упомянуть о десятках книг разных авторов, сколь талантливых, столь и необходимых! Да, говорил некто, не к слову будь помянут, страшным басом, что рукописи не горят, но, насколько я помню, в бессмертном романе они и не издаются! Ужели это так?! Как хочется надеяться, что нет, что Год литературы хоть в этом плане не останется в нашей памяти сказкой о двенадцати месяцах...

В нынешнем альманахе даже рубрика у нас такая появилась — EX LIBRIS, говорящая о книгах готовых, но неизданных. Давайте пожелаем, чтобы в следующих выпусках эта рубрика исчезла!

* См. стр. 72 настоящего альманаха.

Часть 1

Игорь ТЮЛЕНЕВ

ДЕТИ НОВОРОССИИ

ДЕТИ НОВОРОССИИ

День кровит, как щека от пореза,
Укры прут на Луганск и Донецк...
Грохот из чугуна и железа!
В небе слышен летающий треск.

Пролетают над крышей «Апачи»,
Обнажая ракеты-кlyки.
Снова дитяtko чьё-то заплачет,
Ибо ангелы смерти близки!

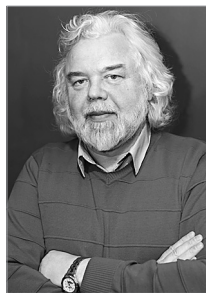
Что ж приделал ты, мистер Сикорский,
К мясорубке военной винты?
Посмотри, как жлобы по-ковбойски
Русь расстреливают с высоты...

Плачут дети, а как им не плакать,
Если рядом родителей нет...
Новороссия — русская плаха!
Где любой поскользнётся поэт.

Но любовь лишь любовь отражает
И не ставит поэту в вину,
Что тончайшее облако тает,
По которому к Богу бреду...

По-другому войны не бывает
Даже свет от светила просел
И луна, как баркас, проплывает
По кровавой от горя росе.

Словно тени, мелькнут мародёры,
Обобрав стариков и старух.
Но в двустволке Отчизны патроны
Вышибут из грабителей дух.

Игорь Николаевич ТЮЛЕНЕВ родился 31 мая 1953 года в посёлке Новоильинском ныне Нытвенского района Пермского края. Окончил Пермский строительный техникум (1973), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (1991). Первый поэтический сборник вышел в 1983 году в городе Москве: «Братина». Публиковался в Бельгии, Болгарии, Канаде, Польше, России, Франции. Автор двух десятков поэтических сборников. Член Союза писателей СССР/ России (1989). Секретарь Правления Союза писателей России (2003). Лауреат различных литературных премий, в т. ч. международных. Кавалер ордена Ф. Достоевского I степени (2012), других общественных наград. Живёт в городе Перми.

Из Донецка на Запад сбежала
 Вся мажорная шелупонь.
 Им же доллары слаще, чем сало,
 И под гвоздь не подходит ладонь.

Я не знаю, кто будет в раю,
 Но в аду они будут уж точно,
 Потому что Отчизну свою
 Предали, убегая по-волчьи.

Снова жизнь раскололась от треска —
 Кто забыл в небесах «билиард»?
 Может, это был выдумщик Тесла?..
 С нами четников-сербов отряд.

Мозг у Киева Штатами выпит,
 Оселедец со лба состриги!
 Окунуть бы вас по уши в Припять,
 Чтобы стронций прочистил мозги.

Лётчик сбит — его, словно собаку,
 По Донбассу солдаты ведут.
 И ржавеют трезубцы — зла знаки,
 Что позднее под рёбра воткнут...

Все на фронт! На священную битву!
 Нету зверя фашиста страшней.
 Превращён Киев в церковь свиней —
 Их не выбить одной лишь молитвой.

Станет грустно и очень печально —
 Так, что жмётся к сандалиям кот.
 Отражает картину глобально
 Чудо детства — ковёр-самолёт.

— Улететь бы... — подумают дети, —
 Прямо к русской России скорей...
 Может, чудо и есть на планете,
 Но пока не для русских детей.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Убогий и скорбный на вид,
 Без пышных одежд и злачёных,
 Не будет царём, как Давид,
 Плодить фарисеев учёных.

Он всходит на гору Фавор,
 И трое восходят по следу.
 Он облак объял, как шатёр,
 И радость пронзила планету.

Дела твои, Боже, чудны!
Из облака вышел Светилом!
Как можно достичь белизны,
Не прибегая к белилам?

Лицо превращается в Свет.
Преображенье Господне.
Его среди нас уже нет...
Среди нас Христа нет сегодня!

Отныне Он в наших сердцах,
Что верят Христу безгранично.
И Слово цветёт на устах
И мир украшает привычно.

Господь нам родней, чем родной,
Пусть наши враги измельчатся!
И люди от славы земной
Отныне к небесной стремятся.

К ПОЯСУ БОГОРОДИЦЫ

В храм тянется толпа народа,
Над ними — облака в платках.
Хотя не Пётр стоит у входа
С дубинкою и сапогах.

В Москву из славного Афона
Реликвия привезена...
Паломники в кольце ОМОНа,
Не ропщут, как в тот миг Она,

Когда всходил на крест Спаситель,
Земной заканчивая путь...
Смотри, в военной форме зритель,
Как к храму русские идут.

ВНУКУ ИГОРЁШЕ

Не обижайте малышей,
Они воркуют, словно птицы.
Их ангелоподобны лица
В лучах цветных карандашей.

Откроет небо створ зари,
Тепло просыпав из авоськи.
Слова взлетят, как снегири
От лая беззаботной моськи.

Не обижайте Игорька
За то, что Игорьку не спится.
Уж колесом без ободка
Светило катится на спицах.

Он ещё дитяtko, дитя,
Любви свеченье золотое.
Он отвечает вам шутя
На замечание любое.

Ну а пока он слишком мал,
Хотя растёт невероятно!
Но как непостижим Байкал —
Речь ангелов нам непонятна.

НА РОДИНЕ

Кубок полон! Жизнь — малина!
Пусть осталось четверть дня...
Вместо Саскии Ирина
На коленях у меня.

Наконец с тобою вместе
Станем пить и песни петь!
Божий Сын уже Воскресе,
И Его не тронут впредь.

Ни пилаты, ни иуды,
Ни гнилой Европы дым.
Атеисты-шалопуты
Пусть глотают аспирин.

Мы же выпьем саперави,
Позабывтое вино.
Нынче мы здесь балом правим
И в сельпо берём его.

КОБРА

Ты лежишь красивая, как кобра,
Юная священная змея.
Словно сердце раздвигает рёбра —
Так глаголы рвутся из меня.

Только не рассказывай об этом —
Твои губы пухлые чисты.
Видишь, как томятся под запретом
В лоне вод деревья и кусты.

А тогда у речки Монастырки
Я сказал: — Любовью напои!
Я был скромн, тих и не настырен,
Пальчики перебирал твои,

Словно пианист клавиатуру,
Хоть из зала зрители ушли,
Проклиная русскую культуру,
От которой вдруг с ума сошли!

Вот и я с ума сошёл, конечно,
Как при виде кобры майский кот,
Криками разламывая вечность
И пугая питерский народ.

* * *

Тучи, как женские боты,
Мнут на лугах городьбу...
Слышишь, гудят пароходы,
Месяц залез на трубу.

Скоро им в дальних затонах,
Словно солдатам, стоять,
Где во вселенских загонах
Прячется белая рать...

Нынче ко мне не доедешь
Ни по воде, ни по льду.
Слышу над ухом: — Ты бредишь?
Слышу, а встать не могу.

Не потому, что не верю
В тихое счастье своё —
Стерпит ли эту потерю
Бедное сердце моё?

КОМАРОВО

Налево Псков, направо Выборг,
На слух слова звучат ба-со-о-во...
Но у меня всегда есть выбор —
Я выбираю Комарово!

Перед калиткой голый веник,
Которым, если постараться,
Сметёшь поэтов муравейник
Через сосновый лес до станции.

Любая подойдёт погода,
Пока кипит стеклянный чайник.
Велик в любое время года
Поэтов и небес Начальник.

Над ухом тренькает синичка,
Срезает бровь сухая ветка.
Стучится в Питер электричка,
А Муза в дверь стучится редко.

ПОСЕЩЕНИЕ ВЫСТАВКИ КАРАВАДЖО В ПУШКИНСКОМ МУЗЕЕ

Ах, Караваджо! Караваджо!
Когда б я так же мог в словах
Отобразить, что сердцу важно,
Что зреет в золотых умах...

Как ты, разбойник, на дуэлях,
Разить подонков и врагов!
Кричать: — Мели, твоя неделя! —
У инквизиторских столбов.

А «мальчик с сочными плодами»?
Ну просто итальянский бес!
Кудрявый, с красными губами,
Как беззаботной жизни срез...

Твой Савл — злодей, убитый Светом, —
Лежит свалившийся с коня.
Вооружён Новым Заветом,
Он встанет Павлом для меня.

Меж небом и землёй святыня —
Холст «Положение во гроб».
Вокруг Христа стоят родные,
К Солнцу Любви склониться чтоб...

Сквозь кожу свет иной сочится,
Космический и неземной...
Мазок на полотно ложится,
Как луч на грудь ложится в зной.

Вот так художник Караваджо,
Как Тохтамыш, пришёл в Москву!
Глядишь... и с ним не хочешь драться.
Готов Москву отдать ему.

* * *

Роши выбежали к насыпи
Рельс послушать перезвон.
Словно золотые россыпи
Света — с четырёх сторон.

Ранней осени ущербность
Красит листья в жёлтый цвет.
«Эту чахленькую местность»
Русский описал поэт.

Сколько бы его другие
Ни пытались обогнать...
Их цветочки полевые
Будут за ноги держать.

* * *

Сентябрь. Бежит с учебниками ранец
По вытоптанной долларом земле...
«В своей стране я словно иностранец», —
Твои слова, Сергей, открылись мне.

Открылись и Рязани, и Союзу.
Я что-то сам стараюсь изменить,
Словно собаку, прогоняю музу —
Пытаюсь русских Родине учить.

Не рыжики солить или волнушки,
А как реке остаться в берегах!
Где даже лошадь говорит по-русски,
Стреноженная в заливных лугах.

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Вот император русских слов,
Науки и литературы!
Гроза дельцов и дураков,
Норманнской клики и халтуры.

«Шумит ручьями лес и дол:
— Победа, русская победа!
Но враг, что от меча ушёл,
Бойся собственного следа».

Так он о турках написал
В стихах на взятие Хотина...
Тот, кто Европу обскакал
Одной саженью исполина!

Не сто, а триста лет прошло.
 Ум русский не забыт богами,
 Что сплавил слово и число.
 Державу просветил трудами.

А вроде бы простой помор?
 Кристалл, спрессованный простором!
 Певец стекла из Холмогор,
 Виновник прусского позора.

Хоть в Марбурге не бичевал,
 Сидел на хлебе и водице.
 Вернулся, немцев разогнал
 Из академии столицы.

Сплясал, перепугавши слуг.
 Сорвал парик, коль сила пышет!
 Господним словом праздник дышит!
 И Петербург! И Петербург!

Чухонский небосвод как дом,
 В котором слышно звёзд бряцанье.
 И смальтой, а не янтарём
 Горит полярное сиянье.

ПЕРМСКИЕ БОГИ

*Голодный огонь христианства
 Пожрал деревянных богов
 Ю. Кузнецов*

Сошлись деревянные боги
 В музее. И встали кружком.
 Пришли они с Камы и Волги,
 Пришли, как пехота, пешком.

Рубежная Русь замутила
 Уральским туземцам глаза.
 В ковше солеварниц смочила
 Калёные стрелы — буза.

Всё ждут деревянные боги,
 Что им, как в лесах Перуну,
 Притащат лосиные ноги
 И кровью измажут губу...

Не зря угро-финские лица
 Подправил крестьянский топор.
 Хотелось к Руси притулиться,
 Крестом раздвигая простор.

Пока деревянные боги
Дремали, храпя за версту.
Гвоздём деревянные ноги
И руки прибили к кресту.

Стоят они в пермском музее
И впредь никуда не уйдут.
Ручьями текут ротозеи
И пальцы под гвозди суют.

«Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов»...
А мы возвратили гражданство!
Вернули из праха веков!

Пускай благодарные дети
В музейный торопятся храм.
Отводят грядущие беды,
Припав к деревянным стопам.

* * *

Плюнуть, что ли, в Днипро...
И. Бродский

Отделилась Украина.
До свидания, хохлы.
На холме горит калина —
Вам без нас тушить, увы...

Сшили новые жупаны,
Свой язык учить вам лень.
Носят в Украине паны
Оселедец набекрень!

Брату старшему вас жалко,
Что сбежали впопыхах.
И теперь вам спать вповалку
Чёрт-те где и чёрт-те как...

Можно плюнуть, как Иосиф,
И о Киев растереть...
Но летят за Днепр стрекозы —
Любо-дорого смотреть.

* * *

Схожу с ума от русской речи,
Взвалив ум с разумом на плечи,
Под мышкой — классиков тома...

Ты гений? — Нет! Ещё не вечер.
Хотя бы чтивом обеспечен.
Скатилась родина с холма.

Хохочет, как хохочут дети,
Когда пускают вверх ракеты,
Не зная, что за солнцем — тьма...

Империи сейчас несладко —
Ты это запиши в тетрадку,
Что демократия — чума!

Глеб БОБРОВ

СТАЛИНГРАД ПОД САНЖАРОВКОЙ.

Очерк

Грузно осев прожжённой, разодранной в клочья литой бронёй в грязный талый снег, некогда грозный Т-64 напоминает сейчас скорее развороченную братскую могилу, нежели боевую машину. Останков экипажа здесь уже нет, но с правой стороны люка оператора-наводчика выгоревшей башни заметны грязные, шелушащиеся под январским солнцем дымчато-чёрные потёки. Я знаю, что это такое. Помню из прошлой жизни. Видел в Афгане.

Это — жир. Сгоревший жир. Человеческий жир. У него ещё есть запах. Он особенный — навсегда въедается в душу и возвращается во снах. Этот запах, знаю, до конца жизни будет преследовать всех тех, кто выжил в Санжаровской мясорубке — битве за высоту 307,9 — одну из ключевых точек в создании Дебальцевского котла. Если попавшие в окружение части ВСУ и наёмников разгромят, а этому есть все предпосылки, то украинская армия потерпит поражение в зимней кампании, которая, скорее всего, станет поражением и в их войне против восставших республик Донбасса. А значит, были не напрасны жертвы бойцов и офицеров отдельного механизированного батальона народной милиции Луганской народной республики (ЛНР), выдюживших под Санжаровкой, отстоявших свой собственный Сталинград.

Высота 307,9 находится на юго-западе от маленького села Санжаровка Артёмовского района Донецкой народной республики (ДНР). Однако сражаются здесь луганчане — отдельный механизированный батальон народной милиции. Неофициально они называют себя «батальон имени Александра Невского». Ещё эту часть называют «батальоном Плотицкого» (часть формировалась под его патронатом, в бытность Игоря Венедиктовича министром обороны ЛНР). Или ещё более коротко — «Батальон “Август”», в честь Августовской иконы Божией Матери — почитаемой иконы Богородицы, написанной в память её явления в 1914 году русским воинам перед Варшавско-Ивангородской операцией, битвой под городом Августов Сувалкской губернии Российской империи (ныне на территории Польши) в годы Первой мировой войны.

Глеб Леонидович БОБРОВ родился 16 сентября 1964 года в городе Красный Луч в семье педагогов. Был призван в ряды Советской армии. Проходил службу снайпером в 860-м отдельном мотострелковом полку 40-й армии в Афганистане (Файзабад, провинция Бадахшан). Награждён медалью Демократической Республики Афганистан «За отвагу». После демобилизации работал преподавателем начальной военной подготовки, художником, менеджером. С 2002 года — журналист. С 1992-го пишет прозу, основанную на его армейском опыте. С 1995 года публикуется в журналах «Подъём», «Звезда», сборнике «Мы из ArtOfWar». В 2007-м издательство «Эксмо» выпустило книгу «Солдатская сага», куда вошла вся «афганская» проза автора. В 2008 году издательством «Яуза-ЭКСМО» был опубликован роман-антиутопия «Эпоха мертворождённых», посвящённый гипотетической гражданской войне на Украине. Роман приобрёл статус культового, вызвал резонанс и по 2014 год выдержал пять переизданий. Награждён серебряной медалью имени В. Шукшина. Член Союза писателей России. Председатель Союза писателей Луганской народной республики. Живёт в Луганске.

Само село наши взяли с ходу и практически без боя. Единственно, откатив от населённого пункта, украинские силовики нанесли по Санжаровке массированный удар со всех имеющихся в наличии артиллерийских систем. Как всегда, пострадали только мирные жители. Прямым попаданием 120-миллиметровой миномётной мины был разрушен дом, девочка-подросток получила тяжёлую черепно-мозговую травму. Ребёнка удалось экстренно эвакуировать. А батальон стал готовиться к штурму господствующей высоты.

На стратегически важной высоте 307,9 Вооружённые силы Украины создали настоящий укрепрайон. Украинские танки «Булат» (модернизированный советский Т-64) стояли в капонирах. Перед высотой на танкоопасных направлениях были созданы накрытые сетями 3Д-танковые ловушки. На самой высоте врытые в землю железнодорожные вагоны, перекрытые в два наката сверху железобетонными плитами и землёй. Отрыта сеть инженерных сооружений полного профиля. Оборона была значительно усилена контингентом польских наёмников. Перед боем комбат с позывным Батя поставил боевую задачу, довёл простым, понятным словом её важность до каждого и... перекрестил бойцов. С Богом!

25 января 2015 года в 6:30 началась артподготовка, которая, к сожалению, мало что дала — слишком серьёзно окопались по ту линию фронта. Наёмники восприняли обстрел буднично, за что впоследствии и поплатились. Первым, скрытно обойдя высоту, около 9:00 на позиции противника вылетел танк Михаила Савчина с позывными Монгол. Один из вражеских экипажей в это время беспечно курил на броне — ведь обстрел же закончился! — за что и был расстрелян в упор. Тем временем остальные танковые взводы с нескольких направлений пошли на штурм высоты. Непосредственно наступлением на поле боя командовал командир танковой роты Александр Карнаухов. Завязался встречный танковый бой. Потеряв несколько единиц бронетехники, противник откатил назад. Наши машины выскочили на высоту 307,9 и буквально стали «закатывать в бетон» деморализованных наёмников. Отошедшие поначалу украинские танки пошли в контратаку. Наши к тому времени практически полностью израсходовали боекомплект. Начали откат. Отход штурмовой группы координировали Александр Карнаухов и командир танкового взвода Дмитрий Роговский. Откатывались уступами, загораживая друг друга. По фронту их прикрывал танк Монгола.

Есть такой закон войны: «Идёшь первым — отходишь последним», при этом в серьёзном бою шансы выжить стремятся к нулю. Первая ракета ПТУРС (противотанковый управляемый ракетный снаряд) ударила танк Савчина в область башни. Спасла динамическая защита, но танк встал. Следом, в другую полусферу, ударил ещё один гранатомётный выстрел. Танк загорелся. Комбат дал приказ покинуть горящую машину. Экипаж приказ не выполнил. Танк продолжал бой, раз за разом, словно тяжёлые дубели, продолжал вколачивать снаряды в наседавшую бронетехнику противника. По радиации слышен был крик Михаила: «Прикрою, мужики! Отходите!» — и далее: «Это вам за Семёновку!..» — и новый грохот танковой пушки. После третьего прямого попадания ПТУРС жирно чадающий Т-64 Монгола запылал вовсю, но... сделал ещё как минимум два прицельных выстрела. Экипаж, сгорая заживо, вёл бой...

Успевшие отойти бойцы батальона не могли сдержать слёз.

Сразу после отхода, по батальону противником был нанесён массированный артудар — раненых прибавилось. На оставленной высоте жарко горели танки. Поле боя, словно траурной пеленой, покрылось чадом пожара.

Итоги боя.

Потери противника: три танка «Буллат» полностью сожжены, несколько танков ВСУ повреждены, однако степень поражения и их ремонтпригодность по понятным причинам установить пока невозможно. Также сожжены две БПМ-2 и два БТР-80. Противник, в основном наёмники, потерял порядка шестидесяти человек 200-ми и 300-ми.

Наши потери: два бойца погибли точно, пятеро раненых (в основном результат артобстрела после боя) и пять человек на сегодня числятся пропавшими без вести (экипажи двух танков). Два танка потеряли непосредственно на высоте (одному механику-водителю удалось вернуться). Две бронемашины попали в замаскированные танковые ловушки, однако без серьёзных повреждений. Среди раненых — герой этого сражения, командовавший наступлением непосредственно на поле боя, Александр Карнаухов. Тяжёлые ранения в обе ноги, угроза ампутации. Врачи не теряют надежды.

Слушая рассказ участников, начинаешь испытывать дежавю — сегодняшний ли это день или рассказ о сражении времён Великой Отечественной? Кто эти былинные мужики, которые заживо сгорая в танке, бились до последнего снаряда? Смотрим: павший смертью храбрых Монгол — командир танкового взвода Михаил Евгеньевич Савчин. Сорокалетний уроженец Луганщины, родом из городка Зимогорье, видимо, в прошлом шахтёр — рассказывать о себе не любил, а теперь уж и не узнать. Тридцатилетний командир танковой роты Александр Карнаухов, шахтёр из Краснодона. Ещё один герой — командир танкового взвода Дмитрий Роговский — 50 лет, шахтёр из Лисичанска. Комбат — пятидесятилетний Александр Костин, в прошлом майор ракетных войск стратегического назначения Советской армии, бывший шахтёр, отец троих детей, перенёсший летом прошлого года два инфаркта подряд. Все батальонные офицеры — жители Луганщины, все шахтёры, взрослые состоявшиеся мужики, вставшие на защиту своего края.

Ну а кто же бьётся с той стороны фронта? Обманутые, затурканые мальчишки с Волыни, из Житомира и Львовщины. Отморозки из правого сектора, наглады из «Правого сектора» и фашистских территориальных батальонов, вобравших в свои ряды всю мразоту — деклассированное отребье, бесноватый криминалитет и буйную поросль новоявленных нацистов. Наёмники из Польши и Прибалтики, на генетическом уровне ненавидящие всё русское. Неужели они не понимают, что они все умрут на этой земле? Это же очевидно! Вот единственное, чего я никак не могу уразуметь: в чём мотивация, за что они решили лечь костями на Донбассе? За жалкие сто баксов в день, за упырей, облепивших украинский властный Олимп? Или за пропитанные могильным смрадом фашистские идеи родом из позапрошлого века? За что гибнет весь этот сброд???

Санжаровская высота ещё не взята. Крышка Дебальцевского котла тоже пока полностью не захлопнута*. Однако это теперь ничего не решает. Здесь, на земле Донбасса — схлестнулись, сошлись грудь в грудь две исполинские силы. Дух русского народа, вобравший в себя все национальности бывшего Союза, великодушный, свободолюбивый, алчущий справедливости. Страшный в гневе своём — не терпящий порабощения, произвола и иноземного гнёта. И противостоящие нам бесы Запада — духи растления, алчности, хаоса. Битва на высоте 307,9 словно рентгеном высветила эти силы и показала, на чьей стороне будет победа. Ибо победа всегда на стороне правого.

«Не в силе Бог, а в правде!» — сказал Благоверный князь Александр Невский, имя которого носит отдельный механизированный батальон народной милиции Луганской народной республики.

* 18 февраля 2015 года Министерство обороны Донецкой народной республики официально сообщило о взятии Дебальцева под полный контроль Вооружённых сил Донецкой народной республики.

Андрей ЧЕРНОВ

ЛУГАНСКОЕ ЛЕТО—2014. Дневниковые записи

Пожалуй, слишком часто я слышал этот вопрос: «Почему вы не уехали?» Звучал он так часто, так настойчиво и с лёгким укором, упрёком, что будь на моём месте кто-нибудь другой, то могло возникнуть даже чувство вины. Многие представляют войну пожаром. Вот пожар (война) охватил твой дом. Бессмысленно в нём оставаться, нужно себя спасать, бежать от безумной стихии. Приблизительно так представляют себе войну те, кто задаёт мне подобный вопрос.

Но не следует сравнивать пожар — стихию, возникшую помимо чьей-либо воли, с войной. Война не пожар, а поджог. И это в корне меняет значение. Поджог — это решение чьей-либо воли, осуществлённое целенаправленно. Именно таким поджогом был охвачен (да и продолжает ещё быть охваченным) Донбасс. А раз война — поджог, проявление воли другого существа, то почему я, неповинный в войне, должен испытывать чувство вины? Почему я, не поджигавший свой дом, должен бежать из него? Почему вопрос: «Зачем вы поджигали Донбасс?» — не задают тем, кто виновен в этой войне, лживым украинским политикам? Может быть, если бы им задавали такой вопрос достаточно часто, то у них бы и пробудилось чувство собственной вины.

А мы, жители Донбасса, остались в своём доме, охваченном войной, для того чтобы его спасти. Для того чтобы никто не сказал после: «Зачем сожалеть об охваченном огнём Донбассе? Ведь там нет мирных людей». Для того чтобы сохранить все подробности трагедии Донбасса, чтобы сохранить правду обо всех несчастьях, обрушившихся на нашу родную землю, и сказать её в лицо беззастенчиво врушим украинским политикам и тем мировым силам, которые стоят за их спиной и прикрывают преступления своих украинских подопечных.

Нет, я не испытываю сожаления о том, что остался. Я был нужен здесь, я был нужен Луганску и луганчанам. И они мне были нужны. И разлука с Луганском, пусть и вынужденная, воспринималась бы мною как предательство.

В знаменитом фильме Эйзенштейна и Васильева «Александр Невский» сценаристы (среди которых и сам режиссёр Сергей Эйзенштейн) в уста Александра Невского вкладывают русскую поговорку: «С родной земли — умри, да не сходи!» В поговорке этой, как мне кажется, отражена одна важная ментальная черта русского народа. Внутренняя, глубинная связь русского человека с родной землёй. Эта

Андрей Алексеевич ЧЕРНОВ родился в Луганске в 1983 году. Литературовед, критик, публицист. Занимается изучением русской литературы XX века. Публиковался в Луганске, Киеве, Москве. Секретарь правления Союза писателей Луганской народной республики. Заместитель главного редактора луганского литературного альманаха «Крылья».

связь не прерывается с завершением жизни. Даже мёртвый остаётся на родной земле, «не сходит». Но мёртвым легче выполнить этот святой завет. Куда сложнее живым, особенно когда к твоим рукам прижимаются маленькие дети.

Самой большой проблемой пребывания в Луганске, обстреливаемом украинскими карателями, для меня и моей жены Светланы Сеничкиной были наши дети. За себя мы не боялись, весь страх, переживания были лишь о наших детях — пятилетней дочери Валентине и сыне Александре, который родился в феврале 2014 года. Они разделили все тяготы блокады, пережили вместе с нами обстрелы Луганска. Думаю, каждый понимает, что страх за жизнь и здоровье своих детей во сто крат больший, чем страх за собственную жизнь. Скрываясь в подвале, прижимая к груди ребёнка, мы не раз мысленно воскрешали в памяти фотографии погибших на донбасской земле детей. Только это побудило меня в начале августа обратиться к ополченцам за помощью в эвакуации жены и детей. Но, увы, в августе эвакуация из города была уже невозможна. Украинские каратели взяли плотным кольцом город Луганск, не щадя никого, вели огонь на поражение, зверски мучили, уничтожали население оккупированных ими населённых пунктов.

В дни почти ежедневных августовских обстрелов Луганска я как никогда остро и ясно осознал непередаваемую связь с родным домом. Дом для меня всегда был чем-то бóльшим, чем жилище. Мой дом был построен руками моего прадеда Николая Пантелеевича Львова, коренного вергунчанина, в начале 1920-х годов. Несколько поколений моей семьи связано с этим домом. Он пережил Великую Отечественную войну, Бог хранил его и его обитателей, которые не покинули родные стены даже в ту войну. Удивительно ли, что я решил так же, как мои прадеды и деды, остаться вместе со своим домом? Пусть бы и грозила мне смертельная опасность.

В августе, когда обстрелы нашего района Луганска были ежедневными, я как-то по-особенному стал ощущать свой дом. Сложно сказать, чем было это вызвано. Пожалуй, причиной тому вид домов, разрушенных прямыми попаданиями снарядов, тем более что за наглядностью ходить далеко не приходилось: в самой непосредственной близости от моего дома было разрушено два дома снарядами, а третий горел от попадания «Града». Может быть, это покажется странным, но я ощутил свой дом своеобразным живым существом, своего рода членом семьи, одновременно безмолвным каменным исполином и живым хранителем семьи. И как любое живое существо, мой дом также испытывал боль от своих ран — от трещин на стенах, вызванных близкими разрывами, от выбитых стёкол, от отбитых осколками снарядов кусков кирпичей в кладке стены. И совсем как живой дом мой вздыхал всей своей кровлей, когда взрывная волна, поднимаясь вверх от земли, рвала крышу с гвоздями. Сохранив нас живыми, мой дом оказался израненным. Но не брошенным. Ведь как можно бросить члена своей семьи?

Впрочем, зря я оставил приведённый выше вопрос открытым, без ответа. Это для меня ответ очевиден — родных не бросают. Этот ответ был ясен для многих жителей Донбасса, Луганска в эти летние дни, сжигаемые зноем войны. Так, в начале июля, когда стало очевидным фактом стремление украинских карателей взять Луганск

в окружение, когда ужасная судьба Славянска нависла и над Луганском, и над Донецком, люди принимали пусть сложные, но всё же сильные решения. На своей странице в «Фейсбуке» я сделал такую запись:

04.07.2014. Позавчера мне звонила луганская писательница Елена Настоящая. Она была в Крыму, поехала немного отдохнуть. Пробыла несколько дней. Сказала: «Здесь (в Луганске) остались мои родители... Я не могу быть далеко от них». Я отговаривал её возвращаться в Луганск... Сегодня она мне позвонила — уже из Луганска. Уважаю Лену. Настоящая русская.

Елена Настоящая — интеллигентная, немного замкнутая, всегда серьёзная молодая женщина. По образованию филолог, с чисто научным складом ума, Елена и в своём писательском творчестве подходила к решению тех или иных тем с научным инструментарием. Её рассказы, написанные порою в совершенно разной манере, всегда нацелены на постижение глубинной сущности человека. Кажется, заглядывая в человеческую душу её персонажей, никогда не узнаешь, что там увидишь — ясную картину или лёгкий абрис, красоту или уродство, чётко детерминированную систему или первородный хаос. Постижение и осознание человека, проявлений его воли и души в самых экстремальных ситуациях привели Елену Настоящую к нереалистической прозе — от жанров фантастики (особенно так полюбившегося ей хоррора) до сюрреализма. В поэзии Елены лирический герой по-лермонтовски одинок и противопоставлен толпе.

И вот Елена Настоящая возвращается в обстреливаемый украинскими карателями Луганск. Шаг этот осознанный и обдуманный, принятый единолично. Не только я отговаривал её остаться в безопасности. Сами родители Лены были против её возвращения в Луганск. Но любовь к родителям, к родной земле не могла дать спокойствия её душе: сама спаслась, но бросила отца и мать... Возвращение Лены — сильный, волевой шаг. И я испытываю большое уважение к этой интеллигентной и сильной духом женщине. Добавлю, что и в июле, и в августе, когда Луганск ежедневно обстреливали украинские нацисты, когда не работала мобильная связь, Елена Настоящая пересекала почти весь город (иногда пешком, иногда редкими в те дни маршрутными такси), чтобы встречаться с единомышленниками на небольшом островке свободы от гнетущей военной атмосферы — в доме луганского писателя, есениноведа, художника Анатолия Петровича Мальцева, человека необыкновенного склада ума. Что толкало Елену на такие долгие и, главное, опасные, вояжи — сложно сказать. Может быть, так она познавала саму себя в экстремальных условиях? Может быть.

Пример Елены Настоящей, вернувшейся в обстреливаемый украинской армией Луганск ради своих родителей, я привожу не зря. Далеко не у всех хватало мужества на подобный поступок. Многие, бросив всё: и имущество, и дома, и работу, — уезжали из Луганска. Уезжали, оставив в городе своих родителей-стариков. Да, конечно, сами родители, наверное, советовали детям спастись, уехать из охваченного войной Донбасса. На то они и родители, чтобы думать

не о себе, а о собственных детях. Но ведь на то и дети, чтобы они не только думали о себе, но и не забывали о своих родителях. Казалось, летом в Луганске оставались одни пожилые люди. За такими и в мирное время присмотр нужен, а тут — война. Так, на соседней улице пожилой мужчина умер от инфаркта, когда где-то недалеко послышался взрыв.

Вот и выходит, что иные луганчане, спасая свою жизнь, своих детей, бросали на произвол войны родителей. Такая вот сыновья и дочерняя благодарность. Можно ли их осуждать за это? Каждый ответит на этот вопрос по-своему. Но я солидарен с Еленой Настоящей: «Здесь (в Луганске) остались мои родители... Я не могу быть далеко от них». И сам, если бы мои родители были живы (а их уже нет в живых), не смог бы спать со спокойной совестью, спасая себя и не подумав о людях, подаривших мне жизнь.

В основу моих дневниковых записей положены исключительно личные впечатления, иногда я передаю информацию от других очевидцев. Во время нормальной работы Интернета некоторые записи я размещал в своём аккаунте в «Фейсбуке». К таким записям я посчитал целесообразным привести некоторые комментарии. С 28 июля такая возможность исчезла, и записи велись в незлектронном виде.

События, которые я описываю, охватывают даже не весь Луганск, а только его северо-восточную часть, известную под историческим названием Малая Вергунка. Это большой массив преимущественно частной застройки, охватывающий более 50 улиц, в котором до войны проживало более 15 тысяч человек. Ещё в мае на въезде в посёлок со стороны Большой Вергунки (север), на мосту через реку Лугань, появился блокпост луганского ополчения. Я неоднократно посещал его, иногда даже с дочерью. Этот блокпост расположен примерно в 300 метрах от моего дома, так что все выпущенные по нему снаряды были для нас общими.

ЛЕТНИЙ ДНЕВНИК

Июнь

02.06.2014. Война в Луганске.

На западе города ополченцы взяли штурмом погранчасть.

Один из самолётов-истребителей украинских ВВС нанёс ракетный удар по зданию Луганской областной государственной администрации, в котором разместились ополченцы и люди, выступающие против киевской хунты. Мы уже привыкли к полётам над городом истребителей. Истребители летали часто и на небольшой высоте. И вот «и грянул гром...»

А ведь сегодня я проходил мимо здания Луганской областной администрации. Всего два часа отделяли меня от этого ракетного удара.

Есть погибшие и раненые.

05.06.2014. Сегодня положил цветы у здания Луганской областной администрации. Следы авиаудара украинских фашистов ужасны. Ужасна гибель 8 моих земляков. Цветов много — на баррикадах перед входом, на флаге с осколками ракеты, просто на земле. Луганчане помнят. Такое будут помнить долго.

И как горькое недоразумение — ложь укроСМИ, сочинивших версию, согласно которой взрыв устроили сами ополченцы. Некоторые пошли дальше — якобы взорвался кондиционер. Смешно, именно на этой стене, под этим окном кондиционера не было. Ложь кощунственна и оскорбляет память погибших.

Обнаружил, что многие люди очень плохо знают географию. Так, одна моя знакомая (аспирантка-гуманитарий) сравнила возможную Луганскую народную республику с Монако и очень пренебрежительно отзывалась о «микроскопическом», с её точки зрения, государстве. Думаю, она с удивлением узнает, что на территории Луганской народной республики может поместиться с десятков таких государств, как Монако.

Приведу такие географические данные.

Площадь Луганской народной республики — 26 700 кв. км.
Площадь Донецкой народной республики — 26 500 кв. км. Таким образом, площадь союзного государства ЛНР и ДНР — 53 200 кв. км.

Это больше, чем площадь таких европейских стран, как:

Албания — 28 748 кв. км;

Андорра — 468 кв. км;

Бельгия — 30 528 кв. км;

Босния и Герцеговина — 51 129 кв. км;

Ватикан — 0,44 кв. км;

Дания (без Гренландии и Фарерских островов) — 42 394 кв. км;

Лихтенштейн — 160,475 кв. км;

Люксембург — 2586 кв. км;

Мальта — 316 кв. км;

Молдова — 33 846 кв. км;

Монако — 2,02 кв. км;

Нидерланды — 41 526 кв. км;

Сан-Марино — 61 кв. км;

Словакия — 49 034 кв. км;

Словения — 20 253 кв. км;

Швейцария — 41 284 кв. км;

Черногория — 13 812 кв. км;

Эстония — 45 227 кв. км.

И не стоит забывать, что будущая Новороссия будет занимать бо́льшую площадь.

14.06.2014. Со вчерашнего дня вокруг Луганска кипели боевые действия. Шум канонады отчётливо прослушивался и в центре города, и у нас в Малой Вергунке. Слышно было и стрелковое оружие. Бой был в окрестностях посёлка Металлист.

В аэропорту ополченцы сбили транспортный самолёт украинских войск ИЛ-76.

15.06.2014. Сегодня мне звонила Лариса Владимировна Черниенко — главный редактор альманаха «Крылья». Звонок, полный тревоги и беспокойства. Она оторвана от Луганска, поехала на дачу (за п. Николаевка, Станично-Луганский район) как раз накануне арт-обстрела. Сидят без электричества (подстанция уничтожена во время обстрела украинскими карателями), боятся уезжать. Говорит, Николаевка очень сильно разрушена, разрушен кирпичный завод и многие дома. Пострадали и дачи — каратели обстреливали профилакторий,

в котором укрепились ополченцы, но меткостью не отличались — много снарядов попало в дачный посёлок, расположенный за профилакторием. Есть ли там жертвы, Лариса Владимировна не знает. Очень беспокоится за нас всех, кто остался в Луганске. Запомнилась фраза: «Теперь я не только по книгам знаю, что такое артобстрел». Это из уст человека в уже преклонном возрасте, кандидата филологических наук, почётного профессора одного из луганских вузов, известного литературоведа.

Не могу не привести к этой записи комментарий поэта Лидии Григорьевой:

«Скажите всем друзьям, что луганчане, живущие в Москве и Лондоне, чувствуют вашу боль как свою. Волнуемся. Ужасаемся. Надеемся».

16.06.2014. Поток лжи о Луганщине, о Донбассе вызывает лишь раздражение. Но Донбасс будет стоять. Донбасс выстоит.

Сколько силы и созидания в этом стихотворении Павла Беспощадного! Сколько веры в наш край! Нет, не сломят нас.

ДОНБАССУ ЖИТЬ! Клятва

Пока в груди шахтёрской сердце живо
И в сердце кровь сыновняя тепла,
Хочу, чтоб песня с врубкой дружила,
Варила сталь и в глубь ствола вела,
Клепала клетки и вздымала зданья,
И на лесах большого созиданья
Примером высшей доблести была.
Донбассу жить!.. Сирена шлёт сирене
Горняцкой дружбы благовест стальной:
Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!
И нет земли прекрасней, вдохновенней,
Где всё творцом-народом создано.
Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!
И нет Отчизны чище и священной,
Где все сердца сливаются в одно...
И это сердце осеняет Ленин —
Великий светоч партии родной!

1942

17.06.2014. С севера доносятся мощные взрывы. Бьют по посёлку Металлист, находящемуся почти у самой городской черты. Многие луганчане напуганы.

Многие мои знакомые сообщают, что нацгвардия в г. Счастье устраивает сафари на жителей. Всеобщий отстрел. Очень надеюсь, что это только слухи. Надеюсь.

Данная моя запись, основанная на сообщениях очевидцев, вызвала обсуждение.

Приведу некоторые комментарии:

Алексей Торхов: Ну сколько можно верить во всякую хрень! Не читайте российские СМИ... (((

Андрей Чернов: Торхов, Вам что-то лучше известно о Луганске? Я пишу не о Николаеве. Я пишу о своём городе. Не смотрите хунтовские новости.

Николай Старченко: Но точно ходят по квартирам и ищут тех, кто поддерживал, и тех, кто организовывал референдум.

Алексей Торхов: Чернов, я смотрю не хунтовские, а общеукраинские новости и слушаю знакомых, кто сейчас там воюет и с ранениями лежит в днепропетровском госпитале. Впрочем, согласен, залез с суконным рылом в чужой ряд. Умолкаю...

Наталья Романова: Вполне такое может быть. Вчера нацгвардейцы поиздевались над сотрудницами «Приватбанка» в Станице. Вывели их под автоматами из банка и вывезли в зону обстрелов. Потом отпустили, объяснив, что это наказание от Коломойского, так как велел в Луганске всё позакрывать, а они посмели выйти на работу. Если над «своими» так издеваются, то что для них жизни «сепаратистов»?

Андрей Чернов: Алексей Торхов, а я прежде всего ориентируюсь на непосредственных очевидцев событий. СМИ доверять нельзя. Что касается данного поста, эта информация не является 100 % достоверной и я указал, что очень хочу, чтобы это было неправдой. Но, увы, очень многие жители Счастья, луганчане, у которых близкие в этом городе, утверждают о жутких вещах. Вам это, может, и не нравится, но это так. Продолжайте верить «общеукраинским» и абсолютно лживым новостям.

Екатерина Сапрыкина: В одном из сёл Новоайдада тоже подобное было, один человек ранен...

Владимир Карасёв: Это не слухи. Также и по посёлку Металлист.

Андрей Чернов: М-да. А свидомые будут нам рассказывать про российские СМИ...

Надежда Лысанова: Кошмар! Сколько это ещё будет продолжаться?

18.06.2014. В городе очень тревожные настроения. Стал распространяться слух, будто в г. Счастье прибыло несколько установок «Град», которыми этой ночью будет нанесён удар по Луганску. Многие верят. Я звонил некоторым своим более осведомлённым друзьям, но они ни опровергают, ни подтверждают эту информацию. Но сообщили, что национальной гвардии устроили трёпку под Металлистом.

Ночь, вопреки всем слухам, оказалась спокойной. Очевидно, нагады зализывают раны (а их очень хорошо побили под Металлистом). И город спал спокойно. Можно говорить: «С добрым утром!»

Днём и особенно вечером стали доноситься выстрелы, пулёмётные очереди. На севере, судя по всему — в районе Металлиста, идёт бой.

Вчера под Луганском погиб российский журналист Игорь Корнелюк. Только одни россияне не побоялись отправить в зону боевых действий своих журналистов. И вот — плата. Царствие небесное новопреставленному рабу божию Игорю.

20.06.2014. Ополченцы поймали какое-то грязное, безобразное существо женского пола, некую националистку Надежду Савченко, офицера батальона карателей «Айдар». На неё отвратительно смотреть. Это не женщина. Это мерзкое существо, больше похожее на Горлума. Да, только такие могут уничтожать мирных жителей Донбасса.

23.06.2014. Сегодня день рождения «Анны вся Руси». Анна Ахматова неоднократно вспоминалась многими моими знакомыми в эти окаянные дни, служа своеобразным этическим ориентиром. Все мы цитировали её строки:

*Мне голос был. Он звал утешно.
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный.
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну чёрный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный слух.*

И тем более вспоминались эти строки «Реквиема»:

*Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.*

Мы помним тебя, несравненная Анна Андреевна Ахматова.

Война войной, а детям надо в зоопарк. Вчера водил свою старшую на увеселения в парк имени 1-го Мая. Еле ноги унёс, а какое разорение! Кроме зоопарка накатались на разных качелях. Фотографировал мало. Но кое-что всё же получилось сфотографировать.

В парке не могли пройти мимо Пушкина — он наше всё, и все дороги в зоопарк ведут мимо Пушкина. В зоопарке луганском огромная орнитологическая коллекция, каких только птиц не посмотрели. Застали драку сурков, Валентину мою эта склока несказанно развешила. Уходить дочка не хотела. А значит, день удался.

Сегодня на многих сайтах прозвучала страшная цифра: за время карательной операции украинской армии в Донбассе погибло 42 ребенка. Абсурдная плата за «едыну краину».

Как тут не вспомнить Анну Ахматову? Сквозь немоту и безумие врываются эти строки. Блокадный Ленинград? Или окружённый жгутом укроармии Славянск? Всё едино.

*Постучи кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.*

Я теперь за высокой горою,
 За пустыней, за ветром и зноем,
 Но тебя не предам никогда...
 Твоего я не слышала стона.
 Хлеба ты у меня не просил.
 Принеси же мне ветку клёна
 Или просто травинку зелёных,
 Как ты прошлой весной приносил.
 Принеси же мне горсточку чистой,
 Нашей невосковой студёной воды,
 И с головки твоей золотистой
 Я кровавые смою следы.

29.06.2014. «Перемирие» в действии. И любители «единой краины» нам будут что-то рассказывать о безгрешной укроармии?

Сегодня днём гулял с сыном (Чернов-младший спал мирно в коляске). Вдруг слышу шипение вверху, поднимаю голову: от летящего высоко-высоко самолёта (гула не было слышно) что-то отделилось. Через секунд 7–8 где-то на юге отчетливо бабахнуло. Я был возле 5-й городской поликлиники. Время — без 5 минут 15:00 по киевскому времени.

А в укроСМИ напишут: «Сепаратисты в очередной раз нарушили перемирие». Ну да, ну да.

30.06.2014. На дачах возле села Раёвка застряли родители моей жены Александр Дмитриевич и Елена Георгиевна Сеничкины. Они поехали на дачу буквально на несколько дней, отдохнуть и посмотреть за грядками. После внезапного наступления украинской армии они, как и многие другие дачники, оказались отрезанными от Луганска. Слава богу, связь держим по телефону. Они сообщают о том, что «чёрные человечки» (так называют за цвет одежды служащих в национальной гвардии) мародёрствуют на раевских дачах. Вглубь не идут, «берут» только те, что у трассы и где нет хозяев. На соседей ноль внимания, как будто так и надо. Вот вам и АТО в действии. Думаете, они на нашу землю зря приехали? Скорее понахапать и свалят, а позиции пусть срочники держат — те ведь не все свидомые, их не жалко. Здобулы.

А между тем война всё ближе, всё настойчивее пробивается к Луганску. Канонада длится несколько часов почти без перерыва. Думаю (и надеюсь, что ошибаюсь), от Металлиста ничего не осталось. Взрывы очень сильные, видно, тяжёлая артиллерия. Интересно, наши отстреливаются? И ещё: если сейчас ещё «перемирие», то что будет после 22:00, когда время «перемирия» истечёт?

Июль

01.07.2014. Украинские журналисты вопят на каждом углу об убийстве ополченцами луганского укронационалиста Владимира Семистяги.

02.07.2014. Опять 2-е число месяца — и опять чудовищное преступление. 2 мая — жуткая трагедия в Одессе. 2 июня — жестокий авиаудар по Луганску. И вот теперь — авиаудар по селу Старая

Кондрашовка, старому селу донских казаков. 9 погибших, 11 раненых. Среди погибших — пятилетний мальчик, ровесник моей дочери.

В этот день мы с дочерью несколько раз наблюдали в небе над Луганском самолёты. Наблюдали их и вчера. Летаящая смерть... Что за бесщелечные существа сидят в кабинах этих самолётов? Любили ли они когда-нибудь? Есть ли у них дети? Есть ли у них Родина? Приказ — это всегда выбор, всегда возможность сделать выбор. Какая страшная ненависть к человеку могла заставить пилота выпустить ракету по беззащитному мирному селу?

Сегодня же украинская авиация нанесла удар по стекольному заводу «Пролетарий» в Лисичанске, уничтожив один из цехов этого в общем-то успешного предприятия. Уничтожается экономический базис Донбасса.

Украинский фашизм. Он возможен только под попустительством США и Евросоюза. Ведь здесь нет террористов. Здесь просто люди.

Киевские преступники осуществляют уничтожение Луганской земли. Точечные удары по военным? Нет. Авиация бомбит села вокруг Луганска. Это уничтожение всех, кто остался с луганской родиной. Будь проклят Пётр Кровавый и все украинские националисты!

03.07.2014. Металлист был занят украинской армией. По позициям украинских силовиков ополченцы нанесли артиллерийский удар.

Сегодня Мальцев мне рассказал, что по украинскому радио передавали запись заседания Верховного Совета Украины. Заседание начали с минуты молчания по Семистяге, одному из немногих украинских националистов в Луганске. Никакой минуты молчания по погибшим в Станице Луганской не было. Они ведь «неправильные» украинцы, по ним не надо скорбеть.

04.07.2014. Позавчера мне звонила луганская писательница Елена Настоящая. Она была в Крыму, поехала немного отдохнуть. Пробыла несколько дней. Сказала: «Здесь (в Луганске) остались мои родители... Я не могу быть далеко от них». Я отговаривал её возвращаться в Луганск... Сегодня она мне позвонила — уже в Луганске.

Уважаю Лену. Настоящая русская.

Сегодня днём долго работала вражеская артиллерия. Мы сидели в подвале. Хотя я периодически выходил для разведки.

В результате обстрела повредили то ли линию электропередачи, то ли водонапорную станцию. Восточная часть города без электричества и воды. У нас и вода, и электричество есть.

Мысли печальные. Но стараемся не унывать.

Сегодня утром моя пятилетняя дочь Валентина игралась в песочнице. Во время игры она в песочнице сделала бомбоубежище для своей куклы. Какое детство — такие и игры. Дети войны.

Киевским преступникам не простим. Никто. Никогда.

А вечером пережили «Град». К счастью, украинские каратели промазали. Мы целы, дом цел, и вокруг соседние дома целы. Снаряды «Града» попали, кажется, в посадку у реки. Но не уверен.

Буду на связи. Господь с нами.

05.07.2014. В наших окрестностях выдался почти спокойный, мирный день. Выстрелы звучали вдалеке.

Вчера, только я написал о том, что мы пережили «Град», как оказалось, мы его ещё не пережили. Опять долбили артиллерией, долго и нудно. Последний удар вчера был в 22:39, после этого — относительно спокойствие. Через час мы перенесли спящих детей в дом. Подвал не лучшее место для сна детей. И не только детей.

Ночь была тихой, спали как убитые (дурацкая шутка). Даже 5-месячный сын проснулся только утром, за ночь не беспокоил бедную нашу маму.

Рано утром я ходил к блокпосту. Он цел. Недалеко стоял танк ЛНР. Пообщался с танкистом. Когда вернулся домой, дочь расстроилась, что она не видела танк. Пришлось её сводить к танку... Валентина осталась очень довольной, что видела танк, защищающий нас от фашистов.

В 11 утра слышалась относительно близкая (но не как вчера!) канонада. Это встревожило, но, слава богу, вчерашнего «продолжения» не было.

Днём встретился с Еленой Настоящей, вместе с ней и моей дочерью сходили проведать луганского есениноведа и художника Анатолия Мальцева. Моя Валентина подарила Мальцеву свой сегодняшний рисунок — танк под флагом ЛНР, рядом с ним три радующиеся фигуры — мама, папа и сама Валентина.

Вечером отнёс немного еды на блокпост. Станные люди сказали мне спасибо. Почему спасибо? Это им спасибо. Это они были под огнём.

Небо затянуло облаками, начался дождь. Гром мы вначале приняли за разрывы снарядов... Это теперь надолго?

Только вечером заработал Интернет.

Спасибо всем друзьям за беспокойство. Всё будет хорошо. С нами Бог.

06.07.2014. Опять обстрелы, самолёты. Украинская армия агитирует за «единую страну».

Неужели в руководстве оставшейся части «Украины» не понимают, что они добьются только ненависти от народа Донбасса? Такое «кровавое» покорение Донбасса не оправдывает ничего. Донбасс — отрезанный ломоть, ментально, психологически. И через 10, 30, 100 лет ненависть ко всему украинскому, ко всему безразличию обывателей Одессы, Харькова, Черкасс, Винницы обёрнется против них.

Сегодня ходили всей семьёй в гости к Анатолию Петровичу Мальцеву (он живёт недалеко от нашего дома). В гости пошли по одной причине — жутко, отчаянно сидеть одним, слышать канонаду. Когда возвращались, то впереди нас шёл юноша, на вид — лет 16. Он встретил знакомого, по виду сверстника. Из их разговора:

— Ну, что ты, уже могу поздравить?

— Нет, мне ещё нет 18...

— А к кому подходить?

— Там спроси старшего, тебя проводят...

Вот вам и ответ на агитацию за «единую краину». Уже несовершеннолетние ходят записываться в ополчение. А ведь пока не берут. Пока.

07.07.2014. Вчера поздним вечером (или уже ночью?) выдалась удивительная и показательная по своей сути дискуссия к записи

критика Сергея Чуприна в «Фейсбуке». Сергей Чуприн сравнил Донбасс с Вандеей. Благодарен ему за сочувствие к бедным людям Донбасса, гибнущим в кровопролитной войне. Но не могу согласиться с его тезисом о Донбассе-Вандее. Исторические аналогии всегда условны, схематичны.

Если говорить вообще о противостоянии, которое принесёт массу жертв (Вандейский мятеж — около 200 тысяч убитых), то такая аналогия уместна. Но, судя по всему, имелись в виду иные черты сходства. Московской либеральной тусовке, пришедшей в комментарии, виделось иное — противостояние прогрессивных и регрессивных (консервативных) сил. Для них Донбасс — ретрограды, консерваторы, тянущие общество к старому, в их разумении — к «совку». А Киев после госпереворота — бастион прогресса.

Как вам передать моё ощущение от этого общения... Представьте, что вы зашли в комнату со спёртым воздухом. Не продохнуть. И долго находиться невозможно.

Я писал о том, что знаю, что вижу своими глазами. Некоторые господа и дамы, сидя в Москве, меня переубеждали, мол, ничего этого нет. Поэт из Санкт-Петербурга Андрей Чернов (мой двойной тёзка) даже уверенно сказал мне, что на Украине нет гражданской войны. Им ведь видней, что у нас происходит. Набивший оскомину либеральный снобизм.

Мне вспомнилась моя поездка в Москву, в Переделкино, в 2011 году... Дом литераторов, в зале — молодые писатели из многих стран, на сцене — московские литераторы. Не буду называть их фамилии. Но про каждого из сидящих в президиуме говорилось так: «Перед вами живой классик русской литературы!..» Надо комментировать?

Я уверен, что о многих из этих литераторов после их смерти будут вспоминать только литературоведы. Честно, я смеялся тогда. И во время вчерашней «дискуссии» — те же чувства.

И ещё. Одну вещь осознал — о «пунктике» либерально настроенных писателей.

Мне вспомнился довоенный Луганск, осень прошлого года. В Луганск приехали Сергей Костырко и Виктор Леонидов, встреча с ними была в одном из луганских вузов.

Во время камерного общения за чашкой чая на филологической кафедре Сергей Костырко внезапно заговорил о Путине. Луганчане (и я в том числе) его не поняли. Дело в том, что вообще-то говорить о политике и политиках в среде луганских литераторов не принято, это делают тогда, когда уже говорить не о чем. А тут — о Путине. Костырко высказался, но разговора не получилось: тема Путина для Луганска осени 2013 года была неактуальной.

И вот вчера что ни комментарий — Путин на Путине и Путиным погоняет. И я внезапно понял, что для российской либеральной среды Путин — тотем. Они не могут о нём не говорить. Своему тёзке — питерскому писателю Андрею Чернову — я даже посоветовал изжить из себя «маленького гэбиста». Но он не понял. Мне показалось, что он вообще воспринимает меня как что-то неодушевлённое.

Но только ли он один? Никто из представителей набежавших прогрессивных и либеральных светил ничего не понял. Всё, что я им писал, осталось неслышанным, а если услышанным — непонятым. Типично и показательно.

Думаю, если бы во времена концентрационных лагерей в гитлеровской Германии внезапно один из узников (еврей/цыган/коммунист/демократ/русский — нужное подчеркнуть) внезапно через свой айпад стал писать берлинским писателям и учёным о зверствах нацистов, то они также стали бы оправдывать нацистов и укорять этого узника в неправде и клевете на прогрессивного фюрера. Очевидно, в либеральных головах так крепко засела уверенность в своей правоте, что они её не подвергают никаким сомнениям. Ужасно напоминает сторонников Евромайдана... Страшно представить, каким океаном крови зальют Россию либералы, если придут к власти.

«Как я вообще посмел усомниться в их правоте» — вот что звучало подтекстом в их комментариях. Одним словом, пережил ряд глупых нападков и оскорблений. Стоило ли пытаться влезть в дискуссию? Не знаю.

Если вернуться к историческим аналогиям, то лично мне напоминаются две. Первая — восстание Кондратия Булавина. Здесь же, на Донце и Дону, но только в 1707–1709 годах. Русский бунт, закончившийся жестоким подавлением. Кстати, как тогда реки крови здесь пускал Пётр Алексеевич (Романов), так и сейчас — реки крови пускает Пётр Алексеевич (Порошенко).

Вторая — Испания, гражданская война 1937 года. Такое же разделение людей (словами писателя Тараса Рыбаса: «Окопы прошли в умах людей»), такие же интернациональные силы, противостоящие друг другу. Какой будет исход?

Скоро увидим. Кто-то увидит, позёвывая, из Москвы, Киева, Парижа. А кто-то сам узнает, пережив бомбёжки, артобстрелы, чистки и аресты.

Та ночная дискуссия на странице Сергея Чупринина оказалась не такой уж бессмысленной. У меня появились единомышленники, новые друзья. Им не приходилось доказывать, что «ложки нет». Так, 7 июля москвичка Наталия Янкова мне написала:

«Андрей, вы очень мужественно и достойно отбивали атаку на вас целой группы идеологических противников».

Наш диалог в комментариях:

Андрей Чернов: Спасибо. Но всё вышло бессмысленно. Меня никто не понял.

Наталия Янкова: Это безнадежно, я с этим постоянно сталкиваюсь тоже. Главное, что не хотели понять. Это характерно для «либеральной интеллигенции». У них есть они, правильные, остальные крымнаш. Несмотря ни на что, вы вчера победили.

Андрей Чернов: Спасибо за слова поддержки. Они очень многое значат. Спасибо.

Наталия Янкова: Очень хорошо в вашу пользу был коммент Алексея Козлачкова, если вы не видели, посмотрите. Вообще мы сегодня обсуждали это судилище вчерашнее.

Андрей Чернов: Сейчас посмотрю. Я тоже, признаюсь, обсуждал это с моими друзьями.

Наталия Янкова: Андрей, вы обсуждали, это понятно, но разные люди, те, кто там не писали, тоже читали и были возмущены — это уже о чём-то говорит. Совершенно оголтелый другой Чернов, там ещё

Чудакова, ну она всегда такая, Шендерович вякнул. Мы вас отстоим.

Андрей Чернов: Да, другой Чернов просто невероятную ахи-нею несёт. Даже не ожидал от него, помню, был белоленточный.... Но тогда я не особо вчитывался в его посты. А сейчас... Он мне напоминает большевика наизнанку: сейчас достанет наган и будет вгонять доводы пулями. Вот такие фанатики и погубили Украину. А вину теперь на других вешают.

Наталья Янкова: Причём он нескольких людей на ленте упрекнул в передёргивании, это у него такое «от дурака слышу», когда не хватает аргументов. Очень противный тип. Сегодня обсуждение с моими друзьями вышло за рамки ФБ. Думаю, что дефицит аргументов у майданутых растёт, поэтому их агрессивность повышается тоже. Но нас больше, пусть они нас обзывают «крымнаш», мне это нравится.

Андрей Чернов: Справимся с их агрессией). Главное — чтобы они не получили настоящий наган.

08.07.2014. В Луганске маршрутное такси N 132 попало под обстрел украинской армии (осколки от недалеко разорвавшейся мины). Маршрутка была в квартале Пролетариата Донбасса, час пик (около 8 утра). Двое убитых и четверо раненых. Ну вот, а меня на днях убеждали, что гражданской войны в Луганске нет.

Петя Кровавый борется с террористами? А люди ехали на работу...

А между тем Владимир Семистяга, которого украинские СМИ похоронили в застенках ополченцев ЛНР, жив. Жирная тухлая утка — опять ложь, наглая, беззастенчивая ложь украинских СМИ и всей преступной государственной машины Украины. Информационный подлог впечатляет: даже Верховный Совет Укропии, парламент страны (!!!), посвятил его фальшивой гибели минуту молчания. И подлец этот, Владимир Семистяга, жив, правда, находится под арестом. Владимир Семистяга всегда отличался оголтелостью — в советское время писал кандидатскую диссертацию о значении решений съездов КПСС в воспитании молодёжи, после перестройки увлеченно ударился в украинский национализм в особо идиотских формах. В Луганске на Семистягу смотрели как на недоразумение. В своей речи он евреев называл «жидами», а русских — «москалями» и никак иначе. Отрицал Великую Отечественную войну, существование единого древнерусского народа и здравый смысл.

09.07.2014. Вчера под обстрел попали девятиэтажки на ул. Суходольской. А ведь вчера я заходил в почтовое отделение, находящееся на первом этаже этой девятиэтажки, за посылкой... Тогда слышалась стрельба, но мне повезло: снаряды летали над зданиями. К таким летающим над головой снарядам уже привыкли. Странная привычка, не правда ли?

В результате обстрела выбиты окна, повалены деревья, пострадал близлежащий магазин «Добрый купец», осколки оставили глубокие следы в бетонных стенах. Бог хранил луганчан — раненых и убитых нет.

11.07.2014. Сегодня мой день рождения. Несколько странно его встречать в такой обстановке, ждать, что в любой момент могут прилететь снаряды. Слава богу, близких бомбёжек не было. Зато были

гости (это редкость в военное время) — Анатолий Мальцев и Елена Настоящая. У нас образовался своеобразный «блокадный клуб», стараемся шутить, читать стихи, говорить об искусстве и литературе. Но разговоры часто переходят к событиям в Донбассе. Мысли тяжёлые. Но верим в лучшее. Верим в человека.

Под Зеленополем украинским карателям устроили разгром.

12.07.2014. Сообщают, что в Москве скончалась Новодворская. Что тут сказать? Нет огорчения, которое всегда должно быть, когда умирает хороший человек. За месяцы войны в Донбассе Новодворская стала определённым символом тех, кто вопреки разуму и человечности поддерживает озверевших фанатиков и радикалов. Умер человек. Пусть земля будет пухом. Бог рассудит и простит.

13.07.2014. Сегодня вновь собирались у Анатолия Петровича Мальцева. Были мы со Светланой и детьми, Елена Настоящая и Наталья Романова с супругом Романом. Много говорили, смеялись, читали стихи. Верим в победу Новороссии. А вдали ворочается великан — с боку на бок и опять, и опять. Великан — война, стремящаяся всё разрушить, всех убить.

Сегодня день рождения Елены Настоящей. Конечно, поздравляли. Звонила поэт и журналист Татьяна Дейнегина. Поздравляла меня с днём рождения, который был накануне. Вышел неприятный разговор. Татьяна Александровна Дейнегина не ограничилась поздравлением, неожиданно сведя разговор на Порошенко. Оказывается, Татьяна Александровна положительно оценивает действия этого человека. С этим я, понятное дело, никак не мог согласиться. Удивило, что это необходимо было говорить в телефонном разговоре, поводом для которого — мой день рождения. Понять Татьяну Дейнегину можно, её дети работают в Генеральной прокуратуре Украины, то есть на преступную государственную машину Украины. Им тепло и хорошо. Они не в Луганске, и свою дорогую маму они также заберут в Киев, подальше от «зоны АТО».

14.07.2014. Сегодня украинские каратели обстреляли из «Града» юго-западную часть города, спальные кварталы. И квартал с говорящим названием — Мирный... Много убитых. Украинские оккупанты отрываются за свои поражения на мирных жителях. Господи! Когда же это закончится?

15.07.2014. Сейчас в Донбассе что ни час, то обстрел, гибнут люди. Но мы скорбим со всеми москвичами* — мы понимаем, что значит потерять близкого человека. Ваше горе — наше горе. Царствие небесное всем погибшим, скорейшего выздоровления получившим ранения. Мы с вами, всем сердцем с вами!

18.07.2014. Жуткий артиллерийский обстрел восточной части Луганска. Убито несколько человек на перекрёстке ул. С. Королёва

* 15 июля 2014 года в Московском метрополитене на Арбатско-Покровской линии произошла катастрофа, вызванная технической неисправностью путей, в которой пострадало 217 человек, из них 24 погибли.

и ул. С. Будённого, в районе Восточного рынка. Там не было ни блокпостов, ни мест дислокации ополченцев. Абсолютно тихий, спальный район. Накануне обстрела я там был — в квартале имени Маршала Жукова я был записан в стоматологию, но в квартале отсутствовало электричество, приём был перенесён на следующий день. После стоматологии ходил на Восточный рынок, купил овощей, заходил в аптеку, расположенную на первом этаже высотки у комплекса «Космос».

Всё дико и бессмысленно. Неужели человеческая жизнь настолько малоценна?

19.07.2014. Сегодня был у стоматолога в квартале имени Маршала Жукова. Домой возвращался пешком по ул. С. Королёва. По этой улице приходится идти вниз, под гору, спуск плавный. Внезапно начали доноситься взрывы, откуда-то снизу. Мне показалось вначале, что взрывы на ул. Черниговской, на которой живёт Анатолий Мальцев. Я стал звонить ему, но связь сбоила, дозвониться никак не мог. Когда я дошёл до ул. Черниговской, показалось, что взрывы ещё ниже, у школы, а может быть, на моей Ленинградской улице. Я пытался дозвониться жене, но безрезультатно. Такой же результат, когда пытался позвонить соседке Лилии Ивановне. До дома я почти бежал. Взрывы громкие и резкие, было сложно определить, откуда они доносились. Мои сидели в подвале и очень беспокоились, что меня долго нет. Не падаем духом.

20.07.2014. На Украине цирк по поводу сбитого на днях бонинга Малайзии. Плачут крокодильими слезами. Когда погибли люди в Одессе, в Луганске, Славянске — ничего, тишина. Даже злорадство. А теперь — показательная скорбь. Нелюди скрывают своё клыкастое лицо под личиной гуманизма и сочувствия. Жалость, она не выбирает кого-либо по политическим или религиозным воззрениям. Не может быть жалко одного, а другого не жалко. Это фальшь. Если тебе не жаль погибшего рядом, бессмысленно изображать жалость по отношению к далёким от тебя людям.

Украина погрязла в подлости и лжи. Как же легко были одурманены люди, как легко отказались от человечности. Таким скоро прикажут стать на четвереньки и залаять, и они исполнят приказ «хозяина».

22.07.2014. Мы живы вопреки всему. Луганск украинские фашисты уничтожают под корень. Пока ещё держимся, хотя каждую минуту ждём смерти. Нет электричества на моей улице, сейчас в гостях у Мальцева, поэтому не преминул воспользоваться возможностью выйти в Интернет.

Люди! Донесите правду всем о лжи украинских нелюдей, об их преступлениях против безоружных мирных людей. Пусть будет проклят каждый, кто поддерживает киевские власти. Смертью луганчан, их памятью, всеми ещё живыми луганчанами проклинаям киевских преступников. Уверен, что правда всегда победит ложь.

Эта очень пессимистичная запись вызвала большое количество комментариев. Привожу их:

Виталий Слюсарь: Держитесь и берегите себя.

Рафаэль Шматько: Андрей, проблема в том, что каналы жулико-олигархов твердят обратное, забивая людям мозги. Как это донести всему миру, не знаю, когда весь мир дал добро на разгром Донбасса вместе с людьми.

Владимир Данихнов: Сделаю перепост. Понимаю, что это капля в море. Держитесь.

Алексей Хрящёв: Сделаю перепост. Держитесь и берегите себя.

Наталья Янкова: Андрей, может быть, всё-таки эвакуироваться?

Юрий Нечипоренко: Андрей, там Алексей Смирнов вывозит детей из Луганска, он у меня в друзьях, может, свяжетесь через ФБ, не пора ли спасать детей?

Артём Киракосов: Андрей! — СЕРДЦЕМ С ВАМИ.

Андрей Чернов: Друзья, большое спасибо всем за слова поддержки в трудную минуту, когда сердце и душу охватило отчаяние. Всей семьёй благодарны вам.

Андрей Чернов: Наталья Янкова, уже думали, но все варианты эвакуации необыкновенно сложные. Не теряем надежды.

Юрий Нечипоренко: Андрей, смело езжайте к нам в Москву, если пересечёте границу!

Андрей Чернов: Юрий Нечипоренко, на границе беспокойно, но если всё сложится благополучно, то, может, и в Москву попадём.

Юрий Нечипоренко: Будем рады!

Наталья Янкова: От всей души желаю вам попасть в Москву или куда-нибудь, где вы будете хотя бы в безопасности. Вы ещё молоды, можете изменить свою жизнь, раз уж так сложилось.

Юлия Котлер: Никогда не думала, что мне будет за что поблагодарить Путина. Но теперь... Спасибо за Крым, Володя!!!!)

23.07.2014. Сегодня дали электричество на моей улице.

Был на лечении у стоматолога. В стоматологической клинике разговоры только о военных событиях. Говорят, что ополченцы поймали в Луганске диверсионную группу, в состав которой входила беременная женщина. Вся группа после допроса была расстреляна. Только слухи, никакой достоверной информации.

На обратном пути видел идущих на автобусную остановку Романовых. Сегодня Наталья Романова уезжает в Питер. Не стал окликать — были далеко, да и я не особо был разговорчивым после зубных процедур.

Из Луганска продолжается великий исход, бегство луганчан. Куда бежать? И зачем бросать родную землю? Никто не ищет ответов на эти вопросы, спасают своё тело.

Днём опять обстреливали Луганск из тяжёлой артиллерии, снаряды свистели над головами, били по восточным кварталам. Рвались с ужасающим грохотом. Наш дом цел. Несколько снарядов разорвалось относительно недалеко от моего дома, по стенам пошли трещины, в одном из окон треснуло стекло.

Все луганчане, оставшиеся в городе, стали как-то ближе друг другу. Это по-настоящему трогательно и так важно — поддержка людей, друзей, знакомых и ранее незнакомых людей. Верим в лучшее.

Вечер почти тих, только где-то далеко слышны взрывы и перестрелка, напоминающие, что война ещё на нашей земле, что гибнут люди.

Звонила луганская поэтесса, краевед Наталия Владимировна Мавроди. Очень распереживалась, прочитав мою предыдущую запись в «Фейсбуке». Она с мужем также в Луганске. Живут в многоэтажке, на 12 этаже. Во дворе их дома разорвался снаряд гаубицы. Утешаем друг друга и подбадриваем. Наталия Владимировна сказала, правда, не очень убедительным голосом: «Я чувствую, что ваш дом останется целым».

В этот же день я получил совет вести дневник, подробные записи, которые могли бы рассказать людям за пределами Луганска об ужасах войны в Донбассе.

Комментарии:

Наталия Янкова: Андрей, ведите дневник, потом можно издать книжку. Я сегодня в «Шпигеле» видела статью, в которой представлена книга — дневник жителя Донецка или Донбасса, я её только просмотрела, подробно не читала. Этот дневник для Запада, сами понимаете, что там.

Андрей Чернов: Наталия Янкова, подумываю об этом. Но иногда обстоятельства таковы, что и запись сделать не получается. А вообще — стоит.

Наталия Янкова: Попробуйте наговаривать на диктофон, в любом мобильном это возможно, мне так кажется.

Wladislawa Wachtangischwili: Andrej, ja prisoedinjajusj k predlogeniju Natalji. Eto ostro neobhodimo. Dergitesj!!!

Андрей Чернов: Wladislawa Wachtangischwili, спасибо)

Наталия Янкова: Андрей, думаю, что такую книжку можно будет издать за границей, держите меня в курсе. Надо это делать уже сейчас, потом подтянутся другие авторы.

Андрей Чернов: Наталия Янкова, буду стараться. Не уверен, что это будет дневник в прямом смысле слова, но что-нибудь сделаю. Спасибо за советы.

23.07.2014. Я уже писал, что те луганчане, которые поехали накануне наступления украинских карателей на свои дачи в окрестностях Луганска, после захвата украинскими войсками г. Счастья, сёл Весёлая Гора, Раёвка и других оказались заложниками «украинских рыцарей». «Рыцари» практически никого не выпускают из дачных посёлков, поставки продовольствия туда не осуществляются. В лучшем случае дачные сидельцы могут рассчитывать на посещение близлежащих сёл, где за тридорога покупают продукты. Нацгвардейцы не чураются мародёрствовать.

От отчаяния некоторые дачники решаются заплатить наиболее рискованным людям, которые за немалую плату через буераки, поля, делая огромные крюки, но всё же вывозят дачников в Луганск. Но на такое идут те, кто отчаялся. Потому как «рыцари» расстреливают при случае такие машины.

Среди дачных сидельцев очень много стариков. Кроме пропитания перед ними стоит проблема обеспечения лекарствами. Лекарства подходят к концу... А что делать тогда старику? Падать

в ноги «рыцарям»? Их не прошибёшь. Для них и так всё местное население — ватники и колорады. Спасибо за это машине оболванивания украинских СМИ.

Совсем недавно на раевских дачах умерла пожилая женщина Людмила. Труп никто не освидетельствовал — некому. Отправлялись в Раёвку за сельским головой. А тот подался в бега, даже неизвестно, когда вернётся да и вернётся ли. «Рыцари» на то и «рыцари», что их не волнует смерть колорадки...

Ни в Раёвке, ни на дачах нет моргов. Хранить тело покойницы в 30-градусную жару нет никакой возможности.

Сегодня покойнице выкопали могилу прямо на даче.

По злой иронии судьбы сын этой покойницы подхалимствует перед нацгвардией, они ему даже «подарили» одну из богатых дач. Как и следовало ждать, этому моральному уроду абсолютно наплевать даже на родную мать.

24.07.2014. Мы уже привыкли, что украинские каратели стреляют в школы, садики, вузы, многоквартирные дома, рынки, кафе и рестораны. Ведь там много сепаратистов и террористов. Или хотя бы ватников.

Но украинские вояки не останавливаются на этом. Не так давно они повредили здание Музея истории и культуры города Луганска — выбило окна на втором этаже, пробита стена. Слава богу, экспозиция не пострадала — её успели снять. Но здание историческое, постройки конца XIX века, бывшая городская управа, в советские годы там размещалось строительное училище, которое окончил Михаил Матусовский. Но Матусовский — ватник, ведь он мало того что писал по-русски, но к тому же сочинил ватникам на радость «Подмосковные вечера», «С чего начинается Родина», «На безымянной высоте»... Последнее, кажется, для любителей Бандеры самое омерзительное.

А вот вчера или позавчера каратели сильно повредили здание Луганской областной универсальной научной библиотеки имени М. Горького. Ведь всем известно, что сепаратисты и террористы ходят в библиотеки, Маркса и Ленина почитать...

Хотя, впрочем, украинским «рыцарям», может, не нравится то, что библиотека носит имя ватника Горького. В Луганске ещё одним зданием со следом «любви» киевских властей к луганчанам стало больше.

Комментарии:

Tatjana Vukcevic: tak zal rodnoj gorod... prosto ruki opuskajvsja, ni sem potoc?

Наталья Янкова: Для добычи энергоресурсов библиотеки не нужны, а то, что весь вред от образования, мы уже давно знаем. Это даже сильнее, чем сжигать книги. Фашизм новой формации.

25.07.2014. Вчера впервые за много дней не спускались в подвал, было почти тихо, взрывы снарядов — только вдалеке.

Но сегодня... с утра был просто ужас! У нас выбило одно стекло в окне; во дворе, перед самыми дверьми в дом, я нашёл осколок снаряда (наверное, мина). Сосед — пожилой дедушка Николай Николаенко (ему за 70 лет) — получил лёгкое ранение (упал из-за звуковой волны), ранил голову.

Разрушена находящаяся относительно недалеко автозаправка «Восточных ресурсов». Попадание снаряда в спортивный зал школы № 39, выбиты стёкла в столовой, кухне, гардеробе и мастерских. Но основные учебные корпуса школы целы.

Весь день наперекосяк. Как увозить детей, если их страшно вывести на улицу?

Пишу несколько сбивчиво, если что — простите, поскольку Интернета долго не было, появился только сейчас. Взрывы слышны в отдалении, но на всякий случай тороплюсь — вдруг вырубят электричество или Интернет?

Звонил своему куму, писателю Валерию Богословскому (в Москве у него вышло под псевдонимом несколько фантастических боевиков), поздравил с днём рождения. Он с матерью живёт в Малой Вергунке, относительно недалеко от моей улицы. Их дом выходит окнами на сквер, а с другой стороны сквера расположена бензозаправка. Мама Валеры Богословского очень переживала, что во время бомбёжек снаряд попадёт в бензозаправку, та взорвётся и от мощного взрыва очень сильно пострадает их дом. По этой причине они переехали на Вергунский разъезд (находится севернее, между Большой Вергункой и Красным Яром), где живёт старшая сестра Валеры Богословского. Они надеялись, что там будет спокойней и безопасней. Но оказалось, что там обстрелы ещё сильнее, идут затяжные бои. Они почти круглосуточно находятся в подвале.

Храни нас всех Господь.

26.07.2014. Артиллерийская перестрелка накрыла восточную часть Луганска с 3:50 и до 5:00. Были и мины, и снаряды, и «Град».

После того как всё стихло, жена звонила своей матери (та находится на раевских дачах). Тёща говорит, что огонь по Луганску вёлся со стороны Весёлой Горы, где давно окопались украинские каратели.

Пока всё тихо. Дочь досматривает прерванные сны.

Комментарии:

Янкауская Елена: Держитесь, Андрей!

Виктория Александрова: Н-да.. до 3 ночи они уничтожали Донецк, а затем перекинулись на Луганск...

Наталия Янкова: Андрей, я и мои единомышленники не забывают о вас ни на минуту. Терпения вам.

Ирина Короткова: Держитесь! Ви должны вижить, чтобы на суде быть свидетелем!

27.07.2014. Интернета не было с середины вчерашнего дня.

В Луганске невероятно тихо. Взрывов не слышно (может быть, они есть, но в таком случае — далеко). Если и есть редкие выстрелы — только со стороны ополчения.

Вчера не только Интернет не работал, но и крайне плохо работала мобильная связь. Ко мне с трудом дозвонился писатель и журналист Глеб Бобров (не с первого раза, несколько раз разговор прерывался).

Нигде в более-менее серьёзных источниках не встречал эту информацию. Сообщаю то, что мне известно. В городе Счастье и селе Весёлая Гора (в которых находятся позиции украинских карателей) вчера с середины дня и по самую ночь шли бои. Это значит, что

обнаглевшие животные из нагадов и «простых парней, выполняющих приказ» получили в своих лагерях не только тушёнку.

Насчёт приказов и их исполнения.

Не так давно я беседовал на эту тему с Анатолием Петровичем Мальцевым. Он в советские годы (начало 1960-х) служил в ракетных войсках, кажется, младший офицер запаса. Говорит: «Украинские солдаты получили приказ, а приказ не обсуждается, его надо выполнить». На это я возразил: «У вас в руках автомат, и вы получили приказ: расстрелять меня и мою жену. Вы его выполните?» — «Нет, конечно».

О чём разговор? Если приказ абсурден, жесток и бесчеловечен в невероятной степени, то никакой офицер не может заставить солдата его выполнить. Если солдат (призывник) выполняет приказ — вести вслепую стрельбу по крупному городу из тяжёлой артиллерии, значит, он согласен, что погибшие мирные люди — враги.

Дай Бог нашему ополчению победу!

...В Луганск перестали завозить многие товары, банки не работают с первых чисел июля. Наша семья стала заложником — в течение всего июля не можем снять деньги со своих банковских карточек. Поскольку у нас совсем маленький ребёнок, то есть необходимость покупать многие товары для него. Однако подгузники купить стало практически невозможно.

В такой ситуации большое и доброе дело осуществляли люди, занимающиеся распределением гуманитарной помощи. Гуманитарная помощь в Луганск поступала только из России. Из Украины в наш адрес идут лишь проклятия, а Запад, очевидно, считает, что здесь нет никакой войны.

Сегодня гуманитарную помощь (несколько пачек подгузников) я получил от депутата Луганского городского совета, журналиста Наталии Анатольевны Максимец. С ней я был знаком едва-едва, хотя пару раз публиковался в газете «Советская Луганщина» (Максимец — главный редактор этой газеты). Оказалось, что она участвует в распределении гуманитарной помощи из Российской Федерации.

28.07.2014. Сегодня выдался тяжёлый день.

Утро и день были безмятежными, солнечными. Не было взрывов, даже в отдалении невозможно было разобрать что-нибудь тревожное. Правда, ещё в 11 утра у нас выключили электричество.

Во второй половине дня мы отправились на прогулку, как обычно, всей семьей. Гуляли по ближайшим улицам, потом зашли к Анатолию Мальцеву. К нему же пришли и другие гости — Елена Настоящая и Андрей Владимирович Волков, один из руководителей какого-то предприятия угольной отрасли.

К слову, некоторые СМИ создали неверное представление, будто Луганск да и другие города Донбасса были покинуты состоятельными людьми. Это неверно. Пример тому — Андрей Волков, который с супругой решил остаться в Луганске. В Россию они отправили своего сына, сами же с тревогой наблюдали за театром военных действий.

После четырёх часов вечера мы отправились домой. Елену Настоящую посадили в маршрутное такси (ни автобусы, ни трамваи и троллейбусы в Луганске уже не ходят). И отправились домой. Мы шли к дому разными путями, я с коляской — одной дорогой, а Светлана

повела Валентину к детской площадке на качели. Когда до нашего дома оставалось несколько десятков метров, начался артобстрел. Снаряды ложились совсем рядом, отчётливо слышался свист, по ближайшим деревьям и кустарникам зашуршали то ли осколки, то ли поднятые взрывом камни. Сын спал, я развернул коляску и изо всех сил бросился бежать прочь, стараясь завернуть за угол соседней улицы. От быстрой езды Саша проснулся и заплакал. Я продолжал бежать. Когда я соединился с перепуганной женой, мы, почти не совещаясь, решили возвратиться к Анатолию Мальцеву, чтобы переждать артобстрел у него.

Это был страшный путь. Наверное, никогда не забыть его ни мне, ни супруге, ни дочери Валентине. Бог хранил нас во время нашей перебежки. Иногда, чувствуя, что снаряд упадёт ближе к нам, мы скрывались за ближайшим домом. После того как по деревьям и кустам прошуршат осколки (или отброшенные взрывом камни), мы продолжали свой путь.

Как это всегда бывает, как только мы дошли до дома Анатолия Мальцева, артобстрел прекратился. У Мальцева мы застали ещё Андрея Волкова. Они были встревожены. Переждав некоторое время у Анатолия Петровича, мы благополучно вернулись домой. Созвонившись с Еленой Настоящей, выяснили, что она без особых проблем добралась домой (она живёт в Камброде).

29.07.2014. Электричества нет. Приняли решение больше не отправляться на прогулки с детьми.

Итог вчерашнего обстрела: пострадали улицы Вишнёвая, Революционная, Гайдара, Клары Цеткин. Много раненых, один человек убит.

Днём я один ходил к Мальцеву. Общались мало, и через некоторое время отправился домой.

30.07.2014. На нашей улице электричества нет. Зато есть на улице Анатолия Мальцева. Заряжаю телефон у него. Хотя мобильная связь работает очень плохо, особенно «МТС».

Сегодня на мой номер (у меня «Киевстар», этот оператор работает лучше остальных) дозванивалась Любовь Ивановна Кульбацкая, научный сотрудник литературного музея Владимира Даля. Она живёт недалеко от парка имени М. Горького, в многоэтажном доме. Рассказала, что их район сильно обстреливают, а где-то недалеко по позициям украинской армии вели огонь ополченцы. Грохотало всю ночь. Любовь Ивановна боится спать в комнатах, спит в коридоре, подальше от окон и наружных стен.

От разговора много тревоги. Пытался утешить.

31.07.2014. Электричества на нашей улице по-прежнему нет. До кого-либо дозваниваемся с трудом. К Мальцеву хожу я один.

Много размышляю над романом Тараса Рыбаса «Красный снег». Тарас Рыбас — советский писатель, большая часть жизни его связана с Донбассом. (Известный российский писатель Святослав Рыбас — его племянник.)

Роман «Красный снег» посвящён событиям 1917 года в Донбассе. Впервые роман увидел свет ещё при жизни писателя, в 1970-х годах. Роман — одно из лучших произведений из того, что создано

писателем. Блестящий местный материал, прекрасно выписанные персонажи, динамичность сюжета — всё это бесспорные достоинства романа. Но моё внимание привлекла своеобразная переключка событий 1917 года с событиями 2014 года. Тарас Рыбас изображает украинских националистов, сторонников Центральной Рады, которые пытаются посягать на часть Донбасса. Как же удачно схвачен, изображён культурный и национальный контраст украинского и донбасского мировоззрений! Уже тогда, в советские годы, не имея возможности говорить об этом, писатель своим своеобразным языком сказал простую и ясную вещь: Донбасс — не Украина.

Хаос общественного сознания, неразбериху мнений и социальных установок писатель прекрасно изобразил. И опять же, как точно передан дух времени, так схожий с нынешним.

Украинские националисты, стоящие во главе Украинской народной республики, изображены пленниками своих мировоззренческих предрассудков: деления на «своих» и «чужих», идеализации народа как одной огромной семьи, веры в решение любых внутренних противоречий «духом нации». Любопытно, но киевские украинские националисты претендуют на Донбасс, совершенно не считаясь с его мнением, не зная его специфику. Что Киевщина, что Донбасс — для них разницы нет.

Рыбас изображает одного из таких националистов, правда, думающего (в отличие от остальных), — поэта Косицкого. Вот любопытный диалог его с владельцем угольных рудников Дитрихом:

«Косицкий стоял опустив голову.

— Хотите, я приглашу вас на наши предприятия? — обратился к нему Дитрих. — Мне бы хотелось вас задобрить...

— А я возьму и приму ваше приглашение, — ответил Косицкий, вскинув голову. — Только я приеду не гостем, а строгим контролёром моей республики.

— О-о, — улыбнулся Дитрих, — что же вы будете контролировать?

— Не знаю... Вашу любовь к нам! — воскликнул он.

— Милости просим! — развёл руками Дитрих...

Что ещё они могли контролировать? Для них Донбасс — огромный тёмный зверь, находящийся под боком. Он рядом, но вместе с тем далёк и неясен. Они смутно ощущают его чужеродность... Но что делать, если здесь сконцентрирована промышленность?

Вот и выходит, что украинские националисты во все времена приглядывались к Донбассу, контролировали «его любовь» к Украине.

Август

01.08.2014. У нас нет по-прежнему электричества. Исчезла вода. Мобильная связь отсутствует, правда, иногда приходят СМС-ки. В изоляции. Люди говорят, что мобильной связи нет в Вергунке, в кварталах (они выше, Вергунка в низине) «Киевстар» ловит хорошо, «МТС» так-сяк.

Мой друг Филипп Кициев рассказал вот о таком странном совпадении. Он живёт в квартале имени Т. Шевченко (этот квартал обстреливали очень сильно). Там уже несколько дней, как и у нас, нет электричества. В холодильниках пропадают скоропортящиеся продукты, особенно мясное. Так вот, вчера он шёл на небольшой

рынок — купить себе немного овощей. У одного из многоэтажных домов на земле два парня разводили костёр. Они сказали ему:

— Приходите к нам, мы будем готовить шашлыки.

Оказалось, что у них было запасено много мяса, но без холодильника оно пропадёт. И они решили приготовить из него шашлыки — не только для себя, они столько не съедят, но и для других, даже незнакомых людей. Вот такое вот луганское блокадное братство.

Шашлыки и не только собралось есть около двадцати человек. Некоторые выносили из квартир другую еду — овощи, вареники и т.д. Целый пир посреди спального квартала, прямо на земле, под угрозой снарядов и мин. Веселье, разговоры, вера в окончание всего этого военного кошмара. Спиртного не было. Разошлись, когда стемнело, перед наступлением комендантского часа.

А сегодня, на следующий день, почти в том же месте, где был блокадный пир, приземлилась мина. Случайность? Или работа наводчиков украинских карателей? Кто знает.

Вечером на севере канонада.

02.08.2014. Исчезла мобильная связь. На всех ближайших улицах нет электричества. До минимума упало давление в водопроводе, вода еле-еле течёт.

Узнали, что во время одного из предыдущих артобстрелов погиб священник нашей вергунской Вознесенской церкви отец Владимир. Царствие небесное новопреставленному рабу божию Владимиру.

Во второй половине дня был сильный артобстрел.

03.08.2014. Электричества, кажется, нет нигде в городе. На многих улицах нет воды. У нас вода есть только ночью, появляется после 10 часов вечера, тонкой струйкой, как спичка. Но есть до утра. Ночью запасаем воду на весь день, моем посуду. На многих соседних улицах воды нет абсолютно, даже ночью. Правда, на ул. Черниговской и ул. Радиусной вода есть.

Мобильной связи нет.

Взрывы не только на севере и востоке от нас, но и на юге. Кажется, бои идут везде, со всех сторон.

Сегодня заходил к Анатолию Мальцеву. Он сообщил, что вчера во время артобстрела убило женщину на их улице — Ольгу Кузнецову, старшую медсестру 5-й городской поликлиники. Женщина была в своём саду, где-то по соседству разорвался снаряд. Осколочное ранение в грудь и практически мгновенная смерть. Царствие небесное новопреставленной рабе божьей Ольге.

05.08.2014. Опять обстрелы. На днях снаряд разорвался у ограды старого вергунского кладбища.

06.08.2014. Для того чтобы занять дочь (она очень скучает по мультфильмам), задумал с Валентиной сделать настольную игру. Что-то на манер «Монополии». Весь день подбирали иллюстрации. Мама чертила на листе ватмана, который невеста откуда у нас оказался.

Сегодня поздним вечером начался сильный артиллерийский обстрел Малой Вергунки. Мы вовремя спустились в подвал, поскольку как раз в это время один за другим снаряды стали ложиться, казалось,

в наш дом. Оглушительный взрыв, жуткий треск, звуки падающих сверху предметов. С женой мы были уверены, что снаряды попали в нашу крышу.

Когда стихло, я поднялся наверх. К счастью, дом целый. Я в свете фонаря осмотрел комнаты, лишь в одном из окон я обнаружил разбитое стекло. Во дворе, посреди дорожки, лежал крупный, размером с кулак, кусок мергеля, судя по сколу, только что отбитый от более крупного камня. В свете фонаря крыша плохо просматривается, но кажется, что она целая.

07.08.2014. Утром я осмотрел ещё раз дом. Разбиты несколько стёкол, выходящих на Ленинградскую улицу. Во дворе несколько крупных осколков снаряда. У дома, находящегося на противоположной стороне улицы, разворочена крыша. Выбиты стёкла в соседних домах. Убрал осколки стекла.

После уборки вместе с дочерью сходили к дому с развороченной крышей (через дорогу, наискосок). Когда возвращались, встретили у нашего дома Анатолия Мальцева, который прибежал проведать нас. Ему сказали, что прошлой ночью снаряд угодил в дом на Ленинградской улице. Он, понятное дело, стал переживать, что это наш дом.

К двум часам дня опять начался артобстрел. Где-то относительно недалеко упали снаряды «Града». Мы спрятались в подвал, Валентина даже не успела доесть свой обед. В подвале всё дрожало, настолько сильной была вибрация. Когда я через некоторое время выбрался для разведки, то в окно, выходящее на север, увидел чёрный дым. Во дворе своём я обнаружил соседей — Светлану Львову с внуком (юноша лет девятнадцати). Оказывается, снаряды «Града» попали в дом их соседей, начался пожар, огонь перекинулся на растущую рядом с домом Львовой грушу. Бабушка и внук испугались возможности того, что огонь охватит и их дом. Перебравшись через забор, разделяющий наши сады, они оказались в моём дворе.

Через некоторое время приехала пожарная машина, вызванная ополченцами с блокпоста, и тётя Света отправилась показывать им место пожара.

Люди (жители Красного Яра) утверждают, что в Красном Яру среди национальной гвардии много чернокожих.

08.08.2014. Опять обстрелы, несколько раз за день. Со стен снимали картины и фотографии — боимся, что сорвутся и разобьются.

С 28 июля нет электричества. Уже больше недели не пользуемся всеми теми электроприборами, к которым привыкли как к чему-то повседневному, как к солнцу каждое утро. Теперь без холодильника, микроволновки, стиральной машинки, электрочайника, самых простых осветительных ламп ощутили себя ограниченными.

Ночью был сильный обстрел, очевидно, из крупнокалиберной артиллерии.

09.08.2014. Узнали последствия вчерашнего ночного обстрела. Прямое попадание во второй этаж здания школы N 39. Вид ужасный, здание старое, построено в 1930-е годы. Один из снарядов разбил крышу пятиэтажки на площади Обороны. Разрушено придо-

рожное кафе на ул. КИМ. Снаряды, упавшие возле 5-й городской поликлиники (ул. Уральская), выбили стёкла в окнах всех ближайших зданий — и в поликлинике, и в многоквартирных домах возле поликлиники. Один из снарядов разорвался на дорожке у автобусной остановки, совсем недалеко от детской площадки.

Светлана согласилась с необходимостью эвакуироваться.

10.08.2014. Сегодня приезжал сосед Александр, который уже несколько месяцев в ополчении. На нём камуфляж, пистолет в кобуре. Я попросил его узнать о возможности эвакуировать жену и детей. Он сказал: «Без проблем, только узнаем, когда будет коридор». Спрашивал также Александр, не желаю ли эвакуироваться я сам. Я ответил, что нет, я останусь со своим городом. Часть нашего диалога:

— Не хочешь ли вступить в ополчение?

— Боюсь, что я человек настолько невоенный, что буду только мешать.

— У нас есть работа и для невоенных.

— С удовольствием.

На том и порешили.

У Александра в начале августа погиб брат, также ополченец, во время эвакуации жителей Красного Яра. На мой вопрос, чей сейчас Красный Яр, сосед ответил:

— «Града». Укры в Зелёной Роше.

Ещё Саша сказал: «Мы уже начали побеждать». Правда, не стал конкретизировать, как именно «начали побеждать». Рассказал, что недавно его батарея (он в артиллерии) подбила в окрестностях Большой Вергунки БТР нацгвардии. Долго расспрашивал о том, что нам нужно. Я ответил, что у нас всё есть. Разве что необходимо лекарство моему сыну, от коликов.

Александр уехал. Через час вернулся с большим пакетом «гуманитарной помощи»: подгузники, соки, детское питание. А вот лекарства нигде нет.

11.08.2014. К Мальцеву приезжала Елена Настоящая. Вот до чего же смелый, отчаянный человек. Ехала через весь город. Оказывается, в Камброде почти тихо, разве что снаряды летают над головами. Иногда, говорит Лена, к окраине подходят украинские танки и стреляют по Луганску. Она была уверена, что в Малой Вергунке тихо. А тут, оказывается, такие обстрелы.

Сегодня уже две недели как нет электричества.

Светлана стала собирать сумку вещей для эвакуации.

В условиях отсутствия привычных источников информации острее чувствуется информационный голод. Только сейчас стало понятно, как мы привыкли к большому потоку информации, насколько такой поток информации стал личностной потребностью. Для ликвидации информационного голода много общаюсь с людьми, которых встречаю на улице. Их, таких людей, немного. Через людей узнаю, что происходит в самом ближайшем окружении. На улице Радиусной женщина убита осколком в голову. Разрушено несколько домов на улицах Вишнёвой и Революционной.

По вечерам по нашей улице проходит целое стадо коз. Недалеко от реки живёт баба Люба, которая и является владелицей козьей

ватаги. Баба Люба — классический пример русской женщины: сильная, неунывающая, решительная. Даже под бомбёжками она решается пасти своих рогатых и безрогих подопечных. Сейчас, понятное дело, она не может пасти своих коз за рекой, поэтому водит их по пустынным, зарастающим улицам Малой Вергунки.

Улицы приобретают вид жутковатый. После исхода людей жителей ближайших улиц поубавилось, а те, кто остался, предпочитают минимальное время проводить на воздухе, не под хрупкой защитой стен и крыши. После 12 часов дня улицы вымирают, разве что бездомные собаки бегают. И то редко.

Бабу Любу легко определить — у неё есть транзистор на батарееках. Когда внезапно со стороны улицы послышится музыка или голоса, то это верный признак приближения бабы Любы. К ней выхожу не один я, с нескрываемым восторгом выбегает на улицу моя дочь. Она радуется и козам (детям, насколько я убедился, очень необходима связь с другими живыми существами), и возможности выйти за пределы двора.

Сегодня баба Люба сообщила мне, что Новосветловка (посёлок в Краснодонском районе) взята украми. Стало быть, эвакуация моей семьи под большим вопросом.

Неужели Луганск возьмут?

12.08.2014. Сегодня совершенно неожиданно к нам приехала мама Светланы Елена Георгиевна. С 1 августа они не могли позвонить не только до нас, но и вообще ни к кому в Луганск. Вокруг Раёвки, под Весёлой Горой, у Металлиста — артиллерийские батареи украинской армии, которые практически постоянно стреляли в сторону Луганска. Орудийная канонада, рассказала нам Елена Георгиевна, не стихала ни днём, ни ночью. Конечно же, они очень переживали, беспокоились о нашей судьбе. Шли дни, мобильной связи с Луганском не было. К тому же всё острее ощущалась нехватка продуктов. Соседи Елены Георгиевны по даче, прослышав от других о возможных «объездах» блокпостов национальной гвардии, решили на свой страх и риск ехать в Луганск. Елена Георгиевна узнала об этом за 15 минут до отъезда и решила присоединиться к ним. Наши люди, русские люди, удивительные. Нет, нас никогда не победят. От Раёвки они поехали на запад, к селу Жёлтое. От этого села через поля и буераки по бездорожью их автомобиль доехал до Александровска, а оттуда они поехали в Луганск. Елену Георгиевну высадили в квартале имени Гаевого, там она села в маршрутное такси N 133 и поехала сразу к нам. Вот такое путешествие, под снарядами, с большим риском попасть под снайперский огонь любой из воюющих сторон.

В 16 часов обнаружили отсутствие газа в газопроводе. Светлана начала готовить овощное пюре Александру, но газ от спички не зажигался. Последнее стабильное бытовое благо, которое у нас оставалось, пропало. Ни электричества, ни мобильной связи, ни Интернета, ни воды толком (ночью — совсем под слабым напором), ни газа... Я отправился зажигать огонь в мангале (стоит у нас во дворе), но в это время начал моросить дождь. Я ушел в дом. Дождь усилился и перерос в грозовую с отдалёнными раскатами грома. С женою иногда вздрагивали: может, выстрел и сейчас послышится свист снаряда? Несколько раз подходил к печке, пробовал зажечь газ в конфорке.

В 19 часов газ не сразу, но загорелся. Сложно передать словами нашу радость от этого. Важно: всё же город не мёртв, не окончательно погиб, пытается жить, заживает свои раны, заботится о своих верных горожанах-детях, решивших остаться с родным городом.

И сегодня был артиллерийский обстрел, поздним вечером, а потом ночью. Рядом с блокпостом поздним вечером и ночью — автоматная перестрелка.

13.08.2014. Сегодня вечером приходила тёща. Днём она ходила к своей сестре и матери, живущим в квартале имени В. Комарова. На ул. 26-ти Бакинских комиссаров она видела большую колонну техники, не менее 50 единиц. Флаги были разные, в том числе и крымские. Все прохожие, которые попадались на пути Елены Георгиевны, были уверены, что это миротворческие войска России, радовались, некоторые плакали от счастья. Да, миротворческих войск луганчане (да и все в Донбассе) ждут как манны небесной, как единственного спасения.

Всё придумываю, чем бы занять дочь. Детство должно быть интересным. И полезным. И познавательным.

Сегодня с дочерью наблюдали за птицами. В саду и во дворе их множество. Пятилетняя Валя легко узнаёт малого пёстрого дятла, кольчатую горлицу, большую синицу, синицу-лазорежку, сойку, со-року, скворца, серую ворону. Из наблюдения: совершенно исчезли воробьи, стайки которых всегда были обычным явлением. Воробьёв нет ни стайками, ни в одиночку. Наверное, они оказались самыми пугливыми. Вспомнилось сразу про стрельбу из пушки по воробьям.

15.08.2014. С 6 августа обстрелы Малой Вергунки ежедневные.

Всё это чудовишно. Чудовишно знать, что в любую минуту в мой дом может прилететь смерть. И жутко от того, что смерть может попасть в другой дом, где также живут ни в чём не повинные люди.

Мне думается, что всё происходящее в Донбассе — это преступление против Человека, против всего того, к чему человечество двигалось на протяжении многих тысяч лет. Странно, что величайшие достижения искусства, науки, человеческой мысли, направленные на возвышение Человеческого Духа, на утверждение идей гуманизма, не изменили животного в человеке. Какую же ненависть к ближнему надо иметь, чтобы расстреливать город? Какую ненависть к ближнему надо иметь, чтобы закрывать глаза на убийство людей по соседству с твоим домом?

Мне вспоминается роман Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», те страницы, которые посвящены жестокому убийству трёх тысяч людей: «Те, кто находился в передних рядах, уже легли, скошенные пулемётными очередями. Оставшиеся в живых, вместо того чтобы упасть на землю, повернули обратно на площадь. И тогда паника ударила своим хвостом, как дракон, и швырнула их плотной волной на другую, двигавшуюся им навстречу волну, отправленную другим ударом хвоста дракона с другой улицы, где тоже без передышки стреляли пулемёты. Люди оказались запертыми, словно скот в загоне: они крутились в гигантском водовороте, который постепенно стягивался к своему эпицентру, потому что

края его всё время обрезались по кругу — как это бывает, когда чистишь луковицу, — ненасытными и планомерно действующими ножницами пулемётного огня».

Военные преступники, исполняя приказ, уничтожают людей. Хладнокровно, не задумываясь, не сожалея, что убивают людей — детей, женщин, мужчин. Художественная реальность романа Маркеса соединилась с реальностью Донбасса, где невымысленные военные преступники уничтожают людей — высший смысл высоких идей гуманизма. В каждом убитом — Иисус Христос, в каждом покалеченном — Мона Лиза, в каждом униженном и оскорблённом — Фауст.

Но как же со следами преступления? В романе Маркеса один из персонажей приходит в себя и замечает, что лежит на трупах. «Ими был набит весь вагон, лишь посредине оставался свободный проход... Пытаясь спастись от этого кошмара, Хосе Аркадио Второй переползал из вагона в вагон к голове поезда и при вспыхивах света, мелькавшего в щелях между планками обшивки, когда состав проносился мимо спящих посёлков, видел мёртвых мужчин, мёртвых женщин, мёртвых детей, которых везли, чтобы сбросить в море, как бракованные бананы... Это был самый длинный состав из всех виденных им — почти двести товарных вагонов...»

Сколько погибших уже в Донбассе? Оторванные от информационного потока, мы совершенно не получаем хотя бы крупицу новостей. И что ждать нам? Гибели от снарядов? Гибели от пуль? Или наступит хоть какое-то улучшение?

Что ждёт нас? Забвение? И опять Маркес: «Официальная версия, которую тысячи раз повторяли и вдалбливали населению всеми имевшимися в распоряжении правительства средствами информации, в конце концов была навязана каждому: мёртвых не было...»

Неужели и нас не будет? Не будет Луганска, не будет Донбасса, не будет никого, даже случайно выжившего, который смог бы рассказать правду обо всём, что здесь было, что происходило.

16.08.2014. Вот что рассказала Елена Георгиевна. Вчера, 15 августа, она утром отправилась узнать, работает ли почта. На перекрёстке улиц Оборонной и Алексеева она встретила детского врача Виктора Дмитриевича Морозова (доктор уже в преклонном возрасте). Его Елена Георгиевна хорошо знает, он лечил её детей и внучку Валентину. Виктор Дмитриевич был невероятно расстроенным, по щекам текли слёзы.

— Что случилось, Виктор Дмитриевич?

— Ах, это просто ужасно... Я их всех лечил... А они мёртвые лежат...

Ранним утром были обстреляны многоэтажные дома на ул. Алексеева. За день до этого здесь появился человек в камуфляже, который сказал жильцам домов, что завтра рано утром сюда приедет цистерна с водой. Вода — самая большая проблема для луганчан. Никто не спросил у человека в камуфляже, кто он, откуда. Весть о возможной подвозке воды прямо к дому затмила всё. Конечно же, утром во дворах собрались многие жильцы в ожидании вождельной воды. Цистерны не было. Кто-то додумался сломать дверь, ведущую в подвал. Через некоторое время на улицу Алексеева упало несколько снарядов. Когда Елена Георгиевна была там, тела погибших ещё не

были убраны. Сколько именно погибло, она не стала выяснять. Не до статистики. Но погибло много людей. Царствие небесное всем погибшим...

Поделюсь некоторыми наблюдениями. Уже долгое время живём в большом напряжении. Обстрелы ежедневны. Из-за чувства тревоги, напряженности, прислушивания (вдруг выстрел?) очень высокая утомляемость. Сплю плохо. Сны так же тревожны, как явь. Помните стихотворение детского писателя Романа Сефа «Голубой метеорит»?

*Где-то в космосе летит
Голубой метеорит.
Ты идёшь, а он летит.
Ты бежишь, а он летит.
Ты упал, но всё летит
В космосе метеорит.*

За точность цитаты не ручаюсь, но суть в том, что, что бы ты ни делал, всё летит и неизбежно приближается к тебе метеорит. Вот так и я: сплю ли, ем ли, сижу ли, но ко мне и моим близким неизбежно приближается артиллерийский снаряд, уже произведённый на заводе и доставленный на склад боеприпасов какого-нибудь из батальонов национальной гвардии Украины. Вспоминается знаменитое стихотворение Семёна Гудзенко «Перед атакой»:

*Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины...*

Одним словом, ощущение себя мишенью напрягает, тяготит. Так и до паранойи недалеко.

Как всегда, утром собирал во дворе утренние осколки снарядов (в скучных странах собирают утренние газеты, а в Новороссии вместо газет осколки). Так вот, оказалось, что осколки вчерашних снарядов блестят новеньким стальным блеском. Особенно это бросается в глаза, если положить их рядом: позавчерашний осколок из поржавевшей, потемневшей стали и найденный сегодня — найденный сегодня блестит свежей смертью.

Утром стоял на улице, мимо проходили две женщины.

— Скажите, — спрашивают у меня, — где вчера обстреливали?

— Кажется, обстреливали Зелёную улицу, а может, Радиусную...

— Боже!

Дома женщин на Зелёной улице, они уходят ночевать в другие места. Причина — в доме нет подвала, негде прятаться. Зелёная улица подтапливается грунтовыми водами и водами реки Лугань. В мирное время воду откачивают и в подвалах воды нет. А сейчас без электричества насосы не работают, вода прибывает, у многих затоплены не только подвалы, но и приусадебные участки. Жители улицы в отчаянии, даже обращались к ополченцам за помощью — установить электрогенератор для насосов. Но ополченцы заняты сейчас больше войной.

17.08.2014. Как выглядит день блокадника? Даю описание на примере моей семьи.

Для начала скажу, что в подвал мы уходим только при сильном и близком артогне. Спим в своих комнатах, правда, выбираем далёкие от окон места.

Просыпаемся рано, в 5–6 утра. Готовим завтрак, играем с детьми. Ждём утреннего обстрела. Как правило, начинают стрелять после 8 утра, но недолго, выпускают не более 10 снарядов. Слава богу, у укров не хватает артиллерии, чтобы накрыть весь Луганск — всё же город занимает большую площадь. Поэтому украинские каратели в один день обстреливают один избранный ими квадрат, на следующий — другой квадрат. Правда, лично мы живём в «неудачном квадрате», от нашего дома до блокпоста от силы метров 300. Поэтому по нашему квадрату бьют всегда. Несмотря на это утром на улицах встречается больше всего людей — кто в гости, кто просто вышел разузнать новости и пообщаться. В основном пожилые. Многие отправляются за водой — в большей части города нет воды, из-за чего люди вынуждены ходить к тем немногим местам в Луганске, где вода всё же есть. Утром я иногда также хожу в гости и за новостями.

Днём играем с детьми, читаем книги. На улицах в это время пусто. Но днём Вергунку обстреливают редко, значительно реже, чем утром, вечером и ночью.

Вечером, перед ужином, я выхожу на улицу — поговорить с прохожими. После ужина, когда уже темнеет сильно, укладываем детей спать. Иногда перед сном купаем детей. Но часов до 11 вечера либо я, либо жена находимся на дежурстве: с 9 до 11 вечера укры чаще всего стреляют по Вергунке. Можно даже часы сверять. Именно в этот промежуток времени чаще всего мы вынуждены будить детей и бежать прятаться в подвал. Укры бьют непродолжительно, но иногда делают промежуток с час, после которого стреляют опять. После обстрела с блокпоста начинает бить пулемёт и слышна автоматная перестрелка. Это пустяки, к которым привыкли и уже не обращаем на них внимания.

С 10 вечера в кране появляется вода — великое наше счастье, многие нам завидуют. Наша улица находится внизу, у самой реки: очевидно, ночью увеличивается давление из-за снижения водопользования и вода появляется у нас. Вода едва-едва течёт, струйка толщиной в спичку. При свете свечи моем посуду, после — набираем во все кастрюли, кастрюльки, чайники, вёдра воду так, чтобы хватило на весь последующий день. Глубоко за полночь ложимся спать.

Вот так и живём.

Другим луганчанам хуже: у них нет воды и они вынуждены отправляться за ней порою очень далеко. Очереди чаще всего большие, в несколько десятков человек — обыкновенное явление. Общался со многими знакомыми, которые вынуждены каждое утро ходить за водой. Все отмечают одну общую черту: если даже начинаются взрывы относительно недалеко от очереди, никто не уходит, все продолжают стоять. Бог хранит луганчан от снарядов украинских извергов.

Крупные магазины, торговые центры, супермаркеты не работают — у них всё завязано на электричестве. Зато работают маленькие магазинчики, а также продавцы на рынках. Цены выросли, на некоторые товары — значительно (особенно растительное масло, мясная продукция, консервы, многие крупы). Нас рост цен почти не коснулся, мы живём старыми запасами, сделанными ещё до войны.

Хлеб продаётся как в небольших магазинчиках, так и с автомашин, которые приезжают на некоторые улицы. К сожалению, к нам такие автомобили не приезжают, приходится ходить далеко на ближайший рынок у квартала 50 лет Октября.

19.08.2014. Сегодня украинская армия устроила Луганску «кровавый Спас». В этот светлый христианский праздник — чудовишное военное преступление против мирного населения.

В этот день я решил идти в центр города — узнать, возможно ли ещё эвакуировать семью. Сосед-ополченец Александр, которого я просил о помощи в эвакуации семьи, не появляется. Жив ли он? Не знаю. Поэтому я решил сходить и узнать что-нибудь определённое.

Утро было тихое, даже вдалеке не слышалось взрывов. Я решил идти пешком, а не ехать маршрутным такси, прежде всего потому что мне хотелось посмотреть на город. Он предстал передо мною заросшим травой, со стаями бездомных собак. На дорогах очень мало автомобилей, а те, которые есть, — ополченцев. Правда, маршрутные такси встречаются достаточно часто. Людей на улице немного.

Приблизившись к перекрёстку ул. Советской с ул. 50-летия Образования СССР (было начало 12-го часа дня), я обнаружил небольшую группу людей, что-то оживлённо обсуждавших. Присоединившись к этой группе, я выяснил, что около полутора часов назад здесь прямо на проезжей части, возле автобусной остановки, взорвался снаряд. Двух женщин убило (их тела уже увезли). Действительно, на дорожках ещё виднелась кровь, стены магазинчиков были изрешечены осколками.

Я был потрясён этим, но продолжил путь. Я внимательно рассматривал здания, как будто никогда их не видел. И вправду, ведь я их никогда не видел во время войны... Я пошёл через ул. Шелкового, мимо школы № 26. На ул. Шелкового многие дома были повреждены взрывами, лежали поваленные деревья, битое стекло. Всё это следы предыдущих артиллерийских обстрелов. Далее я последовал к перекрёстку улиц Советской и 16-й линии. Когда-то оживлённый перекрёсток был пустынным, прохожие встречались изредка. Я подошёл к библиотеке имени М. Горького, рассмотреть, не пострадал ли памятник автору «Слова о полку Игореве», находящийся перед входом в библиотеку. И тут где-то далеко на севере послышался «бух», еле слышный звук выстрела. Я насторожился, уже ведь не первый месяц под обстрелами. Через 6–8 секунд снаряд пронёсся над головой, полетев куда-то в сторону Луганского университета имени Т. Шевченко, в южном направлении. Через мгновение раздался взрыв.

Некоторое время я был в растерянности, а потом начал переходить улицу на сторону торгового комплекса «Кристалл». И в это время на севере раздался один за другим несколько «бух», «бух», «бух». Я замер. Как замороженный я слушал звук приближающихся снарядов, механически пригнулся, хотя, безусловно, это не могло бы спасти мне жизнь, если бы снаряд попал в рядом находящееся здание, например, в гостиницу «Луганск». Один из снарядов полетел также в сторону университета имени Т. Шевченко, другие взорвались на Советской и на площади Героев Великой Отечественной войны (на западе от меня). Я видел высокое то ли пылевое, то ли дымовое облако, высотой, как мне показалось, с пятиэтажный дом. Из этого

облака мне навстречу по проезжей части Советской улицы неслись какие-то обломки, может быть, фрагменты здания или автомобиля.

Эта картина как будто вывела меня из оцепенения. Я быстро перебрался через ограду разделительной полосы и скрылся за зданием торгового комплекса «Кристалл». Над головой прожужжали снаряды, я лёг лицом вниз на заросшей травой лужайке. После взрыва, прозвучавшего, к счастью, далеко от меня, я быстро бросился бежать к ул. 16-я линия. На этой улице я немного пришел в себя. У меня возникла мысль вернуться домой, но я себя остановил. Мне показалось нелепым и бессмысленным вернуться домой ни с чем. Выстрелов больше не было, и я отправился к зданию бывшей областной государственной администрации. Шёл дворами.

Вышел вначале к зданию ОГА, которое выходит фасадом на Русский драмтеатр. Там у входа были различные объявления о выдаче детской гуманитарной помощи. У волонтеров я спросил об эвакуации детей, но они ничего об этом не знали и посоветовали ко мне сходить «к ополченцам» в соседнее административное здание (в народе прозванное «дом с шарами»). Это здание было здесь же, на площади Героев Великой Отечественной войны. Когда я подходил к нему, с севера полетели новые снаряды. Из главного входа «дома с шарами» кого-то выносили на носилках и укладывали в машину скорой помощи. Человек (это был пожилой мужчина) не двигался. Я не смог определить, жив ли он, но лицо его не было накрыто покрывалом. У входа было несколько вооружённых «калашниками» ополченцев, очень возбуждённых. Один лет двадцати, второму было за сорок. У них я спросил об эвакуации детей. В ответ оба выдали продолжительную матерную тираду, изредка перемежавшуюся нематерными словами. Суть тирады сводилась к смыслу: «Где вы так долго сидели, разве вы не знаете, что Луганск в окружении и везде идут бои?» Но в конце старший из них спросил: «Где ваш паспорт?» А вот паспорт я свой и не взял. «Не о чем тогда говорить... Уходите, вы же видите, что артобстрел? Нам лишние трупы не нужны...»

И я отправился домой. Между тем снаряды продолжали свистеть над головой, взрывы гремели, заставляя торопиться. У дверей, из которых выдавалась гуманитарная помощь, выбежали волонтеры и стали уводить прохожих в здание, в бомбоубежище. Увели и меня, хотя я и пытался отказаться. Бомбоубежище капитальное (в советское время здесь был обком КПСС). Электричество заменяли многочисленные свечи. Всего собралось около двух десятков людей, некоторые — с детьми (приходили за гуманитарной помощью). Разговоры разные, но люди не унывают. Одна бабушка рассказывала, что она всё это время коротает за вышивкой бисером. Но бисер весь вышел, а магазины не работают, купить негде. Я не разговаривал, только слушал. Один из волонтеров почему-то спросил у меня вполголоса: «Вы не духовного звания?»

В бомбоубежище нас продержали около двадцати минут, до конца артобстрела. После я продолжил путь. Возвращался домой другой дорогой, также пешком: вначале по улице Коцюбинского, потом Сорокина до Луганского СИЗО, от него — вниз до улицы Фрунзе, по Фрунзе до своей улицы. Путь немалый и дал мне возможность внимательно посмотреть на весь город. Разрушения есть, но не столь масштабные, как я себе представлял. Впечатлил вид

одной новостройки, находящейся рядом со зданием СБУ, — в ней около десятка попаданий снарядов. Но это единственное здание с такими следами «любви» Украины к Донбассу. Может, укры на нём составались в меткости?

На улице Павла Сороки мне попались пожилые мужчина и женщина, которые спросили меня, не знаю ли я о том, где были взрывы снарядов. Я рассказал им, что знал. Отходя, улыбнулся: как и у нас в Вергунке, люди рады расспрашивать случайного прохожего, лишь бы узнать что-нибудь новое. Во время своей длительной пешей экскурсии трижды в различных местах встречал странных молодых людей на велосипедах. Все трое по виду, студенты, на спортивных велосипедах, поклажи никакой, лишь за спиной небольшие рюкзаки. Сомневаюсь, что они решили испытать свои нервы и отправились на спортивную велопрогулку под артобстрел. А в Вергунке всё было тихо и спокойно, немного обстреляли блокпост ополченцев на мосту, и всё.

20.08.2014. Сегодня узнал, что на улице Революционной погиб Сергей Арпентьев, с которым я был знаком, мы даже некоторое время учились в одном классе. Война собирает свою жатву.

23.08.2014. Вчера тёща пыталась пешком пойти на раевские дачи. Расстояние от Луганска до раевских дач приблизительно 25 километров. План был такой: доехать до посёлка Юбилейного (туда ходят маршрутные такси), а оттуда пешком до села Жёлтого, от него до Раёвки и раевских дач. План не удался: тёща была с тачкой (продукты на дачу), ополченцы развернули и не выпустили за пределы Юбилейного. Сказали, что укры готовятся на День независимости Укропии (24 августа) массовые обстрелы.

Но тёща, Елена Георгиевна, сегодня опять отправилась в Юбилейный, поменяла тачку на рюкзак и решила осуществить свой план. Ведь на дачах остался её муж, практически без продуктов. Светлана очень волнуется, задумка её матери крайне рискованная.

24.08.2014. Мы ожидали, что сегодня обстрел будет сильнее (ведь у украинских националистов праздник), но стреляли как обычно, не сильнее и не слабее. Взрывы доносятся и с севера, и с юга, и с запада, и с востока. Тёща не вернулась, теперь думаем, удался ли её план?

Из новостей.

Во-первых, узнал, что не так давно (а может, и давно, но в августе) на сельскохозяйственных полях вблизи Весёленькой (находится на востоке от Малой Вергунки) из артиллерии обстреляли женщин, убиравших лук. История вот в чём. Из-за войны пропадает урожай находящихся вблизи от Луганска полей. Сами фермеры кто разбежался, у других нет техники или топлива. Поэтому нашлись дельцы, которые наняли несколько человек (в том числе из Вергунки) для уборки урожая. Одну из таких бригад накрыл артогонь. Одна женщина убита на месте, другая с ранениями попала в реанимацию и умерла уже в больнице (она с улицы Минской, но имя никак не могу узнать), третья получила лёгкие ранения.

Во-вторых. Вечером была баба Люба. Оказывается, по украинскому радио передают феерические новости: Луганск почти взят,

бои идут в центре города, а над Жовтневым (Октябрьским) районным отделением милиции «майорит» (развевается) флаг Украины. Нам смешно, но говорю, что где-нибудь в Шепетовке верят этой ахинее. «Да, — говорит баба Люба, — верят, куда же им деваться. Ничего же другого не говорят... Вот не так давно сказали по радио, что украинская армия освободила города Вергунка и Красный Яр». Вот, Вергунка и Красный Яр теперь отдельные города... Значит, плохи дела у укров, если так беззастенчиво врут.

25.08.2014. Сегодня годовщина смерти моей матери. Впервые не пошёл на кладбище. Страшно не за свою жизнь. Страшно оставить семью.

Из удивительного.

К нам прибилась чёрно-красный петух. Дочь в необыкновенном восторге. Я сказал ей, что надо отыскать хозяина и вернуть ему петуха. Валя расстроилась и стала просить, чтобы мы его оставили.

26.08.2014. День был как день, ничего особенного. Всё так же общались с редкими прохожими. Безуспешно пытался узнать о хозяине прибывшего к нам петуха.

Баба Люба рассказала, что не так давно на Радиусном переулке снаряд попал в курятник бабушки Веры. Но сама бабушка всё оставила и уехала к дочери, у которой квартира где-то в другой части Луганска. «Может быть, это её петух», — предположила баба Люба.

В последние дни значительно улучшился напор воды, она теперь есть почти весь день. Вечером помыли посуду, набрали воду в различные ёмкости и легли спать. Разбудили нас оглушительные, очень близкие взрывы. Отчётливо слышался громкий выстрел, после свист приближающегося снаряда и взрыв. На часах 23:30. Жена схватила Александра и быстро стала спускаться в подвал. Я же повёл перепуганную дочь обуваться. В это время послышался взрыв и тут же россыпью полетели стёкла в окнах. Дочка закричала, я её прижал к себе и бросился к лестнице, ведущей в подвал. Послышался выстрел и стремительно нарастающий свист снаряда. Дочка прижалась ко мне изо всех сил пятилетнего ребёнка, я остановился у стены, решив переждать взрыв. Он грянул незамедлительно, отчаянно вздохнула кровля, по крыше начало что-то звякать. После взрыва я с дочерью на руках спустился по лестнице к жене. Светлана уже зажгла свечу и с большой тревогой дожидалась нас.

Ещё два-три взрыва, и наступила тишина.

Жена была против, но через двадцать минут после окончания артобстрела я вылез из подвала и отправился на разведку. Фонарь светил еле-еле, из последних сил (разрядился аккумулятор). Осмотрел вначале комнаты, под ногами хрустело битое стекло. После вышел на улицу. Входная дверь была цела. Во дворе — битое стекло, которое отлетело от некоторых окон метра на полтора. Очень сильный, резкий запах свежескошенной травы ударил мне в ноздри. Я удивился этому запаху, но объяснения не находил. «Не химическое же это оружие?» — пронеслось у меня в голове. Я стал перебирать в голове то, что знаю из химеружия, но ничего похожего не находил. Очень тусклый свет не позволял осмотреть крышу, я беспокоился, что её сорвало.

В час ночи перенесли детей в их кровати.

27.08.2014. Утром осмотрел последствия ночного обстрела. В моём саду разорвалось два снаряда. Теперь стал понятен запах свежескошенной травы — это запах хлорофилла, ведь со всех садовых деревьев, кустарников была сорвана листва, ветви обломаны, травы смяты. Вокруг воронки — голая земля, казалось, что каждую травинку вырвали, всё сгребли граблями. Один из снарядов попал в старую грушу, разворотив ствол (очень толстый, в диаметре не менее 30 см). Под грушей стоит старая чугунная ванна, в которой я держал воду для полива. Ванна оказалась насквозь продырявленной осколками, летевшими сверху от места взрыва в стволе несчастного дерева.

В пяти окнах выбиты стёкла, во дворе и саду множество осколков, выбита дверца чердака. Слава богу, не в дом — думаем с женой.

В дом по соседству (четыре дома от моего) попал снаряд, вся крыша разворочена. Воронка от снаряда также в саду у моих соседей. Остальные последствия обстрела неизвестны. Раненых и убитых поблизости нет (многие бросили дома и уехали).

Полдня убирали осколки битого стекла. Окна забил полиэтиленовой плёнкой. Собрал осколки снарядов. В совокупности за все дни обстрелов у меня накопилось около 5 килограммов осколков.

Сегодня приехала тёща. Оказалось, что она в субботу 23 августа всё же дошла до раевских дач. Рассказала, что в открытом поле всё время чувствовала себя мишенью. В пути напугали два «Урала», ехавших по грунтовой дороге очень медленно. Наверно, везли боеприпасы.

А сейчас её родственник рискнул поехать в город за продуктами и тёплыми вещами. Привезла овощей и фруктов и тут же уехала, чтобы поспеть назад — времени было в обрез. Говорит, украинские воюки на той стороне ведут себя нагло и высокомерно, как, очевидно, и должны вести себя оккупанты. С её слов, ополченцы, наоборот, стараются быть вежливыми, а узнав, что едут в Луганск за тёплыми вещами, сказали: «Не беспокойтесь, зимовать будете в тепле у себя дома...»

Будет наступление?

Между тем в Луганске началась выдача гуманитарной помощи из России.

28.08.2014. Сегодня утром ходил к Жовтневому райисполкому. Там сейчас располагается военная комендатура.

По дороге встретил Наталию Мавроди, луганскую писательницу. Даже обнялись — сейчас каждого своего знакомого рады видеть несказанно, как после возвращения с того света. Поговорили о многом. Она также живёт в многоэтажке. У них в доме нет ничего: ни воды, ни электричества, ни газа (дом был оборудован электроплитами). Еду готовят на мангале, который стоит на общем балконе. Воду приходится носить издалека. Её квартира на 12-м этаже. Снаряд попал в их дом, в десятый этаж. Говорит, пережили настоящий ужас.

Выяснить ничего толком не получилось. Получил газету «XX век», которая сейчас выходит в формате листовки (А4). Газета раздаётся бесплатно.

Из газеты, во-первых, узнал, что Наталия Максимец — моя знакомая журналистка — в Луганске и сотрудничает в газете «XX век». Во-вторых, в газете было напечатано обращение Главы Луганской

народной республики Игоря Плотницкого к жителям Луганщины, покинувшим родину. Вот фрагмент этого обращения:

«Отдельно обращаюсь ко всем нашим людям, которым пришлось покинуть свою Родину, спасаясь от варварских обстрелов и репрессий со стороны украинской армии. К сожалению, мы в своё время не смогли защитить вас от ужасов этой войны. Сегодня ситуация кардинально изменилась. Мы переходим в наступление в ближайшее время. Территория Луганской народной республики будет очищена от нацистских орл. Вы можете возвращаться! Родная Луганщина ждёт вас и нуждается в вас! Мы готовы возобновить все социальные выплаты. Мы открываем школы, садики, университеты. Мы ждём всех, кто считает себя патриотом нашей земли. Мы не делаем и не будем делать различий между теми, кто воевал и кто вынужден был покинуть свои дома. Вы все для нас родные. Возвращайтесь, мы ждём вас!»

Откровенно говоря, содержание данного текста показалось мне фантастическим, нереальным. Какое может быть возвращение, когда артиллерийские обстрелы продолжаются? Какие выплаты зарплат? Какие школы и садики? Какое наступление в ближайшее время? Наступление в «ближайшие два-три дня» обещал ещё Валерий Болотов в июле месяце. И не было ни наступления, ни побед. А получили мы кровавый август, да отставку Болотова, да разруху.

А между тем на страницах газеты звучали бодрые, обнадеживающие новости. Вот заголовки: «Работает информационный центр по трудоустройству граждан», «Состоялось первое заседание нового кабинета министров ЛНР», «Манолис Пилавов: “Вместе мы выстоим!”»... В газете сообщалось, что с 1 сентября откроется в Луганске пять школ, а также говорилось о начале выдачи гуманитарной помощи из Российской Федерации в 30 пунктах по всему городу. Одним словом, судя по материалам газеты, скоро жизнь в столице ЛНР зайдёт ключом.

Больше всего меня поразила не выдача гуманитарной помощи и не работа центра по трудоустройству граждан, а факт открытия 1 сентября нескольких школ (5 из 60 луганских). Мне показалось это дикостью, совершенно неприемлемой в условиях, когда Луганск обстреливается украинской артиллерией.

Когда пришёл домой, у нас в гостях была Елена Настоящая. Светлана уже сводила её в наш сад посмотреть главную достопримечательность — воронку и последствия взрывов. Лена даже сфотографировала «урожай» осколков снарядов. Я показал принесённую с собой газету и высказал сомнения по поводу реальности планов относительно открытия школ. Со мной согласились.

После чая (было около 12 часов дня) я, Лена Настоящая и Валентина отправились навестить Анатолия Мальцева. Валентину взял с тревогой на сердце — Вергунку могли обстрелять в любой момент. Но, во-первых, утро было тихим, взрывов не было слышно даже в отдалении. А во-вторых, дочка моя очень и очень просила. Я её понимаю: столько времени сидеть в доме и дворе, не отходить никуда. Перед выходом я дал ей наставления, как себя вести, если

вдруг начнут нас обстреливать: лечь и прижаться к земле, потому как осколки снарядов летят, как правило, на высоте от 30 сантиметров над землёй. Дочка спросила: «А откуда фашисты узнают, что я вышла из дома?»

По дороге к Мальцеву побыли немного на детской площадке, Валентина каталась на качелях. Вид площадки пустынный, заброшенный. Кругом высокая трава. У самой качели — крупный осколок снаряда.

Когда приближались к 5-й городской поликлинике, едущая мимо нас автомашина остановилась и меня окликнули. Мы остановились. Из автомобиля вышел мужчина и подал мне две бутылки с ситро. «Для ребёнка», — кратко сказал он, сел в автомобиль и поехал дальше. Да, детей в Луганске сейчас встретишь нечасто...

У Анатолия Мальцева побыли недолго, к нему пришёл Андрей Волков. Он сказал нам: «Хотите посмотреть новости?» Мы согласились и пошли к нему домой (он живёт совсем рядом от дома Мальцева). У Волкова есть электрогенератор, но топлива мало, поэтому он его экономит и включает генератор на час или даже полчаса — посмотреть новости, зарядить телефон и ноутбук. Спутниковая антенна позволяла смотреть любые телеканалы. Исключением было только луганское телевидение — местная телевышка была обесточена и ничего не передавала.

Почти весь выпуск новостей одного из российских телеканалов был посвящен событиям в Донбассе и на Украине. Из выпуска мы узнали об Иловейском котле, о массовом бегстве солдат украинской армии в Россию, о стремительном наступлении армии ДНР, боях под Саур-Могилой. И ещё прозвучала одна чёткая мысль: ополчение Донбасса теперь не разрозненная сила, а сплочённая боевая армия, сопоставимая с регулярной армией. Мы улыбнулись такому месседжу телевизионщиков.

Домой вернулись после 14 часов.

29.08.2014. Сегодня ездил на маршрутном такси в центр Луганска. Когда проезжали по ул. Монтажной, у самой проезжей части, немного не доезжая до завода «Маршал», видел корпус обгорелого легкового автомобиля. Кое-где видны воронки, как, например, на перекрёстке ул. Монтажной и ул. Южной, у самой автобусной остановки.

В центре всё тихо, почти мирная жизнь. Давно не слышно взрывов, но артиллерия ополченцев бьёт из центральной части города регулярно.

Домой вернулся к 12 часам пешком. Вид израненного обстрелом Луганска рвёт душу на части. Но луганчане с какой-то закалкой, твёрдость приятно поражает.

У ближайшего к моему дому пункта выдачи гуманитарной помощи из РФ огромная очередь в несколько сотен людей. Как я узнал у знакомых, выдают талончики с номерами. Уже перешагнули за пятую сотню. Места в очереди не занимал — у нас пока есть все продукты.

А вот подгузники подходят к концу, но детскую гуманитарку выдают только в центре города, в здании бывшей областной госадминистрации.

С женой испытываем большой информационный голод. Да, конечно же, читаем очень много. Но всё равно информация приходит

в меньшем объёме, чем до отключения мобильной связи и Интернета. Наверно, по этой причине стали развязывать запутанную головоломку — происхождение названия «Вергунка». Обратился к краеведческому источнику, но там написан какой-то бред про то, что название населённого пункта (впервые упоминается в 1707 году) связано со словом «вергунить» — сманивать, заманивать. Якобы сюда сманивали поселенцев. В эту этимологию не верю. Куда сманивать? В Дикое Поле — голые, безлюдные места, которые подвергались постоянным набегам татар? Чепуха. Вергунка — давний посёлок донских казаков. Сам я коренной вергунчанин. Неоднократно слышал различные легенды, в которых появление Вергунки на берегу Лугани связывали с казаком Вергуном. Существование этого казака — загадка. Ни в одном историческом документе он не упоминается. «Вергун» — прозвище, но от чего оно произошло? Слышал предположения, что это слово тюркского происхождения. Сомневаюсь. Вот мои доводы. В основе лежит корень русского слова «верг-», сейчас с этим корнем используются такие слова: отвергать, извергать, повергать, свергать и т. д. Их значение — сбрасывать, отбрасывать.

Почему «вергун»? Тоже можно объяснить — есть множество русских прозвищ с окончанием «-ун»: хвастун, моргун, молчун и т. д. Выходит, что Вергун — вполне русское прозвище, которое, очевидно, и принадлежало первооснователю поселения на берегу Лугани вблизи от крупной казачьей станицы Луганской. Кстати, мне вспомнилась одна из местных легенд, в которой «вергункой» назывался аркан, которым казаки брали в плен татар. Вот и объяснение сбрасыванию, «повержению» врагов.

30.08.2014. Сегодня рано утром приходила к нам моя знакомая тётя Нина (она давний друг нашей семьи, одноклассница и приятельница моей матери). Из заботы взяла номерок в очереди за гуманитаркой на меня и мою жену.

— Я ведь не просил...

— А что тут просить? Я взяла, что, у меня руки отвалятся? Всё равно идти мимо твоего дома.

И тут же:

— Как вы тут с детьми, бедные?

В представлении всех местных пожилых женщин мы самые несчастные люди в Вергунке (если не вообще в Луганске), которым постоянно нужно помогать. Не пойму, почему так вышло. Может быть, это из-за того, что свою материнскую и бабушкину ласку не на кого направить. Валентине давали то яблоки, то конфеты, а однажды нам привезли булку хлеба, узнав, что я не смог в тот день её приобрести (хлеба иногда не хватало на всех).

Тётя Нина рассказала вот что. Её знакомая 13 августа вышла с работы за хлебом (хлеб сейчас надо покупать вовремя, ранним утром) и пропала. Тело сын опознал лишь 18 августа в городском морге. Женщина погибла на ул. М. Ломоносова во время обстрела, с ней не было документов, устанавливающих личность. Так что луганчанам документы нужны и живым, и мёртвым...

Наши номерки на получение гуманитарной помощи были к концу 600-х. Я подумал, что получу только к концу следующей недели. Но днём пошёл проведать Мальцева. Путь лежал через пункт выдачи

гуманитарки (он также на ул. Черниговской, в здании бывшего детского садика). У очереди остановился, чтобы разузнать подробнее о том, какие нужно предъявлять документы. Заодно спросил, могут ли получить гуманитарку и за свою жену, которая остаётся дома с маленькими детьми. Мои вопросы дали неожиданный результат: меня заставили получать гуманитарку и за себя, и за жену, и за детей. Заставили в прямом смысле слова — я пытался сказать, что моя очередь нескоро, но меня остановили и отправили получать гуманитарку. Благо со мною были все необходимые документы. Гуманитарка отменная: гречка, сахар, тушёнка.

К Мальцеву так и не попал.

Сегодня не спускались в подвал, укры обстреливали восточную часть Малой Вергунки, улицы Революционную, Вишнёвую, нижнюю часть Смоленской. На Революционной разрушено прямыми попаданиями 16 домов. И сколько ещё будет разрушено?

31.08.2014. Сегодня — День шахтёра, для Донбасса один из главных праздников. Этот день укры отметили массированными артиллерийскими обстрелами. Взрывы гремели повсюду. В подвал спускались несколько раз. Прибитая к рамам полиэтиленовая плёнка начала отрываться, не выдерживая удары взрывных волн. Но, слава богу, новых снарядов к нам во двор или сад не прилетело. Укры бьют зажигающими снарядами, в нескольких местах поднялись пожары. Через несколько минут — пожарные машины. Вот работа у ребят — герои все, не отвертись...

Был у Мальцева днём, в районе 13 часов дня.

Абсолютной фантастикой представляется завтрашнее открытие 5 луганских школ.

* * *

А потом наступила осень. И стремительное наступление ополченцев. И освобождение Хрящеватого, Лутугино, Георгиевки... И ещё три дня — по 3 сентября — обстрелов Малой Вергунки. И до 5 сентября — обстрелы Камброда (в том числе кассетными ракетами). И открытие целых 6(!) городских школ. И стремительное возобновление работ всех коммунальных городских служб. И восстановление подачи электричества к середине сентября...

И как в прорубь — общение со знакомыми и незнакомыми людьми Донбасса. Теми, кто был в защищаемых ополченцами городах и сёлах, и теми, кто оказался на территории, занятой украинскими «войсками». И мы, те, кто был всегда на территории ополченцев, с ужасом слушали людей, оказавшихся «освобождёнными» украинской армией. О расстрелах, о групповых изнасилованиях, о зверской жестокости украинских карателей в Новосветловке и Хрящеватом, Металлисте и Георгиевке... Были ли они людьми, эти украинские солдаты? Безусловно, они были разными. Были срочники, которых самих бросили на произвол. Мой знакомый из Георгиевки (в первых числах сентября он приехал в Луганск на велосипеде) рассказал о первом общении с украинскими солдатами. К сожалению, дату он не вспомнил.

«Они появились в конце июня на окраине Георгиевки. Я, как и многие, ходил на них посмотреть. Вели себя нормально, тихо. Были с оружием. Один у меня спрашивает:

— Дядька, а до Чернигова далеко?

— Какой Чернигов? Ребята, вы в Донбассе, здесь до Луганска рукой подать.

— Як в Донбассе? — и испуг, ужас в глазах.

Им ничего не говорили, куда их везут. Выбросили посреди степи, и всё.

Через несколько дней один из солдат передал мне записку с телефоном: «Позвони маме». Я не решился звонить, дал жене. Та набрала и рассказала поднявшей трубку женщине о сыне, где он и что просит помощи — помочь забрать из Донбасса. Та ответила:

— Вы все врёте, вин на вчениях... Звидки у вас его телефон? Вы — российская шпигунка?

И в то же время эти солдаты, и никто другой, вели огонь по южным и западным окраинам Луганска. Они исполняли приказ. Так просто. Исполняли приказ и убивали людей.

Может быть, это их снаряды попали в посёлок завода им. Октябрьской революции, где под обстрел попала целая семья? Маленькую девочку хоронили без головы — голову так и не нашли. А её беременная мама была ранена, но выжила.

Такие же срочники арестовали зятя крёстного моей дочери Валерия Богословского (они жили на Вергунском разъезде, «освобождённом» украинской армией). Кто-то из «доброжелательных» соседей сказал, что он — корректировщик ополченцев. Зять был арестован, его не просто допрашивали, но пытали: закапывали по горло в землю и стреляли вокруг головы, требуя признания. Слава богу, отпустили и его, и семью, и самого Валеру Богословского (да, крёстный и сам не миновал допроса, правда, без применения силы).

А вот были ли людьми украинские каратели, расстрелявшие весь персонал и всех больных больницы в Новосветловке (там — районная больница Краснодонского района)? Были ли людьми те, кто насиловал женщин: дочь на глазах матери, мать на глазах дочери? Были ли людьми те, кто загонял людей в церковь, чтобы сжечь их в ней?

Слушать моих земляков невозможно. Невыносимо видеть их слёзы, их боль для нас — общая с нашей болью. Только тогда мы поняли, как нам повезло, что блокпост ополченцев на мосту через Лугань как пробка закрыл проход для украинских подразделений в Малую Вергунку.

Нет, конечно же, фашизма на Украине нет. Да, в Киеве только демократические ценности.

Это доказала украинская армия в Донбассе.

Это она продолжает доказывать при попустительстве Запада и всего мирового сообщества.

И как противовес — ополчение, разношёрстное, иногда непрофессиональное, но всегда человеческое. Я общался с ополченцами с весны 2014 года, бывали разные ситуации, но никогда не был свидетелем несправедливости, прямой грубости и неуважения к личности человека. И что бы ни говорили, ни писали люди, которые уехали из Донбасса, порвали с ним, но ополчение всегда было опорой для жителей городов и сёл Донбасса. Именно к ним бежали за помощью в самые трудные минуты. Мало того, довольно часто они сами оказывали помощь нуждающимся, первыми протягивали добрую руку. Руку друга.

Были и в ополчении исключения. В стихийном процессе всегда возможны побочные, негативные проявления. Но они, как мне кажется, не являлись определяющими для всего ополчения.

Город мой, весь в ранах и кровоточинах, стал оживать. И не правы, кто скажет, что он не выживет.

Раны будут залечены. Люди уже подняли голову, свою непокорённую голову. А те, кто уехал, вернутся.

Был прав Борис Горбатов, написавший в годы Великой Отечественной войны повесть о луганчанах с простым названием «Непокорённые». Непокорённые — и тогда, и сейчас.

Больно смотреть на сожжённые дома, на следы взрывов. Очень больно видеть покинутые дома. Но эта боль — заживающего организма. Организма выздоравливающего.

А ведь в Донбассе война продолжается... Кровавый, запятнавший себя жуткими преступлениями киевский режим продолжает творить то же самое, что и раньше.

Услышат ли голос Донбасса?

Услышат ли его:

«Мой голос раздавлен! Мой голос — крик!

М-И-Р-А».

Анатолий ГРЕБНЕВ

КОГДА ЖЕ ЭТА БОЛЬ ОТХЛЫНЕТ...

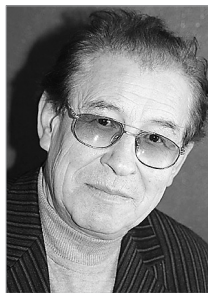
* * *

Когда же эта боль отхлынет,
Не будет литься кровь-руда?
Когда, когда на Украине
Затихнет смертная страда?
Когда среди жилищ разбитых
Не станут матери рыдать,
Детей, снарядами убитых,
Устанут в землю зарывать?
Но мировое окаянство
Всё тешит злобные мечты,
Чтобы могилой для славянства,
Саур-Могила, стала ты.
Чтоб восставали непрестанно
Среди прадедовских равнин
С братоубийственной бранью
На славянина славянин.
Но скоро, скоро час настанет:
Кто враг,
Кто друг —
Народ поймёт,
Тогда воздвигнет на майдане
Для президента эшафот!

ЧЕТВЕРТЬ ПЕНСИИ

Чем дальше прошлое, тем ближе —
Я в нём бывать не устаю.
Глаза закрою и увижу
Живую бабушку свою.

И сразу на сердце светает,
И сходят сумерки на нет,
Как будто бабушка — святая,
Ведь от неё исходит свет.

Анатолий Григорьевич ГРЕБНЕВ родился 21 марта 1941 года в селе Чистополье Котельничского района Кировской области. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1965), Литературный институт им. А. М. Горького (1976). Трудовую жизнь посвятил медицине. Первые творческие публикации относятся к концу 1950-х годов. Первый поэтический сборник вышел в 1972 году в городе Перми: «Приволье». Издавался в Вятке, Кирове, Москве, Перми. Автор почти двух десятков книг. Член Союза писателей СССР/ России (1978). Заслуженный работник культуры РФ (2004). Лауреат нескольких литературных премий, в т. ч. им. А. Гайдара (1980), им. А. Решетова (2007). Кавалер ордена Ф. Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Перми.

Всю скорбь и горе через годы
Как будто ветром унесло.
Любые детские невзгоды
Сегодня смотрятся светло.

И все бывшие страсти гаснут,
Как в тёмном омуте круги.
Неужто было: красный галстук
С нательным крестиком — враги?

Мне, пионеру, чем гордиться?
Зачем в той проклятой поре
Посмела бабушка родиться
И выйти замуж при царе?

Так я капризничал — сердился,
И краю не было слезам.
За стол садился — не крестился,
Без «Слава Богу» вылезал.

...На всю избу: «Бесса ме мучо...» —
Сестра страдаючи поёт,
А бабушка нам: «Бес вас мучит!» —
И худоумками зовёт.

Сама в работе неустанной —
Хоть нынче в ножки ей вались! —
Она летала-хлопотала,
Сухая, как осенний лист.

В дому — сплошные недостатки!
Но вот настали времена:
Колхоз ей пенсию назначил,
Двенадцать рубликов — сполна!

...Какие годы пролетели!
Но всё ж не канули во тьму.
Я к сердцу крестик свой нательный,
Вздыхнув о бабушке, прижму.

Чей голос вдруг меня окликнул?
Она в толпе меня нашла:
Конец студенческих каникул,
Я еду в город из села.

Тогда, на проводах, бывало —
Теперь ты понял, дуралей! —
Она не трёшницу совала,
А четверть пенсии своей.

* * *

Несётся с грохотом экспресс,
И за окном неутомимо
Вперёд плывёт далёкий лес,
А ближний лес, в круженьи весь,
Летит, раскручиваясь, мимо.
Но стоек лес, и тем верней
Он держит заочь и воочью
Несметной силою корней
Свою наследственную почву.
Я это чувствую,
И грусть
Опять со дна души сорвётся.
Зачем я в даль чужую мчусь?
Когда я в дом родной вернусь,
В дом, почерневший от сиротства?

* * *

Я забываюсь и бегу
Туда, где мы с тобою были, —
Как будто там, на берегу,
Мы второпях любовь забыли.

А там полынь да лебеда
На всём пути пустопорожнем.
Нет, не вернуться никогда,
Куда вернуться невозможно!

Светлана СЫРНЕВА

ЦЕРКОВНЫЙ ХОР

МАРСЕЛЬЕЗА

Былые веки сердце вспомнит,
заглянет в прошлые века.
И «Марсельезу» хор исполнит
на сцене сельского ДК.

Десяток хрупких изваяний
поют, сомкнувшись в полукруг.
Самозабвенно на баяне
ведёт мелодию худрук.

Он рад приветливой погоде
и скажет, робкая душа:
«Я знаю, что слова не в моде,
но больно песня хороша!

Что ни пошлют, всё принимает
неприхотливый наш народ.
Лишь одного не понимает:
назад идём — или вперёд?

Что ж раньше! Раньше, безусловно,
порядка больше было тут.
А этот хор у нас церковный,
они и в храме все поют».

И вот церковная ограда,
сплетенье чистых голосов.
Душа не помнит — и не надо —
противоречья разных слов.

И в купол улетаёт пенье,
и те, что пели о борьбе,
поют всё так же о терпенье
и о покорности судьбе.

Светлана Анатольевна УХОВА (СЫРНЕВА) родилась 26 октября 1957 года в деревне Русское Тимкино Уржумского района Кировской области. Окончила филологический факультет Кировского государственного педагогического института (1978). Занималась педагогической и журналистской деятельностью. Автор нескольких поэтических сборников, стихов, включённых во многие антологии российской поэзии XX века. Член Союза писателей России (1991), лауреат нескольких всероссийских литературных премий, кавалер медали им. А. Пушкина (1999), ордена Ф. Достоевского I степени (2012), других наград. Живёт в городе Кирове.

И звук, рождённый в этом хоре,
лучом вернётся по стене
к иконе, где святой Егорий
всё скачет, скачет на коне...

ТАРУСА

Зелёной воронкой из недр выходя,
сплетением листьев и света,
сплошной каруселью садов и дождя
вращались Таруса и лето.

В малинниках душистых, в крапиве густой,
в жасминном кусте и в беседке
бродил и варился тягучий настой,
сцепляющий кровли и ветки.

И в полдень тянуло на плиты с Оки
распаренным зноем купален,
и плавилась липы, жужжали жуки,
и травы к ногам прилипали.

И я бы могла, как жучок в янтаре,
неслышно приклеиться где-то,
зелёным кустом прирасти на горе,
где маленький домик поэта.

Здесь сердце забыло бы все миражи,
к которым стремилось когда-то.
Здесь вечером вырвутся в небо стрижи,
в пылающий купол заката.

И будут стремительно падать с высот
в овраги, в росу на поляне.
И снова земля их на небо взметнёт,
И снова обратно притянет.

ЛЕБЕДЬ

Вымахнут травы короной густой,
высушит ветер апрельскую сырость.
И лебедёнок, что рос сиротой,
за зиму в сильного лебедя вырос.

Вот он плывёт к середине пруда,
скудного детства забывший невзгоды,
словно сама его движет вода
как наивысшее чудо природы.

В заросли солнца вплетён краснотал,
 чистые росы осыпали поле.
 Час торжества! Он нежданно настал,
 как проявление космической воли.

Есть у тебя только час, только миг,
 самозабвенная, вольная младость!
 Но, торжествуя, никто не постиг,
 не уберёт эту краткую радость.

Та же река, да не те берега,
 всё раскачало волной парохода.
 Скошен в лугах и уложен в стога
 жаркий кумач твоего хоровода.

* * *

Нарождается праздник цветущей весны,
 и такое в природе творится!..
 Стоит солнцу взойти — и с любой стороны
 вылет пчёл на цветы состоится.

Потому что и яблони все зацвели,
 а куда от сирени деваться!
 И буравят листву золотые шмели,
 пригибая соцветья акаций.

Это школьный старинный раскидистый сад,
 это детства весенняя зона,
 где сияющий воздух до неба объят
 ровным гулом пчелиного звона.

Над бескрайней равниной побед и потерь
 голубые раскинуты сети.
 Вот и школьный звонок — и в открытую дверь
 на каникулы вырвутся дети.

На окне — позабытая кем-то тетрадь,
 жизни пройденной малая вежа.
 Улетели! Умчались! Ничем не сдержать
 беззаботного детского смеха!

И не веришь, что миг торжества преходящ,
 и забудешь, что праздник не вечен:
 стоит солнцу зайти — из берёзовых чаш
 вылет майских жуков обеспечен.

В темноте они мягко и густо скользят,
 зачарованный путь выбирая,
 чтобы рушиться вниз и стучаться, как град,
 о дощатую крышу сарая.

* * *

Долгих осенних ночей чернота
спрячет тебя, словно в стоге иголку.
Тьма во Вселенной густа: неспроста
маленький джип заплутал по просёлку.

И по ухабам сползая в кювет,
в битве бессмысленной силы гранжиря,
мечется фар лихорадочный свет,
словно последний оставшийся в мире.

Ночь ли застигла, иль ты их застиг —
знаю я, ведаю: не для забавы
из темноты выступали на миг
остолбеневшие серые травы,

Куст придорожный да в поле ветла,
вросшие в землю с нехитрой поклажей, —
будто судьба на секунду дала
видеть твоих сострадательных стражей.

И вразноряд они шли, и гурьбой,
словно видения дальнего детства.
Для неожиданной встречи с тобой
не успевали они приодеться.

Чем же ты раньше свой путь размечал,
чем несущественным был озабочен,
если не помнил, не различал
скопом стоящих у грязных обочин?!

Выйди, прислушайся! Там, впереди,
тёмного мира скопилась громада.
Чёрная роща под ветром гудит,
как несмолкающий шум водопада.

Мог бы и ты сквозь погибельный сон
рушиться в пропасть, сознание теряя.
Если прислушался — значит, спасён
и остановлен у самого края.

ПОЛЫНЯ

Грунт осенний по дорогам взрыт,
и вода застыла в колее.
И звезда меж тучами горит,
словно утонула в полынье.

Так мерцает недоступный клад,
брошенный в пучину тёмных вод.

И заиндевелых елей ряд
небо, а не землю стережёт.

Ничего не помня, не прося,
тьма застыла в поле и в саду,
словно жизнь переместилась вся
в эту одинокую звезду.

Всяк, кто жил, смеялся и грустил,
не дождавшись счастья и весны,
вверил душу холоду светил,
что порой меж тучами видны.

Где твоя особенная статья,
чистота и мужество твои?
Вспомнились — а их и не достать,
не вернуть уже из полыни.

* * *

Позабыть бы всё прошлое сразу,
потому что погубит оно:
словно гиря, невидная глазу,
изматывает, утянет на дно.

С каждым годом они тяжелее —
жернова, омота, камыши...
Не о юности я сожалею,
а о лёгкости юной души.

Нет, я жить не хотела бы снова,
я хотела бы лишь одного:
чтоб отпала от сердца больного
неизбывная мука его.

Ведь за муку бывает награда
на последней, предельной черте.
Если так — мне и счастья не надо:
я хотела бы жить в пустоте.

По бескрайней морозной равнине
под немеркнувшим инеем звёзд
всё молчит, цепенеет и стынет,
и ямщик у кибитки прирос.

В ледяной он, в хрустальной оправе,
он в студёное марево вжит.
Он не свишет, не хлещет, не правит —
но сама его тройка бежит.

Нина БОЙКО

Л. О. О. Рассказы

Л. О. О.

Будильник прозвенел в половине восьмого.

Умывшись, Надежда Романовна встала возле распахнутого окна, как вставала каждое утро, любуясь роскошными соснами и улаждая слух говорком снегирей. Да, лесопарк был прекрасен. И воздух! Ещё не прогретый, прохладный, с терпким сосновым душком.

«Умели когда-то любить детей, — она обернулась на комнату, где у двери торчал умывальник, а у стены притулилась кровать. — Что же случилось-то? Что завернуло жизнь до упора, до преступления? Те же аллеи и корпуса, а люди — словно с другой планеты».

— Встаём, молодёжь! — прошла в коридор, постучалась к вожатому в дверь.

Слышно было, что кто-то грузно вскочил с кровати. Наверное, снова она — старшая над вожатыми.

Сначала Надежда Романовна даже не знала, чем эта женщина занята в лагере, думала, что уборщица или кухонная рабочая. Видела её по ночам из окна: ходит в юбчонке до ягодич, едва шевеля ногами, поскольку ноги как рыбий хвост. Явная шлюха.

Теперь вот повадилась к Павлу Сергеевичу. Когда убирали с дорожек сосновые шишки, Надежда Романовна не вытерпела, сказала: «Как вам не стыдно? Он же мальчишка!» А вечером на планёрке та лихо свела с ней счёты: «Кто вам дал право меня оскорблять при всех? Я на четвёртом курсе пединститута, кто вам позволил портить мне репутацию?!» У Надежды Романовны в изумлении вытянулось лицо. Но остальные яро вступились за «оскорблённую», даже не зная, в чём дело.

Пройдя до конца коридора, Надежда Романовна вышла на лоджию — переждать. Да, вот и она, с рыбьим хвостом, будущий школьный учитель, тащится по дорожке. Тьфу!

Снова вернулась к двери вожатого.

— Павел Сергеевич, просыпайтесь, вы на работе!

Пока шестнадцатилетний помощник, мнивший себя красавцем, раскачивался, она поднимала детей.

— Ребятки, скорей, на гимнастику опоздаем.

— В стро-ой! — завопил в коридоре Павел Сергеевич, полный достоинства и солидности. (Когда при первом знакомстве она на-

Нина Павловна БОЙКО родилась 23 октября 1950 года в городе Губахе ныне Пермского края. Окончила Пермское музыкальное училище по классу фортепиано. Жила и преподавала на Урале, Алтае и в Грузии. В творческой деятельности тяготеет к прозе. Публиковалась в различных периодических изданиях, в т. ч. альманахе «Литературная Пермь». Первая книга вышла в городе Перми в 1995 году: «На тот большак...» Автор нескольких книг. Член Союза писателей России (1998). Лауреат первой премии (номинация «Документалистика») Всероссийского журналистско-литературного конкурса «Моя малая Родина» (2002). Кавалер ордена Ф. Достоевского II степени (2014). Живёт в городе Губахе Пермского края.

звала его Пашей, он гневно поправил: «Прошу вас, по отчеству!»)

— Стойте! — примчался завхоз, запинаясь о детскую обувь. — В одиннадцать будет санэпидстанция, возьмите на окна тюль. Да уберите с кровати гнилые матрасы, суньте их в шкаф вон туда!

Надежду Романовну передёрнуло: уже две недели наводят порядок. Как же детей принимали в такие условия?

Оставив отряд на Павла Сергеевича, быстро пошла по комнатам, проверяя матрасы. Снимала гнилые, таскала в торец коридора, в шкаф. Потом побежала к хозяйственным службам. Там уже получали комплекты тюля, грузили в тележки, развозили по корпусам. Вскоре и ей досталась тележка.

Перетащив комплекты на свой этаж, она собиралась всё сделать быстро, но... вместо карнизов над окнами провисала ржавая проволока, а вместо крючков болтались на ней канцелярские скрепки. Опять побежала — теперь уж искать завхоза.

— Где же карнизы?..

— Идите, идите, скоро комиссия! Что вы, не видели, что их нет?

В этом лагере отдыха и образования (ЛОО) с сентября по июнь жили командированные, останавливались дальнбойщики, проводились какие-то слёты, — потому и обои засалены, и двери без ручек, и сантехника не работает.

— Когда бы мне было смотреть-то? Не все шпингалеты на месте, а дети на подоконники лезут. Я вам сто раз говорила! Выпадет кто-нибудь, будете знать.

Она повернулась уйти и встретила взглядом со старшей вожатой. Нескрываемое ехидство было у той в глазах.

— Вы только и можете кляузы разводить, — процедила она сквозь зубы. И сразу же «позабыв» о Надежде Романовне, стала требовать у завхоза старые покрывала — на тряпки.

Представители санэпидстанции появились к двенадцати. Обошли корпуса, территорию, заглянули в столовую. Ради них на обед повара приготовили запеканку с мясом и рисом. Весело колготились старшеотрядники у раздаточной стойки:

— Где отварная кошацья рыба? Где наш полезный капустный суп? Что это в супе сегодня? Курица? Братцы, не ешьте!

А после обеда смеялись уже работницы кухни:

— Что поросётам-то повезут? Баки для пищевых отходов пусты.

До тихого часа оставалось немного, и все собрались у единственной карусели. Старшие ребяташки сгоняли младших — крик, потасовки, — но больше заняться им было нечем, хотя реклама этого лагеря живописала открытый плавательный бассейн, тренажёрные залы, игровые площадки и прочее.

Лагерь когда-то принадлежал кабельному заводу. Лет пятнадцать назад его передали управлению областного образования, а затем он был продан. Кто являлся хозяином — не озвучивалось. Вместо прежнего плавательного бассейна зияла теперь бетонная яма, вместо летней эстрады остался навес на подпорках, а игровые площадки были пусты — только песок да сосновые шишки; младшие дети рыли в песке канавки, изобретали «подземные переходы» и громко рыдали, если старшие портили их работу.

— Ой, поскорей бы закончилась смена! — встала рядом с Надеждой Романовной воспитательница второго отряда. — Мои балбесы

крысу сегодня прибили. Лезет и лезет к нам на окно. Хохочут: «Нечего жрать в столовой, к нам прибежала?» Такая противная... бр-р-р!

— Надо было её директору лагеря отнести.

— Вот надо бы... Слышали, что детей из детдома лишили фруктов на полдник? Директор сказал, что путёвки у них дешёвые.

— Надежда Романовна! — подбежал, запыхавшись, Павел Сергеевич. — Я в город поеду!

— А не часто вы отлучаетесь?

— Ну, не скажите, вы тоже уходите.

— Ребята! По корпусам! Тихий час!

— Идите, — сказала вожатому Надежда Романовна. Она себя чувствовала подручной этого мальчика: он занимался даже родительскими деньгами, которые детям давались на фотографии и экскурсии, он свысока смотрел на неё — ночную дежурную цветочного магазина.

Она отвела ребятшек в спальни, подождала, когда успокоятся, потом взяла книгу и присела на лавочке в вестибюле. Кроме лавочки и стола с испорченным телевизором тут ещё были шаткие стулья вдоль стен, рваное кресло и колченогий стол, за которым дети лепили и рисовали.

Осторожно открыв и закрыв за собой дверь, вошла воспитательница второго отряда; бедная женщина по пальцам считала дни до отъезда, не зная, куда себя деть.

— Будете на планёрке? — спросила Надежду Романовну.

— Ну да. Павел Сергеевич был вчера.

— Ой, не согласилась бы я ни за какие деньги работать здесь, если бы не дочка. Оберегаю её.

— Не убережёте. Видите, что творится на дискотеках? Выключат свет и трется один о другого. А песни какие! В кабаках таких не услышишь.

— Вы правильно на планёрке сказали: «Разве можно подобное детям?»

— И все на меня ополчились: «Ребята не будут ходить, если мы погоним старье!» Да ладно бы только вожатые ополчились, им по шестнадцать-семнадцать лет — набрали детей за копеечную зарплату; но ведь и взрослые тоже, одна из них даже преподаватель в школе! И вы промолчали.

— Да знаете, — сконфузилась женщина, — я без медицинской справки.

— Ну так и что. Тут почти все без справок. Придумали: двадцать врачей обойти! Полмесяца надо бегать, свесив на сторону язык.

— И плати за каждую справку. Я подсчитала, что выскочит в две с половиной тысячи: половина моей зарплаты здесь. Вы знаете, как я боялась вначале! Врач лагеря мимо пройдёт, я вся истрясусь. Потом поняла, что ей всё равно. Сгорбится, выпатит мослы и кое-как движется в огромных своих ботинках.

— Больная она. Что-то у неё с ногами.

— И голова не в порядке. Вы замечали, что...

— Замечала.

Вздыхнув, Надежда Романовна снова вернулась к вопросу о дискотеке:

— Может быть, правильно, что на меня ополчились. Где у нас дети-то? Нет их. В моём отряде соплюшки по семь-восемь лет, и каж-

дая привезла по коробке косметики. Размалюются перед дискотекой, а после орут на весь корпус:

*О боже, какой мужчина!
Я хочу от тебя сына,
Я хочу от тебя дочку!..*

Но мне почему-то жаль этих рано взрослеющих девочек. У меня был цветок бальзамин, нежно, красиво цвёл, а я возьми да купи подкормку — такая реклама была, что не хочешь, да купишь. И бальзамин стал мутантом. Жёлтые листья с зелёной обводкой, цветы побелели, ветки стали корявыми. Пришлось его выбросить, я просто смотреть на него не могла.

Женщина ей ничего не ответила, только униженно сжались её плечи. И Надежда Романовна вдруг поняла, что та лжёт! Не только для дочери она здесь. Если бы так, схватила бы девочку и бежала отсюда как можно дальше. Причина в другом: в нишете, ей хочется хоть немного подзаработать. Ведь и сама она тянет тут лямку за обещанные пять тысяч, да ещё неизвестно, дадут ли их ей — не было договора, подписанного директором.

— На улицу бы, — Надежда Романовна обернулась к окну. — Странно, что ребятишкам не разрешают бывать на аллеях. Классики бы расчертили, со скакалками прыгали, да мало ли игр?

— Сегодня с утра ваши бегали у забора, и Павел Сергеевич с ними бегал. Вы их туда не пускайте, там ямы.

— Да это они привидение ищут.

— Чего?!

— Позавчера началось, я на планёрке была. Павел Сергеевич на ночь придумал страшить мальчишек: якобы за забором в болоте утонули две девочки. А тут ещё ваш вожатый пришёл, ну они и устроили «шествие покойниц»: надели на себя простыни, скулили, заглядывали к мальчишкам в спальни и даже воду лили под двери. Я утром вхожу, мальчишки кричат: «А правда, что в лагере привидения?» Толкуются теперь у забора, в щёлки заглядывают. Я рада, что в детях хоть что-то детское пробудилось.

— А вот и Павел Сергеевич, лёгок на помине.

— Смотрите, какую рубашку купил, — похвастался он; достал из пакета, встряхнул.

— Прекрасно, — сказала Надежда Романовна. — Садитесь, Павел Сергеич, а я погуляю.

Ярко и весело светило июньское солнце. Порхали бабочки, и порхали их тени на сером асфальте. От корпусов Надежда Романовна свернула в аллею. С детства это было её любимое место: не раз вспоминала она не такое уж и далёкое прошлое, когда сама отдыхала здесь, в пионерлагере. Вот тут, на широкой площадке, стояла мачта для поднятия флага. За мачтой был очень уютный домик библиотеки. А там, за деревьями, где теперь останки летней эстрады, пели и танцевали по вечерам под баян. Красивые песни пели! И танцы были красивые.

Усмехнулась, вспомнив музыкальный час, который проводила недавно старшая вожатая. Интересно, чему её учат в пединституте, если она называет русской народной песней одесский брѣх:

*Ха-ра-шо! Всё будет харашо!
Ой, чувствую я, девки, загуля-ю!
Давай, давай! Давай, давай!
Лёха — Рамштайн!*

На повороте дорожки Надежда Романовна увидела сторожа. Он постоянно жил в лагере. Отзывчивый, добрый человек, починял обувь тем её ребятишкам, которые прибыли из деревень. Иной раз приносил им печенье или что там ещё удавалось добыть в столовой — родители к детям не приезжали.

Ей тяжело было видеть, когда в выходные мамы и папы из города везли целые сумки фруктов, конфет, газировки для своих чад, и те поедали гостинцы молча, ни с кем не делясь. Деревенские крали у них, те ябедничали, начинались крики и драки.

— Тоже гуляете? — улыбнулась Надежда Романовна.

— Да, тоже гуляю, — ответил сторож. — Что ваш Алёшка? Не перестал ещё хулиганить?

Этот Алёшка был деревенским подпаском, вкусил настоящей свободы и здесь бунтовал, презирая организованность.

— Вот и возьми, какая судьба, — сторож мотнул головой. — Ему восемь лет, а он два сезона пастушил.

— Может, и лучше такая судьба, чем с жиру беситься.

— Может, и лучше. Вы на вторую смену останетесь?

— Нет. Только закончат ремонт магазина, снова вернусь в ночные дежурные. Нравится мне: тихо, цветы... Я агроном, я раньше в теплицах работала. Очень большие были теплицы, двенадцать гектаров. Овощи, зелень к столу, розы, тюльпаны. Только кому-то мы помешали. Были теплицы — и нету.

Они повернули назад к корпусам.

— Вам тут не скучно зимой? — спросила Надежда Романовна.

— Нет, — улыбнулся сторож одной щекой, другая была безжизненна. — Вот в городе скучно было. С работы приду — и один как сыч. Здесь я на людях. Здесь круглый год кого только нет.

Низко летел на посадку боинг ядовито-злорадного цвета — недалеко отсюда находился аэропорт. Раньше летали свои белокрылые АНы и ТУ, а теперь... Сторож с Надеждой Романовной замолчали, провожая глазами самолёт. Так и дошли в молчании до корпусов, где Надежду Романовну поджидала заведующая по воспитанию.

— Вы почему не с детьми? — пристыдила она.

— Павел Сергеевич с ними.

— Я вам не первый раз делаю замечание, давайте не будем ссориться. Кстати, соберите всё, что я вам давала для лепки и рисования. Принесите мне в кабинет.

— Зачем? Пластилин непригоден, от карандашей огрызки остались, и краски практически все использованы.

— После этой смены будут и другие, наверное? Как вы считаете?

— Хорошо.

Идя к своему отряду, Надежда Романовна раздражённо думала о заведующей, которая, как говорили, доводилась хозяину лагеря то ли сестрой, то ли женой: «Ты же вся в золоте! Цепи, браслеты, кольца, серьги! Мало тебе?»

* * *

Дни были до невозможности однообразны. До обеда ребята гоняли мячик на стадионе, после обеда начинались спортивные игры и беготня по территории лагеря. Отдельный отряд гимнасток бегал и в тихий час; над входом в их корпус висел транспарант «Здоровье нации — возрождение России».

Это «здоровье» сильно сместило Надежду Романовну. Девочки были неграмотны. «Пóняла, пальца́ми, положи́» — резало слух. Если у нации будет такое «здоровье», то лучше совсем не надо.

За четыре дня до закрытия лагерной смены все, кроме отряда детдомовцев, выехали с экскурсией на конезавод; для детдомовцев же в помещении дискотеки был показан мультфильм. Надежда Романовна с деревенскими ребятами, у которых не было денег ехать куда-либо, тоже сидела в зале.

Бритвой вспорола ей сердце песенка мамонтёнка!

*Пусть мама услышит, пусть мама придёт,
Пусть мама меня непременно найдёт.
Ведь так не бывает на свете,
Чтоб были потеряны дети.*

Вот они — целый отряд потерянных. Нет, не потерянных — брошенных! И каждый ждёт свою маму. «Я тебя жду миллион лет! Моя любимая мамочка, добрая моя мамочка Неля!» — написал на открытке, нарисованной им самим, семилетний детдомовский мальчик.

Не умея удержаться слёзы, Надежда Романовна вышла.

А вечером к ней подбежала воспитательница второго отряда.

— Это же невозможно, это предел бесстыдства! — заговорила она возбуждённо. — С нас за автобус содрали по двести рублей, экскурсия — двести рублей, общая фотография — сто рублей! Я подсчитала, что всё обошлось бы в триста. Что вытворяют, а? Что вытворяют!..

Надежда Романовна только рукой махнула. Уж если огрызки карандашей подбирают, так что уж тут говорить. И всё-таки вечером на планёрке не удержалась:

— С чего за автобус-то двести рублей? Узнают родители, плохо будет.

Ей не ответили, сделали вид, что озабочены бизнес-игрой, которая будет завтра: активно выбирали «продавца», «наблюдателей», подсчитывали, сколько понадобится бумаги.

А на другой день ребяташки кто подметал территорию, кто отмывал туалеты и коридоры, кто вытряхивал крошки из тумбочек...

К Надежде Романовне робко подошла Карина, девочка из детдома.

— Я уже набрала сто восемнадцать очков. Надо ещё семьдесят два. Куплю воздушные шарики с мордочками белки, лисички, зайчика. Давайте помою вам комнаты?

— Где у тебя листок? — спросила Надежда Романовна. Ей было жаль эту девочку — хрупкую, безответную. Взяла, написала: «Вымыла туалет и комнату». — Сколько это очков, Карина?

— Шестьдесят три.

— Зря не подписывайте, зря не подписывайте! — вылез откуда-то «наблюдатель». — Это игра, всё надо честно!

— Бери-ка вот швабру да мой! — огрызнулась Надежда Романовна.

— А вы не командуйте!

После бизнес-игры лагерь сверкал чистотой, дворника и уборщиц уволили до конца лагерной смены. «Да-а, — поражалась Надежда Романовна изворотливости дирекции. — За десяток воздушных шаров, за грошовые авторучки и жвачку ребятишек эксплуатировали как негров! По самым простым подсчётам, дирекция сэкономила десять тысяч рублей. А сколько украдено на питании! А на экскурсиях!..»

В день закрытия лагерной смены дети визжали от счастья: будет над лагерем фейерверк!

Увы, фейерверк был только обещан. Отряды собрали возле столовой, и вожатые пускали мыльные пузыри. И заведующая по воспитанию не отставала: тянула трубочкой губы. Пузыри летели на ребятишек, переливались в закатном солнце, — но это и всё.

Надежда Романовна тоскливо смотрела на холм напротив столовой, специально насыпанный для прощальных костров. Как хорошо тут бывало когда-то! Пели, смеялись, огонь взлетал к самому небу, искры летели! Не надо никаких фейерверков, но не надо и мыльных пузырей.

Утром воспитатели провожали ребят на автобусы. Кое-кого и родители забирали. Павел Сергеевич выехал первым рейсом, помахав Надежде Романовне. Она тоже ему помахала, стоя около детских сумок, и вдруг...

— Вы почему не вернули сдачу с экскурсий? — к ней подскочила заведующая, брякая золотыми браслетами. — Вот две мамыши, им нужно вернуть по пятьсот рублей!

— Как?... — обомлела Надежда Романовна. — Разве Павел Сергеевич не отдал?

— При чём тут Павел Сергеевич? Вы воспитатель!

Слёзы текли у неё по щекам, когда садилась в автобус. Не денег ей было жалко — ей было страшно.

КАТЯ

В больничной палате с широким окном, в котором виднелось осеннее небо, находились три женщины и девушка лет шестнадцати — худенькая, с золотистыми волосами, раскиданными волной по подушке. Девушка поступила со скорой помощи с сильным сердечным приступом.

— Такая молоденькая, да что же с тобой? — спросила её через день медсестра, поставив капельницу перед кроватью.

— Это когда мой папа убил соседа.

— Позавчера, что ли?! Когда тебя привезли сюда?!

— Нет, я в пятом классе училась.

— Ты видела?

— Видела...

Женщина поперхнулась.

— Ну ничего... это всё в прошлом... ты поправляйся, а то, говорят, ты голодовку устроила...

— А пусть не кормят как поросят! — грубо ответила девушка.

— Мы предлагаем ей фрукты, она не берёт, — пожаловались соседки.

— Да ничего мне не надо, я маме скажу, она принесёт.

Мать к ней, однако, не приходила.

Вскоре всё разъяснилось: врач рассказала, что Катя живёт в приёмной семье. Опекунша звонит, спрашивает о здоровье своей подопечной, и всё.

— Немалые денежки получает! Льготы имеет! Если бы это давали родным матерям, они бы детей не бросали.

Иногда, отвернувшись к стене, Катя тихонько плакала. На участливые вопросы женщин отвечала странно: «Да никак не отстанет то утро».

...Она возвращалась от бабушки. Идти ей было неблизко, и дважды Катя делала перекур — курить она научилась рано. Пышно цвела черёмуха, зяблик тинькал на веточке ближе к земле. Катя курила и улыбалась. Она бы и, не куря, ещё постояла, но ветер как льдом вошёл по спине. Ей не хотелось домой. Не хотелось и к бабушке. Там и там она видела пьянство, окурки на полу, невымытые кастрюли и сковородки, там и там — бедность и грязь. «Когда я буду большая, куплю в квартиру белую мебель, поставлю на окна цветы, и пусть на полу будет светлый ковёр», — мечтала.

Дойдя наконец до дома, Катя испуганно замерла: возле её подъезда толпились люди. Поодаль стояла машина скорой помощи.

— Катька! — крикнула ей соседская Даша. — Твой отец дядю Федю убил!

Мать сидела на бетонном крыльце, вытянув впереди себя ноги в рваных колготках, и тупо раскачивалась. Сбоку стоял трёхлитровый бидон, источая запах дрожжей. Катя не знала, как вышло, что подхватила бидон и выпила брагу до дна!

— Где папа, где?! — завизжала как полоумная.

— Там... — мать обречённо махнула рукой.

Катя рванулась за дом, где тоже толпился народ. Люди кричали, ругались... Отец беспробудно спал у забора детского сада, приятель его, залитый кровью, хрипел у дорожки. В голос ревела жена, стоя над ним. Тут же стояла врач скорой помощи:

— Покойников не берём!

— Да он ведь живой, спасите ради Христа!!!

— Умрёт по дороге.

Появилась милиция. Какой-то мужик ударил Катиного отца бутылкой по голове, отец закричал — дико, ужасно! Катя упала, хватая руками землю, потом потеряла сознание.

О том, что случилось, Катя узнала уже в больнице, куда её увезли на той скорой помощи: Даша пришла навестить, рассказала.

— Дядя Федя с твоим отцом перепились ночью у вас в квартире, сосед полез к твоей матери, отец схватил топор и хотел его зарубить. Дядя Федя побежал на улицу, твой отец его догнал и ударил топором — по голове и по плечу попало; он бросил топор и побежал, пока об забор не ударился. Твоя мать говорит, что они, наверно, полфляги выпили бражки. Она говорит, что её к тебе не пускают и бабушку не пускают.

— Зачем не пускают?! Зачем?.. — взвизгнула Катя.

Кардиограмма ухудшилась. Из больницы девочка вышла только в июне.

Домой она больше не приходила — боялась, что всё напомним то злополучное утро. Жила у бабушки. Изредка появлялась мать: она окрасилась перекистью, пряча седые волосы, о муже не сожалела, нашла себе «друга» и обещала, что будет у Кати маленький братик.

— Не надо! Был уже братик, ты его задушила!

— Катька, заглохни, а то убью! Сам задохнулся! Меня бы давно засудили!

— Дашкина мать говорит, что ты задушила подушкой!

— Катька! — тарашилась мать, выставляя ладони вперёд, защищаясь от дочери. — Врёт она всё! Врут они, Катька!..

Осенью мать лишили родительских прав.

Катя была на уроке, когда в коридор её вызвала завуч. Ничего не поняв, она оказалась прижатой к стене милиционером. Она вырывалась, ругалась, плевалась, но он вытащил её на улицу и там подтолкнул к машине. Девочка кинулась под колёса — елозила как червяк, не давая достать до себя. Её ухватили за ногу, выволокли, впихнув в заднюю дверцу машины, в отсек с решёткой. Через час — сдали в приют.

В первый же день здоровый балбес снабдил её сигаретами, а ночью пробрался к девчонкам в спальню. Лез на постели, девчонки визжали, проснулась их воспитательница, вызвала участкового.

Катя боялась приютских мальчишек, они вели себя нагло. Учителя почему-то гладили их по головке, и те ещё больше нагтели: срывали уроки и обзывали девочек похабными словами. Катя однажды услышала, как историчка сказала директору: «Мы готовим их для тюрьмы!» — «Что вы, нельзя так, это трудные дети, наша задача — их воспитать». — «Это не воспитание, а потакание!»

Но были в приюте два брата — семи и двух лет; младший лънул к Кате, звал её мамой, она с ним играла, жалела... — вот только этот малыш и был её радостью.

Через десять месяцев Катю взяли в приёмную семью.

В новой школе она отставала от одноклассников. Опекунша на вызовы в школу не приходила, на звонки отвечала, что девочка очень ленива, дома не помогает, курит, связалась с плохой компанией. «Но в одиннадцать вечера обязательно возвращается, я ей сказала, что иначе отдам её снова в приют!»

Открытая, искренняя Катя не находила в классе друзей. Одни её раздражали заносчивостью, других она не любила за сплетни, третьи над ней смеялись, и доходило до драк. Учителя ей тоже не нравились: вежливость их была равнодушием. Два года Катя почти не училась, являлась в школу от случая к случаю. Так и «закончила» восемь классов.

Среди восьмиклассников в школе было немало таких, как Катя; решением психологов и педсовета был создан отдельный девятый класс, куда они все и вошли.

* * *

— Ну, Катечка, нашла ты с чего заболеть! Держи вот, я сама напекла, кулинарный дар у меня открылся. А знаешь, в кулинарии ничего сложного нет, главное, делать всё по рецепту. Тут ещё киви и манго. Я только вчера случайно узнала, что ты в больнице.

— Это моя учительница! — объявила Катя соседкам в палате.

Учительнице было лет двадцать шесть; невысокая, с лёгкими волосами, с хорошей улыбкой на полных губах.

— Не хочу я учиться в этой шараге! — смахнув слезинку, сказала ей девушка. — Сами знаете, что я мечтала быть визажистом.

— Конечно, ты творческая натура, вон как себя разукрашивала! Катечка, ты эти два года и не заметишь. Кстати, профессия повара тоже требует творчества.

— Юлия Константиновна, не моё это!

— Да что ты втемяшила себе в голову: не моё, не моё! Будет семья, будешь вкусно готовить мужу и детям. Ведь обязательно будет семья. Вон ты какая красавица, наглядеться нельзя! Вы знаете, — она повернулась к женщинам, — когда первый раз Катя пришла на урок, я едва не упала на пол! Чёрные лохмы дыбом, глаза раскрашены до самых бровей, ногти покрыты чёрной эмалью, блузка задрана, джинсы кое-как держатся, живот голый... Если бы не высокий рост и стройная фигурка, то — кикимора из болота.

Катя залилась смехом.

— Вы же мне сказали тогда: «Смотрю на тебя и себя вижу: тоже в пятнадцать лет красилась чем попало, даже зелёнкой».

— Конечно, возраст такой... Это сейчас я солидная.

— Вы-то солидная? — прыснула Катя. — Вот Каурая — точно солидная. Нет, она не солидная, она злая. Она так орёт на уроках! Ещё дверь в коридор откроет. Физрук говорит: «Она из конюшни сбежала». Я у неё ничего не знала по русскому и литературе, а ваши уроки все помню! Особенно когда Соколов написал «давно» через «о», а вы ему тихо сказали, но всё равно мы все слышали: «Это «говно» пишется через «о»! А «давно» пишется через «а». Запомнил?!»

Женщины в палате засмеялись.

— Да он меня вывел, — оправдывалась преподавательница. — То пишет «каббутто» вместо «как будто», то «сёравно» вместо «всё равно»...

— Ага, вы сказали ему, что «сёравно» бывает только в уборной...

— Катя!..

Женщины опять засмеялись.

— Ладно, Катечка, ты выздоравливай, съездим за город в лес. Столько грибов появилось! Все рынки грибами завалены. А погода чудесная! Выздоровливай к выходным. Я теперь в газете работаю, все новости первая узнаю, ты представляешь? Спрашивай, о чём хочешь.

— Да ну их! Принесите мне книжку.

— Ладно. Я принесу рассказы Житкова. Сама недавно читала, замечательный автор: бережно, с любовью относится к юности. Я эту книжку в библиотеке нашла в книжном развале: люди помногу приносят — жалко выбрасывать. Старики умирают, а молодёжь ничего не читает. Плохо, конечно, да что же поделать?

Когда она, попрощавшись со всеми, ушла, Катя взволнованно стала рассказывать:

— Юлия Константиновна всех нас в девятом классе вытянула по русскому языку, я даже четвёрку за год получила. И на экзамене четвёрку получила. Она очень легко объясняет, ничего не задавала домой. Рассказывала нам о писателях... Говорит, что писатель не памятник, все они ошибались, все влюблялись... Картины показывала, мы потом изложения писали по ним. Сценки по басням Крылова ставили на уроках, чтобы запомнить прямую речь... Мы даже поставили

«Ромео и Джульетту»! Она рассказала об этой трагедии, а мы уже сами придумывали слова. Вот было хохоту! Лариска была «кормилицей», Витка был «брат Лоренцо» — что попало болтали! И «Ромео» с «Джульеттой» что попало болтали: в любви объяснялись... — Катя, вспомнив, весело улыбнулась.

— Ты, наверно, «Джульеттой» была?

— Нет, я «старухой» была в «Сказке о золотой рыбке». Юлия Константиновна говорит: «Ты ворчливая, вот и будешь старухой!» Она читать меня приучила. И всегда защищала наш класс: завуч придёт, придирается, а она говорит: «Незачем бюрократию разводить!» Её уволили после экзаменов.

А Юлия Константиновна думала в это время о Кате. Сколько же вынести ей довелось! Страшными были рассказы Кати. Эта девочка была пешкой в чужой игре.

В прошлый сентябрь Юлия Константиновна впервые вошла преподавателем в школу. Ей и достался девятый, «придурочный», как говорили, класс. Но за каждой характеристикой, написанной строго по форме бывшими классными руководителями, стояло огромное детское горе! Четверо из семнадцати учеников жили в приёмных семьях, у остальных отсутствовали отцы. Матери чуть ли не поголовно пили.

Завуч сразу предупредила:

— С детьми обращайтесь вежливо. Мамаши-алкашки отлично знают законы. Чуть что, бегут в суд, требуют наказания и морального возмещения. В прошлом году сын у одной плюнул в лицо учителю математики, тот ему дал по шее; всё, человек на три года лишен права преподавать да ещё выплатил «пострадавшему» двадцать шесть тысяч.

Ученики поддавались трудно. Развалившись на стульях, кричали Юлии Константиновне: «Не надо нам! Идите вы со своими... Здеся не академия!» Они бравировали друг перед другом. Они кидали вызов всей школе! Они курили, ругались матом и одевались как пугала. Две девочки были беременны.

Об учебной программе не было речи, русский язык Юлия Константиновна вела импровизированно: диктанты, диктанты, выяснение ошибок и работа над ними. Разъясняла так, как если бы сама ничего не знала. С некоторыми ребятами занималась дополнительно — в учительской, за неимением свободного кабинета. Но в учительскую навевывались коробейницы, раскладывали товар на столах, учителя в перемены и «окна» мерили перед зеркалом кофточки, прикидывали на себя бюстгалтеры, встряхивали мужскими трусами — подойдет ли мужьям? И громко обсуждали покупки.

Юлия Константиновна обратилась к директору:

— Я уроки веду, а тут как на рынке! Не удивишь наших детей трусами и бюстгалтерами, но... где же наш такт?

— Учительская для отдыха! — получила в ответ.

После этого ей дали место в компьютерной лаборатории. Это был проходной двор, но всё-таки не было коробейниц, и люди вели себя тихо.

Кроме злополучного девятого класса она вела русский язык и литературу в десятых классах. Уровень школьников был очень низким, и скоро она поняла причину: предыдущие преподаватели «гнали программу» и заботились только о ней. Ясно не ясно — дальше идём. А программа была составлена идиотами: из русского языка и русской

литературы вынули главное — душу. В голую схему втолкнуть живой человеческий организм было невыносимо. Знала Юлия Константиновна «величайших профессоров», у которых язык закоснел на схемах! Они уродовали студенчество как хотели, но были в почете, ездили читать лекции за границей, открывали какие-то фонды, которые превращались потом в личные рестораны и выставочные залы... Но знала и обладателей настоящих знаний, обладателей яркой образной речи! Она любила их лекции, любила и их самих. Однако же климат в её университете делали «величайшие».

То же самое она теперь видела в школе. Не удивляло, что изложения девятиклассников были творениями приматов, а десятиклассники — уже взрослые люди — не умели самостоятельно мыслить.

Она решила построить уроки по-своему. Появились кое-какие сдвиги. Но её отчет за первую четверть завуч не приняла. И журнал раздраконила.

— Вы написали совсем не то, что положено по программе!

— Что же, я липу должна писать?

— Журналы у нас проверяют, неприятности нам не нужны. Вы посмотрите: литература, десятые классы, а домашних заданий нет!

— Они ничего не читают. Спасибо хоть слушают на уроках.

— И всё равно, всё равно, вы не вправе так делать. Вот — русский язык и тоже пустая графа для домашних заданий.

— Я не использую школьный учебник, где требуют «тезисы», «признаки текста», «официально-деловой стиль» и так далее.

— Но это ужасно! — завуч взяла посторонний журнал, развернула. — Даже по пению точно, конкретно записано то, что даётся на дом!

— Господи! — ахнула Юлия Константиновна, увидев ровные столбики: упр. 16, упр. 23, упр. 28, упр. 34... — Что же в тех «упра» содержится? Как правильно рот открывать?

— Я обязана выставить вам замечание. Стимулирующей выплаты в этом месяце вам не будет.

Преподавательская ставка была ничтожной, повышали зарплату за счёт издевательских «поощрительных выплат» — на усмотрение директора, в основном «за особое рвение». Шныряли наушники, следя за каждым шагом коллег.

— Пожалуйста,ставляйте и лишайте, — спокойно ответила Юлия Константиновна.

— Ваше высокомерие довольно тяжело переносить!

— В чём вы его увидели?

— Либо вы будете заполнять журналы как следует, либо мы с вами простимся.

Юлии Константиновне пришлось писать липу.

Скоро случилась опять неприятность. На педсовете, спотыкаясь в словах, завуч прочла новые требования министерства образования:

— Использовать новые формы и технологии в процессе формирования личности учителя.

Она передохнула и, так же спотыкаясь, продолжила:

— Обязательная реализация личностно ориентированного обучения и воспитания учеников.

— Позвольте! — Юлия Константиновна, как школьница, подняла руку. — Не уточняется, какие именно формы и технологии должны

применяться в становлении личности? В духовном аспекте, например?

— Это вы сами должны найти в Интернете, — завуч не уловила насмешки, но уловили другие — переглянулись.

— Тогда второй вопрос. Личностно ориентированное обучение и воспитание школьников как-то связано с корабейницами?

Наступила могильная тишина.

После этого Юлия Константиновна только раз появилась на педсовете, да и то при угрозе увольнения, если не явится. Странно, но вместо завуча встала за кафедру незнакомая женщина с большими и близко поставленными глазами.

— Знаменитый институт в Москве выпускает медальоны, — открыла она коробочку, показала. — Он защитит ваше биополе. Ношение медальона восстановит ваше здоровье, принесёт любовь. Мой ребёнок в детском саду постоянно носит медальон, и биополе моего ребёнка не соприкасается с другими биополями. Мой ребёнок здоров. Те, кто не носит медальона, болеют, раздражительны и капризны. Мой ребёнок всегда весел и радостен. Сейчас мы проведём небольшой эксперимент.

Юлия Константиновна, не говоря ни слова, встала и вышла.

А дети радовали её! На уроках они уже вступали с ней в диалоги, диалоги перерастали в общее обсуждение, и чего-чего тогда не решалось! Проблемы любви, учёбы, семьи... Используя эти радостные моменты, она давала ребятам выучивать стихи Пушкина, Тютчева, Лермонтова, показывала картины, рассказывая о них и художниках. Она старалась втянуть детей в большой и прекрасный мир, который, познав, непременно полюбишь.

Двух беременных девочек перевели на индивидуальное обучение. Вскоре одна из них родила. Кроме Юлии Константиновны и ещё троих преподавателей, устроивших складчину ей на подарок, остальные громко оповестили, что не желают потакать разврату:

— Они каждый год рожают, и всё больше девятиклассницы!

«Чем же они виноваты, — возмущалась Юлия Константиновна, — если кругом разврат? Разврат проповедует телевидение, развратом кишит Интернет, развратны книги большинства современных авторов, развратна программа для школ, развратна липа, которую пишем в журналах, развратно равнодушие преподавателей и родителей к жизни детей! Легко посмеяться, обедая в школьной столовой, над первоклассником, который принёс двухлитровую банку пива — и пили все в его классе! Легко посмеяться над четвероклассником, который учит своих одноклассников пить водку, мешая её с пепси-колой! Легко осудить девчонок, которые запинали подружку за то, что отбила у них предмет воздыханий! А что мы творим в своей школе! Мы продаём билеты на школьные дискотеки! Мы получаем денежную подачку от корабейниц! Мы деньги берём у детей за распечатку на принтере необходимых для них документов!..»

За работой, заботами, думами, неприятностями Юлия Константиновна не заметила, как пролетели учебные месяцы. Перед экзаменами срочно назначили педсовет. Опираясь левой рукой на крышку стола, завуч растерянно зачитывала постановление.

— В день экзамена все помещения школы, кроме экзаменационной аудитории, должны быть опечатаны. Экзаменационная комиссия — выездная. Преподавателям запрещено находиться в школе.

Аудитория должна быть обследована службой ЧС с участием собак. Установить в аудитории двенадцать видеокамер, чтобы никто из детей не воспользовался шпаргалкой. Информацию донести до учеников.

Как ни старалась Юлия Константиновна «донести» требование в самой смягченной форме, её девятиклассники взвинтились. И без того неуравновешенные, они теперь придумывали страшный исход для себя. Катя с трясущимися губами подходила к Юлии Константиновне и просила помочь:

— Вы им скажите, комиссии... Нет, вас не пустят. Вы скажите завучу, что я мечтаю учиться на визажиста. Если сейчас завалю экзамены, я не смогу подать заявление...

— Ну что ты волнуешься, Катя, — успокаивала Юлия Константиновна. — У тебя же четвёрка по русскому языку. И по математике ты не хуже других идёшь.

— А вдруг я забуду, из головы вылетит? Скажите, пожалуйста, завучу... Мне так страшно: собаки, видеокамеры...

— Больше пугают. Всё будет нормально.

То же пришлось объяснять и всем остальным:

— Не надо пугаться, не надо нервничать, без свидетельства об окончании девятилетки ещё никого не оставили. Не сдадите сейчас, сдадите осенью. Что делать, если в министерстве образования преступники...

— А наше РОНО почему молчит?!

— Оно зарплату свою отрабатывает.

— А учителя?

— За места свои держатся. Куда им идти, если из школы погонят? Сами видите, в школе девяносто процентов пенсионеров.

Она не боялась, что эти слова разнесутся по школе и могут дойти до начальства; уволят — пусть.

Как ожидала, ученики сдали плохо. Но все-таки сдали. А вот Катя получила две двойки. Юлия Константиновна переживала за неё больше всего — Катя сердечница. Как отразятся на ней несправедливые оценки? Но Катя тотчас после экзаменов уехала к бабушке, пробыв у неё до конца лета.

В сентябре на переэкзаменовке ей поставили четвёрку по русскому и тройку по математике. Радостная звонила она Юлии Константиновне! И вдруг — случился сердечный приступ.

* * *

В осеннем лесу было тихо, как в детском саду по утрам. Плавно, с лёгким прищёпыванием опускались под ноги жёлтые листья. Катя и Юлия Константиновна шли по тропинке, поглядывая по сторонам, отыскивая грибы. Кате везло на них.

— Ты прямо как белка. Такие острые глазки! — смеялась Юлия Константиновна.

— Смотрите, рябины как клоуны с красными ртами!

— И правда! Ой, посмотри, осенняя земляника! Это же чудо! — Юлия Константиновна рвала стебельки с красными ягодами. — Держи, Катечка! Вот так подарок от осени!

Присели под сосенкой. Юлия Константиновна обняла руками колени, смотрела через пушистые ветки, как тихо плывут редкие облака.

— Плынут куда-то, плывут... — показала Кате на небо. И певуче прочла детские строки Олега Виноградова:

*Реже тучи пробивает
золотистый луч,
Ветер солнце закрывает
на осенний ключ.*

— А земляника кисленькая, не такая, как летом, — улыбнулась девушка, кладя по одной ягодке в рот.

— Моя мама верит, что земляника приносит удачу. Говорит, что, когда играет с соседями в карты, непременно держит в кармане записную книжку с вложенным листиком земляники и всегда выигрывает. Надо нам с тобой тоже сорвать по листочку.

— А знаете, — внезапно вздохнула Катя, — я всё того мальчика вспоминаю — в приюте. Он звал меня мамой... Маленький... Очень хочу ребёнка! Нет, не сейчас, а лет через шесть, когда получу профессию, замуж выйду... Я бы его так любила! Я бы всю душу ему отдала! Даже завидую Таньке и Любе из нашего класса.

— А я не завидую. Они ещё сами дети.

Назад они возвращались с грибами, с букетами разноцветных листьев и что-то ещё несли из тихого леса — может быть, веру в разумность мира...

Валентина ТЕЛЕГИНА

ИМЕНА ПТИЦ

БОЛЬНИЧНОЕ ОКНО

Вон летит воронушка,
Пронесётся стрижи...
Ах, кружится головушка,
Но ты лежи, лежи!

Гляди себе в широкое
Больничное окно —
И встретишь Божье око,
Всевидающее око,
Бездонное оно.

Стрижи, а может, ласточки,
Поди их разбери,
Играют будто в салочки
С зари и до зари.

Они взмывают к тучам,
Пронизывают высь...
И ты себя не мучай,
Учись у них, учись.

Крылатым и поющим
В зените ликовать,
И трудный хлеб засушный
В полёте добывать!

Пусть наша жизнь кипуча,
Да с болью неминучей,
И всё грознее тучи
И круче виражи...

Но есть над нами око,
Всевидающее око,
И молнии летучие —
Ласточки-стрижи!

Валентина Фёдоровна ТЕЛЕГИНА родилась 5 сентября 1945 года в железнодорожном посёлке близ города Уральска, Казахстан. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького (1972). Работала экспедитором, секретарём суда. Первая творческая публикация относится к 1957 году. Первый поэтический сборник вышел в 1969 году в городе Сыктывкаре: «Полынь». Издавалась в Москве, Осе, Перми, Санкт-Петербурге, Сыктывкаре. Автор полутора десятков поэтических сборников. Член Союза писателей СССР/ России (1977). Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2006), премии Пермского края в сфере культуры и искусства (2006). Кавалер ордена Ф. Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Березники.

ИНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Живу на шестом этаже.
Одна. Постепенно дичаю.
Стрижей на крутом вираже
С балкона порой примечаю.

— Стрижиное племя, ау-у!.. —
Иное у птиц измеренье.
А мне б — окунуться в траву,
В живые цветы и деревья.

Спускаюсь на лифте — и что ж?
Направо, налево пойдёшь, —
Весь двор захватили машины
Как злые рычащие мины.

Жара. Городская тоска.
Ни дождичка, ни ветерка.
Ни к морю путёвки, ни дачи.
Ни радости нет, ни удачи.

— Друзья мои, где вы, ау-у!.. —
Напрасно друзей я зову.
Иное у них измеренье,
Всех смыло волной отчуждения...

Вернуться на Яик-реку?
О степь, моё небо и воля!
Ты ветром разбудишь строку
И запахом хлебного поля.

Но нет мне дороги назад!
Чужие там речи звучат.
Кругом азиатские лица.
Чужбина. Таможня. Граница.

Тогда остаётся одно:
В деревню? Совсем не смешно.
Подальше от умных речей,
От лживых, чванливых людей...

Куплю себе сад-огород,
А город — да пусть пропадёт!
С землёй мы, как сёстры, поладим,
Цветы да картошку посадим.

Я стану, восходы встречая,
Молиться лицом на восток,
А в щедрые дни урожая
Пугать ошалелых сорок.

* * *

Свежо. Поёживаясь и дрожа,
 Выруливает в поле самолёт,
 Освобождённым рокотом ревёт.
 Свежа бетонка и земля свежа.

И вот навстречу солнечным лучам
 Летит, летит в лазоревую даль...
 И тень скользит по крышам и холмам...
 И так легко, и ничего не жаль!

* * *

Золотое вокруг, золотое!
 Небо дышит
 Полуденным зноем,
 Золотится речная коса.

Грозы ходят
 За далью сквозною...
 «Зинь-зинь-з-з-у!» —
 Золотистой стрелой
 Прозвенела над ухом оса.

Громыхнуло!
 Сверкнуло жемчужно!
 Затуманилась синь-бирюза...
 И задумчиво и добродушно
 Улыбаются Божьи глаза.

ИМЕНА ПТИЦ

Птичья поднебесная страна —
 Ветер, солнце, высота, свобода!
 В синем блеске выются хороводом
 Ласковые птичьи имена.

Ласточка, соловушка, овсянка,
 Пеночка, журавушка, чирок,
 Маленькая птичка коноплянка
 И совсем уж кроха — королёк.

Лёгкие крылатые создания,
 Маленькие щедрые сердца!
 Каждой песней, трелью, щебетаньем
 Птицы славят своего Творца.

Только-только на земле светает,
 А уже запела тишина.

Белою лазоревкой летают
По России птички имена.

Что за ликование спозаранку?
Что за краски брызнули в листве?
То — зарю приветствует зарянка,
То — звенит синичка в синеве.

Может быть, сама душа России,
Нежности родительской полна,
Им дала любимые, родные,
Ласковые птички имена.

ДАЧНЫЙ ЧАЙ

Мы сорвали лист малины,
Лист крыжовника
И вишни,
Лист садовой земляники,
Нежный листик
Вкусной мяты,
И мелиссы
Лист пахучий,
И смородины листок.

Мы промыли все листочки,
Заварили кипяточком,
Настояли, процедили,
И чаёвничать пошли.

Пили, пили чай — вприхлёбку!
А потом ещё — вприкуску,
А потом ещё — вприглядку,
А потом ещё — вприслушку!

А потом уже — вприпевку!
А потом уже — вприсмешку!
И — вприсядку!
И — вприпрыжку!
Удержаться не могли!

Ай да чай!
Вот так чай!
Свежий, вкусный, ароматный!
И целебный, и приятный!
Самый лучший,
Самый знатный,
Знаменитый
Дачный чай!

* * *

Есть люди,
не помнящие родства.
Есть люди,
не помнящие обещаний.

Но ты мне шуми,
шуми, молодая листва!
Но ты мне свети,
звезда в ночном океане!

ЗАПУРЖИТ, ЗАВЬЮЖИТ...

Филя любит скотину,
Ест любую еду.
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду.
Николай Рубцов

Запуржит, завьюжит, заметёт!
Расстилая снежные полотна,
По-славянски сказочно, вольготно
Постучит в ворота Новый год.

Что ж невесел добрый Дед Мороз?
И не светит ни одно окошко,
И не всхлипнет ни одна гармошка,
Ни один не влаивает пёс...

Тишина, безлюдье, запустенье.
Ни гульбы, ни девичьего пенья.
Дедовская брошена земля,
Растемным-темны её поля...

Что ж теперь, податься в города?
В скопище бензиновых чудовищ?
Поневоле заскрипишь, застонешь,
Страшная откроется беда.

В карнавалах с мишурой и блеском,
В дикой свистопляске мировой —
Нет России сельской, деревенской,
Нет её, пшеничной и ржаной...

И собрал Мороз свои бураны,
И пошёл, с лошадкой в поводу,
В хуторок далёкий и желанный,
Где в избе, без газа и без ванной,
Добрый Филя мастерит дуду.

* * *

Чёрные квадраты не приемлю —
Бред больной, источенной души.
Не квадратной Бог устроил Землю,
Не квадратно озеро в глуши.

Чёрный купол неба — полусфера,
То ли бездна, то ли Божий сад.
И пространство, хоть и многомерно,
Всё ж никак не впишется в квадрат.

И, любые рамки отвергая,
Утвердилась в круге бытия
Вьюжная, седая, горевая
Родина печальная моя.

Что мне снится? Низенький порожек,
Пахнувшая дождем скамья,
Жёлтые квадратики окошек,
А за ними — вся моя семья...

ПОДРАЖАНИЕ ХАЙЯМУ

1

Природы вся краса — во всех её цветах,
Вся музыка её — в беспечном пении птиц.
Мгновенье — в вечности, а вечность — во мгновеньи.
А ты опять твердишь, что всё на свете — прах.

2

Нигде покоя нет, повсюду подлый страх.
Иного устрашит и птичья тень в кустах.
А трезво посмотреть да здраво поразмыслить —
То разве мы живём не в сказочных мирах?

3

Деяния людей — запутанный узор,
Их мысли и слова — запутанный узор.
Но знают мудрецы, что самый непостижимый
Есть Промысел Творца — таинственный узор.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

На глобусе чудесных мест немало.
И все же, как его ни поверни, —
Европа начинается с Урала:
С Прикамья, Белогорья и Перми.

* * *

Легко ночами, в час мерцанья,
 Читать хорошие стихи,
 Когда очищено сознание
 От ежедневной шелухи.

* * *

То не воск со стеарином
 Пред иконою горит,
 То душа моя пред Богом
 О насущном говорит.

* * *

Как ожерелье, слово к слову
 На строчку нижешь.
 Но в тайну бытия земного
 Ты не проникнешь.

* * *

Доля-кручина, смеясь, приучила
 Душу мою ко смирению и плачу...
 А не напрасно ли слёзы я трачу,
 Если дозволено тратить чернила?

* * *

Живи с душой неложной,
 Обидчиков прощай.
 И милостыню Божью
 Смирненно принимай.

* * *

Добрый порыв обернулся во зло.
 Как же подобное произошло?
 Или недобрым он был изначально?
 Или корыстным? Как это печально!

* * *

Голубь взлетел — и лапки поджал.
 Так убирает шасси самолёт.
 Кто хоть однажды в небо взлетал,
 Крыльям и Богу доверил полёт.

* * *

Ищу я в слове совершенства
 Как высшей степени блаженства.
 Пустое дело, несомненно,
 Когда вся жизнь несовершенна.

* * *

Но если храмы строим на крови,
 А мир — всё злей, всё дальше от любви,

И только властью заняты умы, —
Какого света ждать от этой тьмы?

* * *

Бородино, Бородино!
В России так заведено:
Кто сунет к нам свой хищный нос,
Потом скулит, как битый пёс.

* * *

Поэт сравнил орган с гармошкой
Шутя-любя, не понарошку.
Орган грустит, гармонь — рыдает!
Орган стоит, гармонь — летает!

* * *

Нет, мы вовеки не узнаем,
Где устье жизни, где исток.
Мир до конца непознаваем,
Поскольку в нём проявлен Бог.

* * *

Воистину он происходит —
Круговорот любви в природе.
И вновь рождаются на свет
Ребёнок, птица, первоцвет.

Николай ПОЛОТНЯНКО

ОТЦЫ, ЧТО НА ВОЙНУ УШЛИ...

* * *

Десятилетними мальцами
Перед компанией юнцов —
О, как мы хвастались отцами,
Хоть не было уже отцов!..

Кем они только не бывали,
Отцы, что на войну ушли.
Они на «ястребках» летали,
Водили в море корабли.

И звёзды на груди горели,
И звёзды на плечах у них,
И признавать мы не хотели
Своих отцов за рядовых,

За тех убитых, и безвестных,
И неоплаканных солдат,
Которые в могилах тесных
Под общею звездой лежат...

Николай Алексеевич ПОЛОТНЯНКО родился 30 мая 1943 года в посёлке Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. С 2006 года — главный редактор журнала «Литературный Ульяновск». Первая творческая публикация относится к 1968 году. Первый поэтический сборник вышел в 1977 году в городе Саратове: «Братина». Издавался в Москве, Саратове, других городах. Автор нескольких поэтических сборников и книг прозы, в т. ч. «Круги земные» (1989), «Симбирский временник» (2003), «Русское зарево» (2011). Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии им. И. А. Гончарова (2003, 2008). Кавалер медали им. Н. М. Карамзина (2011), ордена Ф. Достоевского I степени (2014). Живёт в городе Ульяновске.

Фёдор ВОСТРИКОВ

СНАЙПЕР ШУРА

СТАЛИНГРАД

Двести дней и ночей продолжался
Смертоносно-убийственный ад.
Но в родимую землю вгрызался,
Не сдаваясь врагу, Сталинград.
Волга, дыбась, рвалась и металась,
Била в кручи кровавой волной.
На мгновенье солдатам казалось,
Сгинет мир неземной и земной.
Днями солнце не зрили. Лишь тучи
Да пропахшие смрадом ветра.
Но катилось лавиной гремячей
Из времён бородинских: «Ур-ра!»
От лавины такой обессилев,
Наземь рухнул былой исполин.
А хоробрый спаситель России
Направление взял на Берлин!
Шли с боями, как в древности россы, —
Мразь паучью сметал ураган...
Мать-Родина победоносно
Вознеслась на Мамаев курган!

СНАЙПЕР ШУРА

Памяти А. П. Мартемьяновой

I
Тяжелее не сыщешь доли,
Коль горит в огне страна.
Впереди дороги долги:
Школа снайперов в Подольске
И жестокая война.
Каждый бой кровав, неистов.
Как славянка из былин,
Снайпер Шура бьёт фашистов,

Фёдор Сергеевич ВОСТРИКОВ родился 21 февраля 1942 года в посёлке зерносовхоза «Авангард» Алексеевского района ныне Самарской области. Окончил Куйбышевское культурно-просветительское училище (1966). Прослушал курс журналистики при Пермском государственном университете (1969–1972). Работает во Дворце детского (юношеского) творчества города Перми: руководитель литературной студии «Тропа». Первые творческие публикации относятся к 1960-м годам. Первый поэтический сборник вышел в 1979 году в городе Перми: «Отцовское поле». Автор более двадцати поэтических сборников. Член Союза писателей России (1993). Кавалер ордена Ф. Достоевского I степени (2012), нескольких медалей общественных организаций. Живёт в городе Перми.

Твёрдо веря в путь тернистый,
Но победный — на Берлин!
В ад бросало круговерть
По Европе горевой.
Только жизнь сильнее смерти,
Люди верили, и, верьте,
Возвратилась в дом родной!
Позади война и беды,
Миром дышит небосвод.
Путь по жизни сердцу ведом.
Снайпер Шура, как Победа,
В нашей памяти живёт!

II
По-солдатски достойно сражалась
Снайпер Шура войны мировой.
И победный салют приближала,
Чтобы с ним возвратиться домой.
Двадцать восемь фашистов убила —
Меток глаз и не сбился прицел.
Снайпер Шура войну победила,
А с Победой — умножилась сила
Для добра, для учительских дел!

ПЕСНИ

О Победе песен много,
Им конца и края нет.
Каждой дальняя дорога,
Каждой вечен белый свет.
От Катюши до платочка,
От открытки до письма.
И Победу каждой строчкой
Утверждает жизнь сама!

* * *

Дороги наши были нелегки,
Но мы в пути всегда гордились ими.
Когда идут бессмертные полки,
То мы, как прадеды, непобедимы!

* * *

Нам путь благой веками предков ведом:
Отечество и славить, и любить,
Чтоб никогда величие Победы,
Как русский дух, из сердца не избыть!

Владимир КРУПИН

МОРЕ ЖИТЕЙСКОЕ.

Записи малых размеров (начальный отрывок)

ПРОЩАНИЕ С ПРОЙДЕННЫМ

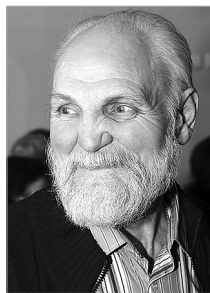
Не знаю, будут ли кому интересны эти записи, но выбросить их не поднимается рука. В них много пережитого, выстраданного, память о встречах, поездках, житейские истории, разговоры, замыслы — всё о нашей любимой России. Тут заметки начала 1960-х и есть сделанные только что. Думал, как назвать? Это же не что-то цельное, это практически груда бумаж: листки блокнотов, почеркушки, клочки газет, салфетки, программки. Да и груда не очень капитальная, много утрачено в переездах, в пожарах (у меня рукописи горят). Всякие просились названия: «Куча мала», «Отрывки из обрывков», «Конспекты ненаписанного», «Записи на бегу». Называл и «Жертва вечерняя», и «Время плодов», то есть как бы делал отчёт, подбивал итоги. Хотя перед кем и в чём? И кому это нужно? Детям? У них своя жизнь. Внукам? Тем более. Всё-таки печатаю и надеюсь, что найдётся родная душа, которой дорого то, что дорого и моей душе.

Название «Крупинки» казалось самым подходящим: и фамилия такая, и записи малых размеров. Тем более первая книга называлась «Зёрна». Но пока писалась книга, вышли две книжки-малышки с названием «Крупинки» и вроде того что перебежали дорогу. Посему окончательно нарекаю книгу «Море житейское», которое заканчиваю пересекать.

Читать можно с любой страницы.

— КУЧА МАЛА! Так кричали мы в детстве, затеяв битву стенка на стенку. Налетали, сшибали друг друга с ног, сами валились. Кто был внизу, старался вырваться, вынырнуть и оказаться наверху. Кричал: «Я — главный!» Так и моя бумажная куча: какая бумажка оказывается сверху, та и на время главная.

У МЕНЯ БЫВАЛО: советовали редакторы взяться за так называемую «проходную» тему или просто переделать что-то уже написанное, «сгладить углы», «спрятать концы», для моей же пользы советовали: книга выйдет, всё какая копейка на молочишко. Нищета же одолевала. Я даже и пытался переделывать написанное. Но Бог спасал — не шло. «Не могу, не получается, — говорил я, — лучше не печатайте».

Владимир Николаевич КРУПИН родился 7 сентября 1941 года в посёлке Кильмезь Кировской области. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института (1967). Преподавал. Работал редактором. Преподаёт в Московской духовной академии. Неоднократно бывал и выступал в городе Перми. Первая книга вышла в городе Москве в 1974 году: «Зёрна». Автор большого количества прозаических книг. Член Союза писателей СССР/ России (1975). Лауреат различных литературных премий, в т. ч. Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Кавалер орденов Дружбы народов, Ф. Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Москве.

То есть бывало во мне малодушие — известности хотелось, благополучия, но, повторяю, Господь хранил от угождения духу века сего.

ТУНИС, ПОСОЛЬСТВО, пресс-конференция. Мы с Распутиным отвечаем на вопросы. Приходит записка: «Будьте осторожнее в высказываниях — в зале враждебные СМИ». Но что такого мы можем сказать? Какие секреты мы знаем? Скорее всего, чекисты посольства опасаются за своё место. Значит, есть что-то такое, что может повредить Советскому Союзу? Ничего не понятно.

«Нас объединяет культура, она независима от политики, систем устройства государств, есть единое общемировое движение человеческой мысли», — это один из нас. Другой: «Разделение в мире одно: за Христа или против Него».

Встреча долгая. Долгий потом ужин. Один из советников, подходя с бокалом: «О культуре очень хорошо, но о разделении немного неосторожно». — «А разве не так?» — «Так-то так. Но, может быть, рановато об этом?»

КАРФАГЕН

И было-то это совсем недавно.

Тунис. Ездили в Бизерту, видели умирающие русские корабли. И, конечно, в Карфаген. Услышать голос римского сенатора Катона: «Карфаген должен быть разрушен».

Остатки амфитеатра. Осень. Мальчишки вдалеке играют в футбол. Раздеваюсь и долго забредаю в Средиземное море. Даже и заплываю. Возвращаюсь — надо же, полон берег весёлых мальчишек. Аплодируют смелому дедушке. Под ногами множество плоских камешков-«блинчиков». Вода спокойная, очень пригодная для их «выпекания». Бросаю — семь касаний. Кружочки аккуратно расходятся по воде. Ещё! Десять. У мальчишек полный восторг. Неужели так не играют? Во мне просыпается педагогическое образование. Учю подбирать камешки. Выстраиваю мальчишек. Их человек двадцать. Бросаем. Вначале для практики, потом соревнование. Вскоре выявляются лидеры. Вот их уже пятеро, трое. И, наконец, два последних. У одного получается пять «блинчиков». Объявляю его победителем и — что-то же надо подарить — дарю кепочку с эмблемой фонда святого апостола Андрея Первозванного. Благодарные мальчишки дарят мне... футбольный мяч. Передариваю его самому маленькому, у которого пока не получилось бросать камешек по глади воды. Ну, не всё сразу, научится.

Около монастыря преподобного Герасима Иорданского возрождается античность, строится амфитеатр Александра Македонского.

НИЧЕГО НЕ НАДО выдумывать. Да и что нам, русским, выдумывать, когда жизнь русская сама по себе настолько необыкновенна, что хотя бы её-то успеть постичь. Она — единственная в мире такого размаха: от приземлённости до небесных высот. Все всегда не понимали нас и то воспитывали, то завоёвывали, то отступались, то вновь нападали. Злоба к нам какая-то звериная, необъяснимая, это, конечно, от безбожия, от непонимания роли России в мире. А её роль — одухотворить материальный мир.

А как это поймёт материальный мир, те же англичане? Да никак. Но верим, что Господь вразумит.

«РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИНИЯ» провела очень нужный обмен мнениями учёных, богословов, просто заинтересованных о мировоззренческих различиях меж Россией и Западом. Вывод один: эти различия преодолимы при одном условии — Запад должен вернуться в лоно православия, заново обрести Христа. Это единственное условие. Иначе он погибнет, и уже погибает. Остаётся от него только материальное видимое да плюс ублажение плоти, да плюс великое сомнение. А вечное невидимое отошло от него.

ВИНОВАТ И КАЮСЬ, что не смог так, как бы следовало, написать об отце и матери. Писал, но не поднялся до высоты понимания их подвига, полной их заслуги в том, что чего-то достиг. Ведь писатели-то они, а не я, я записчик только, обработчик их рассказов, аранжировщик, так сказать.

И много в завалах моих бумаг об отце и матери. И уже, чувствую, не написать мне огромную им благодарность, чего-то завершённого, так хотя бы сохранить хоть что-то.

Читаю торопливые записи, каракули — всё же ушло: говор, жизненные ситуации, измерение поступков. Другие люди.

«До чего дожили, — говорила мама, страдавшая особенно за молодёжь, — раньше стыд знали, а сейчас что дурно, то и потешно». — «Да, — подхватывал отец, — чего ещё ждать, когда юбки короче некуда, до самой развилки. Сел на остановке на скамье, рядом она — хлоп, и ноги все голые. У меня в руках газета была, я ей на колени кинул: на, хоть прикройся. Она так заорала, будто режут её. И знаешь, мамочка, никто, никто меня не поддержал».

РАССКАЗ МАМЫ

Запишу рассказ мамы о предпоследнем земном дне отца.

— Он уже долго лежал, весь выболелся. Я же вижу: прижимает его, но он всю жизнь никогда не жаловался. Спрашиваю: «Коля, как ты?» Он: «Мамочка, всё нормально». А отойду на кухню, слышу, тихонько стонет. Весь высох. Подхожу накануне, вдруг вижу, он как-то не так глядит. «Что, Коля, что?» А он спрашивает: «А почему ты платье передела? Такое платье красивое». — «Какое платье, я с утра в халате». — «Нет, мать, ты была в белом, подошла от окна, говоришь: “Ну что, полегче тебе?” Да ничего, говорю, терпимо. Говоришь: “Ещё немного потерпи, скоро будет хорошо”. И как-то быстро ушла». Говорю: «Отец, может, тебе показалось?» — «Да как же показалось, я же с утра не спал».

Назавтра, под утро, он скончался. Был в комнате один. Так же, как потом и мама спустя восемнадцать лет, тоже на рассвете, ушла от нас.

Великие люди — мои родители.

БОЮСЬ СИЛЬНО умных. Налетает: «Вам это надо знать! Записываете? “Энергетические силовые линии идут векторно по России. Это сакрально и мистически раздвигает информационное поле на-

шего влияния, которое заполнено другими". А ждут нас. Это понятно?» — «Ещё бы», — торопливо соглашаюсь я. Он доволен: «Да, так. Подключайтесь. Мы не за баксовое, а за нравственное благополучие».

МАТУШКА: «ЖИЛА, мать очень суровая была, по голове не погладила, парней больше любила. Раз я, ещё девчонкой, корову подоила, хлев забыла закрыть, а корова уже копытом в ведре с молоком стоит. Мне влетело».

ЭПИГРАФЫ: «НЕТ в жизни счастья (наколка на груди)». «Отец, ты спишь, а я страдаю» (надпись на могильном памятнике). «Без слов (слёз), но от души» (отрывок из дарственной надписи). «Спи, мой милый, не ворочайся» (из причитания жены над гробом мужа).

ИГРАЛИ В «ДОМИК». Детство. И прятки, и ляпки, и догонялки — всякие игры были. До игры чертили на земле кружки — домики. И вот — тебя догоняют, уже вот-вот осалят, а ты прыгаешь в свой кружок и кричишь: «А я в домике!» И это «я в домике» защишало от напасти. Да, домик, как мечта о своём будущем домике как об основе жизни.

Идём с дочкой с занятий. Она вся измученная, еле тащится. Приходим домой, она прыгает. «Катечка, ты же хотела сразу спать». — «А дома прибавляются домашние силы».

И лошадь к дому быстрее бежит. И дома родные стены помогают.

— МЕДИЦИНСКИЕ ВИРШИ: «На горе стоит больница, там приёмная. Приходи ко мне лечиться: ночь тёмная». Или: «Врач назначил мне приём, я разделилась при ём».

МОЛОДЫЕ УЧЁНЫЕ изобрели аппарат, который работает на доверии. Чем больше ему доверяешь, тем он лучше работает. Но приёмная комиссия такому изобретению не поверила. Вот и всё.

СТЫДНО ПЕРЕД детьми и внуками: им не видать такого детства, какое было у меня. Счастливейшее! Как? А крапиву ели, лебеду? А лапти? И что? Но двери не закрывали в домах, замков не помню. Какая любовь друг к другу, какие счастливые труды в поле, огороде, на сенокосе. Какие родники! Из реки пили воду в любом месте. А какая школа! Кружки, школьный театр, соревнования. Какая любовь к Отечеству! «Наша родина — самая светлая, наша родина — самая сильная».

ОТЧЕГО БЫ НЕ НАЧАТЬ с того, чем заканчивал Толстой, — с его убеждений? Они же уже у старика, то есть вроде бы как бы у мудреца. А если он дикость говорит, свою религию сочиняет, то что? Чужих умов в литературе не займёшь. И не помогут тебе они ни жить, ни писать, ни поступать по их. На плечи тому же Толстому не влезешь, да и нехорошо мучить старика. Это в науке — да, там плечи предшественников держат, оттого наука быстра, но литература не такая. Наука — столб, литература — поле, где просторно всем: и злакам, и сорнякам. Ссориться в литературе могут только шавки, таланты рады друг другу. Не рады? Так какие же это таланты?

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Нет, сколько ни говори, что искусство — это одно, а жизнь — другое, бесполезно. Всё-таки в искусстве есть магия, в этом искусстве, в искусственности, что тянет сильнее, чем жизнь. Приезжает с гастролью какой-нибудь актёршишка, пустышка душой, глупый до того, что говорит только отрывками из ролей, ещё и бабник, — приехал, и что? И все девочки его. Известен, вот в чём штука. Играл героев, говорил правильные слова, лицо мелькало, запомнилось. Сам подлец подлецом, приехал баранов стричь, ему надо «бабок срубить», заработать на шубу для очередной жены, которая, как и предшествующие, оказалась стервой.

Прямо беда. И ничего не докажешь, никого не вразумишь. Дурочки завидуют актрисам, топ-моделям, даже и проституткам (ещё бы — интервью даёт, в валюте купается), и что делать? Говоришь девушкам: да, хороша прима-балерина, а за ней, посмотрите, десятки, сотни девушек балерин в массовке, которые часто не хуже примы, но вот не вышли в примы, так и состарятся, измочалят здоровье в непосильных нагрузках, оставят сцене лучшие годы и канут в неизвестность. Да и прима не вечна, и её вымоет новая прима, другая. А эту другую выхватит худрук из массовки. Все же они что-то могут, все прошли балетные классы. В балете, правда, худрук чаще любит не балерину, а другого худрука.

Сколько я ездил, сколько слушал самодеятельных певцов, видел танцоров, народные танцы, и они гораздо сильнее тех, которых навязывают нам на телеэкране. Кого воспитали в любви к родине Пугачёва, Киркоров? Очень патристические песни у Резника?

Хрипеть, визжать, выть, верещать, свистеть, дёргаться, прыгать — это тоже искусство.

Ой, неохота об этом.

КОНСЕРЖКА ИЛИ ДЕЖУРНАЯ?

Как я могу доверять французским романам, если в них нигде не встретишь фразы: «Консержка была явно с тяжкого похмелья»?

А её русская сестра, дежурная по подъезду, бывала. Был я знаком и с другой дежурной, которая ходила в церковь и знала, что в воскресенье нельзя работать. Она и не работала. Мало того, закрывала двери лифта на висячий замок, приговаривая: «Не ходите в церковь — ходите пешком». Она этим явно не увеличивала число прихожан, но упрямо считала свои действия верными. Была бы она консержкой, её бы уволили, но так как она была дежурной по подъезду, а пойти на её место, на её зарплату желающих не было, то она продолжала пребывать в своём звании. Как и первая, которая, опять же в отличие от консержки, в частОм бывАнии (по выражению мамы) добиралась утром до работы, испытывая синдром похмелья.

То есть одно из двух: или русские романы гораздо правдивее французских, или консержки закодированы от выпивки.

ЖЕНЩИНА, оглядываясь на идущих за нею мужа и сына: «Не распыляйтесь», — то есть: не отставайте.

Похоже, как в больнице врач пришедшим посетителям громко: «Не тромбируйте коридоры».

ПОЗАВЧЕРА ПАВЕЛ Фивейский, сегодня Антоний Великий, завтра Кирилл и Афанасий Александрийские. Будем молиться! Есть нам за что благодарить Бога, есть нам в чём пред Ним каяться, есть о чём просить. Надо омыть Россию светлыми слезами смирения и покаяния, иначе умоемся кровью.

ИСКАТЬ НА ЗЕМЛЕ то ценное, что будет ценно и на небе. (Прочитал или услышал.)

КОШКА ВО СНЕ — к недругу. Собака — к другу. Лошадь — ко лжи. Смешно всё это. Ко лжи оттого, что ложь — лошадь? А по-немецки «пферд». Где тут ложь? Исчезнет всё «яко соние восстающего», то есть просыпающегося. Лучшие сны — это река, берег, прохлада.

И ЧТО НАМ за указ международное право? Оно уже одобряет педерастов, и ему подчиняться? Свобода ювенальной юстиции и содомии? Нет, это окончательно последние времена. Дожили. Именно в наше время, время прозрения. Так нам и надо.

ИДЕОЛОГИЯ, КОНЕЧНО, всегда есть как какая-либо идея. И если она предтеча веры в Бога, то и хорошо. Но как идея вообще бесплодна. Вот идея, чем плоха: народ настолько верит государю, насколько государь верит в Бога. А идеология марксизма-ленинизма — это зараза мертвечиной, противление Христу.

ЗНАКОМ БЫЛ со старушкой, которая в 1916 году в приюте читала императору Николаю молитву «Отче наш» по-мордовски. Она была мордовкой. Потом стала женой великого художника Павла Корина. Привёл нас с Распутиным в его мастерскую Солоухин. Конечно, создаваемое полотно не надо было называть ни «Реквием», как советовал Горький, ни «Русь уходящая», как называл Корин, а просто «Русь». Такая мощь в лицах, такая молитвенность.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ на свадьбе в Керчи. Немного запомнил:

*Бывайте здоровы, живите богато,
Насколько позволит вам ваша зарплата.
Насколько позволит вам ваша зарплата:
На тещу, на брата, на тестя, на свата.
А если муж будет у вас не разиня,
Получите орден вы «Мать-героиня».
Окружат гурьбой вас дочурки с сынками,
А как прокормить их, подумайте сами.*

ВООБЩЕ ПЕРЕДЕЛКИ общеизвестных песен, выражений были повсеместны, это было и творчество, и неприятие казённости. Тут хорошая песня «Бывайте здоровы, живите богато» не шаржируется, а расширяется. А вот, например, времён войны песню: «Ты меня ждёшь, и у детской кровати тайком ты слезу проливаешь», — пели, бывало, и так: «Ты меня ждёшь, а сама с лейтенантом живёшь». Или на мотив «Тучи над городом встали»: «Папка воюет на фронте — мамка смеётся в тылу. Папка вернётся, к мамке приедет, я ему всё расскажу».

ЧЕГО ЕЩЁ нам не хватило и не хватает? Войны, конфликты, истребление лесов, отравление воды — это же всё от нас самих. Поневоле оправдаешь и возблаговаришь Господа за вразумления: наводнения, землетрясения, огненные очищения.

ОТЕЦ ДИМИТРИЙ ДУДКО всерьёз уговаривал нас — Распутина, Бородина и меня — принять священнический сан: «Ваши знания о жизни, о человеческой душе раздвинутся и помогут вам в писательском деле». Мы вежливо улыбались, совершенно не представляя, как это может быть. А вот писатель Ярослав Шипов смог и стал священником, и пишет хорошо. Когда я преподавал древнерусскую литературу в Академии живописи, ваяния и зодчества, то просил кафедру искусствоведения пригласить его для преподавания Закона Божия. Пригласили. Но ректор донимал его вопросом: «Почему же надо подставлять правую щеку, когда уже ударили по левой? Ну нет, я не подставляю!»

— СКАЖИ НАШИМ: мы пашем.

— ЗА МОДОЙ не гонись, была б задница не голая. (Тут же): Нашему подлецу всё к лицу.

— РАСТРЕПАЛА ДУНЯ косы, а за нею все матросы. Так же говорили. А нынче чего? Дуне той хоть было чего растрёпывать. И небось в юбке была. А нынешние? Или подола совсем нет, или штаны в такую обтяжку, что срамотища. Я бы парней нынешних за то, что на девок набрасываются, не судил. Девки такие — это же собаки-сучки, кобелей подманивают. Вот и получай, сама же подманивала.

СТАРИКИ СИДЯТ. Один торопится. «Сиди, теперь чего тебе не сидеть: старуха не убежит». — «Дак ужин-то без меня съест. Такая ли стала прожора. Со зла на меня ест». — «А с чего злая?» — «Дак всё никак не помру».

— О, У НЕГО эрудиция была трёхэтажная.

— Мат у него был трёхэтажный. Из матери в мать да из души в душу, прости Господи. Чего вот он теперь? Там-то не поматеришься, язык сгнил.

— ЛЕТ-ТО МНЕ сколько было — копейки! Конечно, обманул. «Женюсь, женюсь». Женился, да на другой. А мне: «Нельзя быть такой доверчивой». Вот и вся тут лайф стори.

— «НА ХРЕН НИЩИХ, сам в лаптишах». Нищие играли в карты «на деревню, на куски». Проигравший обходил деревню и все поданные куски отдавал выигравшему.

РЕБЁНОК НАУЧИТ быть матерью. Такая пословица. Отнесём её к рождению идеи. Родилась идея — и воспитает, и вытянет. И сама родит. Да, если её оплодотворить. Оплодотворяется мысль. Чем? Духом.

ВЗВИНЧЕННЫЙ, ВЗДУТЫЙ авторитет Сахарова. Это ненадолго. Конечно, другого вырастят. Боннеры-то на что. А откуда боннеры, новодворские, алексеевы, ковалёвы? Из инкубатора ненависти к России. Но инкубатор — это нечто искусственное, а оно не вечно. Перестанет сатана его подпитывать, тут ему и кирдык.

ЕВРЕЙ И СУББОТА. Кошелёк. Брать нельзя: суббота. Четверг вокруг кошелька в субботу.

ПРИШЛО ПО СМС: «Тонкий месяц, снег идёт. Купола с крестами. Так и чудится: вот-вот понесутся сани. Ждёшь и веришь в волшебство, кажется всё новым. Так бывает в Рождество. С Рождеством Христовым!» И: «Струится синий свет в окно, весь серебрится ельник. Всё ожиданием полно в Рождественский сочельник. Встаёт звезда из-за лесов, а сердце так и бьётся. Осталось несколько часов, и Рождество начнётся».

ПРИНИМАЛ НА РАБОТУ по трём параметрам: может работать, хочет работать, не обманет. И ещё — обязательно — кто жена, какая.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ: вода чистая, но мёртвая.

НАШУПЫВАЯ СЛУШАТЕЛЕЙ, пробуя, начал: «Усталый взгляд вождя на племя...», «И тебе же с тобой изменяя...», «И глядя в усталую душу снегов...», «Знал, что будет отчаянье, но что это — любовь...», «Как мир размыть потоком мотыльков?», «На паперти вселенского лекала...» — Ему: «Друг Аркадий, не говори красиво!»... — Поэт: «О, не поймите меня правильно». — А ты: «О, закрой свои бледные вирши».

ВОЕВАЛИ ВРАГ с врагом, воевали друг с другом, воевали со своим народом. Надо последнюю войну: каждого со своим несовершенством. Победа или смерть перед смертью.

СОБОЮ ВСЕГДА был доволен, своим положением никогда.

ТЕХ, КТО УСТРАИВАЛСЯ по блату, по звонку «сверху», так и называли «блатники», «позвоночники». Конечно, семейственность («как не порадеть родному человечку») была и будет. Отец очень смешно истолковывал слово «протезе»: «Это протяже, своих протягивают».

Но вот есть искусство, в котором семейственность очень предпочтительна. Это цирк.

Жена Георгия Владимова Наталья Кузнецова, дочь репрессированного директора Госцирка, несколько раз водила нас в цирк, ходили с дочкой за кулисы. Даже я летал в Сочи в 1972-м к Георгию Николаевичу, возил ему вёрстку «Большой руды», там тоже был в гостинице актёров цирка. То есть знал немного циркачей, был даже на свадьбе карликов. Там как раз задумал рассказ «Пока не догорят высокие свечи». Также написал стихотворение, из которого не стыдно за строки: «Попробуй по блату пройти по канату, вот тут-то семья и заметит утрату».

В ТОКИО у машин левостороннее движение, у пешеходов правое. Как понять этих японцев? Японцы думают: ну и варвары эти русские!

ВАЛЯ: «УВИДЕТЬ небритого японца — всё равно что увидеть плачущего большевика. Или в нечищенных ботинках».

ДЕРЕВЬЯ ПО ПОЛГОДА в снегу, в холоде, а живы. Реки подолдом очищаются. Так и мы: замёрзнем — оттаем. Как говорили, утешая в несчастьях: зима не лето, пройдёт и это.

ХУДОЖНИК: «Нам сказать есть чего, а не можем, а журналистам сказать нечего, а только они и болтают».

В ЯПОНИИ память о Хиросиме — государственная политика, у нас забвение Чернобыля тоже государственная политика.

ВРЕМЯ, ПОТРАЧЕННОЕ на себя, сокращает жизнь, потраченное на других — её продлевает.

«ИЗ-ЗА ОСТРОВА на стрежень», новый вариант песни. Уже поют не «Позади их слышен ропот: нас на бабу променял», а «Позади их слышен рёкет: нас на баксы променял». Такая милая хохмочка.

— МНЕ СКАЗАЛИ: Боря умер, — я и не поверила: неужели в гроб засунут этакого мерина?

— На свидание хожу к мужику Фаддею. Учит пить одеколон, я сижу балдею.

— Видишь, какая стала худая. Вся истенётилась.

— Лучше тесно, чем пусто.

— Наука — блуд ума.

ВСЕГДА ОСУЖДАЛИСЬ пустосмешники. Звали: зубомойка, оммалызга (от «ухмыляться»). Вообще показывать зубы — значит угрожать. Смех — оружие против ума. Юмор ослабляет защитные свойства души. «Зубы грешников сокрушит», чтоб не смеялись. Конечно, лучше, когда «сеющие слезами радостью пожнут». А всероссийская ржачка над натужным юмором хохмачей КВН, что это? Ума это явно не прибавляет, а силы душевные и нервные утягиваются в чёрный квадрат экрана.

АПОСТОЛ ПАВЕЛ молитвой сокрушил храм Артемиды Эфесской, которая славилась возгласом: «Велика Артемида Эфесская!» Велика-то велика, а не устояла. И кто первым возмутился действием апостола? Против него поднял возмущение медник, который производил статуэтки Артемиды. Перестали их у него покупать. То есть ему не святость была важна — доходы, на деньги мерял богиню. А она обесценилась. Кто будет покупать изображение божества, храм которого обрушился по молитвам христианина? Так бы и нам: помолиться, чтобы бесы телевидения провалились к своим хозяевам. Нет, сил не хватает на такую молитву. А возмущаемся. Тогда другой пример, тоже из предания. Один человек проходил мимо идолов

и поворачивался к ним спиной. И однажды услышал грохот. Идолы не выдержали такого пренебрежения и рухнули. Давайте и мы показывать спину идолам нашего времени. Вообще понемножку уже получается. Где теперь немцовы, ковалёвы, алексеевы, гайдары, макаревичи, хакамады, касьяновы, где? Уже съёживаются жваноиды эстрады, чахнет и российская примадонна, и навсегда поблёкла зарубежная. Не сразу, не вдруг, трудно выковыриваются из сознания: зубами держатся за известность, за деньги, за влияние на умы. Свои зубы изнашивались, вставили искусственные, ими уже вцепились, но всё равно. Сказано же: «звёзды меркнут и гаснут», день наступает.

РЕЧИ ГОВОРИЛИ — птицы возмущённо кричали, когда начался молебен — замолчали.

ЧЁРНЫЕ ПЕСКИ

САНТОРИНИ. О чёрные пески Санторини! Допотопный остров вулканического происхождения. Однажды поднялся со дна. К нему мы и не причалили даже, встали на рейде. На сушу переехали на «тузик», так называются портовые кораблики для буксировки больших кораблей и для перевозки пассажиров.

На Санторини всё крохотно: музейчик, улочки, площадочка в центре, даже торговцы сувенирами и зеленью кажутся маленькими. Заранее нам было объявлено, что после музея повезут на какой-то очень престижный пляж. И заранее я решил, что на пляж не поеду. Не от чего-либо, от того, что сегодня был день моего рождения. Мне очень хотелось быть в этот день одному. Такой случай — Средиземноморье, голубые небеса и догнавшая меня в этот день очень серьёзная дата. Конечно, я никому не сказал о дне рождения. Это ж не день ангела.

Со мною был сын, он отправился со всеми. Я перекрестил его, он меня, автобус уехал. Уехал, а я осознал, что уехала и моя сумка, в которой было всё: документы, деньги, телефон, пакет с едой, выданный на теплоходе. То есть я стоял на площади как одинокий русский человек без места жительства и без средств к существованию. Не завтракавший (торопился на берег) и не имеющий надежды на обед, а ужин (тоже объявили) заказан на семь вечера в ресторане Санторини. А было ещё утро.

Но была радость от того, что я сейчас один-одинёшенек, а вокруг такая красота, такие светло-серые в пятнах зелени горы, такое цветенье деревьев и кустарников и — особенно — такое море! Как описать? Залив изумрудного цвета, гладкий как стекло, в который была впаяна красавица «Мария Ермолова» — наш теплоход.

Вино сантуринское поставляли ко дворам императорских и королевских величеств многих европейских стран. Оно и в литературу вошло. Зачем я, со своими нищими карманами, сантуринское вспомнил, когда на газировку нет? Хотя... я на всякий случай прошарил карманы. Ангел-хранитель со мной! Набралось на бутылочку воды. И вот она в руках, и вот я иду всё вниз и вниз.

Море казалось недалеко. Быстро кончилась улица, выведшая к садам и огородам. Пошёл напрямую. Изгородей меж участками не было, хотя видно было, что тут владения разных хозяев. Где-то

посадки были ровными, чистыми, где-то заросшими. Фруктов и овощей было полным-полно, осень же. А если чем-то попользуюсь? Не убудет же у хозяев. Но виноград рвать боялся, конечно, обработан химикатами. Да и другое тоже как будешь есть, надо же вымыть. И не хотел ничего брать. Но потом, честно признаюсь, кое-чего сорвал, положил в пакет.

Море казалось совсем рядом. А подошёл к обрыву — боже мой, ещё надо целую долину пройти. А по ней асфальтовая дорога. Пошагал по ней. Долго шагал. Думал: ведь это же надо ещё и обратно идти. Да и в гору.

Увидел издали белый глинобитный домик. Для сторожей? Оказалось, что это крохотная церковь. Так трогательно стояла среди цветов, арбузов, дынь, винограда. На дверях маленький, будто игрушечный, замочек. Заглянул в окошечко. Ясно, что в ней молились. Чистенько всё, иконостасик. Горит перед ним лампадка.

Наконец берег. Чёрный берег. Чёрный крупный песок. Кругом настолько ни души, что кажется странным. Почему? Такой пляж: вода чистая, видны песчинки, рыбки шевелятся, водоросли качают длинными косами.

Разделся и осторожно пошёл в воду. Всегда в незнакомом месте опасения, боязнь колючек, морских ежей. Тем более тут, когда непонятна была глубина под ногами — чернота и на отмели, и подальше. Потихоньку шагал, поплескал на лицо и грудь, и так стало хорошо, так тут всё аккуратненько: крупный податливый песок под подошвами, мягкая вода, не тёплая, но и не совсем прохладная. Отлично! Я заплыл. Из воды оглянулся. Да, вот запомнить — белый город над синей водой под голубыми небесами. И чёрная черта, отделяющая море от суши.

Повернулся взглянуть на море. Показалось, что в нём что-то шевельнулось. Вдруг совершенно неосознанный страх охватил меня. Боже мой, как же я забыл: это же известнейшая история о Санторини, как на нём враги православия, франки, в годовщину памяти святителя Григория Паламы праздновали, по их мнению, победу над учением святителя. Набрали в лодки всякой еды, питья, насажали мальчиков для разврата и кричали: «Анафема Паламе, анафема!» Море было совершенно спокойным, но они сами вызвали на себя Божий гнев. А именно — кричали: «Если можешь, потопи нас!» И, читаем дальше, «морская пучина зевнула и потопила лодки».

Вроде меня топить было не за что: святителя я очень уважал, изумляясь количеству его противостояний разным ересям, но было всё ж таки немножко не по себе. Вера у тебя слаба, сердито говорил я себе.

Вымыл фрукты в морской воде, устроил себе завтрак, переходящий в обед. Далее был обратный путь. Он был в гору. Но я никуда не торопился. Никуда! Не торопился! Вот в этом счастье жизни. Останавливался, смотрел на синюю слюду залива, на выступающие из воды острова, на наш теплоход. Легко угадал иллюминатор своей каюты.

Было не жарко, а как-то тепло и спокойно. Редчайшее состояние, к радости измученного организма. Мог и посидеть, и постоять. Никакие системы электронной слежки не могли знать, где я. Свободен и одинок под средиземноморским небом.

Махонькая церковь была открыта будто специально для меня. То есть, пока я был у моря, кто-то приходил к ней и открыл. А у меня даже и никакой копеечки не было положить к алтарю. Долил в лампадку масла из бутылочки, стоящей на подоконнике. Помолился за всех, кого вспомнил, за Россию особенно. Вдруг осознал: времени-то уже далеко за полдень. И как оно вдруг так пронеслось? Целый день пролетел.

Пошёл к месту встречи. дождался своих спутников. Потом был ужин в ресторане над живописным склоном. А на нём сын подарил мне серебряное пасхальное яйцо. Не забыл о моём дне рождения.

Встречать бы дни рождения на островах Средиземноморья! О, если б на любимом Патмосе!

ПАТМОС! УЖЕ я старик, а как мечтал пожить хоть немножко зимой или осенью на Патмосе, сидеть в кафе у моря, что-то записывать, что-то зачёркивать, вечером глядеть в сторону милого севера, подниматься с утра к пещере Апокалипсиса и быть в ней. Когда не сезон, в ней почти никого. Прикладываешь ухо к тому месту, откуда исходили божественные глаголы, и кажется даже, что что-то слышишь. Что? Всё же сказано до нас и за нас, что тебе ещё?

ЗВОНАРЬ САША (надевая перчатки): — Ко мне сюда и батюшки ходят. Поднимаются: «Саша, полечи-ко». Становятся под колокол. Я раскачаю, раскачаю — ж-жах! От блуждания в мыслях лечит. Мозги чистит. (Надевает наушники.) Будет громко. (Ударил.)

Да, впечатляет. Всего звоном протряхивает. Но не глохнешь. Освежает.

АРИСТОТЕЛЬ, КАТАРСИС, очищение искусством. Очистился, вышел из театра и тут же согрешил. Какой катарсис, соблазны не прекратятся до последнего издыхания.

— ЭТОТ ВАЛЕРКА — приколы ходячий. Вовремя в гараж не вернулся, утром приезжает. Завгар Мачихин ему: «У какой, тра-та-та, ночевал?» — «Ни у какой. Парома не было». — «А-а». А потом только сообразил: какой паром в январе?

С Валеркой работать — каждый день живот болит. От смеху. Сделал пушку. Серьёзно. Меня уговаривал снаряды точить. Я не стал: вляпаешься с ним. Тем более просил точить на сорок. Это ж почти сорокапятка. Но ему кто-то выточил. Стреляли. Из буровой трубы. Стенки толстые, заклепали один конец изнутри. Напрессовали алюминиевой пудры, вложили пакетик с порохом, внутрь спираль от электролампочки. Так её аккуратно разбили. А дальше провода, дальше нацелили на забор, отошли подальше, концы закоротили и — залп! Забор свалило. Потом эту пушку сделали миномётом. Заряд поменьше. Валерка свой сапог на ствол надел. Ударили! Сапог летит с воем, подошву оторвало. Баба шла с сумками, перед ней сапог — хлоп! Она аж присела. Оглянулась — никого. Бежать. Смех разобрал: Витька прыгает в одном сапоге.

— ЧЁРНОГО РОДИЛА? Как это? — А так. Когда я её в роддом вёз, чёрная кошка дорогу перебежала. — А тебя когда в роддом везли, осёл дорогу не переходил?

ВЯТСКИЙ НАРОД хватский: семеро одного войска не боятся. Или: вятский народ хватский, столько семеро не заработают, сколько один пропьёт.

АХ, УЧИЛА меня мать, говорила мене мать:
— *Надо землю пахать да добра наживать.*
А уж как погулять, научился я сам.
Я и с Богом дружил, и с нечистым успел.
Видно, в жилах моих есть цыганская кровь.

НА ЗАБОРАХ, на остановке везде объявления от руки: «Строим дач гаражей».

— ТАКАЯ ВОТ суета суетина.

С ОДНОЙ СТОРОНЫ, у новых богатых вопиющая безграмотность. Не отличат Гегеля от Гоголя, Бабеля от Бебеля, с другой — какое-то необъяснимое стремление к строительству своего дома на святом месте или около него. Ну что ему: мало островов, яхт, пейзажей? Нет, ему надо, чтобы во время аперитива подвести гостей к высоким окнам гостиной и показать: «А тут вот Михайловское, а там (показывает) Тригорское. Читали? Скамья Онегина. Думаю сюда перенести. Тут усадьба Ганнибалов. Чёрный был дедушка у Пушкина. И я негров заведу».

Другой: «Тут Радонеж, слышали? Патриарх приезжает. Думаю в гости звать. Но надо же что-то достойное соорудить».

Третий: «Видишь? Возьми бинокль. Видишь? Багратионовы плечи, не так себе. Тут Кутузов на барабане сидел, там вот Наполеон, тоже на барабане. Так и сидели. Не пойму, как руководили, айфонов же не было. Или были? В общем, живу между полководцами. Кто-то там возмущается? Ну, это они завидуют. Я ещё хочу в Тарханах построиться, не как-нибудь. Представь: луна, я гуляю. О Лермонтове слышал? Выхожу, понял? Один я, понял? На дорогу. Дальше не помню, неважно».

— С ЭТОЙ ПЕРЕСТРОЙКОЙ сопьёшься. А я ей благодаря пить бросил.

Стали нас травить европейским дерьмом, спиртом «Рояль». Взял с устатку, налил рюмку, поднял — одна горелая резина. Весь переблевался. Утром и похмелья нет. Я эту «европу» приговорил к смертной казни через позор: шарахнул в общественный туалет. Только схлюпало.

А кто и втянулся. Так их уже и живых нет. На это Европа и рассчитывала. Ничего, схлюпает.

— ЛУЧШАЯ рыба — это колбаса. Лучший чулок — чулок с деньгами.

— МОЯ ПРАВАЯ нога ничего не делает,
Нога левая, кривая, всё по девкам бегаёт.

САЛОНИКИ. СВЯЩЕННИК из Кении, темнокожий отец Анастасий, вместе с нами едет со святой горы Афон. Показывает дорогу

к гостинице. Волочит огромный чемодан на колёсиках. Переехал ногу полной гречанке. Она в гневе поворачивается и... потрясённо произносит: «Отелло!»

НОВОМУ РУССКОМУ: «Ваш сын сделал в диктанте сто шестьдесят две ошибки».

— «А вы не подумали, что он на другом языке писал?»

— ДАВАЙ Я ПОРОВНУ разолью, у меня глаз набитый. (Друг смотрит за разливом): — Тебе б ещё морду набить.

НИКАКОГО СРАВНЕНИЯ синодального периода нашего с викторианским. У нас сохранилась и Россия, и вера православная — они потеряли империю, вера стала прикладной, осталась только политика (ссорить людей и государство).

ЗНАК ВРЕМЕНИ — отсутствие времени. «Прошли времена — остались сроки» — говорит батюшка. Он же утешает, что людей последних времён будет Господь судить с жалостью к ним. «Страшно представить, чего переживаем, в каком аду живём».

В БУЛОЧНОЙ (ГРЕЦИЯ) взял хлеб. Показался твёрдым для моих зубов. Как объяснить? Постучал по хлебу и по столу. Мол, такой же твёрдый. Продавец обиделся ужасно.

СКАЗАЛ ВНУКУ: — Книги разные, они между собой ссорятся. Иногда до драки.

Внук: — Они ссорились, а пришла Библия, и они замолчали.

Он же: — Бог как воздух: Он везде, а мы Его не видим.

И тут же он же: — Дедушка, меня вообще так плющит, что в классе есть лохи. Такие бамбу́ки.

ТОЛЯ (по телефону): — Ходил за грибами. Как только начинаю «Символ веры» читать, попадают. Вот тебе комментарий к тургеневскому Базарову: «И грибы домой таская, я доказываю вам, что природа — мастерская, но она и божий храм».

У ДОКЛАДЧИКА НА трибуне явный понос слов и одновременно явный запор мыслей.

УХВАТИЛИСЬ ЗА СВЕЧКУ и Горбачёв, и Ельцин. Но Горбачёв пошёл дальше Ельцина. И дальше Ленина, и дальше Троцкого. Они бредили о мировой революции, Горбачёв — о мировой религии. Это похлеще.

В ЧИСТУЮ РЕКУ русского языка всегда вливались ручьи матерщины, техницизмов, жаргонизмов, всякой уголовной и цеховой фени, но сейчас уже не ручей, а тоже река мутной, отравляющей русскую речь интернетской похабщины и малоумия. «Аккаунт, кастинг, чуваки, фигня, блин, спикер, саммит, мочканули, понтово, короче», так вот. В такую реку, в такую грязь насильно окунают. И отмыться от этого можно только под душем святителя Димитрия

Ростовского, Даля, Пушкина, Шмелёва, Тютчева, Гончарова — под русским, одним словом, словом.

У ЛЕРМОНТОВА: «В той стороне, где не знают обману, ты ангелом будешь, я демоном стану...» А как это может быть рядом?

И НЕОЖИДАННО даже для себя в припадке временной любви объяснился ей и искалечил и её, и свою судьбу. Верил себе, когда клялся, верила, когда слушала. А ещё кто был слушатель?

ПОЛИТИЧЕСКОЕ сочинительство:

* * *

— Я тебя замучаю, как Пол Пот Кампучию.

* * *

— Ленин, Сталин, Полбубей ехали на лодке.
Ленин, Сталин утонули, кто остался в лодке?

* * *

— Нельсон борется Мандела, чтоб жизнь негров посветлела,
А у нас уж сколько лет: негры есть, Манделы нет.

* * *

Убили, гады, Патриса Лумумбу и даже труп жене не отнесли.

* * *

Город Владимир переименован в город Владимир Владимирович.

ВИНОВАТ ПЕРЕД многими, и чем старше, тем более виноват. Вот уже кажется, что и раскаялся, и исповедовался, и прощено, а всё равно достигает, летит из прошлого вина.

Обещал же врачу Маргарите Ким посвятить ей рассказ, и где он? А как обещал? Да в самую счастливую минуту жизни. Она была врач родильного дома, наша знакомая, к ней мы и приехали, когда Надя почувствовала — пора.

И вот — рука трясётся — звоню. «У вас мальчик». Боже мой! Мы же тогда не знали, кто родится. Да и хорошо, что не знали, от этого ожидание томительно и таинственно. Боже мой! Первое, что крикнул в трубку:

— Маргарита Михайловна, я вам рассказ посвящу!

Это как-то само вырвалось. То есть это, по-моему, было огромной благодарностью. И я всегда помнил про обещание. Но не было такого «медицинского» рассказа.

А казалось бы, зачем тут тематика? Она, с её интеллектом, знаниями, корейнка, знаменитый врач-гинеколог, могла оценить рассказ из любой области. Ну и простеснялся. Теперь уже поздно.

ТЕКСТЫ, ВЫПИСЫВАЕМЫЕ по памяти, могли бы ответить на вопрос, как же мы при большевиках и коммунистах сохранили Бога.

В душе прежде всего. Так как тексты эти могли и пролетать мимо сознания, а душу сохраняли.

Господь, помилуй и спаси, чего ты хочешь, попроси.
Дай окроплю святой водою. Дитя моё, Господь с тобою.

Ты говорил со мной в тиши, когда я бедным помогала
Или молитвой услаждала тоску волнуемой души.

(Вначале) затеплила Богу свечку, (а потом) затопила жарко печку.

Скорей зажги свечу перед иконой («Русалка»).

Над главою их покорной мать с иконой чудотворной
Слёзы льёт и говорит: «Бог вас, дети, наградит».
(«Сказка о царе Салтане»)

Я вошёл в хату: на стене ни одного образа — дурной знак.
(«Герой нашего времени»)

В ЧЕЧНЕ, в Грозном, в пасхальную ночь сержант из ручного пулемёта трассером (светящимися пулями) написал в небе: ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ. И долго слова эти были видны в небе Грозного. (Очевидец)

ВОЛОДЕЧКА: «ДУША — это я, без одежды и тела».

— ПО ДЕРЕВНЕ идите, играйте и пойте,
Наших девок дерите, на нас же задирайте.
По деревнюшке пройдем, на конце попятимся,
Старых девок запряжём, с молодым прокатимся.

В РЕСТОРАНЕ, В ПОЕЗДЕ, попутчик: «Счастья всем нам хочется, и чтобы быстрее-быстрее. Чтобы и тёша за пивом побежала, да по дороге ваучер нашла».

СПОР

— ТЫ — ИУДЕЙ, Я — ПРАВОСЛАВНЫЙ. Ты меня ненавидишь, я тебя жалею.

— Мне твоей жалости не надо!

— Так ведь гибнешь.

— (Взрывается.) Наш царь будет велик! Всемирный владыка! А ваш в хлеву родился, ходил с оборванцами, руки перед едой не мыл!

— Вы Христа распяли. Не отпирайся. Сами сказали: кровь на нас, и на наших детях, и на детях детей. Кайся.

— Так это когда было.

— Это было вчера. Кайся. Я же каюсь в расстреле царской семьи. Тоже мог бы сказать: не я же расстреливал, а опять же иудеи.

— Римляне распинали.

— А кто натравил? Распяли и с кем остались? С убийцей Вараввой? С предателем Иудой? Изгнали Христа из Писания, из жизни, посадили своего бога в Ватикане, и что? И золотишка, и алмазов нагребли, а что ж всё счастья у вас нет? Ваши банки везде торчат, ваши проценты распухают, и всё вам страшно?

— Я еврей! (*Опять кричит.*) Таким меня мой бог создал! Не виноват я, что у меня руки и голова так устроены! Ты можешь копать, копай! А я — избранный!

— Так я-то тем более избранный.

— Как это? Кем?

— Господом Богом, Святой Троицей.

Убежал. Но этот хоть говорил откровенно. А так с ними спорить бесполезно. И ведь знают и понимают, что правда у православных. Да разве захотят лишиться доходов?

А стать православным легко. Раздай богатство бедным и следуй за Христом.

КАК СТАТЬ ДЕБИЛОМ за полгода? Смотреть рекламу.

Как стать зомбированным? Смотреть новости.

Как утратить художественный вкус? Смотреть современные фильмы о России.

Как потерять сострадание? Смотреть американские фильмы.

К РЕКЛАМЕ выработать такое отношение: то, что рекламируется, не покупать, не брать, не есть, не употреблять, не пользоваться, отвращаться, брезговать. А всего лучше не смотреть рекламу, не смотреть телевизор. И выкинуть его вообще с седьмого этажа на асфальт, когда на улице нет прохожих. А потом спуститься и или самому подмести эти электронные кишки и выкинуть их в мусорку, то есть в контейнер для вывоза отходов, или дать дворнику приличное вознаграждение. Оно стоит того. И вернуться в дом, и занять освобождённое место иконой.

Ура, товарищи!

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ дом без молитвы от стойла? Чем отличается накрытый стол без молитвенного благословения от свиного корыта?

ДИВУ ДАЁШЬСЯ, как легковёрны люди, как поддаются внушению. И повсеместное кумиротворение. Ну какие же это великие: пугачёвы, резники, шифрины, вся эта эстрадная жваноидная шайка хохмачей, всё это хрипящее и визжащее телевоинство, всякие макаревичи. А ведь смотрят, а ведь волокут им свои кровные рубли. Педераст на экране, и все знают, что педераст, и смотрят, как это понять? И хлопают.

Что удивляться, уже и покойникам хлопают. Хотел пойти хоронить Золотухина, были же знакомы, хотя именно он противился постановке уже готового моего спектакля «Живая вода», чем очень угодил Эфросу. Да и это бы Валере простил, но как вспомнил, что открыто он жил с двумя жёнами, это-то его дело, но он публично это оправдывал, а это так грешно и противно, да больше того — представил, как гроб повлечут к выходу и начнут аплодисменты. Нет уж, Валера, прости господи, Бог тебя простит.

Да, гроб на Таганке. Абрамов всерьёз возмущался, что ему и Любимову запретили в пьесе («Деревянные кони») носить гроб по залу. Мы с Распутиным дружно встали на сторону запрета. Зачем гроб, зачем эти похороны России? Этим и Можаяв был болен, и Тендряков, и, конечно, Астафьев. Белов-то более их всех знал о гибели деревни, но сила таланта такова, что читаешь его «Привычное дело», «Кануны», «Час шестой»... и всё равно жить хочется.

СКОЛЬКО НУЖНО ВРЕМЕНИ, чтобы убедить людей в том, что земля плоская? Год? Смеётесь. Три месяца! Да какое там! Две недели. Объявляются выводы многолетних трудов великих учёных, наваливается свора знаменитостей, только и делов.

ЦАРЬ ГОРЫ. Спросил сына, знает ли он игру «Куча мала». Он сказал, что они в детстве играли в игру «Царь горы». То есть тот, кто захватывал вершину какую, холмик, возвышение, тот и царь. Конечно, его спихивали. Какой бы ни был сильный, всё равно спихивали, никому долго не удержаться.

И сколько ж у нас было «царей горы»? Хрущёв, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачёв, Ельцин, Медведев, теперь Путин. А прочти это через пятьдесят лет, и список продолжится. Какие они цари горы, скорей захватчики пирамиды. Пирамиды искусственной. От которой кормятся свои, остальных отторгают.

Выборная власть людей ссорит, наследственная — сдруживает.

СПРОСИЛ И ВНУКА о «Царе горы», оказывается, и он со сверстниками играл. Несколько иначе. Зимой все для начала залезали на ледяную горку и по команде сталкивали друг друга. Оставался «царь». Его начинали обстреливать безо всякой жалости, даже ледышками, и большими. Атаковали. Свергали. И по новой.

С одной стороны, отношение к войне изменяется в сторону всё более лёгкого к ней отношения. Мы играли в войну, сын играл в войну, а внук играет в войнушку. То есть вроде игра всё несерьёзнее. Но с другой — игры эти всё ожесточёнее. Разве могло быть у нас такое, чтобы бросаться ледышками, твёрдыми кусками глины, чтобы «пленных» привязывали к дереву и давали пинка? Ужас. Что-то непрерывно сдвигается под уклон к пропасти.

ПАЧЕЧКА ЗАПИСОК со встреч с читателями. Жаль их выбирать. Как на них отвечал, легко сообразить.

«Фольклор — это не культура сарафана и не культура балайки. А что это?»

Да. Образ фольклора сложился от недостаточной его изученности. Образ этот далёк от реальности. Сумеем подивиться тому, что фольклор существует тысячи лет и не умирает, а как плодородный слой земли питает настоящую русскую культуру. Хотелось бы, чтобы об этом и говорилось сегодня. О силе необыкновенной народного слова, его неистребимости и жизнестойчивости.

А пока на нём спекулируют, им кормятся. Но не преподносят его так, что он выше сочиняемого искусства.

«Кого из нынешних руководителей нашей страны Вы считаете способным поднять Россию с колен? Народ народом, но руководитель-то нужен».

Нужен. Но с чего вдруг многие говорят про какие-то колени? Никогда Россия на коленях ни перед кем не стояла. Молиться надо. А в молитве — тут да, тут коленях надо перед Богом стоять. Кто бы ни властвовал, Россия всех переживёт. Лишь бы не анархия. Нравится руководитель — молись и за него, не нравится — тем более молись, чтобы Господь вразумил.

«Когда вы поняли, что можете писать для людей?»

Думаю, что стихотворение в школьной стенгазете — оно уже для людей. Пишется же для прочтения. Есть такое писательское кокетство: пишу для себя. Тогда и помалкивай и не пузырьрся от собственной значительности.

«Считаете ли Вы себя великим писателем?»

Ну, ребята, мы же в России, а в России писателю вначале надо умереть да подождать лет хотя пятнадцать, тогда и будет понятно, чего он стоил.

«Среди глобальной целенаправленной разрухи, предательства в чём Вы видите спасение для человека простого, мизинного?»

Знаю, что ответ не понравится, но скажу: терпеть надо. «Поясок потуже! Держись, браток, бывало хуже». Я такие пределы нищеты и бедности испытывал вместе с людьми, что нынешнее состояние кажется изобильным. Хлеб есть, вода есть, чего ещё? Да, соль, да, картошечки. Масла растительного. Жить можно. И нужно.

«Что такое смысл жизни?»

Спасение души. Не живот же спасать, сгниёт же всё равно.

«Что такое счастливая жизнь?»

Спокойная совесть. И чтобы был доволен малым в вещах и в еде.

«Как Вы представляете жизнь после смерти?»

После смерти жизнь только и начинается. А при земной жизни надо её заслужить. То есть она всё равно будет, но какая?

«Что такое любовь?»

Постоянное состояние заботы о любимом.

«Сейчас в изучении языка аналитическая структура выходит на первый план, а смысловая преподносится как иллюстрация правила. Не опасно ли это?»

Конечно, опасно. Вообще алгебра убивает гармонию. В изучении слова нужно идти от этимологии слова. Обязательно знакомить учеников с «Корнесловом» адмирала Шишкова. И Даль неслучайно строит свой словарь гнёздами слов. Любо-дорого: род, родник, родина, народ, сибирское «родова», порода. А взять древнерусского певца Бояна (Баяна). «Боян бо веший, аше, кому хотяше песнь творити...» Зря разве музыкальный инструмент назван баяном? «Играй, мой баян,

расскажи всем друзьям...» А парень может быть обаятельным. И он может обаять, обаять, оболтать, просто говоря, доверчивую девушку. Такие начнёт «байки» рассказывать.

«Что Вас побудило написать первый рассказ?»

Не знаю. Может быть, желание напечататься? Это же лет в 13–14 было. Или желание, чтобы узнали о моём селе. Писал же в газеты, областную и районную.

«Вы хотели, чтобы Ваши внуки были писателями?»

Ни да ни нет. Как Бог управит. Одно скажу: и раньше это было тяжело, а сейчас и вовсе. Мне легко именно оттого было, что вырос без телевизора, без всей этой оглушающей, подчиняющей, зомбирующей машины, диктующей образ мыслей и поведения. Внуки мои, конечно, как и любые внуки, самые лучшие, одарённые. Так ведь и дети были всех лучше. Однако ж не пишут.

«Расскажите о проблемах, трудностях Вашей работы».

Никаких ни проблем, ни трудностей. Одно нелегко — дожидаться состояния, при котором можно спокойно сесть за стол. То сам болен, то жена, то тёща, то дети-внуки. То ещё что. А писать легче лёгкого. Какие там муки слова. Не пишется — не пиши. Может, оттого так говорю, что с детства слышал выражение: «Мы — вятские, как говорим, так и пишем». Кстати, это и критики замечали: что читаешь мою прозу, и кажется, что он, автор, сам рядом и тебе рассказывает. Достоинство или недостаток, не знаю.

«Достаточно ли таланта, чтоб стать писателем?»

Достаточно, конечно. Талант есть — уже не графоман. Но каким писателем? Русским писателем становятся тогда, когда взваливают на себя ответственность за всё происходящее в России. Когда чувствуют вину перед ней. Ещё помню встречи с читателями в восьмидесятые годы. Записки из зала: плохо дело с охраной природы, отстаём в производстве электротехники, низкие удои, колорадский жук поедает картофель и тому подобное. И вопрос: «Куда смотрят писатели?» То есть русский писатель виноват во всех бедах. И это правильно. Так что дал тебе Господь талант, надо его отработать. Никто же тебя не хуже, но ты способен больше сказать.

«Вот Вы сказали, что куклы Барби, Синди несут пошлость, что они приучают не к материнству, а к разврату. Как же так? Их же делают люди».

Именно. Сами взрослые несут детям привычку только к удовольствиям, как молодёжь говорит, к «развлекухе». Делается всё специально. Покемоны всякие, игры со стрельбой и трупами, игры в монополии. Как с этим бороться? Трудно, конечно. А как вы хотели — детей без борьбы за них спасти?

«Спасут ли реформы Россию?»

Нет. У нас давно заикнулись на этом слове. Реорганизация, реформы. Где реформа, там усиление того, против чего задумана реформа. Реформа, чтоб уменьшить число чиновников, число их уве-

личивает. Объявляется Год русского языка — и количество часов на его преподавание сокращается. Россию спасёт любовь к ней. Потерпевших поражение в мировой войне Японию и Германию спас патриотизм. И там и там я бывал. Конечно, наши потери, наши разрушения были гораздо страшнее, но разруха и их, бывших союзников, посетила. А поднялись быстро. А у нас всё нищета да нищета. У русских. Почему? Другим последнюю рубашку отдавали. Вот за это другие и наплевали на нас. «Не вспоивши, не вскормивши, врага не наживёшь» — такая поговорка. Когда-то же надо было и о себе подумать. Троцкий с Лениным бросали русских, как хворост, в мировой пожар, нынешние отдадут Русь на разграбление. Какие тут реформы? Одна болтовня для дураков.

«Как Вы относитесь к именам Вован, Толян, Колян?»

Конечно, не так, как Толян и Колян. Но им, видимо, нравятся такие кликухи. Видимо, они из новой породы полулюдей. Называются «чуваки». У их детей отчества получаются очень красивые: Анжела Вовановна.

«Хотели бы Вы быть президентом России?»

Уж спросили бы: хотите ли быть царём? А то президентом. «Президент как резидент всего нерусского в России», — сказал один поэт. Нет, не смогу: слишком жалостлив. Но по большому счёту и президент может быть русским. Как Александр Третий.

«Как Вы считаете, имеет ли сейчас церковь влияние в нашей жизни?»

Имеет, и решающее. Перестройка убила оборону, экономику, идеологию, а Россия жива. Кто спас? Церковь. Другого ответа нет.

«Реальные ли события в Ваших повестях “Живая вода”, “Великореская купель”, “Арабское застолье”, “Повестка”, других?»

А как иначе? Если там что-то убавлено, прибавлено, так это не очерки. Пожалуй, только повесть «Сороковой день» полностью привязана к фактам. Но она по жанру — повесть в письмах. Преимущество прозы в том, что она освобождает от привязанности к документу, ей важно выразить дух времени. Не то, как произошло событие, а почему оно произошло и более этого. Скажем так: радио говорит, что произошло; телевидение показывает, как произошло; газета, журнал объясняют, почему произошло. Но как объясняют? Объясняют, как приказано объяснить. Писатель обязан объяснить событие с единственно правильно точки зрения, народной, то есть православной. «И неподкупный голос мой был эхо русского народа» — вот этого бы достичь.

«Совесь — Бог русского человека. Как Вы понимаете это выражение, которое у меня на слуху со школьных пор, а мне уже пятьдесят?»

Нет, всё-таки надо говорить, как учат Святые Отцы, что совесть — это голос Божий в человеке. Нам отчего-то же иногда стыдно, иногда радостно. Не просто же так. Голос Божий. Всегда подскажет, верно ли поступаем. Только надо его слышать и не глушить грехами. Есть же и бессовестные.

«Вы сказали, что “одноглазое дьявольское бельмо” телевизора ничему не учит, только борьбе с перхотью. А как же исторические и научные фильмы?»

Их же можно дома смотреть. Покупать их, купить плеер. Хотя бы будете без рекламы смотреть. Да и в выборе фильмов надо быть бдительными. Должно выработать в себе такое собачье чутьё, какой фильм душу спасает, какой — гонит в бездну. Уныние от просмотра или желание жить и любить?

«Работаете ли Вы в данный момент над каким-либо произведением? Если да, когда оно будет закончено?»

В данный момент работаю над прочтением Вашей записки. Но вообще, конечно, работа постоянна. Если и не за столом, то всё равно все мысли о ней, о работе. Идёшь с женой, она: «Да ты же меня не слушаешь!» И она права: не слушаю, и я не виноват, что не слышал; меня же всецело мучит то, над чем работаю. А когда закончу, бог весть.

«Как Вы вдохновляетесь, чтобы написать произведение искусства?»

Прямо сплошные высокопарности. Это к поэтам. Вдохновения у меня не бывало. То есть, может, и бывало, но я не понял. А вот слово «надо» у меня постоянно. Пишу рассказ, звонят: надо предисловие, надо рекомендацию, надо на заседание, надо поехать, надо, надо. Всё надо, а рассказ, не родившись, умирает. А что умерло: произведение искусства или случай из жизни — уже не понять.

В ЦЕРКВИ МАМА И ДОЧКА лет трёх, может, чуть больше. Мама худенькая, но сильная. Легко девочку поднимает, чтобы и та прикладывалась к иконам. Дочка носит с собою куклу и прикасается ею к иконам. Около иконы Божией Матери большие букеты цветов. Крупные белые и красные розы. Дочка притыкает личико куклы к каждому бутону. Но ко всем не успевает, мама отдёргивает. Идёт служба. Перед причащением мама решительно берёт у дочки куклу и прячет в кармане. Обе причащаются. Потом дочка возвращает себе куклу и прикладывает её к тем розам, к которым до этого не успела приложить.

ТАКАЯ ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ, что успел узнать и восточный, и западный тип человека. Конечно, были они интересны. Ещё бы, после стольких лет раздельного бытия. Ну вот, узнал. И стали эти типы мне неинтересны. По отношению к русским что тот, что другой одинаковы: что бы ещё такое получить с России. Так что новый вид железного занавеса я бы приветствовал. Чему мы, особенно у Запада, научились? Рекламе, борьбе с перхотью, отравляющим добавкам, разврату, гордыне? Я искренне рад санкциям против нас. Ничего, потерпим. Зато своё производство должно заработать.

ИЗ ЗАПИСКИ 1991-го. 532 тысячи снесённых сёл и деревень. Заседание в ВАСХНИЛ, создание энциклопедии деревень России, живых и убитых.

ЛИБЕРАЛЫ, ВАРЯГИ, они не на земле живут, на территории.

— НАЧИНАЕМ конопатить пятый угол от дверей. Бабы ходят по вечерам, караулят дочерей.

Какая в тексте ошибка? Правильно, пятого угла, считая от дверей, нет. А то, что ходят и караулят, это точно.

СВИСТ В АДРЕС русских писателей — это признание их любви к России, её защиты. И это знак ненависти к России этих свистунов. И показатель их слабости. Ну, торчат на экранах, ну, премии сшибают, ну, вроде известны. А больше их были известны эренбурги, шпановы, рыбаковы, сотни других. И где они теперь, в каком уголке народной памяти? Такого уголка для них нет, только в каких-то авторефератах тиражом по сотне экземпляров да в диссертациях тиражом менее десяти. Причина? Языка в произведениях нет, русского языка. А если Россию не любишь, так какой у тебя русский язык? Ты её шельмуешь, а ещё хочешь, чтоб тебя и читали. А тексты твои — суррогат, который ум отторгает. Не та пища. Не насыщает. И будешь прочно забыт. А книги твои забыты ещё до твоей смерти. Обидно? А как ты хотел?

(После встречи на улице с когда-то знаменитым К. я думал, он уж и не жив. Нет, высох, но ползает. И видно, что встреча ему неприятна. А мне его жалко: ведь жил-то он всю жизнь в России.)

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР предсказал, что третье тысячелетие будет принадлежать христианству Достоевского. Такое предсказание от ума. Будут же у падшего мира и другие распорядители. Достоевский — христианин без радости. С ним тяжело. Но, может, я излишне придирчив. Также и с Толстым. Есть же у нас батюшка Серафим. Есть же малое стадо Христово, есть же «острова спасения мнози».

СТАРЫЙ ВОЯКА: — Лозунги были: «Добей врага в его траншее!» — а получалось: «Пришел ноль пять, по своим опять! Вперёд, ребята, сзади немцы!» Но немцы, учти, как только наши в рябых майках в атаку идут — сразу бежали. (Рябые майки — тельняшки.) В детстве — книга «Морская душа».

— ЛАДНО, НЕ ГРОЗИ, не грози! Ещё встретимся!

— На том свете?

— Естественно.

— ОЙ, ЭТО ЛЕШОЙ, а не ребёнок: семь кучек наклал, ещё кряхтит. И такой ли бессовестной: от парной кучки отопрётся. «Не я, и всё!» Да у него и мать такая же.

ПОЛКОВНИК в войну, посылая парламентёра: «Скажи им: во-евать мы согласны, но в плен брать не будем».

Те сразу сдались.

— ЖИЛИ НА ДУРНЯКА. Выпускали призывы: «Коммунизм победит». Кого? Нас и победил. (И не к месту, может, я не понял к чему) — Дурьтопыян и три аматёра.

— С ХОРОШЕГО ПОХМЕЛЬЯ бутылку искал. Ведь была же, была! Ей говорю: «Ты где хоть? Не видишь, человек помирает. Хоть аукнись». Так мучился! Лекарство же искал, не для пьянства же. И через неделю вот она, собака! Поехал в лес, начал валенки надевать, она в валенке. Из горла всю выпил, выкинул. Так ей и надо. И в лес не поехал.

ИЗ ДЕТСТВА ОТ дедушки: «Наша жизнь, словно вскрик, словно птицы полёт, и быстрее стрелы улетает вперёд. И не думает ни о чём человек, что он скоро умрёт и что мал его век».

КУЛЬТУРА КАК САМОЦЕЛЬ — полный тупик. Она может быть орнаментом на сосуде веры. Или проводником к паперти храма. А там надо самому шагнуть. Старуха, которая при Петре плевала на голых мраморных Диан в Летнем саду, культурнее офранцузенных дам.

А ведь на Святой Руси заслушаться иностранной песенкой считалось не просто грехом, а проклятьем, губящим душу. «Возрождение» Запада есть вырождение и религии и культуры. Уход в новое язычество. И это готовилось миру. Да во многом и отравляло. Какое возрождение? Возрождали язычество, ещё более его приукрашивая. Тело, плоть, амурчики.

ПРИ СОВЕТАХ молодёжи ставились три маяка, три Павла: Власов, Корчагин, Морозов. Власов мать загубил, Корчагин священнику в пасхальное тесто табаку насыпал, Морозов отца родного выдал. До чего доходило: дети за отцами-дедами подсматривали. Вот бы донести, вот бы стать знаменитым. Отец-то меня посёк за курение, а посадили бы его, я бы и открыто курил. Вышел бы на улицу, да сел бы на лавке, да нога на ногу с самокруткой. То-то бы все девки с ума по мне сошли.

— СКАЗАТЬ ТЕБЕ секрет русского запоя? Сказать? Вот я выпил — с горя, с радости, безразлично. Стало хорошо. Но мы же русские: если хорошо, то надо ещё лучше. И понеслось. Но главное — мы же внутренне понимаем, что жизнь наша тут временна. Раз временна, то пусть скорее проходит. А в запое она птичкой пролетает. То есть жизнь себе сокращаем. Получается, что специально. Никто ж тебя не заставляет в запой уходить. Сам. Ну да, змий ищет меня поглотить. Но меня не проглотишь. Проглотит, а я ему там всё обложу, выпустит, извергнет. А очнусь, тут я сам виноват. Это жене выгодно — пилит, и вроде за дело. А я не заметил, как две недели прошло. Опять поближе к концу.

В монастырь? Нет, мне не вытянуть. Конечно, хорошо старцам — горы, воздух, тишина, тут город, бензин, шум, грохот. Так ведь и дети тут, и та же жена, им-то как без меня? Ещё и от этого пью.

БИЗЕ, «КАРМЕН». Эскамильо: «Тореадор — солдату друг и брат». А тореадор чего-то отвлёкся. Ему: «Эй! Там ждёт тебя любовь».

ЭСТЕРГОМ, ВЕНГРИЯ, унылый Адам, переводчик. Еврей из России. «Спрашиваешь, чего уехал? Там у вас (уже “у вас”) зарплата

как пособие на карманные расходы». — «Так здесь чего такой тоскливый?» — «Тут получше. Но тоже... Товарищ во Францию зовёт. Думаю». — «То есть ты как тот еврей в анекдоте: и тут ему плохо, и там плохо. А хорошо в дороге?»

— ДЕЛА ДА СЛУЧАИ меня замучили.

— КАК ЭТО «ИСТИНА сделает вас свободными»? Я и так свободен.

— А ты куришь?

— Да. А что, это препятствует свободе? Хочу и курю.

— Как раз это несвобода. Рабство греха. Ты такой большой и зависишь от этой, тьфу, сигаретки — шмакодявки. И ты её раб. Как? А вот посидим ещё двадцать минут и ты задёргаешься, тебе надо курить, как же не раб? Так что «всяк, делающий грех, раб греха». А конец греха — смерть.

— А ты не куришь и не пьёшь, ты здоровеньким помрёшь.

— Смерть-то не физическая, душу убиваешь... Чего молчишь?

— Курить пойду.

— А пойдёшь курить, и Витьку вспомнишь. Ему позвонишь: Вить, давай пивка по кружечке. А встретитесь: чего это мы пиво пьём, печень мучаем. Давай водчонки. Выпили: а ты давно Лерке звонил? Скажи, чтоб с подругой приехала. Так? Грех грех тянет.

— ЧАЮ, ЧАЮ накачаю, кофею нагрохаю.

Я отсюда уезжаю, даже и не взохаю.

Уезжаю, уезжаю и наказываю вам:

Не ругайте мою милочку позорными словам.

— ЭТО БЫЛО... это было? А! В день мониторинга. Точно!

САМОЕ ПОЗОРНОЕ в творческих людях — псевдонимы. Ну, революционеров можно понять. Подполье, скрывались, меняли паспорта, обличье, от жандармов бегали. Но когда победили, зачем было скрываться? Уже от них бегали. Чего ж не торжествовали в открытую, чего ж предавали фамилию отцов? Неужели фамилия Ульянов хуже, чем фамилия Ленин? У нас в селе мальчишка вырос-тал, Вовка. Без отца. Мать Елена. Так его все звали Вовка Ленин. И это никого не смущало. Но это же не было псевдонимом.

А вот все эти драмоделы, писаки, журналюги, чего им скрывать? Значит, есть чего скрывать, знает кошка, чьё мясо съела. Знали, что в людях идущее из древности недоверие к евреям? А оно откуда? «Жида Христа распяли», вот откуда. То есть плата за предков. «Кровь на нас и на детях наших».

ОСКОРБИТЕЛЬНЫМИ БЫЛИ слова «Нечернозёмная зона РСФСР». Всё жили в России, а стали жить в зоне. Товарищи из ЦК, скажем так, национально ориентированные, интимно объясняли, что хотя бы так, но помощь была России. То есть горной зоне грузин, и степной зоне казахов, и чернозёмной зоне малороссов помогали без их оскорбления. И в самом деле жила Кировская область, и без того униженная псевдонимом Кострикова (Кирова), в зоне. Вот спасибо.

Жили в зоне. И привыкли. Ну, народ. «Вас завтра всех повесят!» — «Со своей верёвкой приходите?»

ЕВРЕЙ СРЕДНИХ лет, новый русский, был богат ещё от папы и мамы и сам был шустрый в прибавлении капитала. Одно его сгубило: женский пол. Рано совсем стал импотентом, в педерасты не пошёл, женщин возненавидел.

А занимался искусством, то есть не производством его, а скупкой и перепродажей. Дело прибыльное. Картины старых мастеров заполнили и его квартиру, и загородный дом.

В основном он собирал изображения женских тел. Очень мечтал о «Даная» Рубенса. Но как ни богат, а она была не по его деньгам. На неё и так золотой дождь льётся. Это, оказывается, к ней так языческий бог в спальню приходит. Наш коллекционер заказал копию «Данай». Сделали хорошо.

И появилось у него такое ночное занятие. В доме тепло, слуги ушли, охранники на посту. Он один. Раздевается догола, зажигает свечи, ходит по коврам около картин, выпивает с «обнажёнками». Говорит с ними, вначале вежливо, а когда напьётся, даже оскорбляет.

Ничего, они всё стерпят.

МАТРЁШКА «ЕЛЫЦИН» появилась на Арбате, точно помню, в 1991-м, после свержения тогдашних бесхребетных властей. Когда всё стало можно. В форме матрёшки была не матрёшка, а нарисованный Ельцин. Матрёшка открывалась, в ней оказывался «Горбачёв», в нём «Брежнев», в «Брежнев» «Никита», в «Никите» маленький «Сталин», в «Сталине» совсем маленький карлик «Ленин».

Всё это была потеха для иностранцев и для быдла. Увы, даже докатился до названия такого. А что? Неуважение к властям — признак или тупости, или своенравия, или зависти. Конечно, власти — дерьмо, но лучше пусть такие, чем анархия. И не нам судить.

ДОЧКА ПРИШЛА и присела, и молчит. Я сижу читаю. Она (обиженно): «Я сижу как пустота. А ты говоришь: природа не терпит пустоты». Сорок лет прошло, а помню.

СУДЬЯ — ТАТАРИНУ: «Вы всю жизнь живёте среди русских, в документах значится, что вы окончили русскую школу, и вы до сих пор не выучили падежи». — «Выучил, — отвечает татарин. — Я был именительный падеж, и она — именительный. Я сделал предложный падеж, она ответила дательный. Мы вместе творительный, а если вместе, то почему я должен быть один винительный?»

НА ПЛЕНУМАХ, СЪЕЗДАХ, заседаниях, собраниях сколько же лет, именно лет, высидел. Это была такая писательская дементность. Мы памятники себе созидали, начиная чугунеть с задницы.

СЕРДИМСЯ НА ЖВАНОЙДОВ ТВ и эстрады, а что сердиться? Чего и не стричь баранов? Жваноиды — показатель падения культуры. Она ушла от культа культуры и пришла к кассе. Это давно начиналось. Замена житийной литературы литературой художественной, замена описания подлинного подвига реальной жизни

святого «художественным образом» — это было бесовской заменой святости на шекотание нервов. Это не «лишние люди» в литературе, это такая литература лишняя. Что она дала? Раскрыла двери для революции?

Да нет, никого тут нельзя винить? Бог всем судья. И хлеба хватало, и зрелищ, и кто виноват, и что делать — было всё. Даже и вопрос пилатовский: что есть истина, — цитировался. Но Истина стояла перед ним и нами. До сердца не доходило. А в голове всегда ветер гуляет.

ВРЕМЯ ДАНО нам в наказание. Время — судья, время лечит, говорится вроде как в утешение. Но главное: время приближает Страшный суд. Страшный. Страшно. Тут одно спасёт — молитва. Молюсь я — отодвигаю Страшный суд. Не молюсь — приближаю. Время неотвратимо, неотодвигаемо, неумолимо, неизбежно. И разве боится Страшного суда святой?

ИЗ ДЕТСТВА. Кто-то кому-то рассказал известие о смерти жадной женщины. Тот в ответ: «Хлеб на копейку подешевеет».

И из детства же, о нерадивой хозяйке: «У неё за что ни хвати, всё в люди идти».

И оттуда же. Пиканка. Из консервной жести делали наконецники для стрел. А луки были сильные, тугие, из вереска. Стреляли в фанеру — пробивало. Стреляли в доску, у кого пиканка глубже воткнётся. Вытаскивали осторожно, раскачивая за жестяной кончик. Охотились на ворон. У меня не получалось.

Ещё помню: набирали в грудь воздуха и громко, без передышки говорили: «Эх, маменька, ты скатай мене валенки, ни величеньки, ни маленьки, вот такие аккуратненьки, чтоб ходить мне по вечерочкам, по хорошеньким девчоночкам, провожать чтоб до крылечечка, чтобы билось сердечечко...» — дальше ещё что-то было, забыл. Видно, оттого что только на этот текст хватало воздуха.

— «ДЕВКИ, ГДЕ ВЫ?» — «Тута, тута». — «А где моя Марфута? Не гуляет тута?»

— БЮРОКРАТЫ КРУГОМ такие ли: бегал за трудовой книжкой по кабинетам. Одна сотрудница бланк мой потеряла, валит на меня. А я его ей отдавал. Она: «Ищите на себе». Извините, говорю, бланк не вошь. И что? И разоралась, и ещё три дня гоняла. Ладно. Потом вышел, гляжу, она к остановке идёт. Я про себя ей как бы говорю: «Бога ты не боишься». И она тут же, вот представь, на ровном месте запнулась. Я же и подбежал поднять.

ХИРУРГ: ТРУДНОСТЬ в том, что у людей разное измерение боли. Прощупываю: «Тут болит? А тут?» Терпеливый терпит, а неженка стонет от пустяка.

Вспомнил тут маму, говорила о городских женщинах: «Их-то болезнь — наше здоровье». То есть в поле, в лес, на луга, к домашней скотине ходили при температуре, при недомоганиях, ломоте в пояснице, в суставах, с головной болью. О гипертонии не слыхивали, хотя она, конечно, была у многих. Надо работать, и всё.

Бельё мама полоскала в ледяной воде. «Ночью потом руки в запястьях прямо выворачивало. Подушку кусаю, чтоб не застонать, вас не разбудить».

— НЕНАВИЖУ БАБ! Ты погляди на них хоть на базаре, хоть в автобусе, все больные. А ведь перескрипят мужиков.

— ТЫ ХАПНУЛ комбинат за десять миллионов, а он стоит сто. Ты владей, но разницу государству верни.

— НЕОК/ЛЕВЕТАННЫЕ НЕ спасутся. Напраслина на меня мне во спасение, так что продолжайте меня спасать, реките на мя «всяк зол глагол».

НА КАМЧАТКУ ПРИЕХАЛИ молодые супруги. Заработать на квартиру. Дочка родилась и выросла до пяти лет. Это у неё уже родина. А деньги накоплены, и супруги свозили дочку к родителям. И уже вроде там обо всём договорились. Возвращаются за расчётом. Дочка в самолёте увидела сопки и на весь самолёт стала восторженно кричать: «Камчаточка моя родненькая, Камчаточка моя любименькая, Камчаточка моя хорошенькая, Камчаточка моя миленькая!» И что? И никуда ни она, ни родители не уехали. Именно благодаря ей. Сейчас она взрослая, три ребёнка. Преподаёт в Воскресной школе при Епархии.

Очень я полюбил Камчатку.

В ЗАСТОЛЬЕ, с видом на пирамиды, которые вечером как коричневый картон на жёлтом фоне. Произносится тост, который не только духоподъёмный, но и телоподъёмный. Все встали. И откуда-то много мух. «Давайте швыдких вспомним и мухи подохнут». И точно — досиживали без насекомых.

— ДАЙТЕ МНЕ АПЧЕХОВА, — просил я в библиотеке детства. То есть я Чехова уже читал, но фамилию его запомнил по корешку, на котором было «А. П. ЧЕХОВ», то есть Апчехов. Мало того, я не знал значения сокращений. Например, «мистер» обозначалось «м-р», «доктор» — «д-р». Так и читал: «Др Ватсон спросил мра Холмса». Или «господин» — «г-н». «Гн Вальсингам». Не знал и, что буква «о» с точкой — это «отец». «О благочинный ласково благословил отрока».

Но читал же!

БАНШИК ВАНЯ у Шмелёва «читал-читал графа Толстого, дни и ночи всё читал, дело забросил, ну в башке у него и перемутилось, стал заговариваться да сухие веники и поджёт» («Как я ходил к Толстому»).

ТАК ВЛЮБИЛАСЬ, что когда собиралась ему звонить, то перед этим причёсывалась.

— КОГДА ЖЕНА наступает на горло собственной песне, это её дело, это я могу понять, но за что, «за что, за что, о Боже мой?», она тут же передавливает горло моей песне? Причём, ведь вот что ужасно, как бы моей песне подпевая.

— ДОРОГУЩИЙ КОНЬЯК подарили. Принёс, горжусь. А жена: «Какая, говорит, тебе разница, чем напиваться?» «На», — говорю, и весь коньяк в кадку с фикусом вылил. У нас фикус огромный, всё время помногу поливаем. Вылил, сам рванул питьё отечественного производителя. Уснул, просыпаюсь: песня. Откуда? Фикус поёт и листьями качает.

НА ЛЕКЦИИ В СТУДЕНТАХ пускаю записку по рядам: «Сколько можно штаны протирать и на доцента глазеть? Давайте сбежим и возьмём на ура художественный музей».

И ещё помню записку: «У студентов обычно нет промокашки. Что мы, разве мы первоклашки? Лист промокашки скромненький, неяркий, но ах, какой это был бы подарок! И, собрав угасающую отвагу, я прошу промокательную бумагу». Студентки смеялись, бумаги надавали. А зачем просил, не помню.

«Дни, как грузчик, таскаю зазря. Но есть выходной с лёгким грузом. Завтра просплю я тебя, заря, и встану с голодным пузом».

«В болтовне язык не точится. В болтовне ум истощается. Но молчать совсем не хочется. И мораль вся тут кончается».

Это из сохранившихся студенческих.

А вот оттуда же, и как только сбереглось? М. б. 1963–1964 гг.

Отголоски войны мучат, как вулканов разбуженных пляска.

На прогулке дедушка с внуком. Старый с малым. Оба в колясках.

Старый малым был, бегал в ораве босиком по дорожной пыли.

Рос, работал. Война. Переправа. Медсанбат. Наркоз. Инвалид.

Ни о чём он сейчас не жалеет, об одном только мыслит с тоской:

Неужель его внучек, взрослея, доживёт до коляски другой?

Неужель и в двадцатом столетии справедливость не кончит со злом?

Неужель к небу тянутся ветви, чтобы, выросши, стать костылём?

В мире чертаются прежние планы — бросить нас к фашистским ногам.

Это значит — могилы как раны, это значит — окопы как шрам.

Это значит — невесты без милых.

Мир трехцветно будет обвит:

Белый с чёрным — гробы в могилах.

Белый с красным — бинты в крови.

Память горя — нужное горе, чтобы новых не было мук.

Дед со внуком в колясках, но вскоре

Из коляски поднимется внук.

АРМЕЙСКИЕ СТИХИ

Они почти не сохранились. Но, дивное дело, сохранилась страничка, исписанная рукой брата. Он сохранил стихи, которые я посылал ему из армии в армию.

Батарея шумная разбежалась спать,

Я сижу и думаю, что бы вам послать?

Ну, стихи солдатские вам читать с зевотою,

А старьё гражданское помню с неохотою.

И в полночной тишине мучает изжога,

Засыпаю. Снится мне, что кричат: «Тревога!»

И прочёл сохранённое, и вдруг ощутил, что многие живут в памяти. Надо их оттудова извлечь. Первые армейские, когда ещё живой ракеты не видел, были бравыми:

*Меня «тревога» срывала в любую погоду с постели,
Сирены ночь воем рвали, чехлы с установок летели.
Звёзды мигали спросонок, луна на ветвях качалась,
А где-то спали девчонки, со мною во сне встречались.*

Лихо. Всё врал: «тревога» не срывала и так далее. Да и какие девчонки. Уходил в армию, поссорясь с одной и отринутый другой. Потом были стихи покрепче.

*Тополя хрупкий скелет у неба тепла молили,
Старшему двадцать лет. Взвод в караул уходил.
Штыков деловитый шёлк, на плечи ломкий ремень.
Обмороженных неба шёк достиг уходящий день.*

Или:

*Эх, жись, хоть плачь, хоть матерись:
Три года я герой.
Раз мы сильны — молчит война,
Раз мы не спим — живёт страна.
А я не сплю с женой.*

Это я для одного женатика написал.

Или:

*Ты мне сказал: «Послушай, Крупин, —
и сплюнул окурок в окно. —
Дай мне свой боевой карабин,
хочу застрелиться давно».*

Дальше шли мои зарифмованные уговоры отказаться от суицида, а завершалось:

*— Мысли твои, чувства твои,
как и мои рассказы —
Это в клетке казармы поют соловьи,
Это буря в ребячьем тазике.*

И ему же:

*Как разобраться в жизни хорошенько?
Ух, как она прибрала нас к рукам.
И нам с тобой, сержант Елефференко,
Служить ещё, как медным котелкам.*

По заявкам трудящихся сочинял частенько. Одно моё «творение» очень было популярным:

*Упрёки начальства, заборы мелочью стали ныне:
Сердце робость поборет, сердце в разлуке стынет.
Смирительную рубашку на гордость не примет сердце.
Я горд, от тебя, Любашка, мне уже некуда деться.*

Это извлечение из середины стиха. А сочинилось оно «из жизни». Рядом с нашей сержантской школой в подмосковном Томилино (потом мы переехали в Вешняки) были огромные армейские склады, и нас, совсем зелёных, ещё «доприсяжных», гоняли туда. А нам и в радость. Это ж не полоса препятствий, не строевая подготовка. На этих складах были не только обмундирование, топливо, всякие запчасти, и еда была. Таких, похожих на пропасть, ёмкостей для засолки капусты мне уж больше и не увидеть. И там, на этих складах, моё свободное сердце — а когда оно не свободно у поэта? — увлеклось учётицей Любашей. Таких там орлов, как я, были стаи, но я-то чем взял: увидел у неё учебник литературы для школы. Оказывается, готовится к экзаменам в торговый техникум. Предложенная ей моя помощь ею отринута не была. Тогдашние экзамены требовали не собачьего натаскивания на ЕГЭ, сочинение требовалось и устный экзамен тоже. Ну вот. Она жила в доме барачного типа недалеко от части. И я, я рванул в самоволку. Любовь делает нас смелыми. Там проволока была в два ряда и собаки. Но собаки были давно прикормлены, своих не трогали, а в проволоке были секретные проходы. А чтобы тебя часовой пропустил, надо было сказать пароль: «Рубите лес!» — а часовой отвечал: «Копай руду». И всё, и зелёный свет.

И вот я сижу у Любаши, и вот ей вручены мои стихи, и она: «Ах, это мне? Врёшь! Списал!» И вот надвигается чай, я развожу тары-бары про образ Базарова или ещё про кого, образов в литературе хватает. Далее — я не выдумал — дверь без стука открывается от пинка, и на пороге огромный сержантюга из стройбата. Любаша, взвизгнув, выпрыгивает в окно. Оно открыто, ибо это ранняя тёплая осень. Сержант хватает меня за грудки, я возмущённо кричу: «Ты разберись вначале! Я ей к экзаменам помогаю готовиться». На столе, как алиби, тетради и учебники. Сержант не дурак, понимает, что ничего не было. Садится. Из одного кармана является бутылка белой, из другого — красной. Выпиваем. Молчит. Знает, где что лежит у Любаши, ставит на стол. Закусываем. Ещё выпиваем. После молчания: «А знаешь, хорошо, что я тебя застал. Я же на ней жениться хотел. А если она так к себе парней будет затаскивать, что с неё за жена?» — «Я не парень, я репетитор». — «Кто?» — «Ну, консультант». Вернулся я в часть, и как-то всё обошлось, и пароль, и отзыв. Только вот собаки облаяли, хотя и не тронули, не любят они пьяных.

Моё это стихотворение однополчане рассылали своим Любашкам, Наташкам, Сашкам (Александрам). Не у одного меня «смирительную рубашку на гордость не принимало сердце». Они переписывали стихи, как бы ими сочинённые, для своих адресатов. Всё получалось хорошо, но иногда имя девушки сопротивлялось и не хотело лечь в строку. Как в неё поставить Тамару, Веру? Тогда в ход шли уменьшительно-ласкательные имена: ТамарАшка, ВерАшка.

А раз меня засекли с книгой на посту. Чтение было увлекательным. Вот доказательство:

Вынесли приговор — строгий выговор
 И пять нарядов: читать не надо.
 Шекспир сильнее? Чего? Бледнее:
 Ужель уставов и даже взгляда всех комсоставов?
 Так, вероятно... Поймая превратно мои ответы,
 Они вскричали о партбилете, о долге, чести,
 Литературе в моей анкете не давши места.

Сочинённое немного повторяет ещё доармейское, когда я ездил поступать в Горький, в институт инженеров водного транспорта. Ткнул пальцем наугад в справочник высших учебных заведений. Оттого такая глупость, что с работы не отпускали, а учиться нельзя было запретить. Вот дальнейшее:

Скальте зубы, как в ковше у экскаватора:
 Конкурс мал, прекрасен город... уезжаю!
 Услыхав, заржали б зебры у экватора.
 Знаю.
 Не хочу я сотни дней скитаться по лекториям
 И учить осадку в реках пароходную:
 Я хочу войти в литературную историю,
 А не в водную.

Крепко сказано. Автору семнадцать лет. Стихи, кстати, процитированы в повести «Боковой ветер», и вот — да, так бывало в советской империи, в ней книги читали — прочли в Горьком, в этом вузе, и написали в Союз писателей справедливо обиженное письмо. Говорили об этом вузе самые хорошие слова. И я с этим очень был согласен и, конечно, извинился перед ректоратом и студенчеством.

— В РОССИИ ТРИ ПРОЗАИКА: Бунин, ты и я, — говорит по телефону знакомый писатель Анатолий.

Я понимаю, что он уже хорошо выпил.

— Тут у меня ещё Женя сидит.

— Да, и ещё Женя.

«ПЕЧАТЬ — САМОЕ сильное, самое острое оружие партии». Такой лозунг в моём детстве был повсюду. И я совершенно искренне думал, что это говорится о печатях. О тех, которые ставят на бумагах, на справках, которыми заверяют документы или чью-то доверенность. Круглые, треугольные, квадратные. Без них никуда. Все же знали, что документ без печати — простая бумажка. А «без бумажки ты букашка, а с бумажкой человек». Писали контрольные диктанты на листочках с угловым штампом.

Так и думал. А когда мне стали внушать, что печать — это газета, журнал, я думал: какая ж это печать? Это газета, это журнал. А печать — это печать. И при ней штемпельная подушка. Прижмут к ней печать, подышат на неё да и пристукнут ею по бумаге. И на отпечаток посмотрят. И человеку отдадут. А тот на печать полюбуется. Не на саму печать, а на её оттиск, который уже тоже сам по себе печать.

ОТКУДА СЛОВО «золотарь», то есть ассенизатор (по Маяковскому, революцией призванный), я не знал. И вдруг в Иране разговор о поэзии. Проводят при дворе шаха вечер поэзии. Нравится шаху поэт — открывай рот, туда тебе накладывают полный рот золота. Не нравится — тоже открывай рот и тоже накладывают, но уже другого «золота».

ОТЖЕВАЛ ЧЕЛОВЕК жвачку, бросил, а её хватает воробей, думает, что это ему крошка хлеба. И клюв увязает в жвачке, и воробей не может его вынуть. Да если ещё зимой, жвачка быстро замерзает. Так и погибает птаха.

ТЯГА ЗЕМНАЯ. Только ею побеждён непобедимый Святогор. Земля. Всё из неё, от неё и в неё. Всегда очень волновал запах земли, свежей пашни. Свежевырытой могилы. Конечно, по-разному. Народный академик Терентий Мальцев относился к ней как к родной матери. Приникал к ней, слушал её, вдыхал запах. Время сева определял даже так: садился на пашню в одном белье, а то и без него. Шутил: «Сегодня рано, послезавтра поздно. Завтра выезжаем».

РАНЬШЕ ПЛЕВАЛИ в лицо, сейчас вслед, в спину. Прогресс. Значит, идём вперёд, значит, боятся.

ВСПОМНИЛСЯ КАРТОННЫЙ шар, в который я был заключён. В школе математичка Мария Афанасьевна, зная о моих стихах по школьной стенгазете, велела сочинить стихи о геометрических фигурах и понятиях: диагонали, катете, гипотенузе, биссектрисе, секторе, сегменте, прямоугольнике, трапеции, — сказав, что все они вписаны в идеальное пространство шара. Написал как пьесу в стихах. И пришлось исполнять роль шара. Потом меня долго обзывали Толстый. Очень это было горько. Какая ж девочка полюбит мальчика с таким прозвищем?

— ЖЕНЩИНЫ ЛЮБЯТ подлецов, почему?

— Женщины любят победителей.

НАЧАЛО ПРОТЕСТАНТИЗМА от перевода Священного Писания Лютером от «Вульгаты». Он избегал слова «церковь». Он ушёл от ватиканского престола, но, по гордыне, не пришёл и к Восточной церкви. Заменял слово «церковь» словом «приход», то есть вера в приход. Каждый приход получался столпом и утверждением Истины. И уже к середине XIX века было до семидесяти различных течений, движений протестантов. Плодились как кролики, и как кролики были прожорливы. Но не как кролики, не питались травой, им души простачков подавай.

ПРИТЧИ О ЗАСЕЯННЫХ полях. Одна о семенах, брошенных в землю придорожную, в каменистую, и в землю добрую. И другая — о том, как на посеянное поле ночью приходит враг нашего спасения и высевает плевелы. То есть, как ни добра почва, как ни хорошо всходят посевы, надо быть начеку. Не мы выращиваем их, но охранять обязаны.

— ВЫЛЕЧИЛ Я СВОЕГО соседа от беса, — говорит на привале во время Крестного хода Анатолий. — Как? Он мне всё время: бесы, бесы, всё они ему карзились, казались. Видимо, пьянка догоняла, пил он крепко. А уже и отстал от пьянки, бесам-то, видно, в досаду. Опять тянут. Везде у него бесы. И жена уже не смогла с ним жить, ушла к матери. Звал его в церковь, ни за что не идёт, не заташишь. Оделся я тогда, прости, Господи, самочиние, в беса. Вечером, попоздней. Вывернул шубу, лицо сажей вымазал. К нему. В коридоре грозно зарычал, потопал сапогами, дверь рванул, вламываюсь. Боже мой! Он в окно выпрыгнул. Я скорей домой, умылся. Рубашка, курточка. К нему. Он во дворе, еле жив, в дом идти боится. И мне, главное, ничего не рассказывает. В дом зашли вместе. Я у него в первую ночь ночевал. А потом в церкви батюшке повинулся. «Ну, Анатолий, — батюшка говорит, — ну, Анатолий! А если б он умер от страха?» — Говорю: «От страха бес из него выскочил». — «Вместе с ним». А я скорей голову под епитрахиль сую. И что? И не являлись соседу больше никакие бесы. Я к жене его сходил, уговорил вернуться.

ПОСЛУШНИКА ЯШУ поставили прямить гвозди. Их много надёргали из старых досок, когда разбирали пристрой к церкви. Гвозди большие, прямятся плохо. Яша день промучался, а назавтра пошёл в хозяйственный магазин, купил на свои деньги новых гвоздей, принёс настоятелю. Думал, похвалят. А настоятель вздохнул и говорит: «Яша, конечно, и эти гвозди понадобятся. Спасибо. Но дороже мне старые гвозди, которые ещё послужат. Ты не гвозди прямил, ты себя выпрямлял». Яша-то очень уж нетерпелив был.

ЕВРЕЙ СПРАШИВАЕТ другого еврея: «А ты знаешь, кто Мао Цзедун по национальности?» — «Не может быть!»

В ВЕЛИКОРЕЦКОМ на Никольском соборе проявился образ святителя Николая. И много таких явленных образов проступает по России.

Как же я любил бывать и жить в Великорецком. И дом тут у меня был. Шёл за село, поднимался на возвышение, откуда хорошо видно далеко: река Великая, за ней чудиновская церковь. И леса, леса. Зелёный холм, на котором пасётся стреноженный конь, мальчишки играют на ржавеющем брошенном остоле комбайна. Как на скелете динозавра. Играют в корабль. Скрежещет ржавый штурвал.

ПРОЩАЙ, ИСПАНИЯ! Испания — вымечтанная страна отрочества и юности. Как я любил Испанию! «Арагонская хота», Сервантес, Лопе де Вега, Гойя, Веласкес: «Итак, Равель, танцуем болеро!.. И эта пляска медленных крестьян... Испания! Я вновь тобою пьян!»... «Как ты думаешь, друг Санчо, не мало ли я свершил подвигов во имя прекрасной Дульсинеи Тобосской?» — «Думаю, чем мы сегодня будем ужинать»... «Ночная стража в Мадриде», «Ах, как долго, долго едем, как трудна в горах дорога, лишь видны вдали хребты туманной Сьерры», Эль Греко, каталонцы, «Лицензиат Видриера», Валенсия, Мадрид, Барселона, Саламанка, Кордильеры... музыка!

И вот всё это я к тому, что не бывать мне в Испании, не бывать. И сам не хочу в Испанию. Вернулись из неё жена и дочь, привезли

множество фотографий. Гляжу: где Испания? «Макдональдсы», реклама английского виски, американских сигарет. Прощай, Испания, тебя убили. Хватит мне того, что бывал на многих могилах европейских стран. Мёртвые города, мёртвые ходят по улицам.

МОЛОДЯЩАЯСЯ ВДОВА, ещё собирающаяся устроить жизнь, ухаживает за вдовцом: «Разреши мне поцелульку в шекульку». — «Моя твоя не понимай», — отшучивается вдовец. — «Чего понимать, Вася, хочется рябине к дубу перебраться». — «Я тебе не пара, ведь я глухой, бухой и старый». — «Сам сочинил?» — «Мне дублёров не надо». — «Вася, от восторга падаю!» — «Дуся, у нас говорили: “Шестьдесят лет дошёл, назад ума пошёл”». — «Вот именно! Ты молодеешь, Вася!» — «Дуся, я встал у стенки насовсем. Кранты. Годен только на металлолом». — «Не верю! Зажгу! Растоплю любое замерзание... А у тебя что, Вася, насчёт любви не работает чердак?» — «Да за мной босиком по снегу бегали». — «Уже разуюсь. О чём ты думаешь?» — «Думаю, что мне на поясницу лучше не горчичники, они ожгут, и всё, а лучше редьку, всю ночь греет». — «Всю ночь? Зови меня редькой, Вася».

Виталий БОГОМОЛОВ

БЕСПОКОЙНОЕ.**Из записных книжек провинциального писателя
(отрывок)**

05.01.13. Человек — пылинка во Вселенной! А сгореть пылинке во Вселенной — ничего не значит. Но если эта пылинка — человек, то в нём вся Вселенная, а это уже много, когда сгорает Вселенная!

14.01.13. У всякого человека есть своё мнение, у всякого своё право на это мнение. Но есть ли общий знаменатель, который выделял бы истинные мнения в этой неохватной громаде самых разных мнений?

Есть! Это призма опыта и мнений Святых Отцов. Рассматривая и оценивая свои и чужие убеждения, суждения и мнения через эту **призму**, мы можем определить степень **их** приближения к Истине.

27.02.13. У человека умер однокурсник, сорока лет. Четыре раза ездил в Чечню, ни разу не был ранен. А тут приступ поджелудочной железы... Умер на операционном столе. У друга паника, шок, страх, что он тоже должен умереть. Но ведь сказано, что без воли Божией и волос с головы человека не упадёт.

И когда ты знаешь это, когда веруешь, в душе поселяется чувство, убивающее или хотя бы нейтрализующее панику.

15.04.13. О жене футболиста Жиркова, о «Миссис России-2012».

Ужас, ужас и ужас! Просто потрясающе!!! И очень, очень символично! Символично в том плане, что к такому примитивному уровню сегодня тянут всю Россию. Ведь если «Миссис Россия» такая, то всем в России надо тянуться за символом России. А символ-то — ПУСТОТА!!! Она, мать двоих детей, не знает, кто такая Агния Барто, не знает имя С. Маршака, не знает, Земля вокруг Солнца крутится или Солнце вокруг Земли... Она никогда не работала, но унижена драгоценностями. Жена футболиста!

Р. С. 24.04.13. Сегодня по «Маяку» услышал, идя на дачу, что жена футболиста Жиркова сняла с себя титул «Миссис Россия-2012», от фантастического количества насмешливых отзывов в её адрес в Интернете (миллионы за несколько дней!) она впала в депрессию.

Виталий Анатольевич БОГОМОЛОВ родился 13 мая 1948 года в городе Тавде Свердловской области. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета (1978). Трудовую деятельность начал в колхозе. Позднее трудился на заводах, в книжном издательстве, в ВОХР, в редакциях местных изданий. Первая творческая публикация относится к 1978 году. Первая книга вышла в 1987 году в городе Москве: «Глухариное утро». Автор двух десятков книг прозы и стихов. Член Союза писателей России (1992). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов, в т. ч. Всероссийского конкурса им. В. Шукшина (1998). Кавалер орденов Ф. Достоевского I и II степени (2013, 2012). Живёт в городе Перми.

24.04.13. Эти два материала очень даже связаны между собой!

24.04.13. В «Одноклассниках» помещён видеоролик про безрукую женщину. Она всё делает ногами, всё. Ребёнку памперсы меняет, машину водит, яйца на сковородку разбивает, зубы чистит и т. д. Я был в шоке! Даже такой комментарий написал к нему:

«Потрясающе! Просто потрясающе! Какое надо иметь мужество, чтоб в таком положении оставаться полноценной женщиной! ЧЕ-ЛО-ВЕ-КОМ!!! И ведь парня какого вырастила! А мы, мы, физически здоровые, нередко воспитываем нравственных уродов! Через таких людей, как эта безрукая женщина, мы получаем моральную опору и устыжение себе за наше малодушие! Слава Богу, что есть руки, есть ноги! Слава Богу!»

28.04.13. Мы живём в эпоху, когда с собаками нянчатся, как с детьми, и с детьми обходятся как с собаками.

05.05.13. Когда сходишься с человеком, хочется сойтись поближе, узнать побольше. Но чем полнее ты знаешь о нём, тем больше открывается в нём того, что, понимаешь, лучше бы не знать, что не на пользу тебе, что отвращает и отдаляет от него... Но это же приемимо и к тебе самому...

16.05.13. Человек стал рабом и заложником своей тяги к комфорту. Ярче всего об этом свидетельствуют улицы и дворы, запрессованные автомобилями.

03.07.13. Как разложили человека наших дней, сняли все нравственные ограничения, сняли ответственность за неприличное поведение, ответственность за право быть, оставаться, становиться НЕчеловеком.

08.07.13. Иду по рынку, вокруг все (старые, молодые) говорят по мобильным телефонам. И представляется человечество как клубок огромный, опутанный этой связью. Какой-то огромный серпентарий, где змеи свились в единый клуб...

12.07.13. Свой ум в чужую голову не вставишь.

13.07.13. Подошёл на автобусную остановку, бросилось в глаза: стоят две девочки лет по 15. Особенно привлекла внимание одна: на внутренней стороне её предплечья наколка из трёх пятиконечных звёзд, уменьшающихся в размере от локтя к кисти. Довольно уродливые звёзды и какие-то совершенно нелепые, очень примитивные.

И мне почему-то подумалось, что **человек**, видимо, **устал быть человеком**, он не хочет им быть, сопротивляется быть человеком. Примеров — тьма. Он уродует себя, свою первозданность божественную, свою природу нелепыми до дикости татуировками (Катя, моя дочь, только что побывала в Финляндии, говорит, что там это просто бич, все девушки в татуировках), сегодня человек унижает себя пирсингами (даже язык и интимные места), он в

волосы вплетает какие-то шнурки и верёвки, так что волосы превращаются в колтун... Накачивают силиконом губы, грудь, попу. И так далее и так далее. Нет этим добровольным уродствам предела, индустрия их изошрённо развивается. Я уж не говорю о таком уродстве моральном, физиологическом и духовном, как однополые «браки», право на которые люди защищают с невероятной и последовательной яростью. Государственные мужи Запада защищают, парламентарии!

А музыка — «бум-бум»? А живопись — примитив?

Почему в человеке сегодня такое неотвратимое тяготение к самоуничтожению, к первобытности состояния? Почему?

23.07.13. Жизнь человека есть сплошное понуждение. Вы представьте, если человек перестанет понуждать себя быть человеком: перестанет вовремя вставать, идти на работу, мыть полы, готовить пищу, следить за собой, стирать, воспитывать детей, заботиться об их нравственном состоянии и так далее, — то что будет? Жизнь наша превратится в хаос, она просто рассыплется, как пшённая крупа из разорвавшегося пакета, анархия полная начнётся. Вот потому человек должен **понуждать** себя быть человеком.

13.11.13. Молодёжь через Интернет убивает жизнь свою. Интернетом убивает! А ведь какие чудесные созидательные возможности несёт в себе Интернет!

01.12.13. Подвиг человека наших дней заключается в том, чтоб **сохранить в себе Человека** в условиях дегуманизации, душеразрушительных явлений, невиданных искушений.

12.12.13. Если вы проучились в школе 11 лет и не вынесли знание о том, какие две профессии в ряду других самые главные на земле, то напрасно вы провели в школе эти 11 лет! Первая профессия — кормилец наш, землепашец, крестьянин! А вторая — учитель! Стратегические профессии. И если они признаются таковыми государством (правительством) и всем народом, государство — несокрушимо, а народ — непобедим! Но так ли это в наши дни?

29.01.14. Воспитание Человека — сегодня проблема № 1. И проблема, и задача!

11.02.14. Точки соприкосновения с инославными: уважение к человеку, любовь к человеку, ориентация на высшие нравственные ценности.

20.02.14. Смотрю снимок «Памятник Матрёне Ивановне Яковлевой», которая продала всё, что у неё было, а на вырученные деньги купила самолёт, чтоб таким образом помочь сыновьям на войне. Ни один из них не вернулся с войны. Она свой век доживала по чужим избам. Сознать это больно для сердца.

09.03.14. В Природе разрушение идёт только от человека... Всё остальное в Природе пребывает в гармонии.

15.03.14. Галина Вас. Чудинова в своей повести «Дорога — подруга моя» говорит об Индии и индусах, что смерти для них не существует, есть лишь бесконечная череда перевоплощений, поэтому индус никогда не убьёт муравья или муху.

Но вот что интересно при том: людей-то в Индии грабят и убивают, преступления совершают! Это к тому, что всё-таки, как я говорю, нет на свете существа гаже человека...

17.03.14. Что творится сегодня в мире — ужас! Люди, люди! У нас такая короткая жизнь, а мы делаем всё для того, чтоб истреблять друг друга. Мы хуже всяких зверей, тварей животного мира! Мы — люди? Сегодня самое трудное — в этой непростой ситуации сохранить в себе человека. Без этого нет у нас будущего!

03.04.14. Мышление сегодня формируется пазловое, фрагментарное, вот только картина целостная при этом не складывается. Сопрягать мы не научены.

04.04.14. А. С. Пушкин. «Сказка о рыбаке и рыбке». Эта сказка — чудо! Это сверхгениальное произведение! Смотрел на днях мультфильм по этой сказке и думал: насколько же она злободневна! Ведь Старуха — это наши олигархи ненасытные! А Старик — народ многотерпеливый.

Р. С. 23.09.14. Ещё раз перечитал эту сказку. Снова в полном восторге!

06.05.14. Я посмотрел фотоснимки обожжённых тел убитых, изуродованных в Доме профсоюзов в Одессе и прочитал материалы об этих событиях. Это ужас, кровь стынет в жилах! Какую мразь можно разбудить в человеке, просто невероятно! Они хуже фашистов! И это потомки Тараса Бульбы?! Нет, нет и нет! Это выродки, самые мерзкие выродки! Потому что такое, что я видел на фотографиях, способны с человеком сделать только самые последние выродки! Совершенно нечеловеческая жестокость! Ничем не оправданная! Жестокость, вызванная амбициями небольшой группы политиков и людей, одержимых жадной обогащения. А инструмент достижения их целей — как раз те выродки, которые способны на всё, надо только разбудить в этом быдле их самые низменные страсти. А это дело весьма лёгкое.

Душа плачет! Плачет моя душа!.. И не может утешиться! Да будут они прокляты во веки веков!

И всё это ещё раз свидетельствует о том, что самое дорогое в мире — это **Любовь**, та Любовь, о которой говорит апостол Павел в 13-й главе своего Первого послания коринфянам. Без **Неё** невозможны человеческие отношения, без **Неё** невозможно оставаться **человеком**.

Как много сказано об этом слов за историю человечества и как поразительно ничтожен эффект от них! Но без этих слов и такого малого эффекта не было бы!

21.05.14. Чтобы переформатировать Человека, его надо научить думать. Но сегодня вся жизнь сформирована так, чтобы он

думать не умел, чтобы он жил «пазлами», не умея составить (сопрячь) общую картину бытия, проанализировать её и сделать выводы, важные для своего существования. Без этого он не способен найти, определить своё место в этой картине. Конечно, душа по природе своей, сказано, христианка. И как христианка она ищет в системе духовно-нравственных координат надлежащее для себя место... Даже стихийно ищет...

22.05.14. Нет таких денег, которыми можно было бы откупиться от смерти!

25.05.14. Если собака всю жизнь гавкала, а в старости вдруг надумала стать оперным певцом, то у неё получится всё равно лай. Так и человек: если он всю жизнь своим студентам «толерантно» врал, а в предсмертной старости решил говорить правду — получится всё равно враньё.

22.07.14. Каждый лекарь будет в качестве панацеи выдавать то, на чём он зарабатывает деньги.

25.07.14. Сколько ломано-переломано судеб человеческих из-за того, что люди не смогли обзавестись квартирой, жильём в нужное время.

Как армия, не захватив плацдарма, не сможет ни форсировать широкую реку, ни развить наступление, так человек, семья, не имея квартиры, не смогут реализовать своих возможностей. А сколько от этого потеряет государство — невозможно и подсчитать.

25.07.14. Дачные впечатления. Человек словно бы ищет, где он ещё не успел и не сумел нагадить...

28.09.14. Буйная и беспечная жизнь молодёжи простиительна ей, ибо она естественна для этого возраста. Но в преклонном возрасте человеку непростиительно не заниматься богомыслием. Когда такое устройство жизни исчезнет (то есть в преклонном возрасте человек не будет думать о Боге, о своей душе, о её нравственном состоянии и её спасении), то молодёжь, взрослея, не сможет подвольно напиваться этими спасительными качествами, не от кого будет, — вот тогда и превратится жизнь в катастрофу, они придут к разбитому корыту. А так они, как и предки их в своё время, будут приходить ко спасению!

02.11.14. Какое глубокое влияние на душу, на психику человека оказывает страсть, азарт игрока. В Таиланде в подпольном казино (казино там запрещено) посетитель проигрался в пух и прах, при этом пережил такое потрясение, что пошёл, взял оружие и принялся расстреливать и служителей казино, и игроков: убил двух человек и ранил десять.

10.11.14. Почему в начале и в середине XX века из бедных многодетных семей выходили трудолюбивые люди? Да потому что к детям в этих семьях относились так, что они трудились со взрослыми

на равных, участвовали в жизни на равных, но! — в меру своих сил. Трудолюбие было условием выживания, пропитания. И они с ранних лет усваивали это.

Между прочим, крестьянская среда более раннего периода существовала по этому же принципу. Лентяй в той среде выжить не мог, был обречён.

10.11.14. Психология самоистребления.

Каждая фирма стремится произвести свой товар так, чтоб детали к нему, сделанные другой фирмой, не подошли. К примеру, у меня в хозяйстве три сотовых телефона и у каждого своё зарядное устройство, к другим телефонам они не подходят: гнезда специально так сделаны. А ведь хватило бы одного зарядного на все три телефона.

Подобный подход обусловлен материальной выгодой производителя. В таком подходе и кроется психология самоистребления. И так во всём, чего ни коснись: фотоаппаратура, автомобили, бытовая техника и так далее.

Для полной абсурдизации этой ситуации осталось каждой производящей электропатроны фирме установить **свой диаметр** патрона, а каждой фирме, производящей электролампочки, — свой, другой. Пусть народ разбирается как знает.

Р. С. 02.02.15. В Арабских Эмиратах очень высокий уровень жизни. Автомобиль 3–5-летней давности выпуска считается рухлядь. А потому там горы выброшенных авто. Чем выше уровень жизни, тем выше степень расточительности. Это до поры до времени?

21.11.14. Если человек делает добро, то даже в порыве пьяного откровения он будет хвастаться добром. А если человек делает зло, то в порыве такого откровения он может похвастаться только своими злыми делами, как тот ключиковский доносчик, про которого поведала Валентина Викторовна Тёплых в документальной книге «За скупыми строками приказов», который в компании признался с хвастовством, что в 1930–1940-е годы он 62 человека посадил.

14.12.14. Жажда денег лишает человека рассудка. Телеканал «Звезда» ведёт цикл передач «Легенды советского сыска». Это рассказ о неизвестных нам преступлениях 30–40-летней давности. На стыке 1960–1970-х годов начальник уголовного розыска г. Кропоткина Ростовской области (майор) организовал банду. Планировал ограбить банк, после чего хотел уничтожить поделщиков и бежать с золотом за границу, чтоб там устроить себе красивую жизнь. Готовясь к главному преступлению, банда грабила магазины. Вот жажда денег, жажда и иллюзия красивой жизни лишили этого майора рассудка, сделав из него бандита.

14.12.14. Ветеран МВД в телепередаче «Легенды советского сыска» сказал, что между убийцей и его жертвой устанавливается «вечная связь».

На мой взгляд, это закономерно, это естественно и неизбежно. Это вытекает и из Священного Писания, и из учения Святых Отцов. Сказано, что душа дороже всех сокровищ мира. И отнять душу, убить

человека, лишить его души — преступление самое жуткое, самое страшное и самое тяжкое. Поэтому связь, естественно, возникает вечная. Разорвать её, видимо, можно только через искупление вины, через понесение равнозначного наказания, и то при этом должно произойти осознанное, искреннее покаяние, как у благоразумного разбойника, распятого рядом со Христом, как у Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф. Достоевского.

26.12.14. На предновогоднем корпоративе в краевой библиотеке не прозвучало ни одной нормальной песни, ни одной застольной песни, ни одной русской народной песни. Молодое поколение их уже не воспринимает да и не знает. А ведь песня — это тоже инструмент формирования души! Музыка была только современная: «тазик, привязанный к мотоциклу»...

Поэт Анатолий Гребнев с горечью говорит, что ещё два-три года назад ни одного праздника в Байболовке в их больничном коллективе не проходило без его баяна, без песен. А сегодня в праздники баян уже не нужен...

02.01.15. Только тогда, когда человек уходит от нас в мир иной, мы начинаем понимать, **что** он для нас значил.

06.01.15. Не приведи Господи жить в такое время, когда всякий человек может стать мерзавцем.

10.01.15. Очень уж часто вспоминаются теперь слова Иисуса Христа: «Невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Лк. 17, 1).

21.01.15. Добро сделал — и забудь. А вот если тебе сделали добро — помни и молись за того человека.

Александр ГРЕБЁНКИН

ПЛАЧЕТ В РОЩЕ СОЛОВУШКА

ТРУБАЧ

Был я в роте трубачом,
Поутру играл побудку.
Всё мне было нипочём,
Увлечён был не на шутку.

Я трубил, как лось весной
Спозаранку на поляне.
Отзвук эха за спиной
Растворился, как в тумане.

Лишь с годами понял я —
Прошное не повторится.
Вспоминаются друзья,
Вижу их родные лица.

РАВНОДУШНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Живёт на земле — хата с краю,
Никак себе в толк не возьмёт,
Что линия жизни кривая
Возьмёт и его в оборот.

Живёт-поживает спокойно,
Не может понять одного:
Земная стихия и войны
Коснутся однажды его.

Но жить он не может иначе,
Доволен в душе сам собой:
О горе людском не заплачет,
Чужая не трогает боль.

Александр Алексеевич ГРЕБЁНКИН родился 14 июня 1940 года в деревне Верхняя Талица Воткинского района ныне Республики Удмуртия. Окончил Пермское речное училище (1961), Пермский государственный политехнический институт (1967). Работал на заводах города Перми. Творческую жизнь посвятил поэзии. Первая книга вышла в городе Перми в 1979 году: «Живая вода». Издавался в Москве и Перми. Автор около трёх десятков поэтических сборников и одной прозаической книги — часть стихов положена на музыку. Член Союза писателей СССР/России (1985). Лауреат премии Ассоциации Западно-Уральского региона «Интеллигент-Элита» (1997). Кавалер медали «Ветеран труда». Живёт в городе Перми.

Мне с ним говорить бесполезно,
Он зависти полон и зла.
Глубокая чёрная бездна
Меж ним и людьми пролегла.

И нет в нём ни капли сомненья,
Что праведной жизнью живёт.
Не будет вовеки прощенья
Тому, кто народ предаёт.

* * *

Писать стихи по сердцу и уму,
Не думая о почестях высоких.
Остаться верным делу своему
И помнить вечно, где твои истоки.

Оставить след в сердцах людей успеть
Своими повседневными делами:
И чью-то душу добротой согреть,
И чьё-то сердце разбудить словами.

* * *

Не ищу я лживого участия.
Жизнь земную всей душой любя,
Сердцем верю, что земное счастье
В жизни начинается с тебя.

То, что мне казалось увлеченьем,
Полюбил я всей душой всерьёз.
Радости твои и огорченья
Стали сердцу дороги до слёз.

Не боюсь я плыть против течения.
И, пока не захлестнёт волна,
Наших душ взаимное влечение
Наполняет радостью весна.

ПЛАЧЕТ В РОЩЕ СОЛОВУШКА

Плачет в роще соловушка,
Сердце трогает мне.
Льётся русская кровушка
На славянской земле.

Что ты, милый соловушка,
Песней душу мне рвёшь?..

Стала мать моя вдовушкой,
И отца не вернёшь.

В жилах кровь моих стынет.
Сделав всё, что смогли,
На родной Украине
Сыновья полегли.

Сколько их, безымянных,
Через сердце прошло.
Всё сильнее душу ранит
Закордонное зло.

Убивают безжалостно
Стариков и детей.
Жить на свете нерадостно,
Видя горе людей.

И становится страшно,
Но Победа грядёт.
День уходит вчерашний,
Новый день настанёт.

Только вспомню крылечко
И родительский дом —
Вспыхнет ярко сердечко,
Негасимым огнём.

И раскроется тайна:
Где правда, где ложь...
Ты не пой так печально,
Душу мне не тревожь!

Я ПЬЯНЕЮ ОТ ЛЮБВИ

В парке, на закате дня,
Жду с тобой свиданья.
Растревожило меня
Глаз твоих сиянье.

Я пьянею от любви,
Видя тебя издали.
Ты зажгла огонь любви,
Завладела мыслями.

И одну тебя любя
Страстно и неистово,
Не могу прожить ни дня
Без тебя, единственной.

В жизни нет тебя милей,
Ты — неповторимая.
Пусто в комнате моей
Без тебя, любимая!

* * *

Шумит листвой дубрава,
Цветёт раздольно сад.
И малахитом травы
На солнышке горят.

Земля теплом согрета.
Дождь льётся проливной.
И радугою лето
Пылает надо мной.

ГРЁЗЫ

Я очарован красотой твоей,
Тревожит сердце
глаз твоих безбрежность.
И озорные холмики грудей
Меня волнуют
трепетно и нежно.

Как ты красива!
Взгляд желанный твой
И родниковых губ
твоих сиянье
Зажгли в душе моей
огонь желанья,
И я стою, волнуясь,
пред тобой.

Ликует сердце, полное любви,
И я тянусь отчаянно навстречу...
Лишь крылья рук
опустятся на плечи,
Вновь на душе засвищут соловьи.

Владимир БАЛАШОВ

СКВОЗЬ БОЛЬ

СПЕЛЕОЛОГИ

*Экспедиции в Серпильевские
и Игнатьевские пещеры
посвящается*

В гранит спрессованные годы!
И мы с «бесстрашием» крота,
Нет, не идём! Ползём под своды,
Где затаилась темнота.

На крепость пробует природа
От поясицы и до пят,
А капли эха из-под свода
С клаустрофобией летят.

Здесь на камнях, как на полатах,
Свои досматривая сны,
Разбросив крылышки-распятья,
Уснули мыши до весны.

Палеолитовой эпохой
Вся изрисована стена,
И с еле-еле слышным вздохом
Под нею дремлет тишина.

Ушёл художник этот в Лету,
Запечатлев свой монолог.
Ах, жаль, что не был он поэтом,
А то б оставил пару строк.

Скорей не ведал, с краской маясь,
Что через тридцать тысяч лет,
Придёт, под сводами склоняясь,
И спелеолог, и поэт!

Владимир Васильевич БАЛАШОВ родился в 1951 году в селе Таборы Добрянского района Пермской области. Служил в ракетных войсках. Окончил Уральскую лесотехническую академию и Пермский государственный университет. Работал на Пермском фанерном комбинате. Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России (2014). Живёт в посёлке Уральском Нытвенского района.

И вроде что нам в этом толку —
 Не по асфальту «променаж»,
 И в сталагмитовых иголках
 Усеян путь во мраке наш.

Но как же хочется до дрожи
 Нам приобшиться к тайне троп,
 Где предок шёл, на нас похожий,
 Под именем НЕОАНТРОП!

От бесконечности туннелей
 Всплывают строчки Данте — «Ад».
 ...Но слава Богу, что к апрелю
 Осуществляется возврат!

Ну, здравствуй, Солнце! Здравствуй, Небо!
 Да сгинет Тьма! Да вечен Свет!
 ...Под ним с пяток часов я не был,
 А ощущение — сотни лет!

* * *

Болею, держава! Болею!
 Свою нестерпимую боль
 В себе я хранить не умею,
 Хоть воль ты меня, хоть неволь.
 Болею, держава, болею!
 И нянчу я эту беду,
 Хотя умереть не робею,
 Поверь! За тебя на роду.
 Болею за прошлое деда,
 Болею за мать и отца,
 За пьющего вечно соседа,
 За бабу с водою да хлебом,
 И боли не видно конца.

Болею, держава! Болею!
 И, кажется, с самых начал
 Всю жизнь от того сатанею,
 Что всё это вечно встречал:
 И в старых седых ветеранах,
 И в нищенках, там, где вокзал.
 ...Скажи, почему в дальних странах
 Я боли такой не встречал?
 Болею, держава, болею...
 За всю перекатную голь.
 Прости мне, Господь, за Рассею!
 О большем молить и не смею
 Сквозь эту бездонную боль.

* * *

Рождён в начале сентября,
Где время лечит
Своим осколком янтаря
Зари под вечер.

И слышен шелеста мотив
В летящих листьях.
А ветер с ними говорлив
В своих открытках:

Что птицы ринулись на юг,
А дождик чаще,
Что в ожиданьи зимних вьюг
Лесная чаша.

Что не пугает призрак зим.
...А над погостом
Вонзает крик свой птичий клин
Под сердце остро.

Наталья СОВА

СТРЕМЛЕНИЕ. Рассказ

Синий шарик, наполненный Тем, Что Легче Воздуха, неделю провисел под потолком в компании других разноцветных шариков. Шарик украшали школьный зал и создавали праздничное настроение. В конце недели шарик раздали желающим. Лёшка взял синий.

— Ты чего, девчонка, что ли? — спросил его одноклассник Вовка. — Шарик взял.

— Это я не для себя взял, а для Маринки, понял? — ответил Лёшка.

Маринка, Лёшкина младшая сестра, шарик очень любила. Сейчас она болела и лежала в кровати, и Лёшка решил, что Синий будет для неё чем-то вроде лекарства.

Он отпустил шарик рядом с её кроватью. «Тук-тук» — упруго постучался в потолок Синий, покачался и замер.

— Ой! — улыбнулась Маринка.

— Его зовут Синий, — сообщил Лёшка, но тут вошла мама и Лёшку из комнаты прогнала, чтоб не заразился.

Из своего опыта Лёшка знал, что шарик, наполненный Тем, Что Легче Воздуха, имеют обыкновение утрачивать летучесть и падать из-под потолка. Только что висел — и вдруг уже лежит. Чего-то подобного Лёшка ожидал и от Синего. Ведь неделю тот уже отработал. «Недолго Маринке радоваться», — подумал он.

Но Синий день за днём продолжал упираться гордой макушкой в потолок. Маринка каждое утро приветственно дёргала его за длинный хвостик. «Тук-тук» — тихонько отзывался тот и снова замирал, упёршись. Потом Маринка выздоровела и забыла о нём. А он все висел в уголке и падать не собирался. Даже наоборот, будто бы ждал, что потолок вот-вот исчезнет и он, Синий, взлетит в небо.

— Вторую неделю висит, — сообщил Лёшка папе.

Вообще-то папа попросил его показать школьный дневник, но Лёшка решил перевести разговор на другую тему в надежде, что папа о дневнике забудет.

Папа посмотрел на шарик, прищурился и сказал:

— У него есть стремление. Упрямое и постоянное. Когда такое стремление бывает у человека, оно обычно приводит к победе.

— А когда у шарика стремление, тогда что? — заинтересовался Лёшка.

— Тогда сын приносит отцу дневник, — ответил папа.

Наталья Владимировна БЕЛОУСОВА (псевдоним — СОВА) родилась 25 декабря 1970 года в городе Перми. Окончила Пермское музыкальное училище (1990), Пермский государственный институт искусства и культуры (1996). Училась на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А. М. Горького (2004–2005). Работала во Дворце детского (юношеского) творчества города Перми. Известна как автор-исполнитель песен. Первое издание вышло в 2005 году в городе Москве: роман «Королевская книга». Последняя на сегодняшний день книга — сборник прозы «Когда звёзды не жмурятся» — вышла в 2013 году в городе Перми. Член Союза писателей России (2007). Кавалер ордена Ф. Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

Вечером Лёшка втолковывал Маринке:

— У шарика есть стремление. Видишь, он хочет лететь. А если есть стремление, постоянное стремление, оно обязательно приведёт к победе. Поэтому шарик надо отпустить. В полёт.

— Не-ет, — захныкала Маринка, — это мой шарик!

Подошла к концу вторая неделя, Синий похудел и утратил глянец на боках, но стремления не утратил. Он хотел лететь.

И даже Маринка уже была согласна его отпустить, но не прямо сейчас, а завтра. Каждый вечер они с Лёшкой решали, что Синий полетит завтра. Поздней осенью темнеет рано — что за радость выпускать шарик, если не увидишь полёта? И Маринка каждый вечер говорила Синему: «Потерпи, завтра полетишь...»

В воскресенье утром она взяла его в руки и вдруг почувствовала, как поддаются под пальцами его синие бока, и увидела, что на поверхности образуются вмятинки и морщинки.

— Он... он... смотри, ему плохо! — закричала она Лёшке.

— Синий, держись! — отозвался Лёшка — Начинаем спасательную экспедицию!

Маринка, закусив губу, застёгивала тугие пуговицы. Синий держался. Он хотел лететь.

Ветер был слишком сильный, и Лёшка долго искал подходящее место, чтобы Синего не утащило под автобус и не запутало в деревьях. На старой спортплощадке за домом было тихо. Ветер шумел наверху, в высоких кронах. Сморщенный, худой Синий выглядел неважно. Но в безветрии он уверенно поднялся на своей ленточке и закачался в ожидании старта. Маринка отпустила его, а Лёшка хлопнул ладонью, придав ускорение. Синий начал взбираться в небо, вилая длинным хвостиком и бодая воздух крутолобой головой. Благополучно миновал кроны тополей и, набирая высоту, превращаясь в точку, скрылся в южном направлении.

— Вот оно, стремление. Уж стремление так стремление. — сказал Лёшка, глядя ему вслед. — Долго ждал старичок.

Маринка ничего не сказала, стояла и смотрела неподвижно, даже после того как смотреть стало не на что.

А вечером того же дня они возвращались от бабушки. Маринка увидела трепещущую стайку воздушных шаров, привязанных у лотка на остановке. Она потребовала у родителей купить шарик и выбрала жёлтый. Крепко сжимая ленточку в кулаке, отошла на несколько шагов и кулак разжала. Шарик обрадованно взвился ввысь. Ему не страшен был ветер.

— Эх ты, разиня... — усмехнулся папа.

Все ждали, как обычно, криков и рёва.

— Не расстраивайся, Мариша, — поспешно сказала мама, — хочешь, другой куплю?

Но Маринка и не думала реветь. Молчала, сопела и смотрела, как шарик превращается в небе в жёлтую точку.

— Синий до старости ждал. А ты лети, пока молодой, — тихонько сказала она.

Часть 2

Андрей ЗЕЛЕНИН

НЕМКА. Рассказ

Она была немкой. Хотя папа был русским. И мама — русской. Но папа работал инженером и два раза ездил в Германию — в командировки, а мама работала учителем немецкого языка.

Мама преподавала в школе. Помимо языка она вела ещё географию. А когда директор школы по своим депутатским делам уходил в горком или уезжал в областной центр, мама становилась и учителем истории.

Маму на работе не любили. Ученики. Потому что близилась война. Все чувствовали или знали: будет. И обязательно с Германией. И в каждом, кто хоть как-то был связан с немцами, а уж тем более знал немецкий язык, подозревали шпиона.

Папу один раз арестовывали, но быстро отпустили, потому что без него на заводе остановилась важная работа.

Маму не арестовывали, просто к ней на уроки несколько раз приходили какие-то люди. Люди были очень серьёзными и неразговорчивыми — их боялся даже директор школы. Мама — не боялась. Она говорила, что, делая свою работу, исполняет свой долг.

Приходить к маме на работу серьёзные люди перестали после одного случая. В её шестом «А» был мальчишка — Вилька. Вообще-то его звали Виленом — в честь Владимира Ильича Ленина, но ребята переделали Вилену в Вильку.

На уроке немецкого Вилька встал в позу. Причём буквально — тоже. Он взобрался на сиденье парты и, не обращая внимания на чужака в классе, заявил. На весь класс:

— Я как советский гражданин отказываюсь учить немецкий язык! И считаю, что весь класс должен высказать своё отрицание Марусе! Немцы задушили революцию в Испании, оккупировали Чехословакию, подчинили себе итальянцев и другие свободолюбивые народы. Нет немцам! Нет фашистам! Нет фашистскому языку! Нет Марусе! Но пасаран! — потрясая кулаком, Вилька начал делить слова на слоги, отбивая такт правой ногой — крепким кожаным башмаком — подошвой: — Но па-са-ран! Но па-са-ран!

Класс моментально, кроме неё, дочери своей мамы — по школьному прозвищу Маруси, — полез, как на баррикады, на парты:

— Но па-са-ран!

Мама подняла руку в том же антифашистском жесте, и класс, подчиняясь всё-таки учителю, смолк. И этого хватило.

Андрей Сергеевич ЗЕЛЕНИН родился 21 января 1969 года в городе Перми. Учился в Пермском государственном сельскохозяйственном институте. Окончил курсы при Пермском областном институте усовершенствования учителей. С 2000-го — главный редактор книжных издательств «Пушка», «Открытие-Пермь», «Пермский край». С 2008-го — руководитель Клуба юных сказочников при Пермской краевой детской библиотеке имени Л. И. Кузьмина. Детский писатель, драматург. Член Союза писателей России (1999). Член Союза театральных деятелей РФ (2007). С 1999 года провёл более 2800 творческих встреч в Пермском крае и за его пределами. Автор более 30 книг и нескольких пьес, поставленных в различных театрах страны. Лауреат Пермской литературной премии им. А. Ф. Мерзлякова (2000). Кавалер орденов Ф. Достоевского II, III степени (2014, 2012). Живёт в ЗАТО Звёздный Пермского края.

— Силой оружия можно уничтожить любой народ, любую страну, — сказала мама. — Но подчинить себе государство, нацию, заставить изменить фашистские взгляды на коммунистические, человеческие, можно лишь зная язык народа и его историю.

Чужак, что в тот момент находился в классе, поднялся со своего места на «камчатке», прошёл, протискиваясь сквозь ребячью толпу, к Вильке и сказал — так, что все моментально сели:

— Учи язык, «но пасаран», — и добавил, уже покидая кабинет: — И ещё. Вашу учительницу зовут не Маруся, а Мария Петровна.

Больше на уроки мамы никто из посторонних не приходил. И ребята притихли.

А летом началась война. Налетели самолёты с крестами на крыльях, на город упали бомбы... Потом в город вошли танки, машины и сами фашисты. Они вошли очень быстро — их не ждали так скоро.

Папа был на заводе, а мама готовилась к эвакуации — собирала и никак не могла собрать вещи в три сумки: папин рюкзак, свой чемодан и школьную сумку.

Когда на улице заревели двигатели и раздалась стрельба, мама кинулась к окну и рухнула, оседая, на пол:

— Всё! Не успели...

В их квартиру долго никто не заходил. Мама порывалась бежать к отцу на завод, но всякий раз застывала на пороге:

— Что я делаю? У нас дочь...

Ближе к полуночи в дверь поскреблись. Именно так: не постучались, а поскреблись — тихо-тихо, как кошка, которой у них не было.

Мама сорвалась — полетела от окна, у которого провела почти весь день: пряталась за занавеской, краем глаза выглядывая, что там, на улице, — и вот сорвалась:

— Кто там?

— Маша, это я... — донеслось из-за двери.

Тётя Лена, муж которой работал на том же заводе, что и муж Марии Петровны, с трудом перешагнула порог — казалось, она постарела сразу на полтора десятка лет и теперь в свои тридцать с небольшим выглядела на пятьдесят.

— Что?

— Убили... наших... — тётя Лена недоговорила, но и без того всё было ясно — всё сразу стало ясно.

Мама больше ничего не говорила — не спрашивала, не узнавала. Она просто шагнула в ночь, и всё.

...На другой день, утром, дочка узнала, что случилось на заводе и с мамой.

Отец с товарищами, с рабочими, подорвал себя и цех, который наши сапёры успели — в самый последний момент — заминировать, подорвал вместе с вошедшими на завод фашистами.

У мамы был нож. Обыкновенный кухонный нож, которым режут хлеб. Этим ножом мама зарезала первого же встретившегося ей фашиста. Её застрелили. Другие фашисты.

Утром всех жильцов дома выгнали на улицу. Оккупанты. Всех: стариков, женщин, детей. Двери выламывали и, крича и молоты куда придётся прикладами винтовок, гнали людей — ставили возле стены.

Через улицу, у другого дома, стояли три бронемшины — пулемёты с них смотрели на осиротевшую девочку, на соседей, на...

Вильку, непонятно как, ведь жил совсем в другом месте, оказавшегося здесь. Именно здесь.

Именно здесь она поняла: сейчас её жизнь закончится — насосем, навсегда. А за что? И с её губ сорвалось:

— За что?

Она могла произнести эти слова по-русски, но произнесла — по-немецки. Ведь расстреливать её, её соседей, её одноклассника собирались немцы.

У бронемашин стояло несколько офицеров и одна женщина. Она тоже была в форме. В фашистской форме.

Женщина услышала два немецких слова — «За что?» — и, сказав что-то офицерам, подошла к ней. И спросила:

— Ты кто?

Вилька стоял рядом. И она не успела ответить. Ответил одноклассник. За неё. Процедил сквозь зубы с ненавистью:

— Н-немка!

Настоящая немка оглядела её с ног до головы и схватила за руку:

— Пойдём!

— Куда? — не поняла она.

Немка рассмеялась — белые зубы ослепили, от веснушек на лице сыпануло огоньками, рыжие волосы, попав под солнечные лучи, обдали пламенем.

— Нечего делать рядом с трупами, — сказала немка.

Потом она, эта женщина, говорила ещё офицерам, и те согласились: раз девочка — немка, её стоит пожалеть, ведь не виновата же она, что родилась в России.

А потом девочка смотрела, как падают люди — те, кого она знала. И Вилька тоже. Его белая рубашка вдруг вздулась в нескольких местах, ткань лопнула, а затем белое стало красным. И Вилька упал. Упал, как все, кого она знала.

— Смотри, — говорила ей фашистка. — Так мы, немцы, поступаем с теми, кто недостоин даже обслуживать нас. Это не люди, это скот, родившийся по нелепой божьей прихоти. Но Бог велел нам, людям, повелевать скотом. И мы, люди великой немецкой нации, пришли сюда, чтобы исполнить божью заповедь.

Госпожа Элиза была очень набожной немкой. Она молилась по утрам, перед каждым приёмом пищи и отходя ко сну.

— Я буду называть тебя Гретхен, — сказала девочке госпожа Элиза; её настоящее имя немка не спросила.

Она вообще ни о чём не спрашивала. Она говорила, и всё.

— Тебе не повезло родиться, ты родилась в этой варварской стране, но тебе повезёт жить — ты будешь жить в Германии. Ты будешь служить мне. Точнее, моей дочери. Если бы была настоящей немкой, я бы платила тебе за твою работу. Но ты не совсем немка, поэтому ты будешь носить ту одежду, которую тебе дадут, есть ту пищу, которую ты заслужишь.

А ещё ей запретили выходить на улицу. Даже во двор особняка госпожи Элизы.

В Германии Гретхен оказалась спустя полмесяца... Госпоже Элизе дали отпуск, и она увезла с собой Гретхен. В Германию. К себе. К своей дочери.

Мужа у госпожи Элизы не было.

— Он погиб в Польше, — сказала немка Гретхен, показав фотографию в чёрной рамке, стоящей на прикроватном столике. Своём столике. Своей кровати. В своей спальне. — Он погиб нелепо. Эти ублюдки, поляки, решили, что могут сопротивляться, и стали стрелять. Муж был во главе своего полка — пуля попала ему в голову. Нелепая смерть, но без мучений. Хотела бы я покинуть сей мир без мучений, — вздохнула госпожа Элиза и перекрестилась. Госпожа Элиза была эсэсовкой.

— СС — элита Германии. Мы — те, кто в любой час дня и ночи готов отдать жизнь за нашего фюрера! Фюрер говорит — мы делаем!

Госпожа Элиза делала то, что говорил фюрер: она воевала с Россией, уничтожая всё советское, что могло уничтожить её самой.

Дочь госпожи Элизы — Мари — была слишком маленькой, чтобы понимать мать. Мари было три с половиной года. Когда госпожа Элиза вновь отбыла на войну, Мари взяла Гретхен за руку, прижалась к ней щекой и сказала:

— Ты — моя мама.

— Хорошо, — согласилась та.

Она кормила Мари с ложечки, когда девочка капризничала, давала лекарства, когда маленькая болела, просиживала с неожиданной дочкой, когда на улице была гроза и малышка боялась...

Мари не нравилось, что мама Гретхен не может ходить с ней на прогулки, но Гретхен ничего не могла поделать — никто в доме госпожи Элизы не мог послушаться хозяйки: ни управляющий её имением, которое находилось неподалёку от городка, ни его помощник, ни повар, ни горничная, в обязанности которой входило убираться во всём доме... В обязанности Гретхен входило одно — неотлучно находиться рядом с Мари, когда та была в доме. Впрочем, появилась ещё одна обязанность. Чуть позже.

Каждые полгода госпожа Элиза прибывала с войны домой. В отпуск. С фронта. Хотя... На каком фронте она была?!

В первый же свой приезд, когда Гретхен уже освоилась в чужом доме, госпожа Элиза избила... свою собственную дочь:

— У тебя одна мать — я!

Гретхен дрожала, стоя рядом с Мари, боясь, что достанется и ей, но больше страхась того, что, если она заступится за Мари, ту избьют сильнее.

— Молодец! — похвалила госпожа Элиза. — Жизнь в Германии идёт тебе на пользу. Ты становишься настоящей немкой. Эмоции нужны только для гнева. Для любви, нежности они не нужны. Должен быть расчёт. Холодный и трезвый, даже если ты собираешься выпить спиртное, расчёт — ведь для чего-то ты это делаешь, а не просто так! Пойдём...

В спальне госпожи Элизы было темно: шторы задернуты, свет не включали. Госпожа Элиза зажгла ночник и провела холёным пальчиком по стеклу рамки, за которой пряталась фотография её покойного мужа, — и довольно улыбнулась: горничная хорошо исполняла свой долг — пыли на стекле не было. Пыли не было и на прикроватном столике, и пол был чист, и картины в тяжёлых рамах, украшавшие стены спальни, не требовали дополнительного ухода.

За портретом какого-то рыцаря — из шлема, нашлёпнутого на доспехи, наружу высовывался только нос да сердито поплёскивали

оттуда же маленькие колючие глазки, — за этим портретом у госпожи Элизы скрывался сейф.

— Запоминай код, — сказала госпожа Элиза Гретхен. — Ты будешь открывать сейф раз в месяц. Золото и камни не любят, когда их забывают. Ты должна будешь обтирать их и... Можешь любоваться ими и даже примерять. И да! — госпожа Элиза вдруг расхохоталась. — Не думай, что я настолько тебе доверяю! Да, мой управляющий каждую неделю письмом отправляет мне отчёты и пишет в том числе о тебе. Ты ведёшь себя изумительно — не позволяешь себе взять даже кусок хлеба, когда приходишь на кухню. Это правильно. Но это не значит, что я тебе доверяю. Это всего лишь расчёт. Горничной я не могу доверить своё богатство. Несмотря на то что в этом доме она работает много лет, она может украсть драгоценности и скрыться. Ты тоже можешь украсть моё золото, но скрыться с ним тебе не удастся: ты не знаешь, куда идти, у тебя нет здесь знакомых. И ты никого не подкупишь — у тебя, ещё ребёнка, просто заберут золото. Всё.

С тех пор ежемесячно Гретхен заходила в спальню госпожи Элизы, закрывалась в комнате изнутри и открывала сейф. Кольца, перстни, серьги, цепочки, кулоны, подвески, броши — золотые, серебряные, с бриллиантами и незнакомыми Гретхен камнями, — они пугали. Пугали, потому что не были настоящей собственностью госпожи Элизы.

Каждые полгода коллекция драгоценностей хозяйки пополнялась новыми украшениями. Госпожа Элиза не скрывала, откуда богатство. Даже смеялась, вспоминая, как находила припрятанное. Иногда возмущалась искренне:

— Её на расстрел ведут, а она колечко не отдаёт, говорит, обручальное. Пришлось с мёртвой снимать — руки в крови испачкала...

Несколько раз госпожа Элиза привозила... зубы — золотые коронки. Она высыпала их горкой на столик, выкладывала цепочкой, создавала из них картинки — играла, словно мозаикой. Потом куда-то уносила и приносила обратно уже не зубы — маленькие брусочки золота. Гретхен боялась прикасаться к ним — в каждом брусочке были десятки жизней. Она чувствовала это.

Мари по-прежнему называла Гретхен мамой. Когда они оставались один на один. Когда госпожа Элиза уезжала на войну. Когда кто-то был рядом, а госпожа Элиза возвращалась домой, Гретхен для всех была Гретхен.

— Почему не ты родила меня? — спросила Мари, когда ей исполнилось пять.

— Зачем? — не поняла Гретхен.

— Я бы полностью была твоей, — призналась девочка. — Ты хорошая мама. Ты знаешь сказки.

Госпожа Элиза сказок не знала, она знала только молитвы и речи фюрера — их она могла цитировать долго-долго. И иногда устраивала показательные читки — вечером, перед сном.

Гретхен каждый вечер перед сном рассказывала Мари всё, что помнила от мамы, иногда придумывая своё:

— Жила-была маленькая девочка...

— Её звали Мари! — встревала та.

— Её звали Мари, — соглашалась Гретхен.

— Она жила у мамы в животике! — малышка была наивна, но знала многое.

— Мари жила у мамы в животике, — не спорила Гретхен.

— Она не хотела рождаться, потому что её мама была очень злой! — заявляла Мари.

— Мари родилась, — улыбалась Гретхен, — потому что она знала: она встретится...

— С доброй феей! — хлопала в ладоши Мари.

— А фея будет рассказывать Мари сказки, — Гретхен поправляла одеяло, которым укрывалась Мари, целовала девочку в лоб и ненадолго замолкала.

— «Репку»! — требовала Мари.

И Гретхен рассказывала «Репку».

— «Колобок»! — просила Мари.

И Гретхен рассказывала про колобка, убежавшего от деда с бабкой.

— «Теремок»! — вспоминала Мари.

И Гретхен... вспоминала «Теремок».

К пяти годам Мари знала два языка: немецкий и русский. На русском она разговаривала с мамой Гретхен — в спальне, а с шести лет — ещё и в подвале.

В подвале они прятались от бомб. Не от советских. И не от немецких. От американских и английских. Так говорил управляющий имением госпожи Элизы. И что уж находили американцы и англичане в этом маленьком немецком городке — никто не понимал. Военных предприятий — заводов, фабрик — в городке не имелось. Был только небольшой госпиталь для тяжело раненных немецких солдат. Гретхен знала об этом и от госпожи Элизы.

— Странно! — пожимала плечами госпожа Элиза, когда в первый раз услышала о бомбардировках. — Бомбить наших тяжело раненных солдат — это кощунство! И совершенно не может быть, чтобы нас бомбили американцы! Англичане — может быть. Они мстят нам за свои поражения и за то, что мы бомбим их города. А что делать здесь американцам?! Ведь мы с ними торгуем много лет! Они до сих пор поставляют нам нефть, металл и много чего ещё. Конечно, они много чего продают ещё и русским, но ведь это всего лишь бизнес. Американцы, как всегда, умело делают деньги... — после этого госпожа Элиза задумалась: — Неужели нас бомбят русские?

Когда налетали чужие самолёты — ночами, когда начинали падать бомбы, свистеть и грохотать, — Гретхен хватала полусонную Мари на руки и со всех ног мчалась со второго этажа в подвал: ступеньки, ступеньки, поворот, ступеньки, поворот, дверь... С потолка что-то сыпалось, мелкое и колючее. Гретхен закрывала Мари собой, своим телом, крепко сжимала ладонями голову девочки.

— Мама, сказку! — просила Мари.

— Жил старик со своею старухой... — начинала Гретхен сказку Пушкина.

...Госпожа Элиза приехала раньше обычного.

— Мы проигрываем эту войну. Случайно, но... — вздыхала она. — Нужно позаботиться о будущем! Американцы не будут против, если кое-кто из нас поселится у них. Или в Канаде. В крайнем случае — Бразилии или Аргентине. Но это далеко. Очень далеко.

Мари не выдержит первых испытаний. Я заберу её позднее, когда сама устроюсь на новом месте! — госпожа Элиза была категорична.

На её прикроватном столике вместо фотографии мужа лежали какие-то папки со свастикой и словом «Секретно» и ещё документ, похожий на паспорт. В документе была фотокарточка госпожи Элизы, но подпись под снимком уверяла, что госпожу Элизу зовут... Натали. Так нужно!

Когда началась очередная бомбёжка — ночью, Гретхен по привычке бросилась к Мари. И — поспешила в подвал. Обнявшись, они долго-долго пели — повторяли не сказку, песню:

— Во поле берёзка стояла, во поле кудрявая стояла...

Утром они вернулись в дом — поднялись из подвала в комнаты, прошлись по ним, заглянули в кузню, в другие помещения, и Гретхен поняла: они остались одни. Госпожи Элизы нигде не было; папки и документ исчезли, сейф был открыт и пуст. Дома не оказалось ни управляющего, ни его помощника, ни повара, ни горничной — никого.

Впервые за много лет пленница вышла на улицу. Долго не решалась — боялась. Приоткрыла входную дверь, прислушалась к звукам, доносящимся из незнакомого мира, принялась к чужим, забытым запахам наступившей весны. Она боялась. Мари — нет.

Мари распахнула дверь и выскочила во двор.

Деревья, кустики, забор... За забором была мощённая камнем улица: мостовая, дома, заборчики. Людей практически не было — промелькнула вдаль торопящаяся куда-то женщина в сером пальто или плаще, из дома наискосок показался старик с палкой и тотчас же вернулся к себе, хлопнув дверью, и всё.

Почти неделю они с Мари прожили вдвоём. Сделали запасы воды, пока работал водопровод — два дня. Собрали в одном месте все продукты, что нашлись в доме, — распределили по чуть-чуть, прикинули: хватит на половину месяца.

Три ночи их бомбили особенно сильно. На четвёртый раз самолёты налетели на городок среди бела дня. Убежать в подвал девочки не успели — сидели на кровати, тесно-тесно прижавшись друг к другу.

— Мамочка! — шептала пронзительно свистящим шёпотом Мари, вжимаясь в Гретхен.

— Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя... — перебивая страшный шёпот и тяжёлые звуки взрывов, читала по памяти Гретхен.

После бомбёжки они услышали раскаты далёкого грома. Оказалось, это была артиллерийская стрельба — стреляли пушки. Звуки их выстрелов приближались почти с каждым часом.

...Судьба ли девочек миловала, Бог ли — ни одна бомба, ни один снаряд не попали в их дом. Осколки бомб и снарядов — да; все окна лишились стёкол. Во дворе пострадали деревья, обвалился забор. А дом уцелел.

Их нашли в подвале. Чужие люди в чужой форме. Среди них были и темнокожие мужчины. Бряцаая оружием, громко стуча каблуками крепких ботинок, чужаки вели себя как хозяева. Гретхен видела: из дома выносили, не стесняясь ни их, детей, ни себя, своих же солдат, и одежду, и постельное бельё, и посуду — всё, что можно было унести в руках, всё, что представляло какую-то ценность.

Хрустело стекло — осколки на полу. Хлопали двери, и не только от сквозняков.

Девочек вывели на улицу, буквально впихнули в толпу местных.

Толпа постепенно превратилась в очередь, медленнодвигающуюся в направлении нескольких броневых автомобилей, на которых были установлены пулемёты. Рядом с броневыми автомобилями стояло несколько человек — наверное, офицеров. Они проверяли документы.

— У нас ничего нет, — развела руками Гретхен; говорила она по-немецки.

— Как тебя зовут? — спросил её тоже по-немецки переводчик — и всё-таки американец. — Имя?

— Гретхен, — отозвалась она.

— Где живёшь? — задал второй вопрос переводчик, обращаясь только к ней.

— Там! — Гретхен махнула рукой в сторону дома госпожи Элизы.

— Сколько тебе лет? — третий вопрос американца поставил её в тупик.

— Не знаю, — пожала плечами Гретхен.

Она действительно не знала свой возраст, казалось постоянное сидение взаперти — сколько прошло времени с того дня, как ее насильно увезли в Германию?

— Контужена, — поставил диагноз переводчик. И посмотрел на Мари: — У тебя тоже нет документов?

— Нет! — громко ответила Мари... по-русски.

— Что?! — удивился переводчик, услышав чужой язык. — Как тебя зовут?

— Мари я, — улыбнулась Мари.

Она имела в виду, что её зовут Мари: я — Мари. Переводчику послышалось другое: Мария — русское имя.

— О-о-о! — протянул он, довольно ослабившись. — Маша-а...

Русский язык давался переводчику с трудом, но он знал и его — немного, но знал.

— Девочка-а, скажи что ешо по-рюськи.

— Пожалуйста! — легко согласилась Мари. И начала... сказку: — Жил-был дед. Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая...

На улицу, ревя моторами, выскочили два автомобиля — один маленький, другой большой. В кузове грузовика сидели солдаты, в легковом — офицеры и один кто-то важный, может быть, и генерал. Автомобили остановились рядом с американской техникой.

Американцы встрепенулись — выкрикивая что-то непонятное, стали сдвигать немцев, и Гретхен тоже, на тротуар, к забору.

Переводчик поспешил к легковому автомобилю — что-то сказал там самому важному. Тот подошёл к Мари:

— Ну-ка, ну-ка... Что ты тут рассказываешь? — говорил он на чистом русском языке. — Давай-ка...

«Наши!» — подумала Гретхен, и на глаза её навернулись слёзы.

Женщина, стоявшая рядом с Гретхен, в порыве участия схватила её за руку:

— Не плачь! Не бойся! Нам повезло! Нашими хозяевами будут не русские — американцы. Они, может, и будут грабить, может, кого и изнасилуют, но не отправят в Сибирь, не убьют...

— У Лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том... — вдохновенно рассказывала Мари советскому генералу.

Ей аплодировали — и генерал, и офицеры, и солдаты: и наши, и американцы. Ей досталась плитка шоколада, другая, печенье, какая-то игрушка...

— Ну, своих-то, надеюсь, нам можно без всяких там церемоний забрать? — обратился генерал к американцам.

— Конечно-конечно! — усиленно закивал головой переводчик.

— Йес, о-йес! — согласились американские офицеры.

— Поедешь? — генерал широким жестом показал Мари на свой автомобиль. — Со мной. У меня здесь дочка. Тоже. Приехала навестить. Она чуть постарше. Тоже Пушкина любит...

Мари уселась к генералу на колени, не выпуская из рук с небес свалившегося богатства: шоколада, печенье...

Автомобили зарычали моторами и, оставив клубы дыма и запах бензина, вскоре растворившиеся в воздухе, исчезли из городка.

Гретхен не успела ничего сказать, ничего сделать.

К ней подошёл переводчик:

— Ну что, тебя нужно отправить в госпиталь?

Женщина-немка, говорившая до того про американцев, буквально вцепилась в Гретхен:

— Нет, господин офицер, нет! Мы вылечим её сами! Позвольте, господин офицер! Разрешите, мы пойдём домой! Прямо сейчас! Господин офицер...

Переводчик пожал плечами, обратился к своим — старшим, и те тоже пожали плечами.

— Идите! — разрешил переводчик, но тут же предупредил: — Из дома ни на шаг! Завтра патруль будет обходить все дома — проверять, чтобы все немцы были на месте. Понятно?

— Да-да! — затрясла головой женщина. И потянула Гретхен за собой: — Домой! Пойдём домой!

— Домой? — повторила Гретхен.

— Да-да! — женщина ещё несколько раз качнула головой. — Какое счастье, мы остаёмся дома! Какое счастье!

Николай БАШМАКОВ

ЗАПЛУТАВШИЙ ОРДЕН. Рассказ

Отцу и маме, прошедшим Великую Отечественную войну,
посвящаю

Дойти до Риги ему не довелось, хотя оставалось каких-то тридцать километров. Войска Первого Прибалтийского фронта наступали на Ригу с юга, но прорвать с ходу заблаговременно подготовленный рубеж не смогли и перешли к обороне.

Борис, пользуясь относительным затишьем, сидел в блиндаже и кемарил. Это слово как никакое другое передавало выработанное на войне состояние чуткого сна. С виду — сидя спал, а на деле в полудрёме сумбурно вспоминал, размышлял и отгонял назойливые мысли о еде.

По всему было видно, немцы решили дать серьёзный бой. Подтянули свежие резервы, дальнобойную артиллерию. Лупят такими снарядами, что земля, как при землетрясении, гудит. Если попадут в блиндаж, три наката брёвен не помогут. Два дня назад попали в полевую кухню. От кухни, старшины и поваров осталась лишь глубокая воронка. Такая же участь постигла и полковой склад. Знает немчура, куда ударить побольнее. Видно, посадили где-то опытных корректировщиков.

А много ли голодным навоюёшь? Чем бы ни был занят, а мысли всё о ней любимой... О жратве. Вчера подвезли сухой паёк из дивизии, но очень уж скромный. Съели за один присест и не наелись. А на нейтральной полосе, словно издевательство, сад с крупными, заметными невооружённым глазом яблоками. Можно было ночью сползать, но ротный под угрозой отдать под трибунал запретил.

На нейтралке каждую ночь гибнут разведчики. Четыре ночи ползают за языком, и всё без толку. Немцы уже не те, что в начале войны. От напыщенного превосходства и пренебрежения к противнику не осталось и следа. Им постоянно мерещится наступление русских, и чтобы не прозевать, натывали в нейтральной полосе передовые посты. На них разведка постоянно и натывается.

Вот и приходится Борису отговаривать друзей от затеи поживиться яблочками. Лучше пару дней поголодать, чем под конец войны загнать под трибунал или получить в лоб дурную пулю.

Он самый молодой во взводе, но самый обстрелянный. Два месяца исполняет обязанности помощника командира взвода. Фактически командует взводом, взводного убили в самом начале наступления.

Николай Борисович БАШМАКОВ родился 13 января 1949 года в Свердловской области. Военный инженер. После выхода в отставку всерьёз увлёкся литературной деятельностью. Автор пяти книг. Публикуется в общероссийских и региональных изданиях. Член Союза писателей России (2014). Проживает в деревне Малый Дубовик Куединского района Пермского края.

На фронте с ноября сорок первого, когда их дивизию, сформированную в городе Кунгуре, кинули в наступление на Калининском фронте. Почти три года шёл он от старинного города Твери, переименованного в Калинин, до Риги. Повидал за это время столько, что на целую жизнь хватит. Воевал постоянно на передовой за вычетом времени, проведённого в госпиталях. Ранило четыре раза. Все ранения средней тяжести и тяжёлые, на лечении находился долго. Может, потому и жив до сей поры. Из его сверстников редко кто дожил до сорок четвёртого. Двадцать третий год встретил войну в качестве новобранцев. В сорок первом многие погибли в первый месяц или попали в плен. А ему повезло. День рождения в августе, призвали только осенью. В их роте из сверстников у него только ротный, старший лейтенант Бобров. Боброва после ранения в сорок первом направили в военное училище, так и стал офицером.

Бобров парень что надо. Требовательный, но простой. Не кичится званием и должностью, не стесняется носить солдатскую пилютку. Орденами и медалями не брякает. Немцы умеют выбивать офицеров и опытных солдат с наградами на груди. Новый командир взвода, пришедший месяц назад из училища, повоевал совсем немного. Во время затишья решил покрасоваться и надел фуражку. Тут же попал на глаза немецкому снайперу.

У Бориса всего одна медаль «За отвагу», полученная в сорок втором. Поэтому снайперов он особо не боялся. Бобров, который имел два ордена и две медали, не раз допытывался, почему у товарища только одна награда. А что тот мог сказать? Воевал не хуже других, иногда даже лучше. Трусом никогда не был. Не раз обещали представить и к медали, и к ордену. Один командир даже «Героя» сулил дать. Но всё это перед боем, а после боя как всегда. Как-то так получалось, после очередного геройства — очередное ранение. А то сам командир погибал или попадал в госпиталь. Иной просто забывал о своём обещании. Ну да бог с ними, с медалями. Главное — живой, и война к концу катится.

А есть страсть как хочется... И сад этот на нейтральной полосе действует всем на нервы. Друзья-сослуживцы долбят Бориса без остановки. Особенно напирает Гришка Букин. Не может спокойно смотреть на яблочное изобилие. Парень из Рязанской области, вырос на яблоках. В детстве почистил столько соседских садов... Герой гайдаровского рассказа Квакин ему в подмётки не годится. Гришка второй день хвастает своим богатым опытом и доказывает, что способен очистить любую яблоню, при этом не потревожить спящую в десяти метрах собаку.

Не отстаёт от него и Иван Ошепков, здоровяк с Урала. Яблоки первый раз попробовал здесь, на фронте, а туда же. Хотя этого понять можно. Его мощный организм всегда есть хочет. Даже тогда, когда проглатывает двойной паёк.

Иван с Гришкой и прервали «сладкий сон» Бориса. Как всегда напористо и энергично, речь держал Григорий:

— Эй, командир, хватит дрыхнуть! Начальник обязан кормить своих подчинённых, а ты мышей не ловишь. Мы пришли тебя предупредить, поползём самовольно! Если повезёт, с яблоками вернёмся. А нет, тебя не сдадим! Скажем, наша личная инициатива была.

В ту же дудку подпел и Иван.

— Поползём сразу, как стемнеет. Немцы привыкли, что разведчики лезут в самую глухую пору, и с вечера ждать не будут. Нам главное — просматриваемое поле проскочить, а в самом саду деревья прикроют.

Доконали они Бориса. Может, молодость подвела, а может, самому так сильно хотелось есть, дал слабинку и согласился. Но отпустить ребят одних не мог. Принял решение ползти с ними. В случае провала за самовольную вылазку отвечать так и так ему.

Распределили обязанности. Григорий сборщик, Иван таскает мешки, а Борис наблюдает за обстановкой и в случае чего прикрывает. Как стемнело, поползли. Благополучно миновали открытый участок и заползли вглубь сада. Григорий и Иван работали бесшумно. Быстро набирали яблоки в мешки. Борис выполз на край сада со стороны немцев и наблюдал. Всё было спокойно. Вдруг он наткнулся на телефонный провод. Провод шёл со стороны немецких окопов на край сада, в ту сторону, с которой они пришли. Наверное, там передовой пост. Он похолодел. Их группа проползла в нескольких десятках метров от засады. Видимо, немцы действительно не ждали «гостей» в столь раннее время. Сделать это на обратном пути с полными мешками вряд ли удастся. Фрицы расстреляют их как куропаток.

Борис подполз к Ивану с Григорием и рассказал о «сюрпризе». Они посоветовались. Решили двигаться вдоль провода, тихо обезвредить немцев и только потом ползти в свою траншею.

Проползли немного и услышали чужую речь. Немцы негромко переговаривались. Они не могли и подумать, что противник у них за спиной. Судя по всему, их было двое. Борис молча показал пальцем: «Я — левого, Григорий — правого, Иван остаётся на месте».

Подползли ещё ближе, вскочили и молча кинулись на притаившихся в окопах для стрельбы лёжа немецких солдат.

Обезвредить без шума не получилось. Не было навыков, которыми владели разведчики. За время войны Борису несколько раз приходилось драться врукопашную. Особенно ожесточёнными такие схватки были в начале и середине войны. Немцы дрались до победного. Поэтому компромисса не было: или ты его, или он тебя. В конце войны ситуация начала меняться. Отборные кадры вермахта война перемолола. Стали чаще попадаться соперники из обычных немцев, которые предчувствовали близкий конец войны и, как и все нормальные люди, хотели жить.

В этот раз Борису повезло. Немец оказался долговязый, но силой и отвагой явно не вышел. Едва Борис на него навалился, он вытянул руки вперёд и загнусавил:

— Нихт тотен (не убивайте)! Гитлер капут!.. Нихт тотен!..

— Не буду я тебя убивать! В плен пойдёшь...

А Григорию пришлось туго. Его противник успел повернуться к нападавшему лицом. Они схватили друг друга в охапку, пыхтели, ругались каждый на своём языке, крутились, пытаясь прижать один другого к земле. Видимо, сидевшие в передней траншее немцы что-то услышали. В воздух взлетели осветительные ракеты, и для острстки тут же треснула автоматная очередь. К счастью, с немецкой стороны Бориса и его бойцов не было видно, прикрывал сад.

Немец оказался сильнее. Прижал Григория к земле, выхватил нож и всадил бы его в рязанского паренька, если бы не подбежавший на

шум Иван. Он не промедлил. Ударом сбоку врезал гансу прикладом по шее. Голова немца кувыркнулась набок, тело обмякло, готовый вонзиться в противника нож выпал из руки.

Борис подобрал автоматы немцев и командовал:

— Уходим бегом! Я с языком вперёд, вы прикрываете! — и повернулся к лежащему на земле немцу: — А ну, ганс, ауфштейн и бегом в плен!

— Я, я, я, — послушно вскочил немец и, подняв руки вверх, торопливо побежал в сторону русских позиций.

Борис бежал рядом. Следом, волоча мешки с яблоками, Григорий и Иван.

Бойцы не добежали несколько десятков метров, когда немцы по-настоящему всполошились. Взлетели осветительные ракеты, заоркотал пулемёт, затрещали автоматные очереди.

Теперь они были на открытой местности. Опытные Иван с Григорием моментально упали на землю, а немец продолжал бежать. Борис в три прыжка догнал его и повалил на землю. Падая, почувствовал острую боль в правой лопатке. Когда огонь стих, из передней траншеи подползли свои ребята, помогли преодолеть оставшиеся метры Борису и немцу. Григорий и Иван приползли сами и приволокли мешки с яблоками.

Григорий тоже получил лёгкое ранение. Пуля прошла мякоть руки, не задев кость. Почистить сад тихо не получилось. Вылазка закончилась большой оглаской, и спасший Григория Иван ворчал:

— Видно, на роду, Гришка, тебе написано пострадать сегодня. Это тебе в отместку за большую любовь к яблокам! А вот Борька терпит мучения из-за тебя, хвастуна.

— Это чё я нахвастал? — тут же завёлся Григорий. — Яблок-то ведь набрал, как обещал.

— Набрать-то набрал, но какой ценой? «Собаку в десяти метрах не потревожу», — передразнил его Иван. — Разбудил всю округу! Теперь придётся отчитываться!

Прибежала медсестра Варя. Бориса заташили в блиндаж. Рана была сквозная, из неё обильно текла кровь. Раненый был в полном сознании, не стонал, но по лицу текли слёзы. Варя принялась аккуратно стягивать гимнастёрку и одновременно утешать:

— Больно, да, Боренька? Потерпи, милый, сейчас перевяжу, станет легче.

— Не плачь, Борис! — поддержал её и гоdivшийся им в отцы пулемётчик Семён Прохоров. — Ты настоящий мужик! Терпи...

— Да не от боли я плачу, — тихо отвечал раненый. — Это у меня пятое ранение, бывало и большее. От радости слёзы текут, наверное! Война к концу идёт! Неужто живым останусь?

— Обязательно останешься. Терпи, сейчас я тебе рану обработаю, чтобы не загноилась.

Борис смотрел на медсестру с теплотой и нежностью. Всё-таки, когда делает перевязку девушка, боль переносится легче. Вроде бы как-то стыдно проявлять слабость перед слабым полом. Хотя какой он слабый. Вон какую войну и в тылу, и здесь на передовой ташат.

— Варь, меня, наверное, отправят в тыл. Пришлию адрес, напишешь мне?

— Обязательно напишу, Боренька.

Варя споро принялась за перевязку. Она была старше Бориса на два года. Эта хохотушка и оптимистка ему сильно нравилась. Он и сам обладал хорошим чувством юмора. Несмотря на молодость, был прекрасным рассказчиком. В часы затишья мог так пересказать какой-нибудь рассказ Чехова, что сослуживцы катались от смеха.

Варвара тоже поглядывала на молодого помкомвзвода с интересом, но между ними так ничего и не возникло. Соперником у него был не кто-нибудь, а ротный. Старший лейтенант Бобров очень ревниво оберегал девушку от любых поползновений со стороны подчинённых.

Он и прибежал в самый разгар перевязки и, невзирая на ранение, потребовал немедленного доклада.

— Что у вас тут за стрельба, помкомвзвода?

Борис не стал ничего скрывать. Бобров не дослушал до конца и пустился в крик:

— Ты что, мать твою?!... За самовольную вылазку тебя не в госпиталь надо, а под трибунал! Яблочек они захотели. Я сам два дня не ел и ничего, терплю.

— Да не орите вы, товарищ старший лейтенант. Мы вместе с яблочками языка приташили! С Иваном в траншее сидит. Покладистый, всё, что знает, расскажет...

— Так что ж ты о главном молчишь?! — Бобров выскочил из блиндажа и через некоторое время заскочил обратно. — Я в штаб полка. Боря, не вздумай никому ляпнуть, что вы за яблоками полезли. Говори — я приказал. Сошлюсь на приказ комдива использовать любую возможность для взятия языка. И предупреди всех своих!

Возле выхода ротный внезапно остановился и закончил инструктаж.

— Да, яблоки разделить на всю роту! Иначе нажрётесь на голодно и обгадите все траншеи.

Чуть позже, когда раненые уже были подготовлены к отправке в медсанбат, Бобров вернулся и похвалил Бориса.

— Молодец! Вовремя приташил языка. Теперь командование знает, кто против нас стоит.

Мысли Бориса были уже далеко от родного полка. По ране чувствовал: его отправят в тыловую госпиталь. Но природное любопытство заставило задать вопрос:

— Скажите кто, если это не страшная военная тайна.

— Да нет, чего тут скрывать. Часть из-под Таллина. Остатки оперативной группы «Нарва». Эстонию освободили, а эти из-под удара Третьего Прибалтийского успели удрать сюда. Так что нам придётся прогрызать их оборону. А может, перекинут на новое направление. Решение будут принимать наверху.

— Для солдата всё равно. Хрен редьки не слаще...

— Это точно. Ты давай лечись. Обязательно представлю тебя к ордену и ребят не обижу. Воюешь хорошо, и языка очень нужного приволок. Комбат и командир полка не против. А то бегаешь всю войну с одной медалью.

Борис скептически ухмыльнулся:

— Мне уже столько раз обещали и столько же раз забывали... Так что отношусь к этому спокойно. Главное — дело своё делал и шанс получил живым остаться.

* * *

Ранение у Бориса оказалось тяжёлым, и его отправили в тыловой госпиталь в Калинин. Варя не обманула, и за четыре месяца до окончания войны он получил от девушки письмо. Их тогда сразу перебросили на Мемельское направление. Наступление было успешным, вышли к Балтийскому морю и всю немецкую группу «Север» отрезали от Восточной Пруссии. Варя передавала привет от Ивана и других знакомых однополчан. В самом конце сообщала печальную весть. Под Мемелем, буквально через три недели после их вылазки за яблоками, погиб ротный, старший лейтенант Бобров.

Мысль о том, что и на этот раз он остался без ордена, заглушили боль и сожаление. Не стало ещё одного ровесника, хорошего парня и настоящего командира. С ним Бориса связывали не просто совместная служба, отношения подчинённого и начальника, а нечто большее, имя которому — боевое братство.

Больше писем от Вари он не получал. Уже позднее, случайно встретив однополчанина, узнал: Варя завершила войну благополучно. Вышла замуж за офицера и уехала с ним на Дальний Восток.

Борис, пока лежал в госпитале, тоже времени не терял. Познакомился с симпатичной санитаркой Тоней. Антонина была его ровесницей. В действующей армии не воевала, но пороху понюхала. В сорок первом восемнадцатилетней девчонкой работала на устройстве оборонительного рубежа перед городом. Отрывали противотанковые рвы, траншеи и ходы сообщений. Под ежедневными обстрелами и бомбёжками с самолётов, ночуя на сырой земле без тёплой обуви и одежды, ей чудом удалось выжить в этот страшный период. А после освобождения Калинина — непрерывная работа по уходу за ранеными в госпитале. Сколько страданий, горя, окровавленных бинтов за годы войны Тоне пришлось увидеть. На её глазах мучились, часто превращались в инвалидов или умирали от тяжёлых ран молодые и старые, мужчины и женщины. Всё это ложилось тяжким грузом на неокрепшую психику молодой девчонки. В её возрасте самое время влюбляться в парней и всею душой любить. Она не могла этого себе позволить. К мужчинам относилась абстрагированно, как к тяжелобольным пациентам. Как к людям, которые завтра должны вернуться на фронт и умереть для того, чтобы не умерла их общая Родина.

И только когда повяло мирной жизнью, встретив Бориса, Тоня оттаяла и впервые увидела в раненом молодого красивого парня. У них случилось то, что называют большой любовью. Незадолго до Победы Бориса комиссовали. Он уехал в родную деревню на Урал, а после окончания войны забрал туда же и Антонину. Она родила ему троих детей, которых они вырастили и выучили. Солдат с израненным телом, но сильный духом, так же добросовестно работал, как и воевал.

Однако дожить до пенсии у Бориса не получилось. Война напомнила о себе через тридцать лет. На ноге, где мышцы были вырваны крупным осколком почти до кости, возникла опухоль под названием «острая саркома». Измождённый неизлечимой болезнью, лежал он уже не вставая с кровати, когда приехал военком. Вручил заплутавший где-то орден Красной Звезды, который нашёл наконец своего солдата.

Борис взял орден в руки. Его лицо, суровое от постоянной боли, отмякло. В глазах загорелся живой огонёк.

— Ты смотри, успел всё-таки написать представление... Ай да ротный! Настоящий мужик! — тихо произнёс ветеран.

— Борис Ильич, не обижайтесь, что орден искал вас так долго! — с виноватой интонацией заговорил военком. — Сами знаете, во время войны всякое было. Затерялся где-то вместе с бумагами, пока кто-то случайно не обнаружил.

— Да нет, что вы. Разве в ордене дело? Я на судьбу не в обиде. С моими ранениями дожить до пятидесяти — это от судьбы подарок. Вон сколько моих друзей и ровесников с орденами и без по всей Европе лежит. А мне суждено было выжить. Тот парень, который представил меня к ордену, лежит в братской могиле под Мемелем. А ведь он мой ровесник. Ушёл, не оставив потомков... А у нас с Тоней, — кивнул он на жену, — трое детей и уже двое внуков.

— Вот и хорошо, — торопливо заговорил военком, — вы не теряйте надежды и обязательно поправляйтесь!

— Попробую, — с едва заметной улыбкой ответил Борис, — надежда умирает последней...

Через две недели Бориса не стало. Проститься с фронтовиком пришла вся деревня. Он лежал в тёмном костюме, на котором виднелись только две боевые награды. Прошедшая всю войну и потемневшая от времени и окопной пыли медаль «За отвагу!». И не нюхавший порошу новенький, чистый орден.

Антонина глядела на измученное болезнью, исхудавшее лицо мужа и сквозь душившие её слёзы говорила приехавшим на похороны детям:

— Смотрите, дети... Какой он красивый, наш папка! Настоящий герой!

Валентина ШАРКО

ДОРОГИ СУДЬБЫ...

СУДЬБА

Леониду Петровичу Зашихину

Крестьянский труд дороже всех сокровищ,
А если с песней, то ценнее нет.
Живёт в Опарах Леонид Петрович
Зашихин, он писатель и поэт.

Он из крестьян и цену хлебу знает,
Всю азбуку крестьянской маеты...
Рабочий, инженер. Он воспеваает
Шофёрский труд и с техникой на «ты».

Куда бы жизнь его ни заносила,
Заметный след он оставлял везде.
Поколесил немало по России,
И это всё теперь в его судьбе.

Судьба одна — она не повторится,
Она не кукол расписных набор.
Судьба, как пряжа, нижется на спицы:
Петелька за петелькой и... узор!

Такой, как есть, судьбу не перестроишь,
Её задумок не познать секрет.
Судьба — дорога с разницею той лишь,
Что на дороге знаки, в жизни — нет.

Желаю Вам работы плодотворной,
Друзей хороших и судьбы простой.
И пусть дорога жизни будет торной,
Нескучной, увлекательной, большой!

Валентина Николаевна ШАРКО родилась 6 мая 1943 года в селе Никольское Торбеевского района Мордовии. Окончила химико-биологический факультет Мордовского госуниверситета. Вся производственная деятельность (45 лет стажа) в Стерлитамаке и Чайковском связана с химией. Поэзией увлеклась в детстве, первые стихи написала в 16 лет. Стихи публиковались в газетах «Стерлитамакский рабочий», «Огни Камы», «Частный интерес», в коллективных сборниках «С тобою без тебя», «Дикий мёд», «Вперёд, славяне!», «Чайка», «Этюды с Чайковским», «Литераторы Чайковского». Автор трёх поэтических сборников: «Постижение дороги» (2000), «Моё наследство» (2006), «Земля — имя женское» (2013). Пишет и прозу — статьи, рассказы. Живёт в городе Чайковском Пермского края.

ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ БУРАШНИКОВА

Его увёл нелепый случай,
Обидней и досадней нет.
Он быть хотел сильнее и лучше,
Предвидя несказанный свет.

И пронести по жизни чашу.
Как чисто русский человек —
В заснеженной Отчизне нашей
Идти, проваливаясь в снег.

Идти вперёд к высокой цели,
Брать огневые рубежи...
Чтоб ангелы и птицы пели
В стихах оставшуюся жизнь.

* * *

Евгению Борисовичу Лузину

Родную Пермскую обитель
Познать стремится от глубин...
От Павловского добрый житель,
Его почётный гражданин.

Ему Чайковский очень дорог,
Стократ других дороже мест.
Заря, родной его посёлок,
Всё больше набирает вес.

Их чувства добрые взаимны,
Итогом — обоюдный взлёт:
Поэт ему слагает гимны,
Он — вдохновение даёт.

Везде Евгений Лузин к месту.
Вперёд звезда его ведёт.
Предела нет для совершенства,
И новых дел неупрекорот.

* * *

Пусть живёт, беды не зная,
Весь народ, что в крае есть.
Прирастают Пермским краем
Доблесть, Родина и Честь.

Валерий ЗЛОБИН

РЕКА СУДЬБЫ

ЗДРАВСТВУЙ, ГОРОД!

Вешний ветер властвует вдоль Камы,
Золотом на солнце плеск воды.
Берега ажурной выются сканью,
Отмель жёлтая, как блеск слюды.

В белых облаках цветенья яблонь,
И волной, целующей причал...
Не успел от ветра я озябнуть,
Град Чайковский нас тепло встречал.

Вдруг симфония небес над градом
Прорвалась сквозь облачный узор
И аккордами над летним садом,
Над заливом залила простор.

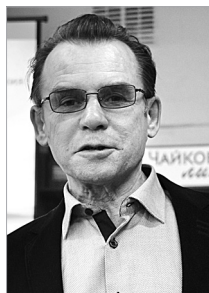
Троп, дорог протопал в жизни много:
Радужно встречал далёкий юг,
Север дальний... Лишь одна дорога
Привела в мой верный город-друг.

Именем достойным величают.
Здравствуй, город! Камушка-река,
Песней чайки белые встречают.
Бог хранит тебя — живи века!

* * *

Тысячелетия из века в век
Стонет Земля от тебя, человек.
Жизнь берегла и хранила с пелёнок —
Неблагодарным вырос ребёнок.

Всем нам с веками пора повзрослеть
И трезвым взглядом на мир посмотреть.

Валерий Васильевич ЗЛОБИН родился 23 марта 1947 года в деревне Мельничата Селтинского района Удмуртии. Художник, поэт. Неоднократно отмечался дипломами и почётными грамотами: «Художник года» (2005), «Человек года» (2006), «Событие года» (2007), лауреат премии «Глория» Чайковского городского поселения за достижения в области искусства и культуры (2008, 2013), диплом за 1-е место в номинации «Слово о поэте» на конкурсе, посвящённом поэту Николаю Бурашникову (2014). Стихи пишет с юности. В 2013 году издал литературно-художественную (стихотворную) версию казахской сказки «Жиренше и Карашаш». В 2014 году вышли лирический сборник стихотворений «Любовь не унять» (Ижевск) и поэтический сборник «По зову сердца» (Пермь). Живёт в городе Чайковском Пермского края.

Александр АБДУЛАЕВ

ПЕРЕВЁРНУТОЕ НЕБО. Рассказ

Посвящается светлой памяти
гвардии сержанта
Василия Ивановича Оглезнева

Василий Оглезнев, молодой солдат, попал в госпиталь после тяжёлого ранения и контузии на Курской дуге летом 1943 года. Бои с немцами шли тяжёлыми днём и ночью. Им не было ни конца ни края... Днём становилось темно от разрывов снарядов и дыма, застилающего солнце, и казалось, что сам воздух плавится, а ночью — светло от ракет и огня. Горело всё: земля, танки... люди.

Василий лежал на кровати возле распахнутого настежь окна и с любопытством разглядывал ту природную жизнь, которая протекала за ним. Вплотную к жёрдочной изгороди примыкал лес; он высился плотной зелёной стеной, создавая непроходимую чащобу. Немного в стороне робко стояли белоствольные берёзы — ветви, свисающие прядями, закрывали стыдливую белизну стволов. В бледном, ещё не набравшем синевы небе порхали птицы, в верхнем эшелоне над ними кругами парила большая серая птица. По подоконнику медленно перебирала лапками божья коровка. Василий протянул руку, божья коровка замерла, поджав под себя лапки, затем залезла на большой палец. Вася тихо прошептал:

— Божья коровка, ты лети на небо, там твои дети кушают конфеты.

Подул на неё, сложив губы трубочкой. В это время в палату вошла медицинская сестра Тоня. Невысокого росточка, лицо щедро обсыпано коричневыми конопушками. Когда она улыбалась, то на круглых щеках образовывались небольшие ямочки. Глаза светились от первой любви в её жизни. Раненые солдаты в курилке обсуждали Тонин роман с молодым хирургом Хлопиным, в которого она влюбилась, как только его увидела в первый раз. Она это не скрывала, и всё было написано на счастливом лице. Быстро подошла к Васиной кровати и, улыбаясь, проговорила:

— Эх ты, Аника-воин! Тебе ещё надо на деревянной палке скакать, а ты на войну пошёл. Дитё ты ещё... дитё!

Осторожно, поддерживая его за плечо, стала приподнимать.

— Пойдём-ка лучше в операционную.

Александр Шарифович АБДУЛАЕВ родился 6 октября 1955 года в городе Душанбе, Таджикистан. Окончил Чайковский политехникум лёгкой промышленности (1984), факультет риторики университета марксизма-ленинизма Пермского обкома КПСС (1991). Работал в тресте «Воткинскгэсстрой»; прошёл трудовой путь от рабочего до начальника участка СУ-2. Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Первая творческая публикация относится к 1975 году. Первая книга вышла в 1998 году (в соавторстве): «Имя сей звезды — горькая полынь». Автор более десятка книг. Член Союза писателей России (2008). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Кавалер ордена «За личное мужество». Живёт в городе Чайковском Пермского края.

Вася от таких слов густо покраснел, хоть и был он самый молодой солдат в палате, но таких вольностей от конопатой девчонки, которая была ненамного его старше, терпеть не хотелось.

— Ладно... ладно, сам потихоньку дойду, чай не маленький, — сердито пробурчал себе под нос.

— Да ты не обижайся! Я ведь только хочу тебе помочь. А если вдруг сознание потеряешь, с меня ведь строго спросят. Пойдём, а то доктор, поди, заждался. Посмотрел бы лучше на себя, лицо совсем белое, без кровинки, в гроб краше кладут. Слаб ты ещё совсем, а всё хорохоришься.

Тоня придерживала его за талию, и они медленно пошли к выходу. Пока они разговаривали меж собой, в палате стояла тишина, и лежащие больные только глазами поедали молодую медсестру. Дверь от сквозняка шумно хлопнула за ними.

На кровати, ближе к деревянной стене, лежал пожилой солдат, весь в гипсе. Он повернул голову к соседу, который лежал, закинув за голову руки, и смотрел в потолок:

— Слышь, браток, дай посмолить, душа требует, тяжело без табаку-то. Ну хоть раз пычкнуть.

— Нельзя в палате курить! Доктор, если увидит, ругаться будет. Но загипсованный не унимался и жалобно просил:

— Не увидит, он сейчас в перевязочной. Дай хоть разок затянуться!

Его сосед рукой пошарил под тощим матрацем, достал маленькую папироску с помятым мундштуком. С трудом приподнялся, всунул в рот соседу. Тот жадно затянулся полной грудью, щёки впали, и он зашёлся в глухом кашле.

— Вот зараза! Пробрала ведь до самых кишок. Видно, пошла моя жизнь под уклон, много в ней было всякого: и суммы, и тюрьмы. Сейчас мне жить да жить бы только. Только очухался, детей с женой завели, мал мала меньше. Да война, туды её в качель, будь она не-ладна. Осколок от снаряда фрицевского в позвоночнике ношу. — Он ещё раз жадно затянулся, сероватый пепел обсыпал его скуластое щетинистое лицо. Солдат замолчал, сомкнул глаза, и только загнутые вверх ресницы слегка подрагивали, выдавая, что в нём ещё теплится жизнь.

Тем временем Тоня довела Василия до операционной, дверь в которую была закрашена белой краской. Посредине комнаты стоял высокий стол, обитый оцинкованным листом. С низкого потолка свисала керосиновая лампа, окна были затянуты серыми простынями. Хирург, немолодой уже человек с серым от усталости лицом, в халате с пятнами крови, оглядел Василия и стал надевать маску.

— Ну что, удалец-молодец, не страшно на войне или ещё не успел напугаться? Впрочем, начнём. Сестра, дайте раненому наркоз.

Медсестра поднесла к лицу бутылочку с эфиром, Василий глубоко вдохнул, стал куда-то проваливаться и только успел отдалённо услышать хирурга:

— Смотри, как зацепило, ещё немного в сторону, и пришлось бы лёгкое ампутировать. А так повезло удалыцу-молодцу. До свадьбы заживёт!

Вася хотел ещё послушать, о чём будут говорить доктор с медсестрой, но сознание стало затуманиваться. Вдруг возникли об-

разы родителей, затем низкое небо, всё в клочкастых облаках. Ему почудилось, что его несёт ветер вместе с облаками, потом возникло глубокое небо, и он растворился в нём.

Весной деревня с трудом, вытягивая себе жилы, всё же отсеялась. Пшеница дала хорошие всходы, и намечалось получить богатый урожай, да и погода не подводила. Районное начальство приняло решение отметить день борозды. Деревенские бабы по такому поводу накрыли столы прямо на узкой деревенской улочке, подпёртой с двух сторон серыми от дождей и времени избами. На столах стояли миски с едой, белый парок поднимался над ними; хлеб, крупно нарезанный, нагретый полуденным солнцем, источал дурманящий запах, и Васютке казалось, что нет в мире ничего вкусней этого каравая с тёмной, немного подгоревшей коркой.

Мужики дружно сдвигали кружки с хмельной бражкой и после, опьянев, матерно ругались, споря меж собой, вспоминая почти забытые старые обиды. Тракторист Костя Булыкин, крупный парень с широкой костью, сидел и пьяно поводил глазами. Запустил руку в растёгнутую рубаху, почесал там и внезапно схватил за чуб колхозного счетовода, который тихо сидел рядом с ним. Счетовода деревенские недолюбливали и считали интеллигентом, который не хочет работать на земле. Костя тянул соседа за чуб, пытаясь ударить его головой о стол, при этом зло приговаривал:

— Я тебе, сволочь конторская, всю башку разобью в кровь.

Бледный и испуганный счетовод пытался отодрать от своей головы грязную руку механизатора.

— Не понимаю только, за что, Петрович...

— Сейчас поймёшь, очкарик! Отучу тебя, поганца, на мою бабу стеклянными глазищами косить... Убью!

Счетовод решил, что дальнейшее времяпрепровождение может окончиться для него весьма печально, рванул головой в сторону, оставив в руке ревящего клок своих волос. Взвыв от сильной боли, он побежал вдоль по улице, разгоняя кур; за ним увязалась лохматая собака.

— Всё равно убью, — не унимался пьяный тракторист, но вскоре успокоился, держа в руке свой трофей — волосы счетовода.

Гульба тянулась до поздней ночи. Наконец луна выкатила свой диск на небо, осветив подслеповатым светом деревню. У Васютки стали слипаться глаза, он потёр их костяшками кулачков, глубоко и сладко зевнул.

— Иди спать, пострелёнок! Нечего тут с нами сидеть. Мал ещё взрослые разговоры слушать.

Дед Трифон слегка подтолкнул его, и Васютка побежал домой. Из оврага тянулся белым шлейфом туман и окутывал избы, придавал им причудливые формы, растворяя в себе. Васютка быстро добежал до дома, хлопнул калиткой и стал подниматься по крутой лестнице на сеновал. Растянулся на каком-то тряпье и, уже засыпая, увидел сквозь шель яркую звезду. Она то мигала, то становилась ярче, то совсем исчезала из вида. Веки сладко слипались, звезда притягивала к себе ввысь. Он летел к ней, вытянув вперёд руки. Осталось совсем немного до звезды, но где-то вдалеке приглушённо прозвучал голос матери:

— Вставай, лежебока! Петухи уж давно проголосили.

Васютка кубарем скатился с лестницы и обомлел: солнечный диск висел над лесом и стоял как раз напротив него. Солнце источало так много света, что мальчишка крепко зажмурил глаза, а когда он их открыл, то увидел, как птицы в воздухе делали замысловатые пируэты, гоняясь за утренней мошкаррой. Ночной туман уполз обратно в овраг и только в кустах виднелся белыми клочьями.

Васютка бросил в лицо две пригоршни студёной колодезной воды, утёрся рукавом холщовой рубахи и побежал обратно к месту вчерашней трапезы. Со столов уже всё было убрано, только на костре стоял большой, чёрный от копоти котёл, в нём что-то варилось. Огонь жадно поедал сухие дрова, и красные языки пламени облизывали котёл со всех сторон. Возле него стояла худощавая женщина в опрятном синем платье в горошек. Волосы она аккуратно спрятала под белую косынку. Увидев Васютку, женщина рукой пригласила его подойти. Вздохнула глубоко и налила ему супу. Васютка, осторожно ступая, чтобы не разлить содержимое миски, пошёл к столу.

В начале улицы показался всадник на сером жеребце. Видно было, что хозяин не жалеет его, подгоняет всё время плёткой. От быстрой езды фуражка съехала набок, и, чтобы не потерять, незнакомец поправлял её на скаку. Резко осадив коня около столов и не спешиваясь, он крикнул:

— Дайте попить! Есть холодная водица?

Один из мужиков быстро побежал в соседний дом за водой. Тем временем, увидев прибывшего на взмыленном жеребце, деревенские стали подтягиваться ближе к нему. Из соседнего дома торопился мужик с большим ковшом воды, она плескалась и обливала его рукава. Всадник наклонился, взял ковш, стал жадно пить. Вода текла по его широкому подбородку, текла дальше на гимнастерку, оставляя тёмные пятна. Наконец он оторвал свои губы от края ковша, достал из кармана белую тряпицу, вытер лицо и шею. Выдержав короткую паузу, глуховатым голосом произнёс:

— Председатель Лузин просил сообщить, что немец на страну напал. Война началась... Уже приграничные города бомбят. Скоро объявят всеобщую мобилизацию.

Он обвел всех тяжёлым взглядом из-под чёрных раскидистых бровей.

— Ну, бывайте, мне пора! Нужно ещё успеть в райцентр, — и уже на ходу, подстёгивая жеребца плёткой, прокричал: — Ждите сообщений!

Тракторист Костя Булыкин, ещё не отошедший от вчерашнего, усмехнулся, пьяно ломая губы:

— Да что нам этот немец, войну закончим в два месяца. Японца под Халкин-Голом быстро на лопатки положили.

Не знал, не ведал Костя, рубаха-парень, что сгорит в первый год войны в танке под Смоленском. Когда закончатся боеприпасы в том страшном бою, он пойдёт в лобовую атаку. Немецкий танк с короткого расстояния пробьёт хлипкую защиту танка... Так и погибнет геройский механик-водитель Костя Булыкин, держа мёртвой хваткой рычаги.

...Над толпой повисла мёртвая тишина. Только там, вдалеке, за околицей брехали собаки. У мужиков враз посуровели лица: впереди

была неизвестность. Бабы, забыв про обед, ближе теснились к ним, предчувствуя близкую разлуку. В деревне ещё жили воспоминаниями о финской войне: несколько мужиков приехали ранеными да обмороченными. Отчаянный гармонист и драчун Петька Светлаков, вернувшись после зимней войны, частенько сидел на берёзовой колдине возле покосившейся своей избёнки. Контузия не отпускала его, и он без всякой причины начинал матерно ругаться. Когда ему удавалось выпить за чужой счёт, напивался он так, что потом полз по земле, цепляясь за неё пальцами и волоча обрубки ног.

После молчаливой паузы бабы завывали в один голос, как по покойнику. Мужики, закуривая самокрутки, бросали друг другу короткие, ничего не значащие слова:

— Можя, пронесёт? Призовут один возраст, и всё.

Дед с седой бородой, сидевший на корточках, почесал затылок и сплюнул на землю:

— Немец не дурак, он умеет воевать! Его голой рукой не взять, обжечься можно, — тяжело вздохнул. — Да-а-а!

Внутренним чутьём, данным от природы, деревенские знали, что многим придётся идти на войну. Смерть выкосит практически всех, к концу войны вернутся трое, да и те калеки.

Когда все разошлись по своим домам, Васютка побежал за околицу, где паслась их корова. Скота в деревне было немного, и она паслась возле вбитого в землю кола. Увидев его, корова призывно замычала. Высокое разнотравье тянулось дальше на косогор и скатывалось вниз к оврагу, где начинался лес.

Корова опять замычала. Васютка подошел к ней, обнял её за шею. Она повела большими глазами, где отражалось небо с плывущими барашками облаков. Внезапно изнутри поднялась тёплая волна, и у него самопроизвольно потекли по щекам солёные слезы. Он ловил их губами, отчего ему ещё больше хотелось реветь.

В 1943 году пришёл черёд Василию вслед за старшими идти на фронт. Весной он окончил школу связистов и в составе 454-го миномётного полка пятого гвардейского танкового корпуса ушёл на войну. Командовал танковым корпусом генерал-лейтенант Кравченко. Тёмной ночью, погрузив на платформы 120-миллиметровые миномёты, паровоз дал короткий гудок, дёрнул длинный состав и натужно потащил на Воронежский фронт. В открытый проём теплушки влетал тёплый ветер, принося с собой запах травы и согревшейся под солнцем земли. Грачи чёрными точками облепили берёзы. На коротконогой табуретке сидел пожилой солдат; его лицо, изрезанное глубокими морщинами, напоминало сморщенное пожелтевшее яблоко. Седые усы кончиками опускались к уголкам небольшого, но упрямого рта. Василий поймал взгляд, увидев в нём твердость характера и уверенность человека в своих поступках. Пожилой солдат покрутил ус и поинтересовался у Василия:

— Откуда будешь, паренёк? — услышав, что из Молотовской области, улыбнулся, показывая жёлтые прокуренные зубы. — Значит, пермяк солёные уши! — спрятал он усмешку в усы.

Василий даже растерялся и не знал, что ответить на шутку.

— Да ладно, не обижайся! Это я так, для знакомства. За разговором и путь покажется короче.

Василий спросил у него: — Давно вы на войне?

У солдата на лицо легла тень воспоминаний: — Да с самого начала, как в сорок первом году мобилизовали, так и воюю. Будь она трижды проклята! В первые месяцы бил нас немец в хвост и в гриву. Бежали от него так, что пятки сверкали. Танки выйдут на передовую, у некоторых нервы не выдерживали — сразу бежать, до войны бедолаги даже тракторов не видели. Фрицы давай по траншеям елозить, так от страха в штаны наложишь. Командиров поубивало. Они поднимали солдат в атаку и первые погибали...

Василий внимательно слушал, не перебивал пожилого солдата, ему и в голову не приходило, как бы он сам себя повёл в этой ситуации. Тот замолчал и стал рыться в своём сидоре, искал кисет с махоркой. Затем оторвал от старой газеты небольшой клочок, насыпал махорку, втянул её запах ноздрями:

— Хороша! Моршанская, наверно? Прoderёт по самый зад!

Посклонявив бумагу, свернул козью ножку.

— Как воевали? — казалось, он задал сам себе этот вопрос. — Плохо воевали! До самой зимы уходили на восток, человеческим потоком, как реки в половодье. Шли в одну сторону. За нами гражданские. Посмотрел я, братец, на крестьян, на их долю. В деревнях сплошная голь на голи сидит да нищетой погоняет. Обложил нас немец в болотах под Бобруйском, а в них дивизии две, наверное: кто в этой болотной жиже по самый кадык стоит, кто за чахлую сосянку держится. А выйти из него не можем. Этот фриц поганый из миномётов по квадратам долбаёт. Вот страху тогда натерпелись. Мины взорвутся — несколько голов уже не видно.

Нашего взводного так разворотило осколком, что все его потроха вывалились, хоть анатомию не изучай. Все кишки пульсируют, он рукой загребаёт, обратно затолкать хочет. На губах пена красная. В глазах стоит смертная тоска, близкая кончина. Рукой подзывает и просит, чтобы я наклонился к нему, а от него такой жар исходит. Шепчет он мне на ухо:

— Пристрели меня, солдат, нет больше мочи терпеть. Всё равно умру, избавь от мучений.

Рукой протягивает пистолет. Молодой был ещё лейтенант, годков двадцать, не боле. Девок, наверное, не пробовал. Я растерялся и не знаю, что ему ответить.

— Не могу грех на душу взять, товарищ лейтенант. Да как я своего командира убить могу!

С сухих, обданных смертным налётом губ слетело:

— Накрой тогда меня шинелью с головой, подремать хочу.

Накрыл я его сырой и грязной шинелью. Он немного поворочался — шёлкнул сухой выстрел, и лейтенант затих.

— Похоронить мы его не смогли по-христиански, так и остался он лежать на небольшом болотном островке. А потом, когда шли на прорыв к своим, плутали по лесам около месяца, ели всё, ничем не брезговали. В консервных банках суп варили из брючных ремней. Стал я, Вася, другим человеком, тело вроде то же, а душа опалена насквозь, нет у меня внутри ничего, кроме мести. Останемся ли мы людьми после этой кровавой мясорубки, Бог его знает! Или Он от нас совсем отвернулся?

После такого рассказа все сразу притихли, лица посуровели.

Вдалеке за поворотом виднелось небольшое станционное здание. Состав загнали в тупик, пропуская вперёд эшелон с танками. Рядом стояло несколько деревьев, облепленных грачами. Кто-то из солдат предложил:

— Вот тебе птица, сама в котелок просится. Знатный супец получится.

Василию протянули карабин. На прогремевший выстрел от головы состава прибежал командир дивизиона капитан Новиков. Его худощавое тело от быстрого бега сгорбилось, губы были плотно сжаты и не предвещали ничего хорошего. Не переведя дыхание, он прохрипел:

— Кто разрешил стрелять? Под трибунал захотели?

Пожилой солдат попробовал вступиться:

— Товарищ капитан, уже месяц всухомятку питаемся, горяченького хочется.

— Отставить! — капитан снял фуражку и вытер лоб давно потерявшим свежесть платком. — Пусть боец Лапшин сходит на станцию за кипятком, вот вам и будет горяченькое. От состава не отходить, в любое время можем начать движение. И давайте без разных тут шуточек.

Капитан повернулся на каблуках и, придерживая планшет рукой, зашагал обратно. За ним, семеня ногами, пытаясь приравняться к быстрому шагу капитана, гремя котелками, чистил боец Лапшин в большой, не по размеру гимнастерке...

Солнце уже стояло в зените, окружённое рыжим ореолом. В полукилометре от железной дороги стоял небольшой лесок и дальним краем уходил на северо-восток. Из него, блестя гусеницами, выползли два танка. Они стали разъезжаться по разным сторонам, охватывая эшелон в клещи, уже был слышен шум моторов... Противный склизкий холод расползся по всему телу. Ноги онемели и казались чужими. Василий впервые увидел танки так близко: они были похожи на плакатное изображение, которое он видел в сержантской школе.

По полю навстречу к машинам, пригибаясь, бежал молодой солдат. В руке он держал связку гранат. С каждым мгновением дистанция между ним и ближайшим танком сокращалась. Вражеский экипаж остановился, повернув башню в сторону бегущего, и длинная пулемётная очередь прижала солдата к земле. Танк водил длинным стволом вдоль эшелона, выискивая цель. Наконец выплюнул из себя снаряд, который взорвался у самой насыпи. Осколки и жёсткие куски земли забарабанили по вагону. Вася лежал на полу, и в тот момент ему захотелось стать невидимкой. Сердечное колотье пульсировало в голове, протягивалось по всему телу. Ему показалось, что танк стреляет только по нему.

— Вот, сволочь, стреляет по мне!

Злость пришла откуда-то изнутри. Он нашарил рукой винтовку и потянул её к себе кончиками пальцев. Она, задев прикладом чайник, опрокинула его, тот выпал из вагона и гремя покатился под откос. Василий бессознательно стрелял с локтя в танк, надеясь, что хоть какая-то пуля попадет в его узкую щель. Из других вагонов россypью раздались винтовочные выстрелы. Танк выплюнул ещё один снаряд — последний вагон из состава завалился набок и стал гореть.

Сверху было хорошо видно, как развивается противоборство танка с человеком. Солдат полз на животе, одной рукой отталкивался от земли, другой держал связку гранат. Он приподнялся на одно колено и с размаху бросил гранаты за башню в моторный отсек. Верхний люк открылся, из него повалил густой чёрный дым. Появилась русая голова. Танкист в чёрной форме выстрелил длинной очередью из короткого автомата, но сам завалился на броню, сражённый винтовочным выстрелом. Другой танк стал задом пятиться ближе к лесу и скоро исчез из виду.

Солдаты прыгали из вагонов, в воздухе была слышна команда «Стройся!». Она нарастала, и красноармейцы, подчиняясь ей и прогоняя остатки страха перед танками, вытянулись в нестройную шеренгу вдоль эшелона. Взводные суеились вокруг своих солдат, окрикивая и пересчитывая их.

Начальник эшелона подполковник Вшивков подозвал к себе бледного в лице капитана Новикова:

— Смотри, капитан, для всех это был первый бой! Выдержали! А что, противотанковых ружей нет в наличии?

У капитана поползла правая бровь на лоб:

— Никак нет, в основном миномётчики да пополнение в пехоту, люди ещё не обстреляны.

— Ладно, капитан, распорядитесь похоронить всех убитых в братской могиле, — и уже на ходу: — Узнай фамилию этого героя, подбившего танк. Представим к ордену.

К вечеру, когда сумерки окутали всё вокруг, очертания леса стали тёмными, в нём быстрее зарождалась ночь, всюду было величественно и тихо.

Солдаты лопатами копали могилу. Сначала шёл плотный грунт, а дальше рыжеватый песок.

Василий подошел к убитым, они лежали плечом к плечу, как в строю. Лица безмятежны, будто заснули на часок после тяжёлой работы. Только смерть напоминала о себе в застывших позах начавших окоченевать тел. Василий внимательно смотрел на погибшего в поединке с танком солдата, пытаясь запомнить его — того, благодаря которому многие остались в живых. В груди давило, это невидимо мешало дышать. Он по молодости лет не понимал и не мог знать, что смерть отталкивает своим ужасом, вызывая у живых желание поскорее предать земле мёртвых и сократить время расставания с ними. Солдаты поспешно опустили тела, быстро засыпав могилу рыжеватым песком, и молча пошли к эшелону, не оборачиваясь.

Через трое суток пути состав оказался на станции Лиски. Спешно разгрузив миномёты и зацепив их за полуторки, запылили в ту сторону, откуда доносилась канонада. Грохот то усиливался, то ослабевал. Фронт жил своей жизнью.

Дорога тянулась вдоль леса — он начинался с небольших кустарников и переходил в тонкий подлесок. Солнце просвечивало насквозь редкие деревья, и можно было увидеть, как большое поле сливалось зелёным ковром с горизонтом. День набирал силу, блёклое небо посветлело, стало глубже. В небе появились две небольшие, еле заметные точки. Командир дивизиона капитан Новиков приложил ладонь ко лбу, надрывая жилы на шее, громко прокричал:

— В нашу сторону летят самолёты... не наши! — он торопливо стал стучать по кабине автомобиля рукояткой пистолета. — Стой... стой, тебе говорю! Всем в лес, укрыться в кустах!

Самолёты приближались. Это можно было понять не только по их силуэтам, но и по нарастающему шуму. Солдаты шустро прыгали с бортов машин, толкая друг друга в спину. От первого самолёта оторвалось несколько бомб, и они с пронзительным до тошноты звуком неслись к земле. Разорвались возле машины, земля качнулась под ногами и сдвинулась. Упругий воздух сильно толкнул Василия в спину, и он, падая, увидел солдат, бегущих в лес. Они чем-то были похожи: у всех открыты рты и обескровлены лица. Василий видел, как от взрывов валятся деревья, видел, как в воздухе летают человеческие останки.

Возникла тишина. Василию показалось, что ему слышно, как шуршит трава, как ветерок шелестит ветками деревьев. Вверху кругами ещё летали самолёты, похожие на хищных птиц с выпущенными когтями. Они как стервятники выискивали свою добычу. Напоследок прошлись длинными очередями — пули будто бритвой срезали ветки. Наконец шум моторов стих.

Солдаты, отряхиваясь и собирая разбросанное оружие, стали выходить к дороге. Капитан Новиков без фуражки ходил по лесу, выискивая солдат.

Навстречу ему попался старший сержант Киндеев.

— Надо собрать дивизион! Проверить миномёты, а то пока доберёмся до фронта, всё порастеряем.

Киндеев, сложив рупором ладони, стал кричать так, что вены на шее набухли и стали похожи на жгуты:

— Выходи строиться, все к машинам!

Увидев проходящего мимо солдата, поддразнил:

— Небось наложил в штаны, Костин? Да ты не дрейфь! В жизни только раз умирать.

Тот покраснел, и, унимая дрожь в руках, стал поправлять очки на толстом рыхлом носу. Отвернулся, показывая всем видом, что не принял эти колкости в свой адрес.

Киндеев физически недолюбливал Костина. И, как он считал, на это были весомые причины. К ним в батарею Костин попал из северного лагеря, где работал на лесоповале за скромную продовольственную пайку и надежду на досрочное освобождение. В лагере содержались в основном политзаключённые, но в бригадах у них ходили матёрые уголовники. Попал Костин в лагерь за воровство и финансовые махинации, будучи директором продовольственного магазина в Гомеле. Откупиться от сурового следователя не удалось, и покатил арестантский вагон с бывшим директором на север страны.

Ранним утром, когда мороз был за сорок, их построили возле бараков. Собаки простуженно лаяли и рвали с поводка. Начальник лагеря майор Коновалов, пряча красное лицо в серый воротник полушубка, осипшим голосом прохрипел:

— Кто хочет искупить свою вину перед Родиной? Шаг вперёд!

Шеренга колыхнулась, и казалось, что заключённые перестали дышать. Сверху падали мохнатые снежинки и не таяли на лицах. Мороз панцирем сковывал тела. Шеренга зашевелилась, и из неё вышло несколько эков, в том числе и Костин. В короткий миг

возбуждённым сознанием он понял, что лучше фронт, чем унижение, а то и острая пика в бок.

Вечерело. Там дальше, за горизонтом, слышался гул, в воздухе были видны следы трассеров. В низине стоял полуразрушенный деревянный сарай. Ворота распахнуты, и дальше в проёме — темнота. Капитан Новиков обошёл вокруг него и, постукивая веточкой по голенищу сапога, приказал:

— Киндеев, располагай бойцов на ночлег. Да раздай питание, на марше не успели перекусить.

Тут же, в сарае, развели небольшой костерок из сушняка. Тёплый воздух поднимал вверх серый пепел, и он плавно оседал на головы солдат. Из темноты послышался голос капитана:

— Всем взять лопаты и рыть окопы в полный рост, сержант Киндеев покажет где. А ты, Оглезнев, наладь связь между дивизионами и батареями.

Василий перекинул карабин через спину, подхватил катушку с проводом и собрался идти на небольшую высотку, где находился наблюдательный пункт. В воздухе упруго раздался взрыв мины, немцы стали пристреливаться. Через некоторое время мины стали плотно ложиться и взрываться, только касаясь земли. В воздухе запахло серой, чесноком и ещё чем-то, от чего першило в горле и слезились глаза. Земля стала стонать и содрогаться. Василий упал на дно окопа и прижался к отвесной стенке. Сверху с бруствера на голову сыпался ещё сырой песок.

Через полчаса миномётный обстрел закончился. В воздухе плавали желтоватые слои дыма от взрывов. Василий огляделся: на месте сарая зияли две большие воронки. Рядом лежал Киндеев, присыпанный сероватым песком. Он зашевелился и стал ошупывать себя:

— Вроде жив, нигде не зацепило. Накрылась наша кормёжка, что жрать-то будем?

Он привалился к стенке, достал мятую пачку «Беломорканала» и стал рассказывать:

— Начинал я войну рядовым, рост помог остаться в миномётчиках, и поэтому считаю, что жив остался, — он глубоко затянулся и закашлялся: — Было это так. Построили нас однажды на опушке леса, и командир дивизиона идёт вдоль строя и пальцем тычет: кто поменьше ростом — в пехоту и сразу на передовую. Через неделю-другую их там немцы необстрелянных покосят — опять история повторяется. Одних в пехоту, других в миномётчики. Так дослужился до командира расчёта.

Пока они разговаривали, ночь набрала силу. Лунный жёлто-бутылочный свет выхватывал очертания солдатских лиц. Сверху послышался голос капитана:

— По местам! Бегом! Стрелять только по моей команде!

Солдаты бежали по узкому окопу, толкая друг друга локтями. Василий подскочил к открытому ящику с минами, цепко схватил одну и прижал к себе, не ощущая её пудовый вес. Мина проскочила по стволу, миномёт подпрыгнул, и она с пронзительным звуком улетела в темноту.

Дивизион обстреливал немцев по квадратам. С наблюдательного пункта корректировали огонь матом. Капитан Новиков выскакивал из блиндажа и виртуозно загибал трёхэтажное ругательство. Он

вспоминал чью-то мать, как мог, богохульствовал, ничего при этом не боясь, считая, что на том свете всё зачтётся и спишется.

Под утро с одной стороны неба стало чуть-чуть светать, на другой меркли и растворялись звёзды. Наступило хрупкое затишье. Киндеев пристально, до боли в глазах вглядывался вдаль, пытаясь что-то увидеть. Он ухмыльнулся и процедил:

— Немец сейчас позавтракает, попьёт кофею со сливками, и начнётся для нас крошечный ад.

Василий промолчал. Капитан шёл по окопу, осторожно обходя спящих солдат, пока не остановился возле Киндеева:

— Не видели Костина, где он?

— Да спит он здесь, в нише, товариш капитан, — ответил сержант Киндеев.

— Хорошо, разбуди его, пусть линию проверит, а то связи с НП нет. Наверное, осколком провода перебил.

Сержант потряс за плечо спящего Костина.

— Рядовой, слушай боевое задание. Проползёшь на брюхе, найдёшь обрыв и починишь, чтоб была связь.

Киндеев и Василий помогли бойцу вылезти из окопа и проводили его глазами. Прошло минут тридцать, связи с НП всё не было. Капитан нервно докурив папиросу, смял пальцами и бросил на дно окопа:

— Где этот Костин? Его только за смертью посылать, — он повысил голос: — Сержант, проверь, может, он убит?

Киндеев ловко выпрыгнул из окопа и пополз по-пластунски вперёд. Метрах в шестидесяти нашёл обрыв, соединил провода и только хотел ползти обратно к своим, как увидел в воронке спящего Костина. Ужом прополз к краю воронки и скатился вниз головой, уткнулся рядовому в мягкий живот. Схватив его за горло и гневно смотря ему прямо в глаза, прокричал:

— Ты что это, гад ползучий! Тихий час себе решил устроить?

Лицо у Костина враз побелело, только ресницы от страха подрагивали да на лбу высыпал крупный пот. Сержант схватил его за ворот гимнастерки, вытолкнул из воронки. Капитан, выслушав доклад, сжал кулаки, губы вытянулись в тонкую полоску. Брови птицей сошлись у переносицы. Он стал шарить рукой по кобуре, доставая пистолет:

— Я тебя сейчас пристрелю, подонок, без трибунала!

Он наверняка выполнил бы своё обещание, но немцы стали обстреливать их позицию из артиллерии, пытаясь накрыть дивизион миномётчиков.

Фронт жил своей особенной жизнью. Огненный вал приближался, слышен был гул и скрежет. Он то утихал, то возникал уже в стороне. Смоляной удушливый дым висел плотной стеной и закрывал собой солнце так, что дневное время превращалось в вечерние сумерки. Снаряды с воем пролетали над головами и взрывались неподалёку. Миномётчики, забыв про смерть и страх, вели бешеный огонь по немцам. Одним огнём и жили. Через три выстрела из блиндажа высывалась голова капитана Новикова с телефонной трубкой в руке, и сыпался на них беззлобный мат с поправками на стрельбу. Внезапно стрельба с немецкой стороны прекратилась. Всех сразу потянуло в окоп. Капитан выскочил из блиндажа, чертыхаясь:

— Опять связь перебили!

Он окинул всех быстрым взглядом:

— Кто пойдёт по линии?

Василий встал, отряхиваясь от налипшей земли:

— Можно мне? Пока немцы обедают, я проверю провода.

Он говорил и физически ощущал, что страх перед смертью постепенно исчезает, душа и тело наполняются уверенностью, что он не будет убит на этой войне.

Обрыв провода он нашёл у самого основания невысокой возвышенности. Только успел сделать скрутку на проводах лёжа на животе, как рядом плюхнулась мина, обдав его упругой волной. По спине потекло что-то тёплое и вязкое...

Он лежал на спине и смотрел на небо широко открытыми глазами. Ветер разогнал смоляной чад, и показался клочок синего неба, которое стало стремительно приближаться, и Василий утонул в нём, как в глубоком бездонном колодце, теряя сознание.

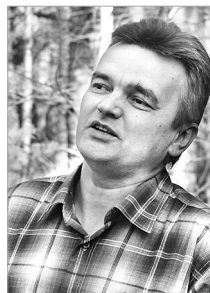
Алексей МАЛЫЦЕВ

ЭТА ОСЕНЬ В ПЕРМИ — КАК БЛАЖЕНСТВО

ХОЧУ В СЕМИДЕСЯТЫЕ

Скажу как есть,
Совсем не ради смеха.
Хочу в семидесятые уехать
на поезде курьерском,
на попутке,
чтоб многое в душе своей распутать.
Хочу туда я удочки закинуть,
где Пугачёва пела «Арлекино»,
где Жан Маре
крушил врагов, неистов,
где сериал про четырёх танкистов
с собакой...
Это дело непростое —
наведаться во времена застоя,
чтоб заново вкусить
(жаль только — не с кем)
всю ауру линеек пионерских.
Хочу в семидесятые,
хочу
в эпоху Леонида Ильича,
где смотрит из газет
на нас хитро
все стариковское Политбюро.
Ни сотовых там нет,
ни Интернета,
зато в эфире
ВИА «Самозвезды»
поют про то,
что верба за окном,
что адрес мой —
не улица,
не дом...
Спешу туда по зову ностальгии.

Алексей Васильевич МАЛЫЦЕВ родился 20 октября 1961 года в городе Усолье ныне Пермского края. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1985). Работал по специальности. В настоящее время трудится в ЗАО «Новомет-Пермь». Первая творческая публикация относится к 1986 году. Первый поэтический сборник вышел в 1995 году в Перми: «Траектория». Издавался в Москве, Перми. Автор более десятка книг — поэзии, детективов, мистики. В качестве сценариста сотрудничает с центральными телеканалами. Член Союза писателей России (1999). Лауреат литературной премии правительства Кировской области им. Н. Заболоцкого (2013). Кавалер ордена Ф. Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

Там папа с мамой —
 оба молодые,
 там живы все мои учителя,
 которым пухом — матушка земля.
 Всё это не каприз
 и не простуда!
 Я родом,
 как и многие, —
 оттуда.
 И я горжусь историей своею,
 и по-другому
 жить я
 не умею.

ПАРАНОЙЯ

Как тебя называть мне —
 утрата? потеря?
 Может, ангел так шутит,
 а может, и бес...
 Нам обоим неважно,
 кто ссору затеял,
 кто её подхватил
 и раздул до небес.
 Без дешёвых нотаций
 и долгих прелюдий
 объясните мне,
 чтобы осело в душе:
 почему так бывает —
 вдруг ссорятся люди,
 и никто помирить
 их не в силах уже.
 Кто бы вырвал меня
 из когтей паранойи...
 У тебя получалось,
 как будто ты врач.
 Без тебя мое сердце
 сначала занает,
 а потом,
 кувыркнувшись,
 уносится вскачь.
 Иногда, словно лодка,
 грустит на приколе...
 Я сейчас одинок,
 неприкаян,
 ничей...
 Кто бы вырвал меня
 из когтей алкоголя!
 У тебя получалось —
 без всяких врачей.

Я СЛАБОСТИ ТВОИ БОГОТВОРЮ

— Ну что ты с ней
как с маленькой, ей-богу?
Расстанься,
сразу легче станет, друг!
Зачем ты выбрал эту недотрогу?
Нормальных, что ли,
не было вокруг?

Я слышу постоянно эти речи.
Друзья, коллеги —
все кому не лень —
с той самой нашей,
самой первой встречи
мне действуют на нервы
каждый день.

А я уверен: всё преодолею, —
и слабости твои боготворю...
Я справлюсь,
я смогу,
я всё сумею!
Капризничай — тебе я говорю!

ЛЮБОВЬ НА СЕНЕ

Опять меня разбудит запах сена,
и вспыхнет ярко звёздочка в ночи...
А что случилось полночью осенней —
история об этом умолчит.

Меня ты угощала кашей пшённой,
а чем околдовала —
не пойму...
Но как мы целовались отрешённо —
об этом знать не надо никому!

Пришлось мне подружиться с комарами,
в жару метать стога,
не чуя рук...
А чем мы занимались вечерами —
про то одни догадки у старух.

Всё, как в романах,
кончилось внезапно.
Я обещал,
я клялся, что вернусь...
И до сих пор мне снится сена запах
и пшённой каши подгоревшей вкус!

ДАЛЁКАЯ ЮНОСТЬ

Непогода отменит поход наш едва ли —
 всё равно мы на лодках в туман уплывём...
 И причалим туда, где сто лет не бывали,
 и костёр у реки не спеша разведём.
 Будут искры плясать в уплывающем дыме,
 наши песни услышит поникший бурьян...
 Мы когда-то рыбачили здесь молодыми,
 унесло поплавки в мировой океан.

Разучились по-детски мечтать, удивляться,
 не ликуем от радуги над головой...
 Мы сегодня другие... А помните, братцы,
 как трепещет сорожка, взлетев над водой!
 Как колотится сердце твоё с непривычки,
 если встретишь на танцах девчонку свою...
 Где теперь этот вздёрнутый нос и косички,
 эти губы, что нежно шептали «люблю»?

ОСЕНЬ НА КОМПРОСЕ

Ветер листья гонял
 по Компросу,
 незаметно под вечер утих...
 У меня к тебе были вопросы,
 но ответила осень на них.
 Как смогла —
 откровенно,
 по-женски,
 расставляя все точки над «ф»...
 Эта осень в Перми —
 как блаженство,
 романтической попробуй найди!

НАКОНЕЦ-ТО!

Как спасительное средство
 от хандры и самоедства,
 от житейских прочих мук
 наконец-то,
 наконец-то
 у меня родился внук!

В галактические дали
 унесётся он едва ли —
 дел хватает здесь у нас.
 Мы его распеленали...
 Игорёшка,
 в добрый час!

ЗАКАМСКИЕ СОСНЫ

От этого я убежать не смогу:
 реальность в душе или сказка?
 Шумят и шумят на крутом берегу
 высокие сосны Закамска.

Рассеется утром над Камой туман,
 уральское выглянет солнце.
 В далёких поездках вы — мой талисман,
 родные закамские сосны.

Я очень надеюсь, короткий свой век
 живу на земле не напрасно...
 От разных несчастий вы — мой оберег,
 любимые сосны Закамска.

Пусть время иное бурлит за окном,
 иные решаем вопросы...
 Как память о детстве, как вздох о былом —
 вот эти закамские сосны.

ДЕВОЧКА-ВЕСНА

Приснится же такое, в самом деле...
 Потом всю ночь мне было не до сна.
 Как будто на заснеженных качелях
 раскачивалась девочка-весна.
 И видимо, не холодно ей было,
 всё во дворе, казалось, расцвело...
 А может быть, девчонка полюбила
 впервые в жизни — чисто и светло?

Я за ночь подходил к окну раз десять —
 увидеть чтоб её наверняка.
 Под снегом дворик спал, и только месяц,
 смеясь, крутил мне пальцем у виска.
 Глаза я закрывал — всё повторялось,
 как наваждение...
 Тенькала капель.
 Раскачиваясь, девочка смеялась,
 светило солнце, буйствовал апрель.

МЧИТСЯ ПОЕЗД

У любви свои законы,
 что ж ты хочешь — се ля ви!
 Этот сумрак законный —
 как признание в любви.
 Помню я волос касанье,

в пятки прячется душа...
Поезд мчит по расписанию,
нет на водку ни гроша.

У любви свои раздумья,
как ты их ни маскируй.
Говорила, что колдунья?
Счастье в жизни наколдуй.
Может быть, я им сумею
поделиться с кем вокруг...
Поезд мчит по направлению
«Симферополь – Петербург».

У любви свои идеи —
ты, женатый, холостой,
позутру проснёшься: где я —
в этой жизни или той?
Мне бы пива ледяного,
мне бы с ветром на таран...
Поезд мчит без остановок.
Где тут, граждане, стоп-кран?

У любви свои сомненья,
как диагноз у врача.
Не хватает вдохновенья,
чтобы рубануть с плеча...
Чтобы не было вопросов
в исковерканной судьбе...
Поезд мчит, стучат колеса,
проводница — так себе.

ЗВОНОК ИЗ ДЕТСТВА

Сотовый — проверенное средство,
чтобы скоротать остаток дня, —
запиликал: «Это ваше детство.
Помните, наверное, меня?
Я сейчас в том самом городишке...
В общем, я на родине сейчас.
Здесь по парку бегают мальчишка —
как две капли он похож на вас...»

Связь оборвалась — как в бездну канул
голосок, исполненный тоски...
Я стоял в прихожей истуканом,
слушая короткие гудки.
Может, это кто-то по соседству
пошутить решил так надо мной?
Осторожней, люди!
Шутки с детством —
это шутки с вечностью самой!

Марат БУЛАНОВ

БАЙКАЛ И ДЕЯ. Повесть**Из жизни вилюйских собак**

Когда я только женился, мы с тестем новую собаку решили купить. Один охоннёр (старик), бывалый охотник, переезжал к детям в Якутск, потому и продавал верного пса. Да и сами посудите, где держать-то его в городской квартире? Это ж не декоративная «игрушка», для которой широкого простора в общем-то не требуется. Вот и пришлось освобождаться от ненужного балласта. Но с одним лишь условием: животное обязательно должно попасть в хорошие руки.

Тесть у меня был сахаляр, то есть «неполный» якут, «помесь» с русским. В своё время отслужил в военно-морском флоте три года, а потом вернулся домой и женился на русской. Окончил техникум физкультуры в Якутске. Родились две дочери, на одной из которых, Инге, я и женился... Жили мы все в большом деревянном доме из кондового леса. В усадьбе имелись теплицы, разные постройки и русская баня. Тесть держал лошадей, кур, гусей, а также кобеля Тиму. Этакого шелудивого вора, бывшего покамест хозяином в огромном дворе. Но это так, небольшое отступление.

Одним словом, поехали мы на другой конец Вилюйска — собаку смотреть. Нашли нужный дом, постучались в ворота. Послышалось сдержанное и одновременно грозное рычание. Ага... Так и есть: охотничья лайка предупреждает гостей. Днём эти псыны на людей не лают и не нападают даже на своей территории. А вот ночью попасться охраннику в лапы вам не советую!.. Запросто порвёт и прощения потом вряд ли попросит.

Открыл охоннёр. Молча впустил. Пожали руки друг другу. Заговорили.

— Дорообо (здравствуй), Николай!

— Дорообо!

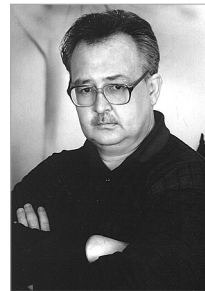
— Тох, сонуннар баар (какие новости)? Хайдах доробье (как здоровье)?

— Барыта учугэй (всё хорошо).

— Ыт ханна бар (собака где)?

— Бу сыттар (вон лежит)... — указал пальцем старик. — Учугэй ыт (хороший пёс).

Марат Марсирович БУЛАНОВ родился 7 сентября 1961 года в городе Перми. Окончил художественно-педагогический факультет Пермского государственного института искусства и культуры (1984). Часть трудовой жизни посвятил журналистике. Работал в направлении «Дифференциальная психофизиология». Творческой деятельностью начал заниматься в начале 2000-х годов. Публиковался в газетах, журналах, альманахах. Первая книга вышла в городе Москве в 2011 году: «Синица в руках». Другие книги: «Гримасы подсознания, или Проклятие ведьмы», «Политическая генетика. Интегральная индивидуальность как генотип», «Хроника одного падения», «Чтобы светлым было слово», «Якутские рассказы». Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России (2014). Живёт в городе Перми.

В глубине двора, привязанный к цепи, лежал похожий на волка кобель. Серая с подпалинами масть. Смесь овчарки и лайки, а может, и вправду волчары. Пёс молодой, не более года, месяцев восемь. Грудь крепкая, мощная, уши торчком. Морда крупная, а пасть с острыми белыми клыками... Байкал (так звали собаку) слегка зарычал, едва чуть-чуть подошли. Но рычание было дежурным, лишь для проформы. Тесть тем не менее испугался, встал в нерешительности. А я постепенно стал приближаться. «Байкал, Байкал...» — ласково, но с опаской пытался успокоить животное. «Хороший, хороший... Свои...»

Кобель неожиданно поднялся. Умные глаза внимательно меня изучали... Выражение их наконец изменилось. Байкал чуть заметно завилял обрубок-хвостом. Значит, выказывал зачатки расположения, доверия. Но особой радости пока что не проявлял.

Тесть и спрашивает у охоннёра: «Что с хвостом-то? Какой-то странный больно!..» Хотел он хорошую псину, а тут вдруг изъян — обрубок на пять сантиметров. Старик и объяснил, что в детстве Байкал переболел заразной чумкой. А якуты лечат её старинным способом: щенка не только поят водкой, но и хвост ему обрубают немного, чтоб «дурную» кровь выпустить наружу. После этого кутёнок обычно выздоравливает...

Между тем я вплотную подошёл к Байкалу. Осторожно погладил его. И пёс, как ни странно, принял ласку. Даже руку лизнул. А значит, принял меня... Мгновенная взаимная симпатия. Сразу подумалось: «Наша собака!» Знакомство, словом, состоялось.

Слышу, охоннёр, тихонько спрашивает у тестя: «Что, этот нючка (русский) знает, однако, собак?» А тесть отвечает гордо: «Конечно, разбирается!.. Мой ведь зять, старшей дочери муж!»

Тем не менее насчет покупки кобеля он очень сомневался. «Проверь-ка зубы, глаза!.. Лапы посмотри, может, хромает!»

Я слегка почесал пса за ушами и, присев на корточки, проверил пасть. Один клык немного был стёрт. Потом заглянул в умные карие глаза. Всё в порядке: кобель молодой и здоровый... Кстати, он чувствовал, что хозяин далеко уезжает. Как, впрочем, сразу распознавал хороших или дурных людей.

Недолго думая, я отстегнул карабин от ошейника и двинулся на выход, к машине. Решил проверить, пойдёт ли самостоятельно?.. Ворота были открыты. К удивлению хозяина, Байкал без колебаний побежал за «нючкой». А когда я открыл дверцу и позвал: «Ко мне!» — указав на сиденье, пёс тут же запрыгнул в кабину!..

Заметно было, что охоннёр приревновал собаку. И чуть обиженно стал прощаться с тестем.

— Денег не надо, однако...

— Так хоть бутылку водки возьми!

— Ну, если что водки...

— Не переживай!.. У нас Байкал хорошо жить будет!

— Главное это, конечно. Так-то он охотник неплохой.

— Ча (до встречи), ладно, пока. Бахибо (спасибо), Николай!

И мы уехали, увозя с собою «покупку».

* * *

Через полчаса прибыли домой. Пёс выскочил из кабины и сразу стал обнюхивать двор. Осторожно обошёл его кругом. Повсюду

стоял запах чужой собаки. Верного Тимоши не было, где-то опять носился, гад...

Мы между тем стали готовиться к сенокосу, чтобы тотчас же и отправиться туда. Конец июня — самый травостой. Лето в Якутии короткое, «флора» старается побыстрее вырасти. И нам нужно было тоже поторапливаться. Упускать погожие деньки не стоило.

Захватили с собой косы, топор, котелок, еду и прочее. Ну и, разумеется, ружья. А как же без них? Мало ли кого из зверья встретишь! Да того же медведя. Кроме того, уток хотели пострелять и заодно проверить «профпригодность» Байкала.

Кстати, он, едва увидев «пушки», враз засуетился, заподпрыгивал вверх, радостно заповизгивал. Хвост вилял, как сумасшедший маятник. «Возьмите меня! Возьмите с собой!» Сразу видно, что охотничья собака, для которой промышлять — первое на свете счастье.

Мы б и Тимофея взяли, да только он был не охотник. К тому же большой лентяй. Кур давить — вот это, сволочина, мог! А потом, после «преступления», два-три дня дома не показывался. Стоит в конце улицы и «виновато» так, издалека, хитрец, посматривает... И лишь когда праведный гнев хозяев утихал, «смирненно» возвращался. Как-никак, а жрать охота... Долго «извинялся», виляя аж всем телом, ровно змей. Преданно заглядывал в глаза: «Уж простите, не сдержался. Виноват-с, исправлюсь!..»

Но так или иначе Тимоши рядом не было. Мы сложили вещи в багажник машины. Этот ГАЗ-69, я пригнал, кстати, из Иркутска. Военная «лошадка» имела армейские мосты; лобовое стекло открывалось. На капоте — специальное крепление для пулемёта. Понятно, пулемётом никто не пользовался, но в летнюю жару открытое стекло было очень к месту. Дело в том, что в этих краях жара достигает сорока градусов в тени. Резко континентальный климат. Поэтому в обычной кабине от духоты становилось даже дурно иногда. А тут комфортно и удобно ехать. И если что, «операцию» производили в обратном порядке.

Вот и сейчас, когда поехали, я поднял стекло. Но не столько из-за жары, а для того чтобы не забить нюх у собаки. В кабине пахло специфически. Байкал же нужен был для предстоящей небольшой охоты.

Выбравшись за пределы Вилюйска, покатали по тракту. Покос находился в двадцати пяти километрах от города, вокруг озера Кюёль, у реки Чебыды. Хаттынн алаас — наше берёзовое место, сенокосные, охотничьи уголья...

Время между тем приближалось к вечеру.

В дороге обратил внимание на собаку. Байкал вытянулся вперёд, жадно принюхиваясь к колебаниям воздуха. Запахи леса, воды, разнотравья и живности взбудоражили пса. Видать, давненько не был на природе, не промышлял. Я ладонью слегка похлопал его по «плечу». Куда там! Даже не повернулся. Всё внимание было обращено к самому сокровенному, желанному. А вот это, что ни говори, — то, что нужно!..

Через время за деревьями завиднелось озеро, напоминая синюю подкову, обрамлённую осокой и берёзами. Солнце уж садилось, и небо над Кюёлем слегка порозовело. Хотя в июне, в равноденствие, солнце не заходит — движется по краю горизонта, почему и ночи

белые с яркою луною. Можно даже почитать: светло как днём. Но и прохладно одновременно...

Сейчас же, когда ещё не выпала роса, душновато ещё было. В вышине стелились перистые облака. На земле, в низине, зеленели сочная трава и тальник местами.

Вообще озёр в низинах здешних невероятно много. Не меньше даже, чем в самой Финляндии. Да и сам Вилюйский район размером с эту страну. А, допустим, Оленёкский район больше Франции аж в четыре раза. Причём населения две с половиной тысячи всего. Это говорю к тому, чтобы показать, какие глухие здесь края. Малообжитая, первозданная природа, где человек лишь часть её и никакой не царь и не хозяин...

Подъезжая ближе к озеру, увидели уток, сидящих на воде. Это их кормовое место и место размножения. Байкал также почуял верную добычу. Нетерпеливо заскулил, напрягся... Кстати, как ни странно, шум двигателя птиц ничуть не пугает. Они на силуэт человека реагируют, машину не боятся. В принципе, можно было бы стрелять прямо из кабины. Но далековато находились, да и собаке трудно потом отыскивать тушки. Решили подкрасться почти вплотную. Сторожко подъехали. Двигатель выключать не стали.

Затем, таясь, брели по болотине средь кочки, вдоль озера. Шли след в след, последним крался Байкал. Ружья взяли наизготовку. Ближе к краю осока высотой вымахала до груди. Подняли тучу мошкар. И хорошо, что взяли сетки... Мошка угрожающе звенела и нападала, вроде пчёл. Особенно доставалось собаке — её кусали прямо в нос. Бедняга лапою сбивал обидчиков.

Кюль по краю покрыт зелёно-бурой ряской. Пёс по пути заходил в воду, принюхивался. Пахло утками. Но пугать их было не положено. «Байкал, рядом! Тише, тише...» — шептал я...

Наконец приблизились на расстояние выстрела. За осокой плавал «будущий трофей». Пять уток кормились в пятидесяти метрах. Встали с тестем рядом, направив ружья. Его левые, мои правые. Байкал вытянулся как струна, хотя и цель не видел. Четыре выстрела прогремели одновременно. Дробь из пятизарядки и двустолки сразила трёх беспечных птиц. Остальные с испуганным криканьем взлетели. И тогда пёс стартовал, как спринтер: подпрыгнул резко вверх, чтобы видеть уток, и, поднявши веер брызг, с шумом поплыл вперёд.

Одна из жертв сильно трепыхалась. К ней-то в первую очередь и направился. Сразу прикусил шею. А затем, держа в зубах, быстро вернулся к берегу.

— Ай, Байкал, молодец! — похвалили охотника. А пёс, отряхнувшись (дабы легче быть), вновь поплыл за добычей. Когда же достал третью утку, отряхнулся уже основательно. И с достоинством посмотрел мне в глаза. «Ну, каков я? Каков?!»

Одним словом, работой пса мы были довольны. Тем более что многие лайки вообще избегают воды. И, кстати сказать, уток собаки почти не едят, потому как на вкус запаха тины не любят.

Вернувшись к машине, поехали к сенокосному балагану — «домику» из жердей, покрытому ветками. Там выгрузили всё необходимое: котелок, топор, косы, спальники из оленьих шкур и прочее. Решили поработать. Но прежде перекусили немного. Чай с молоком из термоса, олады, сушеная сохатина...

А потом, на вечерней зорьке, час покосили. Когда жарко, трава жёсткая, но теперь, при выпавшей росе, дело спорилось.

Косить, известно, поначалу много нельзя. Те же охоннёры входят в работу постепенно. Первый день литовки отбивают, потихоньку принаравливаются. Второй день — труд на два часа, не больше. Лишь затем выкладываются полностью, от зари и до зари... Вот и мы не усердствовали шибко.

Байкал между тем был недоволен. Потому как вроде не нужен стал. Обиженно заскулил да и «плюнул». Убежал в лес промышлять. Позже мы его хватились. Однако вскоре услышали залиvistый звонкий лай. Видать, какого-то зверя поднял, не иначе!.. Но идти на ночь глядя на призыв было не с руки. Домой возвращаться надо, остались неотложные дела. К покосу подготовились, и достаточно. Ночевать не планировали.

А собака всё лаяла (звала), то ближе, то дальше. Гнала сохатого, возможно. Охотничий азарт, что там говорить. И я её звал и свистел, однако, увы, бесполезно. Лай удалялся, удалялся, а затем и вовсе исчез. Мы с тестем почувствовали себя так, будто предали друга... После этого ждали ещё два часа, продолжая кричать.

Вообще в поисках зверя лайки ходят кругами. Сначала маленький, а потом больше и больше. В данном случае — по лесу, вокруг Кюёля. Подняв же сохатого, Байкал инстинктивно «держал» его. Вероятно, сильно переживая: «Ну где же они? Где?!»

А мы не оправдали надежды собаки. А ведь она так старалась!.. Решили, что всё: потеряли Байкала. Такого трудолюбивого, умного пса. Только подружились, сработались — и на тебе! Разошлись в разные стороны!.. Я, честно сказать, очень огорчился. Чувство вины не отпускало...

— Может, поедем? — спросил тихо тесть. А ничего и не оставалось делать.

Как бы тяжело ни было, а собрались и двинули. Скрепя сердце. И всю дорогу фактически молчали... Вещи же оставили в балагане. В те времена никто бы ничего не украл. Разве ружья только. Поэтому их взяли с собой. Вернулись поздно, дела пришлось отложить. И вскоре легли спать.

* * *

В шесть утра разбудили какой-то шум и лай. Я вышел из дому и ахнул: на крыльце... стоял Байкал!.. Шерсть сырая, язык выпал; учащённо дышит. Сразу видно, что бегал долго. А лаял Тима, прося защиты у хозяев. И как бы нервно возмущался: «Кто это такой?! Двор-то мой!.. А он — королём себя ведёт!..»

У Тимы, кстати, окрас был как у гиены африканской. Тёмно-серый с сединой и пятнами. Хвост почти трубой, но загигбался бумерангом. Одно ухо было отморожено, смешно висело. Глаза хитрые, блудливые... И в целом пёс являл собой этакое лживое, бесхарактерное существо. Бездельник, вор и трус. Дерьмо собачье, если говорить уж прямо.

Ну так вот. Вернувшийся Байкал стоял и ждал на крыльце. А Тимоша бегал внизу и жалобно тьявал, призывая к справедливости. Как-никак, восемь лет был полноправным хозяином! А тут какой-то самозванец объявился!.. Тима даже пытался укусить «наглого чужака».

Но тот лишь вяло огрызался, не видя пред собой соперника... Да это ж унижение! Попраание суверенных прав!.. Нет!.. Негодяй ещё ответит за такое оскорбление!..

Между тем я наконец пришёл в себя. «Откуда ты, Байкал?!» — ошарашено спросил, сел на корточки и, ликуя, обнял нашего героя. Пёс устало улыбнулся, лизнул в нос и виновато завил хвостом. Он тоже радовался, но видно было, что очень притомился. Двадцать пять километров пробежать, не спав всю ночь, — это и для лайки трудновато! К тому же дождик вымыл запах двигателя, поэтому собака плохо ориентировалась. Если б не дорога, бог знает, сколько бы искала!..

И что удивительно, позже пёс всегда знал, что именно мой ГАЗ спешит домой. По работе ли движка, по запаху ли, однако чуял сразу. Различал среди других машин, следующих по тракту. Я ещё в Вилуйск не въехал, а Байкал уже нетерпеливо суетится, не находит места. Вот такая псина сверхчувствительная и необыкновенно умная...

...Накормив беднягу, посадил его на цепь. Пусть немного отдохнёт, пообвыкнет на должности «охранника». Посадил, не ведая, что этим только наврежу.

А случилось на другую ночь опять ЧП с собаками.

Обиженный Тимоша задумал каверзу, подлянку... Рядом с нами жил сосед Никола БАМ. А прозвище-то получил за то, что на БАМе вкалывал. Женился на якутке и ребёнка имел. Был у него цепной кобель Буран. Лохматый, здоровущий, злобный... Днём его привязывали, а ночью отпускали. То есть свободно бегал по двору. А с Тимою они давно друг друга знали.

Так вот. Сучок у туалета снизу раскопал проход. И позвал Бурана на разборки с чужаком. Короче, стали на Байкала вдвоём нападать. «Завязалась кровавая битва»... А Байкал-то на цепи, не может, толком развернуться! Рычание, лай, визг, клочья шерсти в разные стороны!.. Буран насккивал спереди, а Тима, как шакал, сзади. И всё за лапу норовил укусить!..

Услышав шум драки, я выбежал во двор. На помощь Байкалу. В то время тот и соседский пёс встали на дыбы и безжалостно рвали друг друга. Тимоша пособлял активно с тыла. Увидев меня, сучок, спасаясь, первым бросился в дырку возле туалета. За ним смотался с поля боя и друган-«наёмник». Сильно покусанный, помятый Байкал тяжело дышал. Я, как мог, успокоил собаку и отпустил с цепи...

После инцидента подлый Тимофей не появлялся больше суток. А это всегда так: напакостит, а потом исчезнет в неизвестном направлении. Когда же время подойдёт, опять появится. И «извиняется» всем телом, прохиндейская, блин, морда!.. Впрочем, с лап ему сходило до поры до времени. Тесть терпел, терпел да однажды «репрессировал» Тимошу. На фиг застрелил, когда поганец снова уташил невинных кур. И шапку сделал из «африканской» его шкуры. Конечно, жалко горемыку, но увы, увы... Пустая, нерабочая собака... Но эта скорбная история случилась позже, следующей весной.

* * *

Ближе к зиме, уже по снегу, пошли на зайцев. «Давай попробуем и Тиму!» — попросил я тестя. А шелудивый гад, едва увидев ружья, сразу спрятался.

«Кирдях ыт (паршивая собака)!» — в сердцах сплюнул дед. Силком заташили Тимофея в кабину, потому как тот очень упирался. Словно на расстрел, как партизана, повезли!.. Байкал же с радостью запрыгнул на сиденье и в предвкушении охоты слегка дрожал.

От Вилуйска отъехали на десять километров. Хрена ль, тут везде шастает зверь!.. А места были болотистые. Кругом кочка высотой до пояса, высохшие деревца, чепыжник. Ну и лес на возвышенностях поднимался. Листвяк, полярная берёзка, сосны... Снег выпал не очень глубокий.

Зайцы обычно под утро ложатся на опушке. Это в звонкие дни, когда хорошо всё слышно. А в чашобе сидят, когда дождь или снегопад. Спрячутся под корягу и пережидают непогоду. Кормятся же в болотистых ложбинах и по краю перелесков, где трава, кусты.

Особенности охоты здесь такие. Стреляют зайца днём, потому как до обеда он лежит. Иначе — отдыхает после ночи... Наестся ночью и лежит (сторожко спит). А за это время у зверька скапливается моча. Когда его поднимаешь, делает пару-тройку прыжков. Но ему обязательно нужно опорожниться. Только сядет, тогда и производишь выстрел. Якуты подобным образом и охотятся. Кроме того, заяц (куоба по-якутски) линяет осенью. Становится белым. И на фоне тёмных кустов подстрелить беднягу довольно легко.

Но такая тактика хороша только по чернотропу. Когда выпадает снег, лучше использовать собак. Косой сливается с окружающим ландшафтом, и издали подбить его трудно. Пси́на же поднимает зверька с лёжки и преследует, сопровождая лаем. Заяц начинает петлять, делать круги, запутывая «охотника». А оторвавшись, неизменно возвращается на старое место. Где его и поджидает выстрел с короткого расстояния...

...Едва машина остановилась, собаки выскочили. Тима сразу под куст, поссать. Тоскливо огляделся. «Тайга, блин! И зачем меня сюда привезли?..» Короче, опять заставят работать: бегать ведь надо! Лучше бы дома спокойно полежать... Байкал же, напротив, был собран и серьёзен. Приготовился к тяжёлому труду.

Пошли вдоль леса. Собаки впереди. Интервал — двадцать метров. Тимофей плёлся за Байкалом след в след. А тот честно тропил — первым шёл по снегу. Сучок, как всегда, использовал другого... Уши опущены, на нас боязливо оборачивался. Видим ли его «жуткое напряжение сил»? А сам в снег ступал брезгливо. В сухих ложбинках лапы брезгливо отрясал. Да и что с него взять! Домашняя тварь, которая только воровать да тявкать может!..

Наконец Байкал вдруг что-то почуял. Вытянулся, замер... и резко рванул вперёд!.. Тимоша так и остался стоять на месте, как пень. Через двадцать секунд раздался звонкий залиvistый лай. Охотник зайца поднял. Мы тут же двинулись, торопясь, туда.

Лай в лесу то удалялся, то вновь приближался. Косой отчаянно запутывал следы. А я между тем нашёл его лёжку — примятую ложбинку в снегу. Взяли с дедом ружья наизготовку. Затаились метрах в десяти с подветренной стороны, потому как скоро нужно было ожидать «прибытия».

Заяц хитрей, а Тима хитрей. Зачем куда-то бежать?.. Для этого есть Байкал... Короче, пристроился рядом с нами. Сделал вид, что

тоже с нетерпением ждёт добычу. И тоже притаился. Хотя ему было, честно говоря, глубоко пофиг.

«О, пёс-то шибко умный!» — заметил тесть, не врубившись. А я сразу догадался, что Тимоша снова жульничает. Но было не до него. С минуты на минуту должна была появиться «жертва». Несчастная жертва нашего азарта и пищевой необходимости.

А вот и косой!.. Приближается, прислушиваясь, осторожными прыжками. «Ба-бах!» — грянул из пятизарядки тесть. И замочил беляка наповал, второго выстрела и не потребовалось. Главное тут бедолагу сразу застрелить. Раненый, он плачет как ребёнок... Жена однажды сходила на охоту, вся испереживалась. Зайцу перебило задние лапы... Крутится на копчике, на лапках оставшихся, и надрывно кричит. Борется за жизнь, пытается уйти. Но охота есть охота... Поэтому зверька лучше бить точно в голову.

Байкал, услышав выстрел, прибежал довольный, запыхавшийся. Тима же от грохота присел. Подошёл потом к трофею, осторожно понюхал. Чувствовалось презрение его к нашему ремеслу. Но зарычал, прохвост... Опять же, чтобы показать своё, мол, «рвение». Дескать, вот я какой сердитый! На зайца даже рычу!.. Впрочем, охота Тимофея и впрямь не интересовала.

Зайца бросили в рюкзак, пошли дальше.

Байкал вскоре опять поднял беляка. Мы закричали Тиме: «Иши, иши!» Но тот в замешательстве не двигался с места. Со злости дед замахнулся палкой на лентяя. Только тогда Тимоша помчался в лес...

Через время услышали его истеричное тьяканье. Так он имитировал звонкий лай Байкала. «О, работает собака!» — обрадовался тесть. Но спустя пять минут лай... исчез. И больше мы «охотника» уже не видели. Убежал, сучок, домой. Ждали долго — всё бесполезно. Тимофей не вернулся из леса (из боя)...

За день намотали большой километраж. Хотя от дороги и машины далеко не отходили. Охотились по ту и другую стороны. Зайцев настреляли 12 штук. Разных по возрасту: и маленьких, и больших. Обычно самка за лето оставляет три помёта. И вообще косые на Севере не крупного размера. Как, впрочем, и все другие звери: олени, лисы, волки и т. д. Ходили пять часов. Потом стало смеркаться. Собрались и поехали домой. 12 штук, в принципе, нормальная добыча. Тогда считалось: если десяток не возьмёшь, то зря лишь съездил. А тут, блин, дюжина. Так что настроение оставалось неплохим. Раздражал, однако, грёбанный Тимоша. Ну что за пёс шкошливый! Никакого толку. Обломов, б-дь... Надо избавляться от него, и точка!..

Вскоре были дома. Зайдя в ворота, увидели дезертира. Тима виновато спускался с самого сухого места — крыльца. «Ну вот такой я уродился! Простите, если что...» Устало присели на сложенные брёвна. А жулик голову вниз, между колен, глаза стыдливо прячет. Короче, что с ним делать?... Опять пришлось простить мерзавца этого...

Но по весне чаша терпения всё же переполнилась. После того как Тима целых пять кур удушил, тесть — когда меня с женою не было — отвёл его на пустырь. И, как злого бандита, подверг расстрелу... Ну а как ещё-то быть? Исправлению вор не подлежал. И взять

Тимошу — никто бы ни за что не взял. Увезти подальше в лес — обратнo прибежит. Так что решение, в принципе, было правильным.

* * *

С момента «казни» Тимофея минуло два года. Мы с тестем поначалу, конечно, жалели его, непутёвого, непринятого. Но особенно переживала сердобольная Инга, жена. Только она почему-то всегда любила горемыку. Понимала неординарную душу пса-созерцателя. Приходила к нему на могилку и даже полевые цветы возлагала. Ну что делать, если по-другому бедняга жить не мог!.. Тут ведь как у людей: ценят за силу, быстроту, ловкость, трудолюбие. Но не все же такие приспособленные к жизни!.. Вот и Тима пал жертвой людского непонимания и осуждения. Так за что же винить-то «роковую ошибку природы»?..

Тем временем трудяга Байкал ещё больше окреп, возмужал. Стал матёрым охотником — нашим кормильцем, охранником. Не раз ходили на зайца, утку, куропатку, глухаря, а также ондатру. Подстрелили как-то даже молодого лося. А вот с белкой были большие проблемы. Байкал не имел верхового чутья, работал только по следу. Поэтому почуять зверька на деревьях собака почти не могла...

К ноябрю в хозяйстве у нас кроме лошадей и кур были также гуси и свиньи. А третьего числа появилось и собачье пополнение. Короче, породистого щенка дед привёз. Да такого необычного, что мы только диву дались!.. Завести же второго «охотника» хотели давно. И вот случай для этого не замедлил представиться.

Тесть работал преподавателем физкультуры в Вилуйском педучилище. А один из его выпускников со временем выбился в большие начальники в Якутске. Он самолётом и прислал из столицы щенка западносибирской лайки учителю. В Якутск же кутёнка привезли из новосибирского питомника.

Из аэропорта дед принёс небольшую картонную коробку. Открыл, а там белоснежный с чёрными пятнышками живой комочек. Крохотный, смешной, с открытыми, но невидящими глазками... Щенок оказался самочкой. Но такой шустрой, подвижной, неусидчивой! Хотя и слепой пока. Нос поверху: жадно воздух нюхает.

Жена как раз в эти дни книгу читала. Виктора Гюго «Человек, который смеётся». Одним из главных персонажей там была слепая девушка Дея. Инга и предложила назвать щенка этим именем. Правда, поведение двух Дея было совсем не похожим. Если только красота, да и то с оговорками.

Так вот. Маленькая лайка не сидела на месте. Побывала во всех углах. Я решил проверить её данные, хотя и в таком возрасте. Взял кусочек сохатины, поболтал на нитке и спрятал в дальней комнате, под сервантом. «Дея! Ищи!» И щенок не по следу, а поверху тут же учуял запах. Не видя ничего, через пять минут нашёл ведь спрятанное! По «следу» в воздухе... Вот это лайка! Не собака, а просто сокровище!..

А позднее зрение у Деи нормализовалось. Замутнённые глаза стали голубыми. Щенок быстро рос, превращаясь в элегантную изящную «даму». Прекрасный экстерьер, хвост вензелем, белоснежный окрас с тёмными подпалинами...

Первая охота состоялась дома, полгода спустя. На заднем дворе за изгородью (на олбуге) паслись гуси. Каким-то образом Дея

перемахнула высокое препятствие. Задавила двух птиц, а потом перетасила их на крыльцо. Ровненько так сложила... Я вышел из дому и ахнул!.. А лайка, ничего не подозревая, смотрела на меня и ждала похвалы.

«Дея! Нельзя, нельзя!» — зыркнул я грозно на молодую собаку. И та будто поняла. Тут же засмушалась, виновато глядя в глаза. А Байкал видел совершаемое «преступление» и сейчас словно осуждающе смотрел на глупую девчонку.

Кстати, отношения двух собак складывались очень ровно. Байкал относился к Дее как старший брат к сестре. И наоборот, Дея любила Байкала как брата. И за всю совместную жизнь никогда ни он, ни она не питали друг к другу сексуальных чувств. Хотя мы и хотели, чтоб было по-другому. Шенков хотели от наших лаек... Однако живущие в одном дворе собаки не спариваются. Пёс всегда старался защитить «сестру», во многом ей уступал, даже чуть ласкал, но не более.

* * *

Когда в апреле я купил мотоцикл с коляской, Дея показала способности уже по-настоящему. У коляски специально убрал лобовое стекло, чтобы ездить на охоту с собаками. Чтобы, коль нужно, не мешало выскакивать им на ходу да и видеть всё плюс чуют запахи.

В конце месяца собрались промышлять ондатру. Ружья тут не нужно, но всё равно я взял с собою его. Как говорится, на всякий случай. Мало ли, вдруг пригодится. Дея, впервые увидев «пушку», чуть не взбесилась от счастья. Вот что значит врождённый инстинкт! Да и Байкал не отставал от «сестрёнки». Тоже нетерпеливо-радостно закружил, залаял, заподскакивал. Стоило показать на коляску, как обе собаки тут же очутились в ней. Одна за другой. Дея запрыгнула грациозно и изящно, как аристократка. Под Байкалом же тяжёлым коляска заметно просела.

Вообще наши лайки отличались друг от друга разительно. Дея — белоснежная, стильная, тонкая «мадам» — даже ела-то по-особому. Кончиками зубов выбирала аккуратно самое вкусное. Мужловатый, грубоватый же «брат» лопал всё напропалую и много. Или: Дея по улице бежала огибая лужи, брезгливо отряхивала лапы от воды, коль приходилось вступать. Тогда как Байкал пёр по лужам напрямиком, напролом, не очень-то заботясь о каком-то там «имидже». Или: молодая лайка почти не позволяла себя ласкать. Вела себя отстранённо, на дистанции держала. А если и позволяла любить, то лишь снисходительно. Байкал же обычно разваливался, когда его гладили, во всю пасть улыбался, короче, кайф ловил. Полная противоположность герцогине голубых кровей — рубаха-парень, свой в доску, простой как три рубля...

Но что касается охоты, то оба были преданы ей, как говорят, всем существом. Дея становилась жёсткой и бескомпромиссной. Не помню, чтобы как-нибудь и в чём оплошала. А что же до пса, то о его блестящих талантах уже было достаточно сказано выше.

Так вот. Поехали мы по просеке на озеро за ондатрой. Не успели сделать полтора километра, как Дея меня удивила. Неожиданно выскочила из коляски прямо на ходу. И по снегу убежала в лес. Хорошо, что скорость мотоцикла была небольшой...

В чём же тут дело? Я затормозил.

И Байкал удивился. У него не было верхового чутья. Может, оттого что чумкой переболел. А молодая лайка взяла след... по воздуху! Во время движения! Поразительно!.. Иначе и не скажешь.

Буквально через минуту слышалось тявканье Деи. Как оказалось, тявканье это особое. Не лай, а именно тявканье на белку. Собака заметила на дереве шустрого зверька... Я прошёл 15 метров по лесу и увидел «охотницу».

Дея вертелась вокруг сосны, подняв голову. И подпрыгивала с разбега на два с лишним метра, по дереву перебирая лапами. А белку наверху взяло любопытство: «Что за зверь? Никогда не встречала!» Тем самым она отвлекалась, не видя меня. Наблюдая за собакой, «хрюкала»: «Хр-р, хр-р!» Кроме того, шёлкала ещё. У них это вроде игры азартной получалось.

У меня была винтовка ТОЗ, 32-го калибра. Специально на белку, зайца и птицу. Пули — 3,2 см. Сохатого даже можно свалить... А белку нужно бить только в голову, не то шкурку попортишь. В глаз же попасть практически невозможно. Это утверждаю вопреки бытующему мнению.

Стрелял примерно с восьми метров. Зверька среди ветвей нужно ещё увидеть. А увидев, выбрать оптимальную позицию для стрельбы. У белки же внимание занято было собакой... Кстати, Байкал стоял рядом со мной. Не мешал работать «сестре», потому что это была её работа. Из «тозки» выстрела практически не слышно. Хлопок, и всё. Белка в агонии стала падать, цепляясь за ветки. Собаки бросились к ней. Дея сразу прикусила хребет зверьку, чтобы умертвить. Причём аккуратно, не портя шкурки. В зубах держала первую свою добычу.

Я похвалил охотницу: «Молодец, умница!» И действительно, лайка показала себя с наилучшей стороны. Даже и не ожидал. Другой вопрос, что был не сезон белок стрелять. Необходимости в этом не имелось. Но собаку нужно было поощрить, чтобы закрепить проснувшийся инстинкт...

Поехали дальше. Ведь нас интересовала ондатра. Весной она, кстати, начинает мигрировать с одного озера на другое. По земле. В поисках пищи и спаривания. Но старается всё же добираться водой по возможности. По протокам. А то и плывёт прямо в колее дороги. С машины видно.

Ест ондатра траву и рыбу, утиные яйца, утят. Водяная хищная крыса... В 1957 году привезли её из Канады в порядке эксперимента. Короче, зверь прижился и расплодился жутко. Вытеснил европейскую выдру. Байкал даже на олбуге (заднем дворе) в Виллюйске её ловил.

В охоте всё зависит от озера. Крысы любят небольшие озёра. Хатки они делают, когда земля оттаивает. Хатки идут вдоль берега. Замаскированы — самому не найти. Только с собакой. А прямо на середине озера располагаются центральные лунки, потому что ондатры вынуждены подо льдом плыть. Покормиться и всё такое. Специально пробивают дырки, чтобы выходить и дышать. Поскольку под водой без воздуха зверь обходится 15 минут...

Водяных крыс на одном озере может быть много.

Кстати, промысливать ондатру было любимой охотой Байкала. Он и показал Дее своё умение. Та тактично не мешала. Молодая лайка

уступила место, тем более от зверей шла специфическая вонь. А ей это не очень нравилось.

Байкал шёл сначала вдоль берега. Если хатка с «квартирантом», начинал принюхиваться и якобы «копать», показывая всем своим видом, что хатка не пустая. Ондатра в сухой норе под землёй нервничает и старается иногда её покинуть. Так мы потревожили многих крыс. Но главное, пёс указывал, где живёт ондатра. У хатки есть два входа-выхода. На берег и в озеро, под водой. Когда же встаёт лёд, у второго входа зверь тоже делает лунку. Чтоб вылезать и дышать. Вот я и ставил капкан возле неё. И у центральных лунок (их на озере четыре-пять), также ставил ловушки. Ибо к этим «дыркам» крысы обязательно приплывут.

Капканы — «двочка» с палкой на цепочке, чтобы ондатра не перегрызла «соединение». Когда ставишь их, стараешься не курить. Руки обмазываешь ряской из лунок. И капкан ею обкладываешь. А дома предварительно я обваривал ловушки в хвое с сосновой корой. Это моё ноу-хау было. Естественно, ставишь тихо, и собаки настороже, молчат.

Действие капкана следующее. Крыса вылезает из лунки, чтобы подышать и отряхнуться. Устройство срабатывает, прижимая ей лапу, хвост или морду. Жертва, понятно, в лунку, спастись. А палка-то и не даёт уйти. Ондатра или задыхается, или снова выбирается из лунки. Но обычно достаёшь за палку её. А там уже дело техники. Собаки умешивают добычу.

А вообще крыс ловят весной или осенью. Весенний зверь большой, подросший. Окрас у него медный, что очень ценится покупателями шкурок. А значит, такого цвета шапка или шуба всегда имеют спрос. Осенняя же ондатра более бурая, и шкура её тоньше. Словом, качество уже другое; соответственно, и стоимость ниже.

Говорят, мясо этих хищниц необыкновенно вкусное. Не сравнить ни с зайчатиной, ни с сохатиной, ни с кабаном, ни с медведем. Не знаю, честно говоря, не пробовал. Потому и не сужу. Хотя... крыса есть крыса. Но, опять же, не по помойкам ведь кормится она, а ест экологически чистые «продукты». Так что любителям, может, ондатрина и по душе...

Поставив ловушки, я с собаками вернулся к мотоциклу. Попить чай из термоса, покурить. Помощникам же своим в виде поощрения положил кусочки мяса. Подождали 30 минут. Между тем собаки слышат кланание капканов. Байкал и Дея как индикаторы. Их нетерпение — верный признак, что крысы попались. Ждать больше нельзя. Пошли на озеро. За добычей.

...Байкал и Дея бегут впереди. Сразу определяют: на близкой или дальней лунке зверь попался. (Когда ондатры выходят, выбрасывают ряску наверх.) Но вот жертва вдруг сама появилась. Завидев нас, сразу рванула в лунку. Впрочем, куда там! Палка поперёк «дыры» накрепко держит. За палку крысу и вытаскиваешь. Настроена очень агрессивно. Крутится передом и аж до груди допрыгивает, укусить норовит.

Байкал боится нападать. Вертится вокруг ондатры. А Дея сразу за морду и перекусывает. Вся в крови. Как профессионал работает... Короче, взяли 5 штук за первый заход.

Выставил снова капканы. Через полчаса снова на озеро пошли. И опять взяли 5 штук. Затем переехали на следующее озеро. Потом на другое. С трёх мест добыли 28 ондатр.

Конечно, я не кадровый охотник. Так, любитель. Но иногда шкурки частникам сдавал. 25 рублей одна шкурка стоила. Кстати, на хорошую шубу их требуется 60. На шапку, конечно, меньше. На материке шапка стоила 250 рублей.

Охота на крысу не считалась для местных браконьерством. К ответственности никого не привлекали. А вот за белку, росомуху или соболя другое дело. Впрочем, в нашей глуши браконьерство понятием было растяжимым...

Возвращаясь, домой пару уток вдобавок подстрелил. В конце апреля на озёрах ещё лёд, поэтому утки, прилетая, садятся в оттаявшие лужи у дороги. Стрелял прямо с мотоцикла. И Дея снова прекрасно зарекомендовала себя. Но воду собака не очень-то любила.

* * *

Вскоре весь Вилюйск узнал про Дею. О её красоте и способностях охотницы. И немудрено, что многие хотели щенков от выдающейся лайки.

Пришёл ко мне собаку посмотреть Ванька Сивцев, кадровый охотник. А у него был пёс Кустук (Радуга), сохатинник. Рыжевато-бурой масти, здоровый, сильный, лохматый кобель. Помесь лайки и неизвестно какой породы, но очень красивый. Ванька и предложил спарить Кустука и Дею. Чтоб щенки хорошие получились. То есть лайка моя ему очень понравилась.

Когда у Деи течка началась, она близко никого не подпускала. Да и Байкал рвал всех псов, что пытались во двор пробраться. Защищал «сестрёнку» всеми силами. А как же иначе?.. Жили и охотились-то вместе.

Ванька вскоре привёл Кустука.

Похожий на волкодава, тот имел 60 сантиметров в холке. У хтона (сарая для скота) было огороженное место. Туда хотели завести Дею и Ванькину собаку. И вроде уж завели, но с улицы прибежал Байкал. Грозно зарычал и бросился на «жениха» сестры. Точнее, они одновременно друг на друга бросились. Началась такая драка, что только держись! Ключья шерсти, кровь во все стороны... Никто не уступал. Короче, боевые собаки. В такой момент к ним подходить опасно. В ярости псы могут и покалечить. Так ведь только водюю разлили!..

Какая случка может тут быть? Оставили на следующий раз...

Через день Ванька опять привёл Кустука.

Я предварительно посадил Байкала на цепь и постарался, чтоб собака не видела случки. А Кустука Дея приняла... Причём единственного. Но «брат», не видя их, всё равно рвался на цепи и ревновал. И успокоился только тогда, когда «жениха» увели со двора домой.

Три раза успела Дея родить от Кустука. То есть до гибели своей...

Первый помёт — два щенка (хорошие собаки рожают мало). Одного отдали профессионалу Ваньке. А второго — охоннёру-охотнику, другу тестя.

Второй помёт — тоже было два щенка. Первого увёз в Якутск

родня Николай. С другим же случилась трагедия: летом поднялся смерч, и будку со шенком... унесло.

В третий раз родила Дея трѣх кутят. И снова случилась трагедия... Очень холодно было, так Инга, жена, жалеючи, их в дом перенесла. Собака жутко выла, просилась на улицу. Потом всё же в будку перетаскала помёт и ночью... всех шенков придушила... Мы терялись в догадках, для чего?! А, видимо, по понятиям её, никто права не имел слишком тревожить «святое», то есть переносить маленьких по своему усмотрению.

Но тем не менее шенки у Деи были просто классные! Если б их продавать, то 500 рублей, по советским деньгам, каждый бы стоил! Потому что собака уникальная. Да и отец, Кустук, был псом неординарным.

На Северах собаку-кормилицу ни за что и никогда, не продадут. Один охотник за Дею предлагал мне новый «Буран». А стоил он тогда полторы тысячи... А вообще якуты-охотники особо ценят две вещи: хорошую собаку и ружьё. Вот их-то могут украсть — не устоят! Тогда как воровать считалось страшным преступлением, то бишь что-либо другое никогда бы якуты не взяли...

* * *

Дея прожила у нас почти пять лет. За это время стала, как и Байкал, членом семьи. Все мы её очень любили, в том числе дети. И даже представить не могли, что Дея может не стать. А погибла она неожиданно и нелепо... Под колёсами машины пьяного водителя.

Как это случилось, расскажу чуть позднее.

Но перед этим, хотелось бы ещё вспомнить об охоте собак. Ведь они были почти неразлучны. Не представляли жизни без совместного промысла. Так сильно привыкли друг к другу. Так самозабвенно любили своё ремесло...

Особенность лайки в том, что на любого зверя, на любую птицу идёт. На белку, на зайца, утку, глухаря, куропатку, медведя, сохатого. Правда, мы промышляли с собаками мелкую дичь в основном. Понятно, что к каждому зверю «подход» очень разный, то есть специфика охоты различна, иначе. Интересен отстрел зайцев с фароискателем, хотя эта практика и строго запрещена государством. Тем не менее не каждый слышал о такой, а потому и следует о ней чуть рассказать...

Как-то в сентябре по обычаю отправились с женой на рыбалку. В это время ежегодно на лодке поднимались вверх по течению Вилюя. Километрах в тридцати от города у нас место было в устье реки Чебыды. Там ставили палатку под вековыми елями и рыбачили, раскидывая сеть. Байкала и Дею, естественно, брали с собой. Поскольку они просто с ума бы сошли, если бы их оставили без «приключений».

...Лодка с мотором мчалась вперѣд, рассекая зеленоватую воду. Берега, покрытые листвяком, елью и сосной, сменялись поворот за поворотом. Встречались песчаные и известковые скалы, когда берег повышался. На перекатах мотор ревел, преодолевая волны, и лодка дрожала от сильного напряжения.

Байкал, как всегда, стоял на носу, подавшись всем телом вперѣд. Вытянулся как натянутая до упора струна. Весь в брызгах, пѣс обожал скорость и «работу» вперѣдсмотрящего. Дея же сверну-

лась калачом на дне лодки, на сухом месте, и отдыхала. Известно, «баронесса» — и вела себя подобающим образом. «Даме» не пристало суетиться и торчать на каком-то носу, как «глупый» Байкал. А «брат»-то чувствовал себя героем перед ней и от распирающего грудь чувства часто дышал...

Через полтора часа прибыли на наше место. Чебыда впадает в Вилую быстрым перекастом. На правом высоком берегу — скала метров под тридцать. Левый пологий берег у воды покрыт «поющим» песком. А «поющим» его называли потому, что издаёт мелодичный такой скрип, когда идёшь... Чуть выше, на поляне, разбили у притока лагерь.

Подступал вечер. На спокойном участке Вилую я с лодки расставил сеть. Инга на костре приготовила ужин. Поели кашу с тушёнкой, не забыв покормить и собак. И что греха таить, немного выпили, отметив начало предприятия. Да и довольно прохладно было. В Якутии в сентябре уже начинаются заморозки.

Начало быстро темнеть. Сидя у костра, мы неотрывно смотрели на пламя. И Дея с Байкалом смотрели, слушая чутко звуки вокруг. Отсвет рубинового пламени отражался в умных глазах. О чём они думали? Может, о своей счастливой собачьей доле? О людях, без которых жить не могли? Трудно сказать... Но сейчас, без сомнения, жизнь их полна была смыслом.

Над ночным Вилуем замерцали синие звёзды. Полная луна освещала сонную скалу над рекой. Глухомань... Первобытная тишина... Лишь костёр чуть потрескивал, да волна плескалась слегка.

...Наутро, позавтракав, проверил поставленную сеть. Рыбы было порядком: нельма, муксун, два тайменя, шуки и даже стерлядка. Стерлядь — малый осётр — на Вилую не редкость. А вот шук-то ненужных я отпустил. В наших краях это не рыба вроде, никто не берёт. Остальной же улов Инга разделала и засолила в двухведёрной кастрюле.

Порыбачив два дня, сходили на близлежащее озеро. Там тоже небольшую сеть поставили. Карасей наловили. Чтобы поджарить для себя, а также и покормить собак.

Немного поохотился. Осенью зверьё идёт вдоль Чебыды к Вилую. Чтоб через реку переправиться. Для него Чебыда как ориентир. Крупная дичь, что плавает, делает это до ледостава. А мелкая, вроде зайцев и белок, переходит по льду.

Но сейчас, в сентябре, зверья было маловато ещё. И в этот раз никого я не подстрелил. Зато, бродя по окрестностям, наткнулся на кусты красной смородины. В рост человека. Листья на ней опали, и крупные ягоды висели как гроздь винограда. Кроваво-яркий их цвет на фоне осеннего леса был необычно красочен, свеж. Пособирав ягод, дал попробовать собакам. Байкал сожрал всё и с удовольствием. Дея же, надкусив угощение, скривилась и отошла обиженно в сторону.

Рыбачили ещё два дня, а потом под вечер собрались назад. Свернув лагерь, сели в лодку и самосплавом поплыли. При этом цель наша была — фарить зайцев по обоим берегам.

Стемнело. Я одним лишь веслом только подправлял ход судёнышка. Течение само его вело. Плыли тихо, таясь... Включил фару. Обычную небольшую фару на аккумуляторе. Держала её Инга. Свет

сторожко шарил по правому берегу. Дея и Байкал встали в стойку охотников, вытянули шеи, всматриваясь вперёд. В чуткой тишине вода едва журчала. А мы в азарте еле себя сдерживали. Ружьё взял наизготовку, потому как заяц мог попасться в любой момент.

Зафарииваешь чаще там, где поваленные сосны. Зверь выходит на берег попить, кору погрызть, полизать песок. В песке соль образуется — минеральная подкормка. Маленькая живность камушки даже глотает, вроде как куры наши во дворе. Кроме зайцев можно зафарить лису, сохатого и, редко, медведя. Ближе к рассвету. Они тоже лижут песок и камушки едят. В свете фары видны отблески глаз... Но эти животные не интересовали меня.

Так вот. Косого фара ослепляет, он встаёт на мгновение как вкопанный. В оцепенении находится: «Что такое?!» В это время и стреляй. Потому как зверь практически беззащитен. Недаром охота такая строго запрещена. Тут можно провести параллель, когда рыбу острожат на свет. Но, вопреки расхожему мнению, она не плывёт на свет, как мотылёк. И не ослепляется светом. Фонарь высвечивает... спящую рыбу. Поэтому беднягу и легко убить острой.

Но вернёмся к зайцам. Гремит выстрел, и Байкал как сумасшедший бросается и плывёт к берегу. И мы причаливаем, когда уже он ждёт с добычей в зубах. Дея же не участвовала в поимке несчастного зайца. Ибо очень не любила воды. Пусть мокнет трудяга Байкал, а она на суше ещё себя не хуже покажет!..

Пять-шесть «убиенных» за время самосплава — обычный «урожай». Вернулись домой с рыбою и мясом... Кстати, косых можно фарить и с мотоцикла. Тут небольшую фару прикрепляешь на голову, к шапке, тоже ночью на малой скорости едешь. Ослеплённый заяц бежит вдоль дороги и не сворачивает. Потому что темнота вокруг для него — как стена... Или же стоит в ступоре и не двигается вообще. Здесь уж профессионально работала Дея. Даже стрелять было не нужно. Ни одного зверя не упускала.

* * *

Теперь о том, как погибла наша лайка.

Честно говоря, рассказывать мне тяжело, ведь с детских лет воспитывал её. Собака любимицей в семье была. И так трагически рассталась с жизнью...

...Под осень я по работе временно уехал в Кызыл-Сыр. В помощники взял с собой жену, а также Дею — для охоты. Детей же и Байкала оставили в Вилюйске, на попечении родителей.

В Кызыл-Сыре жили в частном доме рядом с центром. У меня имелся магазин в посёлке, где требовался небольшой ремонт. Кроме того, требовалось обеспечивать продмаг товарами. А потому я постоянно был в разъездах. С охотой же не получалось, времени всё не хватало.

Дея посему предоставлена была сама себе. Собаки наши всегда свободно бегали у дома. Никто их не неволил; если нужно, только стоило позвать. Вот и в Кызыл-Сыре лайку не привязывали никогда на цепь. И ведь, как назло, течка у бедняжки началась!..

Если течка, отбоя от «голодных» псов не будет. Одним словом, «женихи» местные оказались тут как тут. Во двор проникли, так Дея к ногам Инги жалась. И будто жаловалась ей, что Байкала,

защитника, рядом нет... Потом уже (Инги дома не было) псины закружили кодлой, собачьей своей свадьбой. И увели «невесту» на другую улицу.

Лайка отбивалась, как могла, но куда там! «Озабоченные» лезли друг за другом... Кобели и Дея находились на дороге (люди видели). А якут-то, пьяный, ехал на машине ЗИЛ-157. Отбиваясь, Дея не заметила приближения гробины этой. Метнулась от коблов и... попала прямо под колёса!.. Улица была широкой — ты объедай! Но водиле, видно, было наплевать на всё. Задавил собаку и уехал, падла грёбаная!

А я только-только вернулся из Якутска. И тут соседи сообщают: «Собаку вашу на дороге сбило!» Ударило, как током. Себя не помня, сел в машину и через три минуты был на месте. Вся в пыли, Дея, бедная, ещё дышала. Безжизненное тело; пеленой глаза закрылись... У меня слёзы брызнули из глаз, сердце сжалось от невыносимой горечи. Такая умница, красавица, такая молодая! И какой-то гад всё это сломал, перечеркнул!.. «Кто?!» — спросил у плачущих соседей. Они назвали. Тут же развернулся и поехал к сволочи.

Возле двухэтажки общежития стоял проклятый ЗИЛ. Я закричал, дрожа от ярости: «Ким бар машина?! Ким хозяин?!» Оказывается, якут приехал к корешу. Я на второй этаж взлетел. Нужную дверь нашёл, резко постучал. Открывает пьяный идиот: «Мин хозяин!» Не говоря ни слова, схватил его за шкварник. Поташил к машине. «Стё такое? Стё такое?» — испугался негодяй. Хотя прекрасно понял, из-за чего за ним пришли.

«Садись!.. Жена скажет, что с тобою будет!» — открыл я дверцу. Поехали назад. А собаку Инга и соседи уж перенесли домой... Увидевши виновника, Инга с разворота врезала ему по роже. Еле отташил. «Не виноват, не виноват! — закричал якут. — Ыт сам под масыну бросился!»

Конечно, можно было уйму денег затребовать. Но разве нашу Дею этим вернёшь?!.. Такая уникальная собака! Где теперь найти замену? И что ещё обидно, банальная, нелепая смерть!.. Она, грациозная, ловкая охотница, под какие-то колёса вдруг попала! Ведь машин не боялась. Все люди были друзья... Как я жалел, что не оставил щенков от родной, бесценнейшей лайки!..

А якута пьяного вытолкали к чёрту. Не убивать же гада в конце концов!..

Дею завернули в одеяло и похоронили под берёзкой на окраине. Ком стоял в горле. Еле сдерживались, чтоб не разрыдаться. Ну да что теперь. Судьба, видно, у собаки такая. Да и мы не усмотрели. Пять лет всего прожила... Прощай, Дея! Прощай навсегда...

* * *

Вернулись домой в октябре. Вошли во двор, а Байкал не встречает. Что случилось?.. Мы — к родителям. Те говорят, что уже двое суток нет. Загулял, что ли? Так на него не похоже... Тем более сезон охотничий начался. Поэтому должен ждать меня.

А Инга, кажется, поняла, в чём дело. Прошла в закуток, где будка Деи была. Где собака рожала. А он там забился, лежит не вставая. «Байкал, Байкал!» — позвала. А пёс глаза только потухшие, мутные вверх. В них горечь и жуткая тоска... И гной.

Одним словом, заболел наш Байкал. Чумкой вторично. Видать, тосковал по Дее. Ведь вместе находились всегда. А потом-то почуял, что её больше нет... От горя забарахлила иммунная система. И чумка, проклятая, тут как тут.

От родителей мы переехали в общагу. Байкал уж не вставал. Чувствовалось, жить не хотел. Молча умирал. На тележке отвезли его... На первом этаже огородили коридор. И Инга начала лечить собаку, потому как знала, что нужно для лечения. Стала колоть антибиотиками, таблетки разбавляла. Пёс на уколы даже не реагировал. А они болезненные очень. Понятно, что собака ничего не ела. Воду лишь пила... Но уже через пять дней пёс начал оживать. Немного поел мяса. Я держал его, когда Инга ставила инъекцию. Так Байкал буквально сбросил меня! То есть стал реагировать на боль. «Слава богу, будет жить!» — подумалось тогда. И действительно, собака через 10 дней совсем поправилась.

Но когда ещё наш больной на поправку шёл, случай один приключился. В пять утра разбудил нас с Ингой лай. Не очень громкий, с хрипотцой. Байкал, оказывается, услышал... крики о помощи. Дело в том, что общага на берегу широкой протоки высилась. А пёс-то всем своим видом показывал, что какое-то несчастье приключилось. Подпрыгивал неловко, звал меня, подбегая к двери. Торопил.

Я вышел на крыльцо и слышу: «Спасите! Помогите!!!» Глянул на протоку, а там два якута в воде барахтаются. Точнее, ветка (лодка, очень неустойчивая, но ходкая и лёгкая, типа нашей плоскодонки. — *Прим. авт.*) их перевернулась. Один схватился за неё, а другой за пень плывущий зацепился... Держатся, боятся шевельнуться, потому что плавать не умеют.

А получилось так. Якуты на противоположном берегу охотились на уток. А когда на лодке двинулись, течение-то отнесло от места, где хотели выйти. На льдину наскочили и перевернулись, поскольку плоскодонка очень неустойчивой была. А до берега оставалось 20 метров...

Снаряжение, добыча — всё пошло ко дну. А ведь холодно к тому же было. Якуты в промокших насквозь бушлатах стали замерзать. Им бы сбросить одежду да плыть вперёд!.. Только не способны оказались. Не умеют «дети тундры, леса и воды», увы, элементарного. И это, кстати, почти в массовом порядке. Якуты купаться-то купаются, но плавать не хотят... Отчего? Загадка. Тест мой три года в морфлоте отслужил, а обычной глубины боялся как огня.

На берегу, к счастью, стояли лодки. Отвязав одну, я ринулся скорей спасать тонущих. Байкал пытался в воду прыгнуть — только криком осадил: «Нельзя!» Короче, снял двух горемык, продрогших до костей. Ещё б немного, они бы точно, блин, загибли на фиг. Привёл в общагу, водкой отогрел... А через пару дней якуты ко мне с бутылкою пришли.

В общем, если бы не Байкал, трагедия была бы неминуема.

* * *

После смерти Деи Байкал прожил ещё семь лет. Всё это время смыслом жизни пса были охота и хозяин. Конечно, без «сестры» он чувствовал себя вначале одиноко, сиротливо. Но потом привык охотиться со мной одним.

Время шло. Я вскоре начал понимать, что пёс стареет. Морда поседела, зрение ухудшилось. Да и реакция была уже совсем другой... На три года мы с семьёю уезжали в Питер жить. Байкал остался с тестем (тёща умерла). Естественно, затосковал, загоревал. А когда вернулись, он совсем уж был старик.

Видел я, что пёс наш долго не протянет. Вялая походка, вяло отзывался, больше лежал. Практически не видел. Глаза мутные, и бельма на них появились. Встанет было, лизнёт ладонь — и опять лежать... А потом уж не вставал. Я подошёл, погладил: «Что, Байкал, совсем плохо?» Пёс почти не реагировал... Утром вышел — его во дворе нет. Двинулся по улице и на углу увидел бездыханное тело. Немного до леса он не дотянул. Дома умирать не захотел. Волчий инстинкт...

Подобрал собаку. Положил в машину. И на высоком берегу протоки мы с Ингою пса похоронили... Красивое место — могила под сосною. А умер наш Байкал в один день с Деей. Умер, не оставив потомства, как одинокий волк. Мы пытались когда-то подвести сучку, но бесполезно. Другие самки, кроме Деи, его не интересовали.

Вспоминаю, как по улице Винокурова лайки гордо шествовали рядом. Высокородная «дама» в сопровождении «кавалера»!.. Как вдвоём звали на охоту. Встанут у коляски мотоцикла и заискивающе поглядывают: ну что, поехали?.. А потом оба запрыгивают с радостью в лихую «колесницу»...

Практически бескорыстное служение хозяину, охоте отличало их. Но, возможно, Тимоша (помните?) со своей философией был мудрее, живя лишь для себя?.. Нет, наверное... Сгорая сам — освещаю путь другим. И настоящая собака тем и ценна, что на неё можно положиться. От неспособных жертвовать собой, любить подлинного счастья никогда не будет.

...После смерти Байкала взяли мы щенка крупной породы. Точней, туркменского алабая из питомника Байбахсы. В коробке из-под яиц щенок не помещался... Однако не стал он, в отличие от предшественников, членом семьи. Родственной связи, увы, не получилось. Словом, в очередной переезд оставили алабая в Иркутске для охраны важного объекта.

Были и другие собаки, но заменить Байкала и Дею так никто и не смог.

Николай ГЛУМОВ

ИДИТЕ, ОЛИГАРХИ, ПРОЧЬ!

Чёрный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Александр Блок

* * *

Ночь Рождества двухтысячного года.
Россия. Вьётся ветром белый снег.
Скорбит о Боге русская природа.
Ругает Бога русский человек.

В душе его жестокая мечта
Свирепого семнадцатого года:
Русь написать бы с чистого листа,
Чтоб вся она была в руках народа!

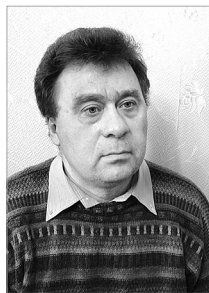
Подходит русский медленно к окну
В смертельной и пленительной истоме
И смотрит на печальную страну
И на огни в соседнем ночью доме.

И смотрит, как идёт пушистый снег,
Как он заносит бывшую Россию.
На всё способен русский человек,
Когда в нём есть мечтания пустые.

ИЗ ГЕЙНЕ

Горит Вселенная у ног.
Громадных звёзд простор
Прекрасен, горестен и строг,
Как скорбный Божий взор.

Средь звёзд есть Сталина звезда.
Пусть пьян я без вина,

Николай Николаевич ГЛУМОВ родился 9 сентября 1957 года в городе Перми. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета (1979). Работал следователем. Трудился на железной дороге начальником почтового вагона. В настоящее время — рабочий. Занимался в литературной студии при Пермской краевой организации Союза писателей России. Публиковался в различных периодических изданиях, в альманахе «Литературная Пермь». Автор поэтических сборников «Городская аркадия» (2006), «Полёт птицы счастья» (2007), «Пролетарский февраль» (2009), «Красная осень» (2012). Член Союза писателей России (2008). Кавалер ордена Ф. Достоевского III степени (2012). Живёт в городе Перми.

Её найду я без труда —
Свечой горит она.

Идите ж к ней, как на беду,
Идите к ней одной!
Звезда горит в моём бреду,
Трепещет надо мной!

Печален путь. Печальна ночь.
Как холодно в ночи!
Идите, олигархи, прочь
На слабый свет свечи.

* * *

Ленин, битый, средь Родины спит.
Успокоился ветер-проказник.
Прикорнувший на лавке пиит
Погружается в собственный праздник.

Ах, какой замечательный сон!
Ах, как славно в прекрасном подпитии
Представлять, что в Инессу влюблён,
Что свершил новой жизни открытие,
Что пред грозным царём не робел,
Что, став первым рабочим мессией,
Принял подлую пулю в удел
И прекрасную смерть за Россию.

...Вплоть до солнечных первых лучей
Он венец бунтаря примеряет,
И бетонною дланью своей
Ленин пьяницу благословляет.

* * *

Завершился так страшно, так странно
Красной библии первый рассказ —
Ни чекистов вокруг, ни наганов,
Но в ракетные шахты есть лаз...

Только пихты вокруг, только ели,
Только звёзды, как россыпь очей...
Только б зубья ракет не взлетели
От улыбки советской моей...

Елена ЗУБКОВА

ТРОПИНКА ДЕТСТВА

КОКТЕБЕЛЬ

Коктебель. Звучит почти как Мекка,
Как благословенный Богом край,
Отзвук в нём Серебряного века,
Для богемы — настоящий рай.

Здесь гудит-шумит толпа людская
И не умолкает ни на миг...
Налетела бы волна такая,
Чтоб вернула месту прежний лик,

Чтобы берег снова стал пустынным,
По нему Волошин бы ходил,
И Эфрон с Цветаевой Мариной
Шёпотом о чём-то говорил,

Чтоб они укрылись в Коктебеле
От судьбы кровавой и лихой,
Чтобы все поэты уцелели,
Обрели волошинский покой...

Не было бы петли в «Англетере»,
Не было б в Елабуге петли,
Если б все собрались в Коктебеле
На клочке волошинской земли.

Вечно бы горели окна дома,
Как маяк для сбившихся с пути,
И на башне силуэт знакомый
Помогал дорогу им найти...

...Но вернуться время вспять не может,
И поверх туристов и бродяг
Смотрит вдаль задумчиво Волошин,
И молчит потухший Кара-Даг.

Елена Михайловна ЗУБКОВА родилась в 1955 году в Перми. В 1976 году окончила филологический факультет Пермского государственного педагогического института. Многие годы её детства связаны с деревней Козловкой на реке Суре в Горьковской области. Почти 30 лет работает в пермской школе № 9 им. А. С. Пушкина. Почётный работник общего образования. Поэзией увлекается с юности, но никогда ранее не предлагала свои стихи для печати. Эта подборка — первая публикация автора в серьёзном литературном издании. Живёт в городе Перми.

ПУШКИНСКИЕ СНЫ

В садах Лицея осень золотая
 Нам навевает пушкинские сны,
 И мраморные девы, засыпая,
 Прошаются до будущей весны.

Шуршит листва. Мы бродим по аллеям.
 Высоки и прозрачны небеса.
 О чём-то мы тоскуем и жалеем,
 Нам слышатся повсюду голоса.

Жанно и Тося, Кюхля, братцы, где вы?
 А вдруг мелькнёт знакомый силуэт?
 А может, у своей печальной девы
 С пером сидит задумчивый поэт?

Грызёт перо, стихи свободно льются,
 Бежит вода, чиста и холодна,
 И строчки эти с нами остаются,
 А дева будет вечно там одна.

Кастальский ключ шумит, не умолкая,
 Плывут по небу тихо облака...
 Журчит струя, журчит, не иссякая,
 Поэт идёт сквозь время, сквозь века.

ТРОПИНКА ДЕТСТВА

Мне снится родная деревня,
 Приземистый старенький дом
 И бабушка в кофточке древней,
 Берёзка под нашим окном.

На солнышке греются кринки
 Которое лето подряд,
 Бегу по знакомой тропинке
 В приветливый дедушкин сад.

Вот бель, вот анис, боровинка —
 Мы знали их наперечёт...
 Всё дальше уходит тропинка,
 В далёкое детство зовёт.

Смотрю с замираньем на фото:
 Под яблоней — наша семья,
 На солнышке шурился кто-то:
 Тамара, Татьяна и я.

А все старики — на погосте,
 Их косточки сгнили давно,

Приходят они ко мне в гости
Во сне в чёрно-белом кино...

Под вечер встречать пароходы
На пристань бежим под откос,
Где катятся сурские воды
И белый плывёт «Альбатрос»!

За Гребнем — знакомый орешник,
Висит на плече кузовок,
Вдали золотится, как прежде,
И манит Майданский песок...

Живёт на Суре моё детство,
Плывёт по теченью ботник,
Для памяти лучшее средство —
Любимой деревни родник!

Александр ЛЕБЕДИНСКИЙ

ПТИЧКА МОЯ, МАМОЧКА... Рассказ

«Петрушечка, голубчик, миленький...» Не знаю, сколько раз повторила мама эти слова, подсыпая волнистому попугайчику пшено, пока он не заговорил её голосом. При этом иногда, вздернув горбатенький клювик, свистяще-шелестяще продолжал её ласковый наговор: «Птичка моя». Словно жалея хозяйку.

Когда я пришёл к ней в больницу, она уже знала, что у неё рак, что операционного стола не миновать, но встретила меня радостно: «Ой, Сашенька-голубчик пришёл, миленький». И я, глядя на неё — маленькую, измученную болью, мысленно продолжил: «Птичка моя...»

Любить и жалеть — это почти одно и то же. Но любить можно за что-то, за то, что добро делают и тебе тепло от заботы и ласки. А жалеть — значит любить самоотречённо, угадывая и предупреждая желания родного человека. Утверждение пьяного Сатина о том, что человека не жалеть, а уважать нужно, никакого отношения к этому высокому чувству не имеет. Поздновато я это понял. Но ведь поэта, написавшего: «В сёлах Рязанщины, в сёлах Смоленщины / Слово “люблю” непривычно для женщины, / Там, бесконечно любя и скорбя, / Женщина скажет: “Жалею тебя”», — мы не проходили, нас заставляли монолог люмпен-пролетария декламировать. Да и мама моя была виновата. Многие годы она скрывала от меня и моего младшего брата «страшную» семейную тайну и все связанные с ней коллизии, которые потом меня ещё больше любить, ещё острее жалеть её заставили: она была... дочерью кулака.

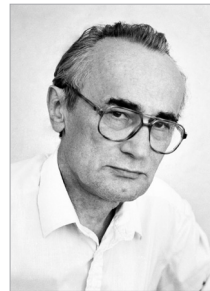
— Ну что, мать! Операцию будем делать, согласие твоё требуется, — радостно возвестил внезапно вошедший в палату розовошёркий доктор.

— Да согласна я, — в тон ему ответила она, — ведь жить-то хочется.

Но ладонь, которую я сжимал, обмякла и похолодела.

Сборы были недолги: тут же появились медсёстры с каталкой, и, поцеловав маму, я увидел в её глазах взметнувшийся вихрь прожитых лет.

...На всех картах России можно найти Мишкино. Очень нужно было заполнить одно из белых пятен Уральского захребетья названием хоть какого-то населённого пункта, вот и впечатали имя железнодорожной станции со скучившимися вокруг неё домишками,

Александр Иванович ЛЕБЕДИНСКИЙ родился 21 июня 1945 года. Окончил Пермский медицинский институт, занимался наукой. Параллельно, сотрудничая с газетами, учился на факультете журналистики Уральского государственного университета. По окончании университета стал работать в сфере журналистики на профессиональной основе. Публикуется в местной и центральной прессе. Живёт в городе Перми.

лишь в конце войны удостоив это непонятное поселение званием рабочего посёлка.

Деревеньку Пестово, что километрах в пяти, лишь на пятиверстовках можно отыскать. В 1931 году эта деревенька, толком ещё не понимая, что такое советская власть, была взбудоражена её приказом о раскулачивании. Нечто вроде колхоза уже существовало, и работал в этом колхозе горемыка-кузнец, мой дед Михаил Евстафьевич Лукиных. Ничего у него не было, кроме жены, пятерых детей, коровы и трёх овец, которых он спас из огня, спалившего его хозяйство. Ютился у родственников, вжимая всю свою человеческую и животную живность в запечные и сарайные углы и с утра до вечера выбивая на наковальне трудодни, чтобы выковать право на жилье. На колхозное собрание в соседнее Введено, где был сельсовет, его из кузницы и привели. Слова «кворум» тогда не знали, но что «все должны быть», как приказ действовало.

Всех собрали и прямо на улице стали разъяснять о раскулачивании. Слушали внимательно, соглашаясь, что «кулачество как класс ликвидировать необходимо», но никак не могли в толк взять, кого же конкретно и как ликвидировать надо. Осенняя сырость замаяла, детишки хныкали, отцов домой тянули, а те всё головы чесали: вроде бы богатых надо раскулачивать, а где они в той же Пестово, богатые?

Тут, как всегда в России, дурачье «выручило» — мужичонка по прозвищу Колька-полоротый:

— Евстафьевича надо раскулачить!

Обалдело честное собрание: как Евстафьевича?! Ведь погорелец! Семь ртов по чужим углам!

— А кто у нас самый богатый?! — взвился Колька-полоротый. — Евстафьевич! Посмотрите, сколько у него трудодней!

Председатель недоношенного колхоза вытащил из-за пазухи замусоленную тетрадку, полистал и нахмурился. Сгрудившиеся за его спиной старики тоже озадачились и, потупя головы, откатнулись.

— Да, Евстафьевич, кроме тебя, некого...

Только через день, когда из Мишкино прибыл милиционер, потребовавший лошадь, чтобы увезти Евстафьевича куда положено, деревня поняла, что значит «раскулачить», и сдавленно застонала, глядя на замесившую грязь телегу, навсегда увозящую кузнеца и его онемевшую жену Евлампию Васильевну, пытающуюся укрыть лоскутными одеялами детей, среди которых была моя ничего не понимающая мама. Лишь Колька-полоротый, суетясь, пытался что-то про справедливость выкрикнуть да тут же захлебнулся под взглядами мрачных мужиков. Через неделю он сгинул неизвестно куда. «С утра, как всегда, по деревне шатался, — неохотно рассказывали мужики, — потом вроде на дороге, по которой увезли Евстафьевича, его видели...»

Впрочем, закрою эту страницу маминой жизни, как закрыл её мой дед, больше никогда не бывавший в Пестово. Хотя и жалко закрывать, ведь пестовские старики до сих пор заывают внуков Михаила Евстафьевича на место, где его дом стоял, посмотреть. До сих пор это место никто не застроил, и в зарослях лебеды и крапивы все ещё проглядываются очертания сгоревшей избы и надворных построек... Немножко помедлив, закрою и страницу о десятилетней ссылке деда.

Сослали его в Александровский район Пермской области. Местом пребывания и трудового перевоспитания определили карьер известняка с его каменоломнями. Карьер этот был обычным рабочим посёлком, и каторжных ужасов там сроду не было. Евлампию Васильевну в разнорабочие определили, старшую дочь Зою к камнедробилке приставили, несовершеннолетних — мою маму, Ваню, Валю и Фаю — в школу направили, а дед вновь у наковальни оказался. Но поначалу трудновато было. Целый состав вынужденных переселенцев высадили за пределами посёлка, в лесу, дали пилы, топоры и велели бараки строить. Пока ели-сосны валили, доски пилили, жили в шалашах да под навесами мёрзли. Лишь глубокой осенью построили бараки и сгрудились, обогревая друг друга душным телесным теплом. Внутренних перегородок не было, семьи отгораживались друг от друга мешками и сундуками. Когда наконец настоящие стены появились, на семейство моего деда из семи человек нечто вроде комнаты в шестнадцать квадратных метров получилось. А вот с едой ещё долго плохо было. Хлеба по карточкам полагалось четыреста граммов на взрослого и двести на несовершеннолетнего. Ели липовую кору, борщевик, который на Урале пиканом называют, даже лишайник и мох потребляли; украдкой мороженую картошку и колоски, оставшиеся на полях после уборки, собирали, за что ловили и давали практически бессрочные сроки. Многих обессиленных болезни выкосили. Дед брюшным тифом переболел, сын Иван еле от сыпного оправился, а моя мама туберкулезом заразилась и получила ревматизм, мучивший её всю жизнь.

Но жизнь потихоньку налаживалась. И медицинская помощь была организована, и зарплату стали выдавать. Через четыре года маме разрешили в соседнюю Березниковскую фельдшерскую школу поступить, и жизнь вообще шикарной стала: и койку в общежитии дали, и кормить начали по-человечески. Вскоре туда же подался и её погодок Иван.

Школу окончили, и органы НКВД, не помешав распределению членов семьи сосланного кулака на работу в окрестные деревеньки, выпустили их из-под своей заботливой длани. А когда война грянула, тут же, игнорируя социальное происхождение, суровое военное ведомство руку на них наложило. Велено было в Пермь явиться, в Красные казармы, где медицинских работников и прочих специалистов по воинским эшелонам растасовывали. Ивана через несколько часов на фронт увезли, а маме моей на другой день отправку определили, и сгинула бы она в мясорубке первых военных недель или, как брат, инвалидом вернулась, если бы не случайность. Уже выстроили их в полной амуниции на плацу, как вдруг лейтенанту, сделавшему перекличку, какую-то бумагу принесли. Прочтя её, снова начал перекличку и, остановившись на пятнадцатой фамилии, скомандовал:

— Выйти из строя. В связи с недоукомплектованностью эвакогоспиталей остаётся в казармах. Предписания получите через час.

Мама в этом оглашённом навскидку списке была пятнадцатой.

Машина войны разворачивалась стремительно, тыловые эвакуационные госпитали начали формироваться с первых дней, вот и подоспела срочная заявка на медработников, лишившая маму возможности кровью искупить кулацкую вину своего семейства...

Не стану описывать трудности, которые она тем не менее испытала, не буду рассказывать, как за пятиминутное опоздание на работу отправляли в места не столь отдалённые, потому что всё это вскоре и навсегда вытеснила любовь к моему отцу, раненному на Волховском фронте пехотному капитану Ивану Васильевичу Лебединскому.

...Через сутки уставшая, но возбуждённая надеждой, что всё обошлось, мама вновь встретила меня той же фразой: «Ой, Сашенька-голубчик пришёл, миленький», только голос её приохрип — два часа через трубу, вставленную в горло, сухим наркотическим газом дышала.

Вслед за мной в палату вторгся радостный доктор:

— Ну, мать, хватит лежать, сидеть надо, у меня все после операции через день ходить начинают.

Вместе с ним усадили её, и она, виновато улыбаясь, стала успокаивать:

— Ты же знаешь, я сильная, отца твоего чуть не на руках в перевязочную носила.

Она и раньше рассказывала историю знакомства с отцом, и, побывав в школе, где в годы войны был развернут эвакогоспиталь, я через десятилетия видел её, согнувшуюся под тяжестью отца, волочившего покалеченную разрывной пулей ногу.

По извечным канонам эта любовь замесалась на женской жалости. Судьбы семей были схожи, но если мамыны братья-сёстры всё-таки выжили, то папины поумирали, не достигнув совершеннолетия, а то и вовсе в младенчестве. Последний умер во время поволжского голода в четырёхмесячном возрасте, по словам обезумевшей бабушки, от крика петуха. Отошал, легче пушинки стал. Петух у соседей загорланил — он вострепнулся и помер. Вслед за ним и дед, вернувшийся из немецкого плена, от голода концы отдал. Из восьми детей выжили лишь мой будущий отец и одна из старших сестёр, которая пошла с ним по соседним деревням с протянутой рукой. Ей было четырнадцать, ему — три годика («Бедный, бедный Ванечка...»).

Утрясающаяся советская власть худо-бедно вытянула их из безнадёжности и даже образование дала, за что отец был благодарен и с радостью поступил на краткосрочные командирские курсы, чтобы защищать её завоевания.

Рассказываю об этом, глядя на фотографии. Вот он на снимке выпускников своей школы. Одни сидят, другие стоят за сидящими. Все — из выживших во время голода. Фотограф заставил отца лечь перед ними, низкорослыми, чтобы не выпирался ни в переднем, ни в заднем ряду, а рост у него, кажущегося на этой фотографии Гулливером, всего метр семьдесят два. И лежит он со школьной балалайкой, на которой мечтал научиться играть... Вот он, возмужавший, с капитанскими кубарями. А вот уже не на фотографии, а на карандашном рисунке соседа по госпитальной палате.

Только что известный хирург Александр Петрович Соколов сказал ему, что протезы сейчас такие делают, что на них даже танцевать можно, и вышел, чтобы дать распоряжения об операции. Отец уже мысленно примеряет протез к будущей культе, не зная, что в эти минуты медсестра, таскавшая его в перевязочную, бросилась доктору в колени: «Александр Петрович, пожалейте его!»

Лишь через четверть века он узнал про бессонные ночи, о которых ставший уже профессором Александр Петрович Соколов поведал мне. Взволнованный горем молодой фельдшерицы доктор искал и нашёл-таки в научных журналах способ отказаться от ампутации. Но про мамину роль в своей судьбе отец услышал от него самого, тронутого её неожиданной для того конвейера трагедий жалостью: «Вы, молодой человек, не меня — её благодарите».

...Ощупывая фрукты, которые я принес, забыв, что ей ничего ещё нельзя, она устало прошептала:

— Помнишь, я рассказывала, как мы с твоим отцом на «Лебединое озеро» ходили. Вернулись домой взволнованные, в ушах ещё музыка не утихла, и вдруг вижу: Ванечка костыли к стене приспособить не может. Руки дрожат, пот на лбу — бисером.

— Зиночка, мы ведь сегодня ничего не ели...

Я туда-сюда, только луковицу нашла. Разрезали её на две части, съели, заливая водой, и заснули, убаюкиваемые Чайковским.

Помню, мамочка, помню. Я до сих пор не могу без слёз Чайковского слушать. Помню всё, что слышал от тебя. Как чудом удалось спастись от бандеровских пуль, изрешетивших ваш дом на Украине, куда партия направила инвалида-отца восстанавливать советскую власть. Как не удалось найти сытную жизнь на его родине — вечно голодавшем Поволжье. Как, вернувшись уже со мной, годовалым, в случайную для вас Пермь, отец написал члену политбюро Маленкову, с которым нечаянно познакомился на фронте: «Помогите. Живу в полуподвальной комнате с женой, сыном и матерью, которую вывез из разрушенного Сталинграда. Жена второго ребенка ждёт...» Папа рассказывал мне, как после этого приехала за ним чёрная машина. Слава богу, не воронок, но так часто тогда увозили на чёрных машинах в никуда, что он, словно на долгие годы, попросался с тобой и меня, прижав к груди, всё никак отпустить не мог.

Через полчаса его ввели в кабинет большого партийного начальника.

— Вы писали товарищу Маленкову? — выдержав долгую паузу, спросил тот.

— Писал, — качаясь на костылях, обречённо сознался отец.

— Почему через нашу голову? Устава партии не знаете! Так вот... получен ответ. Садитесь в машину с товарищем (имярек) и осмотрите квартиру, которую мы вам определили.

Товарищ привёз отца на улицу Плеханова, торжественно ввёл в дом барачного типа и, широко улыбаясь, поздравил:

— Смотрите, какая уютная квартирка, две комнаты — ваши, а соседи — милейшие люди.

Через год его посадили за злоупотребления, и в ходе следствия выяснилось, что по распоряжению Маленкова обком выделил отцу отдельную полногабаритную благоустроенную квартиру в Доме чекистов, что на улице Сибирской, а тот рассудил, что инвалид и бараку рад будет...

Но как бы там ни было, жизнь на поправку пошла. Я, мама, и полуподвал, в котором отсыревшую штукатурку отковыривал, помню, и солнечный свет, встретивший нас в сухих, пахнувших не мокрой извёсткой, а улежавшейся сосной комнатках, помню. Этот запах

сливался с ароматом сирени, которую вы с отцом посадили под окнами, и не было в нашем новом доме никого счастливее нас.

Отец заочно университет окончил, затем — высшую партийную школу. Шляпу купил, шикарный плащ, ортопедические ботинки справил и, сменив костыли на тросточку, несмотря на то что женитьба его была классово подозрительной, устроился инструктором в Ленинский райком партии — шутка ли, сам Маленков за него ходатайствовал!

Но, увы, когда Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова выперли из партии, и отца из райкома убрали, направив его на должность секретаря парткома Пермского домостроительного комбината. Но так деликатно, что мы даже за счастье сочли.

В посёлке этого расположенного в окраинном районе комбината нам хорошее по тем временам жильё дали. Поскольку отец стал частью районной элиты, маму старшей медсестрой поликлиники назначили. Постепенно и я, прослывший в прежней школе хулиганом, в отличники выбился, и братишка стал на хорошем счету числиться.

О, какое великолепное время было! Как я жадно учился, занимаясь спортом, литературой, музыкой! Партия как раз внесла в свою программу тезис о необходимости гармоничного развития личности, очень вовремя подсказав, что у меня есть все возможности и я просто обязан добиться большего, чем родители. Если отец о балалайке мечтал, то я на скрипке играть выучился, если мама фельдшерскую школу окончила, то я в мединститут поступил, и это благословлённое папой и мамой, ещё полными сил и с радостью отдающими их детям, соревнование продолжалось многие годы. Две их жизни кипели во мне, заставляя делать всё, как они, только больше, больше и больше. И дипломов я получил больше них, и трудностей испытывал... Нет, не больше. Бог разливает страдания одним половником: и те, у кого ши пусты, и те, у кого жемчуг мелок, плачут одними слезами. Мало того, полюбив родителей, он меня по-своему шадить стал. Даже наградив таким же ранением, как у отца, в то же самое место левой ноги, он оберёг бедренный нерв, который профессор Соколов восстановил отцу с помощью трансплантата, взятого у скончавшегося соседа по палате. И всё же настала минута, когда в ответ на какое-то житейское поучение я обнял маму и сказал то же, что она говорила мне в детстве: «Поживи с моё, родная...» И она поняла, и появилось в её материнской любви что-то беззащитное.

Шёл день за днём, а она на ноги всё не вставала. Её жалобное «Ой, Сашенька-голубчик пришёл...» давило сердце ощущением неотвратимой беды, и настало утро, когда, поднявшись с подушки, она только ложечку творога проглотила.

— Ах, как мы мало прожили, — всплакнула она.

Но прожили счастливо. Пока всезнающая партия, несмотря на мамино молчание о кулацком прошлом, вдруг, содрогнувшись в ходе очередной чистки своих рядов, не перебросила отца на профсоюзную работу, где его хватил первый инсульт. Я к тому времени уже окончил мединститут, и, вопреки пессимистическим прогнозам врачей, мы с мамой заново научили его говорить, писать, ходить без посторонней помощи. Через три года — второй инсульт, и снова мамина любовь и её самоотверженность вернули отца к жизни. Он семижильным был, шутка ли — выжить, когда братья-сёстры от крика петуха умирали.

Вновь научился ходить, говорить, писать, только без мамы, без Зиночки своей, на улицу уже выйти не мог. И год за годом водила она его на прогулки, пытаясь создать ощущение нормальной жизни, и долго верил он, что болезнь пройдёт, и всё спрашивал меня: «Когда я снова смогу работать?» Как-то он не сумел на подножку трамвая подняться и упал вместе с мамой возле тронувшихся колёс. Сильно расшибся, и, когда мама («Ты же знаешь, я сильная...») повела его домой в порядок приводить, по щеке его сбежала слеза, чуть не убившая её. Больше он не спрашивал, когда снова сможет работать...

Через пять лет — третий инсульт. Это был конец, жизни оставалось — считанные дни. Когда последний день был на излёте, я, будучи в командировке, пересеживался в Кунгуре на автобус, идущий в Березовку. Уже на подножке услышал своё имя, оглянулся — никого. И снова: «Саша!!!» Вздвогнув, сошёл на платформу, махнул водителю: поезжай! — и схватился за внезапно отяжелевшую, разламывающуюся от боли голову. Не сознавая, что делаю, сунулся в какую-то машину, домчался до Перми и успел к последним минутам отца. Прерывистое дыхание уже не давало ему говорить, но, шевельнув рукой в сторону метавшейся по комнате мамы, он всё же произнес: «Зи-и-ночка...» — и уже не словами — одними губами добавил: «Береги...»

Закрыв его глаза, я лихорадочно засуетился вокруг осевшей мамочки и, что-то крича, вколол ей огромную дозу кордиамин. Когда её лицо порозовело, она прошептала: «Ну что ты? Ты же знаешь, я сильная...» И какое там «береги», она сама ещё четверть века берегла нас, стараясь ободрить, а то и подкормить. Экономя на всём, одаривала детей и внуков по праздникам. И я, и мой брат редко когда сами себе одежду справляли...

В последний, ужасный день, подойдя к больничному подъезду, я вздрогнул, услышав потусторонний голос: «Молодой человек, позвольте прикурить». Обернулся — на лавочке женщина, закутанная в чёрный балахон. Без лица, вместо глаз — засасывающая пропасть. Как под гипнозом, приблизился — трупный запах и рой сине-зелёных мух. Одной затяжкой прикурила и вместе с дымом выдохнула: «Ну, всё...»

Вахтер-охранник, видя, что я пошатнулся, успокаивающе сказал: «Бомжиха. Больные её прикармливают, вот она под окнами и отирается». А из чёрной бездны вновь прозвучало: «Всё...»

Мама не спала всю ночь — боль мучила. Дремавший в ординаторской дежурный врач не разрешил наркотиками помочь — не дай бог, пристрастится. Я полгорода объездил, деньги привёз, запретный морфий раздобыл, но лечащий врач просто спрятался, и мне оставалось лишь успокаивать мамочку: это пройдёт, не волнуйся.

К вечеру её свозили на рентген, обнаружили полный парез кишечника. Опытнейший хирург Черкасова Екатерина Аристарховна, случаем оказавшаяся на этом ночном дежурстве, просмотрела рентгенограммы и деликатно выматерила своих коллег: «Работнички...» Мне же сказала: «Я пошла мыться, скажите маме, что без повторной операции не обойтись, что это хоть какой-то, но шанс».

Я знал, что этот шанс ничтожен, но, надеясь на чудо, дрожащими руками стал набирать номера знакомых профессоров. Многих напугал своим отчаянием, и они стали прорываться между моими звонками со словами участия, которые я обрывал, стараясь успеть, пока не сел

аккумулятор, дозвониться до кого-то всемогущего. Наконец, шатаясь, вышел на лестничную клетку, закурил сигарету, вторую, третью, пытаюсь хотя бы оттянуть время до роковой минуты, когда должен огласить приговор. О, какая это пытка — знать и не иметь возможности ничего изменить! С высоты четвёртого этажа вдруг увидел чёрную женщину, ту самую, что просила прикурить. Она лежала в кустах, и, то ли брезгуя, то ли боясь, в метре от неё сидели на корточках девушки в медицинской форме. Одна из них, потянувшись, пощупала пульс, потом обе встали и, оглядываясь, пошли к машине скорой помощи. Машина уехала. Чёрное безмолвие осталось под окнами...

Мама и без меня уже все поняла.

— Ну, что будем делать? — встретила она меня вопросом, в котором эхом просквозило: всё... Ответа не требовалось, но я бессвязно начал говорить про какой-то шанс. Она молчала. Потом попросила прибрать её. Стараясь не задевать страшный шов на животе, обтёр лосьоном, укрыл простынкой и, испеловав лицо, руки, стал причёсывать. Станным образом её седые волосы вдруг вспенились роскошью счастливых лет, я чуть не задохнулся от безумной надежды, но в этот момент в палату вошли медсёстры в операционных костюмах, споро переложили маму на каталку, и я побежал вслед за ними, пытаюсь ещё и ещё коснуться её, исчезающей в вечности.

...Поминки были в маминной квартире. Завешанные зеркала тянули к себе: казалось — откинешь ткань, и проступит лицо, осиянное нимбом пышных волос. Впрочем, каждая занавесочка, каждая вещь, тысячекратно выстиранная, вымытая маминими руками, хранили частицу её заботливой души. И волнистый попугайчик, копошась в клетке, явно высматривал среди печальных людей, рассаживающихся вокруг длинного стола, свою добрую хозяйку. «Петрушечка, Петрушечка», — щебетал он, чтобы, услышав, вспомнила о нём, истосковавшемся во время её отсутствия, и склонилась над клеткой, излучая тепло.

Как старший сын я встал у портрета мамы и, начав говорить о её самоотверженной любви к отцу и к нам, её детям и внукам, сбился на трагедию последних дней, стал рассказывать, как она встречала меня в больничной палате:

— Каждый раз одинаково, поскольку отточенные временем чувства мамы были неподвластны переменам настроения. Спала ли она или боролась с болью, но, как только я открывал дверь, приподнималась, озарялась радостью и окатывала меня волной нежности: «Ой, Сашенька-голубчик пришёл...»

Тут спазм перехватил моё горло, и в сочувственной тишине Петрушечка тихим маминим голосом продолжил: «...миленький».

— Мама!!!

— ...птичка моя...

— Мам-ма!!!

— ...голубчик... миленький...

Михаил ДАВИДОВ

УТРЕННИЙ ПОЕЗД

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Милая мама, я помню
 Нежные руки твои,
 Как ты меня пеленала,
 В зыбке качала в ночи.

Часто тепло вспоминаю
 Чёрные кудри твои,
 Голос чудесный и тонкий,
 Песней плывущий в тиши.

Где-то вдали, умиляя,
 Звуки гармошки лились.
 Звёзды на небе, сияя,
 Метили чёрную высь.

Добрая, милая мама
 Тихо качала дитя.
 И на ребёнка упала
 Светлой печали слеза.

Маме взгрустнулось о чём-то,
 Горькие мысли пришли.
 Словно предчувствуя сердцем,
 Что её ждёт впереди.

Было у мамы три сына.
 Трудно нам было прожить...
 Маме на хрупкие плечи
 Ношу пришлось ту взвалить.

Годы стрелою промчались.
 Выросли мы, сыновья,
 И по земле разбежались...
 Мама осталась одна.

Михаил Иванович ДАВИДОВ родился в 1954 году в Ординском районе Молотовской области/ Пермский край. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1977). Работал врачом военно-строительного отряда космодрома Байконур, хирургом, урологом. В настоящее время — доцент Пермской государственной медицинской академии. Кандидат медицинских наук. Около 40 лет изучает историю отечественной литературы. Публиковался в различных журналах. Имя М. И. Давидова было включено в Биографическую энциклопедию «Who is Who в России» (2010). Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России (2015). Живёт в городе Перми.

Мама седая тоскует,
Видит детей в сладких снах,
Часто о нас вспоминает —
Славных своих малышей.

Мы, разлетевшись по миру,
Жён подыскали себе,
Бросились делать карьеру.
Только нет счастья в судьбе.

Крутимся в жизни без Бога,
Сеем одну суету,
Хвастаем, ссоримся, спорим,
Пьём, проклиная судьбу.

Маму забыли, увязнув
В суетной жизни мирской...
Грустно и больно мне стало,
Сердце вдруг сжало тоской.

В путь я отправлюсь далёкий!
Только наступит рассвет —
Выпрошу в кассе вокзальной
В детство счастливый билет.

Сяду на утренний поезд,
Буду на полке лежать
И под колёсные ритмы
Маму свою вспоминать.

Вот он, из милого детства
Старый тюменский перрон.
Добрая мама протянет
Руки под радости стон.

Сердце забьётся, как птица,
Сразу отгадет душа.
Бережно маму обнимешь,
Пряча глаза от стыда.

...Помните, дети! Из дома
Бросившись мир покорять,
Вы не имеете права
Мам без любви оставлять!

НАД ОБЛАКАМИ

Эта ночь стала грёзами счастья,
Воскресением нашей любви
И забвением гроз и ненастья,
Исполнением сладкой мечты.

Как глаза твои счастьем сияют,
Как огнём полыхают любви.
В облаках наши души витают,
Воспарив к ним на крыльях весны.

Мы парим над чудесной планетой.
Утонули друг в друге тела.
Пролетаем ярчайшей кометой,
И снопами искрися огня.

Обними меня, милая, крепче
И в прекрасную даль позови.
Ничего нет на свете сильнее
И светлее, чем чувство любви!

Наталья ГУМЕРОВА

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

ОСЕННЕЕ...

Эй... Осень! Слышишь? Как могла ты
 Так поступить с моей любовью?..
 ... Бросала бронзовые латы
 Под ноги мне и к изголовью.
 Вселяла мысли огневые:
 «Люби, поддайся искушенью!»
 Но ветры северные выли:
 «Не верь безумному внушенью...»
 Да как же можно не поверить
 Твоим рябиновым закатам?
 Учтиво открывала двери
 В лесов янтарные пенаты,
 Влюбленных прятала умело
 Под травянистой кроной сосен...
 А нынче словно заболела:
 Заныла, поседела Осень.
 Не приглашаешь на свиданья,
 Слезами падаешь на плечи...
 Лист на ладонь — что подаянье...
 Пора?
 Иди. Иди...
 До встречи?..

УРАЛОЧКА

Ах, сколько на древнем Урале,
 Девичьих простых голосов.
 Взрастили их камские дали
 И зелень столетних лесов...

Взлелеяли вешние росы
 И чистые взоры прудов,
 Медовые травы покоса,
 Цветастые платья садов.

Наталья ГУМЕРОВА родилась 30 января 1973 года. Окончила строительный факультет Пермского государственного технического университета (1994) по специальности «Инженер». Работала в управлении «Подземметаллзащита». Занимается ДПИ: мастер-кукольник. Занималась в литературной студии «Тропа» при Дворце детского (юношеского) творчества города Перми. Лауреат нескольких поэтических конкурсов, в т. ч. Пермского краевого — им. А. Решетова (2011). Публиковалась в различных сборниках и альманахах, в т. ч. «Литературная Пермь». Автор поэтических сборников «Когда приходит вдохновение» (2006), «Я нарисую бесконечность» (2008). Живёт в городе Перми.

Не в городе пыльном и гулком
 Девчонку такую найдёшь.
 Бежит деревенским проулком,
 Ладони подставив под дождь...

И так ей привольно босою...
 Стройна, словно юная ель.
 Девчоночка с русой косою,
 Кровинка уральских земель...

БЕРЕГИТЕ ЛЮБОВЬ

Берегите любовь от обидного слова,
 Что сорвётся случайно с ранимой души.
 Потеряешь её — не воротится снова.
 Улетит — не догонишь, пиши не пиши...

Берегите любовь от пустых пересудов,
 От немыслимых сплетен и злых языков.
 Очень просто порой не увидеть Иуду,
 Что продаст за копейку и будет таков...

Берегите любовь от дурного совета,
 Лучше вас вам никто не расскажет о ней.
 Если вечером ссора, дождитесь рассвета,
 Мудрым утром любая обида видней...

Говорят, всё на свете непрочно и бrenно,
 Всё проходит: удача, потеря и боль...
 Берегите любовь, и она непременно
 В вашей жизни исполнит заглавную роль.

* * *

Когда ты уснешь, обещаю быть рядом —
 Дыханием ночи, звездой вдалеке,
 Ласкать ветерком непослушные пряди
 И лунным мерцаньем скользить по щеке.

А утром рассветным, лишь солнце очнётся,
 Зайчонком спящим на веки прильну,
 И радугой красок душа разольётся,
 Ты встретишь меня, как встречают весну.

И всё повторится: закаты, рассветы,
 Цветенье черёмух, волнение трав.
 Беспечно нырнём в босоное лето,
 Всю тайную сущность природы познав.

Да! Всё повторится. Всё будет сначала.
 Как будто и не было этих веков,
 Веков не вдвоём. И опять у причала
 Забросит свой якорь святая любовь.

В ПЯТИ МИНУТАХ ОТ ЛЮБВИ

Наверно, мне это приснилось...
 Крик чаек, Волга, теплоход,
 И волны весело бесились,
 Бросаясь брызгами на борт.
 Текла река в закатном свете,
 Общались взоры визави,
 Нас будоражил встречный ветер
 В пяти минутах от любви.

За горизонтом исчезали
 Поля, деревни, города...
 Вы что-то взглядом мне шептали,
 А я в ответ шептала «да...».
 Нас уносили в бесконечность
 Шатёр небес и бездна вод.
 Бытья былая быстротечность
 Остановила прежний ход.

Забылись споры и волненья,
 Дела, сомнений миражи.
 С великой силой притяженья
 Душа тянулась до души...
 Подобно чайке, сердце билось.
 Казалось — только позови...
 И всё же я остановилась
 В пяти минутах от любви...

А ПРОСТО — УХОДИТ ЛЕТО...

А просто — уходит лето...
 А просто — стучится осень.
 А просто — душа раздета,
 И ветер её уносит.
 Уносит и треплет грубо,
 Как листья рябины горькой...
 И вяза сухие губы
 Шуршат за оконной створкой...
 Да клёны шумят уныло,
 Как будто о чём-то плачут.
 Здесь — в городе — всё не мило...
 Забыться — и прочь, на дачу,
 В чистилище бани жаркой,
 Где с тела согнать усталость.

Испив травяной заварки,
 Вкусить ароматов сладость.
 А после войти в истому
 Девичьей наивной грёзы.
 И, глядя в небесный омут,
 Считать вековые звёзды...

...А просто — уходит лето...

* * *

Если ты, как никто, одинок,
 Если сил ни на что не осталось,
 Не спеши нажимать на курок —
 Может быть, это только усталость?..

Потревожит слегка и пройдёт.
 Крыша есть, есть еда и одежда...
 На земле выживает лишь тот,
 Кто лелеет на сердце надежду.

Будь собой, даже если нельзя
 От беды черноокой укрыться.
 Лишь в беде познаются друзья,
 Лишь бедой обнажаются лица.

И не спрашивай, кто виноват?..
 Будет время — отыщешь ответы.
 Так росток, пробивая асфальт,
 Всей душой устремляется к свету.

УКРАИНА

Что ж ты, гарна Украина...
 Что потупила глаза?
 Иль не радуют руины
 Да сожжённые леса?
 Или стыдно на детишек
 Искалеченных взглянуть,
 Что от грохота и вспышек
 Неспособны глаз сомкнуть?
 Посмотри: народ страдает,
 Бедность, страх и голытьба.
 Брат на брата нападает,
 Всюду взрывы и стрельба.
 Что бандеровская свора
 Сотворила со страной?
 Попирая Божье слово,
 Побраталась с сатаной...
 Не за истинную веру,

Не во славу ратных дел.
 Ради янки? Ради евро
 Этот злостный беспредел?
 И в Донецке, и в Луганске —
 Трупы, трупы, кровь рекой...
 Ловко клан американский
 Водит киевской рукой.

СОЛНЦЕ

На фотографии, на фоне
 Закатной розовой реки,
 Держу я солнце на ладони,
 И свет струится из руки...

И если очень приглядеться,
 В том свете можно угадать
 Большое огненное сердце,
 В чьей воле сжечь и сострадать...

В его закатах и рассветах —
 И возрождение, и смерть.
 Не в том ли миссия поэта —
 В стихах восстать и умереть?

Подобно глупому Икару,
 Погибнуть к Солнцу на пути.
 Но не пропасть в огне пожара,
 А в строчках вечность обрести...

СОН

Мерцали свечи в душном зале...
 Меня Вы за руку вели,
 И блики света лобызали
 Портрет роскошной Натали.
 Не ощущая притяженья
 Я, словно бабочка, легка,
 Свершала плавные движенья,
 Вдыхая нотки табака.
 А Вы, такой невозмутимый,
 Едва шептали в тишине,
 Что я желанна и любима,
 Как эта звёздочка в окне...
 Рассветный луч упал на платье,
 И всё исчезло в полутьме:
 И он, и зала, и объятия...
 Неужто всё приснилось мне?

ОЖИДАНИЕ

Ещё неделя безвозвратно.
 Уходят дни... То чёт, то нечет.
 Звала. Звала неоднократно,
 Украдкой зажигая свечи...
 Смотря на огненное пламя,
 Что в завитках его искала?
 Ждала. Ждала любви упрямо,
 Не веря в то, что потеряла...

Мне без его любви на свете
 Мир не цветной, а чёрно-белый.
 Не подчинюсь. И встречи этой
 Я подожду ещё неделю...

Я подожду. И всё вернётся.
 Вернётся, что казалось прошлым.
 И вновь по венам разольётся
 Огонь любви потоком мощным.
 Вернётся всё: и поцелуи,
 И запоздалые объятия...
 Шепну Вселенной: «Аллилуйя
 За то, что научилась ждать я...»

ПОСЛЕДНИЙ АВГУСТОВСКИЙ
ДЕНЬ...

Последний августовский день.
 Прощальный вдох ушедшей ночи.
 И луч, упавший на плетень,
 Задорно, весело хохочет...

Рассвет всё ярче, всё ясней.
 Поля как будто на картине.
 И, словно рыбка на блесне,
 Повис паук на паутине.

А сколько красок и тонов...
 Какой невидимый искусник
 Палитрой радужных мазков
 Покрыл умело каждый кустик.

В преддверье осени густой
 Перемешались краски лета.
 Природа блещет красотой
 Для вдохновения поэта...

* * *

На Урале нынче лето
Не расщедрилось теплом:
Нивы проседью задеты,
Травы мокнут под дождём.

Вместо жаркого июля —
Непогода октября.
В серых тучах затонула
Ясноглазая заря.

Но за плотной пеленою,
Где начало облаков,
Разливается, как море,
Небо цвета васильков.

Где-то там, в преддверье рая,
Ангел с удочкой шалит:
Блики солнца вынимает,
А дождям — упасть велит.

Дескать, злее стали люди,
Затуманились душой.
Непогода их рассудит,
Будет встряской небольшой...

* * *

Чай остывал в пузатой кружке,
В душе дух творчества парил...
О вдохновенье!.. Уж не Пушкин
Со мной той ночью говорил?..

* * *

Мне нужен ветер перемен,
Чтоб все невзгоды и напасти
Унёс с собой, неся взамен
Восторг и радужное счастье.

Чтоб с этим счастьем в тот же миг
Вся жизнь моя переменилась.
И из груди сорвался крик:
«Спасибо, Боже! Я влюбилась...»

Илья ДОМНИН

ДАВЛЕНИЕ НЕВАЖНОЕ. Рассказы**ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ**

Сегодня первое апреля. Особенное желание разыграть кого-то с утра терзает душу.

По роду работы я получаю расшифровки междугородных телефонных переговоров у себя в конторе. То есть кто, когда и в какой город звонил. Корпоративное требование: чтобы исключить излишние затраты, у нас в конторе был выпущен приказ за номером шестьдесят пять, который запрещает междугородные звонки в личных целях. Записи о деловых звонках заносятся в журнал. Контроль возложен на службу связи, то есть на меня.

Я достал расшифровки с телефона Лены — системного администратора, исправил Суксун на Сингапур и распечатал.

Хохотушка Лена на своём рабочем месте подпиливала ногти.

— Лена. У тебя есть родственники в Сингапуре? — очень серьёзно спросил я.

Она чуть не свалилась со стула от смеха.

— Или поклонники?

Смех трансформировался в истерику.

— А почему, собственно, интересуетесь?

— С твоего телефона зафиксирован звонок в Сингапур. Двадцать пятого марта в пятнадцать сорок шесть. Длительностью четыре минуты. Вот расшифровка.

Улыбка сползла с её лица.

К диалогу стали прислушиваться сослуживцы.

— Я никуда не звонила.

— Лена, ты же знаешь требования приказа номер шестьдесят пять. Где журнал? Там нет твоего звонка! Как так?

— Я в никакие «сингапуры» не звонила... — раздражённо протянула Лена.

— Может, кто-то в твоё отсутствие воспользовался телефоном?

— Я постоянно нахожусь на рабочем месте. Никто не звонил! — сквозь зубы выдавила Лена. — Кто тебе впарил эту туфту?

— Не впарил, а предоставила... Наталья из бухгалтерии.

Рука Лены тут же упала на телефонную трубку, и она стала судорожно набирать номер бухгалтерии. Я понял, что пора спасать непричастных, и положил свою руку поверх.

Илья Алексеевич ДОМНИН родился в 1959 году в городе Перми. Окончил физический факультет Пермского государственного университета (1981). Трудовую деятельность начал на пермском заводе «Телта». Увлекается охотой. Творческой деятельностью начал заниматься с 2011 года. Работает в различных жанрах прозы. Публиковался в «Российской охотничьей газете». Живёт в городе Перми.

— Лена! Какое сегодня число?

У меня было ровно пять секунд, чтобы ретироваться... Вслед за мной в дверь полетели папка, степлер, карандаши — под истеричный смех сквозь сухие слёзы:

— Убью!

На сегодня тропа в её кабинет мне была заказана.

ПЯТЬ ПАР ЯИЦ

Было это в тот самый год, когда тридцать первое декабря было обычным рабочим днём.

Праздновать приближение Нового года начали, естественно, с обеда...

Шумное застолье заполонило самую большую комнату нашего управления. Стол ломился от закусок и выпивки, благо гастроном был ниже этажом. Коллектив у нас спянный и споенный. Розыгрыши, танцы, тосты — словом, застолье удалось!

Ближе к шести вечера, заполировав коньячок «Мономахом», мы стали собираться по домам. Я позвонил домой и поинтересовался, что прикупить ещё к столу. «Купи яйца», — повелела жена.

Будучи уже изрядно навеселе, я зашёл в магазин «Птица». Кроме молоденькой девчушки за прилавком, в магазине никого не было. Ничего удивительного: пипл давно крошит сборный салат в хрустальную посуду и протирает рюмки. И я решил блеснуть интеллектом!

— Дайте мне, пж-жал-с-ста, пять пар яиц, — очень серьёзно произнёс я и прочертил рукой какой-то зигзаг перед собой.

Девчушка наморщила лоб.

— Пятьдесят, что ли? — несмело спросила она после минутной паузы.

— Будьте любезны, — настаивал я, — пять пар яиц!

— А это сколько? — развела руками продавщица.

Прикол удался! В душе ликуя, я с трудом сдерживал края рта от улыбки. Девчушка настолько молода, что яйцо парами ещё не считает!

— Пжалста, дайте одну стандартную упаковку, — выдавил я из себя и с покупкой удалился.

...Похоже, она так ничего и не поняла.

ПРОТИРКА ОПТИЧЕСКИХ ОСЕЙ

Гости вчера — или сегодня? — разошлись за полночь. Чем хорош понедельник? Он хорош только тем, что позволяет критически оценить своё вчерашнее состояние. Итак: голова не на месте, глаза не хотят открываться полностью — весь организм протестует против раннего отрыва от подушки; последняя рюмочка была лишней...

Я вышел из своего КБ в коридор и осторожно проскользнул в проём противоположной двери, на которой красовалась вывеска «Магнитная лаборатория».

Запах свежемолотого кофе ударил в нос. Хозяйка сектора, фигуристая хохотушка Светка, — моя однокашница по альма-матер. Мы — физики университетского выпуска. Только разных годов.

Светка гордо восседает между аналитическим столом с кучей приборов и увесистыми установками для намагничивания:

— Плохо выглядишь, дружок! Что, весело вчера было?

— Угу... Светка! Только ты можешь стать мне эскулапом сегодня. У вас в центральной заводской лаборатории спирт выдают на хозяйнуды. Сходи, пожалуйста! Всего сто грамм, и я вынесу свой трупный запах из твоего сектора!

— Так по записи же дают-то! Мне надо будет что-то правдоподобное в журнале записать...

— Умоляю, сходи! А что в журнале записать — придумаем. Я пока кофе тебе заварю, — заискивающе промямлил я.

— Ну... уболтал, чертяка! Жди.

Десять минут показались мне вечностью. Кружка с заваренным кофе на столе Светки медленно отдавала клубы пара в пронизанное теслами и веберами (единицы измерения магнитной индукции. — *Прим. авт.*) лабораторное пространство.

Наконец дверь скрипнула, и Светка явилась на пороге с журналом под мышкой и колбой Бунзена, наполненной живительной влагой.

Разбавление напитка много времени не заняло. Светка великодушно пожертвовала мне часть кофе...

Глаза стали открываться...

Похорошело...

— Таки что мы запишем в журнал? — вопрошала хозяйка сектора.

— Пиши! — мечтательно продиктовал я: — Получено сто грамм спирта для протирки оптических осей баллистического гальванометра (устройство, использующееся для измерения отклонения светового луча, дважды отражённого от подвижного зеркала. — *Прим. авт.*).

— Убедительно! — Светка захлопнула журнал и утопала к завлабу.

Завлаб Светлана Георгиевна довольно хмыкнула и подписью в журнале засвидетельствовала своё удовлетворение расходом стратегической жидкости. По сияющему виду Светки — при возвращении в сектор — я понял, что всё прокатило, и вопрошал Светлану:

— Свет, ну ты, физик, что-то поняла о записанном в журнале? Какие на хрен оптические оси?!

Она начала синеть и медленно надуваться...

— Ну-ну, успокойся! Никто ж ничего не понял! Химики не разумеют физических дисциплин...

Только после этого она улыбнулась и расхохоталась:

— Паразит!!!

В течение рабочего дня мы со Светланой ещё не раз сталкивались в коридоре и каждый раз хохотали под недоуменными взглядами проходящих сослуживцев.

ДАВЛЕНИЕ НЕВАЖНОЕ

Белкин — мой друг. В юности балагур и весельчак, игрун на гитаре и гармошке, он до сих пор, несмотря на то что уже пенсионер и... крепкий семьянин, вызывает восхищение у женщин. В юности Белкин служил на флоте — отсюда его выправка и неизменный треугольник тельняшки на груди под рубашкой.

Я живу недалеко и периодически вытаскиваю его прогуляться — вечером. При теперешнем здоровье Белкина, точнее — нездоровье, прогулки ему полезны, а то давление скачет, кишки болят, слышит плохо уже...

Сверкая очками, он выруливает из-за киоска на остановке и подходит ко мне.

— Здорово!

— Белкин, да ты ведь моряк?

— Конечно! Не то что прочие: наберут курей на флот!.. — он важно поправляет уголок тельняшки на груди.

— А барометр у тебя дома есть?

— А как же! Обижаешь! Флотский! Румпель тебе под киль!

— Так, а какое сегодня давление?

Белкин тут же грустнеет:

— Неважное. Вот Анфиса мне померила: сто восемьдесят на сто...

Лев АВИЛКИН

НАШ «НЕФТЕРУДОВОЗ-9». Рассказы

КАВКАЗСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

Зимой 1973–1974 года мне довелось плавать в бассейне Чёрного моря на теплоходе класса «река – море» «Нефтерудовоз-9». Суда этого типа строил в Перми судостроительный завод «Кама». Замечательные, надо сказать, суда эти нефтерудовозы. Хорошая управляемость, высокая мореходность, отличные бытовые условия для экипажа. Суда оборудованы всем необходимым, включая радиолокатор и авторулевой. О таких спутниковых навигационных системах, как GPS, в то время мы ещё и не слышали.

Рейсы мы совершали по всем портам Чёрного и Азовского морей. Заходили и в крупные черноморские порты, и в небольшие, такие как Генчешек на Азовском море и Скадовск на Чёрном. Заходили даже в искусственно соединённое с морем озеро Донузлав, находящееся у западного побережья Крымского полуострова к северо-западу от Евпатории. Везли разные грузы. Везли и металл, и руду, и мазут, и даже песок.

Однажды подходили мы ночью к озеру Донузлав. Видимости не было никакой. Валил густой снежный заряд, создающий помехи радиолокатору, из-за чего он стал бесполезен. Мы шли порожние, потому эхолот тоже показывал «погоду», так как при малой осадке под его вибраторами проскальзывал воздух. Определить место судна не было никакой возможности. Чтобы уменьшить риск напороться на подводные скалы, я убавил ход. Чисто интуитивно я подавал команды рулевому: право десять градусов по компасу, лево двадцать и так далее. Чувствуя, что мы где-то близко от входа в Донузлав и что дальше идти опасно, я решил встать до улучшения видимости на якорь. И встал.

Через несколько часов рассвело, и снежный заряд прекратился. Видимость стала отличной. Каково же было наше всеобщее радостное удивление, когда мы увидели, что стоим на якоре возле самого приёмного бугра в Донузлав. Вот так штука! Такую точность постановки на якорь можно было ожидать только при тщательном ведении навигационной прокладки в хорошую видимость и частых определениях места судна.

Через несколько лет, когда я уже работал преподавателем морских дисциплин в Пермском речном училище, я при случае рассказал

Лев Николаевич АВИЛКИН родился в 1932 году в городе Самаре. Окончил Ленинградское Нахимовское училище, штурманский факультет Высшего военно-морского училища им. М. В. Фрунзе. Служил в ВМФ СССР. Позднее работал на судах морского флота. Был начальником порта. Преподавал морские дисциплины в Пермском речном училище. Живёт в городе Перми.

об этом профессору Пермского пединститута доктору педагогических наук Шварцу, лекции которого я слушал в университете педагогических знаний при Пермском политехническом институте. Лекция была посвящена интуиции. Выслушав меня, профессор сказал, что в основе моей интуиции при подходе к месту якорной постановки судна лежали, конечно, глубокое знание навигации и опыт судовождения.

Порт Скадовск, находящийся в северной части Каркинитского залива Чёрного моря и прикрытый песчаной косой, зимой замерзает. При выходе из Скадовска и ещё не выйдя из акватории, прикрытой этой песчаной косой, наш нефтерудовоз был затёрт льдами. Да так крепко, что не мог двигаться ни вперёд, ни назад. Чтобы вырваться из холодного плена, почти вся команда вышла на лёд — ломami и пешнями обкалывать мёрзлые оковы судна. Машина работала на задний ход, но теплоход не двигался. Обкалывали лёд довольно долго. Старший механик Александр Александрович, тоже работавший на обколке льда, подошёл по льду к форштевню судна и со словами «Ну что же ты стоишь?» похлопал по нему ладонью. Только он это сделал, как теплоход двинулся назад. Все бегом по льду стали догонять теплоход и подниматься на борт. Обошлось без ЧП. Судно вырвалось из ледового плена и вышло на чистую воду.

— Давно бы тебе надо, Сан Саныч, похлопать по форштевню, — говорили почти все, обращаясь к стармеху. — А то мы битый час обкалывали лёд, а дело-то, оказывается, вон в чём! В хлопке ладонью по форштевню!

Развеселившись происшедшим, команда дружно занялась своим делом, и мы продолжили рейс.

Очень часто нам приходилось заходить в грузинский порт Поти. Заход в этот порт относительно сложный. Нужно войти в гавань, где стоят военные корабли, а уж из неё заходить в гавань для торговых судов. Всё это было сопряжено с несколькими поворотами и движением задним ходом. В этом и заключалась сложность.

Как-то в конце декабря, в преддверии нового 1974 года пришли мы на внешний рейд порта Поти и легли в дрейф в ожидании лоцмана. Ждать пришлось очень долго. По ультракоротковолновой связи связались с диспетчером, который только и обещал, что лоцман скоро будет, но проходили часы, а его всё не было. Я решил войти в порт самостоятельно, без лоцмана, тем более что из-за многократного посещения Поти я хорошо знал вход в него. И вошёл. Вошёл удачно, безынцидентно. Уже стали открывать крышки люков, готовясь к разгрузке, уже комиссия, состоявшая из представителей пограничных, таможенных и санитарных служб, готова была взойти на борт, как вдруг вижу, по причалу бежит взволнованный грузин-диспетчер и гневно кричит:

— Уходы на рэйд. Бэри лоцман, заходы!

— Ты что? — отвечаю. — Как можно? Я уже ошвартовался.

— Уходы, тэбэ говорят! — не унимается диспетчер. — Бэри лоцман, заходы!

— Послушай, кацо, — говорю я ему, — не дури. Давай лоцманскую квитанцию. Я подпишу.

Диспетчер дал мне квитанцию лоцманской проводки. Я её подписал и поставил судовую печать, чем засвидетельствовал, что

лоцманская проводка была. Умиротворённый таким оборотом дела диспетчер, покинув «поле брани», ушёл восвояси.

На борт судна взошла комиссия по оформлению прихода. В комиссию, как всегда, входили пограничники, таможенники и санитарный врач. Санитарный врач, грузин с институтским ромбиком на лацкане пиджака, поинтересовался, где мы заправлялись пресной водой, где принимали продукты, есть ли на судне больные и прочее. Осмотрев пищеблок, кладовую продуктов и увидев, что у нас есть куриные яйца, попросил продать ему за наличный расчёт два-три десятка яиц. Его просьба меня не удивила, так как это была эпоха «развитого социализма», а значит, эпоха сплошных дефицитов. Я только спросил его:

— Что, у вас в городе яиц нет?

— Нет, — ответил врач. — Давно уже нет.

На следующий день я вышел в город. Дни стояли предновогодние, и в городе по копеечным ценам в магазинах и киосках продавались мандарины. Мне захотелось купить несколько килограммов мандаринов и отправить посылку с ними в Пермь своим родственникам, в город, в котором в эту самую эпоху «развитого социализма» их днём с огнём не найти.

Однако мне было известно, что по постановлению местных властей вывоз из Грузии цитрусовых, а следовательно, и отправка их почтой запрещены. Значит, отправить посылку из Поти я не мог. Но нас грузили на Керчь. А Керчь — это не Грузия, и я решил купить мандарины и отправить посылку из Керчи.

Купив килограммов пятнадцать мандаринов, я набил ими две хозяйственные сетки и в двух руках понёс их в порт. При подходе к проходной порта я встретил несколько человек из нашего экипажа, которые мне сказали, что в порт с мандаринами меня не пропустят. В шутку они мне сказали, что видели, как на проходной у них на глазах заставили одного человека, пытавшегося пронести несколько килограммов мандаринов в порт, прямо на проходной съесть все до одного.

Что делать? Не через забор же проникать в порт! И я робко направился в проходную порта.

Только я вошёл в проходную, как вахтёр, рослый грузин, остановил меня вытянутой в мою сторону ладонью:

— Нэлза! Контрабанд!

Я взмолился:

— Послушай, кацо! Ну какая контрабанда? Скоро Новый год! Несу для своей же команды к праздничному столу. Разреши пронести на судно.

Вахтёр заулыбался, похлопал меня по плечу и говорит:

— Прахады, дарагой! Кушай на здоровье!

Я торжествовал.

На другой день я возвращался из города пустым. Рядом с проходной была столовая, где можно было попить пива. Невозможная мечта для Перми того времени. Если в пермских пивбарах и можно было, отстояв очередь, выпить кружку пива, то непременно с какой-нибудь кашей в придачу.

Желая выпить кружку пива, я зашёл в столовую. Столовая была пуста. Только в дальнем углу за одним столиком сидели четверо грузин

и о чём-то разговаривали. За прилавком, где в разлив продавалось пиво, стоял изрядно крупный грузин с эдакой сытой физиономией. Очереди не было.

Я подхожу к прилавку и хочу заказать кружку пенного напитка. Продавец через мою голову о чём-то по-грузински громко разговаривает с одним человеком, сидящим за тем единственно занятым в дальнем углу столиком. О чём они говорят, я, естественно, не понимаю. Закончив разговор, продавец наливает кружку пива и подаёт её мне. Я достаю деньги, чтобы расплатиться, но продавец говорит мне по-русски:

— Дэнги нэ надо!

— Как это не надо?! — не понимаю я. — Почему не надо?

— Садись, пэй. Дэнги нэ надо, — говорит продавец.

— Как это вдруг у вас тут пиво бесплатно дают? В чём дело? Я, может быть, вторую кружку захочу.

— Садись, тэбэ говорят. Пэй сколько хочешь. Угощают тэбя, — отвечает продавец. — Пэй!

Так ничего и не поняв, я сел за свободный столик и стал медленно потягивать пиво.

Вдруг я увидел, что человек, с которым продавец разговаривал через мою голову, был тем самым санитарным врачом, которому мы продали три десятка яиц. Мне стало понятно, что этот врач сказал продавцу, чтобы тот деньги с меня не брал, а он заплатит за меня. Меня, конечно, это очень тронуло. Мы с этим врачом были совсем незнакомы. Единственная наша встреча была при оформлении прихода в порт Поти. Чтобы не ударить в грязь лицом, мне захотелось как-то отблагодарить санитарного врача за столь любезное гостеприимство, и я, дождавшись конца их беседы, подошёл к нему. Поздоровавшись, я предложил ему пойти со мной в город под тем предлогом, что я Поти не знаю и прошу его побыть моим гидом. На самом деле я хотел где-то посидеть с ним за бутылкой грузинского вина. Он согласился, и мы пошли в город.

Чудеса грузинского гостеприимства продолжались. Мы заходили в несколько кафе, несколько раз заказывали вино, но ни разу мне не удавалось заплатить. Как только я порывался это сделать, он останавливал меня словами:

— Ты гость здесь. Вот я приеду к тэбэ, ты будешь платить. А здесь я плачу.

На судно я пришёл в «приподнятом настроении».

НА МЕЛИ

Грузовой теплоход класса «река – море» «Нефтерудовоз-9», гружённый по верхнюю ватерлинию, пройдя Керченский пролив, приближался к Бердянску. Лето. Жара.

Спокойное гладкое море как зеркало отражало солнечные лучи полуденного солнца, бликами игравшие на окнах кают и ходовой рубки. Тихая обстановка, штилевое море, хорошая видимость и отсутствие на горизонте каких-либо судов были причиной тому, что в ходовой рубке собрались несколько человек, свободных от вахт. На ходовой вахте был опытный судоводитель — старший помощник

капитана Юрий Флегонтов, на руле — опытный рулевой матрос первого класса Алексей Пучков.

Как всегда водится в таких случаях, в рубке звучал смех после рассказанных кем-нибудь анекдотов. Дальше — больше. Так увлеклись разговорами, что вахтенный штурман перестал следить за прокладкой пути судна. А зачем? На горизонте чисто, никаких помех, видимость отличная, погода ласковая. Скоро должен открыться маяк на подходе к Бердянску.

«Однако почему маяк не открывается?» — подумал вахтенный штурман. Учитывая дальность видимости маяка, указанную на навигационной карте, и высоту капитанского мостика, штурман рассчитал, что маяк должен был давно показаться из-за линии горизонта в строгом соответствии с навигационной формулой.

О своих сомнениях штурман доложил капитану. Капитан приказал прекратить лишние разговоры и тщательно проверить прокладку курса. Разговоры прекратили. Прокладку проверили. По проверенным расчётам уже около часа прошло, как маяк должен был открыться. А его всё нет и нет. Капитан и вахтенный штурман стали нервничать. Спокойная, беспечная обстановка сменилась тревогой. Судно между тем полным ходом шло точно по курсу, о чём свидетельствовала кильватерная струя от винтов за кормой и лёгкая вибрация корпуса, всегда сопровождавшая движение.

Выйдя на крыло мостика и внимательно осматривая в бинокль горизонт в поисках маяка, капитан нервно курил. Не докурив сигарету, он бросил её за борт. Стоявший здесь же на мостике рядом с капитаном второй штурман воскликнул:

— Смотрите! Сигарета-то спокойно плавает рядом с судном!

— Как рядом? Почему рядом? — недоуменно сказал капитан. — Мы что, не двигаемся, что ли?

— Выходит, так, — удивился второй штурман. — Стоим на месте. А машина работает.

— Вот что значит болтовня на вахте, — обрушился капитан на вахтенного штурмана и на всех находившихся в рубке. — Всем посторонним из рубки выйти и впредь на ходу судна в ней не появляться. Вахтенному штурману определить место судна.

В спокойной обстановке место судна было незамедлительно определено. Оказалось, что «Нефтерудовоз» своим плоским днищем вылез на песчаную отмель и стоит на ней, несмотря на то что машина продолжает работать на полный ход. Это могло случиться только при полном штиле и невнимательном несении ходовой штурманской вахты.

С мели надо сниматься. А как сниматься? Разумеется, задним ходом. Дали задний ход. Сначала малый задний, затем средний и, наконец, полный задний ход. Судно затряслось и сползло с песчаной отмели. Слегка закачалось, что явно свидетельствовало, что оно уже на плаву. Нервозная обстановка спала, все успокоились, и капитан сошёл с мостика, предварительно распорядившись осмотреться по отсекам: нет ли вмятин или пробоин. Осмотрев все отсеки, боцман доложил капитану, что ни вмятин корпуса, ни пробоин не обнаружено. Рейс продолжался.

Минут через сорок капитан поднялся в рубку и, находясь уже в хорошем расположении духа, спросил:

— Ну что? Открылся маяк?

— Да нет ещё, — отвечает вахтенный штурман. — Не пойму, в чём дело.

И опять как-то стало нервно в рубке. Усомнившись в рулевом, капитан спрашивает у него:

— Рулевой, сколько на румбе?

Рулевой ответил, назвав правильный курс.

— Что за чертовщина?! — выругался капитан. А чтобы убедиться, двигается ли судно, выйдя на крыло мостика, применил «надёжный» способ: бросил за борт окурок. Окурок мгновенно куда-то исчез. Значит, всё в порядке, судно двигается. Но почему же маяк до сих пор так и не открывается из-за линии горизонта? Видимость-то хорошая!

Вдруг в переговорной трубе из машинного отделения раздаётся свисток.

— Чего надо? — спрашивает капитан и, приложив к трубе ухо, слушает.

— Так мы что, никак с мели не можем сняться? — спрашивает по переговорной трубе механик, на что капитан в трубу отвечает:

— Да ты что!? С ума сошёл?! Уже час как снялись! Маяк вот-вот должен открыться!

— Какого же чёрта машина до сих пор на задний ход работает!? — отвечает механик.

Разночтения

Ольга КИРДЕЙ

ЕЩЁ РАЗ О ВОЙНЕ

Моему деду Алексею Пьянкову
и его товарищам
посвящается

Косит Смерть — свистит коса.
Ни пшеницы, ни овса.
Ржавых листьев хоровод
Ветер по полю метёт.

Автомат сбивает шаг.
Впережку свой и враг.
Лица с комьями земли,
Шли бойцы — и не прошли...

Между миром и войной,
Между жизнью — вечной тьмой.
Словно туз из рукава
Или ангел — медсестра...

По-пластунски, между тел:
— Эй, солдатик, уцелел?
Ярче знамени бинты.
— Пить... Сестрёнка, дай воды!

В танке, глядя сквозь прицел,
Кто-то «Валенки» запел.
Раненый комбат встаёт
И хрипит:
— Вперёд! Вперёд!

— Медсестричка, напиши,
Адрес в ладанке ищи,
Что Алёша, рядовой,
Здесь, под Курском, принял бой.

Ольга Александровна КИРДЕЙ родилась 17 июля 1961 года в городе Александровске ныне Пермского края. Окончила Пермский государственный политехнический институт (1985). Работает в ОАО «Пермский моторный завод». Творческой деятельностью начала заниматься в школьные годы. Публиковалась в альманахе «Литературная Пермь». Является литературным сотрудником Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России с 2013 года. Живёт в городе Перми.

— Ты, Алёшенька, живой,
Ещё встретишься с женой!..
Небо — мокрым горбылём,
Пули — огненным дождём...

Похоронки. Ордена.
Деды. Прадеды. Война...

ГРОЗА В ИЛЬИН ДЕНЬ

...Для острстки нам
И для памяти
Небо — в трещинах,
Люди — в панике!

Тучи ставнями
Солнце спрятали.
— В чём же мы, Илия,
Виноватые?

Колесницы гром,
Кони — горние,
Силуэт с крестом,
Вспышки-молнии...

Громом с неба хрясь —
Глина комьями...
Как мы тут, крестьясь,
Бога вспомнили!

Тут и солнца след
Нам ко времени.
...И в природе свет,
И в молении.

Владимир ПАНТЕЛЕЕВ

ЛЕГЕНДА.

Отрывок из поэмы «ВОЙНА!»

*Из нашей семьи на Великую Отечественную войну ушли
пять человек: отец, его три сына и дочь. Погибли два сына
Василий и Дмитрий, мои старшие братья. Отец вернулся
раненым и всю жизнь не мог смириться с их смертью.*

* * *

Этот день помнят внуки и деды,
Никогда не померкнет в веках!
Долгожданное слово «Победа!»
Зазвучало на всех языках.

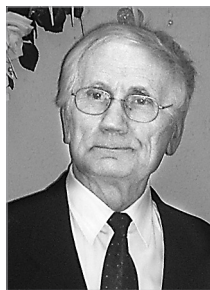
Да, такого ещё не видали,
Даже детям в тот день — не до сна...
Люди пели, смеялись, рыдали,
Так вели — словно сходят с ума.

В этот день журавли прилетели,
И, кружа над знакомым селом,
Рассмотреть они будто хотели,
Как без них мы сегодня живём.

А когда про них песню запели —
Ей Бернес покорила всю страну,
Мой отец той легенде поверил,
Видно, так было легче ему.

Каждый год с наступлением мая
Он подолгу курил близ жилья:
Может быть, над селом пролетая,
Голос свой подадут сыновья.

Словно руки раскрыв для объятий,
Распластав крылья, крикнут они:

Владимир Михайлович ПАНТЕЛЕЕВ родился 8 апреля 1936 года в деревне Телеговшине Даровского района Кировской области. Окончил Пермский авиационный техникум, Пермский государственный политехнический институт. Трудовую жизнь посвятил Пермскому моторному заводу. Почётный авиастроитель. В творчестве тяготеет к поэзии. Публиковался в альманахе «Литературная Пермь», газете «Пермский писатель». Является литературным сотрудником Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России с 2013 года. Автор трёх поэтических сборников — некоторые произведения положены на музыку. Живёт в городе Перми.

— Мы не сможем помочь тебе, тятя,
Ты, пожалуйста, нас извини.

Не дождался он благ коммунизма,
Улетел к сыновьям в облака.
На войне каждый день дольше жизни,
Дома жизнь, словно миг, коротка.

Ваша жизнь, как апостолов, свята.
Вам чужие достались грехи.
Моим братьям — прекрасным ребятам,
Молодым, озорным, неженатым,

Офицерам, матросам, солдатам,
Партизанам, мальчишкам, девочкам,
За Отчизну погибшим когда-то,
Мой вам памятник — эти стихи.

МАРШАЛ ЖУКОВ

Говорят, он был слишком суровый,
Но с морозом приходит зима.
У обрыва стояла страна.
Смерть кругом, не с косою — с автоматом;
Опускалась над Родиной мгла...
Нужен был офицерам, солдатам —
Кому армия б верить могла.

Что задумал коварный противник
И какой будет следующий ход,
Только он, как гроссмейстер Ботвинник,
Мог предвидеть намного вперёд.

Это Сталин почувствовал скоро.
Под Москвой, на Неве и на Волге,
И в сражениях Курской дуги
(После страшных потерь и позора
В сорок первом) талант дирижёра
Оценили и наши враги.

Его подвиг ничем не измерить,
Не найдётся такой аудит.
Он сумел невозможное сделать:
Он надежду сумел возродить,
Он заставил в Победу поверить.
Только с ней мы смогли победить!

На груди не вмещались награды,
Даже Брежневу мог б одолжить.
Но генсеки творили преграды,
Не давая Отчизне служить.

Не хотели иметь его рядом:
Надо с личностью — личностью быть!

Говорят, плохо лечатся раны,
Если плюнули в душу свои...
Но где правят страной тираны,
Там в почёте одни холоуи.

Ему должное поздно воздали
И воздвигли сейчас, наконец,
В Ленинграде, Москве, на Урале
И в миллионах, миллионах сердец
То, что надо бы сделать Отчизне
Ещё раньше намного, при жизни.

ПОМНИМ ВАС, МОРЯКИ!

Вы подняться из моря не в силах —
Вас русалки целуют в уста.
Спят солдаты повсюду в могилах,
А у вас — ни звезды, ни креста.

Сколько скрылось в пучине бездонной!
С древних пор за бедою беда.
И от слез женских стала солёной
Постепенно морская вода.

В море нет ни траншей, ни окопов,
Прямо в сердце нацелен снаряд.
Помнит вас, моряки, Севастополь,
Мурманск, трижды герой — Ленинград!

Как и немцам, вдали, на Курилах
Самураям сломали клыки.
И плывут, словно письма, к могилам
Полевые цветы и венки.

Карина ИБРАГИМОВА

ЗАКАТЯТСЯ И ВОЗВРАТЯТСЯ СОЛНЦА

ОСТАНОВИ ЖЕ СОЛНЦЕ

Но я не камень, брошенный в окно:
не надо мною ржавчина деревьев
смыкает ветви...

Что же, сэкономь
на огниве, на кремне.
Всё как древле:
чердак пустует. Ниточка строки
вшивается в веретено бессонниц,
и лабиринтом: утро, дождь, шаги,
твоя ладонь протянутая, словно
желающая стиснуть целый мир...

Шумит метро, и хрипло кличут галки:
теперь придёт зима. Теперь усни,
осмелившись остаться злым и жалким;
теперь влачи потёртый старый стих,
разрезанный колёсами трамвая, —
и горло разорвёт надсадный крик:
«Останови же солнце,
умоляю!»

* * *

Чайка меж рёбер! — от клёкота сдавит горло,
тиной сожмутся лёгкие, звук лелея:
Господи, как мы выжили? Как — иссохли,
прежнюю силу сменив на дыханье тленья?

Кофе не сварится, письма придут на почту,
клавиатура замаслится чёрной кляксой...
Дай мне хоть день!
Чистый листок, где строчки
омутом белым пророчат сожженье сказок.

Карина Рашитовна ИБРАГИМОВА родилась 9 февраля 1996 года. Занимается в литературной студии «Тропа» (руководитель Ф. С. Восстриков). Лауреат международного фестиваля детского и юношеского творчества «Волшебная строка» (2010, 2011), Пермского краевого конкурса начинающих авторов им. В. Дементьева (2008). Публиковалась в фестивальном сборнике «Волшебная строка», в журнале «Родничок», альманахе «Литературная Пермь». Живёт в городе Перми.

Заговори же, рождённый нелепой мыслью,
очеловечься,
ладонью закрыв метели:
это не сон — это только мелькают числа,
горьким июнем зашитые в пялыцы тела.

Встанешь под утро, прислушаешься к рассвету,
в блюз восходящего солнца бросая душу...

Да, я приеду.
Ты слышишь — ещё приеду,
вновь выбирая дорогу
творить и рушить.

BREVIS LUX*

Закатятся и возвратятся солнца,
но что они? Нам — гроздья винограда,
хмельная ночь и осень, осень, осень:
вот первая и горькая награда.
И падал снег.
Под ним дрожали крыши,
и краткий свет, как нож, разрезал полдень,
и если ты замолкнешь, то услышишь,
как умирает терпкое «сегодня».

Так стань мне божеством или проклятьем
на пару дней, оставшихся до лета,
взъерошенным стихом, который знать нам
не суждено без права и привета,
и пей до дна, не испытывавший страха,
расплёскивай по чашам эти песни!

Зови меня хоть птицею, хоть прахом:
когда же смолкнет солнце — мы воскреснем.

* Brevis lux в переводе с латыни — «короткий свет».

Геннадий ВЕРШИНИН

КРАСНОПЁРЫЙ. Рассказ

— Папа приехал! Много рыбы поймал? — подскочили к отцу Настя с Дениской.

— Да есть маленько.

Ну раз маленько, значит, рыбалка удалась. Отец всегда так говорил, чтобы не сглазить. И пока он снимал шубу, валенки с галошами, дети успели уже распотрошить рюкзак.

— Несите таз эмалированный, — скомандовал отец, вынимая из рюкзака рыбацкий ящик.

И когда весь улов перекачывал в таз, ребяташки, присев на корточки, с нетерпением склонились над ним.

— Ого! Повезло тебе, папа.

— А это кто? — тронула Настя пальчиком широкую серебряную рыбину.

— Эх ты! Не знаешь, что ли? Это лещ. А это сорога, — с видом знатока объяснил сестре Дениска, поглядывая на отца: мол, что она, девчонка, понимает в нашем деле.

Настя училась в четвёртом классе. Дениска — во втором. Но по рыбацкой части он уже не новичок: летом часто ездил с отцом на рыбалку, даже с ночёвкой. И однажды поймал полукилограммового голавля. А вот подлёдный лов пока не освоил, на зимнюю рыбалку отец его ещё не брал.

— Ой, живая! Шевелится, — Настя испуганно отдернула руку от таза.

— Это окунь. Видишь — с красными плавниками, полосатый и колючий, — просвещал сестру брат.

— Папа! Давай мы его в ванну с водой пустим. Пусть плавает, — загорелась дочь.

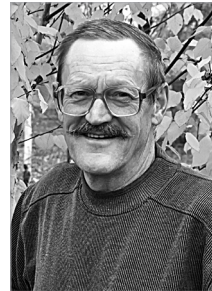
— Дело ваше. Только вот приживётся ли он в неволе? Воду-то холодную запускай, — крикнул отец вдогонку дочери, которая была уже в ванной.

— Поплыл! Поплыл! — захлопала в ладоши Настя.

— Надо ему «малинки» дать, чтоб с голода не умер. Папа, у тебя остался после рыбалки мотыль? — выглянул из ванны Дениска.

Отец отсыпал из пенопластовой коробочки с десяток маленьких красных червячков. Дениска тут же бросил их окуню под самый нос. Но тот, не обратив на корм ни малейшего внимания, медленно

Геннадий Васильевич ВЕРШИНИН родился 17 октября 1949 года в городе Лысьве ныне Пермского края. Учился в Пермском государственном политехническом институте. Окончил Пермский государственный университет (1973). Преподавал в школе. Работал на Лысьвенском металлургическом заводе инженером. Занимается журналистикой: был корреспондентом нескольких местных изданий. Член Союза журналистов СССР/ России (1980). Лауреат нескольких журналистских конкурсов. Творческой деятельностью начал заниматься в 1970-е годы. Первая книга вышла в городе Лысьве в 1998 году: «Глубинка». Издавался в Лысьве, Перми, Чусовом. Автор нескольких поэтических и прозаических сборников. Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России (2015). Живёт в городе Лысьве.

проплыл мимо, знакомясь с новым водоёмом. Наполовину заполненная прозрачной водой ванна, на её ослепительно-белом дне живой четвертной окунь, шевелящиеся в глубине красные червячки — всё это выглядело весьма экзотично для благоустроенной квартиры. В этот момент в ванную зашла мама, главный блюститель чистоты и уюта семейного очага. На миг она остолбенела и, не найдя слов, с ужасом взирала на устроенное в ванне подводное царство. Но это длилось недолго.

— Что? Превращать ванну в аквариум? Краснопёрого какого-то туда запустили! Фу! А это что ещё за гадость шевелится? Червячки?! Сейчас же всё убирайте! Немедленно! Это ты им потворствуешь? — обернулась к мужу разбушевавшаяся хозяйка.

— Мама! Не надо, пожалуйста! — наперебой умоляли дети. — Смотри, какой он красивый. И червячки, они же маленькие и чистые.

Настя заплакала. Как же так? Ведь только что окунь доверчиво скользнул из её рук в воду. И этими же руками, вернувшими ему жизнь, она должна выловить его из воды, без которой любая рыба обречена на медленную смерть?..

— А как же бельё стирать или самим мыться? Куда его девать? — уже другим тоном спросила мать, переводя взгляд со всхлипывающей дочери на отца.

— Нет проблем. На это время пересадим его в ведро или таз с водой, — бодро ответил глава семейства, чувствуя перемену в настроении супруги.

— И ты туда же, — поворчала та ещё для порядка. — Связался с этой рыбалкой, как будто других дел дома нет. Квартиру-то летом, что ли, ремонтировать собираешься? Так ведь в ту пору вас с Дениской краном с реки не вытянешь. Ох, горе мне с вами, рыбаками. И девчонку взбаламутили. Ну, успокойся, Настёна. Я что, живодёр, что ли? Пусть плавает. Только воду почаще меняйте, — уже совсем миролюбиво закончила мать.

— Ура! — закричали дети.

А окунь, совершенно не подозревавший, какая минуту назад ему грозила участь, выплыл на поверхность воды и стоял, пошевеливая плавниками, словно прислушиваясь к людскому разговору.

С той поры Краснопёрый — эта кличка прочно закрепилась за ним — стал полноправным членом семьи. Первые несколько дней Краснопёрый абсолютно не притрагивался к корму. И ребята загоревали: как бы не пропал без пищи.

Но однажды утром Дениска выскочил из ванны с радостным криком:

— Съел! Четыре «малинки» только осталось. А одну прямо при мне заглотил!

Как-то мать, наводя порядок на угловой полочке в ванной, случайно смахнула в воду серую тряпку, которой обычно обтирала выложенные плиткой стены. Заметила свою оплошность только тогда, когда тряпка, намочнув, опустилась на дно, образовав нечто вроде шалашика. В него и спрятался Краснопёрый, выглядывая оттуда, словно из-под коряги. До того ей это показалось забавным, что позвала своих домочадцев:

— Идите-ка посмотрите, что ваш Краснопёрый устроил.

Настя, Дениска и отец заспешили в ванную.

— А пусть этот домик у него и остаётся. Вон ему как там хорошо, — глянула на улыбающихся родителей Настя.

— Пускай. Ему и положено какое-то укрытие. Да и ландшафт разнообразился, ближе к природному стал, — рассудил отец.

— Может, ему ещё песочку да галек с улицы принести? — пошутила мать. — Ещё ближе к природе будет.

— А что? Я могу. Вот только снег растает. Да и сейчас можно разрыть, — принял за чистую монету предложение матери Дениска. — Папа, а у него могут появиться мальки?

Родители загадочно переглянулись. И когда отец в доступной форме объяснил происхождение пресноводных, Денис сделал молниеносный вывод:

— Так ты поймай самку. Запустим её к Краснопёрому. И ему нескучно будет, и окунишки появятся.

До «размножения», правда, дело не дошло, да и Дениску уже увлекла другая идея. Однажды, увидев по телевизору дрессированных дельфинов, прыгающих через кольцо и берущих из рук человека пищу, он решил обучить этому и Краснопёрого. И кое в чём преуспел. Брать мотыля из рук Краснопёрый не отваживался, но через пластмассовое кольцо, которое Дениска на верёвочке опускал к домику окуня, он важно проплывал, даже не касаясь его.

Прошло месяца полтора. Краснопёрый совсем уже обжился в домашнем водоёме. Всей душой полюбили его Настя и Дениска, подолгу наблюдавшие за повадками окуня.

Нередко к детям присоединялись отец с матерью. И после семейного общения с Краснопёрым ребята охотнее, без пререканий помогали родителям по дому. Да и те выглядели менее уставшими и раздражёнными, как бывало иной раз после работы. Даже мать, поначалу принявшая в штыки ребячью затею, в душе гордилась тем, что именно она дала кличку Краснопёрому.

...Но однажды в субботнее утро всех в квартире переполошил захлёбывающийся Настин плач. Она проснулась раньше всех. А кто первым вставал — так уж повелось в семье, — тот первым и заглядывал в ванную попроведать Краснопёрого.

— Мама! Краснопёрый умер... Кверху брюхом лежит. Не шевелится.

Все кинулись в ванную, где действительно на поверхности воды с раскрытыми жабрами, вверх брюхом неподвижно лежал Краснопёрый... Настя не унималась, её щёки были мокры от слёз. Дениска крепился, но глаза его тоже заполнились влагой. Уже пожелтевшего и затвердевшего отец достал окуня из ванны. Другой ладонью он зачерпнул пригоршню воды, понюхал:

— Вот сволочи! С хлором переборшили. Вон как воняет. Кто же в такой воде выживает?

Потерю краснопёрого друга ближе всех к сердцу восприняла Настя. Она потеряла аппетит, стала замкнутой, в дневнике вместо привычных пятёрок и четвёрок появились троечки. На какое-то время Настя находила утешение, играя с любимой куклой Алёнкой, с которой до сих пор не расставалась. Но это длилось недолго. Казалось, и Алёнке передалась печаль маленькой хозяйки... Отец с матерью всячески старались растормошить дочь. Но даже когда в доме появился большой настоящий аквариум с красными и золотистыми

рыбками, живого интереса она к ним не проявляла. Отец уж засобирился было на рыбалку, чтобы привезти другого Краснопёрого, да жена отговорила: а вдруг повторится история? Тогда снова трагедия, душевная травма.

Всё разрешилось само собой.

Как-то дочь, вернувшись из школы, озабоченно сказала матери:

— Нам задали сочинение «Мой четвероногий друг». Мама, а мне о ком писать? Ведь у нас нет ни кошки, ни собаки.

— Вот что, Настенька, напиши о нашем Краснопёром.

— А можно?

— Почему бы и нет? Ведь он был твоим другом. Вот и расскажи своими словами о нём.

Задумалась Настя. А пообедав, удалилась в детскую комнату и до глубокого вечера сидела над тетрадкой, сочиняла — что-то перечёркивала, переписывала набело. Даже от «спокойки» отказалась.

«Пусть выговорится в сочинении, авось полегчает», — рассудили родители между собой. А Настя, похоже, всё своё детское бесхитрое сердце вложила в рассказ, потому что сил у неё хватило лишь на то, чтобы сложить портфель. Даже ужинать не стала. Легла и сразу уснула.

На третий день Настя, оживлённая, с румянцем на щеках, с порога радостно сообщила:

— Мама! А мне Мария Николаевна за сочинение о нашем Краснопёром пятёрку поставила! И зачитала его перед всем классом. Димка с Пашкой в перемену пристали ко мне, все выпытывали, что да как да чем кормили.

— Молодец, Настёна! — улыбнулась мать.

Позднее, на родительском собрании, Мария Николаевна отвела маму ученицы в сторонку:

— Вы знаете, Любовь Степановна, я ведь Настино сочинение читала и коллегам в учительской. Некоторые даже прослезались. Хорошо, с душой написала.

...Краснопёрого давно нет. Но сочинение о нём, написанное крупным детским почерком, мать до сих пор хранит в шкатулке с документами.

Сергей МИХАЙЛОВ

ОБРАГИ

МАЛИНА

Малина. Я чувствую лето
Глазами, рукой, языком.
И тело опять отогрето,
Обласкано ветерком.

Я чувствую и сожалею,
Что краток прекрасного миг,
Что время всецело довлеет
Над тем, что любил и постиг.

А лето звенит по дорогам
И пахнет обилием трав,
Себя позволяя потрогать,
На жадные руки упав.

Я трогаю и наслаждаюсь
Глазами, рукой, языком...
Губами малины касаюсь —
Пред нею стою босиком.

ЕДУ НОЧЬЮ

Еду ночью. За окошком
Глухота и глухомань.
Пролегает путь-дорожка
Через тьму и таракань.

Позади — родной посёлок,
Впереди — дремучий лес...
То ли месяц, то ль чертёнок
На дорожку с ёлки слез.

Сергей Алексеевич МИХАЙЛОВ родился в 1973 году в городе Перми. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета, Уральскую академию государственной службы (2006). Преподавал в школе. Живёт в городе Перми.

Мне привиделось такое?
Или вправду там и тут
Сказок страшные герои
Из-за леса к нам бегут.

Любопытство гонит, скука ль?
Иль ещё какая дрянь?
Еду ночью... И ни звука...
Только тьма... И таракань.

* * *

Россия уснула в оврагах
Средь елей и сонных болот.
И волк — одинокий бродяга —
Ночами ей песни поёт.

А песни те кажутся воем,
И тонкий пугается слух,
И тешатся мысли разбоем,
И плачем детей и старух.

То реже забьётся, то чаще
Усталое сердце, дрожа, —
Как будто скрывается в чаше
Лихая орда каторжан.

Забывшие прошлого тени
Страдают у сонных болот...
И древняя страшная темень
С оврагов по-волчьи идёт.

Борис БАСАЛГИН

НЕУДАЧА ВЕДЬМЫ. Рассказ

Тётка моя Мария Семёновна, или тётя Маша, имела свой огород рядом с нашим. Их общий забор разделял. Как-то осенью посеяла она среди прочего лук на семена и стала ждать, когда он вырастет. Ждать ей долго пришлось.

Сначала прикатила Зима: суровая и всегда чем-то недовольная особа. Она навалила столько снега, что все утомились, разгребая дороги и дорожки. А тётю Машу и дядю Семёна совсем завалила. Хорошо, соседи откопали! Зима, как это увидела, осердилась, наплевала на всех и укатила обратно к себе. Сразу за ней Весна пешком пришла: красивая, румяная, в цветном сарафане. Наташила талой воды, накачала берёзового сока, насадила подснежников. Солнце ярче и жарче светить заставила! От такой ласки и радости всё бросилось расти. А лук стрелки выпустил. Но тут беда приключилась: на кончиках стрелок вместо семян репы пошли. Клянусь! Я сам видел! Увидела тётя Маша это чудо и горько заплакала. А потом говорит:

— Не иначе это ведьма Матвеевна наблудила! Ну, я ей устрою!

Я ни на секунду не сомневался, что устроит! Как она дядю Семёна дрючила, когда он поддатый приходил домой! Решила тётя Маша ведьмин огород колдовским снадобьем обработать. Я это понял позже, когда увидел, что она из Хитрого Леса идёт. Наш Хитрый Лес рос недалеко от деревни. Хитрым он потому назывался, что если войдёшь в него в одном месте, в том и выйдешь. А попробуешь насквозь его пройти, никак не получится! Всё равно выйдешь там, где зашёл. Но была ещё одна хитрость: войдёшь в него справа от куста или дерева, выходишь — куст или дерево слева от тебя. И наоборот. Нам, ребятам, взрослые строго-настрога запретили туда ходить. А пастухи наши и коровы там блуждали. Пастухи сами рассказывали. Лесники же туда не ходили и лес там не рубили. Говорили, что только одна Семёновна могла насквозь его пройти. Даже просёлочная дорога в райцентр обходила этот лес по опушке.

Как-то вечером копал я червей за баней, у ручья. Вижу, что со стороны Хитрого Леса какая-то женщина бредёт. Подошла она ближе, и я узнал тётю Машу. Меня она не видела. Тащила мешок чем-то набитый. Прошла огородами, к себе. А я сразу нырк к ним в палисадник, посмотреть, что она принесла. К окну прильнул, вижу: она ведро с водой приготовила, печку затопила. Потом стала

Борис Михайлович БАСАЛГИН родился 4 марта 1950 года в деревне Чистопереволока ныне Большесосновского района Пермского края. Учился в Пермском нефтяном техникуме. Окончил Пермский государственный институт искусства и культуры (1980). Работал на заводах. Был директором сельского ДК. В настоящее время трудится охранником. Творческой деятельностью занимается с 1985 года. Является литературным сотрудником Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России с 2015 года. Автор поэтического сборника «Жаворонки» (1993). Живёт в городе Перми.

доставать из мешка траву, листья, сучки. И стала всё это ломать, мять, смешивать. И всю эту кашу-малашу в ведро с водой затолкала, ещё помяла и на печку поставила. Вдруг собака напротив залаяла. Кто-то идёт! Я бегом в свой огород.

Томительно прошли несколько дней. Я к ним заходил, чтобы посмотреть. Всё обзирал, и ничего! Ведро стояло на русской печи накрытое тулупом. Дядя Семён ловил рыбу. Тётя Маша рыбу сушила и варила уху.

Тут август подвалил. А в августе луна такая красивая! В полночь я вышел на своё крыльцо луной полюбоваться. Слышу, у соседей дверь стукнула. Чья-то чёрная фигура с ведром в руке вышла во двор. Я пригляделся и узнал тётю Машу. Я понял, что долгожданный момент наступил; и меня страх как любопытство заело: как она с ведром управляться будет?! А тётя Маша поставила ведро посреди двора, сняла крестик с шеи и начала колдовать. Сначала она пере-крестила ведро три раза, потом достала из кармана жакета какую-то бумажку и стала шептать что-то. Пошептала она, пошептала, потом ногами затопала: точь-в-точь, когда ругает дядю Семёна. И тут мне показалось, что ведро дёрнулось! Я глаза протёр: нет, стоит. А тётя Маша подпрыгнула на месте, ноги растопырила и пошла вокруг ведра: сначала медленно, потом быстрее, быстрее, и всё бормочет что-то. Я тётю Машу такой никогда не видел! А у неё силы колдовской не хватило — ведро стоит! Тётя Маша страшно обозлилась, выбросила бумажку, забегала вокруг ведра, да как зашипит! И стало её кочевряжить. Вижу я — дело плохо. Пора дядю Семёна звать. А тётя Маше надоело шаманить. Схватила она ведро и стала раздуваться как воздушный шар. И взлетела!!! Я со страха с крыльца свалился! А тётя Маша покружила над двором, покружила и ориентиры потеряла. Спикировала на свой огород и давай брызгать из ведра на картошку. А когда зелье кончилось, запустила ведро в мою сторону и шлёпнулась у колодца. Я вскочил и убежал к себе в чулан. Потом слышу: дверь сбрыкала. Тётя Маша пошла спать. А я долго не мог уснуть. Перед глазами тётини чудеса являлись.

Уснул я только под утро. Разбудил меня истошный вопль. Я таких воплей и в кино не слышал. Вопили во дворе тётя Маши. Я выскочил во двор и замер. Двор тётя Маши и дяди Семёна обступила толпа соседей. Они почтительно молчали. Тётя Маша стояла на коленях посреди огорода и била поклоны. А на месте картошки блестела под утренними лучами солнца, асфальтированная площадка. Посреди неё, разинув рот, сидел на корточках дядя Семён и думал. Посидел он, посидел, плюнул в то место, где сидел, встал и пошёл в магазин. Я выбежал на асфальт. Во здорово! Во тётя Маша даёт! Никогда в жизни не видел такой замечательной тётя! Накатаюсь на самокате!!!

Пермская БУКА

Леонид КОПКО

МОЙ ДАЧНЫЙ ДРУГ. Сказка

Меня зовут Шиша. Я — домовой, вернее — домовёнок. Не мы выбираем имена, нам их дают люди. Поэтому, смешное оно или нет, судить вам.

Я живу на даче, на печке. Вернее — за печной трубой. Но вначале меня купили в магазине и подарили хозяевам на новоселье, чтобы я дом охранял да за порядком следил. Вы спросите, зачем? Ведь можно и на замок дверь закрыть... Но не тут-то было! То мышь по дому пробежит, то паучок на ниточке спустится, то жук толстенный из щели вылезет и ну лапами по половицам топтать! А однажды здоровая оса в дом залетела. И уж летала-летала, жужжала-жужжала, пока форточку не нашла и на волю не улетела.

А я из-за трубы за всем наблюдаю... Чтобы мышка ненароком хвостиком не махнула и яичко не разбила, чтобы паучок свою паутинку в углу плёл, а не на проходе, чтобы жук не сильно топал, половицы не гнул, ну и осе я на форточку показал, спас горемычную. Так что дел у меня всегда полным-полно.

Сделан я из тряпочки, соломой набитой. На голове колпачок красный, на плечах жилетка зелёная, брючки коричневые в сапоги заправлены. Вид у меня молодцеватый, глаз светится, чуб на лоб свисает лихо.

— Ши-ша, — сказала хозяйская внучка, когда меня впервые увидела.

Почему она так меня назвала, не знаю: может, шишку я ей еловую напомнил, а может, потому, что говорить ещё толком не умела и все слова её состояли из двух слогов: «ма-ма», «па-па», «ба-ба», «де-да»... Вот так я стал Шишей. Но я не против: у нас, у домовых, всегда забавные имена. В соседнем кооперативе все домовые, к примеру, Кузи, а за речкой родственник мой живет, дядюшка Ау. Может, слыхали о таком?

Семья наша небольшая — все уже внучкой по слогам перечислены выше. Окружающие думают, что главный в семье дедушка, или, по крайней мере, бабушка, а вот и ошибаются. Руководит здесь самый маленький член семьи — внучка. Она же дочка. Она же Эва, Эвик, Эвелина. Хотя всем она представляется как Эвелинка.

Глаза у Эвы тёмненькие, зубки беленькие, носик вздёрнут и две косички в разные стороны торчат. На месте Эвелинка никогда не сидит — всё время в движении. В догонялки бегать её только позови!

Леонид Николаевич КОПКО родился 20 октября 1954 года в городе Оханске ныне Пермского края. Окончил экономический факультет Пермского государственного университета (1976). Жил и работал за пределами Пермского края. Занимался профсоюзной деятельностью. Творчеством занимается с 1982 года. Детский писатель. Изданы книги: «На руинах мечты» (2001), «Как Петя Белочкин и кот Дымка Вселенную спасли» (2003), «Крах секретного плана дона М.» (2004), «Олигарх из восьмого «б» (2006), «Золото Фазтона» (2015). Член Союза писателей России (2011). Кавалер ордена Ф. Достоевского III степени (2014). Живёт в городе Перми.

Ещё в мячик поиграть только позови! Ещё в песочнице кашу-малашу варить тоже только позови! А вот домой с улицы Эвелинку лучше не звать — с первого зова не пойдёт. И со второго не пойдёт. Только с третьего начнет канючить: «Ну бабуля, ну ещё маленько...»

Придёт потом, конечно, но за стол сразу обедать не сядет: сперва всех кукол проверит, как будто я их со своего места уже не проверил, собаку — здоровенную игрушку — по дому на верёвочке потаскает, маму-лошадь и дочку-лошадь с места на место переставит, посмотрит внимательно... и на прежние места поставит. Короче, много дел переделает, пока за ложку возьмётся.

А, бывает, ещё в дедушкину комнату прошмыгнёт — где тут конфеты шоколадные спрятаны? Напрасно бабушка ей вслед кричит: «Эвелина, ты куда?» Только и ответит ей внучка: «Я шас, бабуля!», а сама конфету в рот, фантик на кровать — и вновь за стол бежит.

— Никакой дисциплины! — в очередной раз вздохнёт бабушка укоризненно. — Ну кто же сладкое до обеда ест?

— Угу, бабуля, я исправлюсь, — пообещает с набитым ртом Эвелинка.

Любит Эвелинка конфеты. Печенье ещё любит, пряники сладкие. Нет-нет да и наведается к шкафчику заветному. Мне сверху всё видно: оглядится Эвелинка вокруг, на меня таинственно посмотрит, палец к губам приложит — будто в сообщники меня берёт, — и хватя печененку руками!

Конечно, я Эвелинку не выдам. Посмотрю только укоризненно глазами-пуговками да и подумаю: «Какие же все дети сладёны!» Я вот тоже маленький, но конфеты не люблю. Бабушка, добрая душа, нет-нет да и положит возле меня на печку конфетку — «угошайся, Шиша, не всё же Эвелинке из шкафчика таскать!» Да только без нужды мне конфеты эти. Так и пролежит конфетка неделю, а то и две возле меня, пока кто-нибудь из домочадцев её не заметит — «о, кто-то конфету забыл!»

Эвелинка ещё маленькая. Всего четыре с половиной года, но о себе говорит важно: «Я уже большая, мне уже целых четыре с половиной года!», и четыре пальчика в доказательство показывает. Потом подумает, ещё один пальчик согнёт — вот она, половинка...

Дедушка у нас тоже забавный. Сидит за столом с ноутбуком, пишет что-то. Пощёлкает, пощёлкает клавишами, нахмурится, вздохнёт тяжело, на меня посмотрит и скажет грустно: «Эх, Шиша...» Значит, не получается у него ничего. Что именно не получается, мне неизвестно, но дедушку жалко. Встанет он из-за стола, упрётся руками в столешницу и глядит на экран ноутбука задумчиво. Покачает головой и снова на меня посмотрит: «Да, Шиша...» А потом к окну подойдёт и на речку долго глядит: плечи опущены, взгляд грустный.

Очень жалко мне дедушку в это время. Всеми силами пытаюсь ему помочь: «Эй, где ты, вдохновение? Ну-ка, бегом к дедушке!» Дедушка его не видит, а я хорошо вижу вдохновение это, что от писателей прячется. Вон опять на шкафчике верхом устроилось и на дедушку глядит лукаво: догадайся, где я спряталось? Тут уж как фукну я на него — а ну, живо к дедушке лети! — так его со шкафа как ветром сдувает.

Сядет вдохновение дедушке на плечо и побежит тот радостно к столу клавишами щёлкать. Нашёлкается вдоволь, взгляд на меня

подымет и воскликнет весело: «Так-то, Шиша!» Гитару, что в углу стоит, схватит и давай на ней весёлые мелодии наигрывать. Несерьёзный какой-то дед! Ему бы валенки возле печки подшивать, а он на гитаре бренчит, аж в ушах звенит. Побренькает он недолго и опять к столу клавишами щёлкать.

Как и у всех детей, у Эвелины есть папа и мама. Папа большой и сильный, а мама небольшая и строгая. Это даже Эва признаёт: «Мама у меня строгая, но весёлая». Любит Эва папу и маму. Как приедут они в выходной на дачу, а Эвелина с бабушкой всю неделю на даче живёт, так и прыгать вокруг них Эвелинка начинает, обниматься. Поговорить взрослым не даёт. Покачаю я неодобрительно головой, но что с ребёнка взять, наскучался по родителям... А бабушка обязательно это заметит. Подойдёт к печке, где я стою, да и скажет:

— Вот кажется мне, что опять кто-то Шишу трогал: раньше он прямо стоял, а теперь в пол-оборота.

Все отнекиваются и получается правдоподобно. И это правда, меня ведь и верно никто не трогал. Но бабушка всё равно посмотрит на всех подозрительно, а Эвелинке на всякий случай ещё и пальцем погрозит: «Не лазай на печку, не трогай Шишу!» А она и не трогает, но если стул к печке пододвинет, да на него залезет, да на цыпочки привстанет... то чуть-чуть до меня не дотягивается. Но, думаю, скоро дотянется, и тогда...

Вот тогда мы с ней и подружимся по-настоящему!

А пока я на печке стою, из-за трубы выглядываю, а Эвелинка в куклы играет. Чаше дома мы одни бываем: бабушка на грядки уйдёт, дедушка в сарае молотком стучит, родители в городе на работе трудятся. Эва куклы вытащит, вокруг себя рассадит и скажет: «А теперь будем в ферму играть». И такой тут тарарам начинается, что хоть уши затыкай: коровы мычат, лошади ржут, овцы блеют, петухи кукарекают, а гуси шипят. Любой язык животных может имитировать Эвелинка. Ну а куклы, у неё, естественно, человеческим языком разговаривают. Правда, опять Эвелинкиным. И откуда только четырехлётний ребёнок столько языков знает? Поудивляюсь я тому обстоятельству и продолжаю дальше стоять как ни в чём не бывало.

Но однажды случилось непредвиденное. В открытую дверь забежал соседский кот Тимка. «Тс-с-с!» — зашипел я на непрошенного гостя. Но Тимка был ещё тем разбойником, не даром его боялись все соседские коты. Да, пожалуй, и собаки. Тимка хитро посмотрел на меня зелёным глазом и... заскочил на печь.

— Ну что, съел? — нагло промяукал он, глядя мне в лицо, показывая этим, что мои сверхъестественные чары вовсе не действуют на него. Да и то правда, не зря же котов всегда наделяли магической силой. А кот между тем стал ходить по приступочку чуть пониже трубы, норовя задеть меня своим пушистым хвостом.

— Иди отсюда, проныра, — мысленно стал прогонять я его. — Нечего тебе здесь тереться. Лучше с котами соседскими воюй...

Кот отлично меня понимал, ведь язык животных в основном и состоит в телепатическом общении, но продолжал ходить по приступку туда-сюда, всё так же угрожая дотронуться до меня хвостом. Чего он хочет?

Словно услышав мой вопрос, кот вновь взглянул на меня, теперь уже обоими зелёными глазищами, и промяукал с вызовом: «Скоро узнаешь!» При этом он махнул хвостиком так, что я — о-о-о! — полетел на пол.

— Ну что, не разбился, соломенный? — спросил кот с ехидцей и выскочил вон из дома. Вот вредное животное, и зачем только люди котиков заводят?!

Я лежал на полу, не зная, что мне делать: ходить я не могу, вставать сам тоже не умею, а могу только стоять, да и то, если кто-нибудь меня на ноги поставит. Но кто это сделает, если в доме никого нет?

Странное это чувство, когда глядишь на потолок, лёжа на полу, — вроде ты внизу, а глазами по потолку ходишь. Вон там сучок на медведя похож, а вон там, пожалуй, голову оленя напоминает — так трещинки в разные стороны разбегаются. А вон, правее, заяц с ушами, а левее — охотник, в зайца целится. А это явно голова носорога. Да тут целая жизнь, на потолке-то!

— Шишенька, ты чего же здесь разлётся?

Слава богу, Эвелинка пришла и нашла меня на полу лежащего. Взяла она меня на руки, прижала к груди, словно куклу какую-нибудь, и давай укачивать.

— Э, я не лялька! — возмутился я подобному обращению. И, о чудо, девочка услышала меня!

— Шишенька, да разве ты разговаривать умеешь? — удивилась Эва. Надо признаться, что я и сам удивился не меньше её этому обстоятельству.

— Кажется, да, — неуверенно подтвердил я. — Но только надо здесь уточнить, кто на каком языке разговаривает — я на человеческом или ты на домовёнском?

Девочка на минуту задумалась, но очень оригинально разрешила этот вопрос:

— Ты же, Шиша, на кукольном языке разговаривать не умеешь, а я умею, значит, и на языке домовых могу говорить. Да разве это главное? Главное, что мне есть сейчас с кем разговаривать!

Тут она посадила меня бережно на ладонь и понесла в сад.

Я раньше, стоя за трубой, часто слышал, как домочадцы разговаривали про сад да огород, но своими глазами его никогда ещё не видал. А посмотреть-то было на что!

Сколько здесь было цветов! Раньше-то ведь я их только в вазах видел букетами, а сейчас!!!

Цветы росли повсюду: красные, жёлтые, белые, фиолетовые, розовые, голубые... Всякие, всякие. Высокие и низкие, крупные и не очень, врозь и целыми клумбами. Мне с Эвелинкиной ладошки всё хорошо было видно.

— Смотри, Шиша, сколько мы с бабушкой и мамой цветов насадили, — похвасталась девочка. — Вон видишь, пушистые? Это астры, а вон те, красные? Это розы! Знаешь, как они вкусно пахнут? А вот эти разноцветные — циннии, а эти, жёлто-чёрные, я... забыла как называются, и вот эти фиолетовые какое-то смешное название имеют: то ли педунии, то ли цветунии... А вот мои любимые васильки... И эти маленькие я очень-очень люблю! И вот эти...

Эвелинка всё говорила и говорила, но я уже не мог воспринимать информацию, потому что её оказалось бы слишком много даже для

человека, не то что для соломенной игрушки, которой в сущности я был.

— Здорово, — вот и всё, что я мог ей ответить.

Тут из-за яблони, которую я раньше только в окно и видел, появилась бабушка. В руках у неё была маленькая лопатка и пластмассовое ведро, в которое, вероятно, она собирала сорняки.

— С кем это ты, Эвочка, разговоры ведёшь? Не с котом ли соседским, что только что мимо меня пробежал?

— Нет, бабуля, это я с Шишей разговариваю, а кот от нас как раз и убежал. Он ещё и Шишу на пол уронил, разбойник.

— Он такой, — согласилась с внучкой бабушка, — вчера меня чуть с ног не сбил, так нёсся... А что, разве Шиша голосом человеческим заговорил? По-русски или по-своему, как домовые?

— Это я, бабушка, по-домовёновски заговорила, — похвасталась довольная Эва. — Ты ведь знаешь, что я и по-кукольному могу говорить, и по-птичьи, и как животные! Хочешь, я по-английски тебе что-нибудь скажу?

И, не дожидаясь ответа, тут же протарабанила:

— Эки, меки, фреки, пеки... Это, бабушка, означает...

Но договорить Эвелинка не успела, потому что то, что произошло далее, не поддается никакой фантазии.

На наших глазах бабушка вдруг стала уменьшаться в размерах. При этом одежда на ней из спортивного костюма начала преобразовываться в диковинный наряд — длинное зелёное платье с высоким кружевным воротом. Никогда мне не приходилось видеть подобного платья ни на бабушке, ни на маме Эвелины, ни на их гостях. Кроссовки бабушкины превратились в красные туфельки с серебряными пряжками, а на голове появилась высокая причёска с вплетённой в волосы жёлтой лентой. Но на этом чудеса не закончились. Точно так же стала уменьшаться и Эвелинка. И только когда девочка достигла высоты среднего размера бархатца, процесс остановился. Ну а я остался прежним, то есть стал с Эвелинкой ростом. Или она с меня. Но, что интересно, одежда наша, в отличие от бабушки, совсем не изменилась: на девочке остались футболка с надписью «Винкс», джинсовая юбочка, белые гольфы. На ногах — сланцы. А на мне всё та же жилетка зелёная, колпачок красный, брюки коричневые, в сапоги заправленные, — ну, в общем, всё то, о чём я и говорил в начале повествования.

— Что это? — воскликнула новая «дюймовочка». — Кто Вы? — обратилась она с вопросом к своей бывшей бабушке, а ныне загадочной даме с незнакомым прекрасным лицом. — Где мы? — а этот её вопрос был уже адресован мне.

Но на все вопросы ответила загадочная дама.

— Ваше Высочество, — произнесла она мелодичным голосом. — Вам не стоит ни о чём волноваться: произошло обыкновенное чудо, какими весьма богат наш прекрасный сад. Я — Ваша первая фрейлина и приставлена к Вам до Вашего совершеннолетия. К сожалению, Вы долго отсутствовали и в нашем цветочном королевстве произошли большие события. Судя по Вашему неизвестному мне наряду, Вы обитали в каких-то дальних странах. Быть может, Вас захватили в плен басурмане из Страны репейников, или похитил великан по имени Артёмка, гоняющий по окрестностям на огнедышащем дра-

коне? Или, о боже, Вас заманил в ловушку этот ужасный разбойник кот Тимош?! Но, видя Вас, Ваше Высочество, в полном здравии, да ещё и с другом, сердце моё успокоилось. Добро пожаловать в Ваши чудные владения — в летний сад-огород.

Дама сделала реверанс и склонила перед Эвелинкой голову.

— Да, ну и как же меня зовут? — поинтересовалась удивлённая девочка.

Дама подняла голову: лицо её было просветлённым.

— Ваше Высочество, Вы — принцесса Зыряночка, единственная дочь короля Володимира Первого и королевы Елены Распрекрасной. Но вот уже два дня как они отсутствуют по причине своего визита к барону Константину Подольховскому.

— Как же всё это странно... — протянула девочка. — Король, королева, принцесса... Да, а где же моя бабушка? Ведь Вы — не она?

Дама не ответила ни да ни нет, а лишь повторила: «Я приставлена к Вам до Вашего совершеннолетия».

— А как же я оказалась здесь? — не унималась Эвелинка.

— Вы произнесли четыре волшебных слова — эки, меки, фреки, пеки.

— Но ведь я думала, что говорю по-английски!

— Языки нужно учить, Ваше Высочество. А в данном случае Вы сказали четыре самых волшебных в нашей стране слова и оказались здесь, в цветочном королевстве.

Эвелинка огляделась. Четыре слова, а как всё изменилось! Невысокие кусты розы вдруг превратились в густые заросли, практически все цветы, исключая, пожалуй, маргаритки, стали много выше нас, а уж яблоньки и вишни... так те вообще, как нам теперь казалось, буквально вросли в небо.

— Да, Шиша, похоже, мы попали с тобой в сказку. Ну-ка, ушипни меня посильнее.

Я потянулся к Эвелинке и вдруг самостоятельно встал на ноги. Ого! Я присел, снова встал, снова присел и снова встал — и заплясал на месте.

— Ай-я-яй, а-я-яй! Ай, яй-а-я-яй! — пел, выкидывая замысловатые коленца. — Зачем мне шипать тебя, Эвелиночка? Видишь, я сам танцую! А это значит, что мы и правда очутились в сказке! В настоящей сказке, где соломенные домовята говорят человеческим голосом и по-настоящему ходят по земле!

Первая фрейлина вновь обрётённой принцессы на это лишь снисходительно улыбнулась:

— Когда наступает весна, здесь всегда рождается сказка — ведь цветы не растут зимой, как и не созревают зимой овощи и фрукты. Зимой замерзает река, а земля покрывается огромными снежными сугробами. Здесь воют ветры, а вьюга загоняет всё живое в тёплые норы. Но, впрочем, это уже история другого королевства. А в нашем — цветы и ягоды, солнце и тёплая вода в реке, красивые бабочки и галантные жуки, сочные овощи и спелые фрукты... Хотя вот здесь-то и кроется нынешняя беда нашего королевства... — Тут первая фрейлина горько вздохнула: — Помидоры и огурцы поссо-рились и поэтому к королевскому столу перестали подавать салат. Это печальное событие произошло совсем недавно, три дня назад, но оно буквально перевернуло всю нашу спокойную жизнь, ведь салат

из помидоров и огурцов всегда был первым королевским блюдом.

Глаза дамы стали влажными, было видно, как остро она переживает случившееся.

— Подождите, — воскликнула Эвелинка, — да из-за чего же они могут поссориться? Вот смех-то!

— Не скажите, Ваше Высочество. Спор их весьма принципиальный: помидоры не хотят, чтобы их заправляли сметаной, а огурцы, в свою очередь, не признают подсолнечного масла. Из-за этого никто из них не желает лезть в салат!

— Да кто же их спрашивать-то будет?! — весело воскликнула девочка. — Хвать за бока — и в тарелку!

— Это невозможно, — вновь покачала головой дама. — У каждого из них свои укрепленные замки под названием «теплицы», и свои крепостные ворота они держат на замке. Впрочем, Вам нужно поговорить обо всём с герцогом Кабачком. Эй, ездовые! — дама хлопнула в ладоши и к нам лихо подрулила карета, весьма похожая на плетённую из ивы корзинку для грибов, в которую были запряжены три полевые мышки.

Мы все погрузились в корзинку, дно которой было выстлано мягкими лопушками, и мышки лихо помчали нашу карету на другой край садового участка. Хотя о чём это я говорю? На другой конец цветочного королевства!

Мне трудно судить, долго ли мы ехали, ведь я никогда прежде не ходил по тропинкам сада-огорода, но через какое-то время карета остановилась возле красивого дома-дворца, наличники которого были окрашены в красный и зелёный цвета. Недалеко от дворца расположился песчаный пляж в обрамлении деревянного забора.

— О, это же мой игровой домик для кукол! — воскликнула Эва. — А это моя песочница, где я играю со своими подругами! Но какие они стали огромные! Раньше я запросто перешагивала через ограждение песочницы, а теперь мне понадобится лестница. А мой игровой домик и вправду стал как дворец! Как же я раньше этого не замечала!

Мы все вошли во «дворец». На широких лавках сидели придворные дамы в пышных нарядах, а в центре, перед красивой лавочкой, стоял толстяк в зелёном камзоле.

— Позвольте представиться, Ваше Высочество, — низким голосом произнёс толстяк. — Герцог Кабачок.

Толстяк поклонился и указал на красивую лавочку:

— Пожалуйста, присаживайтесь на королевский трон, Ваше Высочество! Пока Ваши родители находятся в гостях у барона Константина Подольховского, Вы здесь главная персона, которой позволено повелевать и командовать в королевстве.

— Ага! — обрадовалась Эвелинка. — Я всегда говорила бабушке и дедушке, что я на даче главная, а они мне: «Не главничай, не главничай!» Всё же я была права! Так, а вы, мои бывшие куклы, а теперь придворные фрейлины, признаёте, что я здесь главная?

Придворные фрейлины поспешили закивать головами (многих из них я уже видел в нашем доме, ведь все они и вправду были из кукольной компании Эвелинки).

Эва, хотя теперь уже — принцесса Зыряночка, царственной походкой прошла к скамье-трону и села.

— Так, значит, я и вправду принцесса? — Она величаво повела

головой влево, потом вправо, оглядывая своих подданных. Подданные в знак согласия почтительно склонили головы. — О, кого я вижу! Это же мой Бык! Я всегда так любила с ним играть.

Глаза принцессы смотрели в сторону бывшей игрушки, а ныне статного генерала в синем мундире. Глаза военного горели огнём, руки по швам, носки чёрных ботфуртов блестели свежей ваксой.

— Позвольте Вам представить, Ваше Высочество, генерала фон Быка, — рекомендовал бравого военного герцог Кабачок.

Принцесса Зыряночка кивнула головой генералу, отчего грудь у того выгнулась «колесом», а глаза просто заискрились отвагой.

— Так в чём же проблемы моего королевства? — воскликнула принцесса. — Отчего помидоры и огурцы вступили во вражду? Объясните это мне и моему верному министру Шише.

Если бы я был сделан не из соломы, то мои щёки в этот миг зарделись бы от удовольствия. Как же я — и министр! Принцесса повела рукой, указывая мне моё место возле себя.

Вперёд выступил герцог Кабачок.

— Это всё проклятый кот соседского султана Курбаши-бея, Тимош! — сказал он. — Это он нашептал им, что помидоры нужно есть только с подсолнечным маслом, а огурцам наоборот — только со сметаной! Настоящее предательство, Ваше Высочество. Тимош положил глаз на подворотню Вашей бани и просто мечтает всех поссорить, чтобы захватить этот объект. Он злейший враг нашего королевства и потому Ваши родители поехали к Вашему дяде барону Константину Подольховскому за подмогой — английским бульдогом Храпулем.

— Ах, вот оно что! Да, я знаю такую собачку, — припомнила Эвелинка. — Её зовут... её зовут... ну вот, кажется, забыла. Шиша, как же её зовут?

— Яша, — помог я принцессе, чем остался очень горд.

— Да, да, — согласилась девочка, — но, пожалуй, бульдог Храпуть звучит более устрашающе, ведь правда?

Все придворные поспешили согласиться. А я тем более: кому, как не мне, знать, как храпят английские бульдоги, ведь он нередко спал возле нашей тёплой печки.

— Я хочу поговорить с бунтовщиками, — заявила принцесса. — И немедленно. Пригласите ко мне во дворец этих, ну как их там, по-вашему?

— Сеньора Помидора и кавалера Огурца, — услужливо подсказал кто-то из придворных.

— Пор-р-рубить их всех в капусту — и все дела! — тут же рявкнул генерал фон Бык.

— И полить уксусом... — тихо добавил кто-то из подчинённых.

Королевская стража поехала за бунтовщиками.

Через четверть часа перед принцессой Зыряночкой предстали толстый красный сеньор Помидор и стройный красавец кавалер Огурец. Они встали по разные стороны королевского зала и склонили перед принцессой головы.

— Что же вы, голубчики, ссоритесь? — миролюбиво спросила принцесса. — Сколько веков помидоры и огурцы мирно уживались в салате, а теперь вы слышать не хотите друг про друга? Разве это красиво?

— Помидоры в сметану не полезут, — мрачно заявил сеньор Помидор.

— А огурцы — в подсолнечное масло, — задиристо объявил кавалер Огурец.

— Хватит, натерпелись от этих зелёных, — продолжил сеньор Помидор.

— А мы — от красных, — ещё более задиристо воскликнул кавалер Огурец.

— Ещё и шпионов своих, зелёных — Петрушку с Укропом, — вечно подсовывают, — гнул свою линию сеньор Помидор.

— А вы этого вонючку Лука за собой везде таскаете, — начинал сердиться кавалер Огурец.

— Он не вонючка, — налился уже бордовым цветом сеньор Помидор, — он полезный, он микробов убивает.

— Это я тебя сейчас убью здесь на месте, — вскипел кавалер Огурец и выхватил из ножен острую шпагу.

— А я — тебя! — зло крикнул в ответ сеньор Помидор и вытащил из широких штанов (вот хохма, никогда у помидоров я штанов не видел) огромный пистоль и прицелился в танцующего перед ним со шпагой Огурца.

— Ну, хватит, надоели! — принцесса вскочила со своего места. — Шиша, — обратилась она ко мне, — готовь указ: помидоры — в кетчуп, огурцы — на засолку! И всех закатать в банки.

Сеньор Помидор и кавалер Огурец от такого решения замерли на месте, генерал фон Бык крикнул, все же подчинённые просто ахнули. Герцог Кабачок негромко захлопал в ладоши:

— Браво, Ваше Высочество, очень мудрое решение. Но как же быть с салатом?

Принцесса на секунду задумалась, а потом обратилась к первой фрейлине:

— Первая фрейлина, что Вы любите, кроме салата?

Первая фрейлина сделала полагающийся книксен и промолвила мелодичным голосом:

— Конечно же, винегрет!

— Вот! ВИНЕГРЕТ! — с акцентом на каждом слоге продекламировала принцесса Зыряночка. — Именно винегрет! Что туда входит?

Первая фрейлина вновь сделала книксен:

— Капуста, картофель, лук и, конечно же, морковка со свёклой, Ваше Высочество! — при упоминании последних двух компонентов лицо первой фрейлины прямо-таки засветилось от удовольствия.

«Совсем как моя бабушка», — подумала принцесса, но вслух спросила:

— Надеюсь, они не ссорятся?

— Никогда! — поспешил заверить герцог Кабачок. — А также очень уважают подсолнечное масло!

— Очень хорошо, — осталась довольна принцесса Зыряночка. — А этих... — она указала на сеньора Помидора и кавалера Огурца, — в банки, пока не одумаются!

— Браво, браво!!! — зааплодировали придворные. — Какое мудрое решение, Ваше Высочество! Даже Ваш отец, король Володимир Первый не смог догадаться до такого справедливого наказания для этих задир. В банках им самое место!

Стража увела сеньора Помидора и кавалера Огурца. Вид у них был кислый, и я бы даже ещё подумал, годятся ли они для маринования, прежде чем закатывать их в банки.

Я стоял рядом с королевской скамьёй и солнце светило мне прямо в глаза. Но я не отворачивал лица от прямых лучей, так как чувствовал себя не соломенной игрушкой, а отважным рыцарем, готовым отдать жизнь за свою принцессу. Испытание ярким светом было лишь малой частью тех подвигов, которые я готов был совершить во имя принцессы Зыряночки. И эта возможность не заставила себя долго ждать.

Во дворец буквально влетел некто в зелёном мундире.

— Виконт Горох, что с Вами? — спросил генерал фон Бык. — Почему Вы покинули вверенные вам войска?

Голос генерала был суров. Незнакомец, которого назвали виконтом Горохом, поспешил доложить:

— Господин генерал, случилось то, чего мы больше всего боялись, — они перешли в наступление! Неприятель занял стратегические рубежи под соснами и облепихами, перейдя границу владений султана Курбаши-бея с востока.

— Гром и молния! — разразился проклятиями генерал фон Бык. — Мы этого ожидали и в то же время не ожидали! Какой месяц на дворе?

— Кажется, июнь, — подсказал кто-то робко из дворцовой челяди.

— Очень рано! Мы их ждали только в июле! Вот скользкие типы, никогда не дадут снять с себя шкуру просто так: так и вертятся в руках, так и вертятся!

Мы с принцессой напряглись.

— Да о ком же речь? — воскликнула принцесса Зыряночка. — Что за враги? Почему они не известны мне?

Генерал крикнул:

— Это маслята, мелкие скользкие грибы, что взяли привычку расти под нашими соснами! Но они могут вырасти и до огромных размеров, а вот тогда ещё хуже — превращаются в мокрое место и засор-ряют пространство. Грибы захватывают территорию нашего цветочного королевства и движутся всё ближе к священному месту — Беседке отдыха, где король Володимир Первый любит выпить баночку пенного напитка под названием «Бравария». Не зря же он у нас такой бравый!

— А что же наши войска? — спросил фон Бык виконта.

— Все наши войска уничтожены ещё до начала боевых действий, — уныло доложил виконт Горох.

— Кем?! — удивился фон Бык.

— Только созрели наши первые подразделения — зелёные стручки, которые впоследствии и должны были стрелять горошинами в неприятеля, как появилась пара маленьких великанов — мальчишка и девчонка, — и стала проворно поедать королевский горох!

— Да никакие это не великаны, это Катя с Женей, мои друзья! И горох мы вместе с ними ели... — воскликнула принцесса.

Все изумлённо обратились взглядами к Эвелинке (тыфу, запутался уже совсем) — принцессе Зыряночке. Принцесса смутилась, посмотрела на своих маленьких подчинённых, на меня, на себя и горестно вздохнула:

— Ну да, великаны... Сlopали весь гороx...

— Вернее, нашу артиллерию, — с укором в голосе поправил принцессу генерал фон Бык.

Принцесса горестно кивнула головой: «Да, артиллерию».

— Значит, нам нечем оборонять наши границы? Они захватят наше королевство? — послышались панические нотки в голосах: придворные были явно удручены перспективой оказаться в плену у каких-то там грибов. Общее уныние повисло в воздухе. Все лихорадочно искали решения возникшей проблемы.

— А в грибовницу их не пробовали? — вдруг спросила принцесса. — Или в жарёху?

Повисло долгое молчание.

Наконец из-за спины дворцовой челяди выглянул некто со странным фиолетовым лицом.

— Я — королевский повар, месье Бак Ложан. Пожалуй, это не лишено смысла. Ведь, в принципе, чего желают все грибы в лесу — чтобы из них приготовили грибовницу или жарёху. А ведь маслята — те же грибы, хоть и скользкие. Промыть, шкурку снять, ножичком порезать, да и на сковородку! Ура принцессе Зыряночке! У нас нет больше врагов, а есть огромные плантации грибов! И в лес ходить не надо!

Многоголосое «ура принцессе Зыряночке!» разнеслось по округе. От него сторожевой пёс Пушок в страхе кинулся в самый дальний угол своей конуры, а сторож дачного кооператива резко проснулся и спросонья пальнул из дробовика в крону близстоящего дерева. Оттуда, громко кляня хулигана, вылетел ворон и зацепил крылом антенну пенсионеров Мошкиных. Изображение в их телевизоре сбилось и по экрану пошла тёмная рябь. «Всё, конец света!» — подумал пенсионер Мошкин и полез спасать заначку. За этим занятием его и застала бдительная супруга. Заначка немедленно была изъята и впоследствии использована с умом — на закупку навоза.

Всех охватила неопиcуемая радость от того, что в цветочном королевстве нет больше врагов. Все обнимались, целовались и пели песни. Но радость оказалась недолгой — в дверном проёме вдруг показалась... Нет, я даже боюсь об этом рассказывать дальше! Вы думаете — приведение? Или монстры из страшных мультиков детям до пяти лет? Нет, вы определённо ошибаетесь!!!

Это была рыжая наглая морда соседского кота Тимки, которого здесь все считали страшным разбойником по имени Тимош. Именно этот башибузук столкнул меня с печки на пол. Именно он обещал мне, что я скоро что-то узнаю.

Все отпрянули от дверей и только принцесса Зыряночка смело протянула руку к коту:

— Тимошенька, дай-ка я тебя поглажу!

Но не тут-то было! Это раньше Тимка был Тимошенькой и вполне мог уместиться у Эвелинки на коленях. Сейчас же это был огромный зверь с огромными клыками, острейшими когтями и длиннющим хвостом. Мало того, он умел разговаривать.

— Ну что, испугались, куколки-цветочки, травинки-былинки, кабачки-баклажанчики? Порядки тут свои наводите, пока папы-мамы на даче нет? Цветочное королевство развели? Под баню меня пускать не хотите? А я вот вам сейчас всем покажу!

Тут котяра заскочил во дворец (он же игрушечный дом) и начал всё крушить-ломать.

В одну сторону хвостом махнул — герцог Кабачок на свою грядку улетел и под широким листом спрятался, в другую махнул — виконт Горох мелкой дробью-горошинками в борозду из своего зелёного сюртука сквозанул. Генерала фон Быка схватил за бока и давай трепать в разные стороны. А потом спину выгнул дугой и на принцессу Зыряночку грозно пошёл: «А почему ты косточку куриную в понедельник не мне отдала, а Пушки отнесла?»

— Послушайте, хулиган, — обратилась к нему первая фрейлина. — Вы ведёте себя неприлично, извольте выйти отсюда вон!

— А я университетов в отличие от некоторых не кончал, — нагло ответил кот. — И веду себя так по праву сильного, то бишь самого крупного!

— Э, позвольте, я вам не позволю позволять себе здесь то, что не позволено! — сложно заговорила первая фрейлина. — Я, в конце концов, бабушка этой девочки и сейчас покажу вам, где раки зимуют!

Тут первая фрейлина стала озиаться в поисках предмета, достойного лба разбойника Тимоша.

«Всё-таки бабушка! — обрадовалась Эвелинка.

«Штирлиц. Под прикрытием работает», — расшифровал наконец-то и я бабюлю.

Но нужного предмета поблизости не оказалось, и бабушка решила убить наглеца словом:

— Вы... вы... вы — кот... трусливый! — выпалила она с вызовом.

Тимош прямо-таки опешил от такого определения.

— В смысле? — удивлённо протянул он.

— А без всякого смысла, — уверенно и смело продолжала бабушка — первая фрейлина. — Видели мы, как вы от Пушка улепётывали... поджав хвост!

— Ну, было дело, струхнул маленько. Это не в счёт!

— А вот счёт как раз я тебе и предъявлю, — тут я храбро вышел на середину зала и принял боксёрскую стойку.

Кот нисколько этому не удивился.

— А вот и наш рыцарь... Ну, получай, боксёр, — насмешливо протянул он и занёс надо мною лапу. Признаться честно, мне стало страшно, но не мог же я показаться трусом перед моей маленькой принцессой! Да и перед бабушкой, которая мне конфеты всегда на печку подкладывала, тоже.

Я зажмурил глаза и храбро бросился в бой. Я молотил руками с такой яростью, что воздух возле моих кулаков стал горячим. То ли Тимош был таким мягким, то ли он так умело увёртывался, но никакой преграды мои кулаки не ощущали. Тем не менее вокруг начали раздаваться одобрительные возгласы: «Так ему, этому разбойнику Тимошу! Дай ему ещё похлеще! Вот это боксер, знай наших!» От этих одобрительных криков я молотил руками ещё шибче, так и не открывая глаз, пока не почувствовал, как кто-то берёт меня за подмышки и поднимает вверх. Вот тут, наконец, я глаза и открыл.

— Ну что ты, Шиша, развоевался? Давно уж прогнали этого нахала Тимку домой, на участок соседей Курбатовых, — говорил мне Эвелинкин папа Вова, усаживая меня на ладонь.

— А принцесса? То есть Эвелинка? — спросил я, отпыхиваясь.

— Да вот она, жива и здорова, — это уже мама Лена голос подала.

Эвелинка действительно стояла рядом с мамой и улыбалась.

— А кто же Тимоша прогнал? Какого такого боксёра тут хвалили?

— А это вон дядя Костя с тётей Наташей приехали, а с ними и «боксёр» их английский, Яшка, прибыл. Вот он и нагнал страху на соседского кота.

— Барон Константин Подольховский? — решил уточнить я.

— Да, у них возле деревни Ольховки дача, но бароном вряд ли кто-нибудь его там называет: пашет на грядках, как раб на галерах, — пошутил подошедший дедушка.

С ним была и первая фрейлина — бабушка. И была она уже снова в своём спортивном костюме.

— Чудеса! — протянул я.

— Чудеса, Шиша, это то, что ты голосом человеческим заговорил, — сказала бабушка.

— Это всё потому, что я слова волшебные сказала — эки, меки, фрэки, пеки, — вновь решила похвастаться Эвелинка.

И тут произошло второе чудо — я снова превратился в обычную соломенную игрушку — домовёнка, который, увы, не умеет говорить человеческим голосом. То есть стал прежним. Но бабушка этому факту не огорчилась:

— И то правда, — сказала она. — Если у нас из-за трубы игрушки будут советы давать гостям человеческим голосом, то гости подумают, что они заболели. И все лягут в больницу, а кто же будет урожай выращивать?

Все тотчас с ней согласились. Да и мне стало жаль гостей, которые ещё не заболели, но почему-то могут заболеть.

Бабушка бережно забрала меня у папы Вовы и отнесла в дом, где установила на постоянное место за печкой. Когда она ушла, пожелав мне дальнейшей хорошей службы, Эвелинка встала на цыпочках на стул и уже совсем легко дотянулась до меня.

— Спасибо, Шишенька, ты — мой рыцарь, — шепнула она мне тихонько.

Так и стою я опять за трубой и за порядком слежу в доме.

Работы — невпроворот!

Андрей ЗЕЛЕНИН (об авторе см. с. 152)

ЗАЯЧЬИ СКАЗКИ

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ В ЛЕСУ

Захотелось зайцу морковки. А где взять — в лесу морковка не растёт! Пришлось косому из лесу да через поле в деревню к мужику скакать. Прискакал заяц. Шасть! — в огород сразу же. А и там морковки нет. А отчего нет? Так ведь зима: не растёт зимой морковка — ни в огороде, ни в лесу.

Расстроился косой: с пустыми лапами домой возвращаться? А чего с пустыми-то? — взял и прихватил у мужика в сарае первое, что попало — лопату. С лопатой в лес и поскакал.

Тяжело зайцу с ношей. А бросить — жалко. «Жалко» чуть и не подвело. Только зайцу в лес — лиса навстречу.

— О! — говорит. — Заяц! — И облизнулась, было. Да тут же и призадумалась: — А чего это ты с лопатой-то?

Куда от лисы с тяжестью? Не сбежать. Тут бы и смерть принять косому, да думка в голову пришла.

— А вот! — заяц сказал. — Яму копать стану!

— Почто — яму? — лиса не поняла.

Заяц и тут нашёлся!

— Медведь пойдёт — свалится! — сказал. — Волк побежит — упадёт! Ты, опять же... Всех в яму переловлю! — косой разошёлся. — Самым главным в лесу буду!

Вот тут лиса в другой раз призадумалась:

— Всех, говоришь, переловишь?

— А чего нет? — заяц хмыкнул. — У меня ж лопата! А у вас?

Выдал так косой и ждёт, что дальше будет.

А лиса свою думку придумала, да и давай зайца просить-упрашивать:

— Заинька, а зайнька! Косенький, а косенький! А дай мне свою лопату!

— Зачем это? — заяц будто не понял.

— Да я сама яму-то выкопаю! — лиса призналась. — Яму-то я побольше, чем ты, выкопаю! Не медведь в неё с волком свалятся — все зайчишки! Будет вам в яме и теплее, и веселее! — закрутила хвостом рыжая. В сторонку добавила — тихонько: — Вам, косым, теплее — мне, лисе, сытнее.

— Да? — заяц теперь призадумался. И расшедрился: — На, бери!

Лиса тут же лопату и схватила. Да — давай: снег раскидала — полянку очистила. А дальше — всё, встала — тяжко. Из-за зимы земля-то смёрзлась — не справляется с ней лиса, не выходит у неё копать.

Косой и тут насоветовал!

— Ты, — говорит, — рыжая, волка в долю возьми — позови! На пару-то, глядишь, и справитесь!

Лиса не задумывалась — быстрёхонько за серым разбойником сбегала. Возвращалась — все уши сказками запела:

— Яму большу-ую выкопаем! Всех зайцев в неё поймаем! Ох и попируем!

Ну, волк и не спорил. Сперва шибко за лопату взялся — копал-старался, пыхтел, а после чего-то сел.

— Устал, — сказал. — Сил не стало.

А ямы-то — в полволка не вышло!

Косой по-новой совет даёт:

— А вы, братцы, медведя разбудите! Пусть и он с вами потрудится!

Что тут скажешь? Молодец, заяц, хорошо насоветовал!

Сбежали лиса с волком в берлогу — позвали косолапого на подмогу: разбудили, подняли, на лапы поставили, на снежок вывели, лопату дали — копай, батюшка, опосля зайцами накорми-и-им!

Большу-у-ую медведь яму вырыл — глубоко-о-о-ую! И сам в ней поместился, и лиса с волком в ней остались — медведю копать помогали. Надо бы вылезать — а как? Стали косоного просить:

— Заинька, а зайнька! Помоги — лапку подай!

А заяц удивляется:

— Почто?

— А мы вылезем, — лиса говорит — волк ей подлакивает, медведь башкой потряхивает. — Вылезем!

— А зачем? — заяц другой раз удивляется.

— А нам здесь нехорошо! — лиса за всех, за своих, отвечает.

Тут косой и выдал, да как следует! Сперва, правда, лопату забрал: мол, возвращать надо. А после того сказал!

— Вам нехорошо, — сказал, — а мне так замечательно! — И — ускакал — к мужику в деревню: — Прости, хозяин, вещь попользовался! — После в лес вернулся: — Дела у меня всякие...

Так с тех пор косой в лесу и живёт без морковки, без лопаты, а... самый главный в лесу!

ПРО ЗАЙЦЕВ ДА ВОЛКОВ

В одном лесу дело было.

Решили как-то зайцы: всё, хватит с нас! Сколько можно волков бояться — надо от них избавляться! А как? Силы медвежьей нет, хитрости лисьей Бог не дал, ружья не купить, охотника для защиты не нанять... А волки зайцев ловят да едят, ловят да едят — самым косым из косых и то не брезгают!

Собрались зайцы на совет — один и выдал!

— А что, братцы! — сказал. — Ведь когда волки нас едят, от того толстеют?

— А то как же! — зайцы взгрустнули. — Едят да толстеют!

— Дак давайте тогда так! — косой предложил. — Давай их, проклятых, так нами накормим, чтобы они... лопнули!

— Лопнули? — задумались зайцы — замолчали. А после того решили: — А чего терять? Так и так смерть принимать! А тут, глядишь, кому и вывезет. Нас всяко больше, чем волков. Одни пострадают, так другим легче будет!

Ну, и пошли зайцы волков искать. Ну, и нашли, конечно. Те на полянке отдыхали — одни лежали да спали, другие спали да лежали. Ничего не ожидали волки, не ведали, а тут вдруг зайцы! Да толпою:

— А ну, ешьте нас, клятые!

Волкам чего отказываться, коли обед с ужином сами явились, — принялись зайцев есть. Да такая беда: одного кусануть не успевают, другой тут же лезет — товарища в сторону отпихивает да ругается:

— А ну, не кусай давай, так глотай — не прожёвывай!

До чего дошло! — принялись косые волков ловить: четверо за лапы держат, двое пасть растягивают, седьмой — сам! — в глотку лезет! Да ещё и пишит грозно:

— А ну, кому говорят, глотай, пока не рассердил!

Тут чего-то волков страх и разобрал. Один под куст полез, другой — на куст, третий — вовсе из лесу вон!

А зайцы — следом! Вопят, галдят — волкам грозят, спуску не дают: ловят — да в пасть им! Ловят — и в пасть!..

Немного волков из лесу-то живыми ушло; лопнуть, конечно, не лопнули, а вот подавились — каждый второй, да больше, да не до шуток — до смерти!

Тут бы и радоваться зайцам — жить-праздновать, а не вышло. Отчего? А прознали другие волки, что не в их лесу творится, да как пошли туда — на чудо поглядеть, да хоть перед смертью, а наесться так, чтобы заяц из пасти торчал! Ну и...

Съелись все зайцы! Все до единого! До последнего! До самого старого, до самого малого! До последнего!

Одно, как хотели, вышло: не стало в лесу зайцев — и волки отчего-то повывелись, ни одного теперь не сыскать.

КАК ЗАЙЦЫ КОРАБЛЬ ПОСТРОИЛИ

Тут в одном месте, недалече, а как пойдёшь, не найдёшь вовсе, что было-о-о!..

Вздумали зайцы в лесу корабль построить. А чего?

— Что мы не зайцы, — говорят, — что ли? Толпой, что ли, — говорят, — не навалимся, не справимся?

Ну и давай за дело!

Один косой дерево искать отправился, другой — пилу тащить, третий — топор, четвёртый затеял разговор с пятым, шестой править всем начал, за начальника, за большего, остальные мерками занялись. В общем, гаму вышло!.. Аж медведь проснулся!

А дело-то среди зимы!

Ну, медведь из берлоги вылез — голодно, холодно, — а кругом глянул: кругом зайцы по деревьям лазают, высоту меряют, чтоб корабль, значит, побольше был!

Ага.

Медведь раз на косых взглянул, другой, потом глаза открыл — да нет, точно зайцы! Шурудят чего-то.

А тут как раз из тех, из первых, второй да третий с пилой да топором вернулись, и начался звон!

Медведь с горя такого взвыл:

— Что ж вы это, косые, творите? Спать не даёте! Покоя лишили!

Большой заяц ответ держать стал — и, видно, падал на днях, что ли? — грамотно говорил, медведя убедил в надобности заячьего дела.

Дал медведь на дело согласку, а за то инспектором себя назначил, сказал:

— За вами, косые, догляд нужен — такой резон! Да больно много вас, один не справлюсь. Придётся волка с лисой в помощники брать! Зайцам чего возражать? Лишь бы дело не стояло! Оно и пошло...

Зайцы строят — медведь надзирает: тут сам косоного за чего съест, там волк с лисой другого поделят.

А лесу на корабль пошло!.. Сначала весь что побольше в работу пустили, затем средний в дело ушёл, а потом уж и до мелкого добрались. Ну а когда доделывали, так и кустики подчистили.

Сотворили корабль! Не корабль — чудо! Здоровенный-огромный, весь такой — слов не найти, только ежели по буквам: ну сле-ла-ли!

Ну и все: ах да ох! А все — медведь, волк, лиса да заяц больший, за начальника который; окромя этого косоного никого других не осталось: инспекторы шибко строго надзирали, такое дело.

Медведь речь хвалебную держал:

— Молодцы, — сказал, — зайцы! Такое дело своротили! Ни у кого такого нет!

А волк с лисой шепчут:

— Это дело отпраздновать надобно, отметить как следует!

А чем отмечать? Из косых один остался. Ну да им и попиrowали.

А что от леса и прутика не осталось — трава одна, — не беда! В лесу нашем и речки-то никогда не водилось, не то что моря! Был, правда, один ручеёк, да и тот муравей перешагивал.

Во как живём! Хорошо, в общем. Кто строит, кто надзирает, а я сказки рассказываю — всё одно да едино: было б чем заняться.

Алексей и Матвей КРЮКОВЫ

КАК КОШЕЙ ДОБРЫМ БЫЛ*. Сказка

Жил-был Кошей Бессмертный. Много веков он чинил людям зло: крал девиц прекрасных, людей всяких превращал во что ни попадя, богатырей разных изводил всячески. И — надоело ему зло творить.

Проснулся Кошей одним утром, подошёл к зеркалу, глянул в него и подумал: «Почищу-ка я себе зубы!» И — почистил. А потом ещё подумал: «Может, и умыться ещё?» И — умылся. Глянул снова в зеркало и удивился: «Какой же я красавец!»

Хорошо Кошею стало — подобрел даже. Тут и решил: «Хватит зло творить, буду добро вершить!»

Вышел Кошей в лес, что вокруг замка его рос, посмотрел по сторонам — нет никого: ни молодца доброго, ни зверя дикого — только сосны да ели, да мох с травой.

Расстроился Кошей: кому добро делать? Решил: пойду к медведю!

А медведь Кошею увидал, да и... чувств лишился — на землю пал, лапы раскинул; кому такое чудо надо?

Пошёл тогда Кошей к волку. Задрожал волк — со страху на дерево полез: на макушку забрался, да там и остался.

Плюнул Кошей с досады — отправился лису искать: может, думает, ей чего доброго сделать?

Перепугалась лиса, как Кошею увидала, — забормотала:

— Ой, Кошейушка, не пугай меня, не бей меня, не ешь меня!

Махнул Кошей на лису рукой — пошёл зайца ловить: хоть этому, думает, добра от меня перепадёт!

А косой от Кошей — наутёк: со всех лап, со всех ног!

Разобиделся Кошей на весь свет: раз некому добро делать, значит, и добра нет! Вернулся в свой замок — неделю там не умывался, зубов не чистил — к зеркалу подошёл: сам себя испугался.

Так до сих пор и живёт: девиц крадёт, богатырей изводит, зверей пугает, а наскучит — к зеркалу подойдёт и... со страху вздрагивает.

* Сказка написана при участии А. С. Зеленина.

Алексей и Матвей КРЮКОВЫ — братья. Родились: Алексей — 13 августа 2003 года, Матвей — 3 декабря 2005 года в городе Перми. Учатся: Алексей — в средней общеобразовательной школе N 76, Матвей — в средней общеобразовательной школе N 60. Как мальчишки, они предпочитают заниматься спортом. В течение двух лет посещают занятия Клуба Юных Сказочников при Пермской краевой детской библиотеке им. Л. И. Кузьмина. Творчески работают в паре, тяготеют к прозе. Публиковались в газете «Пермский писатель». Живут в городе Перми.

Вера БАШКЕЕВА

ВОТ ТАКАЯ ВОТ ЛЮБОВЬ*. Рассказ

У меня соседка по парте — зануда. Вообще-то её зовут Ленкой, но достала она меня капитально! Каждый день одно и то же твердит:

— Не рисуй на столе! Не пиши на столе!

А если мне хочется?!

Вчера Ленка мне сказала. Перед уроком математики:

— А вот если бы на тебе стол писал?

А я как раз на нём букву «Л» вычерчивал. Чтобы написать потом: «Ленка — зануда!»

Я ей отвечаю:

— Да ну тебя!..

А за окном апрель, самый его конец. Солнышко пригревает — припекает даже. Я взял да и на математике уснул. И приснился мне сон: в нашем школьном кабинете не столы стоят, а ученики — на четвереньках. А на стульях... столы сидят: в телефоны свои играют — ножками, жевательную резинку жуют — столешницами, друг с дружкой переговариваются — непонятно как. А один стол — вычерчивает! На мне! На спине моей: «Ленка, я тебя люблю!» А я столу в ответ: «Ты чего, с ума сошёл?! На мне — такие гадости писать!» А стол мне говорит: «Я же в тетрадке пишу, а не на тебе. И, между прочим, не гадости, а задачу». «Если ты в тетрадке пишешь, почему мне больно?» — я возмущаюсь. «Тише-тише... — стол шепчет. — Не то учительница услышит, и нам влетит...» «Мне-то за что?! — ещё больше возмущаюсь я. — Это ведь ты на мне пишешь, а не я на тебе!» А стол мне вдруг ка-а-ак влепит в бок:

— Да проснись ты уже!

Я глаза открыл, смотрю — всё в кабинете как должно быть: на стульях ученики, столы — ножками на полу... А рядом со мной учительница наша стоит:

— Сундуков, ты что, спишь?!

Я ответить не успел — Ленка выручила, сказала:

— Да он просто задумался!

...На перемене я всё-таки написал! Но уже не на столе, а в тетрадке. Правда, не в своей, а в Ленкиной. Крупно так, на весь разворот: «Ленка ты зануда, но я тебя люблю!»

* Сказка написана при участии А. С. Зеленина.

Вера БАШКЕЕВА родилась 17 января 2005 года в городе Перми. Некоторое время жила в городе Истре Московской области. Учится в пермских школах: средней общеобразовательной № 2, музыкальной № 2. Танцует в коллективе «Калейдоскоп» при СОШ № 2, поёт в Академическом хоре «Млада». С 2012 года занимается в Клубе Юных Сказочников при Пермской краевой детской библиотеке им. Л. И. Кузьмина. Неоднократно публиковалась в журнале детского литературно-художественного творчества «Родничок», краевой литературно-публицистической газете «Пермский писатель». Тяготеет к прозе, сюжетно выбирая школьную тему. Живёт в городе Перми.

Дарья ШИЛОВА,
Андрей ЗЕЛЕНИН (об авторе см. с. 152)

ВАСЯ-СТАТУЯ.

Из цикла рассказов «Родной мой Васька-2»

Вася никогда не видел кошек. Живьём. Котов — да, видел: Бонифация, Стёпу. А тут к нему принесли Лису.

Лиса маленькая, пушистая — богатка. Вася большой, серый — окаменел будто: глаза огромные — не моргают, шерсть дыбом встала и не шевелится. Даже хвост не дёргается. Статуя статуей, да и только!

Маленькая гостя, когда такого Васю увидела, перепугалась: хвост распушила, и бежать! В большую комнату. За дверью спряталась и выглядывает: что там, в прихожей, происходит?

А там всё та же статуя — Вася.

Хозяйка Лисы пошла свою любимицу успокаивать, а я своего кота оживлять. Вот только ни Лиса не успокоилась, ни Вася не ожил. Одна дрожала, другой не шевелился.

И тогда было решено приблизить наших питомцев друг к другу на минимальное расстояние. Вася при этом не сопротивлялся, потому что статуи не сопротивляются. А вот Лиса вдруг зашипела, да так громко, будто на раскалённую сковороду кинули кусок сливочного масла!

И вот тут-то мы увидели, как статуи умеют оживать.

Вася.

Со всех лап.

Рванул!

Куда подальше.

Место «куда подальше» оказалось моей комнатой. Вот только сразу Васю я там не нашла. Пришлось кота поискать.

Прятался Вася за шторой — на подоконнике: глаза огромные — не моргают, шерсть дыбом встала и не шевелится — статуя статуей.

Статуей он оставался до тех пор, пока не унесли Лису, а я не принесла коту молоко.

Дарья ШИЛОВА родилась 16 ноября 1999 года в городе Перми. Училась в средней общеобразовательной школе N 65, перешла в среднюю общеобразовательную школу N 64. Занималась в школе дополнительного образования English plus. С 2011-го посещает Клуб Юных Сказочников при Пермской краевой детской библиотеке им. Л. И. Кузьмина. В творчестве предпочитает соавторство, тяготеет к прозе. Автор (совместно с учителем, детским писателем А. С. Зелениным) книги рассказов «Родной мой Васька» (2014). Неоднократно публиковалась в альманахе «Литературная Пермь», краевой литературно-публицистической газете «Пермский писатель». Живёт в городе Перми.

Светлана ВАСИЛЬЕВА

НЕ ШУМИТЕ

НОВАЯ МАШИНА (стихотворение без конца)

Подарили сыну
Новую машину.
Новую, зелёную, блестящую!
А он с ней не играет,
А только разбирает
Новую, зелёную, блестящую!
И остались от машины
Гайки, болтики да шины...
Подарите сыну
Новую машину!
Новую, красную, блестящую!

КАП-КАП-КАП

«Кап-кап-кап!» — сосулька плачет.
«Кап-кап-кап!» — что это значит?

Вдруг сосулька заболела
И от этого грустна?
Нет, совсем не в этом дело —
Просто к нам пришла весна!

НЕ ШУМИТЕ...

Не шумите... Тише... Тише...
Где-то здесь уснули мыши.
Два мышонка под столом,
Два мышонка за углом,
Два мышонка в рукавице...
Пусть мышатам сладко спится.

Светлана Анатольевна ВАСИЛЬЕВА. Окончила Пермский государственный педагогический университет (1996; специальность: «Дошкольная педагогика»), факультет дополнительного образования ПГПУ (1998; учитель-логопед). Работает в детском саду (Центр развития ребёнка) N 148: воспитатель. Тяготеет к поэзии. Публиковалась в газетах «Педагогическая газета», «Пермский писатель». Живёт в городе Перми.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спят на веточках синицы,
В туче спят дождевики.
Даже солнце спать ложится
В облака-перинки.

Ждёт нас мягкая подушка,
Закрывай-ка глазки.
Ночью малышам на ушко
Звёзды шепчут сказки.

Наталья ЩУКИНА

БАБУШКА

Бабушке снова сегодня не спится —
Что-то тревожное бабушке снится,
Болит голова... И решили внучата
Ей подарить подушечку с мятой
И ароматом нежной душицы —
Пусть бабушке сон замечательный снится.

Наталья Ивановна ЩУКИНА. Окончила Славянский государственный педагогический институт (1989). Работает в МБОУ «Гимназия» (город Чусовой): заместитель директора по научно-методической работе. Публиковалась в различных периодических изданиях, в т. ч. журнале «Пермский педагогический журнал». Автор небольшой книжицы «Зерно добра». Почётный работник общего образования РФ. Живёт в городе Чусовом Пермского края.

Валерия ШАРАПОВА

Я ТОГДА БЫ... * Стихи

БЛОКНОТ БЕГЕМОТА

Один весёлый бегемот
Однажды в лапу взял блокнот,
В другую лапу ручку взял
И на блокноте написал:
«Не разевайте рот
На блокнот,
У него хозяин —
Бе-ге-мот!»

ТЁМА И ПТИЧКИ

Тёма любит разных птичек —
Голубей, ворон, синичек,
Кур, гусей и петухов.
Он их всех гонять готов!

А зачем он их гоняет,
Он пока не понимает.
В год и десять не понять,
Что не надо птиц гонять.

УКОЛ

Мне поставили укол,
Потому что я болела.
На прогулке снег поела,
На ветру холодном пела,
Ноги промочить сумела —
Так ужасно заболела,
Что поставили укол.

Валерия ШАРАПОВА родилась в городе Перми. Учится в средней общеобразовательной школе N 109. Занимается в детской школе театрального искусства «Пилигрим» и изостудии Детско-юношеского центра «Рифей». Несколько лет посещает занятия Клуба Юных Сказочников при Пермской краевой детской библиотеке им. Л. И. Кузьмина. Тяготеет к поэзии. Публиковалась в журнале детского литературно-художественного творчества «Родничок» и краевой литературно-публицистической газете «Пермский писатель». Живёт в городе Перми.

МОЙ ХОМЯЧОК

Джимми — маленький дружок —
Любит кушать творожок,
В лапки творожок берёт —
С удовольствием жуёт!

МОЙ БРАТИШКА

Мой братишка — год и пять —
Любит техникой играть:
То включать, то выключать,
То стучать по ней — ломать.

Говорю братишке я:
— Мы с тобой — одна семья.
Вместе мы с тобой живём:
Спим, едим, поём — растём.

Нам в семье — об этом речь —
Надо технику беречь,
Ведь она нам помогает:
Кормит нас и согревает,
Чистит, гладит и стирает,
Учит нас и развлекает...

А братишка мне в ответ:
— Нет!..

Он других не знает слов,
И беречь он не готов
Пылесос и холодильник,
Телевизор и будильник...

Ах, когда ж он подрастёт?!
Вот.

Я ТОГДА БЫ...

Холод, лужи, дождь — весна.
Настроение — не очень,
Потому что словно осень
Эта грустная весна.

Вот бы солнышко светило —
Вот бы всем тепло дарило!
Я тогда бы не грустила,
Как сейчас грустит весна.

* Стихотворения написаны при участии А. С. Зеленина.

Владимир ВИНИЧЕНКО

ПРИКАЗ ДОЖДЮ

ЛЕСНАЯ ПРОГУЛКА

По лесной дорожке
Шли четыре лапы
И четыре ножки,
Не считая папы.

Солнечное лето
Празднично сияло
И горячим светом
Землю омывало.

Мотыльки, как мысли,
Весело порхали,
А в сосновой выси
Птицы ликовали.

И под птичьи трели
Ножки нежно пели,
А четыре лапы
Молча шли за папой.

Вдруг по всей дорожке
Тёплый дождь закапал,
На четыре ножки
И на лапы с папой.

А четыре ножки
И четыре лапы
В вымокшей одежке
Все прижались к папе.

Дождик тёплой влагой
Окропил полсвета
И продлилось благо
Солнечного лета.

Владимир Васильевич ВИНИЧЕНКО родился 10 августа 1946 года в городе Молотове /Перми. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета (1976), отделение драматургии Высших театральных курсов при ГИТИСе (1985). Работал на заводе. Занимался журналистикой. Поэт. Драматург. Спектакли В. В. Виниченко ставились во многих театрах СССР. Автор нескольких книг для детей, в т. ч. «Ваше Мурычество и все аномальчики» (2001), «День дарения, или Добро побаловать» (2011). Член Союза писателей СССР/ России (1986). Лауреат Всероссийской литературной премии им. П. П. Бажова (2011). Кавалер ордена Ф. Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

Снова вдоль дорожки
Птицы засвистели
И четыре ножки
С ними в лад запели.

Пели, не кончая,
С неподдельной страстью,
И не замечая
Собственного счастья.

Если б вы там были,
Мы бы вас спросили:
Сколько глаз и ножек
В лес гулять ходили?

К ним прибавьте следом
И четыре лапы,
Не забыв при этом
Посчитать и папу.

По лесной дорожке
Шли четыре лапы
И четыре ножки,
Не считая папы.

СОЛНЕЧНОЕ ЛЕТО

На траве лежал шенок
посреди планеты
и разглядывал цветок
солнечного цвета.

Над цветком вилась пчела
золотого цвета
и душистый сок брала
солнечного лета.

Это было на большой
солнечной полянке,
где струилась под сосной
травка-безымянка.

А на той полянке шли
солнечные танцы.
Там плясали вдоль земли
солнечные зайцы.

Их ловили в зеркала,
словно рыбок в сети,
двое, меньше мал-мала,
солнечные дети.

А ещё они вдвоём
пели с мамой вместе
в настроении своём
солнечные песни.

И звенели голоса
солнечного смеха.
И летело в небеса
солнечное эхо.

ГРИБНЫЕ ЗАГАДКИ

Мы на даче с братом сами
В лес ходили за грибами.
Только глупенький братишка
Собирал в корзинку шишки.

А ещё мы для прикола
Сочинили стих весёлый
«Кто под чем скрывается,
Так и называется».

Под берёзами растут
Подберёзовики.
Под осинами растут
Подосиновики.

Почему же **подсоснята**
Называются маслята?
А цветные **сыроежки**
С сыром смешаны в насмешку?

Эти сложные вопросы
Разрешила мама просто:
Всех почистила немножко —
И пожарила с картошкой.

ДАЧНОЕ ЧУДИЩЕ

Как-то вечером на даче
Мы легли с братишкой спать,
Но внезапно кто-то начал
Под кроватью гроыхать.

Этот жутко страшный кто-то
Чем-то брякал и гремел.
Напугал нас до икоты —
Съесть, наверное, хотел.

Я от страха одеялом
Вся накрылась с головой.
И тихонько представляла,
Кто он может быть такой.

Чудище мохнатое,
Страшное, рогатое,
С длинными когтями,
С жуткими зубами...

Вдруг братишка засмеялся,
Как от пяточной шекотки.
Этим зверем оказался...
Наш любимый Васька-котик.

Он играл там с черепахой.
Утром папа нам сказал:
— Вы узнали, как у страха
Стали велики глаза.

ОГУРЕЧНЫЙ СБОР

Собираем огурцы,
А они, вот хитрецы,
Прячутся за листья.
Что за эгоисты!

Не хотят идти в салаты —
Дескать, слишком маловаты.
Мы недельку подождём
И немного подрастём.

Наберём хороший вес —
Это ж общий интерес.
И тогда пойдём в засолку —
Вам же будет больше толку.

Нет, ребята, вы нужны,
Пока сладки и нежны,
Не толстые солёные,
А свежие, зелёные.

Так что не скрывайтесь,
А быстрее сдавайтесь.
Всё равно мы вас найдём
И в корзинке унесём.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ДОЖДЯ

Нынче с самого утра
 Дождик льёт как из ведра.
 Ни единый лучик
 Не пронзает тучи.

А без солнца детям
 Скучно жить на свете.
 Я гляжу в окошко
 И грущу немножко.

Вымер мир огромный:
 Ни одной вороны,
 Ни собак, ни кошек —
 Всех упрятал дождик.

Только под зонтами
 В дождевом тумане —
 Редкие прохожие,
 На грибы похожие.

Я шепчу в окно дождю:
 — Перестань, пожалуйста.
 Полчаса я подожду,
 А потом... пожалуюсь!

Испугался дождик сразу
 И утих, как по заказу.
 Вышло солнышко — ура!
 Значит, мне гулять пора.

Всем ребятам расскажу,
 Кто отдал приказ дождю,
 Кто все тучи укротил —
 Этот дождик прекратил.

Дарья СМЕРНОВА

АВТОРУЧКА. Миниатюры

АВТОРУЧКА

Жила-была авторучка. Много лет она писала рассказы. А когда паста в ней стала подходить к концу, она написала один стишок, и всё.

БЕЗВЫХОДНАЯ СИТУАЦИЯ

Прочитала я сказку «Колобок». И подумала: «Если бы Колобка не съела лиса, его съели бы дед и баба». Страшная сказка — про безвыходную ситуацию.

ВОРОБЕЙ

Я не воробей. Иногда на улице я смотрю на него, воробья, и думаю: «Почему я не воробей?» А воробей смотрит на меня и думает: «Почему я не Даша?»

ЛОШАДЬ

Жила-была лошадь. Серая в яблоках. Но яблоки были всего лишь пятнами на шкуре лошади, и лошадь мечтала: «Вот бы эти пятна были настоящими яблоками, тогда я была бы не лошастью, а яблоней!»

МУХОМОР

Купили Даше платье красное в белый горошек. Надела Даша платье и вышла во двор — погулять. Увидел Дашу Денис и сказал: «Ты, Дашка, не Дашка, а мухомор!»

Дарья СМЕРНОВА родилась 13 июля 2003 года в городе Перми. Выпускница детского сада N 269 (2010), учится в средней общеобразовательной школе N 47. Разносторонне развитый человек — занимается вышиванием, рисованием, танцами. Пробовала свои силы в кунг-фу. В течение двух лет посещает занятия в Клубе Юных Сказочников при Пермской краевой детской библиотеке им. П. И. Кузьмина. Тяготеет к прозе. Живёт в городе Перми.

Андрей ЗЕЛЕНИН (об авторе см. с. 152)

КРАСНАЯ ШАПОЧКА, или ЗАБЫТЫЙ ВАРИАНТ ИЗВЕСТНОЙ СКАЗКИ БРАТЬЕВ ГРИММ*.

Пьеса в одном быстром действии

Действующие лица:

Сказочник (может быть очень взрослым)

Братья Гр и Мм (двое)

Мама Красной Шапочки (страдает склерозом — забывчивостью)

Бабушка Красной Шапочки (очень сердитая, порой жутко злая)

Волк (хищник по рождению, джентльмен по призванию — добрый, воспитанный)

Красная Шапочка (10 девочек, все — сёстры)

Первый охотинспектор (строгий)

Второй охотинспектор (очень строгий)

Двери, Девочки, Деревья, Дом Бабушки (несколько человек)

Сказочник: Давным-давно в одной известной стране жили-были два брата: Гр и Мм. Их так и звали: Братья Гримм. Жили братья всю жизнь вместе — в одном домике, сидели за одним столом, входили и выходили через одну дверь... (Появляются Братья Гр и Мм. Протискиваются через стилизованную дверь. Садятся за один стол. Строчат руками по бумажным листам.) Больше всего на свете братья любили сочинять сказки. Вот хлебом их не корми, дай посочинять! И не только хлебом...

Первая девочка: Гр! Мм! Вот свежий хлеб!

Братья Гримм: Некогда! Заняты!

Вторая девочка: А вот свежая колбаска!

Братья Гримм: Заняты! Некогда!

Первая девочка: А шоколад будете?

Братья Гримм: Конечно! Давай!

Сказочник: А кто сказки писать будет?

Братья Гримм: Ах да! (Кричат на Девочку.) Некогда! Заняты!

Сказочник: За свою долгую жизнь братья написали много сказок: «Бременские музыканты», «Госпожа Метелица», «Белоснежка и Краснозорька», «Король Дроздобород»...

Братья Гримм: И «Красную Шапочку»! Да-да, и «Красную Шапочку»!

Правда, об этом никто не знает. Все думают, что эту сказку написал кто-то другой.

Сказочник: Вы все прекрасно знакомы с самым известным вариантом сказки про Красную Шапочку...

Братья Гримм (по очереди):

— У одной мамы была дочка.

* Пьеса была опубликована в сборнике «Лучшие театральные пьесы. 990 произведений».

— Дочка носила красную шапочку, и её звали — Красная Шапочка.

— Мама послала Красную Шапочку к Бабушке.

— Через страшный лес, в котором жил страшный Волк.

— Волк обманул Красную Шапочку...

Сказочник: Этот вариант сказки знают все, но немногие знают, что сначала сказка была написана совсем по-другому. Ведь Братья Гримм были детьми и очень любили шалить. (*Братья кидаются бумагой друг в друга и даже в Сказочника.*) Был и другой вариант. И была очень забывчивая Мама.

Братья перестают баловаться, подбирают бумагу и продолжают писать. Появляется Мама.

Мама: Что же я хотела? О чём же я забыла? А-а-а! У меня есть дочка! Надо её позвать и спросить, что же я хотела и что же я забыла!

Хочет крикнуть, и не может вспомнить, что именно. Братья Гримм подсказывают ей шёпотом.

Братья Гримм: Красная Шапочка!

Мама: Ах да! Красная Шапочка!

Красная Шапочка: Которая?

Мама: В каком смысле — которая?

Братья Гримм: У мамы была не одна дочка!

Мама: А сколько? Две?!

Выбегает вторая Красная Шапочка.

Братья Гримм: Не-ет, не две!

Мама: Три?!

Выбегает третья Красная Шапочка.

Братья Гримм: Не-ет, не три!

Мама: Четыре?!

Выбегает четвёртая Красная Шапочка.

Братья Гримм: Не-ет, не четыре!

Выбегает пятая Красная Шапочка.

Мама: А сколько?!

Братья Гримм смотрят друг на друга, выставляют навстречу друг другу по пятерне, свободной рукой считают, про себя. Затем показывают зрителям по пять пальцев от каждого.

Братья Гримм: Десять!

Выбегают оставшиеся Красные Шапочки.

Красные Шапочки: Здравствуй, Мамочка!

Мама: Надо же, какая я забывчивая!

Братья Гримм (по очереди):

— Подсказываем!

— У тебя есть Мама.

Красные Шапочки: Наша Бабушка!

Мама: Я должна испечь ей пирожок! Бабушка голодная! А когда она голодная, можно ждать беды!

Сказочник: И Мама ушла печь пирожок, а Красные Шапочки отправились гулять: рвать цветочки, загорать... в общем, бездельничать. Правда, долго или коротко, но пирожок оказался готов.

Мама: Красная Шапочка!

Братья Гримм, Сказочник, Красные Шапочки: Которая?!

Мама: Все! (Красные Шапочки окружают маму.) Я испекла пирожок. Возьмите его и отнесите вашей любимой Бабушке.

Красная Шапочка: Один пирожок? Вдесятером?!

Мама: Ой! Может стоит испечь ещё пирожков?

Красные Шапочки: Да!!!

Сказочник: Мама отдала первый пирожок первой Красной Шапочке, и первая Красная Шапочка отправилась в гости к Бабушке. Через некоторое время Мама испекла второй пирожок, и отдала его второй Красной Шапочке, и вторая Красная Шапочка тоже отправилась в гости к Бабушке. Затем Мама испекла третий пирожок, четвёртый, пятый... И все Красные Шапочки друг за дружкой отправились в гости к Бабушке. А в это время! В тёмном лесу! (Картина меняется. Дом Мамы и Красных Шапочек превращается в лес. Появляются деревья. Они машут ветками, словно их качает ветер.) В тёмном лесу страшно! Ужасно! Жутко одинокий Волк думал о том, как трудно ему жить на белом свете.

Волк: Все считают меня хищником. Я должен ловить и есть зайцев. Я обязан найти и съесть серого козлика. Что я ещё должен сделать?

Братья Гримм:

— Встретить в лесу Красную Шапочку.

— Узнать от неё про Бабушку.

— Прибежать вперёд Красной Шапочки к Бабушке.

— Проглотить Бабушку.

— Дождаться Красную Шапочку.

— И проглотить Красную Шапочку!

Волк: Целиком?!

Братья Гримм: Целиком. Полностью!

Волк: А они в меня поместятся?

Братья Гримм: А ты постарайся! Иначе какой же ты Волк?

Волк: Ну вот! Придётся идти искать Красную Шапочку.

Сказочник: А в это время по лесу — совсем рядом с Волком — последняя, десятая Красная Шапочка шла и пела песенку.

Красная Шапочка-10: А я к Бабушке иду,
Пирожочек ей несу!
А я к Бабушке...
Ой! Волк! Привет!

Волк: Добрый день, сударыня. И что такая маленькая девочка делает в таком страшном и тёмном лесу?

Красная Шапочка-10: Я и сама думаю: и что я здесь делаю? Маленькая девочка! Одна в тёмном и страшном лесу! Но... Мама сказала, что я должна отнести пирожок моей любимой Бабушке, иначе Бабушка может рассердиться... Волк! А ты не мог бы мне помочь?

Волк: Как?

Красная Шапочка-10: Ты бегаешь быстрее меня. Возьми мой пирожок и отнеси его моей Бабушке. Бежать нужно вот по этой тропинке. Это самая короткая дорога к бабушкиному домику. Ты постучишься в дверь, Бабушка спросит: «Кто там?» Ты, чтобы не пугать Бабушку, скажешь, что это я — Красная Шапочка. Бабушка скажет: «Дёрни за верёвочку, дверь и откроется». Ты дёрнешь за верёвочку, войдёшь и скажешь, что я немного задерживаюсь, но обязательно подойду чуть позже. И не забудь отдать Бабушке её пирожок! Понял?

Волк: Сударыня, вы меня удивляете! А если я съем пирожок?

Красная Шапочка-10: Он с капустой. Где ты видел волков, которые едят капусту?

Волк: А... А... А если я съем Бабушку?

Красная Шапочка-10: А ты видел мою Бабушку? Сплошные кости! И невкусно, и подавиться можно! В общем, хочешь помочь маленькой несчастной уставшей девочке?

Братья Гримм: Ты же джентльмен!

Волк: Придётся помочь.

Волк берёт пирожок и бежит по тропинке в лес. Красная Шапочка-10 скрывается за ближайшим Деревом.

Сказочник: Если вы думаете, что сказка на этом подходит к концу, вы глубоко заблуждаетесь. Не пробежал Волк и ста метров, как чуть не ткнулся носом... в кого бы вы думали? В Красную Шапочку!

На тропинке возникает вторая Красная Шапочка со своим пирожком. Появляется бегущий Волк. Он чуть не налетает на девочку. Волк роняет пирожок и пытается протереть глаза.

Волк: Красная Шапочка! Это ты?!

Красная Шапочка-9: А что я похожа на кого-то другого? И вообще, где твоё «здравствуйте»? Вот оно, дикое лесное воспитание: никаких манер, никакого обхождения!

Волк подбирает пирожок.

Волк: Здравствуйте, сударыня! (Смотрит на Братьев Гримм.)

Я удивлён. (*Смотрит на Красную Шапочку.*) Мне кажется, мы с вами уже встречались.

Красная Шапочка-9: Это вы так со мной познакомиться хотите? Не выйдет! У меня уже есть знакомый мальчик. Он нравится мне гораздо больше, чем вы!

Волк: Да что вы, что вы! И в мыслях ничего подобного!

Красная Шапочка-9: Слушай, Волк, я вижу, ты тут от безделья совсем замучился. Не поможешь мне?

Волк: Чем?

Красная Шапочка-9: Моя Бабушка ждёт пирожок. Я иду медленно: цветочки рву, веночки плету. А ты бегаешь быстро. Возьми мой пирожок и отнеси его моей Бабушке. Бежать нужно вот по этой тропинке. Это самая короткая дорога к бабушкиному домику. Ты постучишься в дверь, Бабушка спросит: «Кто там?» Ты, чтобы не пугать Бабушку, скажешь, что это я — Красная Шапочка. Бабушка скажет: «Дёрни за верёвочку, дверь и откроется». Ты дёрнешь за верёвочку, войдёшь и скажешь, что я немного задерживаюсь, но обязательно подойду чуть позже. И не забудь отдать Бабушке её пирожок! Понял?

Волк: Сударыня, а если я съем пирожок?

Красная Шапочка-9: Он с капустой.

Волк: А... А если я съем Бабушку?

Красная Шапочка-9: Моя бабушка — сплошные кости! И невкусно, и подавиться можно! Короче, поможешь маленькой уставшей девочке? Или нет?

Братья Гримм: Волк, не забывай, ты — джентльмен!

Волк: Придётся помочь.

Волк подбирает первый пирожок, берёт второй у второй Красной Шапочки и убегает. Красная Шапочка-9 скрывается за ближайшим Деревом.

Сказочник: А в это время впереди Волка шли... Точнее, шли ещё... (*Загибает пальцы, считает, путается, начинает считать снова.*) восемь Красных Шапочек. Правда, Волк об этом, конечно же, не знал.

Появляется третья Красная Шапочка. Поёт.

Красная Шапочка-8: А я к Бабушке иду,
Пирожочек ей несу...

На тропинку выскакивает Волк, роняет пирожки. Он испуган.

Волк: Кошмар! Галлюцинация!

Красная Шапочка-8: Ничего себе у нас волки в лесу! Волк, здравствуй!

Волк: Ты — Красная Шапочка?

Красная Шапочка-8 (*показывает на свою шапочку*): А ты сам не видишь? Она явно не синяя и не зелёная. И вообще, мне некогда. Я устала и мне нужна помощь.

Волк: У тебя пирожок. Его нужно отнести Бабушке.
Красная Шапочка-8: Ну вот, сам догадался! (*Красная Шапочка вручает Волку пирожок.*) И не забудь сказать, что я скоро подойду!

Волк хватается третий пирожок, подбирает те, что упали, и быстро убегает по тропинке. Красная Шапочка скрывается за Деревьями.

Сказочник: О том, что происходило дальше, можно было бы и не говорить, но... (*Появляется четвёртая Красная Шапочка. На неё выскакивает Волк, кричит от испуга, роняет пирожки. Красная Шапочка подбирает пирожки, вручает свой, как будто что-то говорит, отправляется дальше.*) Так и было и с пятой Красной Шапочкой, и с шестой, и с седьмой, и с восьмой, и с девятой, и, естественно, с десятой Красной Шапочкой, пока, наконец, Волк не увидел крышу домика Бабушки.

Появляется Волк с кучей пирожков в лапах. Ему плохо.

Волк: Шапочки, кругом одни только Красные Шапочки. Они слева, они справа, они за спиной, они впереди. О-ой! Вот он, бабушкин домик! Долой пирожки с капустой, долой своё джентльменство. Я хочу мяса! Я съем эту Бабушку! А потом и Красную Шапочку. Нет! Я съем всех Красных Шапочек! И пусть я лопну, но другие волки меня поймут! (*Волк бросает пирожки, подбегает к домику Бабушки, стучит в дверь.*) Сейчас она спросит: «Кто там?» Скажет: «Дёрни за верёвочку...»

Сказочник: А Бабушка уже не могла ждать, потому что очень сильно проголодалась! И не успел Волк стукнуть в дверь, как дверь распахнулась...

Дверь распахивается, Волк кубарем летит на землю.

Один из Братьев Гримм: Бабушка была очень злая!

Бабушка: Где мои пирожки?!

Второй из Братьев Гримм: Вообще-то, Бабушка была добрая.

Бабушка: Ой, Волчик, мой дорогой, ты не ушибся?

Первый из Братьев Гримм: А я говорю, Бабушка была злая!

Бабушка: Ты чего тут развалился, кусок серой шерсти?! Я спрашиваю, где мои пирожки?

Второй из Братьев Гримм: И всё-таки я настаиваю, что Бабушка была добрая.

Бабушка: Простите, любезный волк, вы не встречали в лесу мою внучку, Красную Шапочку?

Братья Гримм:

— Бабушка была зла!

Бабушка пытается напасть на Волка.

— Нет, Бабушка была добрая!

Бабушка пытается помочь Волку подняться.

— Нет, Бабушка была злая!

Бабушка рычит, как... собака.

— Нет, Бабушка была добрая!

Бабушка поворачивается к Братьям Гримм.

Бабушка: Братья!!! Я от вас уже не могу. Я не злая и не добрая! Я голодная! И поэтому я сейчас вас съем! (*Бабушка бросается на братьев Гримм. Братья пытаются убежать, скрываются за сценой. Вслед за ними убегает Бабушка. Издалека слышатся крики, стоны: «Спасите!», «Нас едят!», «Нет, нас не едят, нас глотают! Целиком!» Появляется Бабушка, поглаживая толстый живот.*) Ну вот, немножко перекусила.

Бабушка замечает лежащего Волка. Волк замечает, что Бабушка смотрит на него.

Волк: Бабушка, я невкусный! Бабушка, я несъедобный! Бабушка, спасите!!! (*Волк убегает. Бабушка исчезает вслед за Волком. Слышится волчий крик.*) Спаси..!

Сказочник: Так и произошло почти непоправимое. В одночасье не стало Братьев Гримм и Серого Волка.

Бабушка возвращается.

Бабушка: Ой, Сказочник! Тебя-то я и не заметила.

Сказочник: Кошмар! То есть надо было бы сказать: кошмар. Но... Но тут появились Красные Шапочки. (*Появляются охотинспекторы.*) Не понял. А вы кто?

Первый охотинспектор: Мы — охотинспекторы.

Второй охотинспектор: В лесу случилось страшное — пропал единственный на весь лес сказочный, практически реликтовый Серый Волк.

Первый охотинспектор: Это вы сделали это?

Сказочник: Что именно?

Второй охотинспектор: Я вижу по вашим глазам, что совесть ваша не чиста. (*Снимает с плеча ружьё, направляет на Сказочника.*) Именем закона и моего ружья: где Волк?

Слышится голос Волка.

Волк: Я не там!

Второй охотинспектор удивлённо поворачивается к первому, так что ствол ружья упирается в живот Первого охотинспектора.

Первый инспектор: Ик!

Волк: Холодно! (Второй охотинспектор направляет ружьё в зал.) Ещё холоднее! (Второй охотинспектор медленно поворачивает голову, пока не встречается взглядом с Бабушкой.) Теплее и ниже! (Второй охотинспектор опускает взгляд на бабушкино горло.) Ещё ниже. (Второй охотинспектор упирается взглядом, а затем и ружьём в бабушкин живот.) Горячо!

Первый охотинспектор: Ничего себе Бабушка!

Второй охотинспектор: Именем закона и моего ружья, вы арестованы! Арестованы за попытку уничтожения сказочного международного достояния! Следуйте за мной!

Бабушка: И куда меня теперь?

Первый охотинспектор: В больницу!

Второй охотинспектор: Будем промывать желудок.

Волк и братья Grimm: А если мы захлебнёмся?

Второй охотинспектор: Откачаем!

Охотинспекторы уходят, уводя с собой Бабушку. Появляются Красные Шапочки. Стучат в дверь домика. В ответ — тишина. Шапочки стучат снова. Дверь со скрипом открывается. Красные Шапочки заходят в дом, удивлённо оглядывают пустую комнату. Одна из Шапочек обращается к Сказочнику.

Красная Шапочка: Волк здесь был?

Сказочник: Был.

Красная Шапочка: Бабушка была очень голодная?

Сказочник: И очень злая!

Красные Шапочки: А охотинспекторы?

Сказочник: А вы откуда про них знаете?

Красная Шапочка обращается к сёстрам.

Красная Шапочка: Девчонки, получилось! Домик наш минимум на целый день! Звоните мальчишкам! Устраиваем вечеринку с танцами!

Звучит музыка. Красные Шапочки танцуют и, танцуя, покидают сцену. Сказочник остаётся один.

Сказочник: Всё остальное происходило днём позже...

По сцене проходят охотинспекторы.

Охотинспекторы: Хорошо, что какие-то девчонки позвонили: старушка-маньяк лишает жизни реликтового Волка! Да-да-да!..

По сцене проходит Бабушка.

Бабушка: Что за нечисть побывала в моём домике? Мебель сломана, дверь выбита, верёвочка оторвана...

По сцене пробегают Красные Шапочки. Смеются.

Красные Шапочки: Классно время провели! Через неделю надо будет ещё раз также попробовать!

По сцене проходит Волк.

Волк: Чтоб я ещё раз с Красной Шапочкой заговорил? Ни-когда! И никакие сказочники не уговорят! Ни-за-что!

По сцене проходят Братья Гримм.

Братья Гримм: Чтоб нас ещё раз так к жизни возвращали? Ни-когда! Ни-за-что!

Сказочник (*уходя*): Чтоб я ещё раз людям такую сказку читал? Люди! Читайте и смотрите только нормальные сказки! Пожалуйста.

По сцене проходит Мама.

Мама: Что же я хотела? О чём же я забыла? Может быть, я должна рассказать какую-то сказку? Ведь вы все ждёте сказку? Правда?! Да, надо её найти. (*Уходит.*) Я вернусь, как только найду сказку!

Павел ЧЕРЕПАНОВ

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЁХА... Отрывок из пьесы

...Барак. Не то он существует, не то давно списан. Толком никто не знает. Наши дни.

Картина ТРЕТЬЯ

Ночь. За столом спят Болт, Гарик, Посетитель и Лёха. Снова появляется Ангел. В отличие от предыдущей ночи, у Ангела появились крылья. В руках у него тубус.

Ангел: Лёха. Проснись, Лёха.
Лёха: Кто это? Я не вижу никого.
Ангел: Оглянись, Лёха. Это я...

Лёха поворачивает голову. Всё происходит как в прошлую ночь.

Лёха: Опять ты...
Ангел: Здорово, Лёха.
Лёха: Здорово. Но кто ты?
Ангел: Разве не узнал?
Лёха: Кто?
Ангел: Представитель райадминистрации.
Лёха: Рай... Из рая, что ли?
Ангел: Ты чего третью ночь одно и то же спрашиваешь? Сильно, видимо, накушался...
Лёха: Не твоё дело. Чего хотел?
Ангел: Да... Видимо, разговор у нас не получится.
Лёха: Это ещё почему?
Ангел: Мы с тобой вчера о чём договаривались? Помнишь, нет?
Лёха: Мне бы себя вспомнить и не только... Это кто? *(Показывает на спящих рядом.)*
Ангел: Твои собутыльники.
Лёха: А чего они здесь делают?
Ангел: Откуда я знаю? Спят... как мёртвые.
Лёха: Сплюнь!
Ангел: Плюй не плюй, а мёртвые это души.
Лёха: Как это?

Павел Николаевич ЧЕРЕПАНОВ родился 19 декабря 1959 года в городе Перми. Окончил СОШ N 65, СПТУ N 25, отделение режиссуры Пермского государственного института искусства и культуры (1986). Работал на заводе «Галоген», служил в рядах Советской армии. Трудился во Дворце культуры им. С. М. Кирова, в 1986–1989 годах — в Яранском народном театре. Творческой деятельностью занимается с юности. Тяготеет к поэзии и драматургии. Живёт и работает в городе Перми.

Ангел: Да подожди ты! Сиди, не трогай их. Не нужны они нам.
 Лёха: Не понял...
 Ангел: Эх, Лёха, Лёха! Ну зачем ты так много пьёшь? Не в спиртном счастье человеческое. А я ведь так тебя живым хотел увидеть! Дело у меня к тебе. Ну как ещё это тебе толковать?

Лёха: Попробуй... как-нибудь.
 Ангел: Понимаешь, Лёха, вот уже целых два месяца я пытаюсь делать чудеса. Да не всё у меня получается. Эти черти наверху своё баламутят. Понимаешь?

Лёха: Нет.
 Ангел: Ладно. Значит, так. Вот смотри. Раз ты не хочешь идти со мной, принёс я тебе показать одну бумажку. Подожди, ничего не говори, а смотри сюда. *(Открывает тубус, достаёт лист ватмана.)* Гляди, Лёха, и внемли тому, что я тебе сейчас скажу и покажу. Читать-то сможешь?

Лёха: Не знаю. По-нашему хоть написано?
 Ангел: Вот проект застройки вашего района. Смотри и разберись уже. Всё ли узнаешь?.. Читай названия улиц и найди свою.

Лёха: А как называется? Я забыл...
 Ангел: Закатная, дубина!
 Лёха: Вот она.
 Ангел: Дома по номерам узнаёшь? Вот магазин, вот перекрёсток, вот две девятиэтажки. А где ваш дом? Узнал, нет?

Лёха: Не знаю. Нет нашего барака. И второго — нет.
 Ангел: То-то! Врубаешься?
 Лёха: Не совсем.
 Ангел: Нет вас всех. Мёртвые вы души. И скоро бараков не будет — снесут их. А здесь будет фабрика по переработке страусиных яиц. Пока этой фабрики на планете нет, но намётки у этих чертей имеются, и в этот план все изменения они внесут быстро.

Лёха: А что, у нас в городе страусов до хрена, что ли?
 Ангел: То-то и оно. Эти яйца эти черти хотят возить из Австралии от тамошних аборигенов. Понял, нет?

Лёха: Нет... А что, наши куры рожать отказываются? И... чем их яйца от наших отличаются?

Ангел: Размером, дубина! Больше они, чем наши. Да в несколько раз!

Лёха: Вон как! Хреново...
 Ангел: И я говорю: хреново.
 Лёха: Это же... Чтобы два яйца на Пасху покрасить, ведро краски нужно будет! А где взять?

Ангел: Да разве об этом речь, Лёха?
 Лёха: А я об этом!
 Ангел: Ладно, Лёха! Пойду я...
 Лёха: Нет, ты подожди! Ты скажи, зачем приходил?

Ангел: Третью ночь я вижу тебя нетрезвым — а на такую голову ты плохо соображаешь...

Лёха: Говори, раз пришёл! А не то всё мёртвое царство подыму — пытать будем!

Ангел: Ну, раз ты о мёртвом царстве заговорил, то слушай, что

- я скажу. Вот как снесут эти бараки, так и выкинут всех этих людей отсюда. Понял?
- Лёха: А куда?
- Ангел: Не знаю. Раз рай ты им сделать не хочешь, то ад им сделают быстро.
- Лёха: Ну-ка, садись! Давай всё по порядку. Я, кажется, немного оклемался.
- Ангел: Всё проще пареной репы! Вы все не имеете жилья и живёте здесь нелегально, без прописки. А значит, вас не существует. За эти два барака никто ответственности не несёт. Я узнавал. И если их сломают, вы все окажетесь на улице. Теперь понял?
- Лёха: Понял. А что я могу сделать?
- Ангел: Я не зря принёс этот план, он официальный, даже подписан. Вот, видишь? Читай, что за фамилия...
- Лёха: Божья воля?! Ни хрена себе!
- Ангел: То-то же! А черти своё дело не упустят.
- Лёха: Делать-то что?
- Ангел: Для начала давай внесём в этот план оба барака. Я принесу тушь и ручку с линейкой. Воскресим всех их...
- Лёха: Вот это да!
- Ангел: Я сейчас, при тебе, сделаю это дело — раз плюнуть! Но потом мне потребуется твоя помощь. Мы с тобой весь этот бесовский план перекрестим! На то и Божья воля, чтобы людям хорошо было. А мы с тобой недельку полетаем — всё осмотрим и внесём свои коррективы. Посмотрим, где можно школы поставить, где детские сады. Ты же по этой части — инженер...
- Лёха: Теперь... хреновый инженер. Столько лет упущено!
- Ангел: Думай о людях. Сколько их, страдающих, в этом мире! И тебе дана возможность помочь им. Я один не справлюсь, понимаешь? Специальность у меня не та.
- Лёха: Да ради людей я на всё пойду! Вот я с ними живу, смотрю на них и думаю: что бы такого хорошего для них сделать. А что хорошего — не знаю. Я их вот так люблю...
- Ангел: Вот и подумай, где им... бассейн заварганить! Работать будем ночью.
- Лёха: Понимаю. Теперь понимаю. Ох, и молодец же ты... ночная бабочка! Мурашки, блин, по телу... Как же это всё завернуть можно! И ведь, слушай... Я так мечтал вернуться к своему делу! А вот случая не было...
- Ангел: Вот и твори чудеса. Срок у нас с тобой: одна неделя. Больше нельзя, иначе можем опоздать. В общем, завтра начнём. Как только стемнеет, жди меня. Только не пей, понял?
- Лёха: А чем мне заниматься тогда? До того...
- Ангел: Чем? Библию читай.
- Лёха: Понял. А-а-а... А почему ты днём не приходишь?
- Ангел: Днём я отдыхаю.
- Лёха: Жаль. Я так хочу, чтобы и они тебя увидели!
- Ангел: Это ни к чему.
- Лёха: Побаловать бы их, чудо какое-нибудь показать, а?

Ангел: Это сам балуй их. Выпить есть?

Лёха: Как же так?

Ангел: Сегодня ещё можно, а вот завтра — уже нет. Жаль, наверное, но... В общем, пошёл я. И — да... Скоро они на тебя молиться будут. *(Уходит.)*

Лёха сидит, смотрит в одну точку. Затем медленно поднимается.

Лёха: Фабрика, значит... Ну-ну... Постой! Это же сколько сильменеллы всякой завезут к нам с этими яйцами? Они же всех перезаразят! Ах вы, черти! Ну, держитесь! Ради своих сражусь я с вами — посмотрим, чья возьмёт! Ух, наворочу! Всё в рай оберну! Спасибо, Господи, что на мне остановил свой выбор!

Пётр ЛИСКОВ

ТЫ УЖ ПОТЕРПИ.

Глава из рукописи «Исповедь чародея»

Острая боль. Сломанная о Петькин лоб оловянная ложка со звоном падает в эмалированную чашку с варёным мясом, за которым голодный мальчик потянулся, не дождавшись отцова разрешения.

— Ребёнка изувечишь, ирод! — возмущённая мать хватается Петьку на руки и выскакивает из-за стола.

На кухне она мочит холодной водой тряпицу и прикладывает ко лбу сына. Ребёнок закатывается в беззвучном плаче — громко нельзя, отец выпорет.

Это первое событие, которое Петька запомнил отчётливо.

Ему три года. Семья обедает. Отец сидит в центре, слева — мать держит на руках беззвучно плачущего мальчика — его, Петьку; которая справа — старшая сестра Надежда, за ней — средний брат Степан. Со всем маленькая сестра Аська лежит в зыбке слева от матери. Старшего брата Якова за столом нет — он недавно женился и переехал жить в соседнюю деревню. Заканчивается тысяча девятьсот сорок пятый год. Жить тяжело и только отцовыми стараниями семья не голодает.

Сегодня отцу повезло. Возвращаясь от старшего сына, на опушке леса он наткнулся на волчью пару, только что разорившую стадо деревенских овец. Молодая, с разорванным горлом овца была ещё жива. Отец топором добил её и тушу принёс домой — потому над столом висит ароматный, почти забытый мясной дух. Все, сглатывая слюну, ждут отцова разрешения, но он не торопится.

— Мария, ты остатки мяса засоли и положи на лёд. Постарайся как-то растянуть... Ребятишки, вишь, исхудали, светятся все. Потом что-нибудь придумаем. Семён обещал тёлку за тулуп отдать. Ногу она сломала в стае. Скоро снег ляжет, до весны как-нибудь дотянем, а там пистики пойдут, зелень всяка... Полегше будет. Картошки, огурцов, капусты нам хватит, с хлебом только беда...

Наконец он разделил мясо. Самый большой кусок отдал матери, но она отодвинула его.

Отец насупился:

— Не балуй, тебе ребёнка кормить! — И всем: — Ешьте.

Хлеб ржаной, но настоящий, и Петька, забыв про боль и вспухшую на лбу шишку, умётывает наравне со взрослыми. Кто знает, когда ещё придётся так вкусно поесть!

Пётр Петрович ЛИСКОВ родился 20 августа 1942 года в деревне Щипицы Очёрского района Молотовской области. В 1963 году окончил ПТУ N 1 по специальности «наладчик автоматических линий станков». Служил в рядах Советской армии. В 1966 году окончил Кунгурский автомеханический техникум. Работал на Кунгурском машиностроительном заводе, у нефтяников в тресте «Пермвостокнефтеразведка», затем в объединении «Г Пермнефть». Автор впервые публикуется в профессиональном литературно-художественном издании. Живёт в городе Перми.

Отец рассказывает матери деревенские новости. Он как-никак председатель сельской ревизионной комиссии:

— Собранное зерно всё увезли в Бородулино. Уполномоченный расписку дал, что сдача закончена. В отходах осталось центнеров пятнадцать. Я кладовщика попросил непровеянный хлеб, пелевой, закрыть. Вчера с Александром Николаевичем решили раздать его селянам. Провеяют сами, иначе голод. Не выход, конечно, по пятьдесят килограмм на семью, но другого не придумаешь. Исполком выдачу запретил категорично. Мол, всей стране трудно, надо восстанавливать разрушенные войной районы. Местные должны прожить собственным хозяйством. Даже на сев ничего не осталось. Обещают посевной хлеб завезти весной. Только непонятно, зачем весной завозить, коли свой, без дополнительных перевозок можно было оставить. Чтобы всё выскребли, в войну такого не бывало. Это ж подумать только, крестьянину с осени без хлеба остаться!

— Ты, Петруша, на себя чужой грех не бери. Вечер Василиса говорила, что в деревне должность ввели какого-то уполномоченного по милиции. Будет властям докладывать об упущениях местного начальства. Говорят, Агнию выбрали. С её подачи-то мигом врагом народа объявят. А ты не забывай, у тебя их — кивая головой на ребят, — четверо. Мне одной такую ораву не прокормить...

Затем в памяти Петьки провал и следующее воспоминание смутное. В избу входят двое, в красивых тёмно-синих шинелях. У деревенских он такой богатой одежды не видывал.

Петьку загнали на печь, и с неё мальчик наблюдает за происходящим.

У отца потребовали какие-то бумаги. Тот из-за иконы достаёт пачку накладных и затёртую тетрадку. Высокий чужак, видать старший, мельком их пролистывает и складывает в свою полевую сумку. Потом он велит отцу одеваться. Тот натягивает сапоги, подходит к печи, подхватывает Петьку на руки, крепко прижимает к груди и поворачивается к матери:

— Ну, вот и всё. Береги ребят, Мария, и постарайся корову сохранить. С сеном Семён поможет, да и Надежда со Степаном уже не без рук, соломы старой натаскают. Прокормите корову и Петяшка с Аськой выживут. — Он подбрасывает Петьку к потолку: — А ты расти, сынок. Мать слушайся, помогай ей... — и водворяет обратно на печь.

Голос отца непривычно хриплый, какой-то дрожащий. Петьке становится страшно. В голос заревела мать. В люльке проснулась сестрёнка и тоже громко закричала.

Пожилой милиционер виновато развел руками:

— В городе разберутся. У нас невиновных не судят, — сказал он, но уверенности в его голосе нет.

Пятого января тысяча девятьсот сорок шестого года отца осудили — на три года.

Как выразилась мать:

— По начальнической статье, за превышение власти...

Жить стало тяжело. С раннего утра взрослые уходили на работу, а Петьку закрывали дома — водиться с младшей сестрой. Аська часто плакала, и он как мог успокаивал малютку. Без устали качал зыбку,

поил сестру молоком из кружки, совал ей в рот разжёванный мякиш ржаного хлеба. Когда ничего не помогало, распелёвывал девочку, менял мокрую холстяную пелёнку на сухую и уговаривал:

— Ты уж потерпи, Аська. Все на работе. К вечеру мамка вернётся, тебя титькой покормит. Там и Стёпка с Надькой придут, печку истопят. Тепло будет. Папку за власть куда-то посадили. Его долго не будет. Сидеть ему три года. Вот сама попробуй хоть один день просидеть. Ни в жисть не высидишь. У меня не получилось. Папка, когда уезжал, наказывал всем матери помогать. Вот и ты помогай, не реви. Проживём...

Много чего говорил мальчик, успокаивая сестру. Он и сам-то говорить толком ещё не умел, но звук ли живого голоса, выпоенное молоко ли или сухая пелёнка действовали — девочка успокаивалась и что-то гулила, протягивая к мальчику маленькие ладошки. Брать её на руки Петька не решался, боясь уронить, но не отходил от сестрёнки ни на шаг. Когда изба выстывала, он собирал всё тряпье и укутывал маленькую, чтобы не озябла. Наверное, с тех далёких времён и осталась у него почти отцовская нежность к младшей сестре.

Придя с работы, мать часто заставляла детей спящими: одного в зыбке, другого склонившегося над ней.

Прошла первая безотцовская зима. Начал таять снег и Петька босиком нередко выбегал на улицу, на ближайшую проталину — погреться под ярким солнышком. Долго на улице он не задерживался — дома сестрёнка. Возвращаться в надоевшую за зиму избу не хотелось, но ответственность за Аську гнала обратно.

Весна принесла с собой не только тепло. Незаметно подошла зелень: пистики, горькая редька, полевая морковь, кислица. Иногда на колхозном поле — копались и там, — попадалось гнездо-другое прошлогодней картошки. И если первое Петька съедал на месте, то картофелины, как правило, нёс домой — Аська тоже есть хочет.

Своей картошки осталось только на посадку. Мать сердилась, когда Петька из-под кровати вытаскивал проросшую картофелину с намерением съесть. Увидев осуждающий взгляд матери, мальчик укладывал картошку назад...

После полевой пищи по утрам у Петьки скручивает живот. У матери лекарство одно — она сворачивает в тугую ком старую отцову шапку и заставляет сына лечь на неё. И резь в животе постепенно проходит.

На завтрак, он же и обед, мать даёт кружку молока и кусок хлеба. Хлеб наполовину с корой, невкусный, сыплется в руках и отдаёт деревянным. Тем не менее Петька жадно съедает всё — до крошки. Живот вроде набит, но чувства сытости нет, и при первой возможности мальчик убегает в поле, чтобы поискать съедобные корешки и травы...

Так проходят два с половиной года...

Мать захворала — что-то неладное с грудью.

Аська же как-то сразу начала ходить, и сейчас Петьке трудно от неё избавиться. Она следует за ним как хвост. Приятно, что сестра считает его за старшего, и он даже, когда можно остаться одному, окликает девочку и берёт с собой. За оградой Аська быстро устаёт, и парнишка усаживает сестру себе на закорки. Так и путешествуют поблизости от усадьбы два ребёнка. Далеко не уходят. Петька наслышан, что в округе

несметно развелось волков и медведей. Он не совсем представляет, что это за напасть, но опасается и поэтому в лес за огородом не ходит, хотя тот манит его загадочным шумом вековых елей, волшебной, поросшей цветами опушкой. Чаше дети гуляют по полю. Там много васильков, которые Аська очень любит, и совсем недалеко ветряная мельница, от которой девочка без ума и всегда с восторгом смотрит на машущие ветрила. Петька любит восхищённый взгляд её голубых глаз и в награду заводит девочку внутрь. Мельник Егор — мужик знакомый. С его сыном, Афонькой, дружит Степан. Он великодушно разрешает ребятам поесть свежей, ещё теплой от помола, сыплющейся из лотка муки. Когда ветра нет, Петька не против полакомиться и мучной пылью, в избытке накопившейся на стенах, но Егор этого не поощряет и предупреждает ребятшек, чтобы поберегли животы...

Подоспела ягодная пора. На склонах оврага за огородом красно земляники, которую с удовольствием собирают брат с сестрой. Но не прибывает ягод в железной кружке, которую дала Петьке перед уходом мать. Ягоды так и норовят попасть в рот, и к обеду кружка так же пуста, как и утром, правда, физиономии ребят обильно измазаны красным.

Позднее, со слов взрослых, подошла и черника. Но в черничнике дезертиры, да и далеко. За этой ягодой Петька не хаживал, но пробовал, когда Степан приносил её в берестяном кулье.

Обильно уродилась малина. Как-то Петька без спросу отправился в малинник, который ещё зимой показывал ему брат. Тогда Степан предупредил мальчика, чтобы без взрослых он сюда не совался — слишком глухое место. Тут люди и рысь не раз видели, и с волками сталкивались. Загрызут — никто не услышит и косточек не собрать.

Петька нечаянно услышал разговор матери с подругой Дарьей, которая уговаривала пойти за малиной.

— Я только с краю зашла. Ягода крупная, как садовая, не червивая, ветки ломаются. Собирала бы, но страшно одной, место больно глухое. Наши деревенские редко туда навешиваются...

Перекусив, Петька взял литровую кружку и направился к выходу.

— Ты куда? — окликнула его мать.

— За огородом буду. Аська проснётся, пусть не ревёт, я ей ягод наберу.

Петька выскользнул из избы. В ограде подобрал толстую палку, с которой мать провожала и встречала скотину. «Вместо оружия будет, если с волком встречусь», — подбодрил себя мысленно мальчик.

Не задерживаясь в овраге, он по тропинке спустился к Грамотеевке. По жёрдочкам перешёл на другой берег речушки и через огород Василия Андреевича скоро направился к дальнему лесу.

Кружку мальчик заполнил быстро и пожалел, что взял недостаточно вместительную посудину. Он забрался на пенёк, окружённый густым малинником, и потянулся за веткой, усыпанной крупной ягодой, чтобы заполнить кружку с горкой. Однако дотянуться до неё не успел. Та стремительно исчезла, а когда появилась снова, ягод на ней уже не было.

«Это кто же меня опередил?» — подумал Петька и раздвинул ветки.

Прямо над собой он увидел крупную бурую голову с круглыми ушами и удивлённым, но не злым взглядом. До этого медведей мальчик

не видывал, но узнал его сразу. Зверь несколько секунд разглядывал парнишку, хрипло выдохнул, повернулся и неторопливо зашагал прочь.

Какое-то время мальчик оторопело стоял на пеньке, провожая зверя изумлённым взглядом. Когда испуг дошёл до его сознания, молнией спрыгнул с пня и бросился бежать. Странно, но, даже улепётывая, он не бросил ягоды, не оставил багот. Так и бежал, одной рукой прижимая к груди кружку с малиной, в другой нелепо удерживая толстую палку.

— Откуда? — удивилась мать. — Да так скоро...

— В лесу нарвал, — соврал Петька.

Про встречу со зверем он никому не сказал и только под конец лета признался Степану, что видел медведя.

— Ох и лобастый! Выше тебя, Стёпа, раза в два... Я сначала подумал, что корова комолая, но, когда на лапы глянул, догадался, что медведь. Копыт-то нету... Да и не стоят коровы на задних ногах...

— Коли не врёшь, Петька, ладно! Только никому про эту встречу больше не рассказывай. Достанется нам от мамы, коли узнает, а то и выпорот обоих...

Письма от отца приходят нечасто, но при их получении мать и радуется, и плачет одновременно. Затем берёт на руки Аську, усаживает рядом Петьку и вслух читает отцовские треугольники, с поклонами и наставлениями. Дети слушают внимательно. От прочитанных матерью строк веет тоской и безысходностью и к концу чтения плачут все трое.

Ближе к осени Степана и Надежду услали на лесозаготовки. Едоков в семье поубавилось, и Петьке с сестрой мать наливает по две, а иногда и по три кружки молока. Остальное в бидоне каждое утро уносит на сдачу государству. Петька невзлюбил этого прожорливого мужика — Государство, которому вся деревня ежедневно несла и молоко, и яйца, и шерсть, и многое другое, за ненасытность. Он иногда уговаривал мать не делиться с чужим, самим есть.

Мать только горько усмехалась:

— Дурачок ты у меня ещё, несмышлёныш.

Под весну пришла похоронка на отца. Смерть мужа подкосила мать. Она заболела, как-то сразу состарилась и похудела, но продолжала работать. В сельской больнице врачи определили у неё рак груди, и направили на лечение в Молотов, который раньше звался Пермью. Но оказалось поздно — лечение ей не помогло. К осени матери стало совсем плохо, она слегла. Приходил председатель, Александр Николаевич, ругался, что та не вышла на работу.

— Отработала я, видать, своё, Александр Николаевич! Свет не мил от такой пропащей жизни. На твои трудодни не только ребят, но и скотины не прокормишь. Лучше уходи, не лайся, дай умереть спокойно.

— Ты смерть-то не торопи, — председатель кивнул на Петьку с Аской. — О них вон подумай. Пропадут они без тебя, Мария.

После председатель вызвал с лесозаготовок Степана с Надеждой.

Матери плохо. Она лежит на кровати, в основном молча. Иногда стонет, изредка просит пить или подать ведро для нужды. Тогда

Петька слезает с печи и подставляет матери плечо для опоры. У самой сил не хватает. Мать худенькая, но тяжёлая, и мальчику трудно её поддерживать. Та понимает, и каждый раз тяжело вздыхает:

— Эх, мал ты ещё, Петяню, пропадёте без меня с Аськой. Господи, за что ты меня так? Какой грех я совершила? За что ты детей моих на смертушку обрекаешь?

В избе студёно. Петька пытался затопить печь, но мать не разрешила, опасаясь, что мальчик устроит пожар. Дети греются на нетопленной печи, под старым отцовым тулупом.

Степан со старшей сестрой приехали после обеда. Узнавать время по часам Петька ещё не умел, но по опыту знал: если солнечный свет остановился на углу стола, время послеобеденное.

Сестрёнка пригласила и уснула на Петькиной руке. По приходе старшего брата мальчик не приподнялся, чтобы поздороваться, опасаясь потревожить спящую.

— Холодно-то как! Нельзя же так, мама. Ребят застудишь, сама простынешь. В избе холоднее, чем на улице! — в голосе вошедшего брата недовольство.

— Надежда где? — мать с усилием приподнялась на постели. — Пока Надьки нет, слушай, что скажу. Умираю я, Степан. Ребят вам без меня не поднять, сами ещё на ногах нетвёрдо стоите. Чтобы зря не мучиться, ты маленьких удави. Не спорь! Удави прямо при мне. Этот грех я перед Богом на себя возьму. Только в детдом не сдавайте. Не хочу, чтобы зверёнышами выросли. Доченька мала совсем, не поймёт даже что к чему, с Петянкой как-нибудь управисься...

— Мам, у тебя с головой-то как? Ополумела совсем! Чего родишь? Ребятишки где?

— На печи, — больная в изнеможении уронила голову на подушку. — Спят, видать, давно не шебаршатся. Так ты понял, Степан? Прямо сейчас. При мне...

Услышав материны слова, Петька похолодел: «Гля, чего удумала! Видать, из-за болезни свихнулась мамка».

Он вспомнил удушенного по осени Геббельса. Вредный, конечно, был пёс, всё время норовил за голяшки укусить. Но ведь не взаправду же кусал, больше баловал! Догонит, зубами немножко прижмёт, а чтобы до крови — такого не бывало!

Хозяин его, Кирилл, заспорил по пьянке с мужиками, что к осени научит собаку курить. Хозяйская затея псу пришлась не по вкусу. От махорочного дыма пёс фыркал, неудержимо чихал и, в конце концов, укусил настырного хозяина за нос. Рассвирепевший Кирилл поймал Геббельса в петлю и на глазах у ребятни повесил на перекладине ворот.

Перед мысленным Петькиным взором, как живой, встал образ невинно повешенного, задыхающегося и судорожно дёргающегося всеми лапами пса.

«Ну нет! Так просто не дамся... Удавить удумала... Это ж, подумать только...»

Он оглядел печь в поисках оружия для самообороны. Из кухни торчал ухват, но в тесноте печи им не размахнёшься, да и не втащить его незаметно. На глаза попало сухое полено, из которого мать строгала лучину для растопки печи. Это то что надо. Осторожно высвободив руку из-под головы спящей сестры, мальчик бесшумно

подтащил полено, примерил в руке. Держать неудобно, но более подходящего на печи ничего нет.

«Умирать, так с музыкой!» — решает он.

Услышав ответ матери, Степан полез на печь, чтобы удостовериться в правдивости её слов, мол, спят младшие. Когда его голова оказалась на уровне лежанки, Петька изо всех сил ударил поленом по братову лбу. Охнув, тот мешком свалился вниз, прямо к ногам входившей в избу Надежды.

— Осторожней, Стёпка, меня чуть не зашиб! Мам, холодно-то как у вас. Застудишь ведь ребят-то... Ой, да ты расхворалась совсем! — Сестра засуетилась: — Степан, беги за водой, а я печь застоплю. Ребятишки-то, видать, не кормлены. Ты котомку мою занёс?

— Нет. Я со своей-то кое-как дотащился.

Надежда выскочила из избы, через минуту вернулась с мешком в руках и тяжело положила его на лавку.

— Ты чего стоишь? Марш за водой, сказала! Ой, постой... У тебя кровищи, как из недорезанного барана, перевязать надо. Ну как ты так неаккуратно?

— Сапоги на улице намокли, склизкие, вот и поскользнулся на приступке. О лохань, видать, ударился, — неуклюже оправдался Степан.

Надежда быстро развязала мешок, порылась в нём, достала небольшой узелок.

— У меня тут кое-какая аптечка есть. Сейчас перевяжу. — Она вытащила бинт, вату и пузырёк с йодом. Сноровисто перебинтовала голову брата: — Вот, сейчас беги, дрова я сама принесу.

Загремев вёдрами, Степан вышел из избы. Надежда выскочила следом. Через некоторое время вернулась с увесистой охапкой дров. На кухне с грохотом свалила их на пол. Вскоре в печи весело запотрескивало, запахло дымком.

— Надька, ты вьюшки-то сняла? — заругался вернувшийся с водой брат. — Дыму напустила, удушишь ведь всех! — Поставив вёдра, он, уже осторожно, полез на печь: — Петяшка, вьюшкуними, только не обожгись. Накалилась, наверно, уже.

— А меня давить не будешь, когда я к тебе спиной повернусь? — с хриплым полушёпотом повернулся к нему мальчик.

— Дурак! Я же люблю тебя. А мама вас с Аськой шибче всех любит. Ты эти её слова забудь и никому про них не рассказывай, так нам всем лучше будет. Бред это. Похоже, умирает наша мама. В бреду люди и не такое несут... Я же поскользнулся и поскользнулся, — наклонившись к Петькиному уху, и также полушёпотом ответил Степан.

Он сам снял вьюшку. В трубе загудело, в печи весело потрескивали сухие дрова. Вскоре в избе запахло жилым духом.

На кровати тяжело ворочалась мать. Старшая сестра возилась с варевом. Брат из мешков выкладывал на стол какие-то пакеты, кульки, свёртки, банки, бутылки и буханки настоящего хлеба.

От увиденного изобилия у Петьки даже скулы свело. В животе противно заурчало. Как бы догадываясь, Степан отрезал по большому куску хлеба, круто посыпал их белоснежной солью и полез на печь:

— Петяшка, буди Аську, поешьте. Когда ещё суп сварится...

— Ты бы, Стёп, соли-то не так круто сыпал, — Петька осторожно принял поданный кусок, — обопьёмся ведь.

— Где ты соль увидел? Это сахарный песок. Попробуй, он сладкий.

Петька осторожно лизнул невиданное кушанье:

— Ой, и вправду сладко, как сахар!

— Ты ладошку подставляй, чтобы зря не рассыпать.

Петька разбудил младшую сестрёнку.

— Ой, Тёпка плиехал! — встрепенулась девчонка, будто и не спала. Поднялась, приняла краюху хлеба и сразу откусила. Уже жуя, затараторила: — И Надя плиехала. А мама болеет. Не встаёт мама. Мы с Петянкой ись хотим. И колова мычит всё влемя. Тоже ись хочет и пить. И холодно.

— Сейчас тепло будет, — подала из кухни голос Надежда. — Печь скоро нагреется... Заговорила наконец-то, лопотунья моя. Ты бы, Степан, их пряниками угостил, не едали ведь.

— Пряники потом поедят. Сейчас они голодные. Сейчас им и хлеб слаше пряника...

Вскоре поспело варево. Поставив чугунок и чашки на стол, сестра позвала младших:

— Садитесь, а я пока маму покормлю. Степан, командуй давай.

Брат нарезал хлеб, разлил суп в чашки:

— Ешьте.

Похлёбка вкусная, горячая, с тушёной. Едят молча.

Неожиданно Петька спрашивает:

— Что за червячки беленькие в тарелке плавают?

Брезгливый Степан даже со стула привстал:

— Где?!

— Вот, — Петька подцепил одного червячка в ложку и показал брату.

— Дурак. Это вермишеля — еда такая городская.

— Сладко, видать, в городу живут?

— Хорошо живут. Сытно. Были бы деньги, в магазине всё есть. И на земле ломаться не надо. На производстве хорошо платят. Я в лесу за три месяца заработал больше, чем за два года в деревне. Жаль, паспорта у меня нету, уехал бы к едрёне матери.

— Просто тебе нынче повезло, Степан, к хорошим лесорубам в бригаду попал, — подала голос старшая сестра. — Я вот поварничала. В столовой хоть закрутись, хоть наизнанку вывернись, получишь свои триста пятьдесят рублей, и ни копейки больше. За три месяца я чуть больше тысячи получила, а ты в пять раз больше моего.

— С бригадой мне, конечно, подфартило, — гнёт своё брат. — Хорошие мужики попались. Опять же пилы нам американские электрические дали. Но поломаться пришлось, не приведи господи. Кабели тяжёлые, потаскай-ка их. Надо успевать и сучья рубить, и в кучи сваливать. Мужики-то лес валят, успевай поворачиваться. Руки в кровь — в мозолях. К концу смены кое-как топор в руках держишь, но за такие деньги упираешься согласен. Так бы годок поработать, и избу новую можно ставить.

Наевшись, Петька залез на печь. Там тепло, даже жарко. Глаза закрываются в сытом блаженстве. Нет, всё же хорошо жить. На улице смеркается. Мать, похоже, задремала, её не слышно.

Надежда, покушав, прошла на кухню.

— Печь-то протопилась. Петяню, закрывай трубу, а то быстро выстывает.

Петька прополз к трубе и открыл дверцу, чтобы положить на место вьюшку. Из трубы пахнуло тёмно-малиновым пламенем.

— Ой, Стёпка, горим ведь! — заорал он не своим голосом.

Переполюшавшийся Степан махом заскочил на печь.

— Мать-перемать, сажа горит! Совсем ведь забыл, что труба с весны не чищена! — Он накинуд на место вьюшку, закрыл дверцу и скатился вниз. Торопливо натягивая сапоги, велел сестре подготовить ведро воды. — То и вправду сгорим!

Вскоре в трубе зашуршало, забухало, запахло жжёным — Степан чистил дымоход. Минут через двадцать он вернулся. Руки и лицо густо измазаны сажей. В руках верёвка с привязанным веником-голиком и гирей.

— Ну, куда ты такую грязь в избу тащишь? Оставь в сених, — высказалась Надежда.

Мать опять заметалась, застонала, непонятно заговорила.

— Плохо маме. Стёп, надо фершала вызывать, — Надежда склонилась над исхудавшей, мечущейся на постели матерью.

— Где его сейчас возьмёшь, фершала-то. Утром попрошу у председателя лошадь и сгоняю в Овчата.

— Не фершала, Яшку она видеть хочет, — вмешался с печи Петька. — Когда ей плохо, она всегда его зовёт.

Как бы в подтверждение его слов, мать открыла глаза и отчётливо заговорила:

— Надежда, Степан! Зовите Якова. Похоже, пришла моя смертушка... Если поторопится Яков, застанет в живых. Но долго не протяну. Хочу ему и вам последний наказ дать... — Произнесённые слова обессилили мать. Она закрыла глаза и менее отчётливо, но всё же разборчиво повторила: — Яшу зовите.

В избе повисла осязаемая тишина.

Первым опомнился Степан:

— Пойду я.

— Нет, я одна не останусь! — Надька резко вскочила на ноги.

— Почему — одна? Все же дома, — удивился Степан. Предложил: — Тогда ты ступай, я дома останусь.

— В ночь одна не пойду, боюсь, да и устала я с дороги.

— Ну, так мы ни до чего не договоримся! — рассердился брат.

— Вон Петяню пошлём. Он бывал, дорогу знает. С Яшей и вернётся, — старшая сестра с мольбой смотрела на мальчика.

Степан повернулся к Петьке:

— Не забоишься?

— Нет! Вот только одеть чего? Одежи у меня нету, а на улице снег. Босиком-то ведь застыну.

Петька пролез на полати, нашёл старую отцову шапку. Она ему велика, но тесёмки можно завязать под подбородком.

Степан из сеней принёс ставшую самому маловатой старую фуфайку. Подогнул рукава:

— Надевай! — Критически оглядев парнишку, тяжело вздохнул: — Велика, но другого ничего нет, Петяню. Ты не застёгивайся, просто запахни полы, а я тебя ремнём перепояшу. Так удобнее будет

и теплее. На ноги-то что одеть?.. Надька, у матери старая шаль где-то валялась! Найди, пусть вместо шарфа наденет, шею укутает! — сказал он и снова вышел из избы.

Надежда принесла шаль. Свернув её втрое, с головой обернула мальчика, пропустила углы шали под руки и завязала на спине:

— Так не спадёт, спине теплее, да и шапка лучше держится.

Вернувшийся брат держал в руках свою гордость — хромовые сапоги.

— Ты что, Степан? — ошалело уставилась на него сестра. — У тебя на выход-то ничего боле нет, а на улице сыро, грязно...

— Не босиком же его посылать, да и малы они мне... размера на три. Пробовал, даже на босу ногу не лезут. Пусть носит. Ты ему свои носки вязанные одень, они помене моих. Сапоги не так болтаться будут. Чтобы не потерял их дорогой, я ему под фуфайкой верёвку пропущу и к ушкам сапог привяжу.

Голенища длинные. Степан чуть не вдвое подвернул их:

— Не трут?

— Не трут. Давай, Стёпка, скорее, а то я сопрел уже в одежде-то. И палку мне какую-нибудь дай — от собак, от волков отмахиваться.

Степан только горько улыбнулся:

— Эх ты, Аника-воин! Раз готов, пошли. Палку на улице подберу и провожу через огород.

На дворе Степан подобрал по росту мальчика палку и проводил его до Грамотеевки. Речушка небольшая и неглубокая, но мосток через неё, из четырёх жёрдочек, Петька вряд ли преодолел бы самостоятельно. От свежеевыпавшего снега он стал скользким.

Степан перенёс по мостику брата и хлопнул по спине:

— Беги, Петяню. Ступать старайся на снег, не так склизко будет. На прямуюшку за лесом не ходи, в пашне утонешь. Через Екимята беги, через новый прудик. Чуть дальше, зато по дороге. В колею не ступай, воды глыбоко. Промочишь сапоги, замёрзнешь. Вишь, снег-то как густо повалил, к ночи, видать, похолодает.

Петька не представлял, что такое километр, но брат так уверенно разъяснил:

— До лесу километр, по лесу километр, после леса до Екимят километр и там до Яшиного дома по деревне километр. Добежишь! И мальчик не сомневался, что добежит.

К лесу он успел засветло. Но снег здесь падал медленнее и гуще — видимость резко ухудшилась. Лес встретил Петьку настороженно, как незнакомого. Мальчику бы передохнуть за ветром, перейти на шаг, но полусумрак напугал его мрачной непонятностью — кажущимися шорохами, поскрипываниями и непонятным шёпотом, прячущимся в кронах вековых елей. За деревьями, вплотную подступившими к дороге, чудились голодные волки и ещё что-то неведомое, страшное. Он продолжал бежать, скользя по грязи и не выпуская из рук батог, больше мешавший ему, но придававший хоть какую-то уверенность.

За лесом силы ребёнка кончились — сказалось постоянное недоедание. Петька перешёл на шаг и с трудом передвигал отяжелевшие ноги.

— Ничего... — подбадривал он себя. — Скоро Екимята, а там по деревне... Лишь бы собак не было... Вот до рёлки дойду и отдохну...

Он дошёл до рёлки и снова подбодрил себя:

— Ничего, уже немного осталось. До Екимятского пруда дойду, там отдохну обязательно.

В безмолвной борьбе с самим собой он не заметил, как миновал прудик. Поднявшись в гору, остановился на Коточиговском отвороте у знакомого, отдельно стоящего дерева и про себя удивился, что не заметил деревни:

— Керосин, что ли, все экономят? Ни одного огня в Екимятах! Темно-то как...

Снег валил густой, равнодушный. Мальчик привалился спиной к сушине. Присесть не решился — побоялся, что встать сил не хватит. Грудью тяжело опёрся о батог и замер — без страха, без мыслей.

Силён, видать, был у Петьки ангел-хранитель, не дал ему замёрзнуть. Когда мальчик пришёл в себя, заметил, что снег валить перестал, но на рукава фуфайки его насыпало толсто. На небе, очистившемся от туч, светились яркие, аж глазам больно, звёзды. Заметно похолодало. Пошипывало щёки, пальцы ног и рук, застыла спина. Он с трудом пошевелил руками, отряхивая снег: «Сколько же я здесь стою? Так ведь и замёрзнуть недолго. Надо бежать, недалеко уж осталось».

Оторвать ноги оказалось непросто — сапоги примёрзли. Мальчик рассердился на Степана и Надежду, что послали его одного в ночь, на мать, что вздумала не вовремя умирать, на Яшу, что уехал жить в другую деревню, на себя за слабость. Озлобленность вырвалась наружу взрослым отборным матом. Он ругался в мать, в Бога, в крышку гроба, в полковую разведку и какую-то контрразведку. Смысла многих ругательств Петька не понимал, но если слова звучали твёрдо и сердито, он выкрикивал их. Жутко звучал в ночи детский голос, хрипло выплёвывавший грубую взрослую брань!

Так, ругаясь, едва не плача от бессилия, он сделал первый шаг, второй... И пошёл, пошёл...

Петьке даже показалось, что он идёт достаточно быстро. На деле же он едва переставлял ноги. Прикусив губы упрямо наклонив голову, тяжело опираясь на батог, шёл. Никто не повстречался ему на пути, не залаяла ни одна собака, никто не выглянул в окно.

Подойдя к братову дому, Петька через шель с трудом отодвинул залом и отворил ворота.

Навстречу с лаем кинулась крупная белая собака.

— Жука! Жученька! Я это, Петька. Ты уж не кусай меня, ради Бога... Яшу зови... Дошёл я... Дошёл...

Петька тяжело опустился на заснеженную скамейку. Учув знакомый запах, как бы понимая Петькины слова, собака тёплым языком лизнула мальчика в лицо и залаяла — звонко, радостно, как бы поощряя появление мальчишки.

Окно избы осветилось изнутри, через минуту звякнула щеколда. В дверях стоял старший брат — в исподнем белье и накинутом на плечи полушубке:

— Кого Бог на ночь послал?

— Я это, Петька... — при звуке родного голоса мальчику захотелось заплакать, прижаться к широкой груди брата, но он сдержался.

— Петяшка, ты?! — удивился Яша. — Так чего сидишь? Заходи!

— Не могу, сил нету.

Яша спустился с крыльца, подхватил мальчика на руки и внёс в избу:

— Это кто же тебя в стужу, ночью, одного отпустил? Ты же за-
леденел весь! Мать-то куда смотрит? Таисья! — позвал он жену. —
Помоги парнишку раздеть, застыл ведь он совсем.

— Умирает мамка, вот меня Стёпка с Надькой и послали за тобой.
Яша рассердился:

— Вернулись с лесозаготовок, значит. Самим-то слабо было
пойти, додумались ребёнка в ночь послать. Ну, погодите мне!

— Они не в ночь. Я засветло убежал, но устал и около Екимят
отдохнул немного.

— Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени, Петяшка? Второй
час ночи! Это ж сколь немножко ты отдыхал?

— Показалось, что недолго, но видать, уснул я. Мамка просила
поторопиться, иначе умрёт без тебя. Болеет она шибко, бредит, тебя
всё время зовёт.

— Ну куда мы в такую темень? Конюха сейчас не найдёшь. Утром
уж, пораньше встанем...

Взрослые раздели мальчика, растёрли холодной водой, укутали
в старый братов свитер и усадили за стол. Яша вышел во двор, за-
крыть ворота. Таисья поставила перед Петькой миску с селянкой,
но в тепле на мальчика навалилась такая усталость, что он прямо
за столом, не успев взяться за ложку, уснул. Вернувшийся с улицы
брат бережно поднял его и, уложив на печь, долго всматривался в
осунувшееся лицо:

— Ну, братишка, жить тебе до ста лет... Расскажи кому, ведь
не поверят...

Выехать рано не получилось. С вечера председатель разнарядил
лошадей и к Яшиному приходу в конюшне стояла одна, со сбитой в
кровь холкой, Зорька, которую конюх запрягать не разрешил и, как
бы извиняясь, попросил:

— Не сердись, Яков Петрович, но придётся обождать. Часа через
два Иван Денисович с фермы должен вернуться. Возьмёшь его Каре-
го — и айда, езжай с Богом, даже кошёвку дам. Только попону возьми,
лошадь накроешь. Сам видишь, как холодно сёдни, прямо как зимой.

Яша за руку завёл Петьку в хомутную:

— Посиди тут, Петяню, я на ферму схожу, потороплю Ивана
Денисовича.

Выехали только часов в одиннадцать.

Степан встретил их у ворот, сказал Якову:

— Умерла мама. Ночью умерла, где-то часа в два. Ой, как тяжело
умирала! Тебя всё время ждала. Бабы её с утра обмыли, снарядили.
Сейчас Ермолаевну привёз, в деревне грамотных-то старух не оста-
лось. Вы проходите в дом. Лошадь я распрягу и в стаю поставлю.
Холодно на улице-то оставлять.

Вслед за братом Петька вошел в избу. Там много народу. Мать
лежит на столе в переднем углу, непривычно нарядная и строгая.
Пахнет воском и непередаваемым запахом покойника.

Увидев вошедших, Надежда поспешила навстречу:

— Проходи, Яша, Петяню, залезай на печь к Аське, там и раз-
денешься. Ой, Яша, горе-то какое...

На печи жарко. Не выпавшегося Петьку в тепле по-новой раз-
морило, и он уснул рядом с сестрой. Уже в потёмках Степан разбудил
его ужинать.

Стол занят покойницей, поэтому ели на кухне.

Петька неотрывно смотрит на лежащую на столе мать. Сам он устроился на полатах с краю. В центре уснул Степан, Аська согнит у стены, прижавшись к брату с другой стороны. Надежда с Яковом спят на печи. Кровать оставили старухе-молельщице, на случай, если той вздумается отдохнуть.

В избе почти темно — лампу погасили, экономя керосин. Две тоненькие свечки, горящие в изголовье матери, скудно освещают её неподвижное, измоленное лицо. Не верится, что мать умерла, кажется, просто уснула. Но монотонный голос молельщицы, нарушающий звенящую тишину, безжалостно напоминает, что это не так. Никогда больше не проснётся мама, не погладит маленькой жёсткой ладонью Петькиных волос, не одарит любящим взглядом, не откроет и не прищурит своих синих-пресиних глаз.

Внезапно Петьке показалось, что покойница вздрогнула. Он присмотрелся внимательнее. И вправду мать открыла глаза и непонимающе оглядела избу. Взгляд её остановился на мальчике — ужасный, тёмный, почти чёрный. Петька замер, боясь пошевелиться, даже дышать перестал. Взгляд не отпускал его. Как-то так получилось, что голова матери вдруг отделилась от туловища и покатилась к краю стола, с глухим стуком скатилась на скамью и с более гулким — на пол.

«Старуха-то молельщица куда смотрит?»

Петька хотел закричать, предупредить её, но горло перехватило. Между тем голова подкатилась к печи и, неожиданно подпрыгнув, вскочила на приступок. На узенькой ступеньке не удержалась и со стуком сорвалась на пол. Снова подпрыгнула и снова свалилась. С неживым упорством подскакивала и подскакивала, а тёмный взгляд ни на секунду не отпускал мальчика.

Ему показалось, что голова приноровилась, что она вот-вот запрыгнет на печь, а оттуда до полатей совсем ничего. С криком, без памяти от ужаса, он свалился на пол. Уверенный, что голова сразу бросится к нему, как бы защищаясь от нападения, он выставил руки вперёд.

В избе поднялся переполох, засветили лампу. Яша взял дрожащего брата на руки:

— Ну, чего ты испугался? Приснилось что?

Петька лихорадочно смотрит в угол за печь, но головы там нет. Он повернулся к лежащей на столе матери. Голова у неё на месте.

— Видать, приснилось...

На следующий день мать похоронили.

Парнас
без границ

Игорь ТЮЛЕНЕВ (об авторе см. с. 10)

МЕЖДУ «ДОЖДЁМ» И «ЭХОМ ИЗ МОСКВЫ»

* * *

Не любил я, признаться,
Большого Курногого Брата.
В. Ханан

Зол наш мир и жесток
И слепому слезы не прощает.
По лицу бьёт безжалостно
Заморского хрома сапог...
С Благодатию Божьей
Отрезок судьбы заблестает,
Свет берёз и равнин,
Животворный родительский слог.

Кто утёк из России,
Пускай, разве это утрата?
Как улитки ползушие,
Из багажей-барышей.
«Не любил я, признаться,
Большого Курногого Брата».
А он спас «Длинный Нос»
От горящих фашистских печей.

ОДНОМУ ПОЭТУ

К.

Он бросил Родину и убежал в Париж.
На радио «Свобода» там завис,
Чтоб отработать Запада щедроты.
Россию предал, как мальчиш-плохиш,
А в это время русский Кибальчиш
Бить буржуинов набирает роты.

Я там всегда, где русский Кибальчиш.
«Свобода», ты о нас уже молчишь,
Как о Корчагине с Космодемьянской?
Шестой колонны чувствую тиски.
Между «Дождём» и «Эхом из Москвы»
Войдём в Москву тропой партизанской.

Валентина ТЕЛЕГИНА (об авторе см. с. 89)

ГОВОРЮ ПРИ ВСЁМ НАРОДЕ

* * *

Говорю при всём народе:
Фарисеи нынче в моде.
И тот — фарисей,
И другой — фарисей.
У нас нынче фарисеев —
Хоть сквозь сито сей!

* * *

Вот и сел ты в кресло власти.
Ну и как там, наверху?
Ухватил краюшку счастья?
Или страсти рвут на части?
Говори как на духу.

Уж теперь карман твой полон
Звонкой пыли золотой?
Хлеб не горек и не солон...
И не вьётся чёрный ворон
Над твоею головой?

* * *

Не привыкайте к власти, господа,
над правдой,
над свободой и законом.
Не привыкайте к лести никогда,
к заискиванию, взяткам и поклонам.

Из года в год,
с упорным постоянством,
вам — рай земной,
а прочим — море лжи?
Не страшно
искривление пространства,
но страшно
искривление души!

Чем выше пост,
тем отдалённей взор,
ведь с высоты и города мельчают.
Но тем больней и губительней позор,
когда вас ненароком развенчают.

Изменчив мир,
а жизнь не столь длинна,
чтобы топтать костёр
чужого счастья.
Как на ладони, истина видна:
всё горе на земле —
от жажды власти.

Николай ГЛУМОВ (об авторе см. с. 208)

СОВЕТСКИЙ ДВОРНИК

* * *

На облачке, прямо над рошей,
Рубцов, свесив ножки, сидит.
Читает из книжечки тошей,
Приняв поучительный вид.

Поэзии друг настоящий,
На старого дуба сучок
И я сажусь, ножки поджавши,
И слушаю грустный стишок.

И мне хорошо с милым другом,
И с милой Россией моей.
Бутылка гуляет по кругу,
И речи мои всё смелей.

И весело мне до упада,
И мне веселей уж не стать.
Нам, Коля, смеяться не надо,
Так можно на землю упасть.

СОВЕТСКИЙ ДВОРНИК

Загаженный маленький дворик.
Заснеженный сталинский дом.
Беру поутру я топорик,
Метлу, и лопату, и лом.

Собачье дерьмо. «Мерседесы».
Раздавленной кошки рагу.
Призывы продажные прессы
Повсюду в печальном снегу.

И я час за часом, покорно
Всё это скребу и мету,
Трудом возрождая упорным
Советской России мечту.

Загаженный дворик советский
Скребу и мету дотемна.
«Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна!»

Владимир ЯКУШЕВ

ПАРЕНЬ С УРАЛА

Седой Сизиф навверх камéнь катил.
Он знал, что делать этого не нужно,
Но философский камень этим жил,
И потому Сизиф пыхтел натужно.

О камень Алатырь — Седой Урал!
О камень исполнения желаний!
О скольких он людишек перемял,
Пока не впал в сизифовские длани.

Летит с Урала камень Алатырь —
Ревёт над городами атмосфера!
Вся ваша подлость перед этим — пыль,
Неважная для хода нашей эры!

Он мнёт, и жжёт, и рвёт меридиан,
Горит рубец, огнём сочась, планеты!
Но философский камень людям дан,
И камень сам никак не канет в Лету!

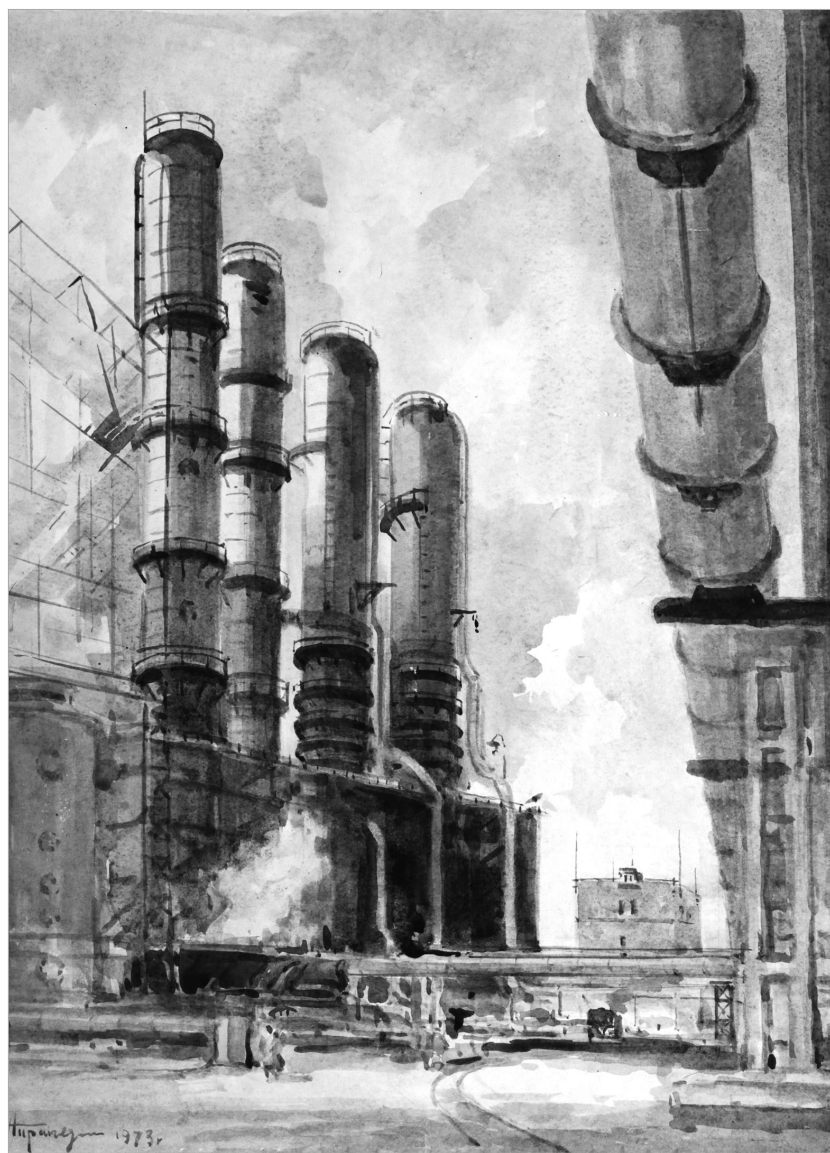
Но твёрже камня твёрдая рука
Рабочего, Крестьянина, Солдата.
В России — чтоб вам знать наверняка(!) —
Работают во время камнепада!

Мой сын! На камень руку положи!
Давай-ка не потворствуй, а участвуй.
Каким бы ни был выверт у судьбы,
А камни с неба только нам подвластны!

Сидит Сизиф и камень сторожит,
И философски всё воспринимает.
Здесь камень философии зарыт,
И это уважение внушает.

Владимир Викторович ЯКУШЕВ окончил Чердынский лесотехнический техникум, филологический факультет Пермского государственного педагогического института, гуманитарный факультет Пермского государственного технического университета. Работал на заводах Перми, преподавал. Член Союза писателей России (2001). С 2010 года – председатель Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России. Живёт в городе Перми.

Часть 3

Алексей ДУБРОВИН

ЗАДУМЧИВЫЙ ПАССАЖИР. Рассказ

Колёсные пары перестукивались на стыках рельсов. За окном мелькали деревеньки, засыпанные под самые крыши снежными сугробами. Унылые картинки по зиме, скучные. То ли дело ехать этой же самой дорогой летом! Зелень лесов и полей всегда напоминала Родину.

Голова соседа по вагонной полке в полудрёме прислонилась к заледеневшему по нижней кромке стеклу, от чего человек вздрогнул и проснулся. Устало повёл плечами:

— Свердловск когда, Александр?

— Часа через два, — ответил пассажир, рассматривающий пейзажи за окном.

Наверное, ключошему носом попутчику ответивший пассажир по имени Александр показался странным. Всю дорогу сидел он задумчивый, молчал, поглаживая лоб. И кипяток его на станциях не интересовал, и в разговоры он по дороге не пустился. Улыбнулся ещё перед отправлением поезда, представился Александром и ушёл в свои мысли.

Откуда же соседу по вагону было знать, что в обычной поездке человек по имени Александр перемещался в своих воспоминаниях от одной эпохи к другой. И узловые станции менялись для него не за стенами поскрипывающего вагона, а во времени. Редкая ему представлялась возможность подумать, собраться с мыслями. Пассажир и думал...

Неделю назад в Пермь позвонил Павел Петрович, поздравил с наступившим Новым годом и напомнил, что ждёт с текстом рукописи.

В трубке хрипло прозвучало:

— Приезжайте, Александр Николаевич, остановитесь у меня. Прихворнул я малость. Бездельничаю дома, вот и почитаем те главы, что по осени просил вас поправить.

Год 1936-й только наступил, а пришлось собираться в путь и отправляться в Свердловск. Отказаться от такого приглашения было просто невозможно. Когда ещё у Павла Петровича будет время! В дорожную сумку легли три переписанные заново главы повести «Бурлаки». Это он, Бажов, надоумил в прошлом году сесть за повесть о бурлачестве. Сказал просто: «Александр, у тебя появился литературный опыт. Он признан, ты — член Союза писателей огромной

Алексей Александрович ДУБРОВИН родился 28 марта 1961 года в городе Очёре ныне Пермского края. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета (1987). Служил в органах КГБ / ФСБ: подполковник запаса. Работает в Высшей школе недвижимости: заведующий кафедрой. Занимается краеведением — организатор и председатель оргкомитета краеведческих (литературно-художественных) Спешилловских чтений. За общественную деятельность удостоен звания «Почётный гражданин Очёрского района» (2011). Автор более десятка разножанровых книг. Член Союза писателей России (2013). Кавалер ордена Ф. Достоевского III степени (2014), имеет несколько ведомственных наград. Живёт в городе Перми.

страны. Кому, как не тебе, поведать читателю о бурлацкой лямке. Ведь забывать начинают молодые, как жилось двадцать лет назад. Целое поколение выросло с того времени. Только в сравнении нового со старым можно по-настоящему оценить изменения в стране. Возьмись за рукопись. Напиши о своей жизни. Кто, кроме тебя, сможет это сделать?»

Помнится, Павла Петровича в том разговоре горячо поддержала Клавдия Васильевна Рождественская. И снова плечо ощутило тугую лямку. Взялся — тащи груз!

Работа над повестью в Перми начиналась не без проблем. В рабочую смену записывать мысли-воспоминания не оставалось времени. Вечера уходили на семью. Супруга едва с ног не валилась после дневных хозяйственных забот, вот и приходилось брать часть их на себя. Строки ложились на бумагу лишь после укладывания детей в кровати. Но усталость сказывалась, и мысли терялись, а вопросы появлялись. Не ясно, рассказывать ли читателю подробности из жизни семьи главного героя Сашки Ховрина или ограничиться поверхностными набросками портретов мальчишки и отца?

Вздыхать приходилось и по другому поводу — «Удастся ли в полной мере отразить то время?» Но самое главное — «С кем советоваться?» Сомнения обоснованные, потому что сильных прозаиков в Перми не выросло. Приходилось звонить в Свердловск, говорить со свердловчанами. Или ехать, как это и случилось в январе наступившего 1936 года. В организационно-управленческом плане литературная Пермь оставалась пока на отшибе. Отделение Союза писателей Урала обосновалось в Свердловске.

Поезд с шумом и скрипом тормозил на каком-то полустанке. Сосед по вагону вскочил:

— За кипяточком, полагаю, не побежите?

Задумчивый пассажир покачал головой: «Нет». Сколько этих самых поездок за последние годы случилось! Но не зря ездил. Пассажир улыбнулся — любил он поэзию, что говорить! В седьмом номере свердловского журнала «Штурм» в 1934 году удалось поместить «Стихи о бурлаках»: «Отец», «На побывке», «Наш отряд», «Весна», «Снова весна». Давно появились первые стихи, ещё в пору юношеского бурлачества. Их печатали уже, и не раз, но каждая новая публикация приносила радость. Появится ли удовлетворение от повести? Её следует написать так, чтобы тронула она сердце молодёжи. За её счастливое будущее воюет литературный герой Сашка Ховрин, за лучшую долю для таких, как он. Не совсем понятно пока, в какие временные рамки поместить жизненный путь Сашки. Станет ли он в повести известным поэтом? Или ограничиться по сюжету разгромом белогвардейцев? Да, вопросов немало. Но литературная дорога в прозе ещё в самом начале. Надо верить, получится! Сама жизнь тому доказательство.

И не только у него, Александра, за плечами уже есть литературный багаж: Владислав Занадворов в «Штурме» в 1932 году опубликовал свои стихи из цикла «Кизел» и поэму «Путь инженера». В газете «Большевистская смена» в том же 1932-м напечатаны стихи Афанасия Матросова. Его материалы публиковались и в «Звезде». А каков молодец Михаил Павлович Лихачёв, коми-пермяк! Вернулся

из Москвы с первого писательского съезда, заручившись поддержкой Алексея Максимовича Горького. И за плечами Лихачёва изданный сборник стихов «Громовые будни», рассказы «По новому пути», «Красное знамя», «Кликуша». Нет, коми-пермяки, без сомнения, дадут сто очков вперёд многим национальным литераторам: Андрей Зубов стал членом Союза советских писателей в 1934 году, и на его счету несколько учебников, выпущенных в Москве. В прошлом году в Кудымкаре вышел сборник Николая Попова «Весна цветёт». Чудесные стихи!

Проживающие в Перми и области литераторы не лыком шиты! Один Борис Михайлов чего стоит! В 1931 году в ленинградском журнале «Резец» напечатано его первое стихотворение, а в 1932 году в журнале «Штурм» появилось его стихотворение «Песня». Отдельным изданием в 1934 году вышел сборник стихов «Июнь». Александр Строкин из Кизела громко в Свердловске отметил. Собрал 5 марта 1933 года полный зал на литературном вечере, прочитал выдержки из очерка «Кизел». Сорвал такие аплодисменты! А каков удалец — пермяк Саша Каменский, добрый знакомый Павла Петровича Бажова и его подражатель! Пермяки издали свой сборник «Призыв» с работами Афанасия Матросова, Бориса Михайлова, Григория Коновалова, Александра Каменского. И кто после этого скажет, что Пермь остаётся в творческом плане на литературном отшибе?!

Задумчивое лицо пассажира невольно вызывало уважение. О чём он думал все эти дорожные часы? Сосед по вагону протянул руку за его кружкой, молча налил в неё кипяток:

— Александр, попейте водички. Согрейте душу.

— Вода греет лишь руки и горло. Но спасибо, соседushка! Душу мне греет другое, — прозвучало в ответ.

— Что?

— Дружба. Ты не представляешь, сколько добрых людей живёт вокруг. Вот ты водички мне налил, а я и не ждал. Сердце у тебя большое, по всему видно. В Перми, Свердловске, Москве, по всей стране много замечательных людей живёт. Творят историю каждый день: строят заводы, водят поезда, пишут книги.

К словам заговорившего пассажира прислушивались все, кто сидел в вагоне рядом. Свет из окна упал на лицо ещё недавно молчавшего человека. Одна из женщин ойкнула:

— Да ведь вы — Александр Николаевич Спешиллов! Вы у нас на заводе выступали. И про вас в газете писали, что приняли вас в Союз писателей СССР.

Пассажир кивнул:

— Признаюсь, матушка, тот самый Спешиллов.

Любитель кипятка протянул:

— О-о-о... Тогда понятно, почему вы весь путь молчите. Наверно, книга в голове рождается?

— Угадал. И счастье это, и доля, и груз такой ответственности, что поневоле промолчишь всю дорогу. Уж не обессудьте. Еду к писателю Бажову за советом.

Расставались в Свердловске почти друзьями. Задумчивый пассажир больше не выглядел задумчивым, да и вагон был уже оставлен.

Александр рассмеялся и негромко произнёс:

— Товарищ Спешилов, поспеши-ка на встречу с добрым другом!
Не за тем ли прибыл...

Р. С. В 1940 году вышел в свет роман «Бурлаки», и его автор — Александр Спешилов — стал известен далеко за пределами Урала. Роман переиздавался несколько раз и, по мнению литературоведов, признан первым крупным произведением в прозе на территории Прикамья. А. Н. Спешилов и П. П. Бажов всю жизнь поддерживали дружеские отношения и не раз вспоминали друг о друге добрым словом.

Фёдор ВОСТРИКОВ (об авторе см. с. 98)

С ХЛЕБОДАРОМ В ЕДИНОМ СТРОЮ...**ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ**

Куда я еду — сам не знаю,
К каким пристану берегам...
В. Каменский

Он путь прошёл, большой и сложный,
Он видел тьму и белый свет,
И авиатор, и художник,
И божьей милости поэт.
Любил людей. В Россию верил,
Как Разин в дедовский простор.
Его причал — прикамский берег.
Его причал — прикамский бор,
Где прославлял родные сени,
Раздолье речек и полей.
То клокотал — как гром весенний,
То пел — как мудрый соловей.
Мешались буйства и пороки
Крутых событий, дат и тем.
В душе бурлили Камой строки
Ещё не сложенных поэм.
В себе не вымысел, не сказки —
Воспоминания будил,
И дух крестьянский, дух бунтарский
Под сердцем брагою бродил.
И туч взъерошенные стаи
Давали волюшку словам:
Куда я еду — сам не знаю,
К каким пристану берегам.
Не стал поэт лихим изгоем —
Он выжил в злые времена,
И приняла в свои покои
Его стихийная страна.
Поныне он стихами выюжит,
Тайгой уральскою дыша.
Над Камой чайкой снежной кружит
Его мятежная душа.

СПЕШИЛОВСКИЙ СВЕТ

Е. Спешиловой, А. Кирсанову

Отбурлачил Спешилов, отпел.
Отдыхает на Южном погосте.
Много в жизни сумел и успел
Сделать добрых и праведных дел,
Не терпя ни бахвальства, ни злости.

Мы приходим к писателю в гости,
 Как когда-то нас видеть хотел.
 Нам оттуда советует он,
 Как бороться с тупой перестройкой,
 Как России не сдать в полон
 И не рухнуть с пути под уклон,
 Мир взорвав наркотой и попойкой.
 Говорит вдохновенно и бойко,
 Как был в жизнь молодую влюблён!
 Высекая строку за строкой
 Штыковой бурлацкою песней,
 Бил, круша дармоедов покой,
 Очищая гражданской войной,
 С земляками-солдатами вместе
 Дорогого Прикамья полесье
 От колчаковской своры мирской.
 Доставалось, конечно, сполна,
 Да не пал ни здоровьем, ни духом.
 Позади, словно раны, война,
 Как на Каме бурлацкой волна:
 Смерть друзей, голодовка, разруха.
 Впереди никакой заварухи —
 Поднималась из пепла страна!
 Ну а с нею — писатель-поэт,
 Оптимист-долгожитель Спешилов.
 Хоть его уж и в мире-то нет,
 Но, как прежде, даёт нам совет.
 Для себя мы давно порешили,
 Что победы свершим, и свершили,
 Коль горит в нас Спешиловский свет!

РАДКЕВИЧ

1

О, как он землю чтит и воспевал!
 Болел Землём, когда она болела.
 В стихах и Кама яростно кипела,
 И клекотал мартенами Урал.
 С его людьми, заводами, тайгой
 Дремучей, но возвышенной, как слово,
 С легендами и сказами Бажова,
 С ручьёвской нестигаемой строкой.
 За совесть, за добро негодовал,
 Неистово грома приспособленцев.
 Инфарктами израненное сердце
 В пылу борьбы беречь позабывал.
 Забыть не мог на свете одного:
 Когда в беде оказывались други.
 Он поднимал в верхах такие вьюги,
 Что выручит и чёрта самого.
 Он уверял — не верить не могли, —

Что в мире сложном от чужой отравы
Его спасут языческие травы,
Но травы, к сожаленью, не спасли...

2

Он умер. А снится живой.
Шагает ромашковым полем,
Точнее, парит над землёй! —
В глазах ни грустинки, ни боли.
Такая в глазах глубина,
Такая раздольная удаль,
Что Родина ясно видна
От Камы до камня Полюда!
Как в жизни, спросил он во сне,
А может, и чуточку строже:
«Ты что ж не приходишь ко мне?
Совсем на тебя не похоже».
Ну как в оправданье, скорбя,
Какими ответить словами?..
Поэт, мы зарыли тебя,
В жестокой оставили яме.
С июньских мучительных дней
Глаза виноватые прячем.
Приходим в могиле твоей,
Хмельные и трезвые плачем.

ОПАВШИЙ ЛИСТ

Памяти А. Решетова

1

Ветер дунул — лист сорвался,
Отлетел, шурша.
Грустной строчкой отозвался:
«Не твоя ль душа?..»

2

От жизни, видимо, устал,
Коль сгинул с ветки в круговерти.
Вот так и Решетов упал,
А говорят: «Поэт бессмертен...»

3

Пока друзья и родственники живы,
Творят воспоминанья день-деньской,
В сердцах романтиков неудержимых
Он будет жить взволнованной строкой.
Строка затронута осенней краской,
А значит, и горька, и горяча,
Пока горит рябиною уральской
Во храме Петропавловском свеча.

4

Ушёл поэт глубинный и тревожный,
 Высокий свет оставил на Руси.
 Ни радужным векам, ни горько-сложным
 Любовь людей к нему не погасить.
 А провожать бывшее — не впервые,
 Оно не возвращается назад...
 Рябинно-поэтической листвою
 Шумит его величественный сад!

УШЁЛ СОЛДАТ

Памяти О. К. Селянкина

Ушёл ещё один солдат войны Великой.
 Припала женщина к нему прискорбным ликом.
 Слова, как стон. А стон пронзительней метели.
 По-христиански в церкви праведно отпели.
 Израненный войной, добитый жизнью дикой,
 Ушёл ещё один солдат войны Великой.
 Ушёл, чтоб рассказать родным однополчанам,
 Как плачет Родина-страдалица ночами.
 Не мог он жить, когда сдавили землю беды,
 Когда развенчано величие Победы...

ЕГО НЕУТАСИМАЯ СВЕЧА

Памяти Н. Ф. Домовитова

...Убежать бы к друзьям мне,
 А я не могу — я живой,
 А друзья — из гранита.
 Н. Домовитов

И всё-таки он слова не сдержал.
 Простим высокому мудрого поэта,
 Что, не дождавшись летнего рассвета,
 К друзьям вихрастым в юность убежал.
 Он рвался к ним сквозь грозы и мороз
 Сожжённой Мги, преступного ГУЛАГа.
 И свет ребячьих глаз в душе, как благо,
 Как Свешников родник до смерти нёс.
 Друзьям теперь поведает поэт
 Не только про свирепые конвои,
 Не только про донбасские забои.
 Но как любил Никола Горицвет!
 Хоть жизнь была тяжка, но горяча,
 В которой пело незабудкой лето...
 Гори, гори под горестным портретом
 Его неугасимая свеча.

ДНЕВНИК

К. Я. Мамонтову

Предки спят до срока на погосте,
А земля вершит круговорот.
Беспризорный, бесприютный Костя
По Руси бродяжничать идёт.
От Ашапа до Красноуральска,
Пермь, Ростов — дороги без конца.
Это быль-горюха, а не сказка
Для полуголодного юнца.
Сгинул бы в кровавом перехлёсте,
Если бы не встретил в тяжкий год
Зою Александровну, что Костя
Матерью второю назовёт.
Сгинул бы, бродя по белу свету,
Где-нибудь в рыдающей дали,
Коль в душе не жил бы дар поэта
Горевой, но праведной земли!
Дар пронёс сквозь радости и беды,
Сквозь пожары битвы мировой.
Родине великую Победу
Приближал пронзительной строкой.
Не забыть ни пиршества, ни тризны —
Памятью, как хлебом, дорожить.
Не забыть и книг: «Навстречу жизни»,
«Я твой сын, Россия», «Жизнь прожить».
Помним их, читаем, чтим и любим,
Как тебя, стареющий собрат!
Хоть сегодня ставят добрым людям
Горы унижительных преград.
Но и всё ж, творил во имя долга,
Машинист, писатель, фронтовик,
Чтоб на свете продолжался долго
Мамонтовский искренний «Дневник»!

РЯБЧАТНИК

Памяти М. Д. Голубкова

Уходил из родного крова
В неоглядную степь, в тайгу.
Уходил далеко за словом,
Хоть сгибала судьба в дугу.
Путь ухабистый, путь негладкий
Острострелым дождём строчил.
На звериной тропе, в палатке
Душу раненую лечил.
Забывался, страдал, дивился
Темногривой, как ночь, тайгой.

До рассветной звезды светился
 Нерождённой пока строкой.
 Но друзей угощал рябками,
 А рябчатник-то был, дай Бог!
 Прошагать с ружьём кругами
 Вёрст по двадцать и больше мог.
 Дружбу крепко ценил и славил,
 Как добро, красоту и цвет.
 Много книжек нам в дар оставил,
 Ну а сам повернул в рассвет.
 Не отыщешь его на Каме,
 Ни в тайге, ни в дали, ни вокруг...
 Кто ж теперь угостит рябками,
 Незабвенный сердечный друг?..

С ХЛЕБОДАРОМ В ЕДИНОМ СТРОЮ

Памяти И. М. Байгулова

Дубленёвкой зовётся деревня,
 Где родился Байгулов Иван.
 В мире вешнем, и юном, и древнем
 Задыхался, как прежде, буран.
 В суматохе грачи прилетали,
 Оживляя высокий простор.
 Даль светилась глазами проталин
 И заметно оттаивал бор.
 Половодьями вихрились годы,
 Рос Иван у людей на виду,
 Познавая родную природу,
 Познавая и боль, и нужду.
 Рос, влюблённый в рыбалку и песни,
 За рекой до зари пропадал.
 С ребятнёй конопатою вместе
 С юных вёсен всего повидал.
 Крепко помнил, как строк ожиданье,
 Самый первый в лугах сенокос.
 Голод, холод и вдовье рыданье
 Сквозь мальчишечье сердце пронёс.
 Потому-то крестьянскую долю
 Смог, как правду, в рассказах сберечь.
 Льётся Русью, как песенным полем,
 Родниково-народная речь.
 И герои твои, как когда-то,
 Позабыв свой лихой неуют,
 Евдокии, Ульяны, Кондраты
 Колосками живыми встают.
 Не шадя ни здоровья, ни силы,
 Ты заклятым врагам их не сдал.
 Ты героев сберёг для России,
 Но а сам-то, споткнувшись, упал.

Ах, как рано, дружище сердечный,
Оборвались тропинки твои,
Онемели в ольховом заречье
Куединских ночей соловьи.
И теперь вот, от края до края,
Вновь глумятся враги над селом.
Дубленёвка твоя умирает —
Без тебя и деревня на слом.
Кружит воронов чёрная стая —
Люд крестьянский в нужде и во зле.
Ах, Иван, как тебя не хватает
На страдальческой русской земле!
Ратоборец, писатель, оратай,
Ты по-прежнему в отчет краю,
Коль Петрухи твои и Кондраты
С хлебомдаром в едином строю!

ПАМЯТИ Н. Г. КИНЁВА

1
В стихах, рассказах, даже самых ранних,
Писательский просачивался дух.
Творенье поэтическое «Грани»
Очаровало русичей вокруг.
Любая строчка правдою дышала,
Что вышибала горькую слезу.
В редакции работа не мешала —
Торил и журналистскую стезю.
Писал и жил народом для народа,
Был с Родиною рядом и вдали.
Мужал и креп уральскою природой,
А силы брал от матери-земли!
Но всё ж не минул боль-тоску, ни омут,
И снова поднимался на утёс.
С него спускаясь, пел родному дому,
Любовь и радость добрым людям нёс...
Гордились и дивились постоянству —
Не изменил отеческой земле...
Но вот под юбилей он взмыл в пространство —
И растворился в поднебесной мгле.
Не будет новых новостей, романов —
Душа его по-божьи вознеслась...
Под колесом убийцы-наркомана
Судьба его, как жизнь, оборвалась.

2
Ах, как бы радовался он,
Что, мол, дожил до юбилея!
За Русь радея и болея
Под колокольный перезвон.
Он был бы с нами... но судьба

Распорядилась по-иному.
 Он рухнул ввысь, как в звёздный омут
 В пожаре отчая изба.
 От жизни, видимо, устал,
 А может, в мире стало тесно?..
 И в мироздании словесном
 По праву встал на пьедестал!

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА СНИТКО

1
 Что может сниться человеку
 Перед уходом в мир иной?
 Не знавшим матери от века,
 Приснится мать в красе земной.
 Оратаю — благое поле
 В ромашках, травах и во ржи.
 Страдальцу-зеку — дом на воле,
 В котором не успел пожить.
 Пилоту в сон ворвётся птица,
 Гармонь увидит гармонист.
 Слепому солнышко приснится...
 И лишь поэту белый лист.

2
 Когда поэта отпевали,
 В свечах горел пресветлый храм.
 Под песнопение стекали
 Скупые слёзы по щекам.
 Друзья стихи его шептали —
 Стенанье в каждом, боль и грусть.
 Сквозняк трепал донские дали,
 Перерастающие в Русь...
 Поэт лежал, презрев страданье,
 Душой под куполом парил.
 Людей за доброе вниманье
 Впервые не благодарил.

* * *

Одни за другими уходят поэты,
 Не выдюжив ужасов жизни худой.
 Сменяют безумия белого света
 На чёрный, как пашенка, свет неземной.
 Со временем всё в незабвенную Пету
 Провалится, рухнет, как вечность, как миг,
 Но добрые строки ушедших поэтов
 Останутся в мире как память о них.

ПАМЯТИ В. ВОЗЖЕННИКОВА

Беды судьба не предвешала,
Но вдруг беда — избыть едва ль.
Ушёл Валерий, не прощаясь,
В семидесятый свой февраль.
Смешались вечность и мгновенье,
Как явь святая с мёртвым сном.
И юбилейный день рожденья
Не светлым стал, а чёрным днём.
Была дорога — нет дороги,
Оборвалась живая нить.
С друзьями едем в Постановки
Не чтить его, а хоронить.
В машине пьём, молчим и плачем,
И души стужа леденит.
Скупых мужицких слёз не прячем —
Прощаться с другом предстоит.
А под гармонь когда-то звонко
Он пел и трезвый, и хмельной.
Да как такого жаворонка
Зарыть промёрзшею землёй?
Могипа гроб не принимала,
И не могильшиков вина,
Поэта Русь не отпускала,
Славянолика страна.

ПОСИЖУ НА БРЁВНЫШКЕ

Посижу на брёвнышке —
То-то благодать!..
В. Телегина

Посижу на брёвнышке,
Запалю костёр,
А вокруг — бурёнушки
Да родной простор.
Где пахал и сеял я,
До зари вставал,
И строкой Есенина
Душу согревал.
И к девчонке хаживал,
О любви шептал,
Только зря ухаживал,
Башмаки топтал.
Сердце мне изранила,
А ушла — с другим.
Время в бездну кануло,
Превратилось в дым.
Ах ты, даль туманная,
Выцветшая высь,

Где ж моя желанная?
 Песней отзовись...
 Молкнут лесополосы —
 Ивченков сажал.
 Ни стихов, ни голоса
 Не слышать, а жаль.
 На полсвета волюшка,
 Рядом отчий дом.
 Солнце по-над полюшком
 Радует теплом.
 К речке гнутся ивушки,
 Пестуя ворон.
 Не простор, а дивушко
 С четырёх сторон.
 Траву рвут бурёнушки,
 Тропы луг простёр...
 Посижу на брёвнышке,
 Запалю костёр.

* * *

В. Телегиной

Ты не пишешь, а страдаешь —
 Нет страданиям конца,
 Потому и западаешь
 Ты читателям в сердца.
 Скреплены стихи и крепью,
 И размахами земли.
 Мы с тобой друг в друге степью,
 Как полынью, проросли!

ИВАНУ ГУРИНУ

К выходу в свет
 повести «Сговор»

1

Ты — сын державы, а не гость.
 Крепка писательская кость.
 И не чета писакам многим
 Твои кочкастые дороги.
 От Машука до наших дней,
 И с каждым годом всё мудрей,
 Где вживе Лермонтов опальный,
 Пророк Руси многострадальной!

2

В незамутнённый «Сговор» твой
 Нырнул, как в омут, с головой.

А после — отдышался еле
От прозаической свирели.
Строка пронзительно крепка,
Соединившая века.
И как в пословице ведётся:
Талант не каждому даётся.
Не потому ль хватило сил —
Убийц ты словом пригвоздил!
И проклял бесовских уродцев,
Дантесов, мерзких инородцев.
И закипела в сердце злость —
Как много их поразвелось!

3
От седого Машука
Сквозь эпохи и века,
Сквозь дуэль, как сквозь туман,
Проторил тропу Иван.
В ней, как в авторе, не зря
Что-то есть от бунтаря!

ЧЕРДЫНСКИЙ ОБЕРЕГ

Памяти Светланы Володиной

1
День рожденья Светы,
Только Светы нет.
Для Светланы в зиму
Умер белый свет.
С ним тайга и Колва,
Даль и синева...
Но душа поэта
До сих пор жива.
В каждой строчке, в Колве,
Что во весь размах,
В Чердыни старинной
На семи холмах.
Ею, в боль и в праздник,
И в ночную грусть,
Светиною музой
Дышит молча Русь!

2
Пред Чердыню осень желанно
Перекрасила в синь небосвод.
По-над Колвой в пушинках тумана,
Где свершается чаек полёт,
На стихи незабвенной Светланы
Вокалистка романсы поёт.
То под облако лихо взметнётся,

Рассыпая серебряный свет,
То в бездонье небес оборвётся,
Обронив на могилу букет,
Из которой душой отзовется
Романтично-лиричный поэт.
Воедино сольются в дуэте,
Богом данные их голоса.
И подхватит мелодию ветер —
Зашумят в Семигорье леса.
Храмы звоном окликнут поэта,
Вознесут, как Христа, в небеса.
Но оттуда, как чудо Ветлана,
Словно чердынских тропок разбег,
Будет падать светло и желанно
Половодьем волнующих рек
Удивительный голос Светланы —
Поэтический наш оберег.

В ЧУСОВОМ

Памяти В. П. Астафьева

По господнему, видно, велению
Оказался творец в Чусовом.
Жизнь наладилась. Выстроил дом.
Первых строк молодые творенья
Обернулись томами потом.
Но до этого было лихое —
Была жизнь, не жалея, под дых!
Как в сражении, тризны родных.
И в победу не вышел из боя
Даже в смертно-предутренний миг...
Край уральский — таёжно-рябинный
Стёжкой тихо бессмертие вьёт,
Чуть не каждого в гости зовёт,
Где небесно, земно и глубинно
Мир Астафьевской прозы живёт!

Иван ГУРИН

«НЕ БОЯТЬСЯ ПРАВДЫ».

Из повести-эссе «Сокровенное»

Такой совет давал Виктор Астафьев начинающему писателю Петру Жукову. О нём, Жукове, только сейчас, спустя десятилетия после его смерти, сполна узнают в Чернушке, Чусовом и Верхнечусовских Городках.

Кем-то подмечено: смерть — факт в нашей биографии, и не более того. Она раскрепощает её, даёт возможность оставшимся на земле людям узнать о неизвестных сторонах жизни ушедшего на тот свет человека, которые прежде по разным причинам не предавались гласности. Судьба Петра Матвеевича, родившегося в мае 1922 года, необычна. Он — дальний родственник Георгия Константиновича Жукова.

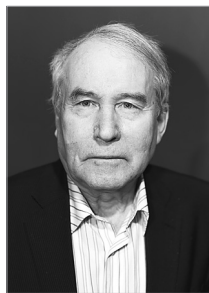
В детстве Петя беспризорничал. (В роду Жуковых всякое бывало; известно, что отец Георгия Константиновича был подкидышем.) Петю определили в Ленинградский детдом по просьбе Сергея Мироновича Кирова, увидевшего оборвыша на вокзале.

В детском доме мальчик сочинял стихи в стенгазету. Они попались на глаза Самуилу Маршаку, заглянувшему к ребятам, и поэт благословил его на творчество. Пётр, верно, потянулся к литературе, но выучился на юриста. В войну участвовал в боях и служил адвокатом.

У Петра Жукова была аховая работёнка: он защищал в военном трибунале изменников, дезертиров, старост. Судебный материал не нашёл отклика в его душе, как это случилось с Владимиром Соколовским (Якушевым).

Забросив адвокатуру, Пётр Матвеевич обосновался в Верхнечусовских Городках, устроился в газету «Уральская вышка». Жуков тяготел к природе, к необычным судьбам людей. Прекрасен его очерк об участнике Цусимского боя Фёдоре Подшивалове. Вдова Петра Матвеевича, Юлия Ивановна — библиотекарь, показывала мне снимок с запечатлёнными защитниками Отечества из разновременности: Пётром Жуков и Фёдором Подшиваловым.

Публикуя заметки, очерки, он отсылал стихи и рассказы в Пермь. На его творчество обратил внимание Александр Спешилов. Писатель подарил ему книгу «Бурлаки» с автографом: «Начинающему, хотя и немолодому, литератору, рыбаку, душевному парню Пете Жукову на память».

Иван Петрович ГУРИН родился 11 октября 1940 года в деревне Шарынино ныне Ординского района Пермского края. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1968). Трудовую жизнь посвятил журналистике, в т. ч. был главным редактором газеты «Маяк Приуралья» (город Чернушка Пермской области). Был организатором краеведческих (литературных) Шарынинских чтений. Член Союза журналистов СССР/России. Член Союза писателей России (2000). Автор более десятка книг, в т. ч. «Долгое эхо бабьего лета» (1998), «Крест бунтаря» (2009). Лауреат премии им. А. Гайдара (1979, 1982, 1985). Кавалер орденов Ф. Достоевского II и III степени (2013, 2012). Живёт в городе Перми.

Пётр Матвеевич, приезжая в областной центр, общался с Олегом Селянкиным, Владимиром Черненко. А Виктору Астафьеву, жившему в Чусовом, отправил свой рассказ, и писатель пригласил его к себе:

«...У меня ночуете, а за ночь мы сможем о многом поговорить... А пока жму руку и жду. Астафьев. 3-1-58 года».

И Пётр Матвеевич поспешил к нему. Они, детдомовцы, покорешились.

Не раз Виктор Петрович с женой Марией Семёновной приезжали к Жуковым в гости. Чаше отдыхали на природе. Один раз развели костёр у реки. Мужчины, предвкушая хороший улов, взялись за удочки, а женщины ушли в лес по грибы. Астафьев с Жуковым, несмотря на все старания, не поймали ни одной рыбки. Пришлось лакомиться... грибовницей. Мария Семёновна и Юлия Ивановна насобирали полные лукошки ядрёных грибов. Упивались и чаем, заваренным Виктором Петровичем из ароматных трав.

Последующие встречи, случалось, откладывались. Астафьев оправдывался:

«Дорогой Петро! Мы так и не выбрались к вам... Подвела нас тут одна старушка. Пообещала домовничать и не пришла, а так бросить дом в нашем городе всё ещё нельзя, всё ещё осадное положение, и когда только конец ему будет!»

Писатель тревожился не напрасно. «Осадное положение» в Чусовом, как и во всей России, продолжается до сих пор; люди ныне вообще бронируют двери, вставляют в окна стальные решётки.

В этом же письме Виктор Астафьев сообщал:

«Числа 11-12 еду в Пермь сдавать сборник и... уверен — сборник не пойдёт по цензурным соображениям...»

Осложнения с цензурой у него уже случались. Долго не давали ходу рукописи романа «Тают снега», сданной в декабре 1957 года. В ней «тоже были допущены политико-идеологические ошибки», которых «не заметил редактор Лев Правдин» (писатель, в частности, поддевал ленивых земледельцев, надеющихся на шефов).

Виктор Астафьев тяжело переживал вмешательства цензоров в рукописи, но не поступался правдой, понимая, что без неё, как и дара Божьего, и изнурительного труда, нет писателя. Он и Петру Жукову советовал:

«Будь самостоятельной. И не бойся материала, т. е. правды, как бы она ни была горька».

Речь шла о работе Жукова над повестью о детдомовцах «Беглецы», и Виктор Петрович, желая удачи товарищу, журил его:

«Дорогой Петро! Название твоё новое мне не нравится... Слишком в лоб и слишком изношенное. При чём тут беглецы, когда речь идёт о трудной судьбе парней? Поищи-ка, поизобретай, брат. Название — это капля, в которой должно отразиться всё содержание повести, и в то же время эта капля должна быть яркой, свежей и привлекательной».

В другом письме наставлял:

«Ещё и ещё продумай каждое место, каждое слово. Помни, что сейчас я буду к тебе придираюсь ещё сильнее, ибо год прошёл и за год можно многому подучиться. Привет семейству твоему. Подку делай. Пригодится... Жму руку. Виктор».

Самому Виктору Петровичу помогала войти в литературу Клавдия Рождественская — его «благотельница и наставница». Она занималась с ним даже в день смерти Сталина.

В Чусовом жизнь Виктору Астафьеву облегчала дружба с Жуковым.

— Мне нравилось, — вспоминала Юлия Ивановна, — что Виктор Петрович и муж обходились без спиртного. Без него хватало душевных бесед, веселья и шуток. Помню, Виктор Астафьев на пикнике, шутя, предложил Петру поменяться жёнами, поскольку он одного года со мной, а мой муж — ровесник Марии Семёновны. Посмеялись мы и забыли про ту болтовню...

После смерти мужа Юлия Ивановна жила с Петром Лузиным, режиссёром народного драмтеатра в Чернушке. По этому поводу она шутила:

— У меня в жизни было два Петра: Пётр Первый и Пётр Второй.

Юлия Ивановна была старше Виктора Астафьева на неделю. Отметив день рождения, она и его, жившего в Красноярске, поздравила с 70-летним юбилеем и напомнила о давней поре и душевном парне — Петре Жукове.

Виктор Петрович не отозвался. Наверное, из-за занятости или болезни. Возможно, Мария Семёновна, сортировавшая почту, умышленно не показала мужу письмо «соперницы», остававшейся до конца жизни статной.

В преддверии 90-летия со дня рождения Виктора Астафьева в журнале «Литературная Россия» (28 марта 2014 г.) была опубликована статья Антона Нечаева «Понимаем ли мы, что будем праздновать».

Отчётливо понимаем: юбилей писателя с мировым именем. Понимаем и то, к чему автор подталкивает читателей: «...В условиях Советской власти работа писателя могла иметь только одно определённое направление: идеологическое. Степень идеологичности могла быть разной: от оголтелой безоглядной совесткости до вынужденного соблюдения необходимых минимумов при попытке создать что-то по-настоящему художественно достойное... Но Астафьев, при всём том, что он никогда, за исключением последних лет жизни, не был фрондёром, так и не стал стопроцентно советским...»

Антон Нечаев как бы противопоставляет Виктора Петровича советскому народу, из которого он вышел. Ссылаясь на имя Виктора Астафьева, имевшего, по словам Антона Нечаева, трудный, даже в чём-то больной характер, запальчивость, упрямство, противоречивость, нам внушают: творите не «по идеологической канве правильности и неправильности, а сквозь художественную кальку жизненной правды».

Кто бы с этим спорил! Но сейчас-то либеральные писатели тоже творят по идеологической канве, только иной окраски: антисоветской, антирусской, оскверняя многое из замечательного прошлого страны, опошляя её историю и героев. Где же ныне она, «художественная калька жизненной правды»?!

Виктора Астафьева, писателя истинно русского, советского, чьи книги пронизаны идеями «национального самосохранения, противодействия нравственному распаду, с опорой на корневые устои национальной жизни», нельзя отнести к либералам, и мы им его не отдадим.

Они, либералы, ненавидели Виктора Петровича за распрю с Натаном Эйдельманом, за русскость, но в то же время готовы были в нужный момент использовать имя великого писателя в своих интересах. Такой случай выпал на октябрь 1993 года, когда Борис Ельцин расстрелял Белый дом — нашу законодательную власть. Политика, допустившего противоправные действия, поддержали десятки писателей, предложивших в письме, которое, не читая, подписал и Виктор Астафьев, жёстко расправиться с оппозицией.

В доказательство того, что он не читал его, сошлюсь на письмо Валентина Курбатова:

«Дорогой Виктор Петрович! Сразу (чтобы не мучиться самым тяжёлым) — я был очень расстроен, увидев Вашу подпись под категоричным призывом Черниченко и Нуйкина “разогнать, остановить, прекратить” (“Раздавите гадину”, обращение писателей в газете “Известия” ...). Так русские писатели ещё не разговаривали. Это уж, простите, от холопства, которое успело процвести в наших новодельных демократах, от привычки решать вопросы райкомовскими способами. Судя по тому, что Ваша подпись, вопреки алфавитным ранжирам, явилась за г-ном Чулаки, Вас “прописали” простой телефонной просьбой!»

Виктор Петрович не ответил Курбатову. Он, человек умный и мудрый, осознал, видно, что спонтанно втянулся в старую идеологию, и, возможно, подумал: чем подставившие его под удар господа писатели, осуждавшие простых людей с фабрик и заводов, требовавших в 1930-х годах уничтожать «врагов народа», лучше их?! Они ж повторяли то же самое!

Под «расстрельными» письмами в своё время подписывался Борис Пастернак с соавторами. Про то пишет поэт, публицист Станислав Куняев в книге «Жрецы и жертвы Холокоста», подаренной мне с такой надписью:

«Ивану Петровичу Гурину от его земляка (поскольку я жил в раннем детстве в Перми. — И. Г.) на добрую память. Это моя новая книга, книга, которую я писал всю жизнь и ещё два года...»

В ней Станислав Юрьевич ссылается на номера 32 и 33 «Литературной газеты» за 1937 год и на заголовки откликов по делу Тухачевского, Уборевича, Корка и «других мерзавцев»: «Мы требуем расстрела шпионов», «Не дадим житья врагам Советского Союза» и другие короткие проклятья, подписанные не от имени каких-то... заводских, фабричных коллективов и не какими-то безвестными «шариковыми», а Пастернаком, Сельвинским, Кассилем...

Станислав Куняев ни под одним «расстрельным» письмом не встретил имён Леонида Леонова и Михаила Шолохова.

Да нет, господа, никогда Шолохов не был кровожадным! Он не воспевал «деяния» ЧК и ГУЛАГа, как это делали Борис Пастернак, Виктор Шкловский, Михаил Светлов...

Пастернак дрался с Есениным, но не «по-джентльменски», а летал на него, крепкого рязанского парня, всей сворой, втроём или вчетвером. Всеволод Рождественский видел однажды, как на московской улице Борис Пастернак держал Сергея Есенина, избиваемого двумя громадами. За что же Борису Леонидовичу в Перми, где он «косил» от армии, установлен памятник? По этому поводу недоумевает поэт Владимир Пантелеев:

...Я смотрю и не верю:
Что-то в крае не так.
Почему в этом сквере
Ты стоишь, Пастернак?

На этом месте, по его мнению, должен стоять памятник уральскому поэту Владимиру Радкевичу, или, на мой взгляд, Виктору Астафьеву.

Виктор Петрович имел, как всякий фронтовик, свой взгляд на войну:

«Сойдутся <...> на убийство друг друга, перебьют, перекалечат <...>, а потом будут служить благодарственный молебен за то, что побили много людей <...>, полагая, что чем больше побито людей, тем больше заслуга...»

Исходя из тех взглядов на бойню, он и выносил в мирное время мысль о том, что Ленинград в блокаду следовало сдать.

Понятно, Виктор Петрович болел за погибших ленинградцев, но было очевидно: сдай Красная Армия Ленинград, повязавший огромные вражеские силы вокруг себя, мы бы не отстояли Москву.

Потеря столицы означала бы если не полное поражение, то затягивание войны ещё лет на пять-десять. На сдачу Москвы среагировали бы японцы. Они, чего и боялся Сталин, полезли бы на наши земли. Да и белоэмигранты зашевелились бы. Тот же забайкальский атаман Семёнов горел желанием создать в России Монголо-Бурятскую Республику. Нам бы изменили, как пить дать, Америка с Англией — и задушили бы всем враждебным миром.

Враги успели бы создать и «оружие возмездия» — атомную бомбу. Чем нам это грозило в войну — объяснять не надо. Сдача Ленинграда не уменьшила бы числа жертв, а, наоборот, увеличила.

О той мысли Виктора Астафьева, возможно, неодобрительно отозвался бы и Пётр Жуков, доживи он до этой поры.

Судьба у Петра Матвеевича, перебравшегося в 1960 году в Чернушку, в газету «Красное Предуралье», переименованную в «Маяк Приуралья», сложилась не слишком удачно. Он тосковал без края, где жил Виктор Астафьев, и хотел переехать в Чусовой. Но Виктор Петрович, учившийся на Высших литературных курсах в Москве, отговорил его от задуманного. Он сам собирался перебраться в Пермь.

В дорогое прошлое Пётр Жуков вернуться не мог, а будущего у него из-за тяжёлой болезни не было. Он похоронен в Чернушке. Прах жены покоится на смоленском кладбище. Юлия Ивановна умерла 21 января 2010 года.

Замечательная была пара.

Не стало и Виктора Астафьева. Его имя продолжают «трепать» недруги. Они то и дело осознанно ссылаются на авторитетное мнение писателя, в частности, в отношении войны и Георгия Жукова, направлявшегося Верховной Ставкой туда, где было всего трудней. И войска знали: где Жуков — там и наступление, там и победа.

О военном таланте Георгия Жукова стали говорить чаще. Взять хотя бы Берлинскую операцию. Его ругали и ругают за неё: мол, не жалел «мясник» солдат. А он, наоборот, немало их сберёг, разбив сначала врага на Зееловских высотах и не дав 9-й немецкой армии войти в Берлин, что было чревато более крупными потерями наших

бойцов при штурме германской столицы. В неё с Зееловских высот прорвались жалкие остатки 56-го танкового корпуса.

За берлинские потери полководца ругал и Виктор Астафьев. Но ведь он, великий писатель, не слыл великим стратегом, каковым был Георгий Жуков.

С горечью слушал я выступление украинского представителя на сессии Европарламента, ратовавшего за введение санкций против России, «аннексировавшей Крым». Он, оскорбляя наш народ, говорил буквально следующее: «Русскую душу хорошо раскрыл писатель Виктор Астафьев: “Русский человек — добрый человек: чаем напоит, обогреет, но он же тебя и прирежет...”» Представитель Украины оскорбил не только наш народ, но и писателя, не озвучив концовку цитаты: «...если ты, сука, будешь ложечки тырить» (или газ. — И. Г.) Полная фраза обретаёт несколько иную окраску.

Знатоки творчества Астафьева уверяют, что у писателя есть совершенно другие слова: «...Умён, собака, практическим, выстраданным умом умён этот мой вечный “герой”: то полпайки отдаст кровной, то прирежет невзначай». В них, однако, и намёка нет на национальность.

Ненавистникам нашего народа надо бы знать мысли Виктора Астафьева из романа «Прокляты и убиты»:

«Русские люди, как обнажено и незлопамятно ваше сердце! Можно рукой потрогать его под полушубком, услышать ладонью его тревожный стук, его доверчивое тепло почувствовать».

Уверен, будь Виктор Петрович жив, ему самому неприятно было бы слышать клевету на него, и возмутился бы такому обобщению.

Россию чернят и пытаются развалить такие люди, как Альфред Кох, — «приватизатор-2». Так назвал его Михаил Полторанин в книге «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса». Этот казахстанский немец, стажировавшийся в Чили, откровенно говорил:

«Ну, народ ограблен не был, поскольку ему это не принадлежало... Как можно ограбить того, кому это не принадлежит?» «Двойнику Чубайса, — пишет дальше Михаил Полторанин, — и в голову не приходило, что хозяином российского имущества может быть народ, который накопил его своим трудом. Его же, Коха, инструктировали иначе: хозяином страны должны быть они, кого Ельцин поставит с черпаком на раздаче...»

Да, их, «мальчиков в розовых штанишках», обрабатывали матёрые профи.

Егора Гайдара учили предательству социализма во Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований, считавшемся Московским филиалом кадрового центра масонского ордена. Анатолий Чубайс варился в тех же кругах.

Бориса Ельцина, не имевшего глубоких знаний, какими обладали Ленин и Сталин, консультировал американский экономист Джеффри Сакс. Он, по словам Полторанина, — творец шоковой терапии, опробовал её с мандатом МВФ на нефтегазовой Боливии, и так распределил богатства в пользу кучки транснациональных олигархов, что 70 процентов населения стало бедным.

В России Борис Ельцин с его «помощью» тоже обобрал свой народ, за что, видимо, и был награждён масонским орденом.

Джеффри Сакс — «мальчишка» по сравнению с Ельциным (ему в 1990 году было 36 лет. — *И. Г.*) — оправдывался по случаю неудачных реформ в России. Он говорил: «Российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства — служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карман как можно больше денег и поскорее. Это — не шоковая терапия. Это — злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция...»

Впрочем, она продолжается. Альфред Кох (продолжу цитировать Полторанина. — *И. Г.*) «на вопрос, что будет представлять Россия после реформы, с присущим... чинушам цинизмом ответил: “Сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех людей, которые могут думать... Далее — развал, превращение в десяток... государств”».

Это же — конечная цель расчленения СССР (России) и уничтожение самого непокорного русского народа по доктрине Аллена Даллеса, разработанной им, будущим шефом ЦРУ, ещё в 1945 году!

Она многим известна, и всё же я напомним об отдельных её положениях:

«...Посеем там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдём своих единомышленников, своих союзников в самой России...»

И нашли: горбачёвых, ельциных, яковлевых...

Далее: «Честность и порядочность будут осмеиваться... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость..., национализм и вражду народов — прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — всё это мы будем ловко и незаметно культивировать, всё это расцветёт махровым цветом...»

Расцвело уже!!! Даже у нас со здания Пермского отделения Союза писателей России готовы убрать мемориальную доску за то, что ушедшие из жизни прозаики и поэты, в том числе Виктор Астафьев, названы русскими. Восстают русофобы и против названия «Русские встречи». Это смахивает на потуги бандеровцев, жаждущих запретить на Украине русский язык и изжить в Донетке и Луганске русских людей. Бандеровцы желают с натовцами видеть Россию выжженным полем, а наши либерасты вопиют:

«У России нет врагов, их придумывают!»

Усыпают бдительность россиян. Ещё — спаивают, травят наркотой. Их раздробляют политические партии.

Не удержусь от выдержки из воспоминаний атамана Григория Семёнова:

«Существующие политические партии в стране свидетельствуют о наличии в ней глубоких разногласий и раздоров между различными слоями населения, подтачивают устой национального единства и расшатывают фундамент государства. Увлечение партийной борьбой погубит нашу Родину, и я твёрдо убеждён, что теперь, наученный горьким опытом, народ наш не пойдёт ни на какие партийные посулы...»

Ошибался атаман. Раздробленные люди по партийным признакам, лукаво признаваемым у нас за демократию, до сих пор внимают обещаниям вождей.

Виктор Астафьев, чьи политические воззрения я не во всём разделяю, а литературный талант чту и ценю, осудил незадолго до смерти, противореча самому себе, бесчинствующий чужой, злобный, порочный мир, которому, как ни крути, подслащивал. И всё же благодаря своей «внутренней консервативно-совестливой, исповедально-проповеднической природе», по словам Юрия Беликова, не мог близко к сердцу принять его. Потому-то и вспомнился Виктору Петровичу мир добрый и родной, существовавший при Советской власти, хотя и разносил её в пух и прах.

К чести писателя, он в конце жизни нашёл мужество признаться, что в пылу полемики наговорил много чего лишнего. И за это ему — низкий поклон.

Тот мир, добрый и родной, не опошленный окончательно либералами, помнит и любит его, Виктора Астафьева. В Перми и Чусовом проводятся Большие и Малые Астафьевские чтения, и писатели считают за честь участвовать в них.

Я удачно вписался в Малые Астафьевские чтения, самые добрые и красочные, искренные и искренние. Они оттого такие, что — детские, а зачинатели их — Альмира Кардапольцева, хозяйка центральной библиотеки города, и Владимир Маслянка, директор музея В. П. Астафьева, — люди высокой культуры, отзывчивые и душевные.

...В августе 2014 года я с Геннадием Вершининым и Михаилом Левиным, моими приятелями, был в Этнографическом парке истории реки Чусовой, состоявшем из одной улицы деревни Ключики. Мы в компании Андрея Астафьева, сына писателя, Альмиры Кардапольцевой, местного поэта Валерия Трифонова и иных гостей отметили 60-летие творческой деятельности великого подвижника России Леонарда Постникова и 60-летний юбилей Владимира Маслянки.

Нас с Владимиром Николаевичем свели Чусовой и Капустин Яр, откуда он родом, и где я, солдат, запускал с однополчанами межконтинентальную баллистическую ракету стратегического назначения.

Там, на первом космодроме, 11 февраля 1962 года испытывалась ракета Р-14 «Чусовая». Созданная, видно, с участием нашего земляка, она из класса тех ракет, что завозились на Кубу в Карибский кризис. А Владимир Николаевич здесь, в Чусовом, взял свою высоту — творческую, став директором музея В. П. Астафьева и талантливым фотомастером.

В Этнографическом парке, граничащем со спортшколой «Огонёк» по речке Архиповке, нас подпитывал русский дух. Оба детища — и парк, и «Огонёк», — Леонарда Постникова. Он не смог из-за болезни быть на празднике, и мы пришли к нему домой сами. Подбодрив патриарха, не говорившего уже, вышли на улицу посмотреть на творения его рук и ума.

«Порулили» на велосипеде Артамонова, осмотрели крестьянскую усадьбу, пасеку, колодец с журавлём для подъёма воды, пожарное депо, доставленное из деревни Атыбары — родины «альфовца» Геннадия Зайцева, и пожарную машину, звавшуюся «Красным факелом».

Богатый на иные достопримечательности — музей Ермака, кузницу, водяную мельницу, казачью заставу — парк жил таинственной и обыденной жизнью. В тенистом закутке вязали веники на продажу.

Три прехорошенькие барышни, купив по связке веток, пошли в баню по-чёрному.

Мы, любуясь ими без утайки, созорничали:

— Не помочь ли вам, милые леди, в парилке?

Они стыдливо обронили:

— У нас есть свои парильщики...

Всё верно: на чужой каравай рот не разевай. Вздохнув неприговорно, мы пожелали им лёгкого пара и вернулись в Гостинный Двор.

Утром выехали в город навестить памятные места Виктора Астафьева. По пути завернули на родник, обустроенный Александром Беликовым, бывшим механиком Старопрокатного цеха металлургического завода. Он, отец поэта Юрия Беликова, встречался с Виктором Астафьевым, жившим по соседству с ним на улице Нагорной, 60.

Сначала-то Виктор Петрович построил домик на улице Партизанской, а в конце сентября 1957 года купил у Валентины Туевой дом просторней — в той же нагорной части города.

«Однажды, — сказал Александр Иванович, — я застал его у родника задумчивым. “Мысли кое-какие обдумываю, — пояснил Виктор Петрович. — Хочу изложить их на бумаге...” Помолчав, Астафьев обронил: “Журчит вода, журчит... Хороша водица, а может, Санёк, покрепче что выпьем?”»

И они сиживали у родника.

Александр Ивановичу — за восемьдесят, но выглядит моложе. Он бодр и энергичен, строит дом второму сыну Ивану, которого родил в 57 лет.

В молодости, в пятидесятые годы, сержант Александр Беликов в городах Аньдунь и Мугден обслуживал, будучи начальником радиостанции, наши самолёты в Северной Корее. Он рассказал нам о том, как в Корейскую войну против американских асов сражался на МиГе трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб. Ему, командующему авиадивизией, Москва запрещала летать, но он, видя неудачи слабо подготовленных на первых порах корейских лётчиков, рвался в бой и показывал на деле, как надо сбивать «мустанги», «метеоры» и «сейбры». В небе Кореи «кожедубцы» сбили более 260 самолётов противника...

Поговорив с нами, Александр Беликов поспешил на стройку. Спустились вниз и мы с Андреем Астафьевым, и опять потянулись вверх, на улицу Партизанскую, к домику-музею писателя (его дом на улице Нагорной, где бывал и Пётр Жуков, не сохранился. — И. Г.). Вдруг идущая навстречу женщина остановилась подле Андрея Викторовича:

— Ты что, Андрей, не узнал меня? Я — Леконцева Нина, ныне — Макушина, мы в детстве вместе играли.

— Не припомню.

— Не удивительно, ведь я на пять лет старше тебя.

Поговорив с нею, пошли дальше по дорожке, с сохранёнными островками травы. Глядя под ноги, Альмира Михайловна сказала:

— Нравятся мне такие тропки.

Наши взгляды с нею, как и с Владимиром Маслянкой, на многое совпадают. Вчера в парке мы одинаково рассуждали о малой родине.

Малая родина — то заветное место, где человек родился. Но оно и для приезжих, прикипевших к нему душой, становится родным.

Коли любишь Россию, то и чья-то малая родина мила твоему сердцу, тем более если там жил или живёт близкий тебе по духу человек. Это касается и Владимира Маслянки, и Альмиры Кардапольцевой, и меня, и всех нас.

Альмира Михайловна приветлива и начитанна, умна и привлекательна. Поэты сыплют ей экспромты: «Мы в прекрасном этом мире лишь поклоняемся Альмире», «Кружит голову не пир, её теряем от Альмир»...

В детстве она жила в Зеленодольске, где и мне доводилось бывать:

*...Я сердцем полюбил Зелёный Дол,
Свою печаль я из души шугаю.
Смотрю — берёзки, приподняв подол,
Через ручьи и лужицы шагают...
...Остался позади Зелёный Дол.
Наверное, и я отсюда родом.
По-честному, я на судьбу не зол,
Коль к счастью прикасаюсь мимоходом.*

Школьные Альмирины годы отшумели в Кизеле и Губахе; высшее образование получила в Пермском пединституте; работала в Гремячинске. Там и замуж вышла.

Девушке случалось проезжать город Чусовой на поезде. Разглядывая его из окна вагона, представляла, как по здешним улицам ходил Виктор Петрович Астафьев, чьи книги любила с юных лет. Альмиру Михайловну вечно тянуло в эти места, и судьба благоволила к ней: в 2000 году она с семьей переехала в Чусовой.

Астафьевские чтения оказались неотрывными от её судьбы и сущности.

Выйдя на взгорье, мы спустились к домику Астафьева. Вездесущий Гена Вершинин залез в сад, набрал ягод и давай витье подле нас: — Отведайте малины от Виктора Петровича.

Отведали. Сладкая. В памяти всплыл рассказ классика «Горсть спелых вишен». Здесь, куда ни кинь взгляд, всё напоминает о Викторе Петровиче.

Зашли в дом-музей. Андрей Астафьев на правах хозяина забрался и в спальню. Он рассказывал о семье, снимках, вышитой рубашке отца...

Андрей Викторович, как и его отец, служил связистом в артиллерии (катушка и орудия были точь-в-точь военной поры. — И. Г.), и Виктор Петрович для освежения памяти расспрашивал сына о гаубице.

В Чусовом перед нами открывались все двери, а в Большие Астафьевские чтения меня и Фёдора Вострикова не пускали в зону «Пермь-36»: мы-де не с того рейса. Отстоял нас Виталий Богомолов.

В зоне, считаю, неправомерно используют имя Виктора Астафьева, играя на том, что у него был репрессирован отец. Не лучше ли было сослаться на сидевших в лагерях писателей: Николая Домовитова, Льва Правдина... Да и репрессированные репрессированным — рознь. Одни несмотря ни на что оставались патриотами, другие люто ненавидели Россию.

Я сделал в зоне ошибку: подарил «мавзолею предателей», по выражению писателя Романа Юшкова, свою книгу «Против течения». Ныне я — на стороне Валентина Курбатова, высказавшегося в музее за его закрытие (в тот раз он пожаловал Виталию Богомолову, Фёдору Вострикову и мне по сборнику «Крест бесконечный» — переписку с Виктором Астафьевым. — *И. Г.*).

По-моему, если уж сохранять лагерь в Кучино, то ради прежнего его назначения: водворять в камеры необандеровцев.

Среди сидельцев был поэт Василь Стус (псевдоним — Василь Петрик. — *И. Г.*). Он родился в Рахновке Винницкой области. Я солдатом проезжал те места в поиске брата Виктора, служившего в Вапнярке. Стус учился в Донецком пединституте, работал учителем украинского языка и литературы. В 1956 году служил на Южном Урале, а в 1963-м стал аспирантом Киевского института литературы имени Т. Г. Шевченко. Мне по-человечески жаль его, выбравшего не тот путь борьбы.

Всё началось 4 сентября 1965 года. Перед показом фильма Сергея Параджанова «Тени забытых предков» в киевском кинотеатре «Украина» восстала группа диссидентов. Иван Дзюба сообщил об арестах антисоветски настроенных интеллигентов. Масла в огонь плеснул создатель Народного Руха (политической партии. — *И. Г.*) Украины Вячеслав Черновол. Он, подвергавшийся арестам, бросил: — Кто против тирании — встаньте!

Встали единицы, и с ними — Василь Стус, будущий сиделец зоны «Пермь-36».

Ажиотажа добавил фильм режиссёра Юрия Ильенко «Белая птица с чёрной отметиной», снятый в 1970 году. Он — о событиях, происходивших до войны и после неё, о судьбе семьи Леся Звоняра. Один его сын ушёл к красным, другой — к бандитам-националистам. Киноленту показали партактиву. Её признали вредной. Но на защиту фильма встал Первый секретарь компартии Украины Пётр Шелест, перший, видно, националист, — и фильм пошёл в народ, будоража и нездоровые, в том числе, чувства людей.

В январе 1972-го Василя Стуса сослали в Мордовию на пять лет, потом — в Магаданскую область, позднее — в зону «Пермь-36». Здесь он, истощённый, измотанный лагерями, объявил голодовку и умер в карцере 4 сентября 1985 года. Его прах перезахоронен на Байковом кладбище Киева.

Ему, как и Бандере по кличке Баба, воевавшему против нас, присвоено звание «Герой Украины».

Соратник Стуса, Вячеслав Черновол, человек разумный, начавшиеся события на Украине не приветствовал. В интервью газете «Независимость» от 26 февраля 1999 года на вопрос «Когда Вам, Вячеслав Максимович, было тяжелее — когда Вам противостояла вся советская система или теперь?» он ответил: «Теперь! Происходящее — такая неожиданность для меня, такое потрясение... Люди, охваченные желанием иметь деньги и должности, становятся неузнаваемыми. Хочу провести такую параллель. В своё время первое накопление капитала сопровождалось выстрелами из-за угла, ударами ножей в спину, обманом партнёров... Так вот, то, что происходит... у нас — первичное накопление политического капитала и приёмы... аналогичные».

Черновол, в отличие от Стуса, раскусил суть насаждаемой им извне «демократии» и «незалежности». В Кировограде он 25 марта 1999 года сказал: «Я думаю, что сейчас Рух мы отстоим, но на первом плане должна быть идея, политики должны быть идейными. Если они пошли на лоббирование каких-то финансовых интересов, то пусть себе идут в бизнес, им нечего делать в руководстве политических партий. Вот моё убеждение...»

Вячеслава Черновола, претендовавшего ранее на пост президента Украины, устранили в тот же день: он «попал» в автоаварию. Его тоже похоронили на Байковом кладбище, недалеко от Василя Стуса.

Пока Стус воевал с «советской тиранией», к власти шли олигархи, исповедующие одну идею: обобрать народ. Незалежность для них — нажива, нажива и ещё раз нажива. Эта власть, не признаваемая Черноволом, и устранившая его, присвоила и ему — не ирония ли судьбы? — звание Героя.

Иным сидельцем зоны «Пермь-36» был писатель Леонид Бородин. Он, пожалуй, единственный русский из них, оказался куда умней Стуса. Бородин понял: их борьба оказалась никчёмной. «Против чего мы боролись, — говорил он нам на «Русских встречах» в Перми, — на то и напоролись...»

Напоролись на ещё худшее!

Наверное, музей политзаключённых нужен, но зона «Пермь-36» не для него. Такого же мнения придерживался пермяк, русский командир Александр Стефановский (Мангуст), который, побывав в ней, ушёл воевать за Новороссию и погиб там 5 августа 2014 года.

Мне, не приемлевшему этот музей, по душе город Чусовой и Малые Астафьевские чтения. Их украшают талантливые ребята из Верхнечусовских Городков, где жил и творил Пётр Жуков: Алёна Рожкова, Виктор Горшков... Горжусь талантливыми, статными девушками из Подтёсовской школы Красноярского края: Марией Аникеевой, Татьяной Ерёминой, Анастасией Герасимовой, Валерией Черниковой, пишущими рефераты, снимающими фильмы о писателе и играющими сценки по его произведениям. Им не уступают ни в творчестве, ни в статности Ксения Калашникова и Ксения Подскочинова из Добрянки, Серафима Коломейцева из Чусового, пермячка Диана Дубинская и ученицы Октябрьской школы Анастасия Корибицына, Лолита Игамова, Ульяна Болёва и Дарья Мережникова...

Прекрасная подрастает смена, и русский дух в ней не так-то просто истребить. Юная поросль, как и светлые произведения Виктора Петровича, — крепкая опора для противостояния безнравственности.

...Последний раз Виктор Астафьев был в Чусовом в 1997 году. Я представил, какие чувства испытывал он здесь, понимая, какой огромный скачок во времени и творчестве сделан им, весёлым солдатом, с того дня, когда, возвратясь с фронта, срубил на Партизанской улице скромный домик.

СЫН ЗАВОЛЖЬЯ И РОССИИ.

Из повести-эссе «Сокровенное»

Без живой литературной среды мне в Уинском жилось пресновато, и я наезжал в Пермь, на занятия литобъединения, сведшего меня с талантливым поэтом Фёдором Востриковым. Оно относилось к писательской организации, и я коснусь истории её зарождения.

Из стародавних мастеров слова назову Алексея Мерзлякова, Ивана Макарова, Андрея Печерского (Павла Мельникова), Фёдора Решетникова, Владимира Кокосова, Михаила Осоргина (Ильина)...

В конце 20-х годов прошлого века литературное движение разнообразили группировки лефовских, пролетарских и крестьянских поэтов. После Первого съезда советских писателей, состоявшегося в 1934 году, в стране появились областные отделения профессионального Союза.

Спустя год такое отделение возникло в Свердловске, и пермских творцов отнесли к Уральскому отделению ССП (Союз советских писателей. — Прим. авт.). Связь велась через уполномоченного Бориса Михайлова.

Борис из-за болезни не окончил и начальную школу. Но молодой человек, взрослея, самообразовывался, сочинял стихи. Он, рассылный, контролёр разных учреждений, печатался в ленинградском журнале «Резец» и пермской газете «Звезда». «Звездинцы», оценив ум парня, взяли его в штат редакции.

В 1935 году Бориса Михайлова приняли в Союз писателей СССР, за ним — Александра Спешилова, с детства бурлачившего на реках.

В начале октября 1938-го Пермь обрела статус областного центра, и наши поэты, прозаики озаботились созданием своей организации. На учредительное собрание, открывшееся 21 февраля 1940 года, пришли 36 человек. Прибыли на него и ответственный секретарь Свердловского отделения ССП Александр Савчук, варшавянин, 1905 года рождения, и директор Пермского книжного издательства Павел Эсаулов.

Председателем собрания был, похоже, сам Александр Фёдорович Савчук, секретарём — Александр Николаевич Спешилов. В протоколе, подписанном им, излагается повестка дня:

«Первый вопрос — “О состоянии литературно-творческой работы в Пермской области”. Докладчик — ответственный секретарь Свердловского отделения ССП тов. А. Ф. Савчук. Содокладчик — тов. Г. Троицкий. Второй вопрос — “Выборы оргбюро”».

Далее приводится выступление Александра Фёдоровича:

«Теперь, с выделением Перми в самостоятельную область, положение изменилось. Самое главное — за последние годы в Пермской области выдвинулся целый ряд писателей. Работает над книгой стихов товарищ Занадворов; коми-пермяцкие писатели Николай Попов и Степан Караваев написали и напечатали несколько книг; в Свердловском издательстве выпускают книги Александра Спешилова, Алексея Кондакова, Евгении Трутневой. Во вновь организованное Пермское книжное издательство сданы подготовленные к печати книги Бориса

Михайлова, Александра Бычкова, Афанасия Матросова... Поэтому назрела необходимость в создании самостоятельной организации в Перми...»

Обсудив, как водится, доклад и содоклад, рассмотрев произведения, поступившие в редакцию альманаха «Прикамье», собрание постановило: «Просить правление Союза советских писателей разрешить организацию в г. Перми областного отделения ССП».

Приступив к рассмотрению второго вопроса, литературный актив избрал оргбюро в составе Павла Эсаулова (ответственный секретарь. — И. Г.), Александра Спешилова и Бориса Михайлова.

Павел родился 10 ноября 1906 года в селе Студёнка Пензенской губернии в семье бедняка, перебравшейся спустя десять лет в Челябинск. Глава семейства пас коров, пастишил и Паша.

Пастушонок не был литератором, но любил газету, искусство и культуру.

В Перми Павел появился в 1931 году. Здесь окончил рабфак и пединститут. Его, выпускника (в институте он состоял в бюро ячейки ВКП(б) литературного отдела. — И. Г.), направили в редакцию газеты «Ударник» Челябинского завода крупного станкостроения. И не абы кем, а редактором.

Затем — армия. Отслужив, Павел Фаддеевич работал в Комитете по делам искусств — при Президиуме Пермского горсовета; заведовал отделом народного образования в Верещагино. За хранение троцкистской литературы его исключили из партии, но восстановили, поскольку к исключению «подошли формально, допустив мелкобуржуазную перестраховку».

«Несостоявшийся троцкист» вернулся в Пермь. Но на прежнем месте, в горсовете, не задержался: Уральское управление по делам литературы и издательств (Уралобллит) назначило Павла Фаддеевича цензором.

Судя по его служебным ступенькам, он вполне логично стал директором открывшегося книжного издательства и оказался причастным к созданию писательской организации вкупе с Александром Спешиловым, Борисом Михайловым, Василием Каменским, Николаем Поповым...

Решение учредительного собрания утвердили на бюро Пермского обкома партии через день, 23 февраля 1940 года, что явствует из документов Госархива новейшей истории (Фр.-1588, оп. 1. Д. 599, Л. 5). Их в фондах обкома ВЛКСМ, в синей папочке, выявила краевед, бывшая сотрудница Госархива Лидия Мишланова. К протоколу собрания прикреплены смета расходов по оргбюро, заверенная Павлом Эсауловым, и документ «Мероприятия по организации работы с начинающими авторами...»

— Этим отчасти и объясняется, — поясняет Лидия Витальевна, — почему дело о создании писательской организации осело в комсомольском фонде...

Как только оргбюро справилось с задачей, молотовские поэты и прозаики (Пермь переименовали в город Молотов. — И. Г.) на областном совещании, состоявшемся 29 марта 1941 года, выбрали ответственным секретарём Молотовского отделения Союза советских писателей Александра Спешилова, а уполномоченным Литфонда — Бориса Михайлова.

О том нам известно из статьи Елены Спешиловой «Мы — писатели Прикамья...», опубликованной в приложении к газете «Звезда» — «Лукоморье» (19.01.01). В войну, по её словам, организация увеличилась до 70 писателей за счёт их приезда из других, западных регионов страны. Нагрузка на Александра Спешилова возросла. Вдобавок его назначили директором издательства, и ему трудно стало совмещать два поста. В интересах общего дела он на писательском собрании, состоявшемся 17 февраля 1942 года, попросил у коллег отставки, предложив взамен себя Бориса Михайлова. Коллеги согласились с ним, и Борис Михайлов стал во главе Пермского отделения Союза писателей. Он, как и Спешилов, работал на общественных началах.

Завершая спор о времени создания организации, Елена Александровна Спешилова оттенила: «За дату её рождения можно принять день 29 марта 1941 года, а можно — иной день и иной год, задолго до весны сорок первого».

Мы, не мудрствуя, так и поступили: взяли за отправную точку 1935 год — всё же костяк группы сложился именно в ту пору...

...С пермскими писателями я сошёлся задолго до перестройки. Меня привлекали семинары, Дни литературы, вечера в Клубе «Лукоморье»...

Но — вот Нерушимый пал.

Началась новая история Пермской писательской организации России. Исчезли старые традиции. В 1999 году не ввели, для премственности, в состав правления даже Льва Кузьмина, «последнего из могижан». Убрали бюро пропаганды, дававшее приработок, перестали выходить альманахи...

Какое-то время писатели жили старыми наработками, и плыть бы им дальше по воле волн, да на «капитанскую вахту» заступил поэт, критик Владимир Якушев. Он, имея два высших образования, прежде преподавал русский язык и историю в учебных заведениях Добрянки.

При нём стали выходить в свет альманахи «Литературная Пермь», газета «Пермский писатель», книги в серии «Антология пермской литературы» (АПЛ), учреждён орден Ф. Достоевского трёх степеней... Орденом I степени, престижным, охвата российского, награждены, кроме Анатолия Гребнева, Фёдора Вострикова и других пермяков, столичные писатели: Станислав Куняев, Лариса Васильева, Владимир Крупин...

Появится и медаль имени А. Л. Решетова. Её будут вручать лауреатам конкурса его имени, а также за развитие литературного искусства и сохранение литературного наследия, за творческие достижения в поэзии и прозе.

Пермская писательская организация была, есть и, надеюсь, будет одной из ведущих в России.

Её ветеран Фёдор Востриков успел застать в живых прозаика «бурлака» Александра Спешилова. Он бывал у него и Елены Александровны дома. Пообщался с нею и я. Она рассказывала о дружбе отца с Борисом Михайловым, Борисом Ширшовым, Василием Каменским — заядлыми рыбаками и охотниками. Василий Каменский проявлял о них трогательную заботу: делился рыбацкими снастями, одеждой, продуктами. Однажды принёс Спешиловым мешок картошки.

Место рождения Василия Каменского — горнозаводское село Боровское. Но он, романтизируя свою жизнь, утверждал: «В 17-й день

апреля 1884 года я родился в паровой каюте деда — на Каме, меж Пермью и Сарапулом». Рано потеряв родителей, паренёк жил в Перми у родственников, лишённых в одночасье, по прихоти хозяев-миллионеров, и заработка, и жилья. Подросток ушёл в услужение бухгалтерам железной дороги.

Увлечённый поэзией и авиацией, Василий Каменский восторженно принял Октябрь, тоже бунтарил, как и его друг — Владимир Маяковский.

Отойдя от бурной столичной жизни, громких поездок с футуристами по стране и за границей, Василий Каменский, поэт, лётчик, художник, изобретатель... обосновался в прикамской Каменке. Из неё перебрался в Сылвенско-Троицкое село, в пустой дом, перестроив его под вид парохода. Это селение, возникшее в 1469 году и поменявшее несколько названий, ныне зовётся Троица.

Я с друзьями — Фёдором Востриковым, Виталием Богомоловым, Иваном Ёжиковым, биографом футуриста, — приезжал в Троицу на 125-летний юбилей Василия Каменского. Видел на снимках родителей поэта, читал заметку «В народной столовой», опубликованную в газете «Пермский край» 5 декабря 1901 года и подписанную им псевдонимом «Посетительский».

В рабочей «каюте» будетлянина, расположенной на срединном ярусе дома-корабля, находятся личные вещи Василия Васильевича: блокнот с рисунками, кукла Персиянка, привезённая из-за границы, гармонь...

С «верхней палубы» он видел «кирпичные стволы сосен», ощущал «в гостях сплошное солнце» и любовался рекой, по которой катал детишек на моторке. Катался на ней и местный житель Василий Лежнёв, слышавший, как поэт читал им, школярам, стихи и играл на гармошке...

Перед войной в Молотове вышли в свет сборники стихов Владислава Занадворова, Бориса Михайлова и Евгении Трутневой. Евгения Трутнева, подброшенная ребёнком в дом статского советника Фёдора Петровича Вишневского и воспитанная в приёмной семье, вышла замуж за охотника Николая Трутнева. В Союз писателей её приняли в 1943 году. К той поре на войне погибли поэты Владислав Занадворов и Александр Бычков.

На Крайнем Севере на полуострове Рыбачий сражался Николай Букин (1916–1996) из еловского села Дуброво. Я и Фёдор Востриков навешали его родину.

Он рос без отца, в многодетной семье. Прилежно учился в семилетке и Сарапульском сельхозтехникуме. Получив среднее специальное образование, преподавал в брюховской, еловской сельских школах. Продолжал учиться и сам: с отличием окончил Пермский пединститут.

Николай дружил с Борисом Михайловым, отмечавшим его подходящие для песен стихи: «Если не был ты в Перми», «Что гудишь ты, бор, сурово», «Погожий день»...

Дружба прервалась в 1940 году с уходом Николая Букина в армию. Он служил на полуострове Рыбачий в морской пехоте и артиллерии.

В июле 1941-го фашисты пошли на штурм Рыбачьего, обрушив на него шквал огня с суши и моря. В жесточайшем сражении из 15 тысяч

наших бойцов уцелело около трёх десятков человек, но противник так и не взял полуостров, названный «гранитным линкором».

Николай Букин выжил в жуткой битве. Судьба сберегла поэта для страны, родни и песен: «Прощайте, скалистые горы», «Баренцево море», которое не спокойно, «но зато спокойно сердце моряка». Николая Ивановича за отвагу и смелость наградили орденом Красной Звезды.

Наш земляк, воюя, присылал в газету «Североморец» стихи, рассказы о боевых товарищах. Принятый на службу в редакцию, он, талантливый поэт и очеркист, не отсиживался в кабинете и по-прежнему выходил с десантниками на катерах в свирепое Баренцево море громить врага. И североморцы разгромили его.

В 1945 году Николай Букин — директор школы в городе Полярном. Потом — Москва, редакция военно-морского журнала «Советский моряк».

Став москвичом, он не забывал родину, встречавшую его хлебом-солью.

Писатели Перми чтят боевых земляков. Собираясь в Союзе, они говорят о них сердечные слова и непременно поют песню Николая Букина «Прощайте, скалистые горы» под удалую гармошку Анатолия Гребнева...

В войну в Пермском крае увлечённо работали эвакуированные писатели Иван Арамилев (Зырянов), Виталий Бианки, Вениамин Каверин (Зильбер, но он русский. — И. Г.), Вера Панова, Юрий Тынянов, Иван Соколов-Микитов...

Из них нам меньше всего известен Иван Андреевич Арамилев (1896–1954). А он наш, прикамский: родился в северной деревушке Ежи, но жил в селе Елдино, находившемся между Клином и Тверью. У него изданы романы и повести «Юность Матвея», «В дыму войны», «На острове Лебяжьем», «В лесах Урала»...

Иван Андреевич общался с Александром Фадеевым, Александром Твардовским, критиковал рукопись романа Василия Гроссмана «За правое дело», назвав его неудачным, порочным, за что литературный критик Анна (Ася) Берзер (1917–1994) в «Чёрной яме» яро изругала Арамилева, настаивавшего на переделке романа. В нём, доказывал он, «нет ни главного героя, ни главного героя народа», а фигуру Штрума считал лишней. Уже тогда Арамилев раскусил Гроссмана, скатившегося в позднем творчестве — романе «Жизнь и судьба», повести «Всё течёт», — к сопоставлению советской и фашистско-немецкой идеологий.

Ивана Арамилева не обошли три войны. В самой кровопролитной — с фашистами — его, дважды раненого, эвакуировали в город Молотов...

В краснокамской деревне Чёрная жила мать Константина Симонова — Александра Леонидовна Иванишева, урождённая княгиня Оболенская. Выйдя замуж вторично, она сохранила сыну фамилию по первому мужу. Симонов в войну приезжал в Прикамье. «Мою маму, — говорил он друзьям, — спасают уральцы в маленьком зелёном городке».

Елена Спешилова поверяла мне:

— Поэт не уделял ей должного внимания из-за занятости. Его мать голодала, ходила в обносках. Перед отправкой в Москву её со-

бирали всем миром, дали денег. Она, высокая, стройная женщина, выглядела благородно. На ней была чёрная шерстяная юбка, длинный жакет с заплатками на рукавах, похожими на красивую вышивку...

Ныне ни о чём Елену Александровну не спросишь. С нею, по чётным краеведом, мы попрощались 16 февраля 2013 года. Похоронена она, автор книги «Старая Пермь», не на Южном кладбище, где покоится родитель, а на Северном.

В 2009 году, осенью, Елена Спешилова подписала мне книжку своего отца — «Страницы прожитого». В ней повествуется и о том, как он, директор книжного издательства, выезжал в войну в Чернушинский район «для оказания помощи райкому в агитационно-массовой работе в колхозах в период уборки урожая». Бывал в Рябках, жил в Нижнем Козьмьяше.

Александр Николаевич агитировал личным примером: пустил в дело заброшенные серпы, сутками помогая кузнецу чистить, точить, «зубить» их и ковать дефицитные подковные гвозди... Мастер на все руки, он чинил часы, бытовую технику, мебель, учил ребят плести корзины...

Позже в тех сёлах и я, редактор чернушинской газеты, был агитатором и тоже помогал хлеборобам чем мог: собирал с полей солому, доставал запчасти... Точно так же, как Александр Спешилов, засматривался на холмистую местность и оранжевые рыжики, росшие на склонах логов.

Довоенное поколение писателей сменили Виктор Астафьев, Олег Селянкин, Владимир Воробьёв, Николай Домовитов, Борис Шишов — фронтовики, а также Николай Вагнер, Лев Давыдычев, Алексей Домнин, Авенир Крашенинников, Владимир Радкевич, Владимир Черненко...

В 1955 году в Пермь прибыл Лев Правдин, уроженец псковского села Заполье (1905–2003). Он, член Союза писателей с 1934 года, по ложному доносу 18 лет отсидел в лагерях. Своим сокамерникам Лев Николаевич пересказал весь роман «Граф Монте-Кристо». Правдин, не имевший права жить в крупных городах, числился жителем Верхних Муллово.

Почти всем им помогала «опериться» Клавдия Рождественская, ставшая в 1949 году первым освобождённым ответственным секретарем Пермской писательской организации.

К такому кругу творцов приобщались Анатолий Гребнев, Иван Байгулов, Борис Бурылов, Михаил Голубков, Иван Лепин, Виктор Болотов, Виталий Богомолов, Фёдор Востриков, Михаил Стригалёв, Валентина Телегина, Ирина Христолюбова... Тяготел к нему и я, вырываясь из сельской глубинки.

В 1972 году занятия в литобъединении вёл поэт Николай Домовитов. В день разбора моих стихов он занемог, и ему помогал Михаил Смородинов.

Я сидел подле Гены Краснослободцева и Фёдора Вострикова. Сначала слово дали Наталье Чебыкиной, Нине Чернец (Пивоваровой). Наталья, читая, гладила себя по голове: «Вот такая я славная». Она и вправду была молодец: у неё через год выйдет книжка «Время свадеб».

Представили и меня. Я прочитал посвящение Сергею Есенину:

*...И, оставив наш песенный стих
Про любовь и про запахи сена,
Лишь тогда разопьём на двоих
Горе светлой России, Есенин.*

Читал также «Мой день», «В юрте» и «Родинку».

Стихи полагалось «разнести» — не хвалить же сразу новичка. Но крупного разноса не было. Михаил Смородинов прошёлся по мелочам, а строчки «Моё село, как родинка, // На груди планеты» назвал сальными. Я хотел возразить, но удержал Гена: он подбодрил меня, и мой пыл угас.

С того занятия я наладил дружбу и с ним, Геной, и с Фёдором Востриковым — невысоким, отзывчивым, скромным парнем. Его душевные образные стихи, полные глубоких мыслей о Родине, земле, любви, пришлись мне по сердцу.

Духовно богатый, одарённый, он сведёт меня с музыкантами, артистами, художниками, и я признаюсь ему:

*...Как бы жизнь моя, друг, обеднела,
Если б не было рядом тебя!*

Фёдор Востриков пережил многих друзей: Ивана Байгулова, Михаила Голубкова, Алексея Решетова, Владимира Радкевича... Одним он посвятил стихи при их жизни, другим — после их смерти. Неизбывная боль утрат, не дающая ему покоя, и любовь к приятелям, здравствующим поныне, подвигла поэта к изданию сборника стихов «Остуда».

Остуда... Словари толкуют это слово как «охлаждение приязни, размолвка, разлад». Однако Фёдор Востриков вкладывает в него иной, более глубинный смысл. Остуда — это состояние души, когда она ещё не охладела ко всему сущему и способна оттаять через восприятие образов и судеб людей, очень дорогих и ему, и нам, а также с помощью природы.

Она, природа, от предзимья до зноя, от былинки до ветлы, от ручейка до океана, неразрывно связана с нашим существованием на свете. Мы меняемся при смене времён года, проходим какие-то этапы жизни и, теряя друзей осенью и зимой, весной и летом, пытаемся осмыслить окружающий нас мир, происходящее с нами и человечеством. Это единение Человека и Природы в «Остуде» ощущается постоянно.

Природу Фёдор полюбил с детства.

Он родился 6 февраля 1942 года в заводском посёлке Батрак (ныне — Авангард). В благодатном краю на необъятную степь в рассветную пору накатывалось весёлое солнышко и во все стороны — до горизонта — колосились хлебные нивы, переливались волнами ковыльные степи. Возле речек, затонов кучковались ветлы, шушукались камыши.

В том просторе легко отыскивался человек. Стоило забраться на крышу сарая — и весь мир открывался как на ладони. Так и делали женщины в поиске мужей, заблудших с полочки. Глядя из-под руки, они перекликались:

— Где у меня мужик-то, Настя?

— Дак вон он, Маня, под ветлой, а мой, слава Богу, сам домой тащится...

Родители поэта, Екатерина Денисовна и Сергей Макарович, ударно трудились в совхозе (отца премировали легковушкой. — И. Г.) и растили дружных сыновей: Владимира, Николая, Фёдора и Петра. Дети тянулись к знаниям. Как-то Фёдор прихворнул, и мама не отпустила его на уроки. Иные радовались бы, а он, отличник, ревмя ревел: — Хочу в школу! Как же там без меня?!

Екатерина Денисовна не уступила, и учительница Татьяна Плетнёва поставила ему в журнале пропуск четырёх уроков. О них он, похоже, жалеет поныне. Татьяна Сергеевна дожила до первой книги поэта и очень гордилась талантливым учеником.

Имя Фёдору дал отец при особых обстоятельствах.

У отца был брат Фёдор — виртуозный музыкант. Он погиб на фронте. В тот день, когда на него пришла «похоронка», Екатерина Вострикова родила сына, и Сергей Макарович в память о брате нарёк новорождённого Фёдором.

Потом поэт напишет: «Осталось мне святое имя нести по жизни до конца».

Фёдор во всём хотел походить на дядю. Выучился играть на гармошке, купленной на деньги, вырученные от продажи козы. Он рвался в армию — не взяли: «Не годен, парень, к строевой». Чувствуя себя в чём-то виноватым перед Родиной, он по-своему преданно служил ей:

*...И новой строчкой, новой жатвой
Тебе, родная, присягал.*

Поэзию Фёдор впитал в себя с молоком матери, малограмотной, но знавшей уйму сказок, стихов и прибауток. Добрая, ласковая, она и будила его стихами: «Что ты спишь, мужичок? Уж весна на дворе...»

Из совхоза молодой поэт уехал в Куйбышев (ныне — Самара) и поступил учиться в культурно-просветительное училище. Позже он на Урале получит высшее политическое образование.

В Куйбышеве Фёдору попался на глаза сборник стихов Николая Рубцова. «Вот не знал, — изумился он, — что Колька Рубцов, мой сосед, стихи пишет!» Фёдор купил книгу и понял: она не соседа из посёлка, а однофамильца, настоящего поэта из архангельского Емецка, и задумал разыграть земляка.

Приехав домой, сказал ему:

— Я достал в городе твои стихи.

Тот хихикнул:

— Мастак ты, Фёдор, завирать.

Студент показал книжку.

— Смотри, Фома неверующий!

Глянул Колька на обложку и обомлел: имя и фамилия — его.

— Неужели кто мои частушки собрал?! — удивился он. — На них я — удалец.

Полистав сборник, сосед не обнаружил в нём своих припевок. Сжалился Фёдор над ним и открылся: есть, мол, у тебя, Кольки Рубцова, талантливый тёзка. Посмеялись они над розыгрышем и по-доброму разошлись.

Может, тогда и надумал он, Фёдор, издать свои стихи, отличавшиеся необычными сравнениями, метафорами. На него обратил внимание поэт Михаил Лошманов — и Фёдор пообещал заглянуть к нему на огонёк.

В Куйбышеве Фёдор сдружился с артистами Волжского хора. Они жили в его студенческом общежитии. Баянист Евгений Семёнов звал начинающего поэта и музыканта к себе.

— Подожди, — сказал он, — скоро Гриша придёт.

«Гришей» оказался композитор Григорий Пономаренко. Признанный маэстро, пожимая ему руку, произнёс:

— Ну, землячок, здравствуй!

Пономаренко и Семёнов предложили Фёдору что-нибудь сыграть. Он принёс баян и исполнил несколько песен, почитал стихи. Артисты похвалили студента и попросили содействия в их хлопотах. Фёдор не отказался: ходил на репетиции, таскал на концерты в парк культуры и отдыха итальянский баян Семёнова. Для Фёдора, человека небольшого роста и не отличавшегося здоровьем, он был тяжеловат. Нёс его то в правой руке, то в левой.

— Тяжело, Федюша? — спрашивал Пономаренко, нагруженный, как и Семёнов, поклажей. — Терпи, искусство требует жертв.

От общения с ними Фёдор Востриков почерпнул немало полезного в музыкальном отношении и песенной поэтике. В литературу он входил с солидным духовным багажом.

В каникулы Фёдор привёз матери книгу стихов Алексея Кольцова и почитал вслух. Она удивилась тому, что давно запомнившиеся строчки «Что ты спишь, мужичок? Уж весна на дворе...» принадлежат Кольцову, и прослезилась над сборником.

Получив диплом, Фёдор работал в клубах и дворцах культуры. Во время отпусков навешал и родной посёлок, и памятные места России.

На родине Сергея Есенина, в селе Константиново, он подружился с сестрой поэта — Александрой Александровной и её дочерью Светланой, пригожей, шустрой девчонкой. Александра Александровна подарила ему книгу Юрия Прокушева «Сергей Есенин» и подписала: «На добрую память о Константинове Вострикову Феде. А. Есенина. 6. VI. 1972».

От неё Фёдор впервые узнал об убийстве Сергея Есенина. Она со слов мамы, Татьяны Фёдоровны, знала, что стихи её брата «До свиданья, друг мой, до свиданья...» были написаны карандашом в Константинове. Их, написанных кровью, появление в гостинице «Англетер» туманно. Он, Есенин, правша, но почему-то «сделал» глубокий надрез на ней же, правой руке, которой должен был написать стихотворение. И посвящалось оно не агенту ОГПУ, чужаку Эрлиху Вольфу, а поэту Алексею Ганину — другу Есенина, убитому чекистами 30 марта 1925 года в «Бутырке».

Алексей Ганин, уроженец деревни Коншино Вологодской губернии, подружился с Есениным в Петербурге. Они служили рядышком: Алексей Алексеевич — в Николаевском госпитале, Сергей Александрович — в Царскосельском военно-санитарном поезде N 143.

Александра Александровна, передавая Фёдору некоторые подробности гибели брата, посоветовала ему ни с кем на эту тему не говорить.

— Иначе, — сказала, — и ты погибнешь.

Предупреждение не было напрасным. Свели же счёты с поэтом Иваном Лысовым за статью «Убийство Есенина», вышедшую в 1990 году в журнале «Молодая гвардия», и за его радение о русской литературе.

Иван Васильевич Лысов — с норильской стороны. До поступления в Литинститут окончил в Перми геологоразведочный техникум. В Оренбурге, в армии, он, радиомеханик, обслуживал полёты курсанта Юрия Гагарина, будущего первого космонавта.

К гибели Сергея Есенина я вернусь, пока же доскажу о Фёдоре, уехавшем из Константинова со Светланой, настоявшей на совместном отъезде. Тоскливо ей было одной покидать село. И он печалился. Вдвоём-то они легче справлялись с грустью: мило любезничали всю дорогу — и в автобусе, и в электричке. В Москве Светлана приглашала Фёдора в гости, но он, скромняга, отказался. Она выслала ему в Пермь книгу воспоминаний своей мамы о Сергее Есенине «Родное и близкое» с надписью: «Феде на добрую память о Константинове. 5.VIII.72 г. Есенина».

...Поездив по стране, поэт заглянул к Михаилу Лошманову. «А он, — огорошили его, — умер». Ох и поругал себя Фёдор: «Ничего, ничего нельзя оставлять на потом!»

Своему появлению в Перми Фёдор обязан старшему брату Владимиру Сергеевичу, надумавшему поступить в «какой-нибудь мединститут». По просьбе Владимира они разложили на столе карту, надёжно завязали ему глаза. Брат трижды крутнулся и указал пальцем на Пермь. Все кинулись выяснять, что она из себя представляет.

Забавный дед Кисель (Григорий Киселёв. — И. Г.), сосед, избороздивший страну вдоль и поперёк, расписал Владимиру уральский город в жутких красках:

— В Пермь? Что ты, Володя! Это страх Божий! Вся — каменная. В тайге — разбойники, мороз — за шестьдесят... Не нада туда!..

Ни дед, ни родные не удержали Владимира.

В Перми он поступил в мединститут и, окончив его, работал главврачом в городской больнице своего микрорайона.

Фёдор Востриков прибыл сюда с женой Маргаритой Николаевной в 1969 году. Она училась на дирижёрско-хоровом отделении Пермского института искусства и культуры. За чудесный голос, а его «ставила» и народная артистка СССР Клавдия Кудряшова, певицу взяли в театр оперы и балета.

Однажды её похвалил композитор мировой величины — Родион Шедрин, приезжавший в Пермь с Майей Плисецкой на оперу «Полита», сочинённую им по произведению Владимира Набокова. Служанку играла Маргарита Вострикова. Послушав оперу, он, поцеловав ей руку, сказал:

— Лучшего исполнения этой партии я ещё не слышал.

Спустя годы Маргарите Николаевне Востриковой присвоят звание «Заслуженный артист Российской Федерации».

Поначалу поэта и певицу, избалованных степными просторами и мягким заволжским климатом, Пермь и впрямь удручила морозами, городской стеснённости и суетностью. Чувство отчуждённости усиливалось и благодаря тому, что Фёдора, работавшего комендантом общежития трамвайно-троллейбусного профтехучилища, прохладно

встречали в Союзе писателей, упрекали за мелкотемье, путая это понятие с его «негромкими стихами».

Узнав об увлечении коменданта, парторг Дмитрий Гайдаренко сказал ему:

— Есть у меня знакомый... Володя. Тебе нужно с ним познакомиться.

Фёдор насторожился, вспомнив слова баяниста Семёнова: «Подожди, скоро придёт Гриша». И Володя, наверное, знаменитость... Так и оказалось: Гайдаренко свёл его с поэтом Владимиром Радкевичем, принявшим близкое участие в судьбе совестливого парня, писавшего бесхитростные стихи, полные невычурных, свежих образов, глубоких, светлых мыслей — о матери, об отце-хлебопашце, о вётрах, любви к земле:

*Уехал бы я в край иной
Развенчивать нужду и стужу,
Да колос тоненький ржаной
Насквозь прокалывает душу!*

Из неуютной Перми Фёдор рвался в заволжское приволье, но Владимир Радкевич убедил поэта остаться в Перми. «Здесь, — сказал он, — сильная поэзия, есть чему и у кого поучиться». Фёдор послушался его, и лучшие свои стихи, выбранные Радкевичем, отнёс в «Вечёрку», к писателю Ивану Байгулову. Прочитав их, Иван Михайлович улыбнулся:

— А ты, маленький пермяк, не без царька в голове!

Иван Байгулов — выпускник Омского пединститута — преподавал русский, немецкий языки, литературу, историю. Тяга к прозе увела его из школы в газету «Красное Прикамье», из неё — в «Молодую гвардию», «Вечернюю Пермь». В «Вечёрке» он и опубликовал стихи поэта. Их же пристроил в журнал «Уральский следопыт».

Фёдор Востриков не мог издать задуманную книгу. Его рукописи из издательства отсылались рецензентам с буквой «З», что означало «Зарубить». У издателей, рецензентов, как и у врачей, имелись свои тайные знаки. Не все поэты выдерживали цензуру, травлю: одни покинули город, другие наложили на себя руки. Не сложилась жизнь у Валерия Бояршинова, Нины Чернец, Натальи Чебыкиной, Геннадия Краснослободцева...

Отношение к Фёдору изменилось со слов Алексея Домнина о нём:

«Мне симпатичен Востриков многими чертами характера и творчества. И скромностью, и упорством, и глубокой привязанностью к своей деревенской родине, о которой он и стремится рассказать в своих стихах. И как бы его ни мотало в жизни, эта связь не нарушится, она крепка, и в ней — истоки его творчества. Трудное детство и рано понятые главные ценности жизни становятся его мировоззрением и творческим кредо...»

А Лев Давыдычев, Владимир Воробьёв и Лев Кузьмин предложили ему, «зелёному» совсем, руководить литкружком в клубе «Муравейник» вместо Евгении Трутневой. Но Фёдор отказался стать её приемником. Из-за той же скромности. Раз за разом Владимир Иванович приглашал земляка в Горьковский сад, рассказывал, как воевал, бродил по Руси, озабоченно говорил о способных детях,

могуших попасть в недобрые руки, и на закате четвёртого дня спросил: — Поработаешь во славу ребятишек?

И Фёдор сдался; начал вести занятия с юными поэтами, торившими свою тропинку к сердцам читателей. Символическим словом — «Тропа» — и назвали литературную студию, прописавшуюся во Дворце творчества юных.

Для сотен ребят «Тропы», ставшей явлением российского масштаба, Фёдор Востриков — и учитель, и друг. Из воспитанников поэта свои книги издали Наташа Бочкарёва, Николай Субботин, Наташа Резник... Анна Пепеляева и Владимир Кочев окончили Литинститут, Наташа Златкина — Московский институт международных отношений. Светлана Володина, чердынская чародейка, была принята в Союз писателей России...

Лауреатами конкурсов, включая международные, были Маша Падерина, Наташа Гаврилова, Саша Гладышева, Наташа Гумерова, Карина Ибрагимова, Оля Пашина, Ксюша Петранцова, Александр Козырев, Валерий Юнусов...

Пестуя юные таланты и издавая их стихи, Фёдор Сергеевич немало делает и для писательской организации. Он входит в состав её правления, организует вечера в клубе «Лукоморье», встречи в библиотеках, состоит в общественном учёном совете краеведческого музея... Всего не перечесать. Это он способствует изданию журнала «Родничок», выпускаемого детской библиотекой имени Л. И. Кузьмина. Это он «затаскивает» писателей в библиотеку общества слепых — записать произведения на кассеты...

В проведении вечеров ему помогает как певица Маргарита Николаевна. Ей аккомпанирует дочь Наталья. Владеет музыкальными инструментами и сын Денис — мастер евроремонта.

Талантливая, работающая семья дружила с народной артисткой СССР Клавдией Кудряшовой, народной артисткой России Эльвирой Шубиной, олимпийским чемпионом по биатлону Владимиром Аликиным, балериной Натальей Высочиной, работавшей в Японии, заслуженными работниками культуры России: чтецом Евгением Соломенным и диктором краевого радио Григорием Барабаншиковым...

Клавдия Кудряшова, уезжая на гастроли, поручала Фёдору поливать в квартире цветы. Он забывал о поручении, и певица, по возвращении в Пермь, отчитывала его за них, засохших. За него заступалась Эльвира Шубина:

— Клава, уймись, он же — поэт, и помнит одни стихи.

Добрые дела, поступки, стихи поэта помогают людям жить, смотреть в будущее с оптимизмом, менять мировоззрение, делать выбор, определяющий всю дальнейшую судьбу. В сборнике «Остуда» есть стихи, посвящённые полковнику Виктору Маликову, уроженцу заволжского села Корнеевка. О дружбе, возникшей между ними, поведала в алексеевской газете «Степная правда» Нина Аникина, занятая землячка Фёдора.

Виктор Маликов жил в Молдавии, работал заместителем министра Министерства внутренних дел республики. Он, получая родную районную газету, находил в «Степнушке» знакомые имена, фамилии людей, названия сёл. Прочитал и стихи Фёдора Вострикова о параше небосводе, волне, лижущей песчаный берег, молодой женщине,

полошущей в реке цветастое бельё, березовой роше. «...Над светлой рошей виражи // Легко накручивает птица... // Я вижу мир! // Я вижу жизнь, // Которой вечно в людях длиться». Они покорили Виктора Георгиевича, и он воскликнул: «Так это же я должен был написать! Как проникновенно пишет поэт о родном крае!»

Полковник стал искать в газете стихи этого автора. И находил. Он проникся уважением к человеку, творившему, казалось, для него и отражавшему его чувства, прежде всего, — тоску по родине.

Ежегодно Виктор Маликов приезжал в отпуск в Корнеевку. Завернул и в Авангард, познакомился с братом поэта — Петром Сергеевичем, учителем физики, и, взяв адрес Фёдора, списался с ним. «Они тянулись друг к другу, — отмечала Нина Аникина в “Степной правде”, — их незримо крепко связывала та необыкновенная любовь к малой родине, которую только и понять-то, наверное, можно, находясь вдали от неё.

Встретились они в 1993 году в седой ковыльной степи, куда потянуло обоих, лишь только приехав в родные места в отпуск. Они настолько хорошо знали друг друга, что объясняться им долго не пришлось. Они просто, по-мужски обнялись, а потом были долгие часы общения. Пили молдавское вино, пели песни. Фёдор читал стихи...»

После той незабываемой встречи тоска по Родине у Виктора Маликова усилилась. В напичканном оружием Кишинёве, где шла охота на русских, толкнули под колеса мчавшейся машины его сына Витальку. Поставили точку в сомнениях — возвращаться или нет в Корнеевку? — строчки друга: «Без России остаться, // Как с врагом побрататься, // Как на чуждой земле // Задохнуться в петле». И Виктор Маликов вернулся в Заволжье.

Он испытывал чувство вины перед Родиной, жалел об отданных другой стране знаниях и силах. «Будь у меня родовой замок, — говорил Виктор Георгиевич, — то вместо герба я бы выбил на его воротах своим потомкам такие слова: “Никогда не покидайте Родину”».

Стремясь загладить вину перед ней, Маликов захотел воспитать во внуке Алёше твёрдый стержень любви к России, к малой родине и добиться, чтобы жил он в России и служил ей. На святую цель друга поэт отозвался стихами:

*...Ты пронёс непосильную ношу,
Если надо, ещё пронеси,
Но прекрасного внука Алёшу
Подними для великой Руси.*

Казалось бы, стихи сочинены по частному случаю, однако при чтении их вспоминается другой Алёша — русский солдат, освобождавший Болгарию от фашистов. Таковы сила и таинство поэзии Фёдора Вострикова, умеющего подняться над обыденностью, осмыслить глубинные связи современности с прошлым и показать причастность героев к созданию мировых ценностей.

Я успел встретиться и подружиться с Виктором Маликовым. Он увёз нас — меня, Фёдора и Петра — в степь. На берегу приветного пруда развернул походный столик и выставил коньяк, но сам не пил: за рулём.

Я дотошно расспрашивал Виктора Георгиевича о службе в Молдавии, переименованной в Молдову, нападавшую на Приднестровье, и обмолвился:

— Там гремело имя генерала Лебеда. Он принудил агрессора сдаться.

— Не Лебедь принудил, — отрезвил меня Маликов, — а войска, добровольцы, казаки. Позже генерал подписал в Хасавюрте мирный договор с чеченскими боевиками, терпящими поражение, позволил им дать передышку, и пришлось нам вести с ними вторую военную кампанию с неменьшими потерями. И в дальнейшем Лебедь, возомнив себя спасителем демократии в России, подводил друзей и избирателей.

Участвуя в выборах президента страны, он, кандидат на высокий пост, соглашался «на уход России с Кавказа и переход всего Кавказского региона под контроль Запада. Соглашался с возможностью сотрудничества с НАТО и опеки его над ядерными объектами России». Запад видел в нём преемника хиреющего Бориса Ельцина (Эльцинда), лёгшего под Европу, Америку и «иудейский международный финансовый интернационал, являющийся ядром... мирового масонского ордена, или Глобосистемы».

В предвыборной гонке Александр Иванович занял третье место. Во втором туре он сблизился с Ельциным, чихвостившим безжалостно, и отдал ему голоса своих сторонников в обмен на высокую должность. То был хитрый ход царя Бориса, вышвырнувшего затем Лебеда из Кремля за ненадобность.

Виктор Маликов не любил пришедших к власти «демократов». А бывшего министра МВД СССР Николая Щёлокова Виктор Георгиевич, служивший под его началом, ценил за верность долгу и стране, за деловитость и порядочность, за чуткость и человечность.

Возглавив МВД СССР, Щёлоков издал, прежде всего, приказ о гуманном отношении милиционеров к людям. Николай Анисимович хотел военное ведомство превратить в ведомство гражданское. Он отменил дубинку, введённую при Никите Хрущёве. Я, испытав силу её ударов на себе при задержании, предугадал в стихах: «...И полицейская дубинка бьёт по студенческой спине». И верно: демократы, роясь в дооктябрьских отбросах, вернули народу — без референдумов! — и полицию, и двуглавого орла.

Щёлоков принял милицию со свистком, а оставил с рацией. Ведя борьбу с коррупцией, он выявлял преступления высших чиновников. Были у него основания и для ареста Председателя КГБ Юрия Андропова, иначе бы не получил 10 сентября 1982 года от Леонида Ильича, лучшего своего друга по Днепропетровску и Молдавии, карт-бланш на его трёхсуточное задержание.

«Дожать» Андропова, ставшего после смерти Брежнева генсеком, он не смог. Андропов сам расправился с главным милиционером страны. Николай Анисимович был уволен с поста министра 17 декабря 1982 года.

Раскрученное по инициативе Андропова узбекское «хлопковое дело» было направлено одновременно на свержение своих противников, на разгром «вотчины» Щёлокова, соперничавшей с КГБ. Пострадали многие; засадили в тюрьму и Юрия Чурбанова — его заместителя, зятя Леонида Брежнева.

Николая Щёлокова, не терпевшего застолий, заядлого театрала, смело боровшегося с коррупцией, обложили «красными флажками». На него, обвиняемого во всех грехах, лишённого наград и звания, «повесили» и с десятком «потерянных» легковых машин «мерседес», оставленных нам немцами (по договору) после Московской Олимпиады в 1980 году. Не пережив клеветы, самоубийства жены Светланы Владимировны, не выдержавшей травли, сплетен (она, говорили, стреляла в Юрия Андропова. — И. Г.), Николай Щёлоков покончил с собой 13 декабря 1984 года.

И что же? «Исчезнувшие» машины тут же «отыскались» в гараже Совмина, о чём нигде не сообщили.

Николай Щёлоков оберегал Россию от ползучей контрреволюции, но не сберёг: его предусмотрительно отстранили от власти.

Её, контрреволюцию, готовил с нелегалами «суперкрот» ЦРУ Александр Яковлев, которого из Канады, куда был отправлен послом, вернул в большую политику Михаил Горбачёв, прекрасно зная, что он завербован ЦРУ во время стажировки в Колумбийском университете США.

В Канаду Яковлева отправили за статью «Против антиисторизма», опубликованную в «Литгазете» осенью 1972 года и раскритикованную Михаилом Шолоховым. Она обострила противоречия в среде интеллигенции, между «западниками» и «почвенниками». Великий писатель ощущал всю пагубность либеральных воззрений для страны.

В Москве Яковлев возглавил Институт мировой экономики и международных отношений, заведовал идеологическим отделом ЦК КПСС, был секретарём и членом Политбюро. Он и подал идею о создании в СССР предприятий с участием частного иностранного капитала, что послужило одной из причин смены общественного строя.

В 2001 году Александр Яковлев признавался: «На первых порах перестройки нам пришлось частично лгать, лицемерить, лукавить — другого пути не было...» Для чего лгали? Ради «слома тоталитарного строя и тоталитарной компартии».

Но сломали-то Великую Страну, о которой народ жалеет! Не жалели её предатели. Тот же Яковлев писал: «Несмотря на нищих в переходах, на войны на окраинах, на беженцев, на безработицу, на новых русских со всеми их прелестями, сегодня стало лучше, чем 15 лет назад».

Народ, уверенно смотревший при социализме в завтрашний день, так не считал и не считает. Впрочем, и сам Яковлев ещё не знал, какая трагедия произойдёт на Украине с развалом СССР. Да если бы и предвидел, то списал бы её на ту же «окраину». Не тревожили его совесть ни воровская приватизация, ни вывоз за рубеж многотриллионных ценностей. Начавшийся в стране грабёж, продолжающийся и сейчас, ни в какое сравнение не шёл с хрустальными люстрами, вазами, инкрустированными шкапами на даче у Щёлоковых, принадлежавшей государству...

— Сейчас бы нам такого министра! — говорил Виктор Маликов. — Я виделся с ним, получил от него именной подарок — холодное оружие...

О встрече с нами полковник рассказал в заметке «И грустит о самарской ветле», опубликованной в «Степной правде». Даю её в сокращении:

«Много добрых слов слышал я о писателе Иване Гурине от нашего земляка, поэта Фёдора Сергеевича Вострикова... Несколько лет тому назад они приезжали в п. Авангард. К сожалению, я не смог встретиться с ними. А так мечталось показать Ивану Гурину самые сокровенные места заволжского района, чтобы он смог понять, почему так трепетно любит Фёдор Сергеевич свою родину, и какая неведомая сила тянет его в родные края...

В этом году мне удалось встретиться с Иваном Гуриным и Фёдором Востриковым. Мы сразу же уехали в степь, в памятные места, где бывал, жил Лев Толстой, затем прошли по заповедным тропкам любимого Берёзового оврага, воспетого в стихах Фёдора Вострикова. Проехали по ковыльным привольным просторам. После этих поездок Иван Гурин сказал, что он влюбился в степное Заволжье, и потом признается ему в любви: «...Прижимаюсь к уральской берёзке, а грущу о самарской ветле».

Встреча наша была непродолжительной в силу разных причин, но по истечении более трёх месяцев мне до сих пор слышится голос Ивана Петровича — слегка приглушённый и задушевный, покоряющий какой-то грустной, затаённой печалью, так характерной для настоящих русских писателей-патриотов, тяжело переживающих трагедию многострадальной Родины.

Прекрасный собеседник, глубоко и широко мыслящий, обладающий обширными знаниями в области литературы, он умеет не только заинтересовать ими, даже не совсем подготовленного к этому разговору человека, но и имеет редкий в наше время дар слушать и слышать...

Гости посетили... музей. Особенно их подкупили предметы домашнего обихода, найденные при раскопках на бывшей усадьбе Льва Толстого...

Спасибо Виктору Георгиевичу за сердечные слова о нас.

На родине Фёдора Вострикова всё вокруг отдавало чем-то есенинским. Наверное, и раздольем лугов, и синью пруда в степи, речки Съезжей в посёлке, и шелестом кроны вётел, густых тростников.

Даже его приятель — Пронюшкин Пётр — напоминал Оглоблина Прона из «Анны Снегиной». Только был он не столь мятежным, как криушинский мужик, зазывавший к себе поэта запиской: «Придите. Вы самый близкий...»

Пётр Пронюшкин, узнав о нашем приезде, сам явился в гости и взялся травить байки, читать стихи Фёдора, давно им забытые. Шептливый, весёлый, он заряжал нас неизбывной энергией.

Кроме Петра Пронюшкина и Виктора Маликова (его образ выведен мною в романе «Крест бунтаря» под фамилией Валиков. — И. Г.), я подружился с братьями поэта — Петром и Николаем, с их женами — Марией и Ниной, с земляками Фёдора — Ниной Аникиной, Надеждой Гоголевой, Любой Нижегородовой...

В Авангарде на каждом шагу вспоминались стихи друга. Постоял у дома бабы Катерины, у которой «спина, как серп»; купаясь в речке, обжигавшей ключевой водой, видел, как «Встают шлемастыи стогами // Речушки Съезжей берега». Глядел на разорённые фермы, гаражи и восклицал: «Кричат поля пустые — // Доносит ветер стон. // Свирепствуют Батыи // Сегоднешних времён». Такое разорение

не в одном Заволжье, во всей России. Это — итог хвалёной перестройки демократов из горбачёвско-ельцинского призыва.

Поэзия Фёдора Вострикова, чьё имя стоит в ряду имён таких поэтов, как Алексей Кольцов, Иван Никитин, Сергей Есенин, Николай Рубцов, востребована жизнью. В Пскове (издательство ОЦНТ, 2006) стихи пермяка вошли в сборник «Его Божественная лира врачует души и сердца», посвящённый А. С. Пушкину. Составитель книжки Владимир Шульц, поэт и краевед, назвал Фёдора Вострикова «народным самородком».

В сборнике «Духовной жаждою томим», приуроченном к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина и изданном в Екатеринбурге, подборка стихов Фёдора Вострикова — одна из самых крупных. И неудивительно: он, отмеченный юбилейной Пушкинской медалью, объездил все места великого поэта и издал книгу «За осенью — осень». Там же, в Екатеринбурге, его стихи помещены в сборник «Любимых наших имена». Они соседствуют с произведениями классиков русской литературы: Константина Бальмонта, Валерия Брюсова, Николая Гумилёва, Сергея Есенина, Анатолия Жигулина, Любви Ладейшиковой, Юрия Конечского...

Подборки его стихов бывают в журнале «Воин России», альманахах и газетах.

Фёдор Востриков — дважды лауреат краевой премии в сфере искусства и культуры, почётный гражданин Алексеевского района Самарской области.

По мнению Татьяны Соколовой, поэт остался «в русле реалистической школы, извечно соединяющей гражданственность и лиризм, и в эпоху безвременья ярко продолжает... традиции, заложенные Александром Спешилковым, Борисом Михайловым, Клавдией Рождественской».

Шестого июня 2012 года, в день рождения Александра Сергеевича Пушкина, Фёдор находился в Пскове, на Всероссийском празднике пушкинской поэзии. В Святогорском монастыре, у могилы нашего гения, читал свои стихи, общался с поэтами: Владимиром Костровым, Александром Керданом, Натальей Лаврецовою, Игорем Тюленевым...

На святой земле бывали все светила русской поэзии. Был и Роберт Рождественский.

О Роберте Ивановиче — отдельно.

Однажды дочь Алла спросила меня:

— Что такое настоящая поэзия?

Под рукой оказался сборник стихов Фёдора Вострикова «И древняя, и будущая Русь».

— В нём, — сказал я, — найдёшь ответ на свой вопрос.

Она читала часа полтора. А мне подумалось: не перехвалил ли друга? Вскоре на глаза попала статья Алексея Решетова о творчестве Фёдора:

«...Мягкость, человечность, народность стихов Вострикова, его пейзажи, то по-пластовски яркие, то графически чёткие или дымчатонезные, русские характеры, не придуманные, не вычитанные, — всё это будет бесконечно близко и дорого многим любителям настоящей поэзии».

Выходит, я не ошибся. Мою правоту подтвердил и писатель Евгений Пермяк (Виссов). Он, рождённый в Перми в 1902 году и следивший за развитием литературы в родном городе из Переделкина, прислал Фёдору Вострикову его же подборку стихов с кратким росчерком пера: «Блеск!», а в письме заверил: «Вы абсолютный кандидат в члены СП СССР!»

И Фёдора Вострикова приняли в Союз писателей.

Весомую поддержку Фёдор получил от Алексея Решетова и Виталия Богомолова, отказавшихся от выпуска своих книг в пользу издания его сборника «Тёплые росы». Предисловие подготовил Алексей Решетов. Он же, помимо Виктора Болотова и Николая Домовитова, дал ему рекомендацию.

«С творчеством Фёдора Вострикова, — говорилось в ней, — я знаком более десяти лет, с первой его книжки “Отцовское поле”. Небольшая, но ёмкая и очень задушевная, она ещё раз убеждала в том, что на Руси всегда будут люди, говорящие самую суровую правду, люди, кому совесть и честь дороже чиновничьих похвал и признаний... “Танковой”, пробиваемой силой... к самоутверждению Фёдор Востриков никогда не обладал, но и дозволенной гласности покорно не дожидался. Он с первых шагов понял, что грех хоронить в себе самое заветное, не поделившись этим с читателем. Востриков неизменно верен традиционной, образной поэзии...»

С первого прочтения запоминаются по-детски бесхитростные и точные образы... И все чувства, все движения русского сердца на себе испытаны поэтом... И вторая книжка Ф. Вострикова “Прикосновение”, и особенно третья “Тёплые росы” — все о глубоких болях и редких радостях Родины. Так писать завещали ему славные учителя — Сергей Есенин, Николай Рубцов...»

Алексей Решетов предсказывал: «В Союзе писателей Фёдор Сергеевич Востриков не окажется случайным человеком». Те слова оказались вешими. Приёму Фёдора Вострикова в Союз (1993) содействовали известные поэты Юрий Кузнецов и Николай Старшинов.

С Николаем Старшиновым Фёдор познакомился в журнале «Молодая гвардия», когда приехал к нему из Перми по поручению Владимира Радкевича, попросившего доставить другу пермские миниатюрные книги.

Найти Николая Старшинова Фёдору помог редактор журнала Анатолий Иванов, автор талантливых произведений «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов». Ему, вернувшемуся с обеда, молодого поэта представила вахтёрша, интеллигентная сухонькая старушка, помнившая ещё «Сашеньку Фадеева». Фёдор сердечно отозвался о книгах Анатолия Степановича, и писатель порадовался «голосу из народа».

Приятельские отношения у Фёдора были с Львом Правдиным, получившим писательский билет ещё в 1934 году и некогда работавшим в «Средневожском комсомольце». Бывало, Фёдор с Маргаритой Николаевной, Владимиром Радкевичем, Николаем Вагнером, Анатолием Тумбасовым и Лидией Лисовенко, ведавшей культурой края, допоздна засиживались в его квартире. Разговоров-то бы-ыло! И сти-и-ихов, и пе-е-есен! Лев Николаевич любил волжские песни. Их для него и Светланы Владимировны, его жены, и гостей пела Маргарита Вострикова.

Стоило Фёдору возвратиться из отпуска с родины, как Лев Правдин тотчас зазывал земляка к себе. Он расспрашивал его о волжских писателях, памятных городских скверах, спусках к реке... И Фёдор делился с ним впечатлениями от посещения Самары.

Лев Николаевич тоже видел в нём незаурядного поэта и как-то сказал Радкевичу, что Фёдора надо было давно принять в Союз, и заключил:

— Талантливый он человек.

Таким талантливым, отзывчивым человеком Фёдор Сергеевич остаётся и поныне, продолжая творить добро, привитое ему с детства матушкой — Екатериной Денисовной. Он пишет: «Я чувства добрые не прячу». Но Фёдор Востриков — не бездумный добряк, и когда дело касается судьбы Родины, становится жёстким:

*...Оглохшие окраины
Дичают под ветлой.
И горестно, что Каины
Командуют землёй.*

Сын Заволжья и России, он не терпит несправедливости, существующей к русскому народу и самому себе. Мятежный поэт и после жизни желает прорасти берёзовой бунтующей рощей.

К своему 70-летию поэт, плодотворно работающий в литературе и пишущий стихи за Камой, издал честную книгу — «У природы жить учусь».

...Владимира Радкевича, было время, дружески обнимал Александр Твардовский, Радкевич — Вострикова, а Востриков — многих молодых поэтов. Так, по кругу, вершатся и дружба, и поэзия.

Нина ЗАМОРИНА

«Я ПРОСЫПАЮСЬ ВСЁ ГЛУБЖЕ». Эссе**О творчестве и жизненном пути
члена Союза писателей СССР В. Ф. Пановой****Вступление:****почему я пишу о Вере Пановой**

Порой происходят в жизни... нет, не события. Не случайности, тем более — не... Как назвать внутренние ощущения на грани предчувствий, которые начинают сбываться? По каким-то едва уловимым признакам вдруг начинаешь понимать, что приближается что-то важное, что станет частью тебя. Ты внутренне напряжён, из мелькающей суеты выделяешь события, информацию, фразы, которые пока ещё не вполне ясно, но уже настойчиво формируют центр притяжения твоих мыслей и чувств. Наконец ты понимаешь: вот оно — то, чего ты смутно ожидал, ради чего ты забудешь обо всем, что поглотит тебя полностью.

«Всё сошлось!» — радостно записала я в своём блокноте 20 марта. Это был знаковый день: день солнечного затмения и день рождения необыкновенной женщины, так написавшей о затмении солнца, как никто до неё не писал, — Веры Пановой.

Родившаяся и ушедшая в марте (20.03.1905 — 03.03.1973), Вера Фёдоровна Панова словно подтвердила датами своего рождения и упокоения народную примету: месяц до и месяц после дня рождения наиболее опасны для человека. Генетическая память хранит стресс появления на свет. Трижды лауреат Сталинской премии, член Союза писателей СССР с 1946 года, уроженка Ростова-на-Дону, долго прожившая в Ленинграде, она дорога нам, пермякам, так же, как Михаил Осоргин и Александр Спешников.

В год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, 80-летия Пермской писательской организации, в Год литературы в России отмечается ещё и 110 лет со дня рождения Веры Пановой, имеющей непосредственное отношение ко всем упомянутым событиям.

Моё знакомство с творчеством Веры Пановой произошло довольно рано. В кинотеатре с большим экраном мы, первоклашки, смотрели затаив дыхание на белобрысого мальчишку чуть младше нас, у которого родился братик, и всем было не до него, не до Серёжи. Глядя на этого мальчика, мы соглашались со всем: если у тебя есть

Нина Антоновна ЗАМОРИНА родилась 10 июля 1954 года в селе Григорьевском Нытвенского района ныне Пермского края. Окончила факультет иностранных языков Пермского государственного педагогического института (1976). Преподавала в школе; учитель немецкого языка. Работала главным редактором газеты «Нытвенские уездные ведомости». Руководитель Нытвенского районного литературного объединения «Родники» (2008). Публиковалась в альманахе «Литературная Пермь». Является литературным сотрудником Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России с 2013 года. Живёт в городе Нытве Пермского края.

велосипед, то тебя примут в любую компанию; мама страшно недогадлива — если ты не веришь, что Коростелёв тебя и вправду любит, то заставь его поклясться в любви словами «провалиться мне на этом месте». И ещё — какие же дураки эти взрослые, — подсунуть пустой фантик из-под конфеты, а потом хохотать...¹

А однажды в кино ходили мама и папа и долго обсуждали какую-то Евдокию, надо ли ей было ходить на Разгуляй. Каждый раз по мере моего приближения к ним они понижали голос, и я запомнила, что Разгуляй — это плохое место (одно название чего стоит), а Евдокия поступила плохо, «ладно хоть потом исправилась»²...

Взрослела я, а со мной выросли и мои интересы, но периодически появлялась в жизни неведомая мне Вера Панова, напоминавшая с экрана строкой в титрах, что именно по её произведению снят очередной запоминающийся фильм. Так сохранилось в моей памяти кино «Вылет задерживается» о судьбе военной переводчицы Ольги, роль которой исполнила Татьяна Лаврова³.

И я помню, как все приникали к экрану телевизора, когда появлялись титры «На всю оставшуюся жизнь» (до сих пор звучит в ушах песня, исполненная Петром Фоменко и Таисьей Калинченко)⁴.

Тогда была ещё жива моя мама, но уже не было папы. Но только теперь я понимаю, почему мама ловила с экрана каждое слово: папу, комиссара батальона, старшего лейтенанта Антона Вожакова, как и моего дядю, разведчика сержанта Михаила Пишикова, в тыловой госпиталь везли на санитарном поезде. О героических буднях санитарного поезда N 312 Вера Фёдоровна написала в повести «Спутники». Летом 1942 года папа написал маме в письме из алма-атинского госпиталя: «Тебя интересуется, где у меня сняли гипс. Гипс сняли здесь, в Алма-Ате. В этом «гробу» я лежал около 4 месяцев. Сейчас я самостоятельно могу вставать на ноги, но стоять могу очень недолго. С каждым днём чувствую себя крепче. Сюда я приехал 20 июня, ехали из Саратова восемь суток. Ехал в санитарном поезде. Там так же, как и в госпитале, полное обслуживание медицинским персоналом, в каждом вагоне сёстры и няни, койки на пружинах, кормили хорошо. В общем, санитарный поезд — это тот же госпиталь, только на колёсах».

«Чудо стиля»

Моё настоящее знакомство с творчеством Веры Пановой началось только в 1981 году, когда в «Новом мире» было опубликовано необычное произведение, анонсированное как роман-сказка. «Который час?» — назывался то ли роман, то ли сказка. Недоверие вызвал также подзаголовок «Сон в зимнюю ночь» — услужливая память подсказала шекспировский «Сон в летнюю ночь». Первый сон — о том,

¹ Повесть «Серёжа» написана В. Ф. Пановой в 1955 году, экранизирована в 1960-м (режиссёры Г. Данелия и И. Таланкин).

² Роман «Евдокия» («Семья Пирожковых») написан В. Ф. Пановой в 1944 году, экранизирован в 1961-м (режиссёр Т. Лиознова).

³ Фильм «Вылет задерживается» снят режиссёром Л. Марягиным в 1975 году по пьесе В. Ф. Пановой «Сколько лет, сколько зим...»

⁴ Четырёхсерийный телевизионный художественный фильм «На всю оставшуюся жизнь» снят режиссёром П. Фоменко по роману В. Ф. Пановой «Спутники» (1946 г.) в 1975 году.

как луну сняли с неба, — напомнил о сказке Корнея Чуковского, а второй сон, «длинный», влюбил меня в Веру Панову и в её книги «на всю оставшуюся жизнь». С тех пор я читаю не только романы, повести и рассказы Веры Фёдоровны, но и бережно собираю информацию о судьбе писательницы и её произведениях.

Оказалось, что ещё в 1939 году Вера Панова начала писать пьесу о часовом мастере, который решил повернуть время вспять, чтобы вернуть себе молодость. Исторический фон времени написания произведения был таков, что вторым фокальным персонажем пьесы становится сумасшедший, узурпировавший власть в некоем европейском городе, — можно было предположить, что речь идёт о прообразе фашистского диктатора. Пьеса в трёх действиях и шести картинах никогда не ставилась и не публиковалась. В 1943 году было пересмыслено её содержание, изменились имена героев и даже жанр — пьеса становится основой будущего романа-сказки. Но проходит ещё немало лет, в течение которых роман ждёт своего часа, а автор набирается житейской мудрости. В 1960 году в письме драматургу Александре Бруштейн В. Ф. Панова сообщила о своём намерении вернуться к теме этого произведения. И только через двадцать лет, когда автора уже не будет в живых, роман-сказка (роман-фэнтези, сказали бы мы сейчас. — *Прим. авт.*) будет опубликован в «Новом мире» — сын Веры Пановой — Борис Борисович Вахтин — найдёт в её архиве завершённое, глубоко философское, написанное в несвойственном ей формате, произведение «Который час?»

И начинаешь понимать, что имел в виду Евгений Шварц, рассказывая в своей знаменитой «Телефонной книге» о жизни и творчестве Пановой: «Веру Фёдоровну Панову знаю я мало. Да и вряд ли кто-нибудь знает её. Включая саму Веру Фёдоровну. Рост небольшой. Лицо неопределённого выражения. Чуть выдвинутый вперёд подбородок. Волосы огорчают — она красит их в красный цвет, что придает ей вид осенний, а вместе искусственный. Она очень больна... Часто прихрамывает. Через чулок просвечивает бинт повязки. Недавно перенесла инфаркт. На собраниях говорит не слишком ясно, однако решительно... Любит она играть в преферанс. Играет страстно, до рассвета. Но вот происходит чудо: Вера Фёдоровна принимается за работу... Божий дар просыпается в ней. Чудо, которому не устаю удивляться. Но в целом владеет она своим искусством, как всего пять-шесть мастеров в стране. В каждой её книжке непременно есть настоящие открытия... Определяет её именно это богатство. И не сердятся другие прозаики! Из первой тысячи! Другие мастера из первой пятёрки больше защищены. Поэтому бьют её. Нешадно».

К этому моменту мы ещё вернемся, а пока приведу несколько пространных цитат из исследования *Дмитрия Быкова «Вера Панова»*. Они не взяты в кавычки, так как изложены конспективно. Итак, Д. Быков считает Панову «чудом стиля» и называет три источника и три составные части этой стилистики. Первое: репортаж, газетная школа, акцент не на показе, а на пересказе, вынужденно беглом. Масштабных картин природы, описаний, призванных продемонстрировать авторские способности, нет. Читатель должен быстро, уколom, почувствовать главное и мчаться дальше. У Пановой главное происходит не в лексике, а в ритме фразы. Это репортёрская школа — быстро и незаметно прописывать фон, главное внимание уделяя диалогу и событию. Второе: кино (с

ним связана Вера Панова двадцать лет, существует четырнадцать экранизаций её произведений. — *Прим. авт.*) «Кино» — от «кинематика», то есть движение, а потому — ритм, чередование эпизодов, речевые характеристики. Третье: Серебряный век. Панова ещё застала ту эпоху. Она читала и почитала Блока, Чарскую, Андреева, Сологуба и научилась у них символизму, то есть общению, умению не всё сказать вслух. С учётом исторических реалий — это вынужденные недоговорки и умолчания. Будучи продиктованными чисто политическими моментами, они превратились в приём (такой мощный подтекст есть у Трифонова, Стругацких, Вигдоровой и Пановой — *Прим. авт.*).

**По праву читателя:
о романе-сказке В. Ф. Пановой «Который час?»**

Попробуем прочесть роман-сказку с точки зрения движения, символизма. Действие происходит в городке, в котором есть дворец (раньше, во времена безумств и преступлений, там жил король, а сейчас — сироты, это устроил глава города Дубль Ве, сам живущий в ратуше. — *Прим. авт.*); итак — есть ещё ратуша, которую украшают волшебные часы (их сделал мастер Себастиан, а присматривает за ними его ученик старец Григсгаген, часы никогда не врут. — *Прим. авт.*); больница — предположительно психиатрическая; парк и почта. Действующие лица — жители города с именами-символами, например, упомянутый Дубль Ве, госпожа Абе и госпожа Цеде, склочник Эно и авантюрист Элем, часовой мастер Анс, мальчик Илль. Эти имена не являются именами как таковыми, для простоты их можно записать следующим образом: W, AB, CD, NO, LM и т. д. Лишь у нескольких персонажей есть имена в привычном понимании слова.

В связи с предстоящим солнечным затмением в город приезжает иностранец, именуемый себя Астрономом. Действие сжато и происходит в несколько дней. Вдоль улицы бегут люди с чёрными длинными пистолетами — это сумасшедшие сбежали из больницы: Гун, переставший кусаться, но заболевший манией величия, с ним Эно и Элем. Мальчик Илль поясняет Астроному, кто же такой Гун: «Да просто дурачок. Идёт, бывало, весь в грязи и сам с собой считается: эники-беники ели вареники, эники-беникиклец. Кормили, чтоб не пропал с голоду. Разжирел. Начал кусаться. Пришлось его лечить».

В это время престарелый мастер Григсгаген, дни которого сочтены, в порыве влюблённости в заведующую городским цветоводством Белую Розу решает повернуть время вспять, чтобы обрести молодость. Ему удается перенастроить часы — они пошли вспять. Все хохотали! Безудержное веселье! Астроном: «Омерзительное зрелище!» Склочник Эно: «Кто может править, когда время сошло с ума? Только сумасшедший! Кто самый сумасшедший? Он!» Гун: «Я демократ!» (за ним дюжие мужики в рыжих пиджаках. — *Прим. авт.*) Авантюрист Элем: «Хочу быть главным! Где? Где-нибудь».

Вам это ничего не напоминает? Неужели предсказание Веры Пановой начинает сбываться? Впрочем, часовых дел мастера гангмахиры, штейнфассеры и демонтеры, как и фамилия Григсгагена (очень уж созвучно со словом *Krieg* — «война». — *Прим. авт.*), управляют нас в иные владения исторических гунов — от Волги к Рейну. Но почему тогда Григсгаген декламирует «Люблю грозу в начале мая» и добавляет, что когда-то он знал это наизусть до конца? Кстати, кого-

то смутно напоминает молодящийся Григсгаген: «Зеркала отражали старика на расшатанных ногах, с оскаленными сахарными зубами и чёрной как смоль головой». Не новорусских ли григсгагенов, «звёзд» эстрады и политических шоу, заполонивших современные СМИ, видим мы каждый день на экране?

Как наблюдательна Вера Панова, какая ирония — нет, уже сатира! И как прозорлива! «Возьмите козырного валета, дорогой Гун, он случайно оказался у меня», — лизоблудствует Эно в традициях нынешних чиновников. А проводы на отдых Григсгагена с предоставлением ему дома с полной обстановкой и неслыханной пенсией! А рыжий пиджак, оказавшийся под рабочим халатом? А тюрьма в бывшей больнице, где санитар Мартин приговорен к смерти только за то, что когда-то улыбался при виде Гуна? А «железно обутые» в тюрьме? А взвинченная толпа, орущая: «Эники-беникиклец!», в авангарде её госпожа Цеде с кофейником...

Что-то должно произойти — и происходит! «Показалось войско. Его было сто тысяч или сто миллионов, не сосчитать. Оно маршировало. Туп, туп. Оно состояло из мальчиков». И вот уже «Илля закопали в общей могиле с другими мальчиками и поставили железный крест».

Но даже при самом кровавом режиме люди способны мыслить и принимать решения. Госпожа Абе: «Зачем надела на шею его кровавое ожерелье? Выйдешь за безумного Гуна и будешь рожать безумят. Только один выход. Чтобы время пошло вперёд». Григсгаген: «Чуда не произошло. Тот, кто ведает чудесами, поступает бесхозяйственно. А кто его знает, как бы всё обернулось? Может, оболочка бы обновилась, а механизм нет? Зубы выросли бы, а душа продолжала сползать в могилу?» Ненни, девочка на костылях, обращаясь к Григсгагену: «Хотели опять быть сильным, ловким, бегать, а кому-то, само собой, пришлось за это заплатить...»

Григсгаген пошёл к часам, чтобы перевести их. Начинается восход солнца, он не успевает перевести часы. В этот момент начинается затмение. Солнечная корона! Сверху на башне несколько человек помогают втащить мастера на крышу, в том числе Илль: «Мы, убитые, тоже помогаем пустить время вперёд». Снизу рыжие пиджаки оттеснили народ и окружили башню, с ними Гун: «Куд-куда мы все денемся?» А в ответ: «В сумасшедший дом». Начали раскачивать башню, из стен выскакивали кирпичи, как зёрна из кукурузного початка. «Эники-беники...» И солнечная корона озаряла всё это.

А дальше право читателя домыслить: звон, Последняя Гибель, лавина, обвал, конец в мире, ничего, кроме звона... Это и правда конец? Или это конец сна? Зло можно победить, только погибнув вместе с ним? Но ведь есть ещё глава «Похвала будильнику»: «Я просыпаюсь всё глубже. Если засыпаешь глубоко, надо глубоко и просыпаться, иначе что же это будет с нами? Да здравствует Время, Идущее Вперёд!»

Исторические параллели

В далёком восемьдесят первом году роман Веры Пановой «Который час?» был воспринят мной как увлекательная готическая сказка. Необычные имена героев, молниеносно развивающийся сюжет, ключевое событие — обратный отсчёт времени — всё указывало на нереальность происходящего. Тогда ещё не носили малиновых пиджаков, поэтому

персонажи Веры Пановой в рыжих пиджаках напоминали скорее коричневые рубашки Третьего рейха. Ещё оставалось несколько лет до причисления всех и вся к демократам, и потому аналогия возникала только с Веймарской республикой — «демократией без демократов», — когда в Германии шаг за шагом приближалась диктатура, которая привела страну и всю Европу к небывалой трагедии.

В начале восьмидесятых назревали события в общественно-политической жизни нашей страны, которые впоследствии привели к исчезновению с карты мира СССР. Но чтобы любой авантюрист во всеуслышание заявлял: «Хочу быть главным. Где-нибудь»? Нет, это возможно только в комедии или сказке. Вы помните, как хохотали жители сказочного города, когда часы пошли вспять, а за ними и время? Как на волне этих событий к власти пришел сумасшедший? Это сейчас нам известны отечественные одиозные политические деятели, готовые ради рейтинга выплеснуть на визави воду из стакана. И некоторые из нас даже голосуют за них на выборах: мол, ради смеха поставим галочку, всё равно не пройдут.

Так было в начале тридцатых годов в Германии. Президент Веймарской республики Пауль фон Гинденбург отказал Гитлеру в его требовании назначить его (Гитлера) рейхсканцлером. Гинденбург презирал «странного ефрейтора», который, по словам президента, «мог бы стать министром почт, но уж никак не канцлером». Томас Вебер, преподающий историю в Абердинском университете, изучил письма и дневники однополчан Гитлера в Первой мировой войне. В них Гитлер предстаёт замкнутым человеком и предметом насмешек. Они потешались над будущим фюрером, говоря, что он и на консервном заводе умрёт от голода, потому что не умеет даже вскрыть банку с тушённой штыком¹.

На размышления о Гитлере наводит также и описание солнца и солнечного затмения. Гитлер создал организацию Hitlerjugend², систему воспитания и девиз, которые бы отводили всю юношескую энергию в национал-социализм. Девизом «Гитлерюгенда» было изречение: «Молодёжь выбирает свою собственную судьбу». Но эта судьба была связана с Гитлером: «В этот час, когда земля посвящает себя солнцу, у нас только одна мысль. Наше солнце — Адольф Гитлер». Конечно, оболваненные Гуном (и теми, кто привёл его к власти. — Прим. авт.), жители города в романе-сказке «Который час?», вопящие «Эники-беникиклец!», лишь с натяжкой напоминают граждан Германии, кричащих в экстазе: «Heil Hitler!»³, но Вере Пановой поразительно удалось описать зарождение, укрепление и разрушение тоталитарного режима.

Мне долго не давала покоя мысль о том, почему при жизни роман В. Ф. Пановой не был напечатан? Осмелюсь предположить, что Вере Фёдоровне был присущ дар предвидения. Её последние записи, по причине болезни надиктованные, а не написанные лично, говорят о том, что у писательницы было предчувствие краха. Вера Фёдоровна говорила о том, что будет не возрождение, а перерождение. Когда-

¹ В. В. Булавина. Третий рейх. — TheLib.Ru «Биографии и мемуары».

² Молодёжная организация Национал-социалистической рабочей партии «Гитлерюгенд», членами которой были только юноши.

³ Да здравствует Гитлер!

то она подписала письмо против Бориса Пастернака — из страха за семью, за детей. Думается, что страх за близких мог быть причиной того, что роман «Который час?», её детище, которое она вынашивала не одно десятилетие, был напечатан лишь после ухода из жизни Веры Пановой.

По моему убеждению, роман-сказка «Который час?» остро актуален в наши дни. Засилье чиновников, их умение мимикрировать при любой власти, пресмыкательство и мстительность — это реалии нашего времени и нашего общества. Не об этом ли предупреждала нас Вера Панова в своём «Сне в зимнюю ночь»? Новейшая история сопредельной Украины учит нас тому, что, к сожалению, не перевелись ещё желающие изменить ход истории и под благовидным предлогом обратить время вспять. Что из этого может получиться? Читайте роман-сказку Веры Пановой!

«Это была судьба»

Произведение автора — это, как правило, сам автор. Оно характеризует своего создателя не менее точно, чем автобиография или мемуары современников. Так что же происходило с Верой Фёдоровной Пановой на протяжении её писательской деятельности?

В «дописательской» биографии Веры Пановой было достаточно взлётов и падений, которых хватило бы не на один роман. Она с детства запомнила, что такое любовь: «Отец пожелал назвать меня Верой. Это было имя моей мамы. Отец сказал, что, сколько бы ни было у него дочерей, он всех назовет этим именем». Память сохранила знаки этой любви: мама, пианистка, сидит за роялем, а папа целует то руку, то волосы мамы. Выходец из купеческой семьи, выпускник коммерческой академии, отец не оправдал ожиданий семьи, женившись на «гимназисточке», и Вера с ранних лет чувствовала себя «вторым сортом». Когда в мае 1910 года отец на собственноручно построенной яхте «Вера» утонул в реке Дон на глазах матери, это стало точкой отсчёта борьбы за выживаемость. С двенадцати лет Вера Панова зарабатывала деньги репетиторством, с семнадцати начала работать в сфере журналистик (газете «Трудовой Дон», «Советский Юг», «Ленинские внучата», журналах «Костёр», «Горн» — материалы подписывались псевдонимом «Вера Вельтман»).

В двадцать лет она вышла замуж за журналиста Арсения Старосельского (1904–1953), родилась дочь Наташа, но ранний брак просуществовал недолго. Вскоре Вера Панова вышла замуж за друга Старосельского — журналиста Бориса Вахтина (1907–1938). Они прожили вместе около десяти лет, в семье появились сыновья Борис и Юрий. В 1934 году в Ленинграде произошло убийство С. М. Кирова, в 1935-м был арестован «оппозиционер и троцкист» Б. В. Вахтин. В 1938 году он погиб в СЛОНе, в пятидесятые посмертно реабилитирован. Но за год до его смерти Вере Пановой удалось добиться свидания с ним, «самым светозарным видением» её жизни. Им дали три дня по три часа (правда, в присутствии коменданта и целого цыганского табора, приехавшего навестить своего барона. — Прим. авт.). «Кому и чему мешало, что мы были счастливы?.. Комната в нишей избе на территории концлагеря. В присутствии коменданта и цыган. Прошавшись, я поцеловала Бориса и перекрестила его лоб. Я знала, он думал о самоубийстве. Мы ведь всё знали друг о друге». Он, который «в любой

толпе был на голову выше других», стал прообразом полюбившегося нам Коростелёва в повести «Серёжа». Думается, неслучайно и начало повести «Евдокия» («Семья Пирожковых»): «На улице Кирова, бывшей Пермской, стоит двухэтажный бревенчатый дом Евдокима Чернышёва, кузнеца». А как ещё напомнить читателю о «деле Кирова»?

Всё это — лишь пролог к писательской судьбе Веры Пановой. Впереди — Великая Отечественная война, заставшая В. Ф. Панову с дочкой Наташей в городе Пушкине Ленинградской области. Они хотели осенью сорок первого уехать в Ленинград, но не успели. Возможно, это их спасло. В захваченном Пушкине хозяйничали немцы, они погнали колонну гражданского населения в Эстонию, в том числе Веру Фёдоровну с дочерью. Каким-то чудом им удалось отделиться от колонны. Единственное место на всём белом свете, куда они могли идти, — село Шишаки на Полтавщине, где у матери Бориса Вахтина жили мать Веры Пановой и оба сына.

Начались холода. Где-то в застывшей грязи они нашли иконку-медальончик с оторванным ушком «Богоматерь, спаси и сохрани». Завернули в тряпочку, прикрепили на теле Наташи и пошли по бездорожью. «Засыпала от холода. Конец. Гибель. Смерть. Почём же я знала, что это была моя литературная судьба?» Судьба привела в синагогу в Нарве, где содержались советские военнопленные. Снова чудо — удалось бежать и оттуда. Как птицы находят дорогу домой? Как Вера Панова нашла дорогу по оккупированным землям и пришла в украинское село, где самые дорогие человечки — две мамы и два сына? Жить на оккупированной территории — что мы знаем об этом? Инстинкт самосохранения заставил часть жителей Шишаков уйти в лес и поселиться в землянках — так же поступили Пановы-Вахтины. Они возвратились домой с приходом Красной Армии, но от села остались только остовы печей — враг, уходя, сжёг всё дотла.

Как можно в хаосе войны найти нужного человека? Однако судьба снова на стороне Веры Пановой. Чудесным образом её первый муж Арсений Старосельский, отец Наташи, который находился в эвакуации в Молотове, устроил вызов в этот город для всей семьи. Так в конце 1943 года Вера Фёдоровна, её мать и трое детей оказались в глубоком тылу.

«Пермский период» Веры Пановой

«Пермский период» Веры Пановой длился три года. В город Молотов (Пермь) приехала она журналистом, автором двух пьес, а уехала отсюда признанным литератором.

Она определила детей в лагерь для эвакуированных ленинградских подростков, а сама работала на радио и в областной газете «Звезда», сотрудничала с Пермским отделением Союза писателей. Как-то в редакции «Звезды» Вере Пановой передали, что её приглашает для беседы ответственный секретарь Союза писателей Борис Николаевич Михайлов (1911–1976); ему этот пост передал в 1942 году Александр Николаевич Спешиллов (1899–1985). Речь шла о задании написать брошюру о буднях эвакуогоспиталя. «Борис Николаевич сказал мне: “Мы вам дадим командировку. Я уже всех опросил, все отказались. Вы последняя”. Я согласилась... Сануправлению нужно было моё перо. Этими людям нужны были мои уши. Мне этот поезд был нужнее, чем я ему. Я была на пределе. Я жила в лихорадочном режиме...»

Но главное, что «пребывание в удивительном коллективе ВСП-312 имело то значение, что тут я окончательно поняла: я буду писателем, потому что не могу им не быть; не могу не рассказать о жизненном подвиге этих людей... Это и будет мой посильный вклад — и в литературу, и в жизнь».

С декабря 1944 года Вера Панова совершила за два месяца четыре рейса в «образцовом» военно-санитарном поезде N 312 к местам боёв за ранеными, после чего опубликовала повесть «Спутники» (1946). Книга получила всенародную любовь и принесла автору славу. Невероятный читательский успех можно было сопоставить только с оглушительным успехом повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946).

Евгений Шварц: «Когда удалось ей выбраться на нашу сторону и пробиться в Молотов, где в те дни в основном сосредоточился Ленинградский союз писателей, пришлось ей вначале не слишком сладко, как лицу, побывавшему на территории противника. Но секретарь обкома или горкома по пропаганде Римская, которую ленинградцы называли мама римская — так как она возилась с нашими эвакуированными, — поняла положение Пановой. И добилась того, что устроила её в санитарный поезд. После своих путешествий в этом поезде и написала Панова первую вещь «Спутники». И получила Сталинскую премию, что и вызвало ненависть полувоплотившихся писателей. И в самом деле, обидно. За что? Почему избрана именно эта, столь простая на вид, иной раз совсем неубедительно разговаривающая женщина? Измученная огромной семьёй... она всё пишет. И едва принимается за работу — совершается чудо».

Ему ли, автору «Обыкновенного чуда», не знать об этом?

Чёрная кошка между «Анной всея Руси» и «Чудом стиля»

Однажды я споткнулась о фразу Лидии Чуковской из её «ахматовского» дневника «После конца». А. А. Ахматова ушла из жизни 5 марта 1966 года, запись в дневнике сделана Чуковской 9 марта, в день похорон. «В Ленинградской делегации были Олег Шестинский и Сергей Орлов. Панова? Не знаю, это было бы плохо, она не любила Анну Андреевну, Анна Андреевна её терпеть не могла...» А вот ещё одна дневниковая запись, сделанная тринадцатью годами ранее, но на этот раз не Л. К. Чуковской, а Е. Л. Шварцем. 7 марта 1953 года он записывает в дневнике о событии, посвящённом кончине И. В. Сталина: «Вчера в Союзе /писателей/ состоялось траурное собрание... Анна Ахматова вошла, сохраняя обычную свою осанку, прошла вперёд, заняла место в первых рядах. В президиуме — никого. Зал, переполненный и притихший-притихший, ждёт... После выступления нескольких поэтов и *Пановой* (курсив мой. — Прим. авт.) Прокофьев читает проект письма в ЦК, которое и принимается».

Когда ссорятся два любимых человека, трудно принять чью-либо сторону. Когда эти два любимых человека — Анна Ахматова и Вера Панова, когда конфликт произошёл так давно, что автора этих строк ещё не было на свете... Остаётся одно: попытаться понять, почему это произошло.

«Анна всея Руси» и простоватая Вера Фёдоровна, прячущая седую голову под огненной хной, — в принципе они не пересекались

ни в жизни, ни в литературе. Но в 1946 году был принят знаменитый ждановский указ, в результате которого Ахматову надолго отлучили от литературы (но не от творчества. — *Прим. авт.*), а Панову в том же году приняли в Союз писателей. Она получила квартиру в Ленинграде, в четыре последующих года стала трижды лауреатом Сталинской премии. Премии Сталина, которого так ненавидела Ахматова! Anne Андреевне пришлось унизиться, написав несколько хвалебных стихов о вожде; она сделала это ради спасения сына — Льва Гумилёва. И она презирала всех, кто получал подачки в виде премий из рук «усатого».

Однако думаю, что водоразделом стало отношение к Нобелевской премии Бориса Пастернака за роман «Доктор Живаго». Роман Anne Андреевне не нравился, но она дружила с Пастернаком и всячески поддерживала его, а Вера Панова поставила свою подпись в письме против Бориса Леонидовича. Вера Фёдоровна не могла простить себе этого до конца жизни, переживала, терзалась, но кому это сейчас интересно? Панова среди гонителей Пастернака.

Накалённая атмосфера ленинградской писательской организации никак не отразилась на отношении к третьему мужу В. Ф. Пановой — писателю-диссиденту Давиду Дару¹ (1910–1980). В мемуарах Чуковской «Записки об Anne Ахматовой» мы найдём много прекрасных отзывов о том, кто был рядом с Верой Пановой последнюю треть её жизненного пути.

Вернёмся к роману «Который час?», в котором трагикомически описаны похождения литератора в тоталитарном государстве. Это не калька с биографии Ахматовой или самой Пановой, а констатация факта, что любые отношения с властью — дружба ли, вражда ли — чреваты последствиями. В романе-сказке есть славный персонаж без имени — дурнушка, девушка-почтальон. Сияющая, довольная жизнью! В журнале «Зеленеющие почки» напечатаны её стихи. При новом правителе Гуне она приходит в министерство:

- К кому обратиться по делам поэзии?
- Делаю чего?
- Поэзии. Поэзии...
- Вам нужно обратиться в министерство авантюр.
- Почему авантюр?
- Думаете, это относится к министерству склок?..

Через несколько строк читаем:

— Хвалебная песнь про Гуна!
— Поздравляю, вы сделали блистательную карьеру. Ваша заслуга будет награждена. От имени правительства выражаю вам благодарность. И вот вам лента. Вы её будете носить через плечо. Напишем на ней вот так: «Наша лучшая поэтесса. Сочинила хвалебную песнь про Гуна». Чтоб все знали, кто вы такая.

«Лучшая поэтесса» гордо идёт по улице, но вдруг слышит:

¹ Давид Яковлевич Дар — эссеист, очеркист, автор философских трактатов, в дни ленинградской блокады вышел в свет его антифашистский памфлет «Господин Гориллиус» (1941). Тяжело раненный на ленинградском фронте, он долго лечился в госпитале в Перми, в Перми же написал «Рассказы о боевых друзьях» (1944). После болезни и смерти жены В. Ф. Пановой вышел из союза писателей, мотивируя свой поступок тем, что он — человек аполитичный, а Союз писателей — политическая организация.

— Бей дурнушку!... — в неё полетели камни.

— Бей его (Анса. — *Прим. авт.*), он заступается...

И это пишет обласканная властью Вера Панова?! «Да и вряд ли кто-нибудь знает её», — а сказочник-то оказался прав!

Другими глазами

Приведу несколько высказываний, позволяющих взглянуть на Веру Панову другими глазами.

«Дочь купца, жена расстрелянного врага народа, была на оккупированной территории» (Лев Лурье).

«Где-то оставила детей, живу птичьей жизнью, ни кола ни двора, и в это время чёрт знает на каких основаниях мечтаю стать писательницей и по целым дням что-то пишу на столе против пушкинского портрета...» (Вера Панова. «Моё и только моё»).

«У Пановой и у Твардовского была одинаковая репутация ругателей и чуть не самодуров — но реально оказалось, что они втащили в литературу огромное количество авторов и помогли сотням» (Дмитрий Быков).

«...По радио начинают передавать “Песенку американских бомбардировщиков”, которую я очень люблю и которую Вы презрительно обозвали занудой. Люблю джаз и такие славные слова: “Бак пробит, хвост горит, и машина летит на честном слове и на одном крыле”. Может быть, мне потому нравится, что я столько раз сама летала на честном слове и на одном крыле...» (Из писем Пановой к С. Разумовской).

«Можно присоветовать, как надо варить ши, чтобы они были вкусны. Нельзя присоветовать, как написать роман. Дело нежное, штучное» (Из рецензий В. Пановой).

«Мы беседовали с классиком отечественной литературы — Пановой. “Конечно, — говорю, — я против антисемитизма. Но ключевые позиции в русском государстве должны занимать русские люди”. — “Дорогой мой, — сказала Вера Фёдоровна, — это и есть антисемитизм. То, что высказали, — это и есть антисемитизм. Ибо ключевые позиции в русском государстве должны занимать НОРМАЛЬНЫЕ люди...”» (С. Довлатов. «Ремесло»).

«Я, Панова Вера Фёдоровна, родилась 20 марта 1905 года в Ростове-на-Дону, умерла 20 июня 1967 года, когда меня поразил инсульт, лишивший меня возможности ходить и владеть левой рукой. <...> несмотря на все усилия любящих близких, превосходных врачей и целой роты людей, помогающих мне в моём бедственном существовании, не могу без посторонней помощи ступить ни шагу...» (Вера Панова. «Моё и только моё»).

«...авось либо меня ещё потерпит судьба на земле хоть два-три года, на роман, думаю, хватит, мы порода рабочая... Если вам смешно читать эти оптимистические строчки, написанные старухой у края могилы, не спешите смеяться» (Из последних посланий В. Ф. Пановой, 1972).

Маленькая хрупкая женщина, с одинаковой ответственностью и любовью относившаяся к семье и профессии, Вера Панова даёт такой заряд жизнелюбия, что стыдно, право, на фоне её жизненных ситуаций говорить о своих проблемах. Хочется перечитывать её произведения — и удивительное дело: каждый раз ты становишься свидетелем новой грани человеческого и писательского таланта.

Елена РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ДНИ ВОЙНЫ СТОЯТ У МЕНЯ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ. Миниатюры

Я ВИДЕЛА МАРШАЛА ЖУКОВА

Сначала несколько слов о Доме Советской армии, где впервые мне довелось увидеть знаменитого полководца.

Детство и юность мои прошли в Свердловске. Мы жили вблизи Дома Советской армии, напротив Городка чекистов на улице Луначарского в небольшом деревянном флигеле (сейчас он снесён и там стоит пятиэтажный каменный дом. — *Прим. авт.*). В войну в эвакуацию в Свердловск приехал знаменитый Московский центральный театр Советской армии. И разместился в Доме Советской армии.

Мне удалось пересмотреть весь репертуар театра в Доме Советской армии. В основном это была зарубежная классика: Шиллер — пьесы «Разбойники», «Коварство и любовь», «Вильгельм Телль»; Шекспир — «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Сон в летнюю ночь», «Отелло», «Угрошение строптивой»; Мопассан «Милый друг». А также великолепный патриотический спектакль Г. Гладкова «Давным-давно» о войне 1812 года. Эта замечательная пьеса была своего рода визитной карточкой театра, как сказали бы сейчас, и шла на ура.

Артисты театра поражали хорошо поставленными голосами, изумительной дикцией и игрой. Это было целое созвездие «народных артистов». Слушать их было одно наслаждение. Текст они произносили не скороговоркой, а «с чувством, с толком, с расстановкой». Видно было, что артисты прошли школу Станиславского.

Запомнилась великая Мария Бабанова своим божественным голосом в спектакле «Ромео и Джульетта». В её обращении к Ромео было столько искренности, неподдельного чувства и очарования, что зал взрывался овацией.

Шёл послевоенный 1945 год. Нам с подружкой Люськой было по четырнадцать лет. Мы ходили на все спектакли по контрамаркам и сидели в ложе партера. А приносила контрамарки моя мама, писательница Клавдия Рождественская.

Она занимала ответственный пост — была главным редактором издательства «Свердлгиз», крупнейшего на Урале. В войну в Свердловск приехало в эвакуацию много писателей и деятелей искусств из Москвы, Ленинграда, с Украины и из Белоруссии.

Елена Леонидовна РОЖДЕСТВЕНСКАЯ — литературовед, журналист. Окончила Пермский государственный университет им. А. М. Горького, филологический факультет. Большое количество её трудов посвящено уральским писателям, работникам искусства и культуры. Публиковалась в периодических изданиях «Веси», «День и ночь», «Мы — земляки», «Урал» и других. Живёт в городе Перми.

В кабинете главного редактора часто собирались писатели. Здесь обсуждались планы издания литературы, формировались сборники и альманахи, обсуждались рукописи. Сюда заглядывал и театральный критик и искусствовед, завлит Центрального театра Советской армии Григорий Бояджиев, человек высокообразованный и обаятельный. Вот он-то и раздавал контрамарки писателям.

Бывая часто на спектаклях театра в Доме Советской армии, мы с Люськой чувствовали себя вольготно, и настолько освоились в театре, что весело сбегали по мраморным ступенькам широких лестниц, с разбега скользили в фойе по блестящему паркету.

Однажды, пробегая фойе, мы попали в зал с громадными колоннами. В центре стоял массивный бильярдный стол, обшитый красивейшим ярко-зелёным сукном.

От билетёрши мы узнали, что в обеденный перерыв, с двух до трёх часов дня, здесь бывает маршал Жуков.

Новость потрясла нас. И тут же в голову пришла дерзкая мысль — взглянуть на великого полководца хоть одним глазком.

На следующий день, едва дождавшись конца уроков, бросив сумки и наскоро перекусив, мы побежали в Дом Советской армии. Родители были на работе, нас никто не задерживал.

В зале, где находился бильярд, по краям стояли толстые колонны. За одну из них мы и спрятались. Но пришедшая охрана быстро нас обнаружила и предложила немедленно покинуть зал.

Мы слёзно умоляли их, и они, наконец, смиловались. Видимо, наши худенькие фигурки в коротких школьных платьицах, наши куцые тоненькие косички всё-таки убедили солдат. Нам было разрешено встать за одной из дальних колонн.

Вскоре появился сам Георгий Константинович Жуков: невысокого роста, крепкого телосложения, в обычном кителе тёмно-зелёного цвета, без всяких регалий. В его фигуре чувствовались мужественность, сила и твёрдость характера. Властный взгляд выдавал человека волевого. Маршал был серьёзен, сдержан, немногословен, углублён в себя.

Мы стояли поодаль, не шевелясь, прильнув к толстой колонне, выкрашенной жёлтой масляной краской, тихо-тихо, как мышки, следя за точными и уверенными движениями маршала.

Приходили сюда мы довольно часто. Солдаты к нам привыкли и даже здоровались как со старыми знакомыми.

Видя знаменитого полководца в непосредственной близости, мы испытывали непередаваемый восторг, от которого захватывало дух.

Хотя война закончилась, у нас дома всё ещё висела на стене карта Европейской части России, Украины и Белоруссии, где мы с папой отмечали красным карандашом освобождённые районы по сводкам Совинформбюро, которые зачитывал знаменитый диктор Левитан.

Как-то в школе нам раздали бесплатные билеты на документальный фильм «Разгром немецких войск под Сталинградом». В кино мы ходили с родителями. Перед нами прошли вереницы пленных солдат, понуро идущих по снегу, а также показали генерала Паулюса, который подписывал важный документ о сдаче армии в плен. Это было впечатляющее зрелище.

Я многое знала о маршале Жукове: это он вместе со Сталиным и членами Военного совета разрабатывал планы ведения войны, он

брал штурмом Берлин и возвестил об окончании войны. А позже я прочла воспоминания маршала, взяв книгу у знакомого военпреда, работавшего на заводе.

Прошло три года, и я вновь увидела маршала Жукова, но уже в торжественной обстановке.

Шёл май 1948 года. Мне уже было семнадцать лет, я училась в десятом классе. Маршал Жуков по-прежнему был главнокомандующим Уральского военного округа (УралВО).

Однажды мама принесла пропуск на Военный парад (небывалый случай! — *Прим. авт.*). И сказала:

— Тебе жить, ты и пойдёшь на парад!

Я ликовала. И 9 Мая к десяти часам отправилась на Площадь 1905 года (центр Свердловска. — *Прим. авт.*). Строгие охранники указали место на трибуне. Там уже толпился народ.

Наконец настал волнительный торжественный момент. На площади показался маршал Жуков — верхом на белом коне, в парадной форме. Это было неопишемое зрелище!

Присутствующие на трибуне встретили полководца громкими аплодисментами.

Гордо сидя на белом коне, маршал начал объезжать воинские подразделения, стоящие на площади, поздравляя с годовщиной Победы в Великой Отечественной войне. Его мужественный голос раздавался по всей площади, поднимая дух воинов, заряжая энергией, вселяя гордость за Родину, победившую немецких захватчиков. В ответ маршал слышал дружные приветствия воинов.

На параде присутствовали совсем молодые учащиеся Суворовского училища и авиационного, в парадной форме.

В конце парада произошла небольшая заминка: конь маршала запнулся, и его нога застряла в выемке брусчатки, которой была вымощена площадь. Тут же выбежали два солдата и в два счёта всё исправили.

Видеть воочию великого полководца, гордо восседавшего на белом коне, было непередаваемое счастье!

Прошло почти 70 лет с этого важного исторического события. Я сохранила в памяти образ маршала Жукова, величественно сидящего на белом коне и поздравлявшего войска с Великой Победой.

Бывая в Екатеринбурге, я обычно сначала иду к Городку чекистов. Его высокий полукруг в виде подковы виден издали. Иду дальше к Штабу по бульвару Ленина (красивое здание с колоннами светло-шоколадного цвета. — *Прим. авт.*), где размещалось военное ведомство, и где работал, как мы знали, маршал Жуков.

У здания Штаба водружён памятник Жукову, установленный в 1995 году (ещё при Росселе. — *Прим. авт.*). Легендарный маршал представлен сидящим на коне. У памятника солдаты несут службу.

Я останавливаюсь и в который раз разглядываю фигуру Жукова. И каждый раз с горечью отмечаю, что скульптор, изваявший фигуру маршала, допустил досадные недочёты: не добился внешнего сходства, не сумел подчеркнуть мужественность облика великого полководца, не выделил волевой подбородок, не показал твёрдость и власть взгляда. Хотя эти черты можно было легко уловить на многочисленных снимках Жукова, которые печатались в центральных газетах и других изданиях.

Я горжусь тем, что мне посчастливилось увидеть в жизни прославленного полководца.

НАШ ВОЕНРУК

Война вихрем ворвалась в нашу школьную жизнь. Уже в первый год войны школу взяли под госпиталь, а нас перевели в другую — подальше.

Директора Бориса Ильича, доброго и отзывчивого человека, вскоре мобилизовали. Позже узнали, что он погиб, и очень его жалели.

Теперь мы ходили в прежнюю школу-госпиталь выступать перед ранеными. Пели песенки и читали стихи, но очень стеснялись. Раненые лежали на кроватях, все в бинтах.

Война продолжалась уже три года. Я училась в шестом классе. Неожиданно нам ввели новый предмет — «Военное дело».

С нетерпением мы ждали прихода нового учителя. Было известно, что он фронтовик и долечивался после ранения в госпитале.

В класс вошла завуч школы вместе с молодым учителем. Он был высок и худощав, в гимнастерке тёмно-зелёного цвета.

— Знакомьтесь, — представила его завуч. — Это ваш военрук.

В тот год стояла тёплая осень. Занятия проходили во дворе школы, на спортивной площадке. Наш военрук был мягок и дружелюбен. Мы с удовольствием ходили на его уроки, и даже ждали их.

Он учил нас бросать гранаты, бегать, преодолевая препятствия, а также разбирать и собирать винтовку.

Нашим военруком мы гордились, понимали, что он прошёл тяжёлые испытания, участвовал в боях с фашистскими захватчиками, защищал Родину.

Случайно узнали, что у нашего военрука скоро будет день рождения. Время было трудное, и мы решили угостить его завтраком. Обычно после второго урока нам давали булочку и стакан сладкого чая.

В назначенный день буфетчица завернула в большой кулёк 32 булочки, а в другой кулёк отмерила 500 граммов сахарного песка.

Всё это мы положили на цветной поднос и вручили нашему учителю. Смушаясь, он отказывался от угощения, но мы настояли. Весёлым хором поздравили с днём рождения, пожелали здоровья и счастья.

Наш военрук был растроган, а мы радовались.

ЛЯРД И ШОКОЛАД

Шёл 1943 год — самый тяжёлый год войны. Мы жили в Свердловске. Родители приехали сюда после окончания ленинградских вузов по направлению. Я училась в школе. Мне было двенадцать лет. Я должна была покупать продукты по карточкам. Каждый день бегала в хлебный магазин. А мама всякий раз строго-настрого наказывала быть внимательной, чтобы не потерять карточки.

Семья у нас была небольшая: папа, мама и я. Папа получал 800 граммов хлеба, у него была рабочая карточка (он, инженер,

работал на производстве. — *Прим. авт.*) Маме давали 600 граммов хлеба — она была служащей, я — иждивенка — получала 300 граммов.

За остальными продуктами я ходила в другой магазин. Но полки продовольственного магазина давно пустовали. В лучшем случае там выбрасывали какой-нибудь один товар, но сразу же набегала огромная очередь.

Папа ездил в деревню менять вещи. Там он выменял патефон, которым его наградили на работе за успехи, на ведро картошки. То же произошло и с велосипедом.

Но однажды близкая соседка сообщила маме важную новость: в наш магазин завезли американские продукты. И, главное, отоварили сразу все талоны. Неслыханное дело!

На следующий день после уроков я побежала в магазин. Уж очень хотелось есть. Дома почти ничего не было. Но очередь в магазин оказалась большой. В этот раз мне пришлось стоять особенно долго — часов пять. Отойти из очереди было невозможно: кто отлучался, того больше не пускали. Правда, сердобольные старушки, стоявшие рядом, уговаривали меня побегать. Но я боялась потерять очередь. Решила стоять до победного конца.

Уже близился вечер. Часов в шесть пришла с работы мама и ахнула:

— Ты всё ещё стоишь как пришла из школы?

— Да, да, — подтвердили старушки. — Она даже никуда не отходила, хотя мы предлагали ей сходить размяться.

До прилавка оставалось ещё человек десять. Надо было простоять не меньше часа. Мне было жалко маму: она же пришла уставшая после трудового дня, а тут следовало простоять целый час на ногах.

Наконец наше терпение было вознаграждено. Мы отоварили все талоны на месяц. А продукты были необычными.

На талоны «масло» дали лярд — мягкий белый жир, который мы потом употребляли для жарки продуктов. Вместо яиц получили яичный порошок ярко жёлтого цвета. Отличные консервы — сосиски в желе — дали по талонам «мясо».

А вот на талоны «сахар» предложили ни с чем не сравнимое лакомство — толстые плитки шоколада. Они, правда, были очень твёрдыми, их приходилось грызть. Но всё равно плитки были очень вкусными. Все вокруг говорили, что брать шоколад вместо сахара невыгодно. Это, конечно, верно. Шоколад быстро съешь, а его надо растянуть на целый месяц.

Этот радостно-трудный день я запомнила на всю жизнь. Правда, с тех пор не могу стоять в очередях. Они меня тяготят.

Так я узнала, что союзники открыли Второй фронт. Для нас это было спасением, вторым дыханием.

Мы выжили.

«ПРОВЕРКА НА ВШИВОСТЬ»

Сейчас выражение «проверка на вшивость» получило иронический смысл, насмешливый. Я же вспоминаю, как в первый год войны (а мне тогда было десять лет. — *Прим. авт.*) нам пришлось столкнуться с реальным смыслом этого выражения.

Уже тогда санитарно-эпидемиологические службы не дремали. В Свердловск хлынул поток людей из Москвы, Ленинграда, Минска, Киева.

Домоуправления начали обеспечивать эвакуированных жильём за счёт уплотнения жильцов квартир.

Нас тоже уплотнили спустя несколько месяцев, подселив двух мужчин — отца и сына из Москвы.

А тогда, под вечер (дело было зимой. — *Прим. авт.*), когда родители уже вернулись с работы, к нам нагрянула санитарная комиссия из трёх женщин, закутанных в серые полушалки.

Они тут же огорошили:

— Мы должны проверить ваше постельное бельё. Где у вас спальня?

При этих словах я даже оцепенела, столь несуразными показались мне эти требования.

Первой по коридору шла моя шестиметровая комната, где я спала и делала уроки.

Надо сказать, что уже в первые месяцы войны из магазинов мгновенно исчезли наиболее ходовые товары, в том числе мыло.

На тот момент у нас уже не было лишних простыней.

А накануне мама пригласила к нам переночевать известного московского философа Якова Мильнера, который не смог устроиться в гостинице. И поселила его в моей комнате, постелив две большие ослепительно белые скатерти с небольшой мережкой по краям.

Утром, уходя в редакцию, Мильнер просто накинул скатерть-простыню поверх одеяла.

Увидев белоснежное бельё, комиссия, извинившись, спешно покинула нашу квартиру. До сих пор помню всю унижительность положения, в котором мы оказались.

А Яков Мильнер чуть позже прислал маме из Москвы новое издание «Краткого философского словаря», изданного Госполитиздатом и подписанного в печать 17 апреля 1941 года. Этот изящный том в 800 страниц среднего формата, в твёрдом ледериновом переплёте (редактор Я. Мильнер. — *Прим. авт.*) в дальнейшем мне очень пригодился. Я, студентка классического университета, сдавала многочисленные экзамены. Нужен был этот словарь и моим детям, студентам политехнического института, а сейчас — даже внукам, хотя, естественно, делались некоторые купюры.

Вот такая история.

СЛОВА ЛЮБВИ

Мы жили в центре Свердловска, рядом с Домом печати. Там работала моя мама Клавдия Рождественская — главный редактор «Свердлгиза», крупнейшего издательства на Урале. В её кабинете часто собирались писатели и деятели искусств. Обсуждались планы издания книг, рукописи авторов. Зачастую литературные разговоры продолжались после рабочего дня у нас дома.

Шёл 1944 военный год, тяжёлый и трудный.

На этот раз к нам пришли эвакуированные ленинградские писатели.

Среди них находилась и старейшая писательница Ольга Форш, к которой присутствующие обращались с особым почтением.

Разговоры, как обычно, начались с обсуждения военных сводок, затем перешли на литературные темы.

Когда воцарилась минутная тишина, неожиданно с дивана поднялся поэт Илья Садомов и взволнованным голосом начал громко читать свои стихи. О любви, чистой и прекрасной.

Все разом примолкли и погрузились в мир высоких чувств.

Солидный, с копной густых седых выющихся волос, поэт читал стихи проникновенно, с воодушевлением. Лицо его было озарено вдохновением, стихи следовали одно за другим. Это был большой цикл.

Восхитительные строки завораживали и потрясали. Поэт был в ударе.

Услышав роскошное чтение, я вышла из смежной комнаты, встала у приоткрытой и с восторгом слушала. Это была настоящая поэзия, и все это понимали.

Громкие аплодисменты были наградой талантливому автору.

На всю жизнь врезался в память этот неповторимый вечер замечательных стихов о любви.

А война ещё продолжалась...

АВТОГРАФ

У меня в архиве хранится много книг с автографами. Все они адресованы моей маме — писательнице Клавдии Рождественской, которая была главным редактором издательства «Свердлгиз», крупнейшего на Урале.

Тогда Свердловск был центром Уральской области. Здесь издавались книги нескольких областей, в том числе Перми, Челябинска, Кургана, Тюмени.

Позже, в 1950-е годы, Клавдия Рождественская, переехав в Пермь, возглавила Пермскую писательскую организацию, где проработала два срока подряд.

Она была личностью масштабной и неординарной. Большое внимание уделяла начинающим писателям. Умела разглядеть в человеке талант, поддержать его, вдохновить, помогала подготовить первую книжку к изданию.

Клавдия Рождественская была наставницей многих уральских писателей, которые называли её «своей крёстной матерью», благодарили за чуткость и внимание.

Но среди самых интереснейших автографов выделяется одно высказывание — поэтичное и нежное:

«Ваше внимание к моей творческой работе было дуновением, оживившим во мне искру... И, как бы ни сложилась моя литературная судьба, я всегда буду благодарен Вам за чуткость, за Ваши добрые советы, которые воспитывали во мне писателя».

Так написал в военном 1942 году Иосиф Друц, молодой ленинградский писатель, приехавший в эвакуацию в Свердловск.

Спустя десяток лет знаменитый Виктор Астафьев назовёт Клавдию Васильевну «своей благодетельницей и наставницей».

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Когда началась война, я уже окончила два класса начальной школы. В таблице стояли выведенные каллиграфическим почерком отметки, в основном «отл». И только по арифметике «хор». В школу пошла, умея читать. Дома было много детских книжек.

Молодая учительница — а звали её Евгения Мартыновна Русанова, — учившая нас, имела приятную внешность, одевалась со вкусом, объясняла новый материал доходчиво.

Ко всем относилась одинаково ровно, не кричала даже на расшалившихся мальчишек на задней парте.

Но однажды в наш класс поступили две новые девочки. Вели они себя несколько странно. Ни с кем не общались, только друг с другом, демонстративно показывая, что не хотят разговаривать.

Класс у нас был дружный, и такое поведение новеньких вызывало удивление.

Одну из них — худенькую, маленького роста Зину Евстифееву мы окрестили «фифочкой» и «задавакой». Она приходила в школу каждый день в новом платье, а в косички ей вплетали разноцветные ленточки. Её одевали как куклу. Нет, мы не завидовали её нарядам и ленточкам. Но её откровенная заносчивость раздражала.

Вторая девочка — Таня Вершинина — была более покладистой, хотя тоже первое время сторонилась ребят.

За первой девочкой всегда приходила мама и о чём-то подолгу разговаривала с учительницей.

Вновь пришедшие девочки учились обычно, знаниями особо не блистали. Удивительным было то, что наша любимая Евгения Мартыновна вдруг изменилась до неузнаваемости. Она завышала новеньким оценки, и это неприятно резало ухо.

А ларчик открывался просто. Мы узнали, что вновь пришедшие были из семей высшего начальства. У Зины папа был полковник, у Тани — генерал. Этим и объяснялись их спесь и некоторая заносчивость.

Мы видели, что Евгения Мартыновна заискивала перед Зининой мамой, чувствовали в её голосе подобострастие и сверхлюбезность.

Осенью, вернувшись в школу после летних каникул, мы узнали, что Евгения Мартыновна, которая уехала на Украину, оказавшись на территории, захваченной врагом, погибла.

Сожаления не было.

ВЕРТИНСКИЙ НА УРАЛЕ

После окончания войны, зимой 1946 года, к нам в Свердловск приехал с концертом Александр Вертинский. Это был один из его первых приездов на Родину, куда он давно стремился попасть.

В пригласительном билете значилось, что этот единственный концерт будет дан для интеллигенции города.

Билет на двоих получила моя мама Клавдия Рождественская — главный редактор издательства «Свердлгиз», крупнейшего на Урале.

На концерт мама взяла меня, тем более я, пятнадцатилетняя, была уже завзятой театралкой. В этом не было ничего удивительного:

мы жили в центре города, рядом были три театра. Чаше я ходила в оперный. Билеты на галёрку были дешёвыми: стоили пять рублей.

Концерт Вертинского должен был проходить в оперном театре и был назначен на шестнадцать часов.

Уже на подходе к театру, по мере приближения, мы увидели большую толпу людей, жаждавших купить билетик. В основном это были мужчины. За билет предлагали сто рублей (немалая сумма в то время. — *Прим. авт.*).

Кругом царило возбуждение. Меня удивил этот небывалый ажиотаж. Вертинский тогда не был широко известен. Но народ, видимо, знал его, ловя его песни по приёмнику.

Зал был уже полон, но мы всё-таки нашли места в партере.

Наконец на сцене появился Вертинский. Высокий, худошавый, с уже поредевшими седыми волосами, в элегантном чёрном фраке. Певец держался предельно просто и сразу завоевал расположение публики.

Когда Вертинский запел, в зале воцарилась тишина.

Коротенькие песенки с незамысловатыми сюжетами повествовали о глубоких чувствах — любви, грусти, радости и счастье. Они поражали искренностью, изяществом и простотой.

Запомнилась песенка, полная боли и грусти, посвящённая Вере Холодной, умершей в эпидемию от испанки в 1918 году.

*Ваши руки пахнут ладаном,
На ресницах спит печаль,
Ничего теперь не надобно,
Ничего теперь не жаль.*

А вот песенка о балерине была исполнена певцом совсем в другом ключе. Мы увидели образ кокетливой и озорной танцовщицы, которая стремилась всем доказать, как она хороша.

*Я маленькая балерина,
Всегда мила, всегда мила...*

Жестами, движениями и чуть пританцовывая, певец углубил образ хорошенькой танцовщицы.

Публика в зале восторженно принимала каждый номер программы, награждая певца нескончаемой овацией.

Великий артист, вернувшийся из эмиграции, был с радостью принят на Родине.

ПОДАРОК

В годы войны мы жили скудно: как и все вокруг, бедствовали. Шёл 1942 год.

Папа мотался по командировкам, работая на подстанциях (оттуда ухитрялся привозить белые булочки — «венские». — *Прим. авт.*). Мама была углублена в работу с начинающими писателями. У неё была задача — поднимать и развивать уральскую литературу, в том числе детскую.

Однажды молодая поэтесса Елена Евгеньевна Хоринская принесла маме — главному редактору издательства «Свердлгиз» — рукопись со стихами для детей о пожарах и причиняемых ими бедах.

Проглядев рукопись, Клавдия Васильевна опытным глазом увидела рациональное зерно, почувствовала, что автор любит ребятишек, понимает их душу. Но рукопись требовала существенной доработки. Было ясно, что при умелой правке из неё могла выйти отличная книжка для детишек младшего возраста.

В кабинете главного редактора было шумно, толпился народ. А работа над рукописью требовала тишины. И Клавдия Васильевна предложила автору после работы зайти к ней домой.

Вечерами я неизменно заставляла маму с карандашом в руке вместе с сидящим тут же, за столом, автором, которому разъяснялись законы литературного мастерства. Так шла правка текста.

Разбирая стихи молодой поэтессы строчку за строчкой, Клавдия Васильевна указывала на огрехи: невыразительность языка, случайные слова, бедные рифмы, размытость сюжета. Она предложила развить и углубить тему, чтобы маленький читатель чётко уяснил, что спички — опасная вещь, а пожар — огромное бедствие.

В результате совместных усилий выкристаллизовалось и название будущей книжечки — «Спичка-невеличка».

Заряжая своей энергией, Клавдия Васильевна учила автора упорно работать над текстом. А главное — убеждала начинающего сочинителя думать и размышлять над каждой строчкой.

Доработанный материал следовало принести на следующий день.

Не один вечер провела Клавдия Васильевна за правкой текста начинающей поэтессы. Так у меня на глазах рождалась книга.

Наконец рукопись была готова к печати. Художник сделал рисунки, и книжка вышла в свет.

Небольшого формата, в яркой жёлтой обложке (цветная печать ещё только осваивалась. — *Прим. авт.*), книжечка привлекала внимание и имела успех у ребятишек. Автор и редактор радовались.

Но однажды Елена Евгеньевна пришла к нам домой в неурочный час — в три часа дня, когда мама была ещё на работе.

Раздевшись, она выложила на стол дорогие гостинцы: апельсин, баночку малинового варенья, цветные лаковые картинки, на которых были изображены фигурки Деда Мороза и Снегурочки под ёлочкой, а также коричневый кожаный портфель, чуть потёртый.

Это были царские подарки в условиях военного времени.

В одно мгновение я съела апельсин и половину баночки варенья, а в портфель сложила тетрадки, учебники и пенал. От лаковых фигурок не могла оторвать глаз.

Елена Евгеньевна, конечно, была наслышана, что Клавдия Васильевна слыла женщиной строгих правил, человеком справедливым, никогда не нарушающим своих принципов, пользующимся заслуженным авторитетом.

Поэтесса предусмотрительно пришла заранее, чувствуя некоторую неловкость. Но с приходом Клавдии Васильевны всё пошло наперекосяк. Увидев разложенные подарки, она в гневе потребовала всё немедленно вернуть, что и было сделано. Жаль было портфель, в который я уже сложила учебники, тетрадки и пенал, ведь мой портфель совсем порвался. Удалось вырвать только красивые лаковые

фигурки с ёлочками (их из-за границы привёз муж поэтессы — главный инженер завода. — *Прим. авт.*).

Елена Евгеньевна была очень обижена. Но по молодости поэтесса не понимала, каким может быть резонанс, каковы могут быть последствия. Она не предполагала даже, какой урон могла нанести главному редактору. Вокруг издательства всегда кружило много недоброжелателей, которые так и норовили вставить палки в колёса. Были завистники, которые могли раструбить по всему свету сам факт, были и недовольные сочинители, чьи рукописи были отклонены, также графоманы-горлохваты могли с лёгкостью необыкновенной выдать сам факт подарка как взятку. Стоило только поэтессе намекнуть о подарке или обмолвиться хоть одним словом, и пошло-поехало. Им ничего не стоило опорочить честное имя. А там попробуй разберись! Время было сложное.

Клавдии Васильевне пришлось сурово наказать автора.

Друзья, конечно, знали о бескорыстии главного редактора.

Поэтесса затаила обиду на многие годы. Ей было невдомёк, что её безобидный подарок мог обернуться взяткой.

Как-то, приехав в Свердловск, я, придя в книжный магазин, наткнулась на книгу воспоминаний уральских писателей — «Слово о товарищах». Книга вышла в свет в 1980 году в Свердловске. Большого формата, довольно толстая, с фотографиями, в ней было страниц четыреста. На видном месте был снимок Клавдии Васильевны. Речь шла о 1930–1940-х годах. Большинство писателей по-доброму отзывалось о Клавдии Васильевне Рождественской, которая за двадцать лет работы в издательстве подготовила к изданию и выпустила в свет немало художественной литературы. Они помнили свою наставницу, которая дала им путёвку в жизнь.

Поэтессы Елены Евгеньевны в их числе не было. Она написала воспоминания о двух других писателях, а в одной из статей, затаив обиду, вскользь упомянула главного редактора, бросив такую фразу: «Из соседней комнаты доносился глухой голос К. В. Рождественской». Что ж, этого и следовало ожидать.

Будучи в Екатеринбурге, я позвонила Елене Евгеньевне и невинным голосом спросила:

— Елена Евгеньевна, вы почему-то о Клавдии Васильевне ничего не написали, я-то помню, как она с вами занималась, и не один вечер.

— Ну что ты, Алёнушка (она назвала меня детским именем. — *Прим. авт.*), я же написала о двух писателях. А о маме вспомнили другие писатели, — так уклончиво ответила поэтесса. Слыша её дребезжащий старческий голос, я не рискнула ворошить прошлое. И не стала ни о чём вспоминать. Это были уже 2000-е годы.

Года три назад я увидела её в Доме писателя на вечере одного писателя-юбиляра. Её, немощную и слепую, выкатили в коляске на сцену, и она громко, без запинки прочла довольно длинное стихотворение, посвящённое юбиляру. Зал аплодировал.

А недавно поэтесса ушла из жизни. Ей было 100 лет.

Известный свердловский писатель Борис Рябинин ещё в 1988 году выпустил книгу «К. В. Рождественская — писатель, редактор», изданную в Перми. А сейчас эта книга переиздана, но уже в Екатеринбурге. Она вошла в один из томов собрания сочинений Бориса Рябина.

Владимир ПАНТЕЛЕЕВ (об авторе см. с. 244)

НЕЗАБЫВАЕМОЕ ПРОШЛОЕ. Воспоминания

На Великую Отечественную войну из нашей семьи ушли 5 человек: отец, три моих старших брата и старшая сестра.

Погибли два брата: Василий и Дмитрий. Отец вернулся раненым и контуженым — он вначале почти ничего не слышал. Постепенно, с годами, слух стал возвращаться к нему. Он был мастером на все руки и даже играл на гармошке. Но после войны не брал её в руки ни разу, а по праздникам старался уединиться, и я часто видел в глазах его слёзы.

Лишь потом, когда я подрос, узнал от матери, что он очень любил своих погибших сыновей, а в смерти младшего, Мити, винил себя...

...Итак, октябрь 1941 года. Наш колхоз выполнил план сдачи хлеба государству, и отец — тогда председатель колхоза — вместе с бухгалтером и кладовщиком ещё раз проверяли остатки урожая: сколько можно дать колхозникам за трудодни, то есть за работу. Вернее, не колхозникам, а в основном колхозницам — мужчин в деревне уже почти не было. Тогда, во время войны, первым делом забирали на фронт мужчин из деревень — они не работали на заводах, выпускающих самолёты, танки, пушки, боеприпасы.

Остатки урожая были небольшие, а ведь требовалось ещё учесть, что были семьи, где работала только одна женщина, а у неё было 3–5 детей. В некоторых семьях остались нетрудоспособные родители или женщины с грудными детьми, а сыновья и мужья уже воевали.

И ещё: районный уполномоченный по хлебозаготовкам Захар Семёнович уже намекал отцу, что неплохо бы план перевыполнить — это оценит руководство района, им тоже надо выглядеть хорошо перед областным начальством. Но тогда отец это предложение посчитал несерьёзным. Ведь если план перевыполнить — значит оставить всю деревню без хлеба. Да, картошка и овощи у многих были. Но хлеб, ну хотя бы немного, всё равно был нужен.

Холодным октябрьским днём Захар Семёнович подкатил на своём тарантасе прямо к правлению колхоза. И уже потребовал сдать все остатки урожая, то есть перевыполнить план. Все доводы, что этого нельзя делать, так как надо сохранить людей и на будущее оставить — урожай надо выращивать и в 1942 году, — были отвергнуты. Разговор закончился на повышенных тонах, но каждый остался при своём мнении.

Кто из них прав — судите сами.

Отец не знал, что немцы уже у ворот Москвы. В деревне не было ни радио, ни электричества, газеты с начала войны уже не привозили, изба-читальня была закрыта, а библиотекарь Серёжа добровольцем ушёл на войну. Слухи о войне доходили с большим опозданием. Ведь до ближайшей железнодорожной станции было не менее 70 километров.

Через два дня отцу пришла повестка на фронт. Отсрочка от мобилизации, так называемая «бронь», которую ему дали как имеющему десять детей и председателю колхоза, была снята. Этого следовало ожидать.

Но повестка пришла и его несовершеннолетнему сыну Мите, который должен был идти в армию только через полтора года. Это

было наказание отцу за неповиновение районному начальству. Пусть знает и помнит! И это отец запомнил на всю жизнь...

Когда ему вновь предложили поработать председателем колхоза, он отказался.

После войны он увёз семью в большое уральское село, раскинувшееся на берегу капризной красавицы — реки Чусовой. Он думал, что прошлое останется там, в глухой уральской деревне. Но, оказывается, оно никогда не забывается и преследует человека всю жизнь.

Елизавета МИШАРИНА (ШУСТИКОВА)

ВОСПОМИНАНИЯ ТРУЖЕНИЦЫ ТЫЛА (19 февраля 2015 года)

Я родилась в деревне Шарынино Уинского района 28 августа 1928 года в большой крестьянской семье. Я была старшим ребёнком в семье, где было 7 детей. Мои родители — отец Григорий Лаврентьевич Шустиков и мать Александра Ефимовна — работали в колхозе имени Кирова. Отец был бригадиром двух полеводческих бригад (выращивали пшеницу, лён, коноплю. — *Прим. авт.*), потом агротехником, мама трудилась в поле. Колхоз имени Кирова до начала войны был сильным хозяйством. Я помню, что в соседних сёлах Медянка и Суда не было электричества, а у нас уже в 1936 году была своя электростанция. Электриком была моя тётя Паня (Павла Лаврентьевна Шустикова). Свет подавался в дома только на ночь, днём же его отключали.

До начала войны в колхозе было 8 полеводческих бригад: по 2 в д. Осетры и Шарынино, в д. Мишары, Шустики, Красноборы, Фадино. Всего было примерно 300 личных хозяйств, 8 конных дворов. Была своя конеферма, где разводили племенных кобыл и жеребцов.

Я начала работать в колхозе в 1940 году. Мы, ребяташки, помогали на прополке пшеницы, овса, яровых, выдёргивали осот. В колхозе были развиты полеводство и свиноводство. А какой клуб был у нас в Шарынино: двухэтажный, с террасой, там вечерами собиралась молодёжь. Пели песни под гармошку, танцевали.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 12 лет. 22 июня, в воскресенье была тёплая солнечная погода, молодёжь гуляла вечером, ничего не предвешало беды. Мы узнали о начале войны только 23 июня. У нас не было радио, а в правление колхоза по телефону сообщили эту страшную новость только в понедельник. Если честно, мы совсем не представляли, какая это будет жестокая война. Сколько трудностей и лишений предстоит нам выдержать, сколько судеб будет сломано за эти 4 года....

Отца забирали в армию в мой день рождения, 28 августа 1941 года. Мы ехали в уинский военкомат на лошадке, провожали отца мама, я и братишка Коля. Огромный обоз из множества подвод растянулся на большое расстояние. Ночевали в Суде у родственников. Там и была переключка по фамилиям отправленцев. Пятилетний брат Коля на всю жизнь запомнил многие фамилии и потом часто вспоминал этот эпизод.

Елизавета Григорьевна МИШАРИНА (ШУСТИКОВА) родилась в деревне Шарынино Уинского района 28 августа 1928 года в многодетной крестьянской семье, где росло семеро детей: она была старшим ребёнком. В 1940 году начала работать в колхозе. В годы войны на её долю выпал не по возрасту тяжёлый крестьянский труд. Отец в декабре 1941 года погиб на фронте под Москвой. О пережитом в войну, о горестных воспоминаниях первых послевоенных лет рассказывается в данной публикации — вкладе в общую картину народных страданий. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью «Ветеран труда», пятью юбилейными медалями. Живёт в селе Орда Пермского края.

Сперва отца отправили в Кыласово Кунгурского района на сборный пункт. Там формировался полк дивизии, в которой он будет воевать. В течение сентября и октября их обучали основам военного дела. Я помню, как мы с мамой ездили в сентябре к нему на свидание. Нам очень повезло, что до деревни Садоягодное нас довезла попутная машина, а оттуда пешком (это где-то 30 километров. — *Прим. авт.*) мы дошли до Кыласово. Новобранцы квартировали в домах. Спали кто на соломе во дворе, кто в сарае. После встречи с отцом хозяйка дома великодушно разрешила ночевать на кухне. Спали на голом полу. Рано утром мы попрощались с отцом, и он ушёл на учения. Это была моя последняя встреча с ним. А мы отправились обратно, на перекладных домой. Где-то пешком, а от Кунгура на лошадке попутно с шарынинцами.

На фронт отца отправили в октябре 1941 года. Была с дороги открытка, что везут на Москву. Через год маму вызвали в уинский военкомат и сообщили, что красноармеец Шустиков Григорий Лаврентьевич пропал без вести в декабре 1941 года под Москвой. Лишь спустя сорок с лишним лет после запросов в архив, мы узнали, что он похоронен в братской могиле в деревне Бережки Тверской области... Его останки (медальон, личные вещи. — *Прим. авт.*) нашли поисковики.

...А между тем мы вернулись в деревню и занялись тяжёлым каждодневным трудом. Мама Александра Ефимовна с раннего утра до позднего вечера работала в колхозе. Поскольку я была старшей в семье, я взяла на себя весь груз забот по дому. Ухаживала за скотиной, работала на огороде, нянчилась с братьями и сёстрами, следила за порядком в доме, помогала колхозу. Помню, что лето 1941 года было очень жарким. Чтобы выполнить норму по прополке в 20 соток на человека, мы не уходили с поля. Там стояла избушка, где мы порой и оставались на ночлег. Пололи колючий осот — перчаток, как сейчас, конечно, не было. Руки наши к осени стали шершавыми и грубыми... Ходили в лаптях и портянках. Лапти очень берегли, ведь стоили они где-то 100 рублей. А пенсия по потере кормильца была 70 рублей. И налоги были примерно такими же. Но это уже другая история...

Лето 1942 года было тяжёлым. Я работала в мехотряде (мне было всего 13 лет. — *Прим. авт.*), заправляла газогенераторный трактор, таскала в мешках берёзовые баклашки — эти «дрова», чурочки около десяти сантиметров в длину, служили топливом для трактора. Такие баклашки мы пилили пилой вручную всю зиму.

Потом работала прицепщицей на колёсном тракторе. В колхозе было несколько таких тракторов, ими управляли исключительно женщины. Надо сказать, что во всём колхозе было всего двое мужчин, вернувшихся с войны инвалидами. Бригадиром полеводческих бригад были женщины — Осетрова Анна Григорьевна, Мишарина Таисия Ивановна и Красноборова Афанасия. Работали мы с 6 утра до 6 вечера, выходных не было. Когда возвращалась домой вечером, надо было накормить ребятню, вымыть посуду, убрать скотину и т. д. А к шести утра снова на работу. Всегда очень хотелось спать. Когда ломался трактор, случалась маленькая передышка. Однажды в одну из таких передышек меня чуть не запахал другой трактор. Я уснула в борозде и лишь чудом осталась жива. В другой раз меня едва не убило болтом от плуга, он сорвался. Был удар, от которого

всё потемнело в глазах. Кровь полилась ручьём. Я перевязала рану косынкой, и пошла работать дальше...

Все домашние дела делали исключительно вечерами. Помню, как мы, ребята, копали картошку, я была за старшую. Стоял октябрь, пролетали белые мухи, земля была тяжёлая, глинистая, огород огромный. Нарыли картошки. А сил собирать её и таскать нет. Холодно, темно. Братя, Толя и Коля, плачут. И вдруг мы увидели маму Александру Ефимовну! Как были рады, что мы не одни! Маму мы практически не видели, так как она от зари до зари работала в поле. Мне запомнились её распухшие руки, из которых сочилась кровь. Чтобы заживить раны, она смазывала ладони на ночь простоквашей.

...Летом 1943 года мы работали на прополке льна, яровых. Осенью убирали урожай. Помню, как поздней осенью промерзли ноги в лаптях, так что дома приходилось отдира́ть лапти от портянок. Зимой молотили зерно на «сложных машинах» (так называли агрегат, который обмолачивал снопы. — *Прим. авт.*). Мы, подростки, подносили большие снопы к этому агрегату. Очишали зерно и веялками, которые крутили вручную.

В 1944 году меня взяли на работу в правление колхоза, днём я занималась учётом трудодней колхозников, а ночью чистила зерно на складских веялках.

В мае 1945 года мы заготавливали дрова для колхоза. Ходили в лес за 5–8 километров, провизию и пилы ташили на себе. Идём из леса уставшие, а навстречу Тася Осетрова на велосипеде едет и кричит нам: «Победа, бабоньки, победа!.. Мой муж скоро вернётся!» Как мы обрадовались, что наконец-то закончилась эта война... А Тася через месяц получила похоронку на своего мужа: он погиб 9 мая 1945 года. Тася стала вся чёрная-чёрная, ревела в голос и не выходила неделю из дома...

В колхозе имени Кирова я работала до августа 1949 года. Годом ранее я вышла замуж за Мишарина Василия Ивановича. Он вернулся с фронта в марте 1947 года инвалидом II группы. Приехал в деревню израненный: было у него прострелено лёгкое, не поднималась рука, делать физически он ничего не мог. Как мне приходилось идти во всём вперед мужа — рубить дрова, косить сено, шить по ночам одежду, поскольку другого времени не было, — отдельная история.

Василия Ивановича в 1949 году избрали секретарём Уинского райкома комсомола, и мы уехали по переводу мужа в село Уинское. Начинали жить на частных квартирах: поменяли их 6 или 7. Через нашу семью прошли все младшие братья и сестры, так как обе матери остались вдовами и надо было им помогать поднимать детей.

В Уинском мы прожили до середины шестидесятых годов. В 1965 году мужа перевели в Орду. Работала бухгалтером в отделе социального обеспечения, затем на предприятии «Сельхозтехника» заместителем главного бухгалтера.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью «Ветеран труда», пятью юбилейными медалями.

Галина ЧУДИНОВА

ТАЙНЫ СОЛЯНЫХ ТОЛЩ, или НЕРАВНЫЙ БОЙ ЗА ОТКРЫТИЯ

Глава двенадцатая из книги «Чудиновы.
Хроника обретений и утрат одного рода»

В 2015 году исполнилось 90 лет со дня рождения Николая Константиновича Чудинова, участника Великой Отечественной войны, березниковского геохимика, сделавшего в 1955-м открытие мирового значения. Н. К. Чудинов первым оживил микроорганизмы времён палеозоя, обнаружил органическую природу окраски калийных солей и способностей организмов находиться в состоянии анабиоза четверть миллиона лет. Открытие его долгое время не признавалось официальной наукой, оно было подтверждено и доказано только после его преждевременной смерти. В книге Г. В. Чудиновой «Чудиновы. Хроника обретений и утрат одного рода» двенадцатая глава посвящена бескомпромиссной борьбе учёного за своё открытие, о котором в настоящее время написан ряд научных трудов и статей, но которое до сих пор не получило должного признания.

Весёлым, озорным блеском тёмно-карих глаз, излучавших какую-то особую, притягательную энергию, запомнился мне мой младший дядя. Мысленно вижу я его стоящим посреди двора нашего старого дедовского дома в лихо заломленной на затылок шапке, в тёплой телогрейке, походных штанах и высоких резиновых сапогах. За плечами его — увесистый рюкзак и ружьё: он вот-вот тронется в очередной лесной поход вместе со своими братьями Сергеем и Петром, Владимиром Андреевичем Нечаевым, кузеном Петей и Володей Кравцуном. Выходы в лес на весеннюю охоту приходились на конец апреля — начало мая, когда в лесных оврагах и буреломах ещё белел снег, но всюду слышался шум талых вод. То был период токов и распускания листвы, и сама уральская природа, которая обновлялась с каждой весной, лечила и ободряла его. Пожалуй, из всех четырёх братьев он, самый младший, но, как ни парадоксально, ушедший первым из них из жизни, больше всего нуждался в ободрении и признании своих открытий.

Удивительной, похожей на волшебную сказку, где добрый молодец лихо бьётся с обложившей его нечистой вражеской ратью, была история значимого открытия моего младшего дяди и борьбы за его признание. Обо всех этапах и перипетиях этой борьбы было подробно рассказано в книге доктора географических наук Владимира

Галина Васильевна ЧУДИНОВА родилась 11 мая 1947 года в посёлке Юго-Камском ныне Пермского района Пермского края. Окончила филологический факультет Пермского государственного университета (1970), аспирантуру Московского областного педагогического института (1986). Преподавала в школе, в институтах, в Пермском областном институте усовершенствования учителей /Пермском краевом институте повышения квалификации работников образования. Кандидат филологических наук. Автор статей, посвящённых пермской литературе и пермским авторам. Автор нескольких книг, в т. ч. «Русский фундаментализм как концепция возрождения русского народа» (2009). Кавалер ордена Ф. Достоевского III степени (2012). Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России с 2015 года. Живёт в посёлке Юго-Камском.

Васильевича Литовского «Мировые минеральные ресурсы: калийные соли Прикамья и фундаментальные проблемы геобиогенеза», вышедшей в Екатеринбурге в 2008 году с надписью: «Посвящается памяти Николая Константиновича Чудинова (1925–1988) — крупнейшего отечественного представителя биосферного естествознания XX века, чьё наследие открывается только сегодня».

Я полностью привожу большие отрывки из этой книги, лишь кое-где комментирую их.

«В тридцатилетнем возрасте, работая преподавателем Березниковского горно-химического техникума, проводил он по совместительству исследования в геологоразведочной экспедиции и... сделал мировое открытие явления сверхдлительного анабиоза. А произошло всё это так. В 1954 году Березниковская геологоразведка вела мощные буровые работы в районе деревни Дурыманы. Задача геологов была непростая — в короткий срок определить оптимальное заложение шахт Второго рудоуправления. Георгия Александровича Дягилева, бывшего в то время руководителем изыскательной партии, то и дело ставило в тупик странное поведение нерастворимых осадков в калийных солях: вместо того, чтобы выпадать в осадок на дно, они поднимались на поверхность. Для выяснения их химического состава потребовался толковый геохимик-петрограф, тут-то и обратился Дягилев к Николаю Константиновичу.

“Какие именно примеси влияли на красную окраску минералов?” — задался вопросом молодой геохимик и для ответа на него решил применить наиболее оптимальный метод определения их состава в растворе. Далее, как это следует из его автобиографии, однажды в 1955 году он случайно забыл банку с раствором калийной соли возле батареи центрального отопления. Обстоятельства сложились так, что в течение двух недель его не было в техникумовской лаборатории. Когда же он возвратился, ему показалось, что мути

*С. К. Чудинов, Н. К. Чудинов, П. С. Чудинов, П. К. Чудинов
и В. А. Кравцун на весенней охоте*

и красных хлопьев в растворе стало больше. Тогда он взял каплю раствора и стал рассматривать её в микроскоп: в ней обнаружился целый мир экзотических микроорганизмов. Но основное потрясение ждало учёного впереди! Посмотрев через несколько дней на свой мир в колбах, Чудинов не поверил своим глазам: древний мир ожил. Капельку бороздили во всех направлениях ожившие организмы палеозоя. Это начисто опровергало прижившуюся гипотезу Е. Э. Разумовской о том, что красная окраска сильвина и карналлита вызвана минералами железа и его гидроокислами. Красные хлопья не тонули, а плавали, и происходило это после выделения газов, заключённых в кристаллах калийной соли с давлением в них в десятки атмосфер. Газ содержался в кристаллах, как в саркофагах. Красные хлопья были пластичны, а выделение водорода, метана и азота давало основание предположить, что они содержат биомассу — непременно спутницу данных газов в водных растворах. Вот как описывал сам своё открытие при наблюдении хлопьев Н. К. Чудинов: «Когда я взглянул на них в микроскоп, то опешил: в хлопьях разместился удивительный мир, «мир микроорганизмов»! Взвесь до отказа была напигована различными бактериями в виде палочек, кокков, ленточных, звёздчатых и грибных форм... Словно одержимый, месяц за месяцем я оживлял организмы, изучал их, фотографировал». На первых порах после удивительного этого открытия ему потребовалось уяснить, что же это за формы организмов? Ни в каких определителях их не оказалось. Непосредственное обращение к крупнейшим специалистам по водорослям и споро-пыльцевикам тоже не помогло. Тогда он сделал собственное предположение, что обнаруженные им микроорганизмы — водоросли, так как геологический возраст пород составлял 250 миллионов лет, а по бытовавшим представлениям данные территории занимало Пермское море. Организмы, обнаруженные Николаем Константиновичем, стали биологическим аналогом реликтового излучения в физике».

По-своему тернистым был путь учёного к выдающемуся открытию. Николай, четвёртый сын Константина Гавриловича и Марии Алексеевны Чудиновых, родился 18 октября 1925 года в заводском посёлке Юго-Камском Оханского района Пермской области и, как можно было судить об этом из братской переписки, был в детстве и отрочестве достаточно трудным подростком. И всё-таки жизненный пример старших братьев много значил для «бэби», как ласково называл его отец, Константин Гаврилович. Только после окончания военной службы начал осваивать Николай премудрости геохимии в Пермском государственном университете: поступил на геологический факультет. Одно из самых значимых событий его личной жизни произошло в 1953-м: он женился на Вяткиной Нине Александровне, бывшей на пять лет младше его и окончившей исторический факультет университета. Моя тётя Нина, будучи по натуре своей человеком умным и чутким, прекрасно понимала все сложности характера своего мужа, старалась не спорить с ним и как могла поддержать его во всех начинаниях. Она родила ему двух сыновей, во многом взяв на себя заботы по их воспитанию.

Обучаясь в Пермском государственном университете у выдающегося отечественного исследователя П. Н. Чирвинского, Николай

впервые профессионально столкнулся с фундаментальными проблемами пермских солей. Как следует из автобиографии Н. К. Чудинова, уже в университете он приобрёл богатый практический опыт: «Во время учёбы в университете работал коллектором в Очёрской и Сылвенской геологоразведочных партиях объединения «Пермнефть», в 1952 году — геологом в Бузиновской геологоразведочной партии Машанской экспедиции в Таджикистане, а в 1953-м — прорабом-геологом в ГРП N 80 Владимирской экспедиции на Урале». После окончания университета в 1954 году и получения квалификации геохимика-петрографа Н. К. Чудинов стал преподавателем Березниковского горно-химического техникума, где он создал кабинет горного дела, полезных ископаемых и петрографии.

С 1955 года начался изнурительный марафон младшего моего дяди за признание своего открытия... Эксперты высказывали мысли, что микроорганизмы могли попасть в калийные соли из окружающей среды во время опытов, либо в шахтные соли вместе с дождевой водой. Н. К. (Чудинов. — *Прим. авт.*) отвечал им, что «шахту от дождевой воды предохраняют мощные слои соли и глины. В самой же толще калийных солей влаги всего 0,02 %, всё живое в таких условиях тотчас же «протянет ноги». Живое(!), но не жизнеспособное. И эти два понятия путать нельзя!» Как известно, мир не без добрых людей: «разработать исходные методики отбора проб и первичные питательные среды для оживления палеоорганизмов Н. К. Чудинову помогли Палеонтологический и Ботанический институты АН СССР. Учёный использовал специальные сосуды ЛИДО — лаборатории исследования древних организмов, или сосуды-спарки, при работе с которыми стерильность не нарушалась. То, что делал Н. К., напоминало самое настоящее чудо: оживлённые водоросли подвергались повторной закристаллизации путём постепенного выпаривания раствора, выдерживались в течение двух месяцев в кристаллах, а затем снова растворялись, повторно оживлялись и обнаруживали рост. Учёный предположил, что палеоорганизмы выходили из состояния «спячки» и снова начинали своё нормальное развитие в сезоны, когда пересохшие древние соляные озера заполнялись рапой вследствие притока воды. Очевидно, это повторялось ежегодно. Поэтому организмы приспособились к существованию в таких условиях, и для них процесс закристаллизации в летний период был своего рода «летней спячкой». Опыты свидетельствовали о том, что значительное количество красящей примеси сальвина и карналлита было представлено именно жизнеспособным органическим веществом».

Главные печальные и радостные события в неординарной жизни моего дяди развивались в 60–70-е годы XX века. «В 1959 году в связи с ликвидацией Березниковской геологоразведочной партии Н. К. Чудинов перешёл на работу в Центральную лабораторию Березниковского калийного комбината, где работал до мая 1965 года инженером-исследователем, а затем в связи с организацией объединения «Уралкалий» был переведён в состав лаборатории этого учреждения. В период работы в Центральной лаборатории решил он пойти по стандартному пути построения научной карьеры и даже сдал вступительные экзамены в аспирантуру НИИ галургии в Ленинграде. Туда же он представил научный доклад «Об окраске калийных солей», однако тема показалась чрезмерно «революци-

онной” и не была одобрена. Он оставил Ленинград и в ноябре 1961 года поступил в заочную аспирантуру при Институте геологии и геохимии Уральского филиала АН СССР. Здесь его руководителем стал директор института, член-корреспондент АН СССР Лев Николаевич Овчинников».

По мнению Льва Николаевича, результаты опытов Чудинова, несмотря на кажущуюся их невероятность, были достоверны и открывали новые горизонты в науке. В газетах и журналах начала 1960-х годов стали одна за другой появляться публикации с сенсационными названиями: «Загадки соляных толщ» (журнал «Урал»), «Тайна соляных толщ» (цикл статей в газете «За калий»), «Знакомство с современниками парейазавров» (газета «Березниковский рабочий»). Тем не менее в то время даже «научного веса» Л. Н. Овчинникова было ещё недостаточно, чтобы «прикрыть» Н. К. Чудинова. А это действительно было непросто, если учитывать, что проблематика исследований березниковского геофизика всё более выходила за рамки геологии и переходила в область экзотической микробиологии — палеомикробиологии. Исследования Н. К. оказались в сфере пересечения интересов различных научных школ и разработчиков промышленных технологий, в связи с чем он не смог реализовать свои намерения и оставил планы о защите диссертаций.

Вскоре после сделанного фундаментального открытия пришлось ему осознать, что он оказался неудобным как некоторым представителям научных, так и производственных кругов. Микробиологи воспринимали открытие Чудинова как попытку несанкционированного вторжения в чужую область. Напомним, что эпоха Т. Д. Лысенко тогда ещё не закончилась. Более того, это был период его второго восхождения на политический и академический олимп при персональном покровительстве Н. С. Хрущёва. И в последующие годы многие соратники Лысенко сохранили свои ключевые позиции в академической сфере, поэтому Н. К. Чудинов оказался в центре не только академических, но и политических интересов противоборствующих представителей микробиологической науки.

Е. Э. Разумовская входила в редколлегию журнала «Микробиология», возглавляемую директором Института микробиологии АН СССР академиком А. А. Имшенецким. Работники журнала напрочь отвергали открытие Н. К. потому, что древнейшие водоросли мало походили на современные, отличались от них по своему строению и химическому составу, и у всех членов редколлегии существовала слепая вера в минеральную окраску солей. Сам Александр Александрович Имшенецкий работал в Институте микробиологии АН СССР с 1930 года. В 1941-м он возглавил один из отделов института, а с 1949 года стал его директором, поэтому появление «варяга» Чудинова с его «эпохальным открытием» не мог обойти стороной: оно бросало тень на деятельность всего его института, могло негативно отразиться на карьере.

Самым простым способом устранения проблемы была дискредитация открытия Чудинова, чем и занялся Имшенецкий со своими сторонниками. Силы были неравны: маститый директор, за которым стоял весь его институт, и скромный, нетитулованный учёный из уральской глубинки. Проблема была решена в пользу Имшенецкого, как называл его дядя Коля, — от глагола «мешать».

«Сам А. А. Имшенецкий в 1962 году стал действительным членом АН СССР и ныне в энциклопедических словарях представлен как один из основоположников космической биологии и экзобиологии, специалист по действию высокого вакуума, радиации и низких температур на микроорганизмы».

Далее события развивались по сценарию известной русской песенной игры «А мы просо сеяли-сеяли!» — «А мы просо вытопчем-вытопчем!»

«Н. К. экспериментально доказал свою теорию органической окраски калийных минералов — это было научной пощёчиной сторонникам их минеральной окраски, позволяло выявить подлинную причину газоносности в рудных полях, сэкономить миллионы и миллиарды рублей в народном хозяйстве. Может быть, беда была в скромности Чудинова, в том, что он никогда не спорил, а только вычислял? Беда в «некоммуникабельности» и малой «пробивной силе» автора? Нет, он сделал всё, что может и не может человек: его поддержали комбинат, горком КПСС, лично секретарь обкома Константин Иванович Галаншин, министерство. О том, насколько много усилий было затрачено Николаем Константиновичем по отстаиванию своих открытий в научной среде, говорят скупые строки из его автобиографии. Где только не выступал он в период с 1957 по 1964 год с докладом «Окраска калийных солей палеозойскими микроорганизмами и опыты по выращиванию последних в стерильных средах»! На всесоюзных отраслевых совещаниях работников горно-химической промышленности, в Зоологическом институте, на Учёном совете Всесоюзного НИИ галургии, на совместном заседании Учёного совета ВНИИ сельскохозяйственной микробиологии и Ленинградского отделения Всесоюзного общества микробиологии, в Институте микробиологии, в Институте вирусологии. Порой ему приходилось по несколько часов отвечать на вопросы. Слушатели соглашались с тем, что возникла интереснейшая проблема, которой надо заниматься и ставить дальнейшие опыты, но... авторитет толстых учебников был слишком силен и мало кто мог поверить, что микроорганизмы пермского периода сохранили жизнеспособность до наших дней.

Н. К., уже абсолютно уверенный в своей научной правоте, в очередной раз поехал в Москву с «мешком» калийных солей, чтобы продемонстрировать открытие в Институте микробиологии АН СССР. Академик А. А. Имшенецкий тут же нанёс ему очередной удар: он создал комиссию, куда вошли сотрудники института С. С. Абызов, Г. А. Заварзин, М. В. Иванов, В. И. Серёгин, О. Г. Широков. Ими были поставлены контрольные опыты, и, как стало известно сначала из газеты «Известия», а затем и из научной публикации в журнале «Микробиология», жизнеспособность палеоорганизмов, а точнее их способность к размножению — достоверно не обнаружилась.

А. А. Имшенецкий опубликовал в «Известиях» от 28 января 1966 года статью под громким изобличающим названием «Сенсация состоялась, а открытия нет». В ней он писал, что за последние годы в различных газетах и журналах, отечественных и зарубежных, «стали появляться сообщения о том, что различные живые организмы, пролежавшие в бездеятельном состоянии тысячи и миллионы лет, могут быть возвращены к жизни». «Выдерживают ли эти сообщения

научную критику?» — вопрошал маститый учёный и отвечал на это отрицательно. Центральная часть его статьи была посвящена разгрому открытия Н. К. Чудинова: в ней говорилось, что в Институте микробиологии в общей сложности было проведено четыре серии опытов и сделано 340 посевов, и во всех случаях рост микробов отсутствовал. А. А. Имшенецкий сделал категорический вывод: «Тем самым комиссия не могла подтвердить возможность оживления ископаемых бактерий. Живые микробы, обнаруживаемые ранее Н. К. Чудиновым, по-видимому, были занесены им с воздуха или с поверхности употреблявшихся им инструментов, т. е. они попадали в питательную среду в результате несовершенства применявшейся методики исследований».

Поняв на этом этапе, что своими «инициативами» он привлёк к себе излишне много внимания и затронул слишком много «болезненных струн» в среде очень высокопоставленных и влиятельных научных представителей, что путь к защите диссертации по микробиологической проблематике наглухо закрыт, Н. К. Чудинов отверг путь традиционной научной карьеры и затеял свой персональный спор с научной истиной — спор «по гамбургскому счёту». Следует отдать должное его коллегам-геологам, в частности, академику А. Л. Яншину, члену-корреспонденту Л. Н. Овчинникову и другим, которые не торопились признавать заключения микробиологов.

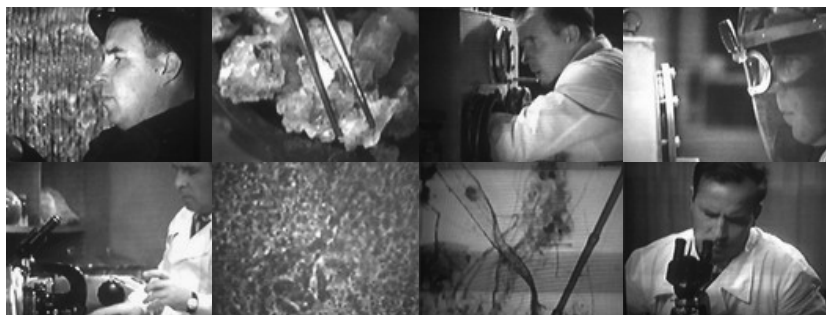
В 1961–1985 годах Н. К. работал старшим инженером-исследователем лаборатории исследования древних организмов и продолжал свои опыты. Одним из итогов его работы стало развитие представлений В. И. Вернадского о биогенезе: Николай Константинович продолжил исследования Вернадского и ввёл в научный оборот представление о геобиогенезе. В апреле-мае 1968 года Чудинов решился на повторную поездку в Москву, где в Институте эпидемиологии и микробиологии перед группой известных учёных во главе с директором ИЭМ — академиком Владимиром Дмитриевичем Тимakovым — провёл объективные показательные опыты по оживлению и культивированию организмов из палеозойских каменных солей. Под контролем наиболее сведущих и опытных микробиологов Советского Союза им были стерильно посеяны образцы карналлитов и сильвинитов с характерными для них организмами и из них получены культуры бактерий и грибов эпохи палеозоя.

В очередной раз Н. К. доказал, что современное происхождение бактерий в отобранных пробах вследствие «заноса» не выдерживало критики по причине значительного превышения скорости комбайна при выработке породы в забое по сравнению со скоростью размножения для всех известных видов организмов, даже если те находятся в самых благоприятных условиях. Палеоорганизмы, в отличие от современных, были теплолюбивы: они оживали и культивировались лишь при температуре от плюс 37 до 40 градусов Цельсия, что не соответствовало температурам забоя и соляной толщи, практически неизменным в течение всего годичного цикла, не превышающим плюс 8–9 градусов. К тому же на оживление палеобактерий требовалось от двух до пяти и более суток, тогда как те же самые бактерии, в тех же условиях и среде, но внесённые в неё живыми, обнаруживали тот же рост — замутнение среды — всего лишь через период от шести до восьми часов.

Последующие открытия Н. К. Чудинова были подобны бьющим каскадам или извержению вулканов: он разработал методики максимально точного определения абсолютного геологического возраста пород и включённых в них организмов — область компетенции петрографов, палеонтологов и геохимиков, — и предложил в своей докладной записке секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву от 24 июня 1968 года выдвинуть в качестве специалиста по этой проблеме своего бывшего научного руководителя Л. Н. Овчинникова. Он измерил «упакованную энергию» в древних организмах и пришёл к выводу об огромной роли космоса во всех элементообразовательных процессах. Вместо бинарных понятий и подходов к этим процессам он ввёл в понятийный аппарат «триадный принцип диалектики» — ТПД.

Очень важными для Чудинова на данном этапе были бы видеодокументальные результаты его изысканий. И вот 24 декабря 1964 года коллегией Министерства химической промышленности было принято решение о создании научного фильма о результатах исследований Н. К. Чудинова и их значимости для галургии и калийной промышленности. Однако скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Особенно у нас, в России. Только спустя пять лет, в 1970-м, после мучительно долгих и многотрудных для автора экспертных проверок создание фильма стало возможным. Режиссёром фильма была назначена Тамара Ивановна Иовлева — заслуженный деятель искусств, кинорежиссёр киностудии «Леннаучфильм».

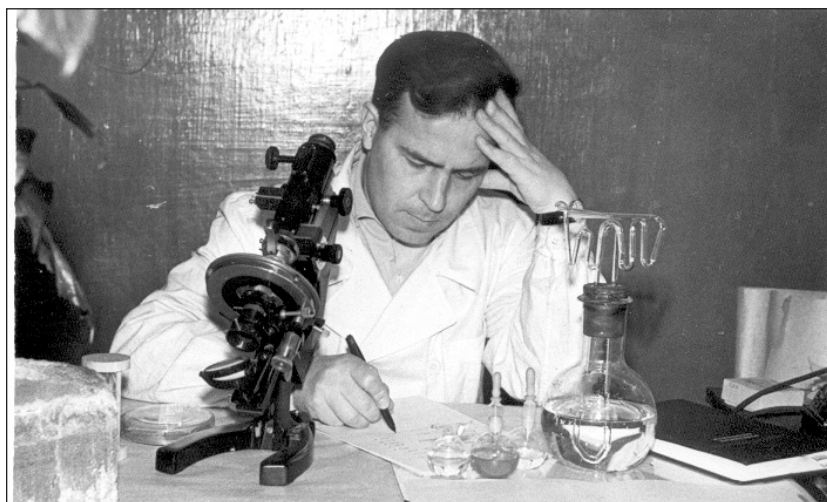
Среди снятых ею фильмов — «Бородоносцы со дна океана», «Лось, лиса, дельфин», «Рисунки Достоевского», «Живые покровы», «Философия танца», «Тайна царской семьи». Съёмки фильма, получившего название «Узники Пермского моря», начались, судя по всему, в августе 1970 года и проходили в лаборатории Николая Константиновича (ЛИДО), а также в шахте Первого калийного рудоправления. В преддверии съёмок Н. К. попросил съёмочную группу «всё снимать подробнейшим образом»: ещё бы — съёмка фильма стала для него публичным экспериментом, беспристрастной проверкой достоверности и демонстрацией сделанного им открытия мирового значения. Именно поэтому он поставил принципиально важное для него условие: тщательно видеодокументировать не только результаты его эксперимента, но и все его стадии, детали опытов. Съёмочная группа приняла эти условия. Благодаря этому ныне фильм стал не только документальным видеоподтверждением его открытия, но и блестящим наглядным пособием для тех, кто пошёл дальше по его пути. Фильм

Процесс оживления палеобактерий

стал удачей всего съёмочного коллектива, но особую роль в научной судьбе Н. К. сыграла Тамара Ивановна. Она отстояла приоритет откровения Чудиновым явления оживления палеоорганизмов. Подобно другому талантливому режиссёру — Елене Саркисовне Саканян, снявшей замечательную «Трилогию о Зубре», Н. В. Тимофеев-Ресовском, — Тамаре Ивановне пришлось не только снять фильм ещё об одном «зубре» отечественной науки, но и взяться за его защиту. Фильм был удостоен Ломоносовской премии и получил первый приз фестиваля «Наш современник». В своё время и жители Березников тоже смогли посмотреть «Узников Пермского моря» в кинотеатре «Мелодия». В настоящее время фильм хранится в Госфильмофонде, а также в музее истории Березниковского калийного комбината.

После съёмок фильма общение Н. К. с Тамарой Ивановной Иовлевой не закончилось: многие годы длилась их переписка. Привожу цитату из письма от 23 июня 1972-го: «...Решение генезиса газов и “лигроина” нефти непосредственно касается происхождения и скачка эволюции жизни в верхнем палеозое. Кроме того, кристаллы несут информацию о времени, его неравномерности, дают возможность узнать его экспериментально. А это крайне важно. В доказательство упомяну лишь, что новое понимание времени (структурно-временные связи) позволило мне осуществить ещё один прогноз — теоретически рассчитать свойства любых химических элементов (была такая задумка у Менделеева. — *Прим. авт.*). То, что эту работу вчерне я выполнил, я от Вас скрыл (во-первых, чтобы не показаться разбежавшимся шизиком, во-вторых, не понимал одной связи по своей беспримерной тупости)... К счастью, эта работа крепко застолблена...» В письме от 8 января 1973 года он сообщил: «...не подумайте, что я конечный человек <...>, занимающийся решением “мировых проблем”... Я разработал метод количественного определения так называемых астроговитальных связей... В итоге я получил данные об эволюции <...> Земли и жизни». Эти сведения, ныне очень ценные для уяснения хронологии формирования его концептуальных естественнонаучных

Николай Константинович Чудинов в своей лаборатории

представлений, без сохранённой Тамарой Ивановной Иовлевой переписки узнать было бы невозможно.

В семидесятые годы XX века Н. К. Чудинов использовал свои обобщения для уточнённого прогноза взрывов на калийных рудниках, но и тогда к его рекомендациям никто из руководителей рудоуправлений и вышестоящих начальников не прислушался. В начале двухтысячных годов все его прогнозы полностью подтвердились: на Втором Березниковском рудоуправлении совпали не только все выбросы, взрывы, обрушения, которые произошли на руднике, но ещё и горное давление. Рудник провалился точно по контуру газового купола: на глубину 1,2 метра села от взрывов поверхность, потрескались здания, фундаменты, порвались линии трубопроводов, села на семьдесят сантиметров железная дорога. Страна понесла миллиардные убытки, за которые, как водится, никто не ответил. Создалось катастрофическое положение, которое изучали генералы от железной дороги, министерства химической промышленности. Состоялось Третье Всесоюзное совещание по горнодинамическим явлениям, но «шесть институтов оказались не в состоянии решить проблемы организмов-газов, хотя и работали они кто по сорок, кто по восемьдесят лет, а по нефти и все сто лет. Вот вам и микробы-газы, вот и “узники”!»

Непризнанные открытия следовали одно за другим. Раскрыв сущность генезиса природных газов и нефти, Н. К. взялся за изучение процесса генезиса тяжёлых углеводородов; он доказал, что единственно приемлемым механизмом их образования оказался радиоуглеродный. Он ввёл в научный обиход понятие «коэффициент интенсивности процессов» (КИП) и предложил рассматривать древние организмы, нефть с её компонентами, радиогенные газы и изотопы в качестве эталонов метода измерения КИП. Пользуясь научными, литературными и другими данными, он оценил коэффициенты интенсивности процессов для нефтегазовых месторождений севера Тюменской области, Дагестана, Северного Кавказа, Азербайджана, Волго-Уральского региона и ряда других областей. Н. К. выделил три состояния периодов и эпох: до-фоновые и фоновые, пиковые и средние. В геологической истории им были отчётливо прослежены циклы и структурные этажи максимального угле-, нефте-, газо-, карбонат-элементообразования, периоды его уменьшения и увеличения. Время не абсолютно, «течёт» неравномерно, говорил он: есть пики, есть фон, поэтому должно быть три эталона измерения — для пиков, для фона и для направления развития. Выяснилось, что для организмов Пермь, карбона (каменноугольного), девона и других периодов нейтрон-протонное облучение из космоса оказалось на несколько порядков выше, чем в настоящее время. По существу, это были ураганные ливни, они-то, сопровождаемые трансгрессиями океана, вызывали массовый мутагенез, резкую смену флор и фаун. Периоды с такими ливневыми потоками нейтронов Н. К. Чудинов называл пиковыми. К весне 1978 года, как следует из переписки с Т. И. Иовлевой, им была решена проблема происхождения нефти, природного газа, образования углей, горючих сланцев, радиоактивных и редких элементов, вымирания и смены фаун и флор одновременно и повсеместно, проблема периодического горообразования на Земле, Луне, Марсе.

В это же время сосредоточился Николай Константинович на популяризации разработанного им триадного принципа дополни-

тельности (ТПД) и триадно-диалектической логики (ТДЛ). Учёный справедливо полагал, что главный фактор эволюции — космический, именно он обуславливает развитие. Эволюцию, а не борьбу, как необоснованно полагал Дарвин. Ни один организм не может существовать без взаимопомощи, взаимообусловленности, взаимосвязи, включая связь с космосом. Ни одного явления нельзя описать верно, исходя из абсолютного или бинарного подхода. Н. К. ввёл в практику такие понятия, как «вещество-энергия», «жизнедеятельность-смерть» (анабиоз), «посев-стерилизация», являющие собой синтетическое единство противоположностей, дополнительное к диаметрально противоположным бескомпромиссным монопонятиям, типа жизнь и смерть. Согласно его триадно-диалектической логике, три состояния жизни — анабиотическое (А), живое (Ж) и мёртвое (М) — оказались дополнительными. Причём состояние «А» (анабиотическое, или в триаде «жизнедеятельно-мёртвое») оказалось мерой не только биологических, но и чисто физических явлений. С прежним упорством отстаивал Н. К. свой вклад в философию: «Триадно-диалектическая логика вводит диалектический материализм в науку, ликвидирует кризис. Эта она даёт первое, а за ней всеобщее практическое применение основного понятия диалектического материализма — понятия единства противоположностей в науке и промышленности. Есть ли ДМ без единства противоположностей? Ленин говорит нет! Есть ли опыт — основа знаний — без единства дополнительных состояний? Опыта нет! Нет контроля, нет стерильности, нет оживления, но есть “мартышкин труд” — неизбежный “мартышкин труд” повсюду.

Бинарная логика — “мартышкин труд” везде: на Земле, в Антарктиде, на Марсе. Триадная логика — план на 300 000 % и выше...».

В конце 1970-х годов младший мой дядя развернул огромную переписку, посылая своим братьям, друзьям-единомышленникам и мне напечатанные под копирку письма, каждое — страниц этак на семь-восемь. С обывательской точки зрения подобные письма мог сочинить только свихнувшийся шизик, с научной — человек, мыслящий совершенно иными категориями, нежели обычные люди. В них излагал он принципы триадно-диалектической логики в форме афоризмов, названных им «чудоизмами». На мой вопрос, что такое чудоизмы, он ответил: «Да это афоризмы от явления и понятия “чудо”, излагающие суть ТДЛ». Привожу тройку наиболее характерных его чудоизмов:

— Только логика (ТДЛ) казнит дурное, не распуская языка, рук и слюней.

— Логика (ТДЛ), в отличие от её антипода, не даёт узких специалистов... Ибо только в голове широких идиотов, да и то в части «понятий» «узкое» отделено от «широкого», а часть от целого.

— Где отсутствует логика и понятие, там невежество именует себя наукой (знанием), а безумие — разумом.

Велика была его обида на официальную науку, напрочь отторгнувшую его открытия, вот и вылилась она в такой причудливой форме. «Форсунка, — называл его мой отец, — берётся за всё, разбрасывается направо и налево, а нет чтобы защитить диссертацию по какой-то другой проблеме, застолбиться в науке да воевать с академиками на равных!» Однако младший мой дядя не внял благим советам старших братьев, не захотел писать и защищать диссертаций по другим темам, упрямо твердя: «Видал я этих академиков! Через

себя кидал!» «Кинули», однако, конъюнктурщики от науки его самого. В «Литературной газете» тех лет была опубликована большая статья о лжеучёных, готовых с пеной у рта доказывать важность своих открытий всем встречным и поперечным. Я «примеряла» эту статью к сочинённым им притчам и чудоизмам и порой, грешным делом, всерьёз сомневалась в достоверности и значимости его открытий. К счастью, время доказало их правоту.

Вернусь к замечательной книге В. В. Литовского: «В 1986 году проблемы со здоровьем вынудили его (Чудинова. — *Прим. авт.*) выйти на пенсию. Перестройку и приход к власти М. С. Горбачёва он, как и множество других советских людей, на первом этапе воспринял восторженно, но вскоре отношение к социальным переменам начало меняться в худшую сторону. Особенно показательно это в его последнем письме Тамаре Ивановне от 24 апреля 1988-го: “...Вы пишете, что сейчас время, благоприятное для дела. Да, но какого? Для чёрного, дьявольского? Да! При Хрущёве я взял лабораторию. Мне не помогали и не мешали... В эпоху застоя дело уже обогнали, мешали, но сейчас обе лаборатории разрушили, обворовали, уничтожили. Обворовали дом, дачу, украли документы, открытия, «перестроили» здоровье (два инфаркта. — *Прим. авт.*). Невероятно?! Да, но то, что невероятно, и есть реальность. Сколько было Чернобылей? То-то!.. А знаете ли Вы, что в Березниках был взрыв-катастрофа ценой в 13 млрд руб.?... Такова гласность...” Как следует из того же письма, в последние месяцы его жизни они вместе с Тамарой Ивановной замыслили подготовку фильма об Иване Антоновиче Ефремове, которого Н. К. хорошо знал через своего брата-палеонтолога, много лет проработавшего вместе с Ефремовым в Палеонтологическом институте и написавшего о нём книгу. Иван Антонович, в свою очередь, знал и горячо поддерживал работы Н. К. Реакция Н. К. на предложение сделать картину о Ефремове была очень живой: “...Ваше предложение сделать картину об Иване Антоновиче всячески поддерживаю. И проблема, и человек очень близки и взаимосвязаны. Взять хотя бы то, что он поддерживал нас и выступал по радио Союза... Что-то я сейчас таких людей (учёных АН. — *Прим. авт.*) не вижу: ни по нравственным критериям, ни по мощи предвидения научного и оценки открытий. Так что я за и постараюсь всячески помочь... Фильм выиграет и от того, что Иван Антонович — оригинальный, мощный мыслитель и писатель, чьи прогнозы блестяще оправдались и оправдаются ещё. И он нашёл форму выражения того, что в науке было сказать нельзя, а не сказать непростительно... И в своём деле он был Зубр...”»

Осуществить этот план Николаю Константиновичу было уже не суждено. Третий инфаркт окончательно подорвал его здоровье, и, хотя он до последнего вздоха боролся за свою жизнь, 30 мая 1988 года его не стало.

«Парадоксально, что спустя десять лет после публикации опровержительной статьи “О выживании микроорганизмов в ископаемых калийных солях” в газете “Правда” вышла заметка “В Антарктиду за... микробами”. В ней говорилось, что “коллектив учёных, возглавляемых академиком А. А. Имшенецким, заинтересовала возможность сохранения естественной консервации бактерий на ледяном континенте. Не могут ли микроорганизмы в условиях глубокого охлаждения сохраняться многие тысячелетия?” А руководить этими работами взялся

один из опровергателей открытия Н. К. Чудинова Сабит Абызов, к тому времени уже кандидат биологических наук, научный сотрудник Института микробиологии АН СССР. Далее "Правда" сообщала, что наиболее древние из оживших микроорганизмов были извлечены с глубины 197 метров и, предположительно, имели возраст восемь с половиной тысяч лет. Из письма Тамары Ивановны следовало, что Николай Константинович отреагировал на это сообщение с юмором, он написал ей 22 ноября 1976 года: "...оживление микробов Антарктиды с возрастом 8,5 тысяч лет — это хорошо... Настораживает только то, что делается «впервые»! Если так пойдёт и далее, то к нашим результатам (250–600 млн лет) эти учёные подойдут через 70 588 лет. Вот тогда и выяснится, что не они были первыми..." Логика дальнейших действий С. С. Абызова свидетельствует о том, что истинную цену работам Чудинова по сверхдлительному анабиозу он, безусловно, понял и вскоре сам активно занялся этим, выбрав в качестве оригинальной экспериментальной базы антарктические пробы льда. А вскоре после исследования Абызовым льда с возрастом до 400 тысяч лет и обнаружения в нём жизнеспособных организмов, его направили в 1978 году на XXI Международный симпозиум в Инсбрук, где на международном уровне был зафиксирован его приоритет в данной области, что помогло ему в 1995-м получить свидетельство об открытии явления сверхдлительного анабиоза у микроорганизмов. Так, спустя семь лет после смерти Н. К. Чудинова и тридцати трёх лет после подачи им соответствующей заявки его открытие получило наконец-то официальное признание, но... приоритет был признан не за Н. К. Чудиновым, а за С. С. Абызовым.

Такова судьба научного открытия в России, но мощь исследований Н. К. в том и состоит, что они многоаспектны и узкому специалисту открывают только то, что он сможет видеть».

Многое из его наследия и сейчас остаётся для исследователей за кадром, и, читай Н. К., наш Зубр, Библию, он мог бы сказать: «Да не возрадуются гонители мои!» В десятой главе своей книги, названной «Судьба открытия явления сверхдлительного анабиоза и геобиогенеза» В. В. Литовский пишет: «О дальнейшей судьбе идей и научного направления Н. К. Чудинова писать не просто, хотя бы потому, что и в их отношении прогнозы учёного оправдались. В декабре 2004 года, оказавшись в Березниках, я застал его лабораторию пустынной. Один лишь вытяжной шкаф да несколько книг напоминали о Николае Константиновиче. Его уникальная установка, судя по всему, давно была списана и выброшена, а нынешние сотрудники лаборатории почти ничего не знали о своём великом предшественнике. Как бы ни было парадоксально, но... сейчас уже следовало бы благодарить, а не хулить бывших оппонентов Н. К. Чудинова, которые пошли по его пути и, зная цену его идеям, продолжили изучение явления сверхдлительного анабиоза, правда закрепив приоритет открытия за собой».

На мой вопрос, как возник замысел книги, посвящённой Н. К. Чудинову, Владимир Васильевич ответил по электронной почте: «Когда я писал свою диссертацию "История исследований географической оболочки на Урале", работая в профессионально-педагогическом университете в Екатеринбурге, то где-то году в 2003-м оказался в Березниках. Там у нас был филиал и нас время от времени туда

направляли читать лекции. Я читал физику, концепции современного естествознания и, конечно же, интересовался краеведением. Однажды студенты рассказали мне, что в Березниках тоже работал учёный, который много чего “наворочал” в естествознании, о чём можно навести справки в картинной галерее, где есть его портрет, и есть специалисты, которые о нём могут рассказать. Так я и поступил. В галерее мне порекомендовали побывать в музее “Уралкалия”, где Юлия Львовна Перевалова и Юлия Владимировна Денисова показали ряд документов, связанных с деятельностью Николая Константиновича, и рассказали о нём. Несколько позже мне удалось договориться с представителями “Уралкалия” и посетить шахту БРКУ-1, а затем и лабораторию, где работал Николай Константинович. Вскоре списался я с Тamarой Ивановной Иовлевой, которая длительное время переписывалась с Николаем Константиновичем и серьёзно помогла мне с материалами. Важные замечания по рукописи сделала и Нина Александровна. Свою же функцию я видел в том, чтобы поднять проблему и наследие Николая Константиновича в научном сообществе. Сейчас материалы о нём вошли в издание Института истории естествознания и техники («История наук о Земле», 2008), переданы в библиотеки ряда ключевых университетов и научных заведений геологического профиля, используются Институтом геофизики УрО РАН. Очень надеюсь, что тем, кто заинтересован в изучении геобиогенеза и наследия Николая Константиновича уже есть на что опереться. Остальное сделает время. Вот, собственно, всё».

Придя в конце 2002 года к подлинному Православию — староверчеству, я поняла, что каждый из семи дней сотворения мира длился миллиарды и миллионы лет, а фоновые и пиковые по своей интенсивности ливни частиц из космоса были не чем иным, как процессом сотворения Господом нашего земного мира. Именно атеизм и богооставленность надорвали силы младшего моего дяди, и он раньше всех своих братьев ушёл из жизни. Я написала об этом своему кузену Сергею, и 22 ноября 2004 года получила такой ответ: «А теперь подумайте, где он работал? Среди производителей! А это были непримиримые его противники! Кто он был для них? Бесплатная (100-рублевая) “игрушка-забава”, чудака-человек, опытный образец. А с кем общался — с академиками, которые достигли всего и тряслись, и носились со своим здоровьем покруче Майкла Джексона».

Отрадно, что лучшие из березниковцев не забыли своего удивительного земляка. 18 октября 2005 года в музее «Уралкалия» состоялась встреча, посвящённая учёному-исследователю, калийщику, участнику Великой Отечественной войны Николаю Константиновичу Чудинову. В этот день ему исполнилось бы восемьдесят лет. Ирина Капканникова опубликовала в газете «Соль земли» статью над названием «Счастливый Чудинов», цитирую отрывок из неё: «Николай Чудинов, несмотря на непонимание и зависть, с которыми ему не раз пришлось столкнуться в жизни, был счастлив. И это подтверждают его философские размышления: “Что такое счастье? Да, очевидно, то, что остаётся тебе и людям... То, чем человек был, и каков он есть. Его память, его работа, его радость и любовь. Жена или муж, дети, его страна. Счастье — это когда ты понимаешь других, когда понимают или ещё не понимают тебя, но неизбежно поймут. Счастье — это то, чем ты можешь поделиться с людьми. Оно разлито повсюду: бери, дополняй и будь счастлив...”»

Наталья КАЛИКИНА

ЗАГАДКА НАЗВАНИЯ, или КТО ТАКОЙ БЁРБАНК?

«Без изучения отдельных уголков нашей Родины, без знания закономерности явлений в таких территориальных масштабах мы не сможем делать обоснованных общих выводов», — такими словами заканчивал в декабре 1944 года свою рукопись «В Очёрской вотчине графа Строганова» учитель физики очёрской средней школы № 1 Филипп Михайлович Малков (1889–1975).

Литературная жизнь Пермской земли крепко связана с именем этого человека. Мало того что он сам написал одну из увлекательнейших книг о Прикамье, он собрал по временам НЭПа богатейшую библиотеку. Жизнь и судьба уроженца Нолинского уезда Вятской губернии Ф. М. Малкова была тесно связана с Прикамьем с 1925 года. Прочитательствовав в Оханске около года, он переехал в 1926-м в посёлок Очёр. Работал в очёрской средней школе № 1 многие десятилетия, оставив в памяти учеников и жителей посёлка Очёр немало добрых дел. Дружил с писателями А. Н. Спешилковым, В. М. Никитиным, знатоком истории Прикамья Б. Н. Назаровским и многими другими краеведами и литераторами. Кстати, не без участия Б. Н. Назаровского Филипп Михайлович издал свою книгу «В старом Очёре» (1959).

И сегодня в Пермском крае можно пообщаться с людьми, близко знавшими учителя и краеведа. Их воспоминания, размышления, слова признания в любви к уникальной личности изложены в издании члена Союза писателей России Алексея Дубровина «Костёр краеведа Малкова» (2012). Обратившись за информацией к данному краеведческому изданию, мы заинтересовались главой «Очёрский Бёрбанк» из летописи Филиппа Михайловича о старом Очёре. Летопись была обнаружена А. Дубровиным в ходе поиска документов об учителе-краеведе и гармонично вошла в материалы издания. Итак, перед юными краеведами и их наставником возник вопрос: кто такой Бёрбанк? Почему очёрского садовода А. А. Томилова автор летописи сравнил с Бёрбанком?

Заглянули в Интернет: Лютер Бёрбанк (1849–1926), американский селекционер, садовод. Что он только не создал: и новые сорта яблонь, груш, картофеля, и необычные растения — бескосточковый кактус, такую же бескосточковую сливу. Советский поэт Николай Заболоцкий в первой редакции стихотворения «Венчание плодами»

Наталья Александровна КАЛИКИНА окончила Пермский педагогический институт, учитель русского языка и литературы ОСОШ № 1 города Очёра. Исследовательские работы учеников Н. А. Каликиной не раз удостоивались грамот и дипломов различных творческих конкурсов. Она автор многочисленных публикаций в газете «Очёрский край» на темы патриотического воспитания молодёжи, изучения истории родного края и наследия пермских писателей. Живёт в городе Очёре Пермского края

(Литературный современник, N 1, 1933) упоминал «Плоды Мичурина и кактусы Бёрбанка». В гости к Лютеру Бёрбанку заезжал писатель Джек Лондон, им восхищались знаменитые советские учёные Циолковский, Мичурин, Вавилов, Тимирязев.

Поначалу показалось, вот он — ответ, и нашёлся он довольно просто. Очёрского садовода А. А. Томилова учитель-краевед сравнил с Бёрбанком благодаря успешным опытам с плодово-овощными растениями. На всякий случай поинтересовались у автора краеведческого издания А. Дубровина верностью наших выводов, однако его уточнения были огорошены. Оказалось, в издание о Ф. М. Малкове некоторые материалы не были помещены, а в них скрывается более глубокий смысл.

В материалах, оставшихся за пределами книги А. Дубровина, есть рассказ И. Н. Краснощёкова, внука учителя-краеведа, о техасской малине. Учителяствуя в Очёре и занимаясь краеведением, Филипп Михайлович много лет ухаживал за садом, расположенным рядом с его домом. Когда-то этот сад перешёл в наследство его супруге — учителю биологии ОСШ N 1 Клавдии Фёдоровне, в девичестве Мошениковой, от отца — Фёдора Васильевича Мошеникова. Ещё до революции 1917 года тот побывал в Североамериканских Штатах Америки (так когда-то назывались США. — *Прим. авт.*), где встречался и общался с уже известным нам селекционером Лютером Бёрбанком. Перед отъездом очёрца в Россию американский садовод передал Мошеникову для разведения на Урале несколько саженцев техасской малины. Саженцы в Очёре прижились, и долгие годы Мошениковы, а потом и семьи Малковых и Краснощёковых наслаждались вкусом крупных тёмно-фиолетовых ягод. В определённом смысле Фёдора Васильевича можно назвать основоположником экспериментальной садоводческой работы в Очёре, исследователем влияния уральского климата на рост заморских растений. Увлечение Ф. В. Мошеникова не стало случайностью, поскольку в прошлом многие мужчины из поколения Мошениковых служили управляющими лесными хозяйствами графа Строганова, берегли леса от пожаров и вырубки, занимались высадкой саженцев.

Судьба самого Фёдора Васильевича трагична. В 1918 году он был зарублен шашками солдат одного из диких отрядов, не подчинявшихся никому. Его дочь Клавдия Фёдоровна десятки лет преподавала в ОСШ N 1 ботанику, биологию. Она организовала с учениками высадку кустов акации возле здания очёрской средней школы (ныне — возле музея. — *Прим. авт.*), вела в школе «живой уголок». Филипп Михайлович прекрасно знал историю семьи Мошениковых и по мере своих сил старался содержать их личный сад в порядке, отдавая дань уважения исследованиям погибшего очёрца. Именем самого Ф. М. Малкова в 2012 году была названа одна из улиц в Очёре.

Кто бы мог подумать, выращивая в местных садах и огородах крупную тёмно-фиолетовую малину, что привезена она на Урал в качестве подарка более ста лет назад от самого Лютера Бёрбанка. Заинтересовавшись названием главы из летописи Ф. М. Малкова, мы открыли для себя неизвестную страницу истории Очёра и узнали о необыкновенной судьбе его отдельных жителей. Коллектив учителей и учащихся ОСОШ N 1 в рамках проекта «Малковские дороги» продолжает заниматься исследованием богатого творческого наследия учителя-краеведа.

Василий КОЛБИН

НОЧНЫЕ СТРАХИ. Рассказ

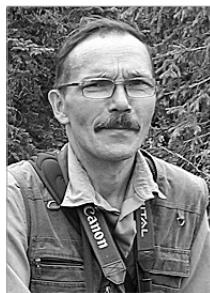
Вы любите ночь? Не знаете? Не задумывались?

Всякий человек найдёт в своей жизни дивные ночи, с огромной луной и звёздным небом, и ночи, когда мучили кошмары... Бывает, что кошмары проявляются наяву, и хочется всего лишь дожить до утра.

Люди, как и большинство птиц, и множество других обитателей земли, — солнцепоклонники. Но, живя в мегаполисах или просто в комфорте постоянного электричества, легко стать ночным жителем и решить, что ты — сова. Теперь представьте, что вдруг электричества не стало, и вы оказались одни в тёплой избушке. Вокруг зима, в трубе печки-буржуйки гудит ветер и у вас одна толстая свечка, а в фонарике скоро сядут батарейки. И ночь, непроглядная февральская ночь заполняет всё вокруг... На циферблате девять вечера, рассвет забрезжит через двенадцать часов, и сна ни в одном глазу... Ни одной человеческой души на двадцать вёрст вокруг... Прочувствовали? Значит, вы поняли, что такое одиночная зимняя экспедиция.

Зачем же я пускаюсь в такие сомнительные мероприятия? Работа такая, зов природы, привычка... Люблю раскладывать своё многообразное снаряжение по всей избе. Когда бродишь по тайге один, обычно ничего не забываешь. Вещи как будто сами прыгают в рюкзак, и ты уверенно двигаешься в путь, зная на все сто, что ничего не потеряется. Если же с тобой несколько попутчиков, то ты никогда не можешь быть уверен, что не забыл что-то жизненно необходимое. Но вот ночные страхи в компании не придут никогда. Я до сих пор не уверен, что лучше: путешествие в компании или одиночная экспедиция с ночными страхами.

Вообще-то в избушке спится хорошо, если мыши не шуршат. Только ночь уж больно длинная. Бревенчатый сруб кажется крепостью, и даже если за стеной слышатся чьи-то шаги — это не особо беспокоит. В окно ведь никто не ломится. Знаешь, что утром всё станет ясно. Так, одной зимней ночью на заповедном кордоне меня донимал бидон, повешенный на стену избы. Под порывами ветра он мягко шаркал об стену, а изнутри эти звуки воспринимались как чьи-то шаги. Понятно, что разобратся с природой звуков и «коварным» бидоном удалось только при свете дня.

Василий Анфимович КОЛБИН родился 9 августа 1961 года в селе Красный Бор Елабужского района Татарской АССР. Окончил биологический факультет Пермского государственного университета. Орнитолог. Кандидат биологических наук. Член Союза журналистов России (2012). Работает в заповеднике «Вишерский»: ведущий научный сотрудник. Автор более 100 публикаций на научные и научно-популярные темы. Публиковался в различных журналах, альманахе «Литературная Пермь». Автор и соавтор нескольких книг, посвящённых природе и животному миру Пермского края. Лауреат премии фонда Ф. Р. Штильмарка в номинациях «Книги о природе для детей» и «Достижения в науке» (2010). Член Союза писателей России (2013). Живёт в городе Красновишерске Пермского края.

Совсем другое дело — ночь в палатке. Полотняные стены не дают чувства защищённости. Здесь многое зависит от места. На Вишерском Урале летом мне спится хорошо. Летние ночи светлые. Медведи обычно скромные, ведут себя тихо, даже если и бродят неподалёку. Вот ночёвки в Приамурье в палатке почему-то последние годы спокойно не проходят. Темнота даже в июне наступает уже к десяти часам вечера, а серый рассвет приходит только к пяти утра. Можно с сожалением вспоминать молодые годы и крепкий безмятежный сон тех лет. Хотя под утро и тогда нередко приходилось просыпаться от кряканья уток и чавканья лося, кормящегося поблизости водяным орехом.

Сравнительно недавно, в 2003 году, я неделями ночевал один в палатке на излучине реки Нёры. И палатку ставил в лесу довольно далеко от берега, чтобы не натаскивать в жильё песок. В последующие годы, когда мне несколько раз посчастливилось сплавляться по реке Бурунде вместе с сотрудником Норского заповедника — Станиславом, я всё время удивлялся, почему он ставит свой «вигвам» на песке или на гальке, неподалёку от уреза воды, в явно некомфортных местах. А Слава неизменно отшучивался на мои вопросы, заявляя: «В лесу я бабу-ягу боюсь...»

В те же годы я несколько раз в одиночку сплавлялся по реке Нёре. Во многих местах спать мешали «козлы» — быки сибирской косули, которые значительную часть лета охраняют свою территорию, громко и басовито взлаивая. Однажды наглый «козёл» гарцевал прямо вокруг моей палатки, и грубые окрики с моей стороны прогоняли рогача совсем недалеко. Уснуть под «песнь козлов» проблематично, но хотя бы сердце остаётся спокойным. Другое дело, если спать мешает медведь.

Обширная галечная коса на одной из норских излучин возле устья Симушкиной протоки всегда привлекала меня как место стоянки во время сплавов. Но последняя ночёвка на ней запомнилась надолго. Когда я причалил здесь к берегу, в глаза сразу бросились свежие медвежьи следы. Наступал вечер, и я не особо встревожился близостью косолапого. В конце концов, попробуй найди такое место, где топтыгиных нет. Посидев у ночного костра и закончив традиционные вечерние записи в полевом дневнике, я забрался в палатку и благополучно заснул. Но спокойно проспать до утра не удалось — около двух часов ночи с треском рухнуло дерево неподалёку... Проснувшись, я быстро сообразил, что это медведь недвусмысленно показывает мне, кто на косе хозяин. Пришлось вылезать из палатки и разводить костёр. Ночь стояла тихая, безлунная. На мари, невзирая на темноту, выводил свои замысловатые песни любви самец индийской кукушки. Я бродил вокруг костра, подтаскивал дрова. Косолапый больше никак не проявлял себя. Вскоре мне вконец надоело смотреть на огонь, и я снова забрался в палатку. Костёр потихоньку угасал, а меня обволакивал сон... Но вдруг поблизости вновь затрещала и обрушилась на гальку очередная коряга. На этот раз я решил подождать с костром и не вылезать из своего матерчатого домика. Но не прошло и пяти минут, как свалилось ещё одно дерево. Тут уже я понял, что поспать не удастся, и снова развёл огонь. До утра мне пришлось скрашивать свою вынужденную вахту крепким чаем. А как только рассвело, я подкачал лодку и покинул косу с её беспокойным хозяином.

После этой ночёвки я ещё несколько раз нарывался на реках Нёра и Селемджá на медведей, которые шумели, прогоняя человека со своей территории. Известно, что одинокого путешественника хозяева тайги воспринимают как другого медведя, и если не удаётся проявить свою силу, как-то демонстрируя зверю своё превосходство, то покоя не будет. От последнего «ночного» медведя на Нёре я избавился, распылив в его сторону газ из баллончика против собак.

Не всегда медведи ограничиваются только запугиванием человека. В Сибири и на Камчатке ночёвки в палатке нередко заканчиваются трагически. Однако довольно о медведях.

Иногда в ночной сумрак вторгаются совсем загадочные звуки, они также не способствуют крепкому сну. Летом 2005 года я ночевал на границе леса возле хребта Ольховочный в Вишерском заповеднике. Сыпала морось. Молчали птицы. И вдруг с хребта стал доноситься звон колокольчика — этакое деревенского коровьего ботала. Кто мог бродить среди гольцов и звенеть? Дождь не утихал. Сгушались сумерки. А таинственный колокольчик позванивал не умолкая. Я подумал, что, возможно, это северный олень манси Бахтияровых. Но сразу вспомнилось, что олени у них уже совсем одичали и колокольчиков им давным-давно никто не привязывал. Тогда я решил, что это бродит дух северного оленя и звенит. Эта мысль почему-то сразу успокоила, и я благополучно заснул. Я до сих пор не знаю происхождения тех звуков. Ночью происходит много таинственного и далеко не всё можно объяснить. Я обычно не пытаюсь понять и рассмотреть всё неизвестное, с которым приходится сталкиваться в тёмное время суток, ибо, как говаривал Козьма Прутков, «нельзя объять необъятное».

Вообще, в таёжном одиночестве не рекомендуется, засыпая, представлять что-то страшное. Стоит на миг впустить в сознание какой-то «ужас лесной», как потусторонние образы полезут в голову один за другим. Этак недолго и до шизофрении докатиться. Хотя, конечно, всё зависит от степени впечатлительности каждого человека. Одни не боятся ничего, и опасность только шекочет нервы. Генерал Михаил Скобелев говорил: «Я думаю, что моя храбрость — не что иное, как страсть к опасности и в то же время презрение к ней. Риск, которому подвергается моя жизнь, наполняет меня неистовым восторгом. Чем меньше около меня способных разделить этот восторг, тем больше я его ценю. Участие моего тела выражается в этом случае тем, что оно сообщает мне соответствующее возбуждение. Вся духовная жизнь кажется мне только её отражением; встреча с врагом лицом к лицу, дуэль, опасность, в которую я могу броситься очертя голову, — всё это привлекает меня, возбуждает, опьяняет. Опасность сводит меня с ума, я влюблен в неё, я её обожаю. Я бегу за нею, как другие бегают за женщинами; я желал бы, чтобы она никогда не прекращалась...» Другие же люди, как мотки оголённых нервов, пребывают в постоянной тревоге и страхе, и такая изматывающая жизнь подпитывает их творчество. Перенесение своих страхов перед действительностью на бумагу было единственным способом как-то снизить стресс для писателя Франца Кафки, и он далеко не одинок.

Во время длительных одиночных странствий приходит осознание того, что ты такая же частица великого таёжного мира, как

лесная полёвка с коротким хвостом или сибирская рябина, гнушаясь под ветром. Так же, как и их, тебя мочит дождь, гнетёт холод, настигает дым от лесных пожаров. Ощущение принадлежности к окружающему космосу — природе — приносит покой и светлые сны. А уж если рядом появился крупный хищник или разгулялись стихии, то от тревоги никуда не деться, и это правильно. Естественная реакция на потенциальную опасность унаследована нами от предков, именно она позволила тысячам поколений людей выжить несмотря ни на что.

Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

выпуск 16–17

Редактор-составитель
Литературный редактор
Корректоры

Вёрстка

В. В. Якушев
А. С. Зеленин
С. Захарова,
В. Шibaева

С. Э. Неведомская

Подписано в печать 14.08.2015. Формат 70х100 1/16.

Гарнитура «Souvenir». Бумага ВХИ.

Заказ N 287. Тираж 200 экз.

Редакция альманаха «Литературная Пермь» и литературно-публицистической газеты «Пермский писатель» внимательно знакомится с письмами читателей. Каждая рукопись, присланная в адрес альманаха и газеты, принимается и рассматривается, при этом не возвращается и не рецензируется.

Указание Ф. И. О. авторов, паспортных данных, оперативных контактов и кратких сведений о себе — обязательно.

За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции альманаха «Литературная Пермь»
и газеты «Пермский писатель»:

614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30.

Пермская краевая общественная (профессиональная)
организация Союза писателей России.

Телефоны: 8 (342) 212 43 28, 212 14 97.

Факс 8 (342) 212 31 54.

E-mail: permsprossii@rambler.ru

Отпечатано ООО «Промстандарт» с готовых файлов заказчика
в ООО «ИПК "Астер"»

614064, г. Пермь, ул. Усольская, 15.

